СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XIX

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1954

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор
Б. А. Рыбаков

Зам. ответственного редактора
А. Л. Монгайт

Ответственный секретарь
Д. Б. Шелов

Члены редколлегии:
М. И. Артамонов, В. Д. Блаватский, А. Я. Брюсов, Н. Н. Воронин, М. М. Дьяконов, С. В. Киселев, Т. С. Пассек, А. Ю. Якубовский

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

П. П. ЕФИМЕНКО и И. Г. ШОВКОПЛЯС

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ НА УКРАИНЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В связи с празднованием 300-летия знаменательного исторического события — воссоединения Украины с Россией, редакция сборников «Советская археология» печатает обзор археологических исследований на Украине за годы после Великой Отечественной войны. Обзор составлен директором Института археологии Академии наук УССР действительным членом Академии наук УССР П. П. Ефименко и заместителем директора названного Института кандидатом исторических наук И. Г. Шовкоплясом.

Украинские советские археологи имеют большие заслуги в изучении древнейшего прошлого народов нашей страны, главным образом в изучении памятников эпохи палеолита, энеолита и бронзы, скифо-сарматской археологии, вопросов происхождения славян, истории древнерусских городов и античных государств Причерноморья. Во всех этих областях науки они работают в тесном содружестве с русскими учеными и учеными других Советских республик. Братская нерушимая дружба народов есть один из главных источников силы и могущества Советского государства. Совместная активная работа советских ученых разных национальностей является залогом успехов отечественной науки.

Редакционная коллегия

В 1954 году все народы нашей страны отмечают знаменательную историческую дату — 300-летие воссоединения Украины с Россией.

Исторический акт воссоединения навсегда закрепил братский союз двух великих народов и имел огромное прогрессивное значение для их дальнейшего политического, экономического и культурного развития.

Влияние передовой русской науки благотворно воздействовало на развитие науки украинского народа. Тесное содружество между учеными России и Украины имеет свои большие традиции и особенно усилилось в годы советской власти. Ярким примером такого содружества может служить совместная плодотворная деятельность ученых РСФСР и Украинской ССР по изучению археологических памятников территории Украины.

Территория Украинской ССР богата археологическими памятниками различных эпох, начиная с раннего палеолита.

Тысячи поселений и стоянок, курганов и могильников, включая сюда и вещественные остатки многочисленных исторически известных городов скифо-античного и славянского периодов, открытых археологами на Украине, являются только частью еще скрытых в земле археологических богатств. Ежегодно открываемые в большом числе все новые и новые археологические памятники, относящиеся к различным эпохам прошлого, являются убедительным свидетельством этому.

Археологические памятники Украины, наряду с памятниками других республик Советского Союза, имеют важное значение для понимания исторических судеб древних племен и народов всей Восточной Европы. В силу этого обстоятельства они рано привлекли внимание ученых нашей страны. Археологические исследования на Украине проводятся уже более 130 лет.

В настоящей статье мы остановимся на результатах археологических исследований на Украине, проведенных главным образом в послевоенные годы.

Краткий обзор археологических исследований начнем с памятников наиболее древней поры, с началом которой непосредственно связан вопрос о первоначальном заселении человеком территории нашей страны.

К наиболее ранней эпохе относятся такие стоянки, как Лука-Врублевецкая на Днестре (1946—1948 гг.)[1], Круглик (1946 г.)[2] и Ненасытец (1950 г.)[3] в днепровском Надпорожье, свидетельствующие о заселении территории современной Украины довольно ранними группами первобытных людей. При этом если Круглик и Ненасытец имеют прямые параллели в культурных остатках нижнего горизонта пещеры Киик-Коба в Крыму, то весьма архаический кремневый инвентарь Луки-Врублевецкой уводит нас в отдаленные времена раннего ашеля или позднего шелля.

Памятники более позднего времени, относящиеся к мустьерскому типу (их обычно связывают с периодом максимального оледенения европейской части территории СССР), открыты и изучены в целом ряде районов Украинской ССР. К ним прежде всего необходимо отнести интересное пещерное убежище в с. Ильинке под Одессой (1938—1941 и 1945—1946 гг.)[4] с огромным скоплением остатков пещерных медведей, образовавшимся в результате охоты на них первобытных обитателей пещеры — неандертальцев. Следы стойбищ мустьерской эпохи открыты также на Десне (Чулатов III, 1938 г.)[5], на Северном Донце в окрестностях Ворошиловграда (Деркул, 1924—1926, 1930 гг., Красный Яр, 1925—1936 гг., и др.)[6], на Днепре в окрестностях Днепропетровска (Кодак, 1934—1935 гг.)[7], по

---

[1] П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья. ВЛУ, № 2, 1948; его же. Древнепалеолитические местонахождения Среднего Поднестровья. СА, XI, 1949.

[2] В. Даниленко. Круглик — перша нижньопалеолітична пам'ятка УРСР. АП, т. II Київ, 1949.

[3] Исследования А. В. Бодянского.

[4] С. Н. Замятнин. О характере культурных остатков в пещере у с. Ильинки, Одесской области. Археологія, IV, Київ, 1950; А. В. Добровольський. Печера коло с. Іллінки, Одеської області. Археологія, IV, Київ, 1950; І. Г. Підоплічко. Розкопки палеолітичної стоянки Іллінка в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949.

[5] В. И. Громов. Палеолитическое и археологическое обоснование континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Труды Института геологических наук, вып. 64, М., 1948.

[6] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938.

[7] В. И. Громов. Ук. соч.

рекам Крынке и Миусу в Донбассе (1950—1952 гг.)[1], в бассейне Днестра (у г. Хотина, 1946—1947 гг.)[2] и в ряде других мест.

Упомянутые памятники, вместе с другими, ставшими известными за последние годы на территории СССР, позволяют поставить ряд общих вопросов, касающихся древнейшей истории человеческого общества, его производственной техники и культуры. Важнейшим из них является установление того факта, что, начиная уже с шелльской эпохи раннего палеолита, южные области Украины — Поднестровье, Нижнее Поднепровье и Приазовье, подобно Закавказью и другим южным территориям нашей страны, были заселены стадными группами первобытных людей с их примитивными формами охотничьего хозяйства и культуры.

Не менее важны результаты изучения позднепалеолитических памятников Украины. Их следует отнести к числу значительных достижений, которыми мы обязаны многочисленным специальным экспедициям, осуществленным Институтом археологии в тесном содружестве с Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР. Здесь археологами получено огромное количество фактических данных и ценных наблюдений, что в целом дает возможность довольно полно охарактеризовать общественные отношения, хозяйство, быт и культуру первобытных родовых коллективов, оставивших эти памятники.

Характерной особенностью памятников позднего палеолита является то обстоятельство, что они сосредоточены в большинстве случаев значительными группами на сравнительно небольших территориях по течению крупных рек или их притоков, там, где характер ландшафта и природные условия в целом,— главным же образом удобства охоты на крупных млекопитающих (мамонта, северного оленя, овцебыка, бизона, дикую лошадь и пр.),— создали особенно благоприятные условия для обитания человека.

Примером этому могут служить большие группы древних поселений на Десне в окрестностях Новгород-Северска, по берегам Днестра,например в районе Каменец-Подольска, на Днепре в зоне порогов, на Северном Донце в окрестностях Ворошиловграда и пр. Такие скопления памятников свидетельствуют также о значительном росте первобытного населения к концу ледникового периода, которое начинает накапливаться в благоприятно расположенных районах.

В настоящее время на территории Украинской ССР известно более 200 позднепалеолитических стоянок и отдельных местонахождений, среди которых можно назвать ряд относительно неплохо изученных памятников. К их числу следует отнести прежде всего стоянки на Десне (Пушкари I и другие у с. Пушкари, Чулатово I и II, Новгород-Северск и пр.), исследовавшиеся в течение ряда лет (1930—1940, 1945—1947 гг.)[3], многочисленные стоянки на Среднем Днестре (изучение их производилось в 1927—1931 и 1945—1952 гг.)[4] и в порожистой части Днепра (Осокоровка, Кайстровая балка, Дубовая балка, Ямбург и др., 1931—1932 и 1947 гг.)[5], на Северном Донце (Рогаликская группа, 1926—1936 гг.

---

[1] Исследования П. И. Борисковского.

[2] П. И. Борисковский. К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья.

[3] См. сборник «Палеоліт і неоліт України», т. I, Київ, 1947; В. И. Громов. Ук. соч.; М. Я. Рудинский. Пушкари, СА, IX, 1947.

[4] М. Рудинський. З матеріалів до вивчення передісторії Поділля. Антропологія, I, Київ, 1928; его же. З матеріалів Дністрянської експедиції 1945 р., АП, т. II, Київ, 1949; П. И. Борисковский. Ук. соч.

[5] В. И. Громов. Ук. соч.

и др.)[1], в Приазовье (Амвросиевка и ряд местонахождений по рр. Крынке и Миусу, 1935, 1940, 1949—1950, 1952 гг.)[2], на Южном Буге (Владимировка, 1939—1940, 1947—1948 гг.)[3], на р. Удай (Журавка, 1927—1929 гг.)[4] и многие другие

Одним из существенных результатов изучения позднепалеолитических поселений является открытие на них остатков жилищ долговременного типа, служивших убежищем для первобытных родовых общин преимущественно в холодное время года. Примером их может служить жилище

Рис. 1. Амвросиевка. Скопление костей зубров

Пушкаревской I стоянки на Десне, остатки которого были исследованы в 1937—1938 гг.[5] Размеры жилища и наличие в нем трех очагов позволяют считать его принадлежавшим сравнительно большой группе людей, которые вели общинное домашнее хозяйство. Подобные жилища превращали позднепалеолитические стойбища в прочно обжитые долговременные поселения. Следы этого рода жилищ в разное время были обнаружены также на ряде других позднепалеолитических стоянок Украины (Гонцы, Мезин, Кирилловская и др.).

Выдающимся памятником позднего палеолита Украины является Ам-

[1] П. П. Ефименко. Ук. соч.

[2] В. М. Евсеєв. Палеолітична стоянка Амвросієвка. Палеоліт і неоліт України, т. I, Київ, 1947; І. Г. Підоплічко. Викопні зубри на Україні. Журнал «Наука і життя», 1951, № 6; его же. О ледниковом периоде. Київ, 1951, вып. 2, стр. 225—226; П. И. Борисковский. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест. КСИИМК, XXXVII, 1951.

[3] А. П. Черныш. Новые исследования Владимирской палеолитической стоянки. КСИИМК, XXXI, 1950.

[4] М. Я. Рудинський. Журавка. Антропологія, III, Київ, 1930.

[5] П. И. Борисковский. Пушкаревское палеолитическое жилище. КСИИМК, VII, 1940.

вросиевская стоянка на р. Крынке в Донбассе, связанная со скоплением костей большого количества европейских бизонов (зубров) на склоне древней балки. Оно образовалось в результате загона этих животных первобытными охотниками, обитавшими на расположенной рядом стоянке, использовавшими для целей охоты обрывистую стену древней балки, пересекавшей степной водораздел (рис. 1 и 2).

* * *

Неолитическая эпоха в истории человеческого общества, как известно, характеризуется зарождением и укреплением производящего,— сначала, конечно, еще очень примитивного,— земледельческого и скотоводческого хозяйства, а также появлением на исторической сцене племен, легших в основу более поздних этнических образований. В этом плане значительный интерес представляет открытие и исследование большого количества неолитических памятников, главным образом в порожистой

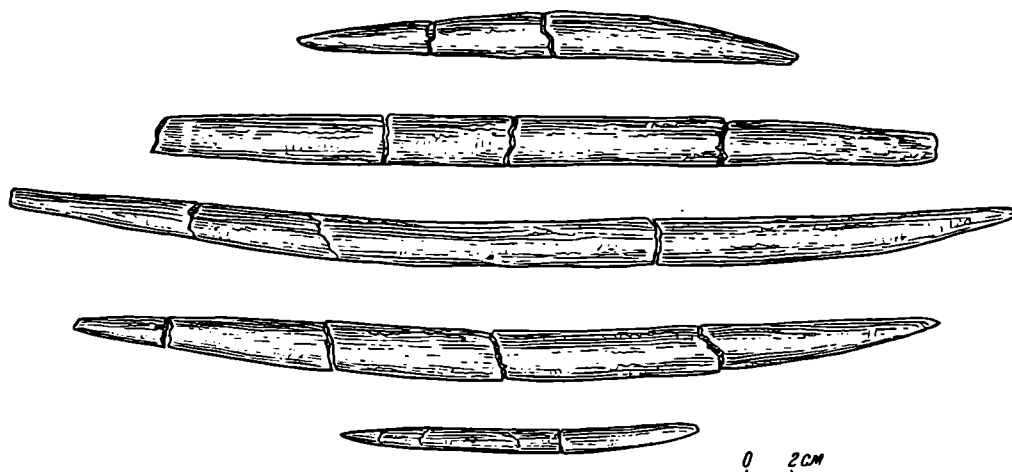


Рис. 2. Амвросиевка. Наконечники копий из кости

части Днепра (1927—1932, 1945—1952 гг.)[1], затем на р. Молочной севернее Мелитополя (1947 г.)[2] и в других районах УССР (Десна, Северный Донец, Волынь и др.)[3].

Неолитические памятники юга СССР , в частности территории Украины, имеют важное значение для понимания условий зарождения и развития неолитической культуры Европы.

Большой интерес представляет тот факт, что в свете открытий, сделанных на территории УССР, так называемая культура Маглемозе

[1] В. Н. Даниленко. До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини. Археологія, III, Київ, 1950; А. В. Добровольський. Звіт про археологічні досліди на території Дніпрельстану р. 1927. Збірник Дніпропетровського історико-краєзнавчого музею, т. I, Дніпропетровськ, 1929; его же. Восьма Ігренська неолітична стоянка. АП, т. II, Київ, 1949; М. Я. Рудинський. Стоянки з мікролітичним інвентарем на о. Кізлевому. АП, т. II, Київ, 1949; О. В. Бодянський. Неолітична стоянка на о. Шулаєвому. АП, т. II, Київ, 1949.

[2] В. Н. Даниленко. Приазовська експедиція 1947 р. АП, т. IV, Київ, 1952.

[3] М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, XXVI, 1949; І. Ф. Левицький. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 р., АП, т. IV, Київ, 1952; его же. Станція в ур. Піщаному біля Народичів. Антропологія, IV, Київ, 1931; Старовинності Ізюмщини, вып. 1—4, Ізюм, 1926—1930; Н. В. Сибилев. Эпипалеолит Изюмщины и его отношение к позднейшим культурам. СА, V, 1940.

южной Балтики, которую буржуазная археология рассматривает как наиболее передовую культуру самого раннего неолита Европы, в действительности оказывается культурой отсталых охотничье-рыболовческих племен Балтики. Отвечающие ей по времени ранненеолитические памятники УССР (типа поселения Сурского Острова, стоянки у Каменной Могилы и др.), относящиеся ко времени около 5—4 тыс. лет до н. э., принадлежат неолитическим племенам, которые уже вполне овладели искусством изготовления глиняной посуды, широко применяли технику шлифования для изготовления каменных топоров из местных кристаллических пород, чего еще не знали племена Маглемозе. Ранненеолитическому населению южной Украины были известны уже домашние животные (кабан, бык) и, видимо, начатки земледелия, о чем свидетельствуют находки на подобных стоянках днепровского Надпорожья характерных грубых каменных мотыг.

В более северной полосе Украины к этому времени относятся стоянки типа верхнего горизонта Миньевского Яра на Северном Донце[1], Песочного Рва на Десне[2] и других с «мезолитическим» (вернее, примитивно макролитическим) набором кремневых орудий труда.

Племена, оставившие более поздние неолитические памятники юга нашей страны, в частности территории УССР, намного опередили в своем хозяйственном развитии племена южной Балтики и Дании, памятники которых, известные под названием «кухонных куч», до сих пор расцениваются буржуазными археологами как древнейшая собственно неолитическая культура Европы. В действительности же эти памятники представляют собой уже очень позднюю культуру отсталых северных племен, хронологически соответствующих концу неолита и времени перехода к металлу на территории УССР.

Памятники позднего неолита на Украине теперь хорошо известны как в южных, степных вариантах (днепровское Надпорожье и др.), характеризующихся появлением плоскодонной глиняной посуды, так и в северных, лесостепных и лесных вариантах с типичными для них остродонными сосудами (стоянки бассейна Десны, Северного Донца и др.; рис. 3).

Памятники неолитической эпохи не ограничиваются только стоянками. К их числу следует отнести также ряд могильников и культовых мест, исследованных на Украине за последнее время.

Во время строительных работ в г. Жданове (Мариуполь) в 1931 г. был обнаружен огромный групповой могильник, получивший в науке широкую известность под названием «Мариупольского»[3]. В нем открыто 122 погребения, расположенные в несколько рядов, один поверх другого. В женских погребениях, отличавшихся обилием сопровождавших их находок, обнаружено большое количество различных украшений — фигурные пластинки, вырезанные из клыков дикого кабана, и раковины, очевидно нашивавшиеся на одежду и входившие в состав головного убора, бусы и подвески из кости, мрамора и других пород камня и пр.

Подобные могильники, относящиеся к неолитической эпохе и началу эпохи бронзы, в последние годы были открыты и изучены на берегах Днепра в районе Днепрогэса им. В. И. Ленина [у сел Вовниги[4] (рис. 4), Чапли[5] и др., 1950—1952 гг.].

---

[1] Исследования И. Ф. Левицкого и Д. Я. Телегина в 1950 г.

[2] М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на р. Десне. КСИИМК, XXV, 1950.

[3] М. Макаренко. Маріупільский могильник. Київ, 1933.

[4] Исследования М. Я. Рудинского и А. В. Бодянского.

[5] Исследования А. В. Добровольского.

Особое место на территории УССР занимает древний холм «Каменная Могила» на р. Молочной (у с. Терпенье Мелитопольского района), где были обнаружены наскальные рисунки. Памятник этот неоднократно изучался и сейчас исследуется одной из экспедиций Института археологии. Каменная Могила представляет собой естественный холм-останец в долине р. Молочной, одетый сверху и по склонам сплошным покровом из плит песчаника. Эти плиты образуют естественные гроты и навесы, которые посещались первобытным человеком, оставившим на их стенах и потолках различные рисунки. Выполненные главным образом резьбой, такие рисунки изображают животных (быки, кони, собаки и др.), реже —людей, а чаще всего какие-то сложные фигуры, содержание и смысл которых еще требуют истолкования (рис. 5). Изображения Каменной Могилы относятся, по мнению исследователей, в основном к неолитическому времени, а частично и к эпохе бронзы[1].

Одной из важнейших задач ближайшего времени, намеченных Институтом археологии, является составление карты основных племенных групп эпохи неолита на территории Украины и изучение характерных особенностей их хозяйства и культуры.

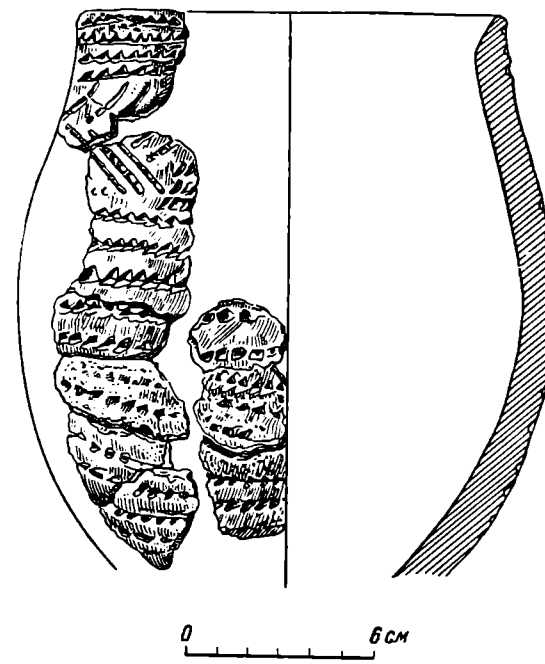


Рис. 3. Сосуд из неолитического поселения в Устье Оскола (Северный Донец)

* * *

Выдающихся успехов добились советские археологи в деле изучения памятников древнеземледельческих племен третьего — второго тысячелетия до нашей эры на Украине известных под названием трипольских. В сущности только теперь, в результате большой проделанной работы, вполне отчетливо начинают намечаться границы распространения этого типа памятников, изменения их характера во времени, а также основные черты хозяйства и культуры данной эпохи[2]. Теперь уже можно с полной определенностью говорить, что памятники трипольской культуры занимают значительную, но ясно очерченную территорию в юго-западной части нашей страны. На севере они доходят до верховьев правых притоков Припяти (Случь, Горынь, Стырь и др.), подходя к верхнему течению Западного Буга, а на юге они известны у берегов Черного моря, по низовьям Днестра, Южного Буга и Днепра. С востока их границей в основном являются Днепр, хотя отдельные поселения этого типа известны в настоящее время и на Левобережье Днепра, по рр. Десне,

---

[1] О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА, № 2, 1941; В. М. Даниленко. Про наскальні зображення Кам'яної Могили. Археологія, IV, Київ, 1950; М. Я. Рудинский. Каменная Могила. КСИА, вып. 1, Киев, 1952.

[2] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.

Остру, Супою и др. На юго-западе они доходят до Дуная, образуя естественный переход к близким к ним памятникам также земледельческих племен так называемой дунайской культуры, широко распространенным в бассейне Дуная и на севере Балканского полуострова.

Количество известных теперь памятников трипольской культуры на Украине настолько велико (несколько сот), что можно указать лишь на их основные группы на Киевщине, Житомирщине, в Побужье, Подолии, западных областях, в Буковине и ряде других районов УССР, расположенных между течением Днепра и предгорьями Карпат.

Из наиболее крупных достижений послевоенных лет следует отметить впервые открытые и исследованные поселения раннего Триполья на Днестре (Лука-Врублевецкая, 1945—1950 гг.[1]; Берново, 1951 г.)[2]; на Южном Буге (Сабатиновка II и Греновка, 1947—1948 гг.)[3]. Они дали возможность по-новому подойти к вопросу о происхождении и к изучению ранних этапов развития трипольских племен.

Начатые до войны исследования крупнейшего трипольского поселения в с. Владимировке на Кировоградщине были продолжены в послевоенные годы (1946—1947 гг.)[4]. Продолжались также исследования трипольского поселения Сабатиновка I на Южном Буге[5]. Ценные материалы дали раскопки позднетрипольских поселений на Житомирщине (Паволочь, 1947 г.)[6], в Киеве (Сырец, 1949 г.)[7] и под Киевом (Бортничи, 1949 г.[8] и Н. Безрадичи, 1949 г.)[9], на Винничине (Сандраки, 1949—1950 гг.[10] и Печора — 1948 г.[11]) и др. В последние годы начаты и успешно продолжаются исследования трипольских поселений на правом берегу Днестра в пределах Черновицкой области (Поливанов Яр, Ленковцы и др., 1948—1952 гг.)[12].

Остановимся кратко на характеристике отдельных памятников этой замечательной древней культуры.

Среди самых ранних памятников наибольший интерес представляет более полно исследованное поселение в с. Лука-Врублевецкая Каменец-Подольского района. Расположенное на невысокой террасе Днестра, поселение это состояло из ряда больших, продолговатых, несколько углубленных в землю жилищ (до 30 метров в длину, при ширине углубленной части около 2 метров), с рядом сложенных из камня очагов, расположенных на равном расстоянии друг от друга вдоль всего жилища (около 3 метров). В оставленных обитателями жилищах обнаружено чрезвычайно много

---

[1] С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга УССР. СА, XI, 1949; его же. Жилища раннеземледельческого поселения в Луке-Врублевецкой на Днестре. КСИИМК, XXXV, 1950; его же. Из работ в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, XLV, 1952.

[2] Исследования Т. С. Пассек.

[3] М. Л. Макаревич. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільскої культури. АП, т. IV, Київ, 1952.

[4] Т. С. Пассек. Ук. соч.

[5] А. В. Добровольський. Перше Сабатинівське поселення. АП, т. IV, Київ, 1952.

[6] М. Л. Макаревич. Трипільське поселення біля с. Паволочі. АП, т. IV, Київ, 1952.

[7] Исследования Ю. Н. Захарука.

[8] Исследования Т. А. Белановской и Н. П. Амбургер.

[9] Исследования И. В. Бондаря и И. М. Самойловского.

[10] Исследования Е. Ф. Лагодовской.

[11] Исследования М. И. Артамонова—см. Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 р., АП, т. IV, Київ, 1952.

[12] Т. С. Пассек. Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции. КСИИМК, XLV, 1952.

Рис. 4. Вовнигский могильник. Раскопки 1950 г.

Рис. 5. Каменная могила. Рисунок на одной из плит. Ок. $^1/_5$ нат. вел.

вещественных остатков — разнообразной глиняной лепной посуды, изделий из кости и камня, скульптурных изображений человека и животных, различных украшений из кости и раковин, костей животных и пр. Одних только скульптурных изображений человека было найдено свыше 250.

Материалы раскопок говорят о том, что обитатели поселения занимались земледелием и разведением домашнего скота. Охота, рыболовство и собирательство играли относительно второстепенную, но еще довольно важную роль. Находки отдельных предметов из меди (например, рыболовные крючки, украшения и пр.) свидетельствуют о знакомстве с металлом (самородной медью, которая подвергалась обработке в холодном виде — отковкой).

Углубленные в землю жилища типичны для раннетрипольских поселений. Однако на поселениях, расположенных в более высоких местах и не затапливаемых водой в половодья, появляются уже и глинобитные постройки (Греновка, Сабатиновка II).

Особенно хорошо изучены домостроительство, планировка и характер поселений среднего этапа Триполья. В качестве иллюстрации можно привести почти полностью раскопанное поселение в урочище Коломийщина I возле с. Халепье Обуховского района Киевской области (1935—1939 гг.)[1]. Поселение состояло из 39 наземных глинобитных жилищ, расположенных двумя концентрическими кругами. Таким способом достигалась замкнутость и, вероятно укрепленность поселения, центральная часть которого, свободная от построек, служила, видимо, местом для загона скота, являвшегося собственностью всего родового коллектива, обитавшего на поселении. Основанием жилищ, иногда довольно крупных размеров (площадью до 150 кв. метров), служил обожженный глиняный настил (площадка), а стены состояли из плетня, обмазанного глиной. Крыша была двускатной и поддерживалась столбами. Жилища часто были разделены на ряд отдельных помещений, причем в каждом из них находилась четырехугольная в плане глинобитная печь, основанием которой был плетеный каркас из лозы. Очевидно, в этих помещениях жили парные семьи большого родового коллектива, занимавшего все жилище.

Поселения развитого Триполья располагались обычно на высоких участках лессово-черноземного плато. В основе хозяйства их обитателей лежало, как и на раннем этапе, земледелие с возделыванием пшеницы, ячменя и проса. Наряду с земледелием постепенно развивается и скотоводство; охота, рыболовство и собирательство играли теперь только вспомогательную роль.

Аналогичным по устройству, но значительно более крупным оказалось поселение в с. Владимировке Подвысоцкого района Кировоградской области.

Прекрасно сделанная глиняная посуда, встречающаяся в большом количестве на всех поселениях трипольской культуры, обычно украшена красочной росписью или углубленными линиями (рис. 6). Находки на поселениях большого количества женских глиняных фигурок указывают на значение образа женщины в земледельческих обрядах трипольских племен и свидетельствуют о господстве у них матриархальных родовых отношений [2].

---

[1] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений.
[2] Т. С. Пассек. Ук. соч.

Поздние памятники трипольской культуры, такие, как Усатово под Одессой[1], Городск на Житомирщине[2] и подобные им, свидетельствуют о крупных изменениях, происшедших в хозяйстве и общественной жизни трипольских племен к началу второго тысячелетия до нашей эры, когда на первый план выступает скотоводство.

Раскопки курганных погребений в окрестностях Усатовского поселения указывают на выделение родовой верхушки и начало имущественного расслоения у позднетрипольских племен Причерноморья уже в раннюю пору эпохи бронзы.

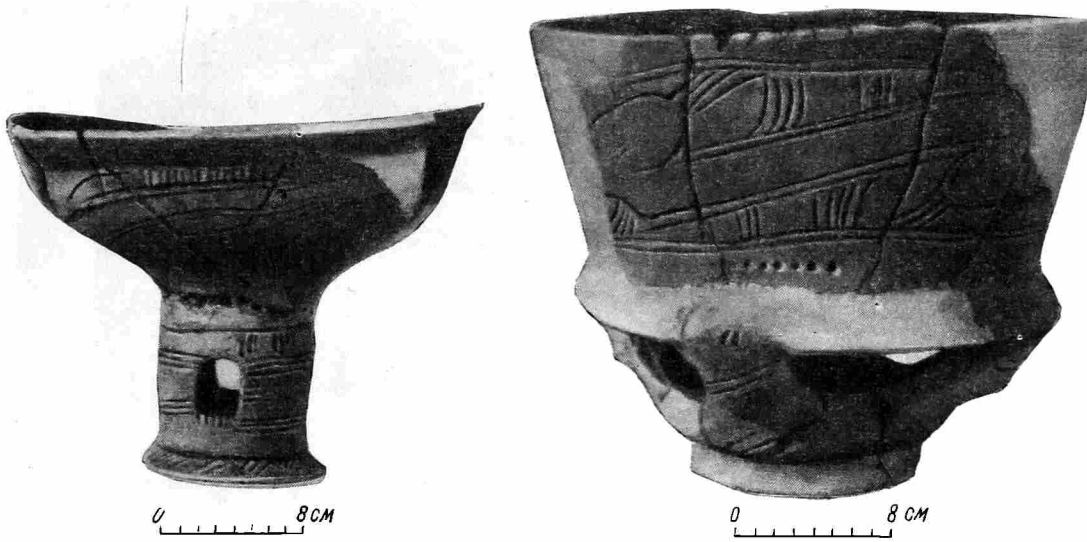


Рис. 6. Сосуды из раннетрипольского поселения Греновка

Большое внимание привлекли к себе недавно открытые под Киевом могильники, предметы из которых близки по характеру позднетрипольским. Они относятся к пастушеским племенам, населявшим в эпоху ранней бронзы (первая четверть второго тысячелетия до нашей эры) долину Днепра выше и ниже Киева. Оригинальные по своему устройству могильники с остатками трупосожжений сопровождаются большим количеством глиняной посуды, разнообразного оружия в виде каменных боевых топориков, обычных топоров из кремня и металла (медь), кинжалов и ножей из того же материала, кремневых наконечников стрел и иного инвентаря и украшений.

Такие некрополи открыты у с. Софиевки Бориспольского района (1948 г.)[3], у с. Чернин (рис. 7) Выше-Дубечанского района (1950 г.)[4] и у хут. Красного возле Дарницы (1951 г.)[5].

---

[1] О. Ф. Лагодовська. Усатівська експедиція 1946 р., АП, т. II, Київ, 1949; ее же. Усатівська експедиція 1948 р. АП, т. IV, Київ, 1952; ее же. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой, СА, V, 1940; ее же. Проблема Усатівської культури. Наукові записки Інституту історії і археології України, т. I, Уфа, 1943; ее же. Розкопки Усатівського кургана № 11. Наукові записки Інституту історії і археології України, т. II. Київ, 1946.

[2] Е. Ю. Кричевський. Поселення в Городську. Трипільська культура, т. I. Київ, 1940; В. П. Петров. Поселення в Городську. Трипільська культура, т. I. Київ, 1940.

[3] Ю. М. Захарук. Софіївський тілопальний могильник. АП, т. IV, Київ, 1952.

[4] Исследования В. И. Каневца.

[5] Исследования В. Н. Даниленко и М. Л. Макаревича.

У хут. Красного на небольшом песчаном холме было сосредоточено около 180 погребений с остатками сожжения, как в урнах, так и помещенных просто в небольших углублениях в грунте (рис. 8 и 9). Тесная сближенность захоронений, ограниченность площади, занятой ими, и правильность ее очертаний дают основание думать, что подобные могильники были заключены внутри какого-то сооружения. Однородность материала дает возможность полагать, что могильники принадлежали определенному роду и существовали сравнительно непродолжительное время.

Рис. 7. Могильник у с. Чернин

Поселения той же эпохи были открыты в разных местах по обоим берегам Днепра в районе Киева. Они освещают быт воинственных пастушеских племен среднего Поднепровья времени позднего Триполья.

Переходя к описанию памятников собственно эпохи бронзы, исследование которых раньше началось на Левобережье УССР, следует указать, что в изучении главным образом погребальных сооружений — курганов многое было сделано еще в начале XX в. В. А. Городцовым[1], когда он создал их классификацию.

В настоящее время собран большой дополнительный археологический материал, подтвердивший правильность их хронологической группировки. Исследованиями советских археологов установлено, что памятники так называемой «ямной» культуры оставлены первыми пастушескими племенами степи, «катакомбной» — племенами с развитым скотоводческим хозяйством и зачатками земледелия и «срубной» — в основном земледельческими, сменявшими в течение времени одни других на обширных степных и лесостепных пространствах Левобережья УССР.

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. в 1910 г. Труды XII АС, т. I; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. в 1903 г. Труды XIII АС, т. I.

Особенно большое число поселений и могильников этой эпохи открыто и исследовано в порожистой части Днепра как в годы строительства Днепрогэса (1927—1933 гг.), так и в первые годы после Великой Отечественной войны (1945—1946 гг.)[1].

Исследование памятников эпохи бронзы проводилось и в ряде других районов УССР [могильники и поселения в районе Никополя, 1920—1930-е гг.[2]; поселения среднеднепровской культуры по р. Роси, 1945 г.[3]; мегалитические памятники на Житомирщине (Войцеховка, 1949 г.[4]); по-

Рис. 8. Могильник у хутора Красного

селения на Северном Донце, 1949—1950 гг [5]; могильники в районе новостроек на Днепре[6], Молочной[7] и Ингульце[8], 1951—1952 гг и др.].

[1] А. В. Добровольський. Кам'яні споруждення в Надпоріжжі. АП, т. II, Київ, 1949; его же. Матеріалидо археологічної карти Дніпровського Надпоріжжя в межах Запорізької області. Археология, VII, Київ, 1952; его же. Кам'яні закладки в околицях Таволжаного острова. АП, т. II, Київ, 1949; О. Ф. Лагодовська. Кам'яні закладки Надпоріжжя. АП, т. II, Київ, 1949.

[2] Т. Кіранов. Короткий огляд археологічних робіт, переведених на Криворіжжі. Вісник Одеської комісії краезнавства при АН УРСР, ч. 4—5, Секція археологічна, Одеса, 1930; Б. Н. Граков. Археологические раскопки близ Никополя. ВДИ, № 1, 1939; Л. Д. Дмитров. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935—1936 рр. Археологія, III, Київ, 1950.

[3] Т. С. Пассек. Пороська археологічна експедиція 1945. АП, т. II, Київ, 1949.

[4] Исследования Е. Ф. Лагодовской в 1949 г. О. Ф. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзового віку на Волині. Археологія, II, Київ, 1948.

[5] Исследование И. Ф. Левицкого и Д. Я. Телегина.

[6] А. В. Добровольский. Археологические исследования на территории строительства Каховской ГЭС в 1951 г. КСИА, вып. 1, Киев, 1952.

[7] А. И. Тереножкин. Археологические исследования 1951 г. на строительстве Молочанского водохранилища. КСИА, вып. 1, Киев, 1952.

[8] Исследования Л. М. Славина и др.

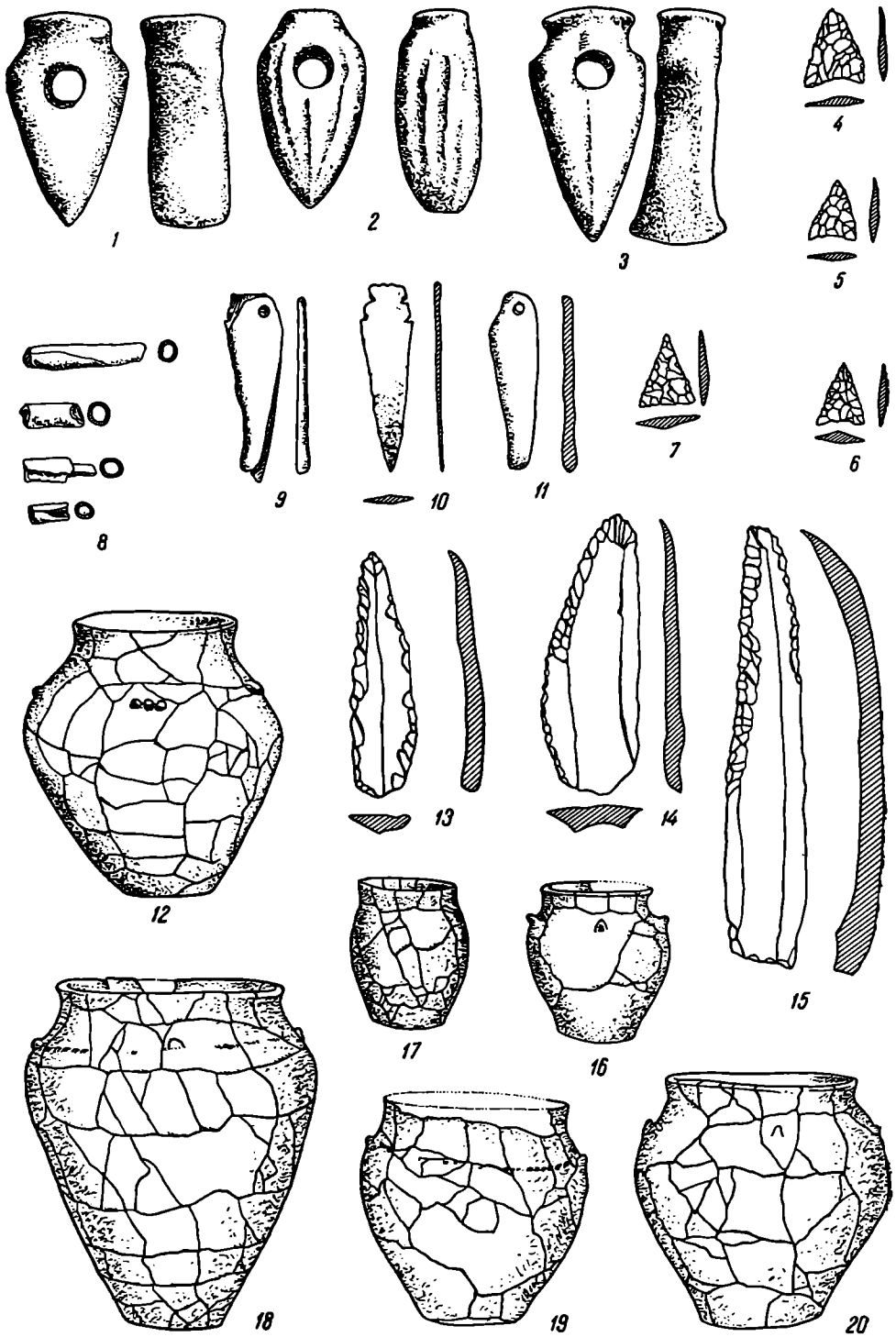


Рис. 9. Инвентарь из погребений могильника у хутора Красного

1—3 — боевые топоры (1/8 нат. вел.); *4—7* — наконечники стрел (1/2 нат. вел.); *8* — медные бусы и пронизи (нат. вел.); *9—11* — медные кинжалы (1/8 нат. вел.); *12* — глинистый сосуд (1/8 нат. вел.); *13—15* — ножевидные пластины (1/2 нат. вел.); *16—20* — глиняные сосуды (1/8 нат. вел.)

К этому же времени относится ряд опубликованных кладов изделий из бронзы, являющихся свидетельством зарождающегося ремесла и меновых отношений [1]. Изучение вещественных остатков этой эпохи имеет важное значение, так как в это время складываются крупные этнические образования, в частности, несомненно, уже формируются отдельные семьи языков индоевропейского строя, начинается процесс имущественного расслоения, возникают племенные союзы, а на некоторых территориях и первые государственные образования.

Однако, несмотря на наличие довольно большого числа раскопанных памятников эпохи бронзы, главным образом курганов, эта эпоха остается еще слабо освещенной, что объясняется прежде всего крайне неравномерным распределением исследованных памятников. Многие районы УССР в этом отношении представляют собой и на сегодня еще белые пятна. Изучение этого рода памятников на территории УССР должно стать важнейшей задачей советской археологии в ближайшее время. Работы на юге Украинской ССР — по рекам Днепру, Молочной и Ингульцу являются существенным шагом к решению этой задачи. Уже в 1951 г. большое число могильников и поселений времени, главным образом, так называемых «ямной» и «катакомбной» культур были исследованы на р. Молочной (села Ново-Филипповка, Троицкое, Долиновка), затем на Днепре (села Кут, Грушевка, Осокоровка, хут. Хмельницкий) и Ингульце (села Афанасьевка, Снигиревка, Ново-Кондаково и др.)[2].

Эти исследования, имеющие важное значение для истории степных племен Северного Причерноморья в эпоху бронзы, будут продолжаться и расширяться в течение ряда ближайших лет.

В изучении памятников эпохи бронзы на территории УССР, особенно на Правобережье, существенное значение имеет вопрос о характере исторических связей, устанавливающихся около середины второго тысячелетия до нашей эры, этих областей с Кавказом, Балканами, Восточным Средиземноморьем и Средней Европой, а также с другими районами европейской территории СССР.

В послевоенные годы Институтом археологии Академии наук УССР широко развернуты работы по систематическому изучению памятников, относящихся ко времени поздней бронзы и раннего железа, т. е. памятников конца второго тысячелетия — первых веков первого тысячелетия до нашей эры. Они имеют особенное значение для изучения происхождения тех исторических образований, тех культур и племен, из которых на протяжении последующих столетий образуются восточнославянские племена, известные в истории под именем антов.

Вместе с тем памятники поздней бронзы, которые в степной полосе УССР вполне законно связываются с историческими предшественниками скифов — загадочными еще племенами киммерийцев, имеют не меньшее значение для решения проблемы происхождения и этнической принадлежности различных племен скифского времени.

В связи с этим Институтом археологии Академии наук УССР в 1951 г. были организованы раскопки поселений и могильников на территории западных областей УССР (с. Высоцк Львовской области[3], села Зимно и Млынище в окрестностях Владимира-Волынского[4]), относящихся

[1] А. В. Добровольський. Бериславський скарб бронзової доби. Археологія, II, Київ, 1948.

[2] Предварительные итоги исследований см. И. Г. Шовкопляс. Археологічні дослідження на території Південно-Українських новобудов. Вісник АН УРСР, № 3, 1952.

[3] Исследования В. И. Каневца.

[4] Исследования Ю. Н. Захарука.

к кругу памятников так называемых высоцкой и лужицкой культур (рис. 10), которые советские и польские археологи ставят в прямую связь с историей славянских племен в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

За последние годы Институтом осуществляется систематическое изучение остатков поселений и могильников земледельческих племен конца бронзы и начала железного века на широкой территории Правобережья, от среднего течения Днестра на западе до окрестностей Киева на востоке.

Такие памятники на Днестре представлены рядом поселений: Лука-Врублевецкая (1951 г.)[1], Ленковцы (1950 г.)[2] и др., а также курганами (рис. 11) с каменными насыпями и групповыми захоронениями (Лука-Врублевецкая, 1947—1951 гг.)[3]. Дальше на восток они известны в виде Житомирской группы поселений (Ворошиловка, 1945 и 1951 гг.)[4] и так называемых зольников конца эпохи бронзы в окрестностях Умани (Белогрудовка, 1949 г.[5] и Собковка, 1951—1952 гг.[6]), объяснение которых, как в смысле их бытового значения, так и их исторического места, было получено только в результате последних исследований.

К тому же типу и тому же времени (переходному к скифскому) относится и Тясминско-чернолесская группа памятников, представленных как поселениями (Жаботин, 1950—1951 гг[7]), так и небольшими городищами (Залевки, 1946 г.[8] и Черный Лес, 1949—1952 гг.[9]). На востоке памятники того же характера известны сейчас по Днепру и Десне в виде поселений и могильников с остатками трупосожжений (Бобрицы, Бортничи, Вишенки, Погребы и др., 1949—1952 гг.)[10].

Перечисленные выше памятники предскифского времени Правобережья УССР, их открытие и научное истолкование имеют большое значение и существенно меняют сложившиеся представления о происхождении оседлых племен скифского времени.

На Левобережье УССР раннескифское время хорошо представлено памятниками в виде больших зольников в окрестностях Полтавы (Мачеха, 1923—1929, 1946 гг.[11] и Пожарная балка, 1949 г.[12]), прямо продолжающих, как это выясняется сейчас, традиции культуры правобережных (уманских) зольников эпохи поздней бронзы.

---

[1] Исследования И. Г. Шовкопляса.

[2] Исследования А. И. Мелюковой.

[3] І. Г. Шовкопляс. Курганний могильник передскіфського часу на середньому Дністрі. АП, т. IV, Київ, 1952; І. Г. Шовкопляс і Є. В. Максимов. Дослідження курганного могильника передскіфського часу на середньому Дністрі. Археологія, VII, Київ, 1952.

[4] Е. В. Махно. Дві пам'ятки бронзової доби в басейні р. Тетерева. АП, т. II, Київ, 1949.

[5] О. І. Тереножкин. Поселення Білогрудівського типу біля Умані. Археологія, т. V, Київ, 1951.

[6] С. С. Березанская и Г. Т. Титенко. Поселения предскифского времени в с. Собковка, Киевской области. КСИА, вып. 1, Киев, 1952.

[7] М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин Кировоградской обл. КСИА, вып. 1, Киев, 1952.

[8] П. Н. Третьяков. Днепровская экспедиция. КСИИМК, XXI, 1947; его же. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні рр. Росі і Тясмина. АП, т. I, Київ, 1949.

[9] А. И. Тереножкин. Поселения и городище в бассейне р. Тясмина. КСИИМК, XLIII, 1952.

[10] Исследования экспедиции «Большой Киев» под руководством П. П. Ефименко.

[11] М. Рудинський. Археологічні збірки Полтавського музею. Полтава, 1928; его же. Мачухська експедиція Інституту археології (1946). АП, т. II, Київ, 1949.

[12] И. И. Ляпушкин. Поселение скифского времени близ деревни Пожарная Балка Полтавской обл., КСИИМК, XXXVII, 1951.

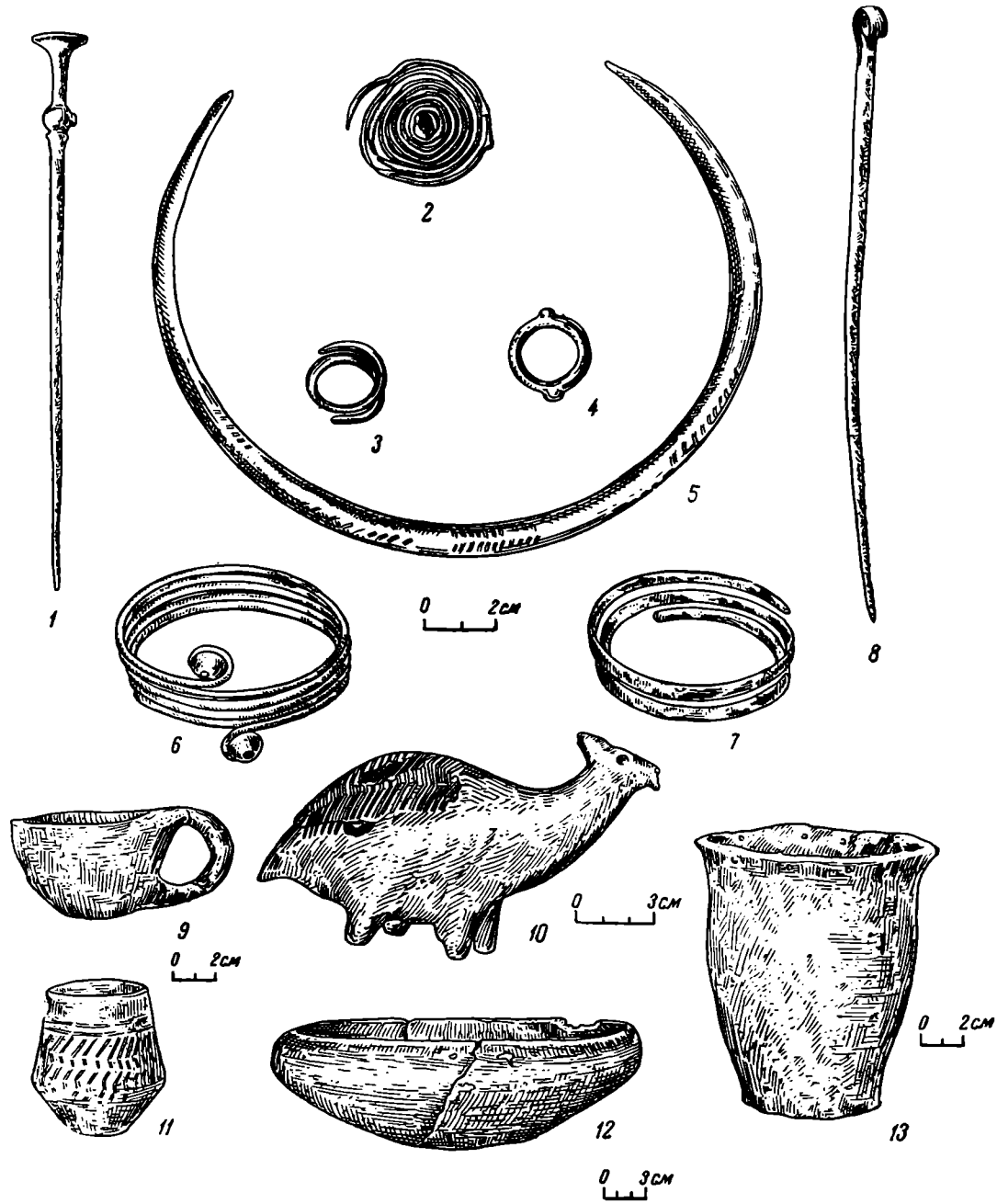


Рис. 10. Инвентарь из погребений Высоцкого могильника

В степной части УССР обнаружен и исследован ряд памятников конца эпохи бронзы, которые здесь могут быть названы киммерийскими. Главным образом, это поселения, на которых в строительстве, помимо дерева и глины, широко применялся камень (Змеевка[1], Сабатиновка I[2], Волошское[3] и др.).

---

[1] Исследования А. В. Буракова в 1951—1952 гг.

[2] А. В. Добровольський. Перше Сабатинівське поселення. АП, т. II, Київ, 1952.

[3] Ю. В. Бодянський. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр. АП, т. IV, Київ, 1952.

* * *

В области изучения памятников скифского времени на территории Украины также достигнуты довольно значительные успехи. Особое внимание было уделено изучению поселений и многочисленных городищ. За последние годы обследованию были подвергнуты поселения и городища лесостепной и степной полос УССР, на ряде которых были проведены значительные раскопки, позволяющие теперь составить определенное представление о характере бытовавших у оседлых земледельческих племен скифского времени в лесостепной полосе как наземных, так и углубленных в землю жилищ, очевидно, более удобных для холодного зимнего времени. Интересны найденные в них куски сильно обожженной печины, иногда со следами цветной узорчатой росписи, как, например, в Жаботине[1].

Рис. 11. Курганный могильник предскифского времени в с. Лука-Врублевецкая. Сосуд из погребения с трупосожжением

Хорошо изучена система оборонительных сооружений городищ (Шарповское, Немировское, Пастырское, Матронивское, Бельское, Басовское, Каменское и другие). Для значительного их большинства характерна планировка, при которой собственно место поселения занимает лишь незначительную часть защищенной валами огромной площади городища.

Очень интересными оказались результаты раскопок на Каменском городище (V—II вв. до н. э.) близ Никополя, проводившиеся в течение ряда лет (1937—1940, 1945—1952 гг.) объединенной экспедицией Института истории материальной культуры Академии Наук СССР и Института археологии Академии наук УССР[2]. Городище было хорошо укреплено валом и занимало площадь в 12 кв. километров. На нем открыты остатки многочисленных наземных жилищ, иногда с подвальными помещениями, а также остатки ремесленных мастерских по обработке железа и меди. Бытовые находки и хозяйственный инвентарь указывают, что обитатели городища, кроме ремесла, занимались скотоводством, охотой и рыболовством. Городище служило ремесленным центром значительной части степных скифских племен.

Исследования хорошо сохранившегося Шарповского городища на Кировоградщине (1938—1940 гг., 1945—1947 гг.), площадью около 16 га, также дали ряд важных наблюдений в отношении хозяйства и быта его обитателей. Особенно интересной оказалась техника устройства его мощных

[1] Исследования М. И. Вязьмитиной и Е. Ф. Покровской в 1950—1951 гг.

[2] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. КСИИМК, XIII, 1946; его же. Інформаційний звіт Нікопольської археологічної експедиції за 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949; его же. О работе Степной скифской экспедиции. КСИИМК, XXXVII, 1951.

оборонительных валов, основу которых составляли своеобразные глинобитные конструкции, обожженные до состояния кирпича. Городище находилось у места пересечения речных торговых путей, и его население состояло в тесных торговых связях с греческими городами Северного Причерноморья, о чем свидетельствуют найденные на городище и в принадлежащих ему могильниках многочисленные привозные предметы, главным образом, ольвийского происхождения[1].

Не менее важными являются результаты раскопок Немировского[2], Гомольшанского[3], Басовского[4] и других городищ. Все они занимали огромные пространства, предназначавшиеся не только для большого количества населения, но и для выпаса скота и посевов, и были защищены мощными валами (до 9 метров высотой) и глубокими рвами.

Значительный интерес представляет также исследованное в 1938—1939 гг. городище IV—III вв. до н. э. у с. Варваровки, в окрестностях Николаева[5]. На нем открыт ряд глубоких колоколообразных землянок с очагами и дымоходами; эти землянки в отдельных случаях соединялись между собой подземными ходами. По находкам это городище сближается с Каменским городищем нижнего Днепра.

В районе Никополя в 1920—1930-х и 1945—1947 гг. проведены раскопки большого количества курганных групп VI—III вв. до н. э. с различным обрядом погребений, часто в виде больших подземных камер с особыми выходами, и многочисленным инвентарем, среди которого имеются привозные чернолаковые греческие сосуды и амфоры[6].

Много скифских курганов исследовано в районе новостроек на Днепре и Молочной в 1951—1952 гг. В некоторых из них найден большой и разнообразный инвентарь и изделия из драгоценных металлов[7] (рис. 12).

В 1950 г. у с. Глевахи близ города Василькова раскопан огромный курган скифского времени (VI в. до н. э.) с погребением вождя в монументальном деревянном склепе, подвергшемся последующему сожжению[8] (рис. 13).

В исследовательском плане Института археологии в последние годы, как указывалось выше, значительное место занимают проблема происхождения племен так называемой «Скифии» Геродота и, в связи с этим, выяснение локальных признаков и особенностей основных групп памятников раннего железного века на территории УССР.

Необходима дальнейшая углубленная разработка исторически важной проблемы этнического состава племен, населявших территорию УССР

---

[1] І. В. Фабриціус. Тясминська експедиція. АП, т. II, Київ, 1949; его же. Тясминська експедиція, 1947 р. АП, т. IV, Київ, 1952.

[2] М. И. Артамонов. Археологические исследования в Подолии. ВЛУ, 1947, № 12; его же. Археологические исследования в Южной Подолии в 1948 г. ВЛУ, 1948, № 11; его же. Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 р. АП, т. IV, Київ, 1952.

[3] Исследования С. А. Семенова-Зусера в 1949—1950 гг.

[4] В. А. Іллінська. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі (1946). АП, т. II, Київ, 1949; ее же. Верхньосульська експедиція 1947 р. АП, т. IV, Київ, 1952.

[5] П. Н. Шульц. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. КСИИМК, VI, 1940.

[6] Б. Н. Граков. Археологические раскопки близ Никополя. ВДИ, 1939, № 1; его же. Никопольская экспедиция. КСИИМК, XXI, 1947; его же. Інформаційний звіт Нікопольської археологічної експедиції за 1946 р. АП, т. II, Київ. 1949.

[7] Исследования Д. Т. Березовца и В. А. Ильинской.

[8] Исследования А. И. Тереножкина.

в скифское время. Нужно сказать, что в этом направлении уже сейчас достигнуты определенные успехи.

В период господства кочевых скифских племен в степях Причерноморья на среднем Днепре и нижней Десне в V—IV вв. до н. э. обитали племена, оставившие памятники, отличавшиеся от скифских, типа поселения в с. Подгорцы Обуховского района Киевской области[1]. Особенностью

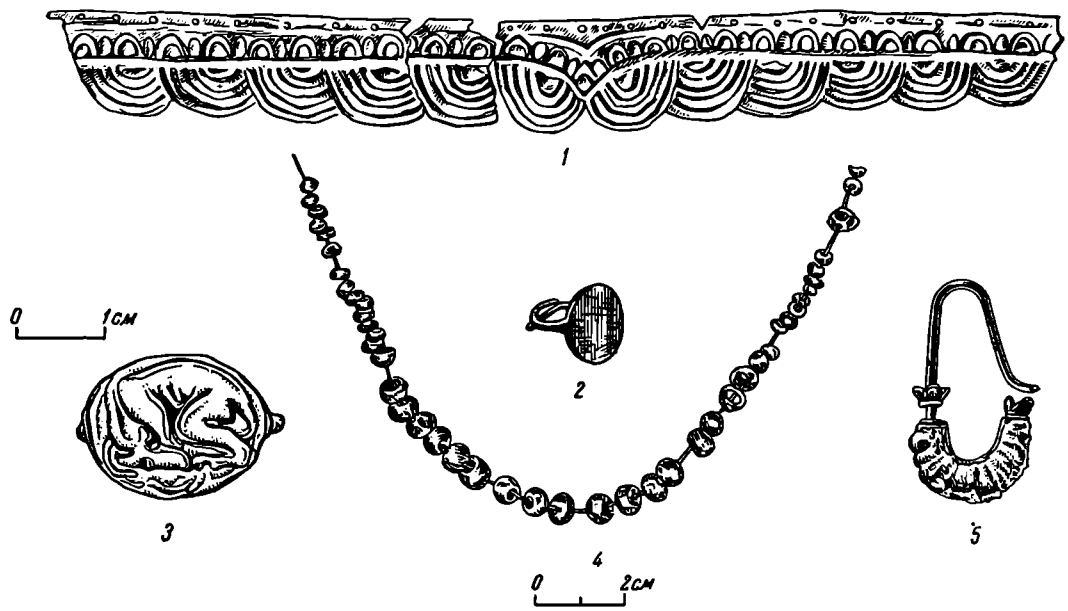


Рис. 12. Украшения из скифских погребений на Нижнем Днепре
1, 2, 4, 5 — ½ н. в.; *3*—н. в.; *1 — 3,5* — золото

этих памятников, непосредственно предшествующих здесь раннеславянским памятникам культуры полей погребений корчеватовско-зарубинецкого типа, является то, что в их инвентаре, в частности, в характерных металлических украшениях, определенно выражены черты и особенности культуры среднерусской территории, так называемых западных дьяковских племен. Таким образом, исследование памятников подгорцевского типа очень важно для решения проблемы происхождения восточных славян.

До последних лет, вплоть до начала археологических работ на территории новостроек на юге УССР, исследование памятников сарматских племен, занимавших степные пространства Приазовья и нижнего Поднепровья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры, по существу, почти не проводилось. Поэтому, несмотря на хорошую изученность сарматских памятников на нижней Волге, Дону и Кубани, на территории УССР они были почти неизвестны. Только работами на территории новостроек (1950—1952 гг.) на Днепре и Молочной началось широкое изучение памятников культуры кочевых сарматских племен, прежде всего курганных могильников.

Один из них, относящийся к первым столетиям нашей эры, был открыт у с. Усть-Каменка Апостоловского района Днепропетровской области[2]. При раскопках погребений обнаружено большое количество различных

[1] Исследования В. Н. Даниленко в 1950 г.
[2] Исследования Е. В. Махно в 1951 г.

предметов: местной лепной и привозной посуды, сделанной на гончарном круге, изделий из бронзы и железа (ножи, кинжалы, наконечники стрел, пряжки, браслеты, зеркала, различные украшения), остатки лука с колчаном, деревянные сосуды и пр.

Другой крупный сарматский курганный могильник, несколько более раннего времени, был обнаружен и начат исследованиями на р. Молочной (1950—1952 гг.) у с. Ново-Филипповки, севернее Мелитополя [1] (рис. 14).

Наличие в долине р. Молочной большого числа могильников и, видимо, остатков зимних стойбищ указывает на то, что эта территория была густо заселена сарматами. Возможно, что где-то здесь в первые века нашей эры находился и политический центр сарматских племен, заселявших территорию Приазовья. Изучение сарматских памятников в настоящее время продолжается археологами Москвы и Киева в долине р. Молочной и в зоне строительства Каховской ГЭС на нижнем Днепре.

Рис. 13. Сосуд из погребального склепа кургана VI в. до н. э. у г. Василькова

* * *

На территории юга УССР находятся остатки нескольких древнегреческих поселений и городов — Ольвии, Тиры, Березани и др. Исследованию их было уделено значительное внимание в течение всего советского периода. Особенно это касается Ольвии, исследования которой, начатые еще задолго до революции, систематически продолжаются до настоящего времени большим коллективом археологов Ленинграда, Киева, Одессы и других городов нашей страны.

Исследованиями установлено, что Ольвия существовала от VI в. до н. э. до V в н. э. Ее история тесно переплетается с историей окружавшего ее местного населения.

Освещение этих взаимоотношений является одной из основных задач исследований в Ольвии.

В результате многочисленных раскопок на территории самой Ольвии открыто много каменных зданий, мощенных камнем дворов, площадей и улиц, оборонительных стен и других объектов в верхней и нижней частях города, относящихся к различным периодам его существования (рис. 15 и 16).

Эти открытия дают возможность изучить планировку города и отдельных его жилых, хозяйственных и общественных зданий, технику строи-

[1] Исследования М. И. Вязьмитиной и др.

тельства зданий и оборонительных сооружений, городское благоустройство и другие стороны жизни города.

Большой интерес представляют обнаруженные здесь ремесленные мастерские — гончарные, литейные и др., дающие представление о высокоразвитом ремесленном производстве в Ольвии, продукция которого широко распространялась среди местного населения Северного Причерноморья[1].

С 1946 г. начались исследования античного города Тиры, остатки которого находятся в г. Белгороде-Днестровском, на берегу Днестровского

Рис. 14. Сарматское погребение в долине р. Молочной

лимана. Город этот основан в VI в. до н. э. и с тех пор существует до настоящего времени.

Три мощных слоя — античной Тиры, славянского Белгорода и средневекового Аккермана, залегая один над другим, дают возможность восстановить многовековую историю города и делают Белгород-Днестровский важнейшим историческим памятником всесоюзного значения.

В результате раскопок древнего города Тиры открыты остатки большого количества каменных жилых и хозяйственных зданий, мостовых, уличные водостоки и др. (рис. 17), а также собрано большое количество вещественных находок — глиняной посуды, изделий из железа, медных

[1] Ольвия, т. I, Киев, 1940; Л. М. Славін. Розкопки в Ольвії в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949; его же. Наслідки археологічних досліджень Ольвійської експедиції в 1947—1948 рр. АП, т. IV, Київ, 1952; Т. Н. Книпович. Ольвийская экспедиция. КСИИМК, XXVII; ее же. Основные итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, XXXV, 1950; Е. И. Леви. Итоги Ольвийской экспедиции. КСИИМК, XXXVII, 1951.

и бронзовых монет и др., датирующих все эти городские комплексы временем первых веков нашей эры и последующими эпохами[1].

Значительные исследования античного поселения ранней поры проведены были также на острове Березани (1927—1931, 1946 гг.), явившемся первым опорным пунктом греческой колонизации в данной части Северного Причерноморья. Особый интерес представляет открытие на этом острове славянского культурного слоя эпохи Киевской Руси, раскрывающего значение Березани как промежуточного пункта в сношениях днепровских славян с Византией[2].

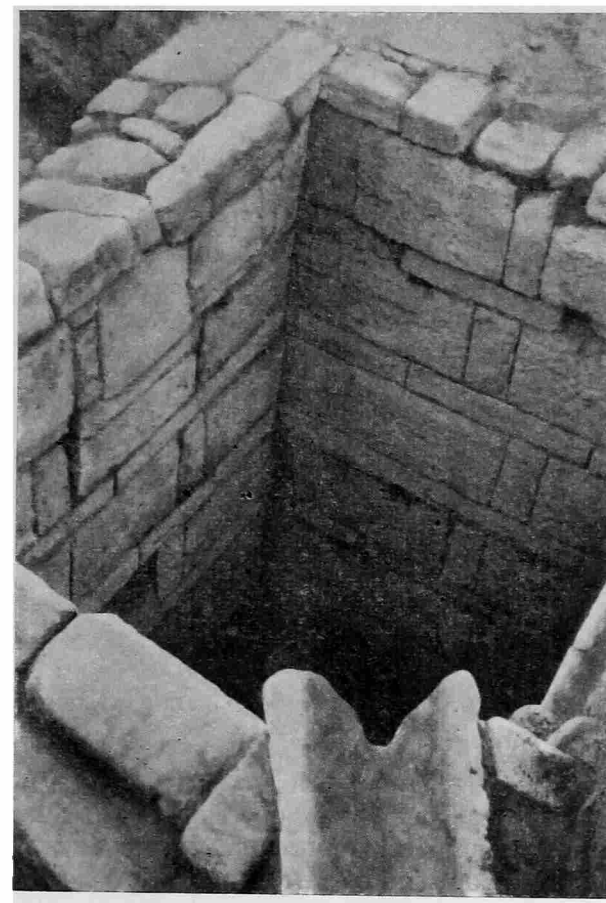


Рис. 15. Ольвия. Водоем эллинистического времени

В связи с изучением Ольвии в послевоенные годы предприняты работы по археологическому исследованию окружавшей ее территории. Значение этих работ, несомненно, весьма велико. Они впервые проливают свет как на характер ближайшей ольвийской периферии, составлявшей ее сельскохозяйственную базу, так и на быт и культуру окружавшего Ольвию скифского племени каллипидов, остававшегося в археологическом отношении до сих пор мало известным[3]

Большинство открытых здесь памятников оказалось более или менее значительными поселениями с каменными постройками, относящимися ко времени от VI в. до н. э. до II—IV вв. н. э. (рис. 18). Более поздние из этих поселений (например, Петуховка и поселения первых веков нашей эры в районе строительства оросительных систем на р. Ингульце[4]) содержат значительное количество культурных остатков в виде, главным образом, глиняной посуды, очень близких по всему своему характеру к славянской культуре полей погребений черняховского типа.

Подобные укрепленные и неукрепленные поселения с остатками каменных зданий времени первых веков нашей эры исследовались в 1951—1952 гг.

---

[1] Л. Д. Дмитров. Білгород-Дністровська археологічна експедиція. АП, т. II, Київ, 1949; его же. Розкопки в м. Білгород-Дністровському в 1947 р. АП, т. IV, Київ, 1952.

[2] М. Болтенко. Розкопки на острові Березані в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949.

[3] М. Ф. Штительман. Городища, поселения и могильники Бугского лимана. М., 1952.

[4] Исследования Л. М. Славина, М. С. Синицына, Ф. М. Штительман и др.

также по берегам Днепра в зоне будущего Каховского водохранилища [городище у с. Любимовка Каховского района, поселение у г. Берислава, городище у с. Гавриловки и поселение у с. Золотая Балка (рис. 19) Ново-Воронцовского района Херсонской области][1].

Для примера остановимся на Любимовском городище, расположенном в 4 километрах севернее Каховки[2]. Раскопками здесь открыты остатки нескольких каменных зданий, расположенных как в центре городища,

Рис. 16. Ольвия. Пифосы в подвальном помещении эллинистического времени

так и у его оборонительных валов (рис. 20). В одном из таких зданий, состоявшем из ряда отдельных помещений, было обнаружено несколько пар каменных жерновов, указывающих на его производственное назначение. Собранные там находки дают возможность датировать этот комплекс временем первых веков нашей эры.

Наряду с каменными, на городище существовали и глинобитные постройки; кровля их поддерживалась деревянными столбами, остатки которых обнаружены при раскопках. Жилища имели глинобитные полы и печи. Городище было хорошо укреплено высоким валом и глубоким рвом. До наших дней сохранилась нижняя часть вала высотой в полтора метра. На валу в древности стояла крепостная каменная стена, остатки которой в виде больших завалов камней встречены при раскопках на всем протяжении вала. Во время раскопок собран обильный вещественный материал (лепная и сделанная на гончарном круге посуда, изделия из металла, камня и кости, древние монеты, различные украшения и т. п.), среди которого имеются и привозные предметы средиземноморского происхождения, указывающие на широкие торговые связи обитателей этого городища.

Весьма вероятно, что при своем возникновении, в III—II вв. до н. э., укрепленные городища и обычные поселения этого типа по берегам ниж-

[1] А. В. Добровольский. Археологические исследования на территории строительства Каховской ГЭС в 1951 г. КСИА, вып. 1, Киев, 1952.

[2] Исследования Л. Д. Дмитрова, Ф. Б. Копылова и др.

него Днепра имели в основном население скифско-сарматского происхождения. Но к II—IV вв. н. э. становятся все более заметными в них элементы славянской культуры черняховского типа, указывающие на все усиливающийся приток каких-то групп восточного славянства, очевидно из числа соседних раннеантских племен.

* * *

Выше нам пришлось не раз и в разной связи упоминать о проблеме происхождения восточного славянства и памятниках материальной культуры, имеющих к этой проблеме ближайшее отношение.

Проблема эта является бесспорно одной из важнейших в кругу вопросов, стоящих перед советской исторической наукой. С ней, в частности, связано решение вопроса об истоках культуры трех братских восточнославянских народов—русского, украинского и белорусского.

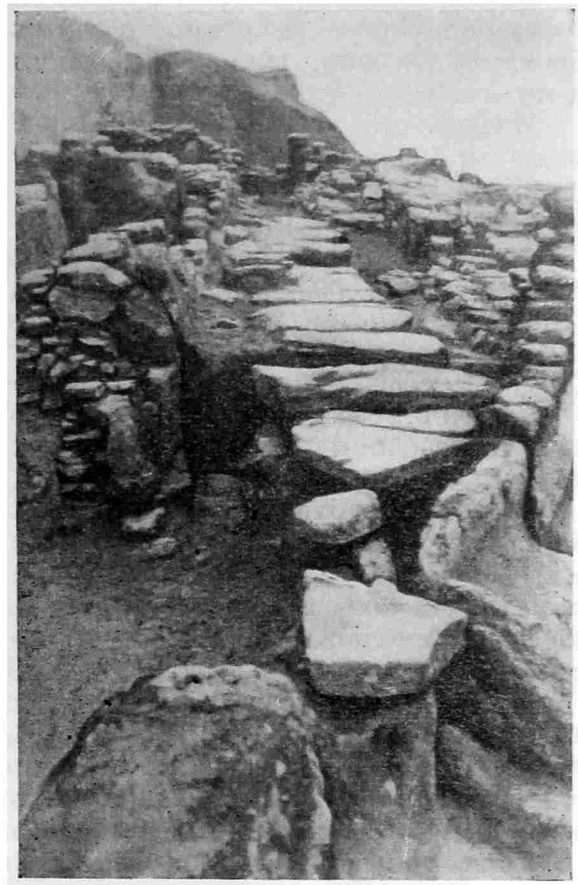


Рис. 17. Тира (Белгород-Днестровский). Улица первых веков н. э.

Роль археологии в решении этой проблемы представляется исключительно большой, так как письменные свидетельства для раннего периода славян еще крайне скудны, разрозненны и часто совершенно случайны. Следует учесть при этом ту роль, которую играла в ранней истории восточных славян так называемая «культура полей погребений» черняховского типа, памятники которой непосредственно связаны с племенами ранних антов, населявшими лесостепную полосу территории Украинской ССР.

Это всегда ставило перед археологами Украины ответственную задачу по изучению и освещению этих памятников, имеющих такое большое значение для ранней истории восточных славян.

К концу I тыс. до н. э. на территории среднего Поднепровья и в ряде других районов Украинской ССР относятся памятники материальной культуры, принадлежащие непосредственно восточнославянским племенам. Такие памятники широко известны под названием памятников «культуры полей погребений», исследованию которых на территории Украинской ССР в годы советской власти было уделено особенно большое внимание. В результате этих исследований сейчас известно уже свыше 300 подобных памятников, охватывающих в целом значительную часть территории современной УССР, от Харьковщины до Прикарпатья.

Памятники этого типа — могильники и поселения — относятся ко времени II в. до н. э. — V—VI вв. н. э.

«Поля погребений», именем которых названы вещественные остатки ранних славян, — это могильники без каких-либо внешних признаков (насыпей и проч.). Обычно они бывают очень велики, заключая иногда до 500–600 погребений. В них обнаруживаются два обряда захоронений — трупосожжение и трупоположение. В первом случае сожженные кости помещались в сосуды — урны, возле которых в могиле ставились другие сосуды и клались различные предметы — серпы, ножи, поясные пряжки, бронзовые иголки, шилья, браслеты, костяные гребни, подвески, бусы и пр.

Интересный могильник, относящийся к культуре полей погребений и давший название целой группе ранних памятников этого типа (II в. до н. э.—II в. н. э.), был открыт и раскопан в с. Корчеватое под Киевом (1940—1941 гг.)[1].

В послевоенные годы внимание Института археологии было направлено на изучение поселений этого времени, расположенных, главным образом, вдоль высокого правого берега Днепра, южнее Киева. На этих поселениях — на Пилипенковой горе и горе Московке близ Канева (1947—1948 гг.)[2], Больших Дмитровичах и Пирогово под Киевом (1950 г.)[3], а также в с. Сахновке на р. Роси[4] и ряде других, — обнаружены остатки деревянных, обмазанных глиной жилищ с каменными очагами внутри.

Памятники, близкие к культуре полей погребений корчеватовского типа, известны теперь на Сейме (Харьевка, 1949 г.)[5], в Белоруссии и даже в районе Пскова. Это обстоятельство подчеркивает значение памятников корчеватовского типа, сменяющих в Поднепровье памятники подгорцевского типа, с которыми они, повидимому, имеют непосредственную связь.

Не меньший интерес представляют и памятники культуры полей погребений последующего времени (II—VI вв. н. э.), известные под названием памятников черняховского типа. По мнению большинства советских археологов, эти памятники могли принадлежать племенам антов, известных по письменным источникам.

Если раньше черняховская культура была известна, в сущности, лишь по раскопкам древнеславянских некрополей, то изучение поселений этой эпохи началось в широких масштабах только в послевоенный период, одновременно в различных районах УССР — на Киевщине (Жуковцы, 1946 г., Ерковцы, 1948 г.)[6] и Житомирщине (Ягнятин и Пражев, 1945—1947 гг)[7], на Южном Буге[8], на Днестре (Лука-Врублевецкая, 1946—1948 гг.)[9], в днепровском Надпорожье (Николь

---

[1] І. М. Самойловський. Корчеватський могильник. Археологія, т. І, Київ, 1947.

[2] В. А. Богусевич. Канівська археологічна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952.

[3] Исследования Е. В. Махно.

[4] Исследования В. И. Довженка.

[5] Исследования Д. Т. Березовца.

[6] Е. В. Махно. Поселення культури полів поховань в північно-західному Правобережжі. АП, т. І, Київ, 1949; В. М. Даниленко і А. Д. Столяр. Переяславська маршрутна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952.

[7] Е. В. Махно. Ук. соч.; ее же. Ягнятинська археологічна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952.

[8] Исследования Э. А. Сымоновича в 1949 г.

[9] М. Тиханова. Розкопки верхніх горизонтів поселення в с. Лука-Врублівецька. АП, т. І, Київ, 1949.

Рис. 18. Окрестности Ольвии. Поселение IV—III вв. до н э. в Закисовой балке

Рис. 19. Поселение первых веков н. э. в с. Золотая Балка на Днепре. Остатки каменного здания

ское, 1950 г.)[1], в Полтавской (Кантемировка, 1924 и 1950 гг.)[2] и Сумской (Коровинцы, 1949 г.)[3] областях, в западных областях УССР[4] и др.

На основании добытого здесь материала можно считать, что антские племена, занимавшие большую часть территории современной Украины, уже во II—VI вв. н. э. достигли высокого хозяйственного и культурного развития. Политической организацией антов был союз племен. Союз антских племен представлял крупную политическую и военную силу

Рис. 20. Любимовское городище. Остатки каменных зданий

для своего времени и играл видную роль в исторических судьбах Византии и других соседних стран, о чем сообщают нам многочисленные византийские и иные письменные источники.

Существеннейшее значение для понимания условий и исторической обстановки, в которых закладывались основы общественного строя и культуры Киевской Руси, имеют археологические памятники непосредственно следующего за антским временем периода —VII—VIII вв. н. э. Такие памятники на территории УССР стали известны только в послевоенные годы. Они были открыты и исследовались экспедициями Института археологии в различных районах УССР — впервые в виде поселения

---

[1] Исследования А. Т. Брайчевской.

[2] Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, Київ, 1952; М. Рудинський. Кантемирівські могили римської доби. Записки ВУАК, т. I, Київ, 1931.

[3] Исследования Е. В. Махно.

[4] М. Смішко. Звіт про дослідження селища періоду полів поховань в с. Неслухові в 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949; его же. Досідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР в 1947 р. АП, т. III, Київ, 1952; его же. Верхне-Днестровская разведочная экспедиция 1946 г. АП, т. I, Київ, 1949; его же. Доба полів поховань у західних областях. Археологія, II, Київ, 1948.

и могильника у с. Волынцева (рис. 21 и 22) возле Путивля (1948—1949 гг.)[1], затем могильника у г. Сосницы (1949 г.)[2], клада золотых и серебряных украшений около с. Харьевки, недалеко от Путивля (1949 г.)[3], поселений в окрестностях Канева (1948 г.)[4]: поселения в урочище Лука-Райковецкая около Бердичева (1947—1948 гг.)[5], Пастырского городища на Кировоградщине (1949 г.)[6], древнейшего горизонта древнерусского летописного города Плиснеска на Львовщине (1946—1949 гг.)[7] и др.

Рис. 21. Поселение VII—VIII вв. н. э. у с. Волынцева. Земляночное жилище со срубом

Значение названных памятников очевидно и не требует особых объяснений.

Изучение добытого здесь материала позволяет нам теперь составить ясное представление о высоком уровне культуры населения в эпоху, когда закладывались основы древнерусской государственности. Есть все основания полагать, что к этому времени (VII—VIII вв. н. э.) относится и возникновение целого ряда древнерусских городов, не только на территории Поднепровья и Прикарпатья, но и на северных окраинах древнерусских земель (Старая Ладога, Псков и др.).

---

[1] Д. Т. Березовец. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952.

[2] Исследования Д. Т. Березовца.

[3] Д. Т. Березовец. Харівський скарб. Археологія, VI, Київ, 1952.

[4] В. А. Богусевич. Ук. соч.

[5] В. К. Гончаров. Роботы Волинської експедиції 1948 р. АП, т. III, Київ, 1952.

[6] М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастырском городище в 1949 г. КСИИМК, XXXVI, 1951.

[7] І. Старчук. Розкопки на городищі Пліснесько. АП, т. I, Київ, 1949; его же. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952.

Большое количество кладов драгоценных предметов, известных на среднем течении Днепра и относящихся к тем же VII—VIII вв.[1], указывает на наличие значительного имущественного расслоения в среде восточнославянских племен и накопления крупных богатств в руках отдельных семей или отдельных лиц, что также свидетельствует о наличии определенных условий для возникновения классов и образования государства у восточных славян в эту эпоху.

Рис. 22. Могильник VII—VIII вв. н. э. у с. Волынцева. Трупосожжения в урнах

Не менее важное место в исследовательской работе Института археологии в эти годы занимало изучение памятников Киевской Руси, относящихся к IX—X вв. н. э. Ясное представление об очень распространенном типе подобных памятников на территории Левобережья (по Десне, Сейму, Ворскле, Суле), являющихся хорошо укрепленными поселениями, дает интересное городище «Курган» на Сейме в окрестностях Путивля, исследованное в 1948 г.[2]

В подобных городищах Левобережья, известных под именем городищ роменско-боршевского типа, приходится видеть надежно защищенные поселения древней племенной территории летописных северян — поселения, в которых сосредоточивалась жизнь крупных земледельческих общин.

Иной характер носят остатки поселений того же раннего времени, обнаруженные при исследовании ряда древнерусских городов, где культурные слои с остатками этой эпохи, всегда связанные с курганными некрополями особого типа, подстилают строительные комплексы позднего периода Киевской Руси—XI—XIII вв. Памятники эти говорят об обществе с вполне выраженным классовым расслоением, о чем ясно свидетельствуют как вещественный инвентарь курганных могильников, исследован-

[1] М. Ю. Брайчевський. Пастирський скарб. Археологія, VII, Київ, 1952; Д. Т. Березовец. Ук. соч.; В. А. Грінченко. Памятник VIII ст. біля с. Вознесенки на Запоріжжі. Археологія, III, Київ, 1950.

[2] В. И. Довженок. Розкопки біля с. Волинцевого Сумської області. АП, т. III, Київ, 1952.

ных в Киеве[1], Чернигове[2], Шестовице[3], Табаевке[4], Лепляве[5] и др. (мечи, конская сбруя, украшения и т. п.), так и характер самих погребальных сооружений.

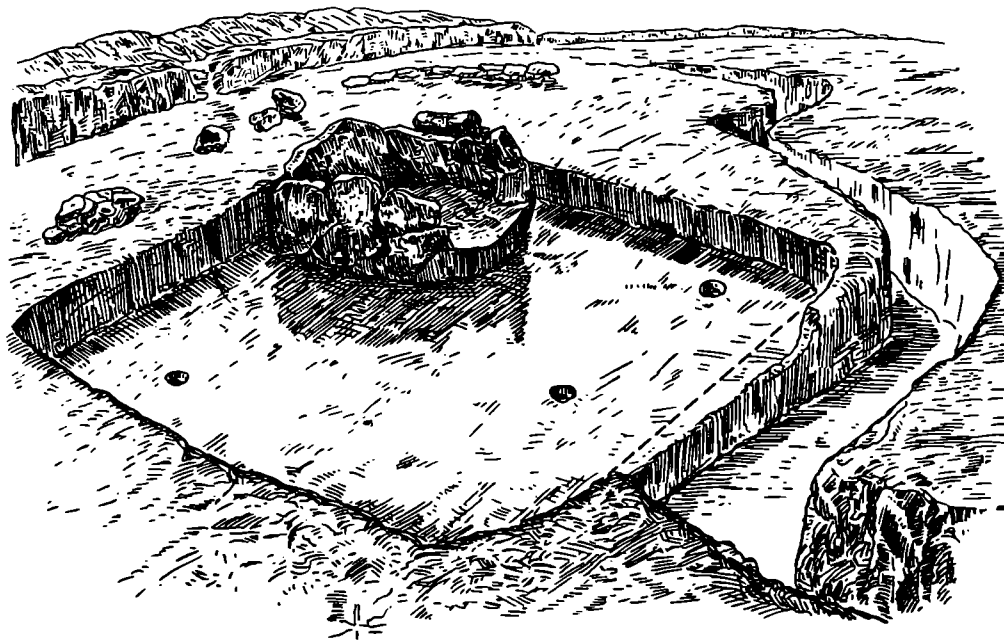


Рис. 23. Славянское полуземляночное жилище эпохи Киевской Руси X—XI вв. в с. Змеевке на нижнем Днепре

Культурный слой эпохи Киевской Руси с типичными земляночными жилищами (рис. 23) обнаружен и исследовался на нижнем Днепре, в зоне строительства Каховского водохранилища (с. Змеевка Берислав-ского района Херсонской области)[6].

* * *

Крупных успехов достигла советская археология на Украине и в деле изучения древнерусских городов. Многолетние раскопки ряда древнерусских городских центров осветили разнообразные стороны их истории, хозяйства и культуры. Они внесли полную ясность и в вопрос о времени возникновения древнерусских городов. В свете этих данных становится очевидным, что важнейшие городские центры древней Руси выросли из давно уже здесь существовавших поселений. Так, на территории современного Киева, как это установлено сейчас, уже в VIII—IX вв. существовали три укрепленных центра — на Старокиевской горе, на Щекавице и Киселевке. К какому-то очень раннему времени, видимо, следует отнести возникновение поселений и на Подоле. Древние культурные слои, как уже отмечалось, обнаружены раскопками в Чернигове, Плиснеске и ряде других городов.

---

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950.

[2] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949.

[3] Я. Станкевич. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949.

[4] Исследования Д. И. Блифельда в 1949 г.

[5] Исследования Р. И. Выезжева в 1949 г.

[6] Исследования А. В. Буракова в 1951—1952 гг.

Наиболее крупными являются исследования в Киеве, систематически проводящиеся Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР и Институтом археологии Академии наук УССР в течение последних двух десятилетий[1]. Ими установлено, что на территории современного города в VIII—IX вв. существовало несколько отдельных поселений, в окрестностях которых располагались языческие могильники с погребениями дружинников и зажиточной части населения.

Раскопки последних лет открыли много новых, ранее совершенно не известных сторон истории этого крупнейшего древнерусского города,— столицы древнерусского государства, «матери городов русских». Этому содействовало прежде всего то, что, наряду с исследованием архитектурных, главным образом, церковных памятников, советские археологи уделяют большое внимание исследованию памятников, связанных с деятельностью основной массы городского населения — ремесленников. Исследовано большое число земляночного типа жилищ и ремесленных мастерских в различных районах древнего Киева.

Особенно интересные группы таких жилищ XI—XIII вв. были открыты и исследованы на территории б. Михайловского монастыря, по Б. Житомирской ул., у Десятинной церкви, на горе Киселевке и в ряде других мест. В 1950 г. остатки ремесленных мастерских были раскопаны также на Подоле[2].

Раскопки жилищ и мастерских дали огромный вещественный материал, раскрывающий перед нами богатую картину хозяйства, культуры и быта трудовых масс древнего города и указывающий на высокое развитие различных видов ремесла, в частности, например, ювелирного, по уровню которого древняя Русь стояла впереди соседних с нею стран.

При раскопках в Киеве раскрыта трагическая картина разрушения города татаро-монгольскими ордами в декабре 1240 г. Так, при раскопках землянок на Б. Житомирской ул. и у б. Михайловского монастыря, сгоревших во время пожара, обнаружено много костяков насильственно умерщвленных людей.

Из архитектурных памятников, кроме Десятинной церкви, проведены исследования древних храмов б. Михайловского и Выдубицкого монастырей. В результате этих исследований установлены планы сооружений, техника их строительства, состав и характер строительных материалов, а также обнаружено много мраморных и шиферных плит, фресок и мозаики, свидетельствующих о богатом убранстве древнерусских храмов.

В Софийском соборе проведена расчистка пола до первоначального уровня времени Ярослава (XI в.)[3].

В 1951 г. на территории музея-заповедника «Киево-Печерская лавра» открыты и изучены остатки горнов XI в. по изготовлению мозаической смальты и стекла. Это открытие опровергает существовавшее ранее предвзятое представление, что мозаика и стекло в древней Руси якобы не изготовлялись, а привозились в готовом виде из Византии. Открытие этих памятников свидетельствует о древности и самобытности этой отрасли древнерусского ремесла, продукция которого шла на удовлетворение большого церковного строительства, проводившегося в Киеве (Успенский собор в Лавре) и других городах древней Руси.

Там же обнаружены остатки древней каменной стены XII в., откуда

---

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, Киев, 1950.
[2] В. А. Богусевич. Археологические раскопки на Подоле в Киеве. КСИИМК, XLI, 1951.
[3] М. К. Каргер. Ук. соч.

следует заключить, что уже в это время Лаврский монастырь представлял собой мощную каменную крепость[1].

В 1952 г. при строительных работах в районе площади им. Калинина обнаружены считавшиеся уже не существующими остатки крепостных сооружений древнего Киева. Сохранившиеся основания мощных укреплений состоят из системы деревянных срубов, забитых глиной (рис. 24). Такое сооружение из дерева и глины, шириной около 18 метров и высотой до 7 метров, было облицовано высоким, крутым земляным валом, укрепленным особыми надолбами[2]. В древности на нем, очевидно, стояла высокая деревянная стена, которая вместе с крутыми склонами вала делала укрепления города неприступными.

Систематическое изучение оборонительных систем древнерусских городищ проводится уже в течение ряда лет (1950—1952 гг.) на территории Киевской, Житомирской и Полтавской областей[3].

Значительные успехи достигнуты советскими археологами и в деле изучения памятников Чернигова[4], систематически проводящегося в послевоенные годы. Раскопками вскрыты остатки ряда архитектурных памятников. Из них следует отметить, прежде всего, Благовещенскую церковь конца XII в. (1946 г.), а также остатки княжеских дворцов XI—XII вв. (1951 г.), дающих большой материал для изучения древнерусской архитектуры. Кроме того, как в верхней части города, так и на черниговском Подоле, были открыты и исследованы ремесленные мастерские и жилые комплексы, обогатившие советскую историческую науку новыми материалами по истории одного из крупнейших городов древней Руси.

В 1951 г. начато изучение памятников на территории древнего Галича — столицы Галицкой земли[5]. Здесь исследования в первую очередь были направлены на изучение ремесленных кварталов. В укрепленной верхней части города открыт обширный район железодобывающего и железообрабатывающего производства с остатками домниц. Сделанные наблюдения указывают на существование многочисленных мастерских также в нижней части города — на Подоле. Особый интерес представляет здесь мастерская по выплавке меди, указывающая, как и раскопки на горе Киселевке в Киеве, что выплавка и обработка меди производились во многих древнерусских городах.

Среди предметов, обнаруженных при раскопках, представляет интерес каменная плитка с резным изображением грифона, по стилю напоминающая камнерезное искусство Владимиро-Суздальской Руси и указывающая на культурную общность древнерусских земель.

Исключительно ценные результаты дали исследования остатков двух древнерусских городов-крепостей Райков и Колодяжина, находящихся на территории Житомирской области.

Райковецкое городище XI—XIII вв., расположенное в окрестностях города Бердичева, является первым в советской археологической науке древнерусским городом, раскопанным полностью[6]. В результате этого

[1] Исследования В. А. Богусевича.

[2] Исследования В. А. Богусевича и П. А. Раппопорта.

[3] П. А. Раппопорт. Обстеження городищ в районі Києва у 1950 р. Археологія, VII, Київ, 1952.

[4] Б. Рибаков. Розкопки в Чернігівському дитинці в 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949; его же. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949; В. А. Богусевич. Работы Чернігівської експедиції. АП, т. III, Київ, 1952; В. А. Богусевич и Н. В. Холостенко. Каменные черниговские дворцы XI—XII вв. КСИА, вып. 1, Киев, 1952.

[5] Исследования В. И. Довженка и В. К. Гончарова.

[6] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950.

целиком восстановлены его топография, система укреплений, устройство жилых и хозяйственных построек, а также получен огромный вещественный материал (орудия труда, глиняная посуда, остатки обожженных зерен хлебных и огородных культур, остатки тканей, обуви, различные украшения и пр.), воссоздающий картину жизни этого древнерусского города. Город погиб от нападения татаро-монголов в 1241 г. Под руинами зданий и в оборонительных рвах обнаружено большое число мужских, женских

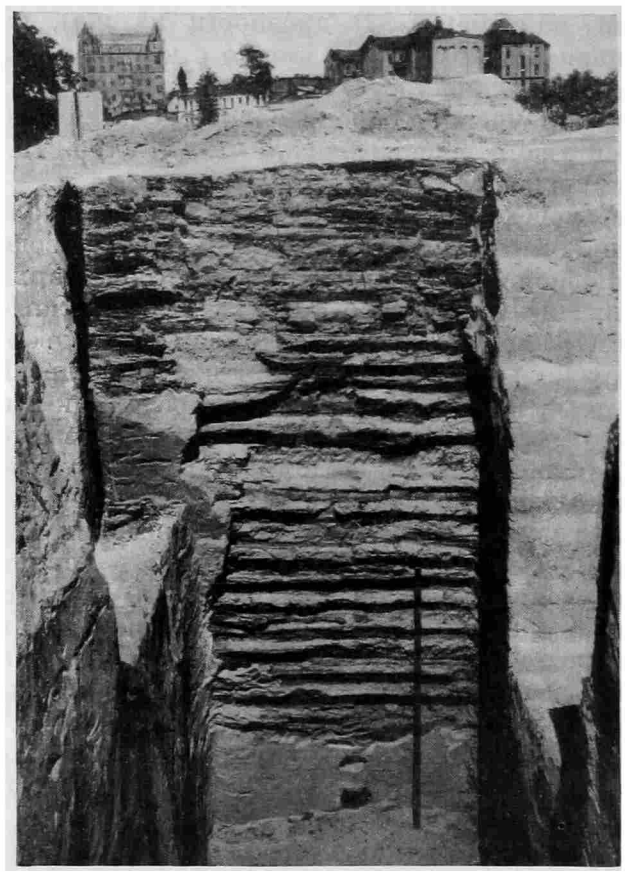


Рис. 24. Сруб оборонительного вала XI в. в Киеве

и детских костяков, принадлежавших населению, героически защищавшему родной город и погибшему в неравной борьбе с захватчиками.

В окрестностях города исследовались сельские поселения того же времени.

Древнерусский город Колодяжин (Дзержинский район Житомирской области)[1], наряду с другими подобными городами-крепостями в XII—XIII вв., входил в оборонительную систему Киевского государства. Город был разрушен татаро-монголами в одно время с Райками. Раскопками 1948—1950 гг. были открыты остатки большого числа наземных деревянных, а также земляночных жилищ, ремесленных мастерских и других хозяйственных построек, под завалами обгорелых потолков и стен которых сохранился разнообразный инвентарь, характеризующий все отрасли хозяйства и быта населения города. Среди них следует отметить железные

[1] В. К. Гончаров. Древний Колодяжин. КСИИМК, XLI, 1951.

топоры, лопаты, лемехи, косы, серпы (рис. 25), оружие, инструменты для обработки драгоценных металлов и дерева, ткани, металлические и стеклянные украшения и пр. В деревянных бочках, больших глиняных сосудах и особых ямах-хранилищах сохранились обгорелые зерна ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гороха, льна, конопли, которые вместе с сельскохозяйственными орудиями труда указывают на важное место земледелия в хозяйстве древней Руси.

Среди исследованных наземных построек и землянок удалось установить наличие особых ремесленных мастерских по обработке дерева,

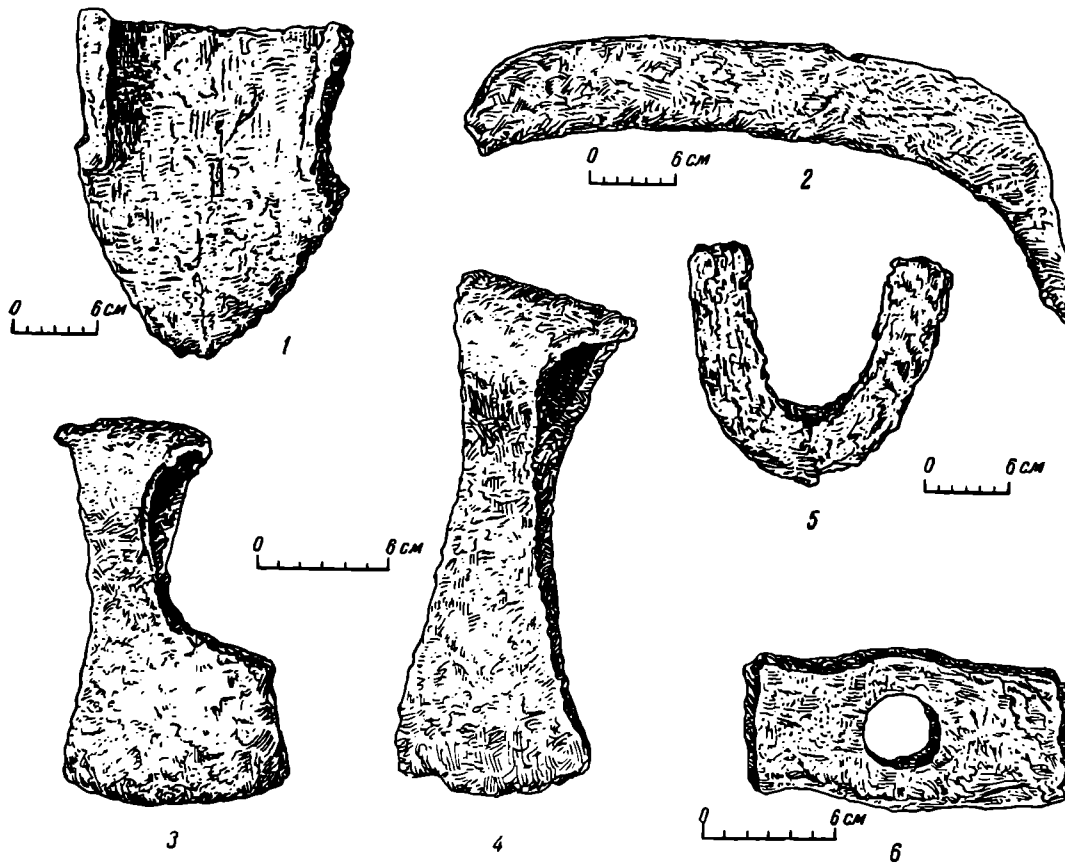


Рис. 25. Колодяжин. Железные орудия труда
1—сошник; *2*—коса; *3—4*—топоры; *5*—оковка заступа; *6*—молоток

железа, золота и серебра, кости, кожи и других материалов. Иногда жилища одновременно являлись и мастерскими.

Оборонительные сооружения Колодяжина состояли из вала и рва. В состав вала, как и в Райках и других древнерусских городах, входили деревянные конструкции в виде срубов, засыпанных землей. О мощи укреплений Колодяжина упоминает древнерусская летопись, в которой рассказывается, что 12 «пороков» (стенобитных машин), установленных нападающими, не могли разрушить городские стены. Татаро-монголы ворвались в город после того, как он был подожжен со всех сторон. Население, героически защищавшее город, было истреблено.

Крупные работы были проведены также в ряде других древнерусских городов на территории УССР — в Переяславе (1945, 1949, 1952 гг.)[1],

[1] Исследования Б. А. Рыбакова и М. К. Каргера. См. Б. Рибаков. Розкопки у Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. АП, т. I, Київ, 1949.

Вышгороде (1934—1937, 1947 гг.)[1], Белгороде (1947 г.)[2], Городске (1936, 1946, 1947 гг.)[3], Любече (1948 г.)[4], Плиснеске (1946—1949 гг.)[5], Коростени и пр.

Даже такой, по необходимости самый краткий перечень археологических исследований, осуществленных на территории УССР за последние годы, показывает, насколько значительно за это время продвинулось вперед изучение археологических памятников, как много могут дать они для освещения древней истории территории Юга СССР.

Приведенные здесь факты могут служить иллюстрацией плодотворной работы археологов Украины, которые в тесном сотрудничестве с археологическими коллективами Москвы, Ленинграда и братских республик, вышли на широкий путь планомерных научных исследований.

Результаты археологических исследований на Украине нашли свое отражение в печатных изданиях Института археологии Академии наук УССР[6] и ряде изданий Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Итоги работы советских археологов на территории УССР были подведены на научных конференциях Института археологии (1939—1954 гг.) с широким участием археологов Москвы, Ленинграда и братских республик

---

[1] В. И. Довженок. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода. Археологія, т. III, Київ, 1950; его же. Розкопки древнього Вишгорода. АП, т. III. Київ, 1952.

[2] Д. І. Блифельд. Дослідження древнього Білгорода. АП, т. III, Київ, 1952.

[3] А. Дмитрієвська. Звіт Городської експедиції 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949; В. К. Гончаров. Розкопки древнього Городська. АП, т. III, Київ, 1952; М. Ю. Брайчевський. Розкопки на третьому Городському городищі. АП, т. III, Київ, 1952.

[4] В. К. Гончаров. Розкопки древнього Любеча. АП, т. III, Київ, 1952.

[5] І. Д. Старчук. Ук. соч.

[6] Археологія, I—VII, 1947—1952; АП, тт. I—IV, 1949—1952; Палеоліт і неоліт України, т. I, Київ, 1947; Трипільська культура, т. I, Київ, 1940; Ольвія, т. I, 1940; М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья УССР, т. I, Киев, 1951; П. И Борисковський. Людина кам'яного віку на Україні. Київ, 1940; Т. С. Пассек. Трипільська культура. Київ, 1941; Б. М. Граков. Скіфи. Київ, 1947; А. М. Славін. Ольвія. Київ, 1938; Л. Д. Дмитров. Перекоп. Київ, 1940; В. И. Довженок. Військова справа в Київській Русі. Київ, 1950 и др.

Н. Н. ВОРОНИН

АРХИТЕКТУРНЫЙ ПАМЯТНИК КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(Заметки к постановке вопроса)

«Архитектура — тоже летопись мира, она говорит тогда, когда уже молчат и песни и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе».

Н. В. Гоголь. *Арабески*

«...Искусство со стороны своего содержания есть выражение исторической жизни народа...»

В. Г. Белинский

1

В процессе роста и расширения археологических исследований в нашей стране, с накоплением огромного количества новых археологических материалов перед советскими археологами остро встают неотложные теоретические вопросы: о познавательной значимости того или иного археологического источника в решении исторических задач, о путях и методах «критики источника», о методах и путях реконструкции того или иного памятника, о его месте в ряду других материалов, позволяющих восстанавливать картину исторического развития данного общества, и т. д., и т. п. Иными словами, ставится вопрос о теоретических основах нашей исследовательской работы, разработке археологической методологии на базе марксистско-ленинской теории. Все эти вопросы, имеющие общее значение для всех разделов советской археологии, почти не подвергались широкому коллективному обсуждению; они решались обычно каждым исследователем в отдельности применительно к его материалу и, не будучи обобщены, оставались даже не сформулированными, воплощаясь лишь в непосредственном исследовании.

Задачей настоящей статьи является постановка на обсуждение таких общих теоретических вопросов применительно к одному виду археологических памятников — памятникам архитектуры. Советские археологи за первые десятилетия своей работы открыли десятки монументальных зданий, принадлежащих разным народам СССР и разным эпохам их истории. Достаточно назвать блестящие открытия С. П. Толстовым целых городов, замков и отдельных зданий древнего Хорезма, выдающиеся памятники Пянджикента, открытые А. Ю. Якубовским, раскопки Б. Б. Пиотровским Тейшебаини, М. К. Каргером — архитектурных памятников Киевской Руси, работы археологов (Б. А. Рыбакова, Н. Н. Воронина, А. Л. Монгайта, А. Д. Варганова, И. М. Хозерова и др.) по памятникам архитек-

туры ряда городов Руси периода феодальной раздробленности — Чернигова и Старой Рязани, Суздаля и Владимира, Смоленска и Новгорода,— чтобы понять, какой небывалый размах приобрели работы в данной области, как стремительно ушла вперед советская наука от скудных и отрывочных знаний дореволюционного времени о древнем зодчестве в нашей стране, как неизмеримо возросло количество древних памятников, уже само по себе говорящее о высоких достижениях культуры народов СССР Несомненно, что это лишь начало нашего научного обогащения,— возможности археологического исследования и новых открытий поистине безграничны, их темп и масштабы будут нарастать.

Тем более необходимо установить некоторые общие теоретические положения в изучении и интерпретации архитектурных памятников, дать себе отчет в их значении как исторического источника в широком смысле слова. Поставить эти вопросы на конкретном материале памятников древнерусского зодчества мы и пытаемся в данной статье.

Оговоримся, что мы имеем в виду архитектурный памятник в ц е л о м, а не только его остатки, вскрываемые лопатой археолога. Задача последнего (о чем будем говорить ниже) не ограничивается лишь раскрытием и описанием этих остатков памятника; обязанностью археолога является и решение вопроса его реконструкции, т. е. воссоздание с большей или меньшей полнотой его художественного облика.

Естественно, что ни исчерпать, ни решить многих из этих вопросов до конца мы здесь не можем, тем более, что при рассмотрении нашей частной темы мы должны касаться и более общих теоретических тем, также пока не разработанных. Поэтому мы излагаем свои соображения, полагая, что они вызовут обсуждение, борьбу мнений и критику, т. е. то, что двигает советскую науку вперед.

2

Чем определяется научная познавательная ценность той или иной категории археологических памятников? Прежде всего объемом сведений, которые может дать изучение данного типа памятников о развитии производительных сил данного общества, об его социальном строе и других сторонах жизни.

Именно в силу этого советская археологическая наука с самого начала своего развития обратилась от преимущественного изучения могильных памятников к исследованию древних поселений — памятников, дававших несравненно более широкую и объективную картину жизни древнего общества. Здесь с особенной полнотой предстает материальная основа общественной жизни, и, в частности, одним из важнейших объектов являются те или иные памятники строительного дела: жилища и хозяйственные постройки, различные виды благоустройства, защитные сооружения и т. п.

Как правило, в поселениях доклассового общества мы имеем дело лишь со с т р о и т е л ь н ы м п р о и з в о д с т в о м, обеспечивающим элементарные хозяйственные и бытовые нужды человека, создающим прежде всего одно из необходимых для существования людей средств к жизни — жилище. Зачатки же а р х и т е к т у р ы к а к и с к у с с т в а, т. е. момент, когда строительное дело получает идеологические функции и становится в ряд надстроечных явлений, относится лишь к концу первобытно-общинного строя и началу эпохи классового общества[1].

[1] См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 13.

Отметим, пока предварительно, что архитектурный памятник, в отличие от других, движимых находок, важен для археолога как неподвижный археологический объект,— он создан в данном месте, в данное время, при определенных местных условиях. Во-вторых, памятник архитектуры является результатом сложного технического и художественного процесса, т. е. представляет собой многогранный, комплексный источник, позволяющий судить как о его производственно-технической, так и об идеологической, художественной стороне.

Искусство, как и другие надстройки, связано с производством не непосредственно, но косвенно, через посредство базиса. Но существенно, что место искусства в ряду других надстроечных явлений далеко не первостепенное. «Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»[1]. Следовательно, эволюция художественных взглядов общества, развитие искусства отразит также влияния других надстроек — политического строя, правовых отношений и понятий и религиозных представлений. Последние особенно существенны для искусства эпохи феодализма, когда религия является господствующей формой идеологии, подчиняющей себе ее остальные формы.

Искусство данной исторической эпохи, т. е. исторически конкретная система художественных взглядов общества, проявляющаяся в определенных, отвечающих им формах и определяющая стиль искусства, разделяет судьбу остальных надстроечных явлений. Крупные перемены в развитии искусства в основном соответствуют развитию и смене социально-экономических формаций. Но искусство изменяется вместе с изменением базиса, проделывая определенную последним эволюцию внутри данного исторического этапа, что позволяет судить по этим изменениям данного стиля искусства о постепенных изменениях как базиса, так и политических, правовых и религиозных представлений.

Эти изменения в искусстве связаны с его активной общественной ролью: как и другие надстройки, оно служит своими средствами делу оформления и укрепления данного базиса, помогает «...новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»[2]. При этом искусство господствующего класса является господствующим искусством, образующим основную линию развития искусства данной исторической эпохи.

Таковы основные отправные положения об исторической значимости искусства вообще и его памятников для изучения развития общества.

По отношению к отдельным видам искусства эти основные общие положения должны быть конкретизированы: «...у общественных явлений... имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»[3]. Следовательно, нужно определить, каковы специфические особенности архитектуры, отличающие ее от других отраслей искусства, а вместе с тем определяющие и особенности ее исторического развития, уточняющие значение архитектурного памятника как исторического источника.

Какие же особенности выделяют архитектуру из ряда других искусств?

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 5.
[2] Там же, стр. 7.
[3] Там же стр. 35. (Разрядка моя.— *Н. В.*)

Они заключаются: 1) в том, что архитектура непосредственно связана с развитием производства; 2) в том, что архитектура воплощает художественные взгляды общества в произведениях, имеющих, как правило, определенное утилитарное, целевое назначение; 3) в том, что монументальная архитектура более, чем другие виды искусства, связана с практическими потребностями общества и государства, требует больших средств; она особенно тесно связана с нуждами и взглядами господствующего класса, являясь его сильнейшим идеологическим оружием в классовой борьбе; 4) в том, что идейное содержание, воплощенное в архитектурном произведении, выражается не изобразительными средствами.

Эти особенности архитектурного памятника, конечно, выступают во взаимной связи, в реальном единстве, и ниже мы лишь для удобства изложения рассматриваем их отдельно.

Попытаемся развернуть сделанные краткие определения, сопровождая их конкретными примерами из истории древнерусского зодчества.

3

1. Прежде всего архитектура наиболее тесно связана с развитием материальных производительных сил общества, с уровнем развития техники, которые находят в монументальном строительстве наиболее яркое выражение. Эта тесная связь архитектуры с производством сказывается в использовании того или иного строительного материала, применении тех или иных конструкций, в той или иной организации строительства и обеспечении его кадрами зодчих и рядовых строителей, в мобилизации для строительства мастеров других ремесленных специальностей и т. д. и т. п. Это определяет особенно высокую познавательную ценность памятников архитектуры как исторических источников,— анализ материально-технических качеств этих памятников позволяет судить почти непосредственно о производительных силах общества, о его технической вооруженности и знаниях.

Такое изучение архитектурных памятников начинается по сути дела только теперь, с развитием архитектурно-археологических исследований; до этого исследователи интересовались главным образом формально-художественной стороной памятника.

Изучение строительных материалов может составить специальную исследовательскую задачу.

Добыча, обработка и использование естественного камня, например, в строительстве Галича и Владимира XII—XIII вв., Москвы и Твери XIII—XV вв., позволяет установить уже для этого времени знание строителями лучших месторождений известняка различных пород, использовавшихся для построек. Точный учет материала данной постройки и разновидностей его обработки («типовых деталей») позволяет определить объем камня, выломанного в карьерах, количество необходимой для этого рабочей силы, размеры транспортных усилий по его доставке к месту стройки, количество мастеров и времени, необходимых для его обработки начисто. Все это дает очень конкретную историческую картину добычи и обработки естественного камня. Опыт такого расчета, например, для церкви Покрова на Нерли (1165 г.), дал выразительную цифру в 7309 человеко-дней, необходимых лишь для заготовки и обработки камня для этого сравнительно небольшого памятника[1]. Такие расчеты позволяют значи-

[1] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII вв. М.— Л., 1945, стр. 49.

тельно расширить наши представления о действительной значимости того или иного строительства, о котором мы имеем порой лишь краткие упоминания в источниках. Таковы, например, сведения о сооружении земляных валов крепостей или каменных крепостных стен. Расчет их объема и потребных для их осуществления затрат материала, рабочей силы и транспорта дает огромные итоговые цифры, позволяющие по-новому и должным образом оценить то или иное градостроительное предприятие. Отправные нормы для подобных расчетов мы имеем в знаменитом «Урочном положении», составленном еще в конце феодально-крепостнической эпохи — при Николае I; эти нормы, отражающие еще очень низкий технический уровень и производительность труда, опирающиеся на опыт дореформенной России, могут быть с известными поправками приняты за основу расчетов.

Развитие выработки строительного кирпича от X до XVII в., смена его типов составляет особенно интересную тему. Еще до открытия в Киеве[1] и Суздале[2] специальных кирпичеобжигательных печей XI в. большой производительности (например, печь в Суздале XI—XII вв. могла выпускать, по примерным расчетам, за один производственный цикл 5000 шт. кирпича) о размахе этого производства можно было судить по масштабам и количеству открытых археологами и целых монументальных кирпичных зданий. Самый кирпич со следами деревянных форм и часто с оттисками ног животных, забежавших на площадку, где сушился заготовленный для обжига кирпич, уже давал отдельные черты картины его производства[3]. В Суздале для строительства Мономаха работал своеобразный «комбинат» из нескольких кирпичных печей, расположенных рядом с залежами глины[4]. Особое значение имеют клейма и знаки мастеров[5], позволяющие, видимо, судить о количестве «кустарных» мастерских, занятых на его производстве. Смена типов кирпича от древней плоской «великокняжеской» плинфы до позднейшего брусчатого кирпича различных пропорций, связанная с рационализацией стенной кладки, помимо историко-технического интереса, дает сравнительно точную шкалу для археологических датировок.

Анализ связующих растворов, их состава и физических свойств также дает представление о высокой культуре древнерусских зодчих. Наличие в растворе разнообразных примесей — толченого кирпича, угля, рубленой соломы и т. п. свидетельствует о разнообразии технической рецептуры, которой располагали мастера.

Изучение К. Н. Афанасьевым русских крестовокупольных храмов X—XIII вв. позволило установить своеобразную систему разбивки их плана на строительной площадке и построения высотных величин, представляющую ряд взаимно связанных простых начертательных операций, исключающих предположение о каких-либо сложных цифровых пропорциональных выкладках древнего зодчего[6].

---

[1] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 246.

[2] Раскопки А. Д. Варганова.

[3] Образцы такого кирпича имеются в материале раскопок в Киеве, Гродно, Суздале.

[4] Обследования А. Д. Варганова.

[5] И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. «Научные известия Смоленского гос. университета», т. V, вып. 3, Смоленск, 1929.

[6] К. М. Афанасьев. Про пропорціональність пам'ятників древньоруської архітектури X—XIII ст. «Архітектурні пам'ятники», Київ, 1950, стр. 49.

Изучение конструкции памятника, системы его фундаментов, кладки стен, опор и перекрытий вскрывает сумму накопленного зодчими технического опыта и его усовершенствования. Вполне разрешимой исследовательской задачей явилось бы производство инженерного расчета того или иного памятника. Такой расчет позволил бы определить, в какой мере те или иные конструктивные решения, принятые древним зодчим, соответствуют современным нормам, т. е. в какой мере совокупность эмпирических навыков древности приближалась к данным современной науки. Такая работа выполняется археологами, например, в отношении древнерусской металлургии и уже привела к высокоценным научным результатам, показав, например, наличие в древней Руси X—XIII вв. сложной и весьма совершенной технологии обработки железа и стали[1]. Опыт подобного инженерного расчета конструкций Борисоглебского собора в Чернигове (XII в.) показал, что они довольно точно соответствуют современным расчетным нормам[2], что, следовательно, русские зодчие этой поры в итоге накопленного опыта близко подходили к точным представлениям о законах устойчивости здания и работы его конструкций.

Наконец, анализ памятника в целом, как результата сложного производственного процесса, с точки зрения организации производства и затраты труда по типу приведенного выше анализа заготовки и обработки строительного камня, может дать представление о количестве рабочей силы разных категорий, «впитанной» данным памятником применительно к известному из источников сроку его строительства. Вместе с этим учет всех свидетельств о декоративном оформлении здания и вещественных остатков этого оформления позволяет составить представление о кооперации на постройке вместе с зодчими мастеров других отраслей ремесла и прикладного искусства, т. е. представление о сложном комплексе различных производств, втянутых в данное строительство. Восстановление такой картины характеризует не только само строительное производство, но позволяет пополнить новыми данными представление об экономических и внеэкономических возможностях данного «заказчика».

Таковы далеко не исчерпанные приведенным примеры исследовательских задач, которые позволяет разрешить архитектурный памятник как памятник строительного производства. Эта совокупность вопросов настоятельно требует включения в изучение архитектурных памятников инженеров и технологов, историков техники.

Здесь следует подчеркнуть, что нужно строго различать две стороны в архитектуре, обладающие своими закономерностями развития: ее инженерно-техническую материальную основу, о которой шла речь выше, и ее собственно художественную сторону, собственно архитектурное искусство, о чем будем говорить далее. Строительное производство с его техническими приемами и опытом, с его материалами и системой организации работы, не относится, разумеется, к надстроечным явлениям. Одна и та же строительная техника может подчас быть основой разных ступеней истории архитектурного искусства, разных эпох. Правда, новые художественные взгляды, новые идеологические задачи, выдвигаемые перед архитектурой, оказывают определенное влияние на развитие техники и конструкций. В свою очередь новые технические приемы, прогресс строительной техники позволяют ставить и решать новые художественно-архитектурные задачи, т. е. обе стороны строительства выступают в диалек-

[1] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, вып. 32. М., 1953.

[2] Исследование Н. В. Холостенко.

тическом единстве и взаимодействии. Тем не менее строительная техника, система эмпирически освоенных законов статики сооружений, познанных свойств материалов и т. п. не «отменяется» с переходом от одной ступени исторического развития общества к другой.

4

2. Архитектурное искусство отличается от других видов искусств, например, живописи и скульптуры, тем, что оно воплощает художественные взгляды общества в произведениях, как правило, имеющих утилитарное, материально-практическое назначение: жилищах, дворцах, крепостных сооружениях, храмах, мавзолеях и т. п. Самый состав, количество и развитие типов этих сооружений и их особенностей уже сами по себе с достаточной ясностью говорят о характере данного общества, а размещение построек, например, внутри средневекового города, дает неоценимый материал для освещения не только его топографии, но иногда и характера классовой борьбы в городе.

Типы архитектурных памятников очень ярко отражают характер данного общества. Перефразируя слова К. Маркса о том, что «ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»[1], можно, например, сказать, что замки, монастыри, величественные городские соборы, противопоставленные убогим жилищам городского люда, дают общество с феодалом во главе. Но это — самое общее, о чем сигнализирует архитектурный памятник. Он говорит в этом отношении больше и подробнее.

Так, например, типологическое развитие древнерусской культовой архитектуры довольно точно совпадает с основными этапами истории русского феодализма. В период раннего феодализма X—XI вв. были созданы огромные и величественные Софийские соборы Киева, Новгорода, Полоцка, пышные и просторные храмы княжеских монастырей; единство стиля, характеризующее эти древнейшие памятники, отвечает единству культуры древнерусского государства. Для периода феодальной раздробленности XII—XV вв. характерно сокращение масштабов здания; в удельных столицах нет места и нужды в грандиозных храмах,— городской собор строится по типу монастырского; появляются небольшие четырехстолпные храмы, удовлетворяющие задачам придворной церкви феодала или городского прихода. Вместе с тем эти общие типы зданий находят своеобразное истолкование в строительстве каждого княжества; дробность процесса развития архитектуры, образование местных архитектурных школ — точно соответствует феодальному дроблению Руси. Если бы мы не знали о нем из письменных источников, о нем свидетельствовали бы архитектурные памятники[2]. Период образования и развития Русского централизованного государства XV—XVI вв. ознаменовался крупным переломом в типологии культового здания — рядом с крестовокупольными храмами развивается шатровое зодчество — результат воздействия деревянной культовой архитектуры и крепостных сооружений на церковное каменное зодчество. Одновременно сама структура культового здания переживает существенные изменения: так, например, в крестовокупольном храме исчезают хоры — типическая принадлежность большинства храмов периода Киевской Руси и феодальной раздробленности, наиболее наглядно и резко выражавшая классовую противоположность феодалов и их

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 364.

[2] Н. Н. Воронин и М. К. Каргер. Архитектура. «История культуры древней Руси», т. II, М., 1951, стр. 245.

подданных[1]. Развивается каменное гражданское и оборонительное строительство. Вместе с тем исчезают областные архитектурные школы, уступая место единому развитию общерусской архитектуры[2]. Мы пока не говорим здесь о неразрывно связанном с изменением типа здания изменении его художественного облика, архитектурного образа.

Само размещение тех или иных монументальных сооружений внутри города дает возможность для весьма важных выводов о социальной топографии города. Так, например, раскопки стен Детинца во Владимире (1194—1196 гг.) показали, что к концу XII в. правительственная верхушка — князь и епископ — обособляется от остальной территории города в огражденном белокаменными стенами с боевыми воротами участке; кроме историко-топографического интереса, этот факт представляет новое свидетельство о росте политической активности горожан, от которых феодалы вынуждены прикрываться монументальными крепостными стенами[3]. Столь же показательно открытие стен митрополичьего замка XI в. вокруг киевского Софийского собора, очень выразительно говорящих о напряженности положения главы церкви — митрополита-грека в русской столице[4]. В размещении монументальных построек и крепостных сооружений в Новгороде и Пскове, с одной стороны, и в Москве XIV—XV вв., — с другой, нашло яркое отражение различие политической структуры этих городов. В Новгороде и Пскове мы наблюдаем более или менее равномерное размещение каменных храмов — боярских и приходских — по всей территории города. Очень рано Новгород и Псков создают линию обороны своих посадских районов[5]. В великокняжеской же Москве монументальное строительство концентрируется в хорошо укрепленном Кремле, а посады долгое время остаются не обеспеченными крепостными стенами.

В самом процессе археологического исследования древнерусского города находка и раскрытие архитектурного памятника во многом помогают уточнению истории самого поселения и определению вех его жизни. Монументальное здание, как правило, датируется показаниями письменных источников; если такой даты нет, то его относительную датировку можно установить по собственным данным памятника — его типу, технике, стилю и т. д. Источники иногда сообщают и даты перестроек и разрушения памятника. Таким образом, внимательное изучение руин такого памятника и связанных с ним отложений в окружающем культурном слое вносит в членение последнего иногда более или менее точную, а часто и абсолютную хронологическую шкалу[6].

Само количество монументальных каменных и кирпичных зданий, открываемых раскопками древнерусских городов, свидетельствует о высоте культуры древней Руси XI—XIII вв. Вместо единичных памятников, известных дореволюционной науке, мы имеем теперь целые серии

---

[1] Н. И. Брунов. О хорах в древнерусском зодчестве. «Труды секции теории и методологии РАНИИОН», вып. II, М., 1928, стр. 93.

[2] Н. Н. Воронин. Главнейшие этапы русского зодчества X—XV ст. ИОИФ, т. I, № 4, М., 1944.

[3] Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, № 11, 1949, стр. 215.

[4] М. К. Каргер. Основные итоги и проблемы археологических исследований древнего Киева. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 46.

[5] А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода-Великого, МИА, № 31, 1952.

[6] Вопрос об изучении строительной техники для датировки памятников специально рассмотрен в статье проф. Н. Б. Бакланова «Изучение строительной техники, как один из способов датировки памятников». СГАИМК, 1932, № 7—8.

таких памятников. Возможности раскопок и введения в научный оборот новых памятников далеко не исчерпаны. Если, например, раскопки XIX—XX вв. на территории древнего Галича — Крылоса выявили серию весьма своеобразных памятников XII—XIII вв., то в других городах Галицко-Волынской Руси еще лежат в земле и ждут раскрытия десятки руин. Так, например, во Владимире-Волынском, кроме двух сохранившихся памятников — Успенского собора 1160 г. и руин церкви в урочище «старая катедра», известны места более десяти построек XI—XII вв.[1] В маленьком Звенигороде-Галицком известны места лежащих в земле руин каменных построек XII в. с майоликовыми полами[2]. Точно так же земля Смоленска хранит более двадцати руин зданий XII—XIII вв. Все это говорит о том, что каменное монументальное строительство в древней Руси было не исключительным, но довольно повседневным явлением. Возможно, что именно поэтому летописи фиксируют далеко не все постройки. Летописание же ряда городов и княжеств и вовсе не дошло до нас, и только раскопки восстанавливают картину строительства в этих областях. Таковы, например, архитектурные памятники Полоцкого княжества или серия памятников древнерусского Гродно на Немане, само расположение которого вызывало споры в исторической литературе[3]. Самый факт образования в таких, не освещенных письменностью городских центрах оригинальных архитектурных школ говорит о развитии местной своеобразной культуры, о развитии ремесел, об определившихся местных художественных взглядах.

Сравнительно-историческое исследование отдельных особенностей здания—его технических приемов,отдельных форм и мотивов и их сочетания—позволяет установить внутренние и внешние связи архитектурного творчества данного края и времени, а это проливает свет и на связи его культуры в целом. Эта сторона исследования особенно существенна для русского средневекового зодчества, развивавшегося в условиях семейной передачи накопленного опыта и ученичества, в условиях определения «проекта» путем указания «образцов» и их комбинации в новой постройке[4]. Так, изучение архитектурных памятников XI—XIII вв. с особенной ясностью выявляет роль киевского художественного, технического и культурного наследия для развития зодчества периода феодальной раздробленности. Памятники этого последнего демонстрируют пути видоизменения киевских «образцов» в местных условиях и в кругу новых местных связей, формирование местных школ, обмен опытом между зодчими разных областей, определяющий единство русского зодчества при локальном своеобразии его школ. Далее, памятники XV—XVI вв. с полной отчетливостью показывают, как богатство местных особенностей и достижений архитектуры предшествующего периода сливается в развитии зодчества Русского централизованного государства. XVII век ознаменовывается появлением нового вида архитектуры — промышленных и торговых зданий, могучим воздействием гражданского зодчества на культовое, ростом влияния на последнее народных художественных взглядов и его «обмирщением».

---

[1] О. Цинкаловський. Материяли до археології Володимирського повиту. «Записки НТШ», т. CLIV, Львів, 1937.

[2] Л. Чачковський. Княжий Звенигород (архив отдела археологии Института обществ. наук Львовского филиала Академии наук УССР).

[3] Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, XXVII, 1949, и XXXVIII, 1951.

[4] Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.— Л., 1934, стр. 77.

Таковы, далеко не исчерпанные приведенными, примеры исследовательских вопросов и тем, которые решаются изучением типологии архитектурных памятников, их топографии и сравнительно-историческим рассмотрением их конструктивно-технических приемов и форм.

5

Вопрос о роли монументального строительства в борьбе господствующего класса за упрочение своего положения тесно связан с особенностями выражения художественных взглядов в архитектурном произведении. Поэтому мы должны рассмотреть обе эти темы вместе.

3. Монументальная архитектура, по сравнению с другими отраслями искусства, наиболее непосредственно связана с насущными практическими нуждами общества и в особенности его господствующего класса. Архитектурный памятник обычно и создается по заказу его представителей, а также часто по заказу самой государственной власти (или церкви). Архитектура является сильнейшим средством пропаганды их могущества, их классовых интересов. И в этом смысле архитектура является «величайшей активной силой» в борьбе за развитие и укрепление данного базиса и позиций данного класса. Следовательно, развитие архитектуры не может значительно отставать от развития базиса и классовой борьбы, архитектура является сильнейшим оружием в этой борьбе. В то же время в архитектуру, которую практически создает мастер, принадлежащий к среде городского ремесла, проникают народные художественные взгляды, проявляющиеся в облике здания с большей или меньшей силой в зависимости от конкретной исторической обстановки. Иными словами, архитектурный памятник является, как правило, таким историческим источником, анализ которого обычно раскрывает художественные взгляды и политические или религиозные представления современного ему общества. И в этом смысле он очень точен и объективен.

История древнерусского зодчества дает множество примеров, подтверждающих изложенные положения. Достаточно вспомнить роль архитектуры и искусства вообще в истории «выбора веры» послами Владимира и последующем «крещении Руси», политическое значение строительства Ярослава в борьбе за самостоятельность Киевской державы, планомерность в архитектурном оформлении столицы северных «самовластцев» XII в.— Владимира, строительство Ивана Калиты, Дмитрия Донского и Ивана III в московском Кремле, связанное с важнейшими этапами «возвышения Москвы» в ее борьбе за создание Русского централизованного государства. Названные крупнейшие факты истории русского зодчества показывают, что архитектура теснейшим образом связана с историей государства, с политической историей Руси, что поэтому в архитектурном памятнике найдут отражение и художественные взгляды народа. Совершенно ясно также, что и в культовом зодчестве, являющемся ведущей линией развития древнерусского искусства, отчетливо отразятся не только эволюция самого культа и те или иные представления о боге; в культовой архитектуре можно проследить и борьбу пробивающихся на поверхность ростков рационалистического мировоззрения с метафизической церковной догмой. Словом, в архитектурном памятнике проявятся в специфической форме черты двух культур. К этой теме далее мы обратимся особо.

Чтобы понять исторический смысл, идейное содержание архитектурного памятника, далеко не достаточно общей формулировки его связи с тем или иным событием, с теми или иными мероприятиями власти или

отдельных представителей господствующего класса. Нужно конкретно вскрыть это содержание, выраженное в «архитектурном образе».

4. В отличие от изобразительных искусств — живописи и скульптуры, выражающих определенное идейное содержание в реальных образах, воспроизводящих чувственно-воспринимаемый мир, «язык архитектуры» не изобразителен, а потому и его истолкование более сложно. «Архитектурный образ» никогда не может быть раскрыт как некое «литературное» смысловое «содержание», воплощенное в данном памятнике. Художественные взгляды общества отражаются здесь в более общей, отвлеченной форме. При этом нужно подчеркнуть, что поэтому архитектурный образ и менее индивидуален, в нем воплощаются не частные, скоропреходящие «веяния времени», но более типичные, ведущие художественные взгляды и вкусы общества. Эти качества архитектурного образа также определяют выдающееся значение архитектурного памятника как исторического источника: он доносит до нас в своем содержании не случайное, но типичное, не частное, но главное в художественных взглядах данной эпохи.

Какими же средствами передает архитектура то или иное «содержание», из каких элементов складывается воплощенный в здании «образ»? Что в этих средствах является главным и доступным восприятию широких народных масс и делает архитектуру действенным оружием в классовой борьбе? Это вопросы наиболее сложные и ответственные. Поэтому при их решении исследователь обязан освещать их, не только исходя из анализа самого памятника, но и всемерно мобилизуя показания письменных источников, литературы, фольклора и т. п., проверяя и контролируя свои наблюдения свидетельствами современников.

В своей ранней статье «Дебаты о свободе печати» К. Маркс очень метко подчеркнул значение «количественного» момента для идеологии средневековья. «Наше время,— писал он,— не имеет больше того реального чувства величия, которое нас восхищает в средних веках». И далее, говоря о «двадцати огромных фолиантах Дунса Скота», замечает: «Последних вам даже не надо читать. Уже один их колоссальный вид трогает ваше сердце, поражает ваши чувства, как готическое здание. Своими стихийными размерами эти колоссы действуют материально на душу. Душа себя чувствует подавленной под тяжестью массы, а чувство подавленности есть начало благоговения»[1]. Эта характеристика показывает прежде всего, что архитектурный образ выражает тот или иной комплекс идей путем создания архитектурными средствами определенных общих эмоций: впечатления торжества или величия, грубой силы или тонкой одухотворенности, суровой строгости или светлой мечты и т. п. (в этом смысле архитектуру справедливо сравнивали с музыкой). Характеристика, данная К. Марксом, очень ясно подчеркивает также, что одним из простых средств воплощения архитектурного образа является масштаб здания, производящий непосредственное впечатление — в данном случае впечатление величия — и вызывающий чувство подавленности и благоговения. Именно в границах подобных простейших средств и должна была развиваться архитектура средневековья, чтобы заложенные в ней идеи были доступны пониманию широких масс города и деревни, а в этом и был смысл действенности архитектуры как средства пропаганды в руках господствующего класса.

Что именно подобные общие свойства монументального здания стояли на первом плане в осознании современниками смысла архитектурного

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 140. (Разрядка моя.— *Н. В.*)

образа — свидетельствуют драгоценные характеристики выдающихся памятников древнерусского зодчества в летописи. Так, об Успенском соборе московского Кремля 1475—1479 гг. летописец записал: «бысть же та церковь чюдна велми величеством и высотою, и светлостию, и звоностью, и пространством»[1]. Существенно в данной связи отметить, что самый термин «пространство» и связанные с ним производные имели в древнерусском языке особые, ныне отпавшие значения: «пространо» — свободно, привольно; «пространьство» — удобство, веселье, простота[2]. Это объясняет применение в цитированном тексте, кроме терминов «величество и высота», особого термина «пространство», характеризующего конкретные качества интерьера собора. Также и термин «величество» обозначал не только «величие» и «величину», но и «великолепие», «красоту» — «великолепьство», «велелепотность»[3]. Храм Вознесения в Коломенском 1532 г. вызвал восхищение современника, так как «бе же церковь та велми чюдна высотою, и красотою, и светлостию»[4]. Описывая пожар Москвы, подожженной в 1408 г. ханом Едигеем, летописец отметил с особым чувством, что в пламени погибли деревянные храмы, которые своими высокими силуэтами определяли величественный сбраз города Москвы («высокими стоянми величьство града Москвы украшаху»)[5]. Эти качества здания — его объем, высота, характер внутреннего пространства, его освещение и т. п. — не требовали их «чтения», т. е. расшифровки, они были доступны сознанию народа, действуя «материально на душу», непосредственно «поражая чувство».

Таким же общим средством воздействия архитектуры на сознание простых людей являлась подчеркнутая пышность внутреннего или внешнего оформления здания, его богатство. Достаточно вспомнить подробное описание летописцем убранства владимирских и боголюбовских храмов, построенных Андреем Боголюбским, и их драгоценной утвари из золота и серебра и свидетельство повести об убийстве князя Андрея о том, как князь приказывал вводить на хоры дворцового собора прибывавших к нему иноземных послов и гостей и как даже их поражали великолепие убранства и красота храма. При этом примечательно, что автор данной повести отчетливо формулирует и самую задачу этого богатого убранства: «и всякими узорочьи у д и в и ю», «у д и в и в ю сосуды златыми и многоценьными тако я к о и в с и м п р и х о д я щ и м д и в и т и с я»[6]. «Дивить» значило удивлять, но «диво», «дивление», «дивеса» значило также «чудо», «чудеса», т. е. нечто сверхъестественное[7]. Когда здание поражало необычностью и сложностью своих форм или убранства, оно и вызывало у современников удивление и уподобление его «чуду». Так, большой деревянный собор в Ростове, построенный в конце XI в. и сгоревший в 1160 г., вызвал следующую оценку: церковь была «т о л и к о ч у д н а, якова не бывала и потом не будеть»[8].

Это чувство «чуда», чувство загадочного и непонятного могло быть вызвано и путем сознательного применения в архитектуре соответствующих средств. Так, например, резной убор Димитриевского собора, сотканный

---

[1] ПСРЛ, VIII, 201.
[2] И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1902, стб. 1578—1580.
[3] Там же, т. I, стб. 238—240.
[4] ПСРЛ, VIII, 279.
[5] ПСРЛ, XV (Рог. лет.), 183.
[6] ПСРЛ, II, 581 и след.
[7] И. С р е з н е в с к и й. Материалы..., т. I, стб. 662—665.
[8] ПСРЛ, XV (Твер. сб.), стр. 115.

из образов чудовищ, фантастических и чужеземных животных, взятых из репертуара драгоценных произведений прикладного искусства и заморских тканей в сокровищницах знати, был понятен и близок самой знати, но был, при всей своей красоте и художественном совершенстве, вероятно, непонятен народу и именно поэтому мог устрашать и изумлять своей загадочностью.

Все подобные общие средства воздействия древнерусской монументальной архитектуры имели особую силу, так как воспринимались в остром контрасте с бедностью и примитивностью жилищ простого люда — полуземлянками и курными избами.

Древнерусскому человеку была также хорошо понятна связь архитектуры с ландшафтом, роль природы во взаимодействии с тем или иным зданием, с его образом. Сильное чувство и понимание красоты природы вообще характерно для мировоззрения древнерусского человека. Оно сказалось в поэтической «ландшафтной» интродукции «Слова о погибели Русской земли», в которой «города великие и села дивные» выступают на фоне русской природы[1], в грандиозном космическом пейзаже «Слова о полку Игореве», в многих страницах русских летописей и в народных былинах. Летописец, описывая сооруженную в 1199—1200 гг. зодчим Петром Милонегом подпорную стену обрыва днепровского берега у Выдубицкого монастыря, отмечает, что это сооружение произвело огромное впечатление на киевлян, которые любили посещать эту высокую «набережную», куда их привлекал вид широкого пейзажа, «им нравилось смотреть отсюда, со всех сторон в их душу входила радость, так как им казалось, что они парят в воздухе» («мняться яко аера достигше»)[2]. Город Холм был поставлен на месте, выбранном князем Даниилом, так как это было «место красно и лесно на горе, обьходящу округ его полю»[3].

Та же Ипатьевская летопись не раз отмечает связь архитектуры и природы. Так, княжеское именье Гай было «красно видением и устроено различными хоромы»[4]; во время похода на ятвягов Даниил Галицкий обратил внимание на заброшенное городище: «виде при брезе гору красну и град бывши на ней прежде именем Рай» (характерно и само название города Раем)[5]. Митрополит Пимен в своем «Хождении» (1389 г.) отмечает городища на Дону — «быша древле грады красны и нарочиты зело видением места...»[6]. Термин «стройный», означающий теперь понятие пропорциональности, первоначально имел иное значение: «стройным» называли красивое место, пригодное поэтому для постройки; Иван Грозный, определяя место для сооружения Свияжска, «узре ту между двема рекама, гору высоку и место стройно и твердо велми и красно и подобно к поставлению града»[7]. Многочисленные примеры продуманного использования ландшафта в градостроительстве древней Руси дают русские города Киев, Владимир, Старая Рязань и многие другие. И. Э. Грабарь справедливо отмечал «поразительное уменье, с которым эти строители-поэты (русские плотники.—*Н. В.*) выбирали места для храмов: нет возможности придумать композицию лучше той, при помощи которой они связывали встающие из-за леса шатры или вырастающие из-за береговой

[1] Слово о погибели Русской земли. СПб., 1892, стр. 18—19.
[2] ПСРЛ, II, 714. (Даем перевод.— *Н. В.*)
[3] ПСРЛ, II, 848.
[4] ПСРЛ, II, 908.
[5] ПСРЛ, II, 828.
[6] ПСРЛ, XI, 96.
[7] ПСРЛ, XIX, 60.

кручи главки церквей со всем окружающим пейзажем, с изгибом реки, с изломом холмов, с гладью лугов и со щетиной лесов...»[1].

Что эти общие средства выражения архитектурного образа очень отчетливо воспринимались сознанием человека и глубоко усваивались им, свидетельствует примечательный факт характеристики впечатлений от явлений природы путем их сопоставления с архитектурой. Так, псковский летописец, описывая ранний ледостав на реке Великой, очень сжато и четко передает образ остроугольного и прихотливого нагромождения схваченных морозом льдин короткой, но исключительно выразительной формулой: «лед стал наборзе, неровно, как хоромы»[2]. Образ деревянной застройки города с ее ломким силуэтом, видимо, прочно вошел в сознание летописца. Другой пример. Протопоп Аввакум, описывая скалы берегов «Байкалова моря», сравнил их с постройками: «около его горы высокие, утесы каменные и зело высоки... Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы — все богоделанно[3]...» Естественный («богоделанный») зубчатый силуэт байкальских скал вызвал ассоциацию с силуэтом города и его построек.

Таким образом, памятники древнерусского феодального зодчества могут дать представление не только о художественных взглядах господствующего феодального класса, но,— что более важно,— и об уровне художественного развития самих народных масс, к которым архитектура обращалась со своей «речью».

Что касается самих идеологов господствующего класса, в частности, духовных писателей, то в их произведениях мы найдем немало драгоценных данных, свидетельствующих об их большом интересе к архитектуре, а также о том, что их привлекало в ней в данное время. Так, например, знаменитый вития конца XIV — начала XV в. Епифаний, в ответ на предложение тверского епископа Кирилла составить житие князя Михаила, отказался от этого поручения, так как он не знал князя и не мог написать жития, и изложил свой отказ в образной форме: «Егда единою видевый пришлец великаго града [изрядно] стояние, что убо хощеть рещи о нем? Но токмо в себе видению дивится и ко иным глаголет: видех убо аз преславное граду видение, о нем же по части несть ми съглаголати, преудивиша бо ми ся мудрая основания твердости и крепости стен, и утвержение врат, и сведение столп и полат украшение; разум же не прииде [ми] ни ко единому ухищрению, да тем не могу иным исповедати, ибо сам аз не насладихся тоя изрядныя красоты»[4]. Епифаний сравнивает себя с человеком, который, впервые увидев прекрасно расположенный город, удивился его отдельным внешним и частным чертам — мощи его укреплений и украшению зданий; но эти первые впечатления («по части») еще не объединились в обобщенное представление («единое ухищрение») об ансамбле города, так как он еще недостаточно напитался впечатлениями от его красоты.

Приведенные примеры показывают, что в раскрытии смысла архитектурного образа важнейшее значение имеет параллельное изучение современной данному памятнику или группе памятников литературы, возможно полное привлечение всех сведений об исторической обстановке, в которой возникло данное архитектурное произведение. «Все произведения искусства не нашей эпохи и не нашей цивилизации,— писал Н. Г. Чернышев-

[1] И. Э. Грабарь. История русского искусства, т. I, стр. 11—12.
[2] ПСРЛ, IV, 262.
[3] Житие протопопа Аввакума. М., 1934, стр. 110—111.
[4] А. Д. Седельников. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл тверской и Епифаний московский). ИОРЯС, XXXI, 1926, стр. 160, прим 1.

ский,— непременно требуют, чтобы мы перенеслись в ту эпоху, в ту цивилизацию, которая создала их; иначе они покажутся нам непонятными, странными, но не прекрасными»[1]. Исследователь обязан по возможности полно и точно осознать уровень понятий и характер представлений человека изучаемого времени и от этих данных подходить к анализу идейного содержания каждого памятника. Он обязан по возможности приблизиться к современным представлениям и уровню понятий, отнюдь не навязывая человеку давно минувшей эпохи своих эмоций и взглядов[2]. Именно этот путь конкретно-исторического анализа обеспечивает раскрытие объективного содержания данного памятника или их группы.

Опыт очерченного выше пути параллельного исторического изучения архитектуры и литературы позволяет исследователю смелее вести анализ художественного смысла и таких памятников, к которым письменные источники не дают соответствующего комментария, т. е. пользоваться приемом аналогии. Вскрывая те или иные особенности архитектурного памятника в границах определенных выше общих средств выражения и в контексте с данными литературы и письменных источников вообще, исследователь вправе говорить об их исторической значимости и реальности.

Здесь же необходимо определить наше отношение к эстетическому критерию оценки памятника искусства вообще и архитектуры в частности. Он должен иметь место, но не как самодовлеющий и неизменный критерий; он должен быть также историческим, изменчивым. «Чисто художественная критика, не допускающая исторического взгляда,— писал еще В. Г. Белинский,— теперь никуда не годится, как односторонняя, пристрастная и неблагодарная. Художественность и теперь великое качество литературных произведений, но если при ней нет качества, заключающегося в духе современности, она уже не может увлекать нас. Поэтому теперь посредственно-художественное произведение, но которое дает толчок общественному сознанию, будит вопросы или решает их, гораздо важнее самого художественного произведения, ничего не дающего сознанию вне сферы художества». Таким образом, оценка художественной формы мыслима лишь в связи с содержанием произведения искусства, с оценкой его прогрессивности. Это и есть та партийная точка зрения, о которой В. И. Ленин писал: «... материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»[3].

Вопрос о выражении в архитектурном памятнике художественных взглядов и — шире — идеологии господствующего класса, который мы частично затронули выше, является частью более сложного вопроса о проявлении в архитектуре не только классовых, но и более широких связей и качеств — народных (или национальных), вопроса об отражении в архитектуре двух культур.

Отправным пунктом для его рассмотрения является ленинское положение о двух культурах в национальной культуре каждого народа. «Есть

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности. М.— Л., 1939, стр. 53.

[2] Последнее грубейшее извращение научного анализа было особенно типично для формалистической школы, например, для А. И. Некрасова, нагромождавшего в своих исследованиях фантастические оценки древнерусского зодчества, опиравшиеся на изощренную «искусствоведческую» эквилибристику понятий буржуазного формализма XX в.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 380—381.

две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова»[1]. «В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры. Поэтому «национальная культура» вообще *есть* культура помещиков, попов, буржуазии»[2].

Противоположность двух культур зарождается вместе с победой капиталистического способа производства. Однако степень этой противоположности, а вместе с тем и историческая оценка буржуазной культуры будет различной на разных этапах развития капитализма.

На первых порах, когда буржуазия добивает в экономическом отношении господствовавший класс феодалов и стремится ускорить разрушение старого базиса феодального общества, она выполняет прогрессивную историческую роль, а следовательно, и буржуазная культура будет характеризоваться прогрессивными чертами, отражать и поддерживать тенденции исторического развития, интересы народа. В качестве примера достаточно привести указания В. И. Ленина на необходимость исторического подхода в оценке идеологии того или иного класса. Оценивая значение русских «просветителей» середины XIX в., Ленин писал: «Мы сказали выше, что Скалдин — буржуа. Доказательства этой характеристики были в достаточном количестве приведены выше, но необходимо оговориться, что у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним (*без различия исторических эпох*) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его...»[3]. И далее: «... эти пожелания выражают интересы прогрессивных общественных классов, насущные интересы всего общественного развития по данному, т. е. капиталистическому, пути»[4].

С развитием капитализма, с обострением классовой борьбы углубляется различие двух культур, их противоположность. Но и при этом культура данной нации еще остается определенной общностью, остается н а ц и о н а л ь н о й культурой, являющейся одним из важных признаков нации[5].

В период же загнивания капитализма, когда капиталистические производственные отношения становятся тормозом развития производитель-

---

[1] В. И. Л е н и н. Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. 20, стр. 16.

[2] Там же, стр. 8.

[3] В. И. Л е н и н. От какого наследства мы отказываемся. Соч., т. 2, стр. 473.

[4] Там же, стр. 474.

[5] См. И. В. С т а л и н. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1939, стр. 11.

ных сил и буржуазия становится реакционным классом в борьбе с растущей революционной активностью пролетариата, ее культура быстро теряет свои прогрессивные качества, становясь на реакционные позиции защиты интересов умирающего класса, становясь антинародной. «На первых стадиях капитализма,— указывал И. В. Сталин,— еще можно говорить о «культурной общности» пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы «общность» начинает таять. Нельзя серьезно говорить о «культурной общности» нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга»[1]. В речи И. В. Сталина на XIX съезде КПСС с замечательной яркостью и глубиной охарактеризована современная империалистическая буржуазия, которая стала более реакционной, потеряла связи с народом, растоптала принцип равноправия людей и наций, выбросила за борт знамя национальной независимости и национального суверенитета[2]. Ясно, что и культура империалистической буржуазии полностью отрывается от народных корней, теряет все свои национальные черты, вытравляет их пропагандой растленной идеологии космополитизма.

Таковы основные черты развития двух культур при капитализме.

Относится ли ленинское учение о двух культурах только к капиталистическому обществу? Связано ли это расслоение культуры с тем, что капитализм является последней ступенью в истории классового общества, когда вызревают условия для перехода к обществу бесклассовому, социалистическому и соответственно этому появляются ростки н о в о й социалистической культуры?

Нам представляется, что учение о двух культурах следует относить к истории классового общества в целом, ибо корни двух культур лежат в расколе общества на непримиримые антагонистические классы — на класс эксплуататоров и «трудящуюся эксплуатируемую массу». Однако конкретное проявление двух культур и их развитие будут иметь при феодализме и при рабовладельческом строе свои особенности.

В эпоху капитализма рядом с господствующей культурой буржуазии вырастает культура трудящейся, эксплуатируемой массы, порождаемая условиями жизни этой эксплуатируемой массы. Однако в капиталистическую эпоху две культуры выступают как резко и четко противопоставленные друг другу. «Буржуазия и её националистическая партия действительно руководят буржуазной культурой, так же, как пролетариат и его интернационалистическая партия руководят пролетарской культурой»[3]. Острота противоположности двух культур и обусловлена именно тем, что в капиталистическую эпоху трудящаяся эксплуатируемая масса впервые выступает организованно, во главе ее стоит рабочий класс, имеющий свою партию, свою политическую программу и р у к о в о д я щ и й создаваемой им культурой. В этом коренное отличие соотношения двух культур в эпоху капитализма от их соотношения в феодальный период.

В эпоху феодализма мы с полной отчетливостью можем проследить лишь рост и развитие господствующей культуры класса феодалов, ясно увидеть, как феодальная знать и церковь р у к о в о д я т этой культурой, используя ее средства для упрочения своего господства и для подчинения эксплуатируемого большинства. В то же время культура народных масс развивается стихийно, крестьянство и городские низы лишены сплоченности и организованности. «...Крестьянство, стремясь к новым формам

[1] И. В. С т а л и н. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 34.
[2] И. В. С т а л и н. Речь на XIX съезде партии. Госполитиздат, 1952, стр. 11— 13.
[3] И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21.

общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие...»[1]. Поэтому и культура широких масс крестьянства и горожан не выступает столь четко и определенно, как демократическая культура капиталистической эпохи, ее научное определение и изучение ее развития более сложно, оно улавливается с большим трудом.

Важно отметить, что классовая борьба в феодальную эпоху была менее острой и ожесточенной, чем при рабовладельческом строе и капитализме. «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, ж е с т о к а я классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя». При феодализме — «эксплуатация почти такая же жестокая, как при рабстве,— она только н е с к о л ь к о с м я г ч е н а. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя» . Наконец, «...о с т р е й ш а я классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту капиталистического строя»[2]. Подчеркнутые нами определения И. В. Сталиным характера классовой борьбы весьма важны,— они выделяют в этом отношении эпоху феодализма.

В этой связи важно отметить, что условия феодального периода способствовали проникновению в быт и культуру господствующего класса элементов народной культуры. Эксплуатация крестьянства связывает феодалов с деревней, их усадьбы в гуще крестьянского мира во всех отношениях обслуживаются крестьянским трудом, деревенские плотники строят господские хоромы и создают их обстановку, деревенские мастерицы украшают их одежду, господские дети растут под надзором деревенских нянек, слушая их народные песни и байки, и т. д. В этих отношениях по существу мало отличалась от деревенской и городская усадьба феодала. Города росли за счет выходцев из деревни, городские ремесленники, развивая свои производственные навыки и обладая более широким кругозором, все же во многом несли те же крестьянские идеи и представления. Таким образом, создавая свою культуру и руководя ею, господствующий класс строил ее в основном руками и мыслью угнетенного класса. Поэтому в его господствующую культуру неизбежно проникали значительные народные элементы. Поэтому и исследование архитектурных памятников, созданных господствующим классом, может обнаружить в них выразительные народные черты.

Исторический путь развития культуры господствующего класса при феодализме в общем сходен с путем развития культуры буржуазной: от культуры прогрессивной в начале истории феодального общества до культуры реакционной — антинародной, тормозящей развитие нового. Вместе с этим изменяется и соотношение классового и народного в культуре господствующего класса.

Однако конкретный процесс развития двух культур в феодальном обществе не может не отличаться существенным образом от их развития при капитализме. Это различие будет заключаться в следующем.

Если буржуазия рождается в недрах классового феодального общества, то (в России) феодализм вызревает в недрах патриархально-общинного строя, приходит на смену бесклассовому обществу. Разрушение старого патриархального базиса, процесс становления феодальной собственности и раскола общества на антагонистические классы протекает в жестокой борьбе. При этом культура класса феодалов будет выражать прогрес-

[1] В. И. Л е н и н. Лев Толстой как зеркало русской революции. Соч., т. 15, стр. 184.

[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120—121. (Разрядка моя.— *Н. В.*)

сивные начала. В то же время феодалы, не имея своего местного опыта классового господства, неизбежно будут обращаться к опыту других государств и их культура приобретет в какой-то мере «чуждый» характер, тогда как культура народа, эксплуатируемого большинства, окажется носительницей местных «национальных» начал. Характер развития и борьбы двух культур на заре феодализма будет, следовательно, иным, острота их противоречий будет резче.

Если в пору расцвета капитализма он несет в самой своей основе непримиримое противоречие— растущую силу пролетариата (могильщика капитализма и классов вообще), а культура пролетариата в корне противоположна культуре буржуазной, то вызревающая в недрах феодализма буржуазия является носителем лишь новых по форме отношений собственности, нового классового угнетения. Поэтому начальные этапы развития ее культуры могут протекать и в рамках старого общества. Сама эволюция феодальной ренты от барщины к продуктовой, а затем денежной форме создает условия для роста мелкобуржуазных элементов в крестьянстве. С переходом к продуктовой ренте «...еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения»[1]. Ростки нового м о г у т уживаться со старым, видоизменяя и используя его условия, осваивая его культуру. В свою очередь класс феодалов, испытывая давление товарно-денежных отношений, может приспосабливаться к новой обстановке, изменять свое хозяйство, свою культуру, в нее могут проникать и иногда достигать значительной силы народные черты, ослабляющие или уничтожающие ранее освоенные чужеземные элементы.

Если в конце капиталистической формации буржуазной культуре противостоит в непримиримом антагонизме культура пролетарская, вестник социалистического бесклассового общества, то рядом с феодальной культурой в конце феодальной эпохи крепнет культура буржуазная, вестник нового этапа истории того же классового общества. Вырастающие из среды крестьянства и посада крупные представители торгового капитала очень тесно связаны с господствующими феодальными отношениями; разрушая их, они сами стремятся сблизиться с господствующим классом, освоить его культуру. Буржуазия, представляя на этом этапе революционную, прогрессивную силу, несет в своей культуре могучее национальное начало, опирается на народную культуру. В то же время новое властно проникает в феодальную культуру изнутри, подрывая, в частности, безраздельное господство религиозной идеологии.

Таким образом, процесс развития культуры в феодальную эпоху представляется более сложным и своеобразным. Наиболее четко выступает господствующая культура господствующего класса, руководимая им и использующая в очень значительной степени культуру народных масс. Последняя выступает не столько в самостоятельной и четко определенной форме, сколько в отражении в культуре господствующего класса и особенно в культуре, складывающейся на последнем этапе истории феодального общества буржуазии.

Одновременно процесс развития буржуазных связей ведет к созданию более широкой исторической общности — нации. Ее элементы, как указывает И. В. Сталин, вызревают еще в недрах феодального общества: «Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д.— не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии

[1] В. И. Л е н и н. Развитие капитализма в России. Госполитиздат, 1952, стр. 139.

и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях»[1]. Этот процесс усиливает черты общности в культуре. Поэтому при наличии двух культур в культуре феодального общества — определившейся господствующей культуры феодалов и нарастающих элементов культуры народных масс — культура каждого народа представляет и определенное единство как культура данного народа — русская или немецкая, армянская или грузинская и т. п.

Таковы основные особенности развития и взаимоотношения двух культур в условиях феодального общества.

Из этих особенностей вытекает весьма важное положение о формах проявления двух культур в области искусства феодальной эпохи и архитектуры в частности. Они будут выступать не только и не столько «отдельно» в о с о б ы х памятниках, сколько будут проявляться в одном и том же памятнике,— народные черты будут проникать в большей или меньшей мере в княжеско-боярское и церковное строительство, в строительство верхов посада, и, наоборот, в строительстве деревни будет сказываться воздействие художественных взглядов господствующего класса, воздействие приемов его построек. Это положение не имеет ничего общего с «теорией» «единого потока», смазывающей реальную противоречивость развития культуры. Взаимопроникновение и борьба двух культур в феодальный период являются особенностью их развития в данных исторических условиях.

6

Вернемся теперь в этой связи к нашей теме. Что дает архитектурный памятник для освещения проблемы двух культур и — одновременно — как в свете этой проблемы следует оценивать тот или иной памятник или их группу?

В нашей науке наблюдались самые противоположные подходы к оценке архитектурных памятников русского средневековья. Не будем здесь говорить о формалистическом, антиисторическом направлении, в литературном наследстве которого было бы тщетно искать чего-либо хотя бы приближающегося к точным научным построениям и с т о р и и искусства. Школа М. Н. Покровского нашла в истории русского искусства отклик в виде вульгарно-социологического течения, когда исследователя интересовала лишь «классовая аттрибуция» памятника, всегда рассматривавшегося только как выражение «своекорыстных» идей и взглядов «заказчика»; мысль же о том, что тот или иной памятник был в то же время памятником р у с с к о г о искусства, искусства русского народа,— совершенно выпадала из круга научных интересов. Представители этого направления напоминают тех «последователей Струве, желающих считаться марксистами», которые, встретив у Маркса понятие «*народной* революции», «...могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно»[2].

Во время Великой Отечественной войны, чрезвычайно поднявшей интерес к проблемам истории культуры и искусства великого русского

[1] И. В. С т а л и н. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. II, стр. 336.
[2] В. И. Л е н и н. Соч., т. 25, стр. 388.

народа, в научной литературе появилась другая крайность — расширительного, очень расплывчатого и ненаучного понимания «народности» древнерусской архитектуры. Эта тенденция также имеет мало общего с наукой и много общего с народническими мелкобуржуазными взглядами, в основе которых лежала «теория» о «самобытности» русского исторического процесса, романтическое учение о докапиталистическом «народном производстве», об исконности «устоев» крестьянской общины и т. п. Фактически именно в этом плане до сих пор «по инерции» выделяется, например, «народное» или «крестьянское» деревянное зодчество, т. е. архитектура (жилищная и культовая) русской деревни, при этом, видимо, подразумевается, что остальное зодчество является «не народным». Известное основание для этого выделения есть — здесь и мастер и заказчик принадлежат к одной и той же крестьянской среде, здесь связь крестьянства с наиболее отсталой формой хозяйства — мелким производством определила устойчивость выработанных веками художественных взглядов. Верно также и то, что крестьянство составляет основную часть эксплуатируемого большинства при феодализме и крестьянское есть народное по преимуществу; посадское население городов также пополняется притоком новых людей из деревни: «... города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности...»[1]. Однако во всяком случае для поры XVIII—XIX вв.,— времени расслоения деревни (начинающегося значительно раньше — уже с переходом к продуктовой ренте),— можно уверенно говорить, что «народного зодчества», как единого целого, нет, что и здесь при ближайшем историческом исследовании выступят, — может быть, с меньшей остротой, — две культуры, два искусства.

Что же следует разуметь под понятием «народности» в искусстве или других явлениях культуры? В этом понятии есть две стороны. Во-первых, народность есть выражение исторически обусловленных и развивающихся особенностей психического склада, национального характера данного народа; народность, писал В. Г. Белинский, есть «отражение индивидуальности, характерности народа, отражение духа внутренней и внешней его жизни, со всеми ее типическими оттенками и родимыми пятнами». Во-вторых, понятие народности включает в себя понятие прогрессивности, соответствия тех или иных идей или явлений интересам общественного развития, нуждам народа. Наличие или отсутствие этих признаков позволяет определить народность или антинародность явлений культуры со сравнительно большой точностью и объективностью. Учет этих признаков позволяет также понять, что при определенных условиях и культура феодалов может обладать качествами народности.

Теперь нужно дать себе отчет в том, что же представлял собой сам мастер-зодчий — творец архитектурного произведения? Здесь чрезвычайно ценны характеристики, данные В. И. Лениным при анализе строительного дела в XIX в.

«Строительное дело,— пишет В. И. Ленин,— первоначально входило точно так же в круг домашних работ крестьянина,— и продолжает входить поныне, поскольку сохраняется полунатуральное крестьянское хозяйство. Дальнейшее развитие ведет к тому, что строительные рабочие превращаются в специалистов-*ремесленников*, которые работают по заказу потребителей... ремесленник сохраняет обыкновенно связь с землей и работает на весьма узкий круг мелких потребителей»[2]. Далее В. И. Ленин

[1] И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 107.
[2] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, стр. 459.

говорит об образовании, с развитием капитализма, отхожего строительного промысла, который разрывает замкнутость ремесленников, знакомит их с новыми условиями жизни, предъявляющей «...спрос на совершенно иные постройки, непохожие ни по своей архитектуре, ни по своей величине на старинные здания патриархальной эпохи»[1], ремесленник знакомится с новыми разнообразными материалами, сложной организацией труда, новыми городами и поселениями. «Жизнь в столицах наложила на плотника отпечаток культурности: он живет несравненно чище окрестных крестьян и резко выделяется своей «интеллигентностью», «сравнительно высокой степенью умственного развития»»[2]. Специализация строительного дела ведет к образованию «...отдельных обширных районов, в которых рабочее население специализируется на том или ином виде строительных работ»[3].

Так обстояло дело в России XIX в. Приведенные В. И. Лениным характеристики строительного дела могут быть в известной мере применены и к феодальной эпохе. Эта отрасль ремесла была передовой отраслью. Уже очень рано мы находим специализацию плотников — «древоделей», «городников» или «горододельцев», организованных в свои корпорации,— первые сведения о них относятся к киевскому Вышгороду XI в. Можно указать и на своеобразную специализацию районов: при Ярославе Мудром славились новгородские плотники, в XII в.— владимирские каменосечцы, в XIV—XVI вв.— «каменные здатели» Пскова, в XVII в. устанавливается устойчивая специализация районов «кирпичников», каменных строителей[4].

Если мастера-плотники,— выходцы из среды деревенского ремесла,— отрываясь от патриархального застоя деревни, быстро повышали свою культуру, то тем более это относится к мастерам каменного зодчества — представителям передового городского ремесла. Их дело требовало большой суммы сложных познаний; их работа над постройками разного типа в различных городах Руси, знакомство с техническим и художественным опытом их собратьев в различных феодальных областях — все это быстро превращало «каменных здателей» в представителей «интеллигентного труда», делало их носителями высокой интеллектуальной культуры, способными не только к техническому исполнению полученного задания, но и к его творческому осмыслению и обогащению. Мастер был в этом смысле несравненно выше заказчика. В то же время, если летописцы или проповедники, писатели или поэты сами принадлежали к среде господствующего класса, «преизлиха насытившегося сладостью книжной», то мы почти не знаем зодчих, принадлежавших к высшим слоям общества; они, главным образом,— выходцы из среды горожан, а в XVI—XVII вв. и из крепостных крестьян.

Как же следует себе представлять сам творческий процесс создания данного, конкретного архитектурного образа в условиях древнерусской действительности? Что могло исходить от заказчика, как воспринимал задание мастер и что он мог вложить своего, наконец, что и как входило в архитектурный образ непосредственно от «духа времени», господствующего «настроения» эпохи?

И мастер, и заказчик располагали знанием предшествующего архитектурного опыта, знанием тех или иных «образцов», указание на которые

---

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, стр. 459.
[2] Там же, 460—461.
[3] Там же, стр. 460.
[4] «В непосредственной связи с разделением труда вообще стоит... территориальное разделение труда, специализация отдельных районов на производстве одного продукта...» Там же, стр. 371. (Разрядка моя.— *Н. В.*)

давало общее «комбинированное» представление о задании и его идейном замысле. В этом смысле и мастер, и заказчик смотрели назад, в прошлое. Это определяло линию преемственности и традиционности в развитии архитектуры. Мы располагаем серией порядных грамот на постройку храмов в XVII в., которые дают примеры реального оформления заказа постройки путем указания на многочисленные и разнообразные «образцы»[1]. Их количество и состав связаны здесь с растущим интересом к узорочности и сложной живописной композиции здания в XVII в. В древнейшее время условия заказа формулировались проще. Так, приглашенные в 1419 г. игуменом Клопского монастыря под Новгородом мастера Иван, Клим, Алексей и Александр на предложение князя Константина Дмитриевича «поставите ми храм камен живоначалныа Троица а обложаем [т. е. окладом, по плану] как Никола на Лятке», мастера ответили: «можем, господине, а в ту церковь святого Николу, что на Лятке». «И урядися князь с мастеры»[2]. Церковь на Лятке была построена Лазутой в 1365 г.[3]

В XVI в. при постройке Софийского собора в Вологде Иваном IV

«Образец он взял с Московского
Со собору со Успенского...»[4].

Стойкость типологии культового зодчества объясняется, следовательно, не только церковными канонами, но и условиями архитектурного творчества по «образцу», условиями ряда или заказа. Поэтому, обнаруживая типологическое, а в особенности близкое масштабное сходство двух или нескольких памятников, мы вправе заключать о наличии и там подобного заказа и ряда, можем пользоваться приемом «этнографического» хода исследования от новейшего к древнему.

Мастер мог свободно обращаться с указанными «образцами» при постройке, вносить свое, новое в их комбинацию и воспроизведение. Но все же это были только элементы, определявшие лишь в общих чертах тип здания и, может быть, общий характер его убранства. В то же время этот исторически обусловленный уровнем культуры прием определения форм новой постройки при помощи ссылки на предшествующие памятники зодчества—«образцы»—был одним из условий накопления и роста национальных черт в архитектуре, ее самобытности, так как в процессе изменения художественных взглядов общества из прошлого архитектурного опыта отбиралось наиболее ценное и отвечавшее новым запросам.

Совершенно ясно, что заказчик мог дать мастеру лишь самые общие «установки», опирающиеся на те или иные впечатления, полученные от других зданий в других русских городах; русские князья и бояре за свою жизнь бывали во многих русских землях, а иногда и за рубежом. Сильнейшие князья второй половины XII в., претендовавшие на преобладание в феодальной Руси, стремились отразить эту тенденцию и в своем строительстве; конечно, замысел обширного Благовещенского собора в Чернигове был продиктован мастеру князем Святославом; видимо, также определенным княжеским заказом была обусловлена вышина Успенского собора во Владимире, превосходящая вышину киевской Софии, и т. п. Заказчик мог также отвергнуть один вид убранства или рекомендовать

[1] Н. Н. Воронин. Очерки..., стр. 77.

[2] И. С. Некрасов. Зарождение национальной литературы в северной Руси. Одесса, 1870, прил., стр. 4 и 22—23.— Житие Михаила Клопского. (Приведенные цитаты берем из обеих редакций жития.)

[3] ПСРЛ, XV (Рог. лет.), стб. 81.

[4] П. Вейнберг. Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном. СПб., 1908, стр. 202.

другой, предложить для этого убранства те или иные «образцы» из области прикладного искусства. Так, например, при постройке собора Рождественского монастыря и обстройке епископского Успенского собора во Владимире в XII в. было явно запрещено применение резного камня в их убранстве и определен аскетически-строгий характер их архитектуры. Но, конечно, заказчик не мог дать и не давал никакой развернутой «идейной программы» постройки. Мастер действовал здесь в меру своей интуиции, в меру понимания им вкусов и положения заказчика, общей направленности его (и — шире — господствующего класса) политических и религиозных взглядов. Мастер создавал тот «язык», которым его постройка «говорила» с народом, используя предшествующий архитектурный опыт и создавая новые, обусловленные возможностями данного времени средства выражения новых идей, новых художественных взглядов.

Так, например, Димитриевский собор во Владимире — дворцовый храм «великого Всеволода», сильнейшего князя феодальной Руси конца XII в.,— с исключительной выразительностью воплотил в своем образе идею могущества его власти, дух торжества и величия. В качестве «образца» этого здания могли быть указаны и простые и суровые храмы времени Юрия Долгорукого, и блещущий изысканностью своих пропорций и прозрачной ясностью убранства храм Покрова на Нерли. Но это только т и п о л о г и ч е с к и е родственники Димитриевского собора; в нем, как и в названных его предшественниках, в рамках одного образца-типа воплощены особые идеи и чувства, и каждый раз своими архитектурными средствами. Мужественная сила пропорций и торжественный ритм наружного объема и внутреннего пространства Димитриевского собора резко отличны от женственной грации и стройности Покрова на Нерли. Дворцовый храм Всеволода проникнут не столько религиозной, сколько светской, политической идеей. Именно поэтому здесь обильно использована декоративная пластика, вызывавшая осуждение церкви; видимо, это сказалось и в том, что монах-летописец не счел нужным отметить своей записью эту постройку князя. Резной убор всеволодова храма подобен пышной, тяжелой, затканной узором ткани, одевающей мощное тело здания. Если храм Покрова проникнут стремлением ввысь, и это движение легко и свободно, то ритм Димитриевского собора можно уподобить торжественному «восхождению», это — движение всесильного владыки в драгоценных, не гнущихся одеяниях. Сущность образа собора,— апофеоз власти владимирского великого князя,— полностью отвечает идеологии летописания времени Всеволода, т. е. отражает и определенную политическую концепцию, которой вторил вкус к пышности и богатству княжеского быта. Исследование архитектуры Димитриевского собора[1] вскрыло систему тончайших художественных приемов зодчего, при помощи которых он смог воплотить данный образ в «поэтическом строе» храма.

В приведенном примере мы имеем дело с таким случаем, когда данное архитектурное произведение выражало прогрессивные для своего времени идеи: сильная княжеская власть являлась в XII в. важнейшим условием борьбы с феодальным хаосом, она опиралась на поддержку передовых сил народа, отвечала его кровным интересам. Поэтому здесь нет расхождения или конфликта во взглядах мастера и заказчика.

Следует, однако, в плане данной темы подчеркнуть некоторые особенности архитектуры по сравнению с другими видами надстройки, например,

---

[1] В. И. К а з а р и н о в а. Новое в исследовании архитектуры Димитриевского собора во Владимире (кандидатская диссертация).

с литературой. Ф. Энгельс указывает, что появление наук и искусств «...было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также наукой и искусством»[1]. Литературное письменное творчество с самого начала развития и становится видом ясно выделившегося «умственного труда» и потому может полностью зависеть от взглядов и нужд господствующего класса, находясь в руках его «идеологов», хотя и в эту литературу просачивались народные взгляды, так как «умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа»[2]. Архитектурное же творчество на всем протяжении истории древней Руси не подвергается рассечению на производственную и архитектурно-художественную сферы; зодчий, при всей высоте своей умственной культуры, не превращается в «кабинетного» художника, «проектирующего» свои замыслы в отрыве от непосредственного строительства,— он сам остается строителем, непосредственным «здателем», воплотителем художественных идей, первым рабочим строительства. Именно поэтому, в отличие от литературы, которая легче могла стать монопольной сферой творчества «просвещенных» представителей господствующего класса—церковников, дворянства, знати,—архитектура оставалась «производственно» (а в значительной мере и идейно) в руках народа — его зодчих, выходцев из посада и деревни. Этой областью культуры было труднее руководить и подчинять ее интересам и взглядам феодалов, тем более, что самый «язык» архитектуры был, как мы видели, более «условным», «общим» и своеобразным. Поэтому в силу очерченной относительной «самостоятельности» мастера-зодчего и в архитектуру господствующего класса, и в культовое строительство церкви могли проникать и проникали народные художественные взгляды, отражались черты национального характера. Поэтому был глубоко прав А. М. Горький, говоривший в докладе на I съезде советских писателей, что «маленькие, язычески разнообразные, как бы игрушечные древние церкви убедительно говорят нам о талантливости нашего народа, выраженной в церковном зодчестве».

7

Национальный характер — это «отражение условий жизни», «сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды»[3]. Отдельные стороны русского национального характера не раз отмечались в литературе. Так, например, В. Г. Белинский указывал на такие черты, как отвага и удаль, несокрушимая мощь и бодрость духа, сметливость и переимчивость и другие. Подобные общие черты русского национального характера, психического склада проявились и в архитектуре древней Руси. Разве не воплощены в киевской Софии, в ясности и могучей динамике ее композиции, в ее огромных, по сравнению с ее византийскими типологическими аналогами, размерах[4]— ясный ум, широкий размет души, русский размах, несокрушимая мощь и бодрость духа? Разве не сказались в суровой простоте и мужественной красоте новгородских храмов ясный ум и стойкий характер «гражан» Великого Новгорода? Таких примеров и сопоставлений можно привести множество.

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1950, стр. 170.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 88.
[3] И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 14.
[4] Н. И. Брунов. О некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян. «Архитектурное наследство», т. II, М., 1952, стр. 21—23.

Но архитектурный памятник, на наш взгляд, позволяет сделать и более конкретные, а следовательно, более ценные и интересные наблюдения.

Так, например, во владимирском зодчестве начала XIII в. проявляется исключительно сильный интерес к декоративной растительной резьбе, покрывающей все тело здания[1]; растительная орнаментика играет видную роль в росписи Суздальского собора, где фигуры святых как бы теряются среди широких орнаментальных цветистых полос и бордюров[2]. Орнаментальное начало проникает и в трактовку человеческого лица, являясь характерной чертой новгородской фресковой живописи конца XII в.[3] Все эти особенности русского монументального искусства, проявляющиеся накануне монгольского завоевания, выражают на данном этапе одну из сторон его национальной специфики, обязанную своим появлением росту значения городского населения в общественно-политической жизни страны, усилению самостоятельности русских мастеров-зодчих и живописцев. Подобную картину подъема интереса зодчих и заказчиков к цветистому растительному орнаменту в уборе здания мы можем наблюдать позже в зодчестве Московского государства XVI—XVII вв., когда в декоре культовой и гражданской архитектуры большое значение приобретают белокаменные резные «травы» и цветы, расписанные красками, а позже — яркие изразцовые фризы и вставки с фантастическими кринами и птицами, а в монументальной росписи храмов XVII в. с невиданной силой сказывается любовь к яркой красочности и многообразию реального мира. Характерно при этом, что даже элементы ордера, проникающие в русское зодчество XVII в., порой облекаются в растительный наряд, колонки оплетает виноградная лоза, их консоли украшаются цветами и листьями и т. д.

Различные по своей художественной природе и положенным в основу образцам и отделенные друг от друга длительным хронологическим разрывом оба охарактеризованные выше явления восходят тем не менее в основе к одному источнику — художественным взглядам и мировоззрению крестьянства. Именно условия его жизни, когда каждая крестьянская семья приобретает «... свои средства к жизни б о л е е в о б м е н е с п р и р о д о й, ч е м в с н о ш е н и я х с о б щ е с т в о м»[4], определяли особый интерес крестьянина к явлениям природы, к животному и растительному миру, в частности, особый характер восприятия архитектуры как создания или аналога природы. Именно в этом «наивном материализме» находят свое объяснение и приведенные выше отрывки из литературных памятников, говорящие о восприятии архитектуры как части природы и, обратно, о характеристике явлений природы при помощи сравнения с архитектурой.

Так же характерно, что интерес к полихромии в убранстве зданий, судя по ряду данных, обязан своим появлением народным вкусам. Чувство цвета, по замечанию К. Маркса, «...является популярнейшей формой

---

[1] Н. Н. Воронин. Памятники..., стр. 74—76.

[2] А. Д. Варганов. Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе. КСИИМК, V, 1940.

[3] М. К. Каргер. Живопись. «История культуры древней Руси», т. II, М., 1951, стр. 394.

[4] К. Маркс. 18-е брюмера Луи Бонапарта — К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 330—331. (Разрядка моя.— *Н. В.*) О применимости данной характеристики К. Маркса к русскому крестьянству см. В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, стр. 265, прим.

эстетического чувства вообще»[1]. И здесь для древнерусского сознания характерно уподобление искусственных красок естественным краскам природы: так, купец Василий, описывая выкрашенную в голубой цвет стену «града Антапа» замечает, что стена была «понеблена»[2], зеленые поливные изразцы назывались «муравленными», т. е. подобными зеленой траве — «мураве». Этим же особенностям народного, крестьянского мировоззрения обязана древнерусская архитектурная терминология появлением в ней обозначений частей здания по аналогии с телом человека или растениями, с явлениями природы вообще: церковный верх — «глава», «чело» или «лоб», его покрытие — «шелом», «луковица» или «маковица», барабан главы — «шея», паруса под барабаном — «пазухи», своды перекрытия — «плечи» или «рамена», полукруглая закомара — «волна»; объем здания воспринимался, как тело человека, о чем свидетельствует наименование «поясом» горизонтальных фризов на его фасадах[3]. В этом смысле особенно показательно и описание русской былиной сказочного терема, у которого

«Вершочки с вершочками свивалися,
Потоки с потоками срасталися,
Крылечки с крылечками сплывалися...»[4].

Эта характеристика выразительно определяет особенность народного восприятия живописности в архитектуре, как живописности естественной, растительной, и динамики, воплощенной в архитектурных формах, как реального органического роста, естественного движения природы[5].

Не будет большой смелостью, если в свете этих наблюдений мы определеннее оценим выдающиеся архитектурные памятники XVI в.— храмы в Дьякове и Василия Блаженного. Их образ наделен сложной, противоречивой динамикой физического роста или «цветения». Это особенно бросалось в глаза иноземным наблюдателям[6] и, следовательно, было особен-

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 138.

[2] Хожение гостя Василия. «Православный палестинский сборник», т. II, вып. 3, СПб., 1884, стр. 4.

[3] На часть этих терминов указал еще И. Е. Забелин — Русское искусство. М., 1900, стр. 68, 81—83.

[4] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II. М., 1910, стр. 156.

[5] Народное представление об архитектуре, как «естественном порождении земли», метко подчеркнул А. М. Горький. Один из его героев так описывает вид Киево-Печерской лавры: «Вечер был. Торопливо катит воды свои мутный Днепр, а за ним вся гора расцвела храмами: трепещет на солнце кичливое золото церковных глав, сияют кресты, даже стекла окон как драгоценные камни горят,— кажется, что земля разверзла недра и с гордой щедростью показывает солнцу сокровища свои... Словно сказка, кем-то мудрым и великим рассказанная, застыла там за рекой; прибегают издалека волны Днепра и радостно плещут, видя ее... Как сильно было начато, как могуче строено!» М. Горький. Исповедь. Собр. соч., т. 8, М., 1950, стр. 314—315.

[6] Немец Блазиус, увидевший Василия Блаженного, «никак не мог опомниться и понять, что это такое: колоссальное растение, группа крутых скал или здание». Другой иностранец сравнивал этот памятник со «слеплением сталагмитов» (И. Забелин. Ук. соч., стр. 5 и 10). Теофилю Готье Василий Блаженный показался «архитектурной грезой... зданием из облаков, причудливо окрашенных солнцем». Русский историк искусства В. А. Никольский писал, что «Василий Блаженный вырисовывается гигантской группой деревьев. Вокруг высокой старой ели сгрудились естественной пирамидальной группой другие деревья поменьше... Во всех древнерусских постройках соборного типа, где здание является группой связанных и объединенных построек (напр., Коломенский дворец, деревянные храмы севера), чувствуется подчас некая схема русского лесного пейзажа, органически роднящая памятники зодчества с окру-

ностью именно русской национальной архитектуры, незнакомой западному миру. С этими особенностями образа названных памятников связано и его на редкость «земное», материалистическое содержание, чуждое мистики и «ухода от мира»,— «готической выспренности у нас не замечается нигде» [1]. Эти черты мы должны оценить, как отражение в архитектурной концепции данных памятников той же народной, крестьянской идеологии. именно народное мировоззрение, столь властно пронизывающее образ названных выдающихся памятников эпохи Грозного, поставило их под сомнение в условиях церковной реакции XVII в.

Все эти, намеченные в тезисной форме, положения требуют тщательной и углубленной разработки, так как сила и решительность, с которой вторгаются в архитектуру XVI в. народные начала, с особой ясностью освещают глубину исторических противоречий этого времени и удельный вес народного вклада в созидание русской национальной культуры. Анализ архитектурных памятников показывает конкретно, что́ дала для нее деревня, являющаяся «хранительницей национальности» [2], в каких именно формах отлился «сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды», в архитектурном произведении. Огромный исторический интерес этих вопросов делает их разработку одной из первоочередных задач историков древнерусского зодчества [3].

Однако было бы ошибочным полагать, что «народность» архитектуры проявляется лишь в тех или иных, больших или малых, мировоззренческих или архитектурных «влияниях» художественных взглядов народа на монументальное зодчество господствующего класса.

Видимо, к числу национальных особенностей древнерусского зодчества, как и древнерусской литературы, следует отнести его историзм. «Дух историзма, столь свойственный древнерусской политической мысли, литературе, грандиозно развившемуся летописанию, пронизывал собой и русское средневековое искусство. Зодчество и политика, зодчество и историческая мысль были тесно объединены между собой. Возведение крупных архитектурных сооружений всегда имело в древней Руси определенный исторический смысл»[4]. Действительно, пожалуй ни у одного народа средневековой Европы не проявлялась с такой ясностью историческая значимость произведений архитектуры. Сооружение зданий в древней Руси очень часто связывалось с определенным событием в поступательном развитии государства или в истории русского народа, память о котором и увековечивалась в данном здании, в его образе. Так, здание становилось мемориальным сооружением, «памятником» в буквальном смысле слова. Не случайно русские летописи

жающей их природой» (В. А. Никольский. Старая Москва. Л., 1924, стр. 53). Ср. высказывание Н. В. Гоголя в статье «Об архитектуре нынешнего времени»: «Город нужно строить таким образом, чтобы каждая часть, каждая отдельно взятая масса домов представляла живой пейзаж». Представление об архитектурном ансамбле как пейзаже, видимо, связано с народными, крестьянскими представлениями.

[1] И. Забелин. Ук. соч., стр. 136.

[2] И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 107.

[3] Отметим здесь важность исследования вопроса о происхождении шатрового зодчества в «историко-статистическом» плане, учета и картографирования всех данных опубликованных и особенно неизданных писцовых книг и иных переписных документов о деревянных шатровых храмах XV—XVII вв. Подобное исследование подвело бы серьезную историческую базу под эту тему, выявив районы и время распространения этих построек в сельской периферии, а также установив, в строительстве каких общественных слоев был особенно популярен данный тип здания.

[4] Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. Л., 1946, стр. 103.

проявляли столь большой интерес к монументальному строительству, а известный московский строитель В. Д. Ермолин был заказчиком особого списка летописи, в которой были особо тщательно отмечены его работы. К древнерусской архитектуре более, чем к другим отраслям искусства, применимы слова русского художника XVII в.— предтечи реализма Симона Ушакова, сказанные им о живописи: «изображение это жизнь памяти, памятник прежде жившим, свидетельство прошлого, возглашение добродетелей, изъявление силы, оживление мертвых, бессмертие хвалы и славы, возбуждение живых к подражанию, воспоминание о прошедших делах...»[1].

Действительно, достаточно вспомнить важнейшие памятники древнерусского зодчества, чтобы стало ясным их мемориальное, символическое значение. Киевская София — символ расцвета Киевской державы, предание связывало ее сооружение с местом, где Ярослав разбил печенегов; Димитриевский собор во Владимире — храм, воплощающий идею апофеоза власти «великого Всеволода»; Троицкий собор в Пскове XIV в.— памятник обособления Пскова из системы Новгорода, символ «псковской свободы»; Успенский собор в Коломне — памятник Куликовской победы; Успенский собор в Москве — памятник торжества Москвы в объединении Русской земли; храм в Дьякове — памятник венчания на царство Ивана Грозного. Храм Василия Блаженного — памятник разгрома последнего оплота татар — Казани, обращавший богатство своих сказочных архитектурных форм к «простому всенародству» русской столицы,— справедливо сравнивали со «скульптурным монументом». Таким образом, выдающиеся памятники древнерусского зодчества приобретали очень широкое н а р о д н о е значение, с ними связывались патриотические идеи силы и независимости родной земли, близкие и дорогие простому народу.

Поэтому эти лучшие памятники русского зодчества глубоко народны. Именно поэтому в таких произведениях, как псковский Троицкий собор, Дьяковская церковь или Василий Блаженный, и прорываются с необычайной силой и смелостью новые художественные формы, воплощаются новые, прогрессивные художественные взгляды, во многом и обязанные своим появлением народному творчеству.

Таковы некоторые примеры проявления народности, национальных черт в древнерусской архитектуре.

Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что национальные, народные черты в культуре, и в архитектуре в частности, нельзя рассматривать вне породившей их классовой почвы, нельзя растворять классовое в национальном. Именно только учет конкретной исторической обстановки, в которой создано данное архитектурное произведение, учет конкретного положения заказчика и его класса в данной исторической ситуации позволяет с должной точностью оценить степень и характер проявления в данном памятнике национальных черт, его народности.

В этом плане особенно интересен пример ярославского зодчества. Его давно отмеченными типичными чертами являются разнообразие живописной композиции храма, исключительная нарядность и богатство внешнего и внутреннего убранства, сочная пластичность декоративных деталей. Эти особенности были также правильно оценены, как проявление народных художественных взглядов. «Узорчатость» архитектуры XVII в. была типичным явлением, отражавшим общий процесс «обмирщения»

---

[1] Г. Ф и л и м о н о в. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской живописи. «Вестник Общества древнерусского искусства», 1874, № 1—3, стр. 22.

культуры, превращения храма в пеструю «веселую» постройку. В Ярославле этот процесс нашел своеобразное выражение. Строителями ярославских храмов были именитые купцы и гости, крупнейшие представители торгового капитала. Сами недавно поднявшиеся из посадской или крестьянской среды, они еще не утеряли ее вкусов; но их продвижение вверх, их связи с феодальными кругами и царским двором воспитывают в их сознании интерес к пышной представительности архитектуры, отвечающей их социальному весу, выражающей ясно и зримо их экономическое могущество. Поэтому в их постройках сочетается в очень своеобразном единстве монументальное величие старозаветного соборного храма, увенчанного «освященным пятиглавием», с богатейшим развитием декоративного узорочья во внешнем и особенно во внутреннем убранстве здания. Существенно отметить и здесь пластический, подчеркнуто сочный и материальный характер деталей, особенно ярко сказывающийся в купеческих постройках Мурома (ансамбль Троицкого монастыря). Эти черты купеческого строительства XVII в. дают интереснейший материал для суждения о художественных взглядах и — шире — идеологии верхов городского посада, в которой причудливо переплетается старое и новое.

Однако не всегда архитектурный образ является непосредственным отражением художественных взглядов и идей данного времени, данного класса или лица. В условиях строительного производства древней Руси, развивавшегося на базе прошлого опыта и «образцов», совершенно естественно наличие таких памятников, которые будут почти механически повторять какой-либо «проверенный жизнью» тип здания и вместе с этим повторять и его художественное выражение, его архитектурный образ. С такими памятниками мы особенно часто встречаемся в культовом зодчестве XVII в., которое, при массовом церковном строительстве, часто становится «стандартным», ремесленным, и было бы ошибкой искать в каждом таком памятнике его индивидуальное содержание, а тем более его собственную историческую закономерность. Здесь закономерность и выразится как раз в трафаретности типа и образа здания. Она будет свидетельствовать о том, что в условиях XVII в. культовое зодчество перестает быть главным путем развития архитектуры, которым становится гражданское, светское зодчество, что культовая постройка перестает быть произведением искусства, как и сама религия перестает быть господствующей идеологией.

Иное дело, когда в ту или иную эпоху мы наблюдаем сознательное обращение к старым типам зданий, попытки воскресить и их старое содержание — факты подобного рода следует воспринять как значительное и новое историческое явление. В ряде случаев оно может свидетельствовать о реакционных тенденциях данного строительства, хотя бы оно создавало лишь декорацию, прикрывающую бессилие и историческую обреченность его инициаторов. Таково, например, строительство новгородского архиепископа Евфимия, пытавшегося в борьбе с Москвой, возглавлявшей объединение Руси, отстоять «вольности» новгородской знати и прибегавшего в этой борьбе к помощи иноземных зодчих, к «возрождению» старых архитектурных форм, к реставрации древних новгородских храмов[1]. Таково строительство ростовского митрополита Ионы Сысоевича, пытавшегося реализовать в грандиозном ансамбле ростовского «Кремля» художественно-политическую программу патриарха Никона о превосходстве духовной власти над светской. Однако замысел оформления митрополичьей

[1] М. К. Каргер. Новгород-Великий. М., 1946, стр. 79.

резиденции «по городовому устроению» наподобие могучего кремля-крепости в условиях XVII в. вылился в нечто противоположное — митрополичьи зодчие создали чисто декоративный ансамбль, проникнутый сказочной живописностью и «узорочностью», столь характерными для «обмирщавшегося» зодчества XVII в.[1] В данном случае анализ архитектурного образа вскрывает интереснейшую картину борьбы политических и художественных взглядов в зодчестве, борьбы двух культур, показывая, сколь глубоко проникало в действительность XVII в. противоречие старого и нового, церковного и светского. В других случаях подчеркнутое указание определенного старого «образца» для новой постройки выразит тенденцию выявить глубокие национальные традиции нового этапа исторического развития, — например, постройка московского Успенского собора Иваном III «по образцу» владимирского Успенского собора.

Таковы некоторые примеры раскрытия исторического содержания архитектурного памятника и некоторые основные принципиальные вопросы их теоретического освещения.

Повторим здесь еще раз, что многие из высказанных здесь положений приведены в порядке постановки вопросов, в качестве некоторой предварительной наметки их решения; многие из них требуют специальной и углубленной исследовательской разработки и уточнения. Однако и в данной эскизной форме сказанное достаточно освещает высокую познавательную ценность архитектурного памятника как многогранного исторического источника.

8

Обратимся в заключение к некоторым частным сторонам исследования архитектурного памятника.

Открываемый в процессе археологических раскопок архитектурный памятник всегда представляет собой лишь руины, остатки здания. Само собой разумеется, что тщательный обмер этих остатков, детальное изучение их положения в свите культурных отложений являются основным этапом в исследовании памятника. Руины дают возможность восстановить с большей или меньшей точностью план здания, изучить его технику, остатки его убранства, иногда фрагменты конструкций верхних частей. Но это лишь *начальный* этап исследования. Как правило, сами по себе вскрытые раскопками остатки здания не позволяют представить композицию здания в целом. А именно эта задача и является основной.

Это особенно важно подчеркнуть в отношении древнерусского зодчества, так как его история далеко не полностью представлена сохранившимися памятниками—пережитые русской землей тяжкие бедствия,связанные со страшными разрушениями всего созданного народом, унесли в небытие множество важнейших памятников зодчества, порой скрыв от наших глаз целые этапы его истории. Особенно это относится к деревянному зодчеству. Поэтому сохранившиеся памятники, которыми оперировала дореволюционная наука, могли создать и порой создавали превратные представления не только об отдельных периодах и школах русского зодчества, но и о самом уровне развития русской архитектуры. Отсюда одной из важнейших задач археологов и историков архитектуры являются

[1] Н. Н. Воронин. Ростовский «Кремль». «Из истории докапиталистических формаций», Л., 1933, стр. 655.

поиски, открытие и реконструкция памятников древнерусского зодчества и воссоздание подлинной картины его развития во всей ее возможной полноте. При этом не следует пренебрегать научной гипотезой, ибо даже приближенное представление об исчезнувшем памятнике заполняет созданные историей лакуны и позволяет связывать разорванные звенья процесса.

Первым и основным путем реконструкции является суждение о первоначальных формах здания на основе сопоставления его с современными ему уцелевшими постройками, суждение по принципу аналогии, типологического сходства, обязательно контролируемое учетом исторических условий и связей данного времени и места.

Однако данный путь, хотя и кажущийся наиболее бесспорным и объективным, чреват опасностью пойти в вопросах реконструкции по ложному направлению, упустить возможное проявление в данном памятнике особых, не традиционных и обычных, а новых и потому наиболее ценных черт. Приведем один пример. Если бы, допустим, собор Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке был разрушен в древности и затем открыт раскопками, то исследователь на основе изучения его шестистолпного плана, в общем не противоречащего обычному, «типичному» для того времени решению культового здания, мог бы, на основе этого «типичного», представить и его завершение в обычном виде с ровным рядом закомар и обычно поставленной главой[1]. Тем самым было бы потеряно главное в этом памятнике — его новая, необычная, но именно в этом отношении и типичная динамическая композиция. С другой стороны, использование метода аналогии вне аргументации приводимого сравнения историческими условиями и связями влечет к не менее грубым ошибкам. Такова, например, теория «белорусского» влияния на раннемосковское зодчество, сконструированная А. И. Некрасовым, который в решении вопроса о первоначальных формах московского Успенского собора 1326 г. исходил из аналогии с тем же полоцким Спасским храмом[2]. При полной возможности говорить о необычном решении верха кремлевского собора Калиты нельзя идти п р я м о к полоцким «образцам», ибо никаких реальных исторических оснований для такого хода мысли нет: московское зодчество исторически исходило из владимирской традиции, и эта последняя должна учитываться прежде всего также и в отношении возможности особой композиции верха здания.

В применении метода суждения по аналогии нужно помнить, что «... типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заострённостью выражает сущность данной социальной силы. В марксистско-ленинском понимании типическое отнюдь не означает какое-то статистическое среднее. Типичность соответствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто является

[1] Заметим попутно, что традиционный типологический прием определения древнерусских крестовокупольных храмов по количеству столбов (четырех-шести-восьмистолпные храмы и т. п.) лишен всякого научного смысла. Он характеризует лишь план здания и то с одной, частной стороны; но эта «систематика» никак не связана с характеристикой здания в целом, так как при том же четырехстолпном «типе» плана могут быть осуществлены различные или даже противоположные решения объема здания. К тому же самый принцип счета столбов условен: «столбами» считают обычно и собственно столбы, несущие своды и барабан главы, и отрезки простенков, кажущиеся «столбами» лишь в плане (например, восточные столбы — отрезки межапсидальных простенков, части стены, отделяющей притвор).

[2] А. И. Некрасов. Возникновение московского искусства. М., 1926. Критику концепции Некрасова см. в статье Н. Воронина «К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Димитрия Донского». МИА, № 12, М., 1949.

наиболее распространённым, часто повторяющимся, обыденным»[1]. Нам представляется, что эта характеристика типичности относится не только к области художественного творчества и эстетики, но имеет важнейшее значение и для научной методологии. Учитывая эти указания, исследователь обязан оперировать соображениями о типичности тех или иных форм с большой осмотрительностью, памятуя, что за «статистическими средними» он рискует не увидеть новое, ведущее вперед, а следовательно, наиболее интересное для науки.

Какие же данные может использовать исследователь для возможно более точного и полного воссоздания первоначального облика здания, лежащего перед ним в виде руин?

Путь поисков определяется, как мы говорили, в первую очередь изучением той конкретно-исторической обстановки, в которой возник памятник, предварительным установлением направления тех внутренних и внешних связей, которые реально, а не в фантазии исследователя, существовали в данное время. Изучение литературных произведений этого времени может дать археологу представление об общих тенденциях культуры, а также иногда и конкретно об архитектурных вкусах, художественных взглядах общества. Примеры подобных сведений, сообщаемых письменными источниками, приводились нами выше. Все эти данные постепенно сужают круг поисков, придавая им все более точное направление и закономерную, а следовательно, научную определенность.

Важнейшее значение имеют графические изобразительные источники, в частности миниатюры и архитектурные изображения на иконах,— источники, обычно либо находящиеся «на подозрении» в смысле их научной доброкачественности, либо, чаще, отвергаемые исследователем «с порога», как заведомо условный по своему изобразительному языку, а потому и мутный источник. Подобное отношение было бы оправданным, если бы мы располагали для древнерусского зодчества каким-либо более документальным вспомогательным материалом. Но при его отсутствии исследователь *обязан использовать все возможности*, в том числе и миниатюру, и иконопись для своей цели воскрешения из небытия образа исчезнувших памятников.

Нужно сказать, что всякая условность закономерна, имеет свою систему и логику, и именно это обстоятельство позволяет увидеть в условных архитектурных схемах и даже фантазиях художника отражение реальных форм, отбросив шелуху «типовых» условностей, выявить реальное ядро, выработать приемы «перевода» условного изобразительного языка на язык реальных явлений. С полным правом Б. А. Рыбаков назвал древнерусские миниатюры «окнами в исчезнувший мир»[2]. Автор привел и несколько драгоценных наблюдений над архитектурными данными миниатюр, показав, например, что уже в конце XIII в. имела место луковичная форма глав, что покрытие «бочкой» появилось не позже XV в., и т. п.[3] Миниатюры Лицевого летописного свода XVI в., кажущиеся, на первый взгляд, наполненными «стандартными» схемами, очень часто дают весьма реальные изображения памятников, позволяющие окончательно решить некоторые спорные вопросы. Таково, например, изображение столпа Ивана Великого

---

[1] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Госполитиздат, 1952, стр. 73.

[2] Б. А. Рыбаков. «Окна в исчезнувший мир» (по поводу книги А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник»). Доклады и сообщения историч. факультета МГУ, вып. IV, М., 1946, стр. 36.

[3] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 50.

без его верхней части, снимающее высказанные в литературе сомнения в принадлежности его основной части началу XVI в. Наблюдения псковского историка А. Князева над характером изображений исчезнувшего псковского Троицкого собора на иконах Всеволода и Довмонта позволили ему высказать гипотезу о первоначальном облике этого памятника в XII и XIV вв.[1] Обнаруженный позднее «чертеж» конца XVII в., изображающий этот собор XIV в., полностью подтвердил наблюдения старого псковского краеведа, как и реальность более схематичных изображений этого выдающегося памятника на других псковских иконах[2]. Изображения московского Успенского собора 1326 г. в житийном клейме иконы Петра митрополита и на миниатюре лицевого Летописного свода помогли К. К. Романову правильно решить вопрос об «образце» и первоначальных формах этого важнейшего для истории русского зодчества, но исчезнувшего памятника[3]. Иконные изображения Новгорода-Великого и Твери позволили пролить свет на древнюю топографию этих городов и облик их исчезнувших гражданских и культовых зданий[4]. Примеры этого рода можно было бы умножить, но и приведенных достаточно, чтобы показать научную документальность и достоверность древнейших изобразительных источников для восстановления облика исчезнувших памятников архитектуры.

Еще более документальны планы или «чертежи» XVII в.— начала XVIII в., представляющие изображения не только отдельных зданий, но и целых участков города, монастырских или усадебных ансамблей. Этот материал не раз использовался для решения историко-архитектурных вопросов. Он в особенности важен для реконструкции типов деревянных построек и суждения о характере застройки.

Более общий критерий для проверки правильности тех или иных суждений о характере исчезнувшего памятника или, точнее, о возможности проявления в его образе тех или иных особенностей может дать самый характер изображения архитектуры в живописи. Так, например, архитектурные фоны в росписи новгородской Волотовской церкви характеризуются исключительной динамичностью, разнообразием точек зрения, создающим бурную напряженность обстановки действия. Подобным сложным и напряженным движением проникнут и образ псковского Троицкого собора того же XIV в.— столетия, определяющего успех освободительной борьбы с монголами и последующий подъем русской культуры к ее возрождению и расцвету. Несомненно, что и в живописи, и в зодчестве находят свое отражение общие тенденции изменения мироощущения, определенные развитием общества.

В исследовании архитектурного памятника существенна не только реконструкция его изначального облика, которая является, конечно, основной научной задачей. Позднейшие «искажения» памятника являются порой чрезвычайно ценными показателями, документирующими изменения художественных взглядов последующих поколений. Так, например, извест-

[1] А. Князев. Историко-статист. описание псковского кафедрального Троицкого собора. М., 1858.

[2] Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. «Ежегодник ИИИ», М., 1952, стр. 282 и след.

[3] К. К. Романов. О формах московского Успенского собора (1326 и 1472 гг.) (МИА, вып. 44).

[4] Сводку этих данных по Новгороду см. в работе А. Л. Монгайта — Оборонительные сооружения Новгорода-Великого. МИА, № 31, 1952; о Твери — см. статьи: Н. Воронин. Тверское зодчество XIII—XIV вв. ИОИФ, 1945, № 5; его же. Тверской Кремль в XV в. КСИИМК, XXIV; Э. А. Рикман. Новые материалы по топографии древней Твери. КСИИМК, XLIX, 1953.

ны случаи выломки хор в древних храмах, расширение их окон, обтеска столбов и т. п., говорящие не только о каких-то сугубо практических новых требованиях, предъявляемых к старой постройке, но и о новых художественных вкусах, требующих «светлости и пространства» в храме. Так же показательно появление новых пристроек у здания, например, пристройка усыпальниц в виде небольших храмиков у углов соборов XI—XII вв. Они также говорят не только об удовлетворении определенных бытовых нужд, но и об изменении отношения к самому образу здания,— благодаря этим пристройкам его композиция теряет свою замкнутость и строгость, становится свободней и живописней. Некоторые изменения архитектуры, как, например, смена в XIV—XV вв. позакомарных свинцовых кровель пофронтонными или прямоскатными деревянными, говорят опять-таки не только об экономических и практических условиях данного времени, заставивших обратиться к более простому и доступному материалу, но и о более глубоком процессе — воздействии деревянной архитектуры на архитектуру каменную. Это воздействие отразилось и непосредственно в самой структуре зданий (в особенности Новгорода и Пскова и ранней Москвы). Так, в частности, по особенностям каменной архитектуры мы можем судить о значении в то или иное время не дошедшей до нас архитектуры деревянной.

Таковы некоторые частные вопросы исследования архитектурного памятника, расширяющие его познавательную историческую значимость.

Изложенные положения о значении архитектурного памятника как исторического источника влекут за собой некоторые практические выводы об организации изучения истории архитектуры.

В дореволюционное время «древности» в целом, в самом широком охвате этого слова, входили в круг ведения археологии. В их составе одно из видных мест принадлежало архитектурным памятникам. Археологические органы изучали не только открываемые раскопками руины, но и сохранившиеся памятники архитектуры, занимались изучением *истории зодчества в целом* и охраной его памятников. Сейчас, со специализацией и развитием советской науки, изучение (как и охрана) памятников архитектуры расчленилось между несколькими учреждениями и отраслями знания. При этом в порядке «обычного права» установилось ничем не оправданное и никак фактически не узаконенное порочное «разделение труда»: на долю археологов приходится изучение вскрываемых под землей архитектурных остатков, при этом часто археолог считает своей задачей лишь описание руин, установление типа здания и т. п., отнюдь не затрагивая вопросов реконструкции памятника; «наземная» же архитектура и история зодчества является якобы задачей только истории искусства и специально истории архитектуры.

Историки зодчества, как правило, почти не принимают в расчет открытые раскопками руины лишь по той причине, что они не дают полного представления о первоначальном облике памятника в целом, об его образе.

Конечно, этот механический разрыв никак не может быть оправдан. В самом деле, было бы нелепо ограничивать археолога, занимающегося, например, историей утвари, только археологическими «черепками», исключив из поля его внимания сохранившиеся в целом виде сосуды и передав их в ведение другого «специалиста». Совершенно ясно, что археолог, работающий над поисками, раскрытием и реконструкцией остатков древних монументальных зданий, имеет все права и обязанности *историка зодчества в полном объеме*; он может и должен исследовать не только

«подземные», но и «наземные» памятники и ставить и решать общеисторические вопросы. Только при таком отношении к делу и имеет смысл археологическое исследование архитектурных памятников: оно не может ограничиваться вскрытием и фиксацией остатков здания, но должно ставить вопрос о его реконструкции, рассматривать его в общем ряду архитектурных памятников данного времени, определить его место в общем процессе исторического развития зодчества, т. е. всесторонне раскрыть его историческое содержание.

В идеале следовало бы мыслить организацию исследования архитектурных памятников древней Руси в виде специальной, достаточно многочисленной группы археологов, архитекторов, инженеров в составе сектора славяно-русской археологии ИИМК. Только такая кооперация исследователей и т о л ь к о в рамках археологического института, занимающегося с п е ц и а л ь н о историей древней культуры и искусства великого русского народа, обеспечит дальнейшее быстрое развитие этой отрасли науки.

С. А. ТАРАКАНОВА

ДЛИННЫЕ И УДЛИНЕННЫЕ КУРГАНЫ

Кривичи «седять на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра», — говорит летописец. Но археологи давно уже заметили, что кривичские курганы XI—XII вв. далеко выходят за пределы территории, указанной летописцем, что подтверждается и данными топонимики[1].

История кривичей, самого многочисленного племенного объединения восточнославянских племен, до последнего времени остается совершенно не изученной. Это объясняется тем, что письменных источников по истории кривичей не имеется, а археологические памятники изучены еще слабо. В данной статье делается попытка рассмотреть в этой связи группу погребальных памятников, широко распространенную на территории, которая была заселена кривичами,— длинные и удлиненные курганы.

Хотя исследователи давно обратили внимание на длинные валообразные насыпи, содержащие в себе остатки трупосожжений, но бедность, а чаще всего полное отсутствие находок при погребениях, а также трудоемкость раскопочных работ были причинами того, что памятники эти еще недостаточно исследованы.

В 1846 г. Брант опубликовал в дерптской газете «Inland» статью о древних могилах в Польше и Лифляндии, в которой, между прочим, впервые дал суммарное описание длинных курганов в бывшем Себежском уезде Витебской губернии и Опочецком уезде Псковской губернии. Выдержки из этой статьи под заглавием «О древних могилах в Витебской и Псковской губерниях» были опубликованы им на русском языке в 1851 г.[2] В 1854 г. Брант произвел первые раскопки длинных курганов в Опочецком уезде Псковской губернии.

Спустя более тридцати лет после работ Бранта длинные и удлиненные курганы вновь привлекли к себе внимание. Лешке описал в 1888 г. длинные курганы близ Лобенштейна и Нейгаузена Лифляндской губернии[3]. В 1889 г. А. А. Заборовский обследовал и раскопал длинные курганы в погосте Тайлово, близ города Печоры, Псковской губернии[4]. В 1892 г. курганы четырехугольной формы раскапывал В. З. Завитневич в Минской губернии[5].

---

[1] Н. П. Барсов. Очерки исторической географии. Варшава, 1873, стр. 151—165.

[2] ЖМНП, 1851, ч. 23, т. 2.

[3] Архив А. А. Спицына, № 61.

[4] Труды Псковского археологического общества, вып. 10, Псков, 1914, стр. 6—10.

[5] ОАК за 1892 г., стр. 124—131.

В 1894—1903 гг. В. И. Сизов обследовал в районе Смоленска свыше ста длинных курганов и несколько десятков их раскопал[1]. Курганы изучались им по течению верхнего Днепра и реки Вопи в Порецком, Духовщинском и Смоленском уездах Смоленской губернии[2]. В 1899 г. Сизов выступил с обобщающим докладом о своих исследованиях на Киевском археологическом съезде и датировал эти памятники VI—VIII вв. н. э.

Одновременно с раскопками В. И. Сизова производилось изучение длинных и удлиненных курганов и другими исследователями. В 1892 и 1902 гг. В. Ф. Покровский раскапывал курганы на четырехугольном основании в Ковенской и Виленской губерниях[3]. В 1900—1903 гг. обследования и раскопки удлиненных и длинных курганов проводил В. Н. Глазов в Великолуцком, Опочецком и Новоржевском уездах Псковской губернии[4]. В. И. Колосов в 1903 г. раскопал длинный курган в Осташковском уезде Тверской губернии[5].

В 1903 г. А. А. Спицын впервые выступил с обобщающей статьей на тему «Удлиненные и длинные русские курганы»[6]. Анализируя весь накопленный к тому времени материал по Смоленским и Витебским длинным курганам, он сформулировал несколько положений: во-первых,— необходимость проводить строгое различие между удлиненными и длинными курганами; во-вторых,— что от удлиненных курганов происходят курганы длинные, и, в-третьих,— что длинные курганы, кроме Калужских и Псковских, являются памятниками западных кривичей и датируются X веком.

Статья А. А. Спицына «Удлиненные и длинные курганы» оказала большое влияние на дальнейшее изучение этих памятников. В 1905 г. раскопки удлиненных курганов в Смоленской губернии производил А. С. Абрамов[7]. В 1906 г. в той же губернии удлиненные курганы раскапывал В. Н. Глазов[8]. В 1905, 1907—1908 гг. такого же рода памятники обследовались и раскапывались С. Гамченко на побережье Финского залива в районе Сестрорецка и на реке Луге[9]. В 1908 г. длинные курганы раскапывал В. А. Городцов в Гдовском уезде Петербургской губернии[10]. В 1909—1910 гг. А. С. Абрамов раскапывал длинные и удлиненные курганы в Ковенской губернии[11]. В 1910—1911 гг. обследования и раскопки длинных курганов производили: А. А. Спицын — в Гдовском и Лужском

---

[1] Непосредственным поводом, обратившим внимание В. И. Сизова на эти курганы, явилась находка на одном из них прорезной фибулы с красной и желтой эмалью.

[2] ОАК за 1894 г., стр. 23—24; ОАК за 1896 г., стр. 56—59; ОАК за 1899 г., стр. 94—98; ОАК за 1901 г., стр. 109; ОАК за 1903 г., стр. 122.

[3] В. Ф. Покровский. Исследование курганов и городищ на восточной окраине Литвы; его же. Археологическая карта Ковенской губернии; его же. Археологическая карта Виленской губернии — Труды X АС в Риге 1896 г., т. III, М., 1900.

[4] В. Н. Глазов. Отчет о раскопках 1900 г. в Опочецком и Новоржевском уездах; его же. Отчет о раскопках в Псковской губернии; его же. Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий уезд Новгородской губернии — ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903; ИАК, вып. VI, 1904; ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901.

[5] В. И. Колосов. Длинные могилы в Осташковском уезде Тверской губернии. Труды Второго обл. АС. Тверь, 1906.

[6] ЗРАО, т. V, вып. 1, 1903, стр. 196—202.

А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. А. С. Абрамовым в Смоленской губернии. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906.

[8] А. С[пицин]. Отчет о раскопках, произведенных В. Н. Глазовым в 1906 г. в Смоленской губернии. ЗОРСА, т. VIII, вып. 2, СПб., 1909.

[9] С. Гамченко. Раскопки на побережье Финского залива и в районе Сестрорецка. ЗОРСА, т. VIII, вып. 2, 1902; т. IX, 1903.

[10] Архив А. А. Спицына, № 61.

[11] ОАК за 1909—1910 гг.

уездах Петербургской губернии[1], А. В. Тищенко — на реке Мсте, в пределах Новгородской губернии[2], К. В. Кудряшов — в Петербургской губернии[3], П. А. Садиков и П. Р. Любомиров — в Новгородской губернии[4], Н. В. Рерих — на озере Пирос[5], Н. И. Репникова — у Старой Ладоги[6]. В 1912—1913 гг. длинные курганы обследовались и раскапывались В. Крейтоном и В. В. Гольмстен в Псковском, Островском и Опочецком уездах Псковской губернии[7].

Эти исследования, прерванные первой мировой войной, вновь развернулись еще с бóльшим размахом уже в советское время. В 1924 г. большие обследования этих памятников проводил А. Н. Лявданский в Смоленской губернии[8]. В том же году курганы продолговатой формы исследовались Петровым у Торопца[9]. В 1927—1929 гг. длинные курганы обследовались и частично раскапывались В. С. Андрияшевым в Боровичском районе[10], С. Поршняковым — там же[11], Холмским — в Холмском районе Великолукского округа[12], А. А. Спицыным — в Себежском уезде Витебской губернии[13], Б. А. Коишевским и Н. Н. Чернягиным — в Псковском округе[14], Г. П. Гроздиловым и П. Н. Шульцем — в Гдовском и Лужском районах[15], В. В. Ячиным — в Опочецком районе[16], Н. В. Ивановым — в Гдовском районе[17], П. Н. Третьяковым — на Верхней Волге[18]. В 1946, 1948—1949 гг. длинные и удлиненные курганы обследовались в Печорском, Псковском, Середкинском, Полновском, Гдовском, Лядском районах Псковской области автором настоящей статьи. Ею же раскопаны шесть длинных и удлиненных курганов в этой области[19]. В юго-восточной Эстонии длинные курганы исследовались Х. А. Моора (в 1925 г. у местечка Арнико, в районе Пылва, в 1951 г. в местности Линдора, близ селения Табина).

В 1928 г. А. А. Спицын вновь возвращается к теме о длинных курганах[20]. Отметив, что за прошедшую четверть века новой разработки темы не последовало, А. А. Спицын также не внес в нее ничего принципиально нового. Но он, учтя накопленный к тому времени материал по этим памятникам и используя данные от своей поездки по Себежскому уезду, дал общий схематический обзор погребального обряда в длинных и удлиненных курганах и сделал несколько выводов, причем некоторые из них

---

[1] ОАК за 1911 г.

[2] А. В. Тищенко. Отчет о раскопках 1910—1911 гг. в Новгородской губернии. ИАК, вып. 53, 1914.

[3] К. Кудряшов. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде. ЗРАО, т. IX, 1913.

[4] Архив А. А. Спицына, № 61.

[5] Там же.

[6] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, стр. 121.

[7] Труды Псковского археологического общества, вып. 9, Псков, 1913; вып. 10, Псков, 1914; П. Н. Третьяков. Археологические памятники древнерусских племен. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, 1949, стр. 275.

[8] А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды смоленских государственных музеев, вып. 1, Смоленск, 1924.

[9] Архив А. А. Спицына, № 61.

[10] Архив ИИМК, № 107, 1928 г.

[11] Там же, № 108, 1928 г.

[12] Там же, № 109, 1928 г.

[13] Архив А. А. Спицына, № 94.

[14] Архив ИИМК, № 106, 1927 г. и № 114, 1928 г.

[15] Там же, № 125, 1929 г. и № 115, 1928 г.

[16] Там же, № 117, 1928 г. и № 124, 1929 г.

[17] Там же.

[18] Н. Н. Чернягин. Ук. соч., стр. 130, № 521.

[19] С. А. Тараканова. Псковкие курганы с трупосожжением. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 141—155.

[20] Архив А. А. Спицына, № 61. Эта работа осталась неопубликованной.

оказались весьма противоречивыми и спорными. «Удлиненные и длинные курганы,— говорит А. А. Спицын, подтверждая еще раз ранее высказанную им мысль,— всегда встречаются в группе с круглыми мелкими и сопкообразными. При раскопках курганов этих групп получаются кривичские вещи XI—XII вв. Район распространения этих памятников весьма велик, но они совершенно отсутствуют в низовьях Шелони, Ловати, Мсты и в верховьях Волхова, то есть кругом Ильменя. Наиболее часто удлиненные и длинные курганы встречаются в Себежском уезде Витебской губернии, в Опочецком и Островском уездах Псковской губернии и в районе Гдова. Эти курганы распространены в старом кривичском районе. Однако культура длинных курганов, литовская, чаще рагинянская VI — VIII веков, реже литовская IX века и раннелюцинская тоже, вероятно, IX века»[1].

Такое заключение является тем более странным, что в своем отчете о поездке в 1928 г. по Себежскому уезду А. А. Спицын определенно говорит, что «курганы круглые, сопки, широкие с плоским верхом и длинные здесь тесно связаны друг с другом и могут принадлежать одной народности, то есть кривичам»[2]. Крупнейшему знатоку русских древностей, каким являлся А. А. Спицын, трудно было возражать против имеющихся фактов, но теория миграции, на позициях которой он всецело стоял, мешала ему правильно истолковать эти факты. «Славяне,— говорит в одной из своих работ А. А. Спицын,— стали приходить на восток отдельными племенами и в разное время»[3].

В 1941 г. Н. Н. Чернягин опубликовал карту распространения длинных курганов и сопок и материалы к ней[4]. В этой работе впервые в систематизированном порядке дана сводка длинных и удлиненных курганов и наглядно представлен район их распространения.

К сожалению, карта имеет ряд недостатков. Во-первых, остается совершенно непонятным, по какому принципу автор отбирал длинные курганы для занесения их на карту. «Под длинными курганами,— пишет Н. Н. Чернягин в предисловии,— подразумеваются нами не только валообразные насыпи, но и постоянные их спутники — удлиненные, четырехугольные в плане, длинные комбинированные с круглыми и серповидные». И хотя автор предупреждает, что «настоящая карта не является исчерпывающей, и в дальнейшем, несомненно, найдется немало отдельных памятников, тем не менее данная в карте схема распространения сопок и длинных курганов может быть принята за основу, которая вряд ли подвергнется существенным изменениям»[5].

Конечно, трудно представить себе археологическую карту вполне законченную. И данная карта также будет пополняться новыми памятниками, но приходится сожалеть, что автор нанес на свою карту не все длинные и удлиненные курганы, которые были указаны в литературе и источниках, хорошо ему известных. Так, например, оказались пропущенными длинные и удлиненные курганы у деревень Кятицы и Залахтовье Гдовского района[6], у села Белого Боровичского округа[7], у озера Летцо, у деревень Ткачи, Неведрицы, Ахшинские сопки, Толкачево, Ханева,

[1] Архив А. А. Спицына, № 61.
[2] Там же, № 94.
[3] Там же, № 61.
[4] Н. Н. Чернягин. Ук. соч.
[5] Там же, стр. 94. (Подчеркнуто мною.— *С. Т.*).
[6] Архив ИИМК, № 31, 1909 г.
[7] Там же, № 107, 1928 г.

Едрии Витебской области[1], деревень Гамково, Дормажичина, Васильпутчина, Сож, Ермачки, Марина, Огаркова, Поневежье Смоленской области[2] и т. д.

Пропущены на карте длинные и удлиненные курганы у города Луги Ленинградской области[3], в урочище «Победище» близ Старой Ладоги, где Н. И. Репников раскопал курган размером в 6,4 метра длиною, в 3,5 метра шириною и в 1,2 метра высотою[4]. Остались вне карты Чернягина длинные и удлиненные курганы, обследованные и раскопанные С. Гамченко на побережье Финского залива, в районе Сестрорецка. Здесь в 19 курганных группах были обследованы 732 кургана, из которых свыше 200 являются длинными и удлиненными[5].

Интересно отметить, что в некоторых курганных группах (Затон Тарховской косы, Западный берег — Кузьмин ручей и т. д.) количество овальных, квадратных и длинных курганов явно преобладает над круглыми курганами. «У Сестрорецких курганов,— говорит Гамченко,— круглых, овальных, квадратных, длинных и удлиненных — оказывается сходство по форме основания с подобными курганами Новгородскими, Псковскими и Смоленскими»[6]. Раскопанные им же в 1908 г. длинные и удлиненные курганы у деревни Сытинка, на левом берегу Луги, привели Гамченко к определенному выводу о совершенном тождестве их с Сестрорецкими курганами[7].

Не отмечен на карте Чернягина длинный курган у села Лавры Кочановского района Псковской области, находящийся в 20—25 километрах юго-западнее Старого Изборска, что значительно отодвигает западную границу распространения этих памятников. Этот курган был раскопан В. Крейтоном, и вещи из раскопок хранятся в Псковском музее[8].

Работами совместной экспедиции Академии наук СССР и Академии наук ЭССР в 1951 г. установлено, что длинные курганы густой сетью покрывают западное побережье Псковского озера, доходя в южной Эстонии до района Антсла, где они перемежаются с эстонскими каменными могильниками II—V вв. На севере отдельные группы длинных курганов доходят до района Тарту. Длинные курганы на территории Эстонии имеют форму вала с покатыми склонами и хорошо заметными ровиками вокруг их основания. Расположение их в курганных группах такое же, как и всюду[9] (рис. 1).

Длинные и удлиненные курганы с трупосожжением известны в бассейне рек Вилии и Дисны[10], в Могилевской области — у с. Новое Тухино[11].

[1] А. А. Спицын. Сведения 1873 года о городищах и курганах. ПАК, вып. 5, СПб., 1903.

[2] А. Н. Лявданский. Археологические исследования водораздела рек Сожа, Днепра и Каспли. «Працы», т. 2, 1930, Минск, стр. 289—338.

[3] Архив ИИМК, № 106, 1927 г.

[4] Н. Н. Чернягин. Ук. соч., стр. 121. Имеются указания только в материалах, но на карте курган не отмечен.

[5] С. Гамченко. Раскопки на побережье Финского залива и в районе Сестрорецка. ЗОРСА, т. VIII, вып. 2, СПб., 1909; ЗРАО, т. IX, СПб., 1910. Длинные курганы размером 32 × 5 аршин, 30 × 7 аршин, 31 × 6 аршин, 38 × 7 аршин и т. д. имеют форму вала. Овальные курганы имеют размеры 9 × 6 аршин, 10 × 7 аршин; прямоугольные — 2 × 2 сажени, 4 × 2 сажени и т. д. Все курганы с трупосожжением.

[6] ЗРАО, т. IX, стр. 159.

[7] Там же, стр. 198.

[8] Труды Псковского арх. о-ва, вып. 10, Псков, 1914, стр. 238.

[9] Курганы этой территории обследованы А. К. Вассером. Им же составлена и будет опубликована карта этих курганов.

[10] Е. В. Голубович. Славянские поселения в Вилейском округе. КСИИМК, XI, 1945, стр. 128.

[11] Архив А. А. Спицына, № 61.

Как видим, на карте Н. Н. Чернягина северная и западная границы распространения длинных и удлиненных курганов проведены неточно.

Оставляя вне карты целые группы длинных и удлиненных курганов, автор почему-то внес на карту курганы круглые, которые обозначены им, между прочим, на карте как курганы длинные[1]. «На карте,— пишет Н. Н. Чернягин,— кроме могильников, в которых имеются длинные курганы, нанесены несколько могильников, состоящие из одних круглых курганов (разрядка моя.— *С. Т.*), но по данным раскопок родственных и синхроничных длинным»[2].

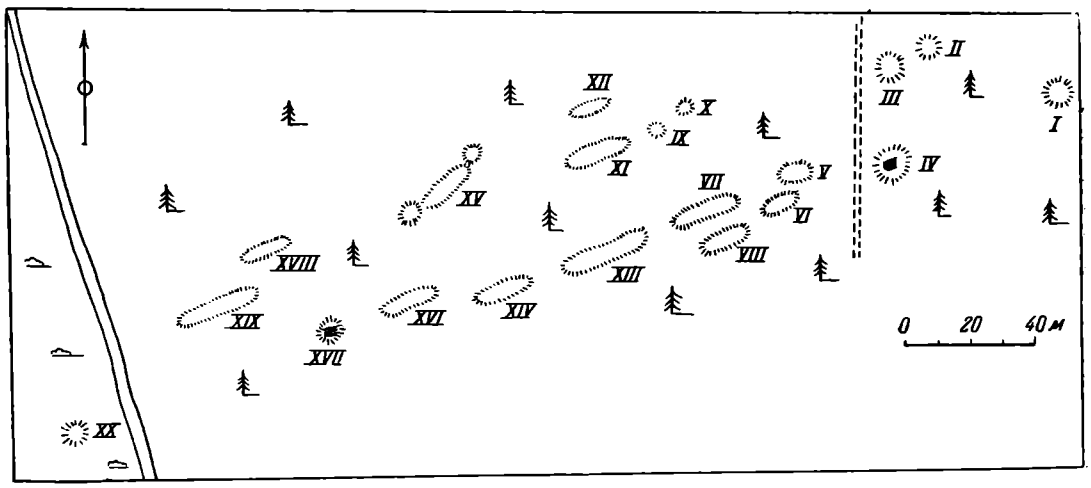


Рис. 1. Курганный могильник в Линдора (юго-восточная Эстония).

Здесь все спорно. Во-первых, автор противоречит принятому им принципу — нанесения на карту курганов строго определенных форм: длинные, удлиненные и сопки. Внесение же на карту хотя бы незначительной части круглых курганов сразу же меняет первоначальную установку и делает непонятным, почему одна, и притом очень маленькая, группа круглых курганов оказалась занесенной на карту, а большинство круглых курганов, также с трупосожжением, осталось вне ее. Ссылки автора на то, что данные круглые курганы являются синхронными длинным, не убедительны. Круглые курганы с трупосожжением на данной территории изучены плохо. Синхронность их с длинными курганами ничем не доказана, поэтому автор и не подкрепляет своих выводов ссылками на материал.

Особенно необходимо отметить, как явно неправильное, опубликование находок из круглых курганов под общим заголовком «Вещи из длинных курганов». Так, например, под такой рубрикой на табл. I помещены пряжка из круглого кургана (№ 24), обломок медного браслета (№ 6); на табл. III — нож железный (№ 9), браслет с утолщенными концами (№ 12); на табл. IV — височное кольцо (№ 16), большой колокольчик (№ 25) и т. д. Кроме того, под той же рубрикой «Вещи из длинных курганов» опубликована часть вещей без каких-либо оговорок, хотя происхождение их остается не выясненным. Таковыми, например, являются: медный пластинчатый браслет (табл. I, рис. 12), височные кольца (табл. I, рис. 10 и 11), шейная гривна (табл. I, рис. 15) и т. д.[3] Такое смешение материала из

[1] Н. Н. Чернягин. Ук. соч., стр. 94.
[2] Например, курганные группы под № 130, 151 и т. д.
[3] Н. Н. Чернягин. Ук. соч., приложения.

длинных и круглых курганов может ввести в заблуждение всех тех, кто, не занимаясь специально длинными курганами, пожелал бы сослаться на их инвентарь по публикациям Н. Н. Чернягина.

Со времени открытия и первого изучения длинных курганов прошло сто лет. Материал по этим памятникам накапливался медленно и касался, главным образом, определения местонахождения и описания их внешнего вида. Произведенные в прежние годы раскопки в большинстве случаев отличаются несовершенством методики. Курганы раскапывались траншеями и колодцами. Опубликованные и неопубликованные отчеты слишком общи и сухи. Все это до некоторой степени снижает научное значение материала, накопленного раскопками прежних лет. Во время Великой Отечественной войны многие коллекции из длинных курганов, хранившиеся в Псковском музее, погибли. Пробел в этом отношении несколько восполняется раскопками длинных и удлиненных курганов, произведенными в послевоенные годы в Псковской области и юго-восточной Эстонии, где курганы раскапывались на снос с точной фиксацией всего процесса раскопок.

Вопрос об изучении длинных и удлиненных курганов встает в наше время со всей необходимостью. На материале этих памятников могут и должны быть разрешены многие сложные вопросы славянского этногенеза и истории племенного объединения кривичей. Автор прекрасно отдает себе отчет в том, что нет возможности в данной статье разрешить все возникающие при изучении длинных курганов вопросы. К ним придется возвращаться в будущем еще не один раз в связи с накоплением нового материала по этим памятникам и в связи с изучением поселений на территории распространения длинных курганов.

В настоящее время автор ставит перед собою задачу ввести в научный оборот все имеющиеся материалы и попытаться сделать из них необходимые выводы, в первую очередь определить датировку длинных и удлиненных курганов.

* * *

Изучаемые нами курганы объединяются одним общим для них признаком — обрядом трупосожжения, но по форме насыпи и характеру захоронения они разделяются на две большие группы: курганы длинные и курганы удлиненные.

В первую группу входят курганы, имеющие форму вала различной длины (отсюда и их название «длинные курганы») с закругленными в плане углами, с крутыми, иногда несколько скошенными, скатами.

А. А. Спицын высказал предположение, что такого рода памятники напоминают собою большие семейные древние жилища, что вполне вероятно. Раскопки родового поселка у Бискупинского озера в Польше показали, что поселок состоял из больших длинных домов, расположенных один подле другого. Длинные дома были открыты и на городище «Барсучья горка» в Белоруссии, датируемом первыми веками нашей эры[1].

В свое время А. А. Спицын сделал попытку разделить длинные курганы на две группы: удлиненные и длинные. «Первые,—писал он,— коротки и сравнительно низки, имеют прямоугольное основание, поверхность их иногда устроена скатами. Длинные курганы имеют в длину от 5 до 60 саж.».

[1] В. Р. Тарасенко. Городище Барсучья горка. КСИИМК, XV, 1947, стр. 102—105.

Удлиненные курганы А. А. Спицын считал наиболее древними, от которых происходят длинные курганы[1].

К. Кудряшов определял длинные и удлиненные курганы следующим образом: «Длинным курганом,— говорит он,— принято называть курганную насыпь длиной в среднем около 20 сажен, не особенно высокую, в виде вала с закругленными концами и весьма отлогими скатами. Курганы длиною не более как вдвое против ширины, с прямоугольным основанием, с несколько закругленными углами скатов именуются удлиненными»[2].

Нечеткость в делении курганов на длинные и удлиненные создала большую путаницу в определении этих памятников. Курганы одних и тех же размеров назывались то удлиненными, то длинными. В отчете о раскопках А. О. Абрамова в Смоленской губернии А. А. Спицын два различных по размеру кургана,— один в 7 саж. на $5^1/_2$ арш., другой в 14 арш. на $8^3/_4$ арш.,— определяет как удлиненные[3], а курган размером $27^1/_2$ арш. на 12 арш.—как длинный[4]. В. Н. Глазов курган размером 7 саж. на 3 саж. считал длинным[5], С. Гамченко курганы в 38 арш. на 7 арш. и 31 арш. на 6 арш. относил к удлиненным[6].

Нечеткость в распределении курганов на длинные и удлиненные особенно ярко видна в работе Н. Н. Чернягина «Длинные курганы и сопки». В материалах к карте отмечаются как курганы длинные: 12 метров на 6 метров, 30 метров на 16 метров, 16 метров на 10 метров, 10,7 метра на 7,8 метра и т. д. В то же время курганы размером 15 метров на 6 метров, 15 метров на 2 метра, 14—28 метров на 6—8 метров определяются как удлиненные[7].

Путаница в разбивке курганов на длинные и удлиненные происходит от того, что не было установлено четких признаков, определяющих каждую из этих групп. Длина насыпи не может служить основанием для подобного деления. Вопрос решает прежде всего форма кургана, а затем, как это мы увидим в дальнейшем, и характер захоронения в них. Несомненно, что все курганы, имеющие форму вала, независимо от их размеров, должны относиться к группе длинных курганов.

Но, кроме длинных, часто в одних и тех же курганных группах встречаются насыпи и иной формы: овальные, четырехугольные, иногда квадратные в плане. Есть курганы неправильных очертаний. Такого типа курганы не занимают обособленной территории, район их распространения тот же, что и длинных курганов. Все они могут быть объединены, в отличие от длинных курганов, в одну группу под названием «удлиненные курганы».

Длинные и удлиненные курганы различаются между собою не только по форме своих насыпей, но и по характеру захоронения в них.

Длинные курганы являются коллективными усыпальницами, восходящими еще к эпохе первобытно-родового строя; обычно они содержат по нескольку погребений с трупосожжением. Длинный курган № 1 в урочище «Совий бор» Псковской области содержал два захоронения с трупосожжением[8]. В длинном кургане Осташковского уезда Тверской

[1] А. А. Спицын. Удлиненные и длинные русские курганы, стр. 196.
[2] К. Кудряшов. Отчет о раскопках 1911 года в Гдовском уезде. ЗОРСА, т. IX, стр. 241.
[3] ЗРАО, т. VIII, вып. 1, стр. 187, 209.
[4] ОАК за 1911 г.
[5] В. Н. Глазов. Раскопки в Опочецком уезде, стр. 212—213.
[6] ЗРАО, т. IX, 1910.
[7] Н. Н. Чернягин. Ук. соч., № 13, 20, 27, 34, 144 и т. д.
[8] С. А. Тараканова. Псковские курганы с трупосожжением, стр. 141—155.

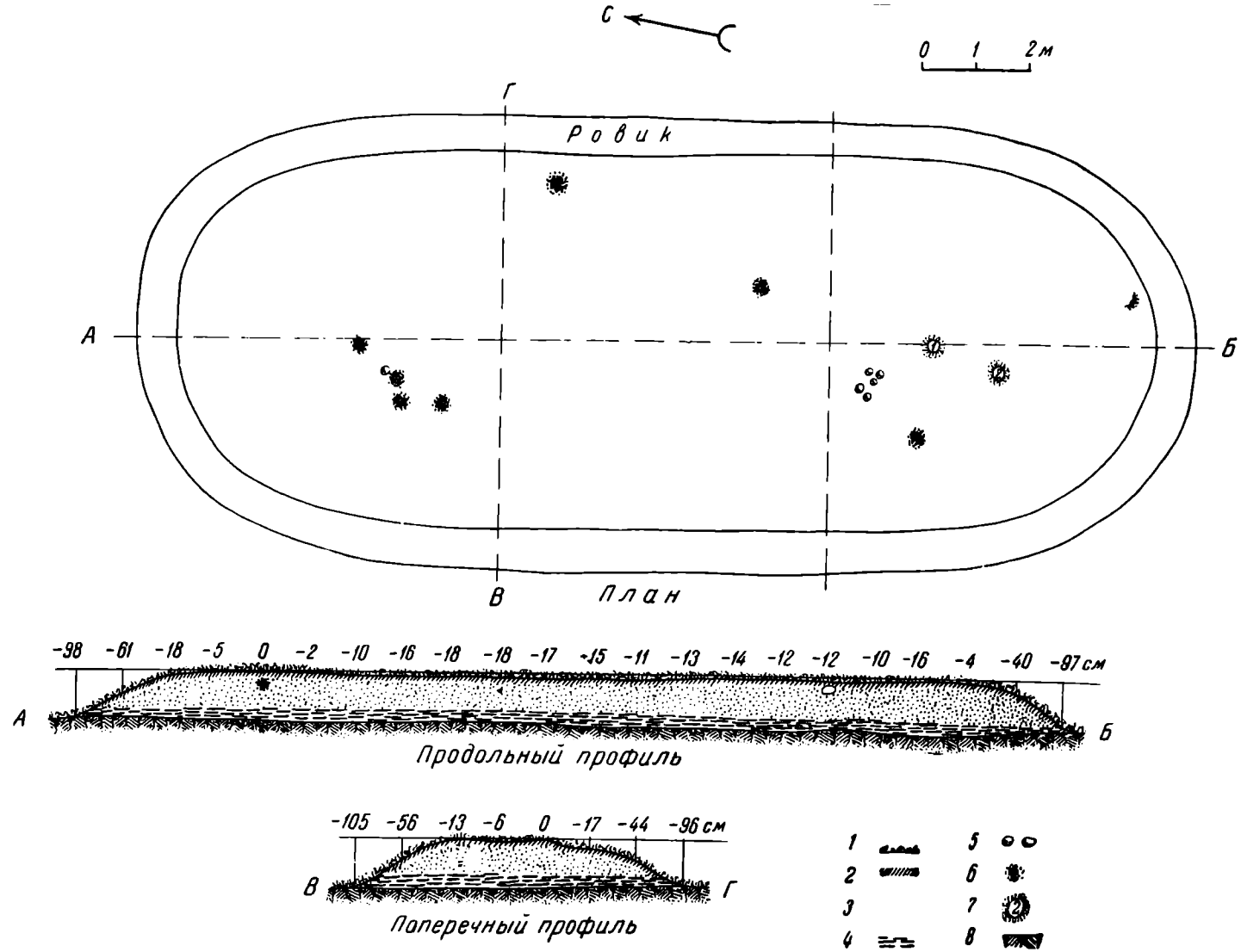


Рис. 2. Длинный курган № 1 в урочище «Совий бор»

Условные знаки: *1* — растительный слой; *2* — почва; *3* — грунт кургана (желтый песок); *4* — зольная прослойка; *5* — камни; *6* — кучки угля; *7* — погребения; *8* — материк

губернии имелось семь захоронений[1]. В длинном кургане у деревни Лосицы Псковской области было восемь захоронений, в длинном кургане у деревни Северик той же области вскрыто шестнадцать захоронений[2].

Удлиненные курганы, как правило, имеют по одному захоронению с трупосожжением. Насыпи их по размерам значительно меньше длинных курганов. Одиночные захоронения обнаружены: в кургане овальной формы № 9 в урочище «Волотуки» под Полоцком[3], в овальном кургане № 7 у с. Рудня Полоцкого округа[4], в овальном кургане № 4 и в квадратном кургане № 3 в с. Пуцацинки на правом берегу реки Лосни[5], в квадратном кургане около пос. Полежанки под Смоленском[6], в кургане четырехугольной формы № 4 в урочище «Совий бор»[7] (рис. 3).

Эти памятники относятся уже к периоду окончательного разложения первобытно-общинного строя. Таким образом, мнение А. А. Спицына о том, что от удлиненных курганов происходят курганы длинные, является ошибочным.

* * *

Изучение длинных курганов позволяет в известной степени восстановить некоторые черты жизни населения, оставившего нам эти памятники.

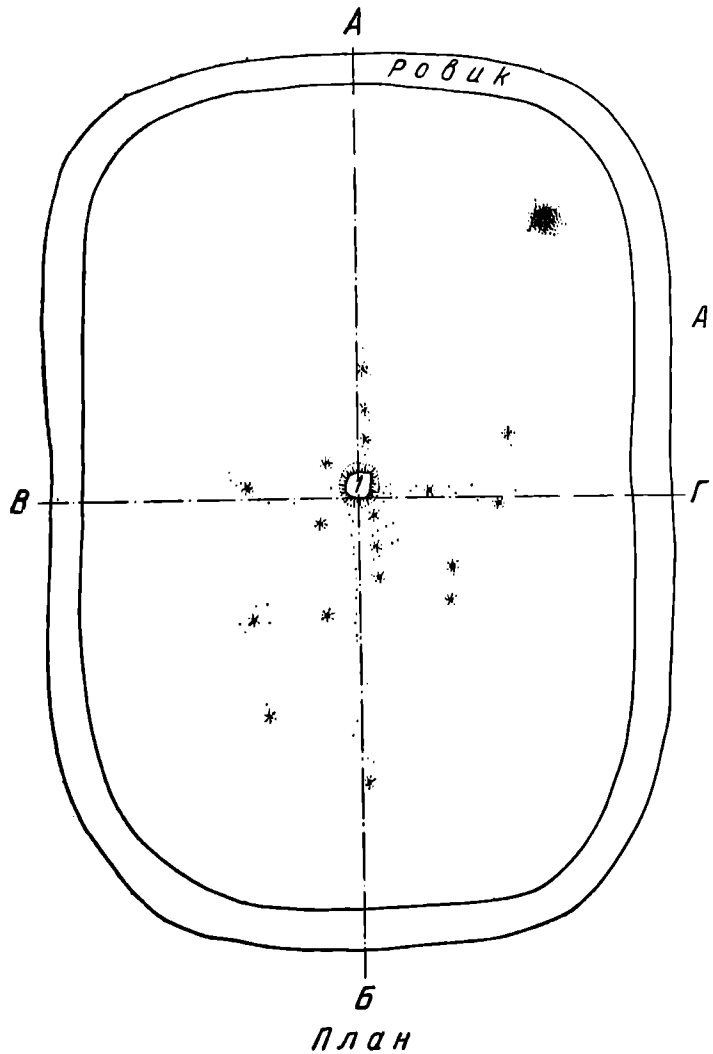
У некоторых исследователей сложилось мнение, что длинные курганы насыпались постепенно. «Длина кургана,— говорит П. Н. Третьяков,— зависит от числа совершенных в нем захоронений. В большинстве случаев с каждым новым захоронением насыпь все более и более увеличивалась»[8].

Поводом к такому мнению послужили, очевидно, во-первых, раскопки длинного кургана в Осташковском уезде Тверской губернии, произведенные В. И. Колосовым в 1903 г.[9] Раскопки велись поперечными и продольной траншеями. Еще до начала раскопок на поверхности кургана было отмечено пять седловин или выемок от 1 до 1,5 аршина глубиною. В кургане же обнаружены следы семи погребений с трупосожжением, отделенных друг от друга бо́льшими или меньшими расстояниями. Учитывая такое расположение погребений и наличие седловин на поверхности кургана, Колосов высказал предположение, что, очевидно, курган был насыпан не за один прием, а образовался путем постепенной присыпки к основному кургану при каждом новом погребении.

Приведенный факт ничего не говорит в пользу сооружения кургана в несколько приемов. Не трудно заметить, что количество седловин на вершине кургана не совпадает с количеством погребений в нем. Какие-либо другие признаки постепенного насыпания кургана Колосов не приводит, да и мнение свое высказывает предположительно.

Во-вторых,— раскопки В. В. Гольмстен в 1913 г. длинного кургана у деревни Кишкино Опочецкого уезда Псковской губернии. Курган раскапывался траншеями. У основания одной длинной его стороны были отмечены две небольшие ямы, которые и служат якобы доказательством того, что курган насыпан в несколько приемов[10]. Но и в данном случае нет

[1] В. И. Колосов. Ук. соч., стр. 259—260.
[2] С. А. Тараканова. Ук. соч., стр. 141—155.
[3] «Працы», т. II, Минск, 1930, стр. 161.
[4] Там же, стр. 190.
[5] Там же, стр. 274—275.
[6] Там же, стр. 304, 305.
[7] С. А. Тараканова. Ук. соч., стр. 141—155.
[8] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 39.
[9] В. И. Колосов. Ук. соч., стр. 259 и след.
[10] П. Н. Третьяков. Археологические памятники древнерусских племен. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, 1949, стр. 258—285.



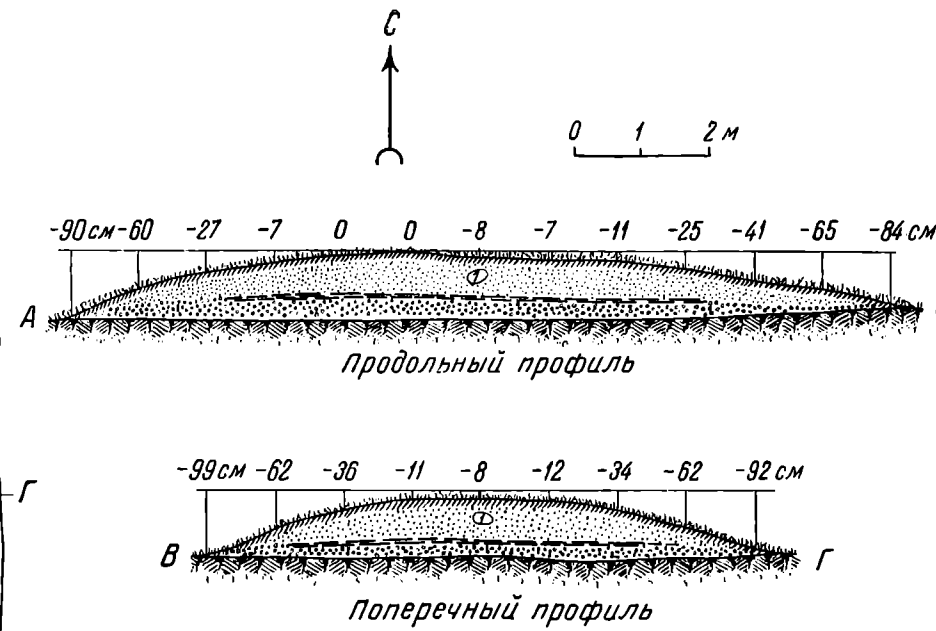


Рис. 3. Удлиненный курган в урочище «Совий бор»

Условные знаки: *1* — растительный слой; *2* — почва; *3* — грунт кургана (желтый песок); *4* — вольная прослойка; *5* — белый песок; *6* — угольные кучки; *7* — погребения (цифра обозначает нумерацию); *8* — материк

никаких оснований делать подобные выводы потому, что курган, во-первых, полностью не раскапывался, во-вторых, отмеченные при раскопках две ямы могли иметь самое различное значение.

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что длинные курганы всегда насыпались в один прием. При раскопках длинного кургана у села Березовский рядок Валдайского района А. В. Тищенко отметил, что «лента (прежний нуль) ясно прослеживается на всем протяжении кургана и идет, нигде не прерываясь. Это служит доказательством,— говорит он,— что курган насыпан весь в один прием, а не образовался путем последовательной присыпки нескольких насыпей к одной первоначальной. За это говорит и равномерность чередования слоев песка в самой насыпи»[1].

Интересен в этом отношении длинный курган, почти полностью раскопанный А. А. Спицыным, у деревни Замошье Лужского района. «Раскопки,— говорит А. А. Спицын,— неожиданно обнаружили, что курган большей своей частью состоит из материковой нетронутой земли. Устроители кургана остроумно использовали склоны площадки. Они выбрали его бровку, обработав склон в обширный ров и набросав на него земли с другой стороны. Таким путем возник курган, имевший внутри материковое ядро, вышиною до 1 аршина, и поверх его насыпь»[2].

Длинный курган у деревни Городище Гдовского района представлял собою дюнную грядку, обработанную боковыми выемками[3]. В. Н. Глазов, при раскопках длинных курганов в Опочецком уезде Псковской губернии, отметил, что следов постепенного присыпания насыпей одна к другой не найдено[4].

Раскопки на снос трех длинных курганов в Псковской области, произведенные автором данной статьи, привели к тем же выводам. Длинный курган № 1 в урочище «Совий бор», размером 21 метр длиной, 8 метров шириной при 1 метре высоты, не имел никаких признаков постепенного сооружения его насыпи. Зольная прослойка шла по всему основанию кургана, нигде не прерываясь. Длинные курганы у деревни Северик и Лосицы Псковской области имели не только ничем не нарушенное чередование слоев земли и насыпи, но и сложные по своей конструкции каменные кладки в них, свидетельствующие о том, что эти курганы были насыпаны в один прием[5].

Длинные курганы являются огромными, иногда величественными сооружениями. Большинство из них имеет в длину 15—25 метров, при ширине 6—12 метров, высотою 1—1,5, реже 2 метра. Курганы меньших размеров и курганы особенно длинные (40, 60, 95 метров) встречаются редко.

Насыпать курган в 15—25 метров длиной, да еще в один прием, являлось, безусловно, делом весьма трудным и для небольшой группы лиц совершенно невозможным. С большой уверенностью можно предполагать, что длинные курганы сооружались усилиями коллектива. К этому выводу приводят не только размеры курганов, но и способы их насыпания.

Курган насыпался прежде всего из земли, его окружавшей, поэтому вокруг всех длинных курганов заметны ровики. Но взятая из ровиков земля ни в какой мере не могла быть достаточной для огромной насыпи

[1] А. В. Тищенко. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губ., стр. 16.

[2] А. А. Спицын. Раскопки 1910 года в Лужском районе. ИАК, вып. 53, СПб., 1914, стр. 89.

[3] Архив А. А. Спицына, № 61.

[4] В. Н. Глазов. Отчет о раскопках в Опочецком и Новоржевском уездах, стр. 212—213.

[5] С. А. Тараканова. Ук. соч., стр. 141—155.

кургана. Об этом говорят и незначительные размеры ровиков, обычно не превышающие 1 метра в ширину при нескольких десятках сантиметров глубиною [1]. Проведение ровиков вокруг кургана, возможно, имело обрядовое значение, или же они обозначали первоначальную форму и размеры кургана. Земля из ровиков поступала в насыпь. Но все же основная масса земли, как и огромные в некоторых случаях валунные камни, приносились со стороны. Длинный курган у деревни Северик, расположенный в 140 метрах от речки Каменки на высоком ее берегу, был насыпан из речного песка. Огромные, до одного метра в диаметре, валунные камни и крупный плитняк скрепляли курганную насыпь. Насыпать такие курганы было под силу только значительному коллективу людей — родовому коллективу.

Судя по количеству захоронений в каждом длинном кургане, можно считать, что он являлся усыпальницей патриархально-семейной общины. Возможно, что каждая большая семья строила для себя заранее такую усыпальницу, незначительная часть которых осталась неиспользованною. В таких курганах, кроме тонкого зольного слоя в основании под насыпью, совсем не обнаружено погребений. «Пустые» длинные курганы известны: у деревень Ново-Жуковская [2], Безьва [3], Сытенка [4] — бассейн Плюсы и восточное побережье Псковского озера, у деревни Першино [5] — среднее течение р. Великой, у деревень Долева и Низовка — бассейн нижнего течения Мсты.

* * *

Длинные курганы группируются различно. Нами подсчитано 319 курганов в 111 пунктах. В подсчет включались только те пункты, по которым имеются указания на количество имеющихся в них длинных курганов, и не принимались во внимание те, в которых хотя и имеются длинные курганы, но количество их либо совсем не указано, либо указано очень неясно [6].

Из 111 пунктов в 41 случае длинные курганы расположены по одному (отдельно или в группе круглых), в 24 случаях — по два длинных кургана. Все же остальные курганы группируются по 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 15 и даже 21 кургану, располагаясь очень близко один от другого, иногда соприкасаясь. Близ деревни Володи, на восточном побережье Псковского озера, среди 25 круглых курганов находятся восемь длинных насыпей [7], у деревни Заборовка того же района в группе круглых курганов имеются пять длинных [8], у деревни Хвоенка-Мелетовская (среднее течение Великой) расположено пять длинных курганов [9] и т. д.

Большая курганная группа имеется в урочище «Совий бор», на восточном берегу Псковского озера. Здесь в сухом сосновом бору имеются 57 больших круглых курганов и 21 длинный курган. Все 78 курганов вытянулись широкой полосой вдоль берега Псковского озера на протяжении около километра. Эти курганы составляют самую крупную курганную группу в бассейне реки Плюсы и на побережье Псковского и Чудского озер (рис. 4).

---

[1] Ровики больших размеров встречаются очень редко.

[2] ЗРАО, т. IX, стр. 249—250.

[3] Там же, стр. 248.

[4] С. Гамченко. Раскопки у деревни Сытинка, стр. 213.

[5] В. Н. Глазов. Раскопки близ погоста Лыбуты. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 2.

[6] Например, имеется могильник, состоящий из длинных курганов, или имеется пять целых длинных курганов и много разрушенных и т. д.— Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки, № 74, 86, 162, 163 и т. д.

[7] Архив ИИМК, № 124, 1929 г.

[8] Там же.

[9] Архив ИИМК, № 117, 1928 г.

Объединение нескольких длинных курганов в одну курганную группу представляет собою родовое кладбище, на котором каждая патриархальная семейная община имела свою усыпальницу. Как длинные дома больших патриархальных семей размещались в одном родовом поселке, так и длинные курганы размещались на одном кладбище. В данных случаях родовые связи отдельных семейных общин были еще достаточно сильными[1].

Но не везде длинные курганы представляют одну тесно расположенную группу. Близ села Полно Псковской области находятся четыре длинных кургана, причем три из них расположены вместе, а один — на расстоянии 2—2,5 километра от этой группы[2]. У погоста Кухва-Михайловская той же области один длинный курган расположен за южной околицей поселка. В одном километре к юго-востоку от этого поселка находятся еще два длинных кургана, в одном километре к юго-западу от поселка — еще два таких же кургана и, наконец, на расстоянии 200—250 метров к северо-западу от двух последних курганов также имеются два длинных кургана[3]. Такое именно расположение длинных курганов мы наблюдаем у деревень Кохново-Мутцы[4], Кишкино[5], Лапино[6], Бабино[7], у погоста Жадро[8], в верховьях Великой и т. д.

Во всех указанных случаях длинные курганы уже не составляют единой курганной группы, хотя они еще сравнительно близко расположены один от другого. Постепенно отдельные длинные курганы начинают выносить за пределы территории родового кладбища.

Особого внимания заслуживает расположение тех курганных групп, в которых имеются одна-две длинные насыпи.

На первый взгляд кажется, что одиночные длинные курганы рассыпаны на огромной территории совершенно бессистемно. На самом же деле и в расположении одиночных длинных курганов наблюдается определенная закономерность. Приведем примеры. По среднему течению р. Великой длинные курганы имеются у деревень: Паничьи горки, Першино, Понизовье, Голодуша, Выбуты, Пятоново[9]. Радиус расположения этих деревень не превышает 5—7 километров. А дальше, вниз по р. Великой, на протяжении 20—25 километров, длинные курганы совершенно неизвестны. Лишь в низовьях р. Великой, на речке Каменке, левом ее притоке, длинные курганы имеются у деревень Северик и Рябиниха[10]. Такое же расположение длинных курганов территориальными группами наблюдаются на реке Плюсе (деревни Зуевец, Каменка, Шепец)[11], на восточном берегу Псковского озера (Полно, Дубровино, Кятцы, Желча[12] и т. д.).

Здесь, как мы видим, нет единого родового кладбища. Происшедшие социально-экономические изменения в патриархально-родовом обществе на стадии его разложения отразились и на группировке погребальных памятников. Большая патриархальная домашняя община, размножаясь и расчленяясь на отдельные семьи в условиях роста производительных

[1] Необходимо, конечно, учесть, что погребальные обряды отличаются известной консервативностью и не сразу отражают изменения в общественно-экономических отношениях.

[2] Н. Н. Чернягин. Ук. соч., № 24.

[3] Там же, № 76.

[4] Архив А. А. Спицына, № 94.

[5] Труды Псковского арх. о-ва, вып. 10, Псков, 1914, стр. 51—55.

[6] Архив ИИМК, № 116, 1928 г.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Труды Псковского арх. о-ва, вып. 10, стр. 51—55.

[10] С. А. Тараканова. Ук. соч., стр. 141—155.

[11] Архив ИИМК, № 114, 1928 г.

[12] Там же.

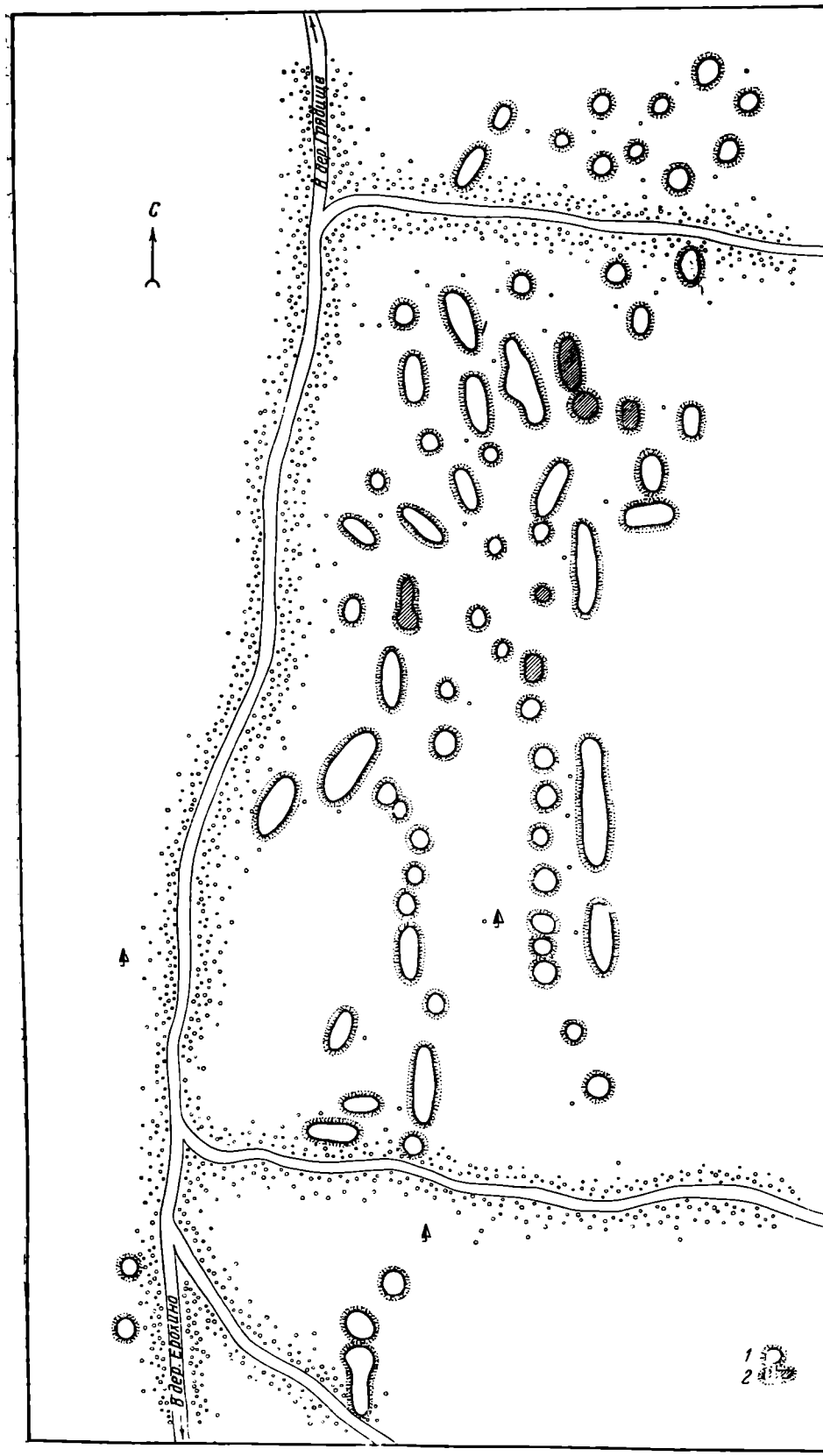


Рис. 4. Курганная группа в урочище «Совий бор»

Условные знаки: *1* — курганы; *2* — курганы раскопа 1949 г.

сил и возникающих новых социально-экономических отношений, постепенно заменяется сельской общиной. Родовые кладбища — длинные курганы, объединенные в одну курганную группу, заменяются длинными курганами, объединенными одной территорией[1]. И хотя попрежнему существует обычай погребения родственников в одном длинном кургане, но вместе с экономическим обособлением отдельных малых семей появляются и новые формы погребального обряда — одиночные захоронения трупосожжений в удлиненных курганах, которые очень часто располагаются рядом или поблизости с длинными курганами.

Таким образом, на примере группировки длинных курганов можно проследить в известной мере процесс разложения первобытно-общинного строя у населения данной территории, процесс перерастания патриархально-родовой общины в сельскую, территориальную общину.

Изменения, происшедшие в первобытно-общинных отношениях, сказались и в совместных,— вероятнее всего, насильственных,— погребениях женщин с мужчинами, а также в признаках роста имущественного неравенства.

В одном погребении длинного кургана у деревни Сытинка Гамченко нашел 9 фунтов 33 золотника пережженных костей. Здесь заметно, говорит он, совмещение как бы двух остатков трупосожжения (мужского и женского), что, вероятно, является следствием одновременного трупосожжения[2]. Подобное же погребение вскрыто в длинном кургане у деревни Дубровка Крестецкого уезда Новгородской губернии. Здесь находились рядом два погребения. Одно из них было в урне — небольшом глиняном горшке, наполненном пережженными костями; другое погребение находилось рядом около горшка в виде небольшого кострища, на котором среди мелких угольков, золы и пережженных костей найден слиток синих бус с красной инкрустацией[3].

В длинном кургане у села Березовский рядок найдено пять трупосожжений, расположенных небольшими грудками на материке и в насыпи. Во втором и четвертом погребениях вещи отсутствовали, в трех же остальных погребениях найдены ножи, бляшки, шило и другие вещи. Особенно в этом отношении выделялось погребение № 5, при котором найдены: пять частиц железной обивки пояса, зеленая стеклянная бусина, сплав из четырех бус других цветов и десять кусочков тонких медных пластинок с орнаментом[4].

В некоторых длинных курганах в погребениях встречаются кости лошади и части конской сбруи. В длинном кургане у деревни Жеребятино при одном погребении были найдены, вместе с медными выпуклыми бляшками, конские удила. В другом месте насыпи этого же кургана лежали пережженные кости лошади[5].

В длинном кургане у деревни Северик в кострище на материке вскрыты близко друг от друга два погребения, из которых одно без вещей, а другое,—несомненно, женское, так как здесь найдены: слиток бус из синего стекла, язычок от фибулы, кусочек бронзовой проволоки, загнутой с двух концов, три бронзовые спирали различных размеров, медная выпуклая

[1] М. О. Косвен полагает, что с распадением родовых связей членов одного рода отдельные большие семьи отселяются и присоединяются к таким же семьям других родов. Так возникает соседская община. Примечание к книге М. Ковалевского: Очерки происхождения развития семьи и собственности. М., 1939, стр. 158.

[2] С. Гамченко. Раскопки у деревни Сытинка, стр. 194.

[3] В. Н. Глазов. Поездка в Крестецкий уезд, стр. 53—55.

[4] А. В. Тищенко. Раскопки в Новгородской губернии, стр. 15—17.

[5] К. Кудряшов. Раскопки в Гдовском уезде, стр. 241—250.

бляшка с обломанными скобочками, обломок медной, узкой, слегка изогнутой пластинки.

Все эти факты, и особенно совместное сожжение женщин с мужчинами, говорят за то, что население, оставившее нам длинные курганы, переживало такую стадию разложения патриархально-родового общества, когда явно обрисовывается подчиненное положение женщин.

* * *

Если мы посмотрим на карту длинных курганов, то не трудно заметить, что они не распределяются, как это отметил еще в свое время и А. А. Спицын, на огромной территории равномерно, а группируются по отдельным районам. Хотя выявление и учет этих памятников не закончены, и могут быть обнаружены как отдельные курганы, так и целые их группы, все же имеющийся в нашем распоряжении материал весьма убедительно показывает существование отдельных районов, где длинные курганы расположены густо, а между этими районными группами существуют значительные пространства, их разделяющие.

Одним из таких районов является прежде всего восточное побережье Псковского и Чудского озер, бассейн рек Плюсы, верхнего и среднего течения Луги, где длинные курганы расположены весьма густо как группами, так и отдельными насыпями. Такая же густая сеть длинных курганов имеется по западному побережью Псковского озера.

В низовьях р. Великой длинных курганов мало. Среднее же и особенно верхнее течение Великой и ее бассейна также покрыто густой сетью этих курганов. В. В. Ячин, в Опочецком уезде Псковской губернии, в 36 курганных группах зарегистрировал 44 длинные насыпи[1].

Южнее длинные курганы группируются в районе Смоленска. В западном направлении от Смоленска и в восточном направлении от побережья озер, рек Плюсы и Луги эти курганы встречаются единицами и не составляют сколько-нибудь значительных групп.

Удлиненные курганы распространены в основном на той же территории. В настоящее время нет возможности подсчитать более или менее точно количество этих памятников для сравнения их с длинными курганами, но можно сказать, что удлиненных курганов значительно больше, чем длинных, и распространены они на занимаемой территории более равномерно, чем длинные курганы. Особенно в этом отношении можно отметить районы Смоленска, Полоцка и Витебска.

Внимательное изучение длинных курганов показывает, что при общности их формы и обряда погребения (трупосожжения) они, действительно, разделяются на отдельные большие территориальные группы как по способам сооружения насыпи, так и по разновидностям погребального обряда.

Остановимся прежде всего на характеристике сооружения длинных курганов. При насыпании некоторых из них избранный участок, обычно на сухом возвышенном месте, предварительно обрабатывался огнем путем пережигания хвороста. Поэтому в основании насыпи таких курганов имеются зольные прослойки (иногда их называют угольно-пепельными), с мелкими угольками, но без каких-либо остатков погребений, которые помещаются выше в насыпи кургана. В. Н. Глазов при раскопках курганов в Опочецком уезде наблюдал в основании их тонкий угольно-пепельный слой[2]. Такие же зольные прослойки отмечены А. В. Тищенко при раскопках длинного кургана у села Березовский рядок, А. А. Спицыным — в

[1] Архив ИИМК, № 116, 1928 г.

[2] В. Н. Глазов. Раскопки в Опочецком уезде, стр. 216, 217, 220.

длинном кургане у деревни Замошье. Зольные прослойки в основании насыпи были обнаружены в длинных курганах у деревни Лосицы и в урочище «Совий бор» Псковской области.

Но обычай насыпать длинные курганы на выжженном участке существовал не везде. Зольные прослойки в основании насыпи известны во всех длинных курганах бассейна реки Плюсы, восточного побережья Псковского и Чудского озер, а также в бассейне реки Полы — правого притока Ловати. Далее курганы с зольной прослойкой имеются в бассейне среднего и верхнего течения р. Великой[1], а также в б. Люцинском уезде б. Витебской губернии, на границе его с Себежским[2].

В длинных курганах, расположенных юго-западнее Псковского озера и в низовьях р. Великой, зольные прослойки иногда заменяются прослойками из белого песка. В данном случае участок, выбранный для сооружения кургана, предварительно очищался и засыпался сравнительно тонким слоем белого песка, после чего происходило насыпание кургана.

Прослойка из белого песка в длинных и удлиненных курганах, расположенных восточнее Псковского и Чудского озер, встречается редко. В комбинированном кургане (длинном, слитом с круглым) в урочище «Совий бор» зольная прослойка в основании насыпи отсутствует; ее заменяет прослойка из белого песка. Имеются случаи, когда прослойка из белого песка совмещается с зольной прослойкой, как это имеет место в длинном кургане у деревни Дубровка[3], в длинных курганах Гдовского района[4], в Сестрорецких курганах[5].

В Смоленских длинных курганах зольные прослойки и прослойки из белого песка в основании насыпи совершенно отсутствуют. Здесь длинные курганы сооружались без этой обрядности.

Во всех без исключения длинных курганах погребали остатки трупосожжений, произведенных на стороне. Ярким свидетельством этого является отсутствие кострищ в таких курганах. Очень часто остатки трупосожжения в виде небольшой кучки пережженных костей помещаются в насыпи кургана, как это, например, обнаружено при раскопках длинного кургана в урочище «Совий бор» и в целом ряде других курганов. Раскапывая длинный курган у села Березовский рядок, А. В. Тищенко отметил, что «сожжение производилось где-то на стороне, а в длинный курган перенесли лишь тщательно собранный прах покойника»[6]. К такому же выводу пришел и А. А. Спицын при раскопках длинного кургана у деревни Замошье. Здесь остатки трупосожжения были расположены на материке в виде кострища длиною в $1^1/_2$ арш., шириною в $1^1/_4$ арш. и толщиною в 2—3 вершка, состоящего из угля, золы и значительного количества мелких пережженных косточек. «Однако,— говорит А. А. Спицын,— определенных следов кострища на месте в виде, например, окрашенной земли, не было усмотрено, хотя здесь под остатками трупосожжения земля имела другой цвет (от горячих углей и костей)»[7].

Погребения в виде кострищ в длинных курганах встречаются довольно часто. Они располагаются то на одном конце кургана, то в середине его,

[1] Н. Н. Чернягин. Ук. соч., № 25, 28, 30, 31, 33, 34, 236, 243, 367, 376, 97, 105, 108, 112.

[2] Архив А. А. Спицына, № 61. В круглых Себежских курганах Спицын также наблюдал на материке слои пережженных сучьев.

[3] В. Н. Глазов. Поездка в Крестецкий уезд, стр. 55.

[4] К. Кудряшов. Отчет о раскопках в Гдовском уезде, стр. 243.

[5] ЗОРСА, т. VIII, вып. 2, 1909, стр. 38—39.

[6] А. В. Тищенко. Раскопки 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии, стр. 15—17.

[7] А. А. Спицын. Раскопки в Лужском уезде, стр. 89.

имея самые различные размеры. В таких кострищах, кроме золы и мелких угольков, встречаются иногда сравнительно крупные остатки обгорелого дерева, перегорелые косточки и иногда вещи. В длинном кургане у деревни Северик кострище на материке помещалось в южной его половине. Здесь, кроме золы, мелких угольков и пережженных косточек, лежали на расстоянии 60—80 см друг от друга два обугленных обрубка дерева длиною каждый около 80 см. Рядом с одним из них находился большой валунный камень. Размеры всего кострища — 1,9 метра на 2,6 метра. В длинном кургане у деревни Лосицы на материке также имелось кострище размером 2,2 метра в диаметре, состоящее из золы и мелких угольков, перемешанных с темною землею, среди которых было много пережженных костей. В длинном кургане погоста Тайлово Псковской области кострище диаметром около 1,5 аршина и около вершка толщиною помещалось на одном конце кургана[1]. Подобного же типа кострища имелись и в Сестрорецких курганах[2].

Однако, несмотря на наличие кострищ, и в этих курганах погребались остатки трупосожжений, также произведенных на стороне. Об этом говорит не только незначительный размер кострищ, но и, главным образом, то обстоятельство, что земля под этими кострищами совершенно не обожжена, тогда как при сжигании трупа на месте слой земли, подстилающий кострище, естественно, в какой-то мере должен быть обожжен.

Очень интересно в этом отношении погребение № 9, вскрытое в длинном кургане у деревни Северик. Оно находилось в насыпи северного конца кургана на высоте около 80 сантиметров от его основания. Погребение представляло собою кострище, размером 1,5 метра на 2 метра, толщиною 3—5 сантиметров, состоящее из угольно-зольного пятна, в котором имелись сравнительно крупные угли и кальцинированные косточки. С южной стороны это кострище было обложено плотной желтой глиной, булыжными и плитняковыми камнями. По северному его краю проходило обугленное дерево длиною 1,75 метра. Остатки трупосожжения лежали на плитняковых камнях, выстланных берестой, которая оказалась только лишь обугленной. Это доказывает, что трупосожжение было произведено на стороне, а в насыпь кургана помещены еще не остывшие его остатки.

Все Смоленские курганы имеют кострища, которые, судя по раскопкам В. И. Сизова, обычно находились близко к поверхности кургана. Неизвестно, производились ли в Смоленских курганах трупосожжения на месте кургана или на стороне, но при раскопках удлиненных курганов этой территории установлено, что трупосожжения там производились вне кургана[3]. В удлиненных курганах на территории Литвы погребались остатки трупосожжений, произведенных также вне кургана[4].

Где происходило сжигание трупов — неизвестно, но можно предполагать, что такие места находились где-то вблизи курганов. Интересное открытие было сделано С. Гамченко при раскопках курганов у деревни Сытинка, на левом берегу Луги. Здесь в группе курганов «Боровой дороги», состоящих из шестнадцати насыпей, в том числе одной длинной, была открыта яма конической формы, диаметром 7,5 аршин и глубиною 1 аршин, расположенная на возвышенности, тянущейся по левому берегу ручья

[1] Труды Псковского арх. о-ва, вып. 10, стр. 8.
[2] ЗРАО, т. VIII, вып. 2, стр. 38, 39.
[3] А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии, стр. 163—164.
[4] В. Ф. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине Литвы, стр. 139—140.

Чернецкого, в точке изгиба дугообразной линии курганов, почти в середине ее[1]. Под растительным слоем боковой поверхности и дна ямы прослежен закопченный и почерневший слой песка, который ближе ко дну ямы был значительно чернее. Этот слой содержал сосновые угольки и пепел: древесный и костяной. Толщина этого слоя составляла в верху ямы 0,5 вершка и у дна ямы — 1,5 вершка. Под ним шла прокаленная земля до 6 вершков толщиною. Эта яма, говорит Гамченко, искусственного происхождения и могла служить местом трупосожжения. В курганах «Боровой дороги» кострище отсутствует.

Соколовым, при раскопках сопкообразных курганов с трупосожжением у деревни Езерище (среднее течение р. Великой), был открыт каменный помост, который находился на расстоянии 10—13 метров от группы курганов, по направлению к берегу р. Великой. В яме, на глубине 0,26 метра, оказались зола, угли и кости. Дно ямы, заполненное этой массой на глубину 0,7 метра, было выложено булыжным камнем в форме круга диаметром до 1,4 метра. Камень помоста был сильно прокален и легко рассыпался. Ниже помоста лежала масса золы, угля и костей. Среди них найдены крупинки меди, железный шарик и мелкие черепки серой глиняной посуды.

В некоторых длинных курганах обнаружены различные каменные кладки как у основания, так и в насыпи, причем часть этих кладок, несомненно, имела ритуальное значение; другие кладки, вероятно, служили для крепления песчаных насыпей курганов. В Тайловском длинном кургане кострище на материке было окружено кольцом из валунов, до 5 вершков в диаметре каждый, образующих правильный круг диаметром около 4 аршин. Камни располагались на расстоянии $^1/_2$—$^3/_4$ аршина друг от друга. В этом случае, возможно, мы имеем отражение в погребальном обряде космических представлений населения. Близкой по своему значению к Тайловскому кургану можно рассматривать каменную кладку в длинном кургане у деревни Лосицы, которая покрывала собою в виде конуса погребение — кострище на материке. В этом же кургане кольцо из камней в два-три ряда в высоту окаймляло под насыпью основание кургана (рис. 5).

Длинный курган у деревни Северик имел также вокруг основания ряд плитняковых камней, лежащих плашмя, среди которых иногда встречались и валунные камни. Вероятнее всего, что они определяли границу (размеры, форму) кургана. Огромные валуны и крупный плитняковый камень в центре насыпи (от ее основания до вершины и вдоль всего гребня) служили также, видимо, этой цели, как и разрозненно лежащие камни, встреченные в различных местах насыпи. Расположение этих камней не давало возможности истолковать их ритуальное значение. В Сестрорецких курганах, где производились захоронения остатков трупосожжений, также произведенных на стороне, погребения располагались на особом помосте, сложенном из морского гравия и окруженном со всех сторон валунными камнями. Редкая валунная одежда имелась у основания, на склонах и вершине курганов[2].

В длинном кургане у деревни Кудово Опочецкого района кострище в северном конце насыпи было обставлено с одной стороны тремя известняковыми плитами неправильной формы, назначение которых остается невыясненным, хотя в остальных курганах этой и соседних с нею групп камней не было[3]. Интересно отметить, что в этом кургане, где были

[1] С. Гамченко. Исследование курганов у деревни Сытинка, стр. 203—205.
[2] ЗРАО, т. VIII, вып. 2, стр. 39, 41.
[3] В. Н. Глазов. Раскопки в Опочецком уезде, стр. 72.

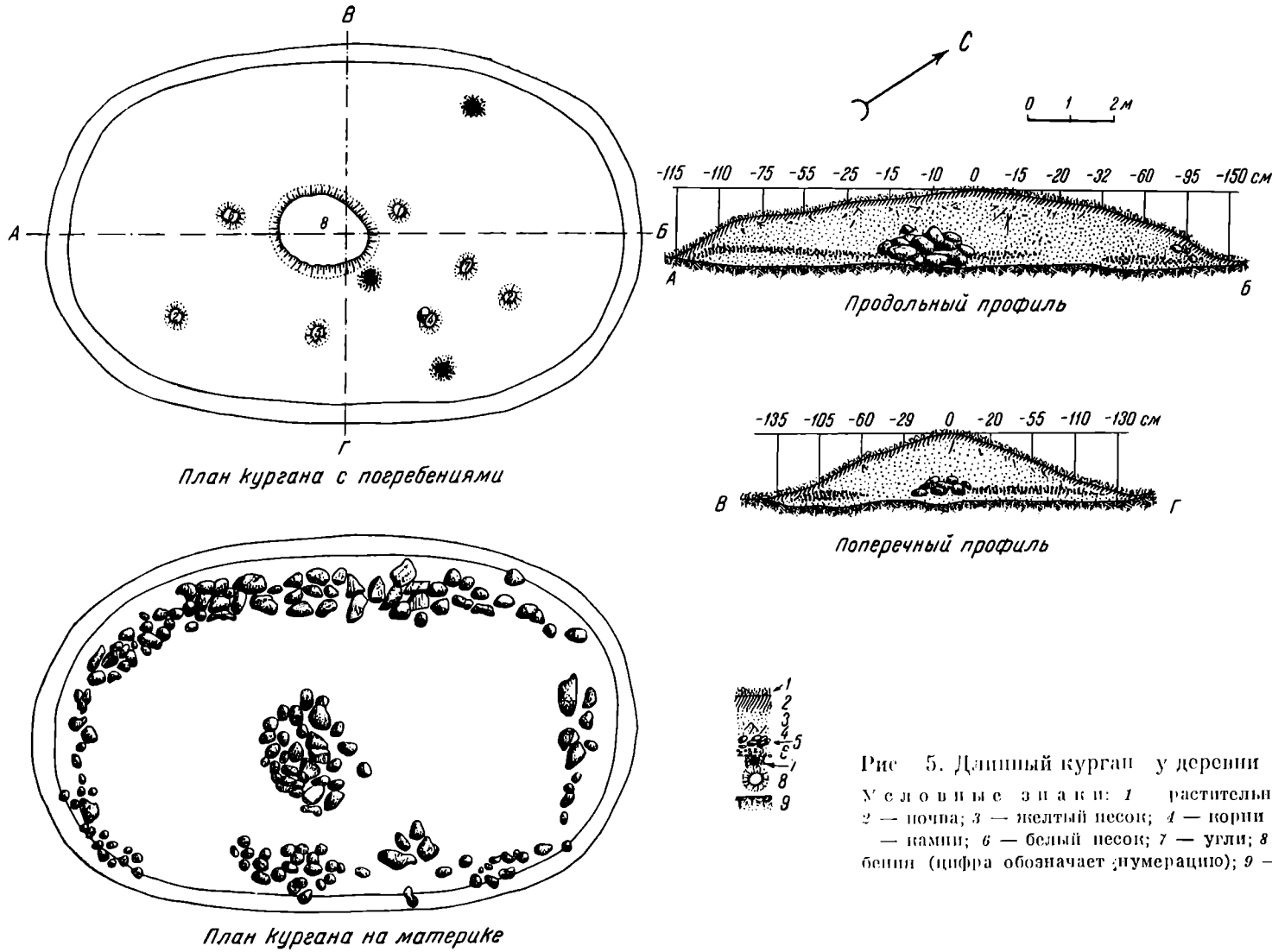


Рис 5. Длинный курган у деревни Лосицы

Условные знаки: *1* — растительный слой; *2* — почва; *3* — желтый песок; *4* — корни растений; — камни; *6* — белый песок; *7* — угли; *8* — погребении (цифра обозначает нумерацию); *9* — материк

найдены камни, кострище располагалось на двух его концах, а зольный слой в основании отсутствовал. Каменная кладка известна в длинном кургане у деревни Далева Новгородской губернии, где в насыпи кургана, вдоль его восточной стороны, на материке лежало несколько камней, вытянутых в одну неправильную линию[1]. У деревни Першино (среднее течение р. Великой) В. Н. Глазов раскопал длинный курган, в основании насыпи которого, по середине ее, во всю ширину лежал помост из мелких плотно сложенных камней. В основании кургана шел тонкий угольно-пепельный слой[2]. Нечто вроде каменного помоста обнаружил Н. И. Репников при раскопках кургана в урочище «Победище», близ Старой Ладоги[3]

В Смоленских длинных курганах каменные кладки неизвестны.

Итак, все длинные курганы объединяются единством форм курганной насыпи и обрядом трупосожжения, но различаются по некоторым признакам. Различие в устройстве курганных насыпей дает основание разделить все длинные курганы на две большие территориальные группы. Длинные курганы одной группы имеют в основании зольную прослойку, которая в очень редких случаях заменяется прослойкой из белого песка. Иногда встречаются двойные прослойки — зольная и из белого песка. В отдельных курганах этой группы изредка обнаруживаются каменные кладки, имеющие ритуальное или конструктивное значение. Курганы этой группы занимают восточное и западное побережья Псковского озера, восточное побережье Чудского озера, бассейны рек Плюсы, Луги, Мсты и Великой. Эту группу курганов можно условно назвать Псковско-гдовской группой длинных курганов.

В другой группе длинных курганов отсутствуют зольные прослойки и прослойки из белого песка в основании насыпи; нет в них и каменных кладок. Такого типа курганы группируются в районе Смоленска. Их можно определить как Смоленскую группу длинных курганов.

Важно отметить, что различие между Псковско-гдовской и Смоленско-полоцкой группами длинных курганов заключается не только в вышеперечисленных признаках, но и в расположении самих курганов. Все Смоленские курганы ориентированы перпендикулярно берегу реки или озера; Псковско-гдовские курганы расположены вдоль берегов рек и озер.

Каждая из групп длинных курганов занимает обширную территорию, отделяемую одна от другой значительными пространствами. В пограничных областях наблюдается некоторое смещение характерных признаков той или другой группы курганов. Каждая из этих групп курганов могла принадлежать племенным группам, родственным между собою.

Обращает на себя внимание расположение Псковско-гдовской группы длинных курганов. Она как бы делится на две части, из которых одна расположена по верхнему и среднему течению Великой, а другая, на значительном расстоянии от первой,— по восточному побережью Псковского и Чудского озер. Возможно, что здесь мы имеем случай сегментации племенной группы.

* * *

В длинных курганах прослеживается несколько разновидностей форм погребального обряда: погребения в небольшой ямке материка без урны; погребения в таких же, но несколько бóльших по размерам ямках, в урнах, иногда прикрытых другим сосудом или вставленных вверх дном в другой сосуд: погребения в ямках и в урнах в насыпи кургана на различных ее

[1] В. Н. Глазов. Поездка в Крестецкий уезд, стр. 51.
[2] ИАК, вып. 15, стр. 71.
[3] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки, № 355.

горизонтах; погребения в своеобразных каменных ящиках, как в урнах, так и без них; погребения в основании или насыпи кургана в виде кострищ. В одном и том же кургане встречается несколько форм захоронений.

Наиболее древней формой захоронения следует признать помещение остатков трупосожжения в ямке материка. Устройство их дает основание утверждать, что такого рода захоронения производились еще до возведения курганной насыпи. В длинных курганах у деревень Жеребятино, Ново-Жуковская и Новая Желча Гдовского района ямки в материке находились под зольным слоем. Обычно такие ямки имеют небольшие размеры: 9 вершков на 5 вершков, 10 вершков на 7 вершков и т. д. Остатки трупосожжений помещались прямо в такую ямку, но известны случаи, когда в ямке несколько бо́льших размеров погребение помещалось в урне. В длинном кургане, у деревни Жеребятино в ямке под зольным слоем находились две пары горшков с перегорелыми костями, стоящие на расстоянии $^1/_4$—$^1/_2$ аршина друг от друга. В каждой паре один горшок прикрывал другой. Внутренний был поставлен на дно[1]. В другом длинном кургане, у деревни Ново-Жуковская, небольшая ямка глубиною 7 вершков в материке под зольным слоем содержала только сильно пережженные кости, перемешанные с золой[2]. Точно такого же типа ямки в материке с пережженными костями и примесью углей имеются в длинных курганах Светлые Вешки и Новая Желча этого же района[3] и у села Березовский рядок в бассейне верхней Мсты[4].

В длинном кургане в урочище «Совий бор» два погребения с трупосожжением помещались в ямках насыпи кургана, в южном его конце. В длинном кургане у деревни Лоспицы семь остатков трупосожжений помещались в различных местах насыпи кургана; восьмое погребение, в виде кострища, как уже отмечалось ранее, находилось на материке, прикрытое грудой камней.

Наиболее разнообразные формы погребального обряда дает длинный курган у деревни Северик, содержавший 16 захоронений с трупосожжением. Погребения в кургане располагались различно. Часть погребений (№ 3, 4, 5, 7, 11, 13, 14) представляла собою небольшие кучки (диаметром 20—30 сантиметров) кальцинированных костей, перемешанных с темною землею и мелкими угольками, заключенные прямо в насыпь кургана. Около одного такого погребения (№ 5) найден зуб лошади.

Другие погребения находились в урнах (№ 1 и 2). В первом погребении глиняный горшок, наполненный темною землею с мелкими угольками и пережженными косточками, вскрытый на глубине 30—40 сантиметров от гребня кургана, лежал раздавленным на боку. Около него находилась маленькая кучка темной земли с примесью кальцинированных костей и мелких угольков. Это погребение заключалось в своеобразном каменном ящике, дном которого служила большая горизонтально лежащая плита. С двух ее сторон стояли по два таких же больших плитняковых камня, поставленных на ребро. Расстояние между ними, где находилась урна, равнялась 90 сантиметрам. Сверху погребение было покрыто также большой плитой. Никаких вещей при этом погребении не было найдено. Остатки погребения второго трупосожжения также находились в раздавленной урне, лежавшей на боку. С четырех сторон урна была окружена большими, поставленными на ребро плитняками. Под урной лежала большая плита и сверху она была прикрыта таким же камнем. Все погребальное

[1] К. Кудряшов. Раскопки в Гдовском уезде, стр. 246.
[2] Там же, стр. 249.
[3] Архив ИИМК, № 115, 1928 г.
[4] А. В. Тищенко. Раскопки в Новгородской губернии, стр. 15—17.

сооружение имело четырехугольную форму, размером 80 × 95 сантиметров, глубиною 50 сантиметров. В урне, среди косточек, найден обломок металлической пластинки с отверстием в середине. С внешней стороны погребального ящика лежала кость животного.

Два других погребения без урны (№ 8 и 12) в ямках насыпи были сверху прикрыты большими плитами. Интересны два погребения (№ 6 и 10) в насыпи кургана, также без урн, которые были окружены плотной глиной, хотя насыпь кургана состояла только из песка и в других ее местах глина не встречалась. В погребении № 10, среди кальцинированных костей, найден железный ножик, согнутый пополам.

Наконец, три погребения (№ 9, 15 и 16) были в виде кострища: два — на материке, одно — в насыпи кургана.

В одном из длинных курганов среднего течения р. Великой, у деревни Смолинка, пережженные кости, лежавшие в ямке, были прикрыты берестой[1]. Погребения в берестяных лукошках, прикрытые глиняным сосудом, известны в Сестрорецких курганах. В длинном кургане у деревни Арефино Смоленской области сожженные косточки и вещи, расположенные в середине насыпи, были прикрыты горшком.

Состояние изученности длинных курганов не дает возможности объяснить причину такого разнообразия форм погребального обряда, а также проследить с достаточной полнотой, как проявлялись или сочетались эти формы в различных территориальных группах длинных курганов. Но имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что погребальные ямки в материке встречены только в Псковско-гдовской группе длинных курганов. Погребения трупосожжений в насыпи кургана, иногда в урнах, известны во многих длинных курганах.

Рассмотренные нами формы погребального обряда длинных курганов дают основание для некоторых аналогий. Обычай захоронения остатков трупосожжения в ямках, иногда в урнах, прикрытых горшком или без прикрытия, а также в своеобразных каменных ящиках, генетически восходит к памятникам раннего железа Средней Европы, к культуре ящичных и подкольчатых погребений Поморской и юго-западной Польши, датируемой V—II вв. до н. э. Там, по определению Носека, различаются четыре основных, сосуществующих и иногда тесно переплетающихся друг с другом, типа погребального обряда: погребение в урнах без покрышки, в урнах под опрокинутым сосудом — колпаком, в урнах, поставленных в каменных ящиках, и без урны — прямо в яме[2]. Длинные курганы и дают в разном сочетании все эти четыре формы погребального обряда.

Но сходные черты погребального обряда в длинных курганах можно проследить и в памятниках, более близких им как по территории, так и хронологически, а именно среднеднепровских и северных «полях погребальных урн». И здесь, и там трупосожжения помещаются в открытых урнах или прикрытых другим сосудом, а также располагаются прямо в яме в виде скопления золы, угля и пережженных косточек[3].

Длинные курганы сближаются с «полями погребений» по целому ряду и других признаков.

* * *

Вопрос о датировке длинных курганов неоднократно поднимался в литературе. В. И. Сизов, основываясь на находках в этих курганах предметов

[1] Архив А. А. Спицына, № 377.

[2] Nosek. Kultura grobóru skrzynkowych i podkloszowych w Polsce pokud piowo-zachodniej. Kraków, 1946.

[3] Например, погребения № 1 и 6 в «полях погребений» в урочище «Казаргаць». «Працы», т. II, стр. 352, 354.

с выемчатой эмалью, определил время их существования VI—VIII вв. н. э. А. А. Спицын первоначально считал их памятниками VIII—X вв., а затем VI—IX вв. П. Н. Третьяков разделил длинные курганы на две хронологические группы: VI—VII вв., а возможно, по его мнению, несколько и ранее, и VIII—IX вв.[1] Н. Н. Чернягин относил длинные курганы к VI—IX вв.[2]

При всем разнообразии мнений, всех авторов объединяет одна общая мысль — длинные курганы являются памятниками второй половины первого тысячелетия нашей эры.

Разрешение вопроса о датировке длинных курганов следует начать с анализа их инвентаря.

Инвентарь длинных курганов, имевшийся в нашем распоряжении, очень скуден, так как находки вещей при погребениях очень редки. Кроме того, вещи, побывавшие в огне, дошли до нас во многих случаях в оплавленном виде, поэтому они не всегда поддаются определению. Среди вещей, найденных в длинных курганах, имеются предметы украшения, принадлежности одежды и конского убора, бытовые и другие вещи.

Из предметов украшения прежде всего следует отметить бронзовые трапециевидные подвески, которые некоторыми авторами рассматриваются как датирующие предметы. Но такой формы подвески, изготовленные из различного материала, известны на территории Восточной Европы с глубокой древности. При раскопках Рерихом погребения эпохи неолита или ранней бронзы близ села Кончанского были найдены янтарные подвески трапециевидной формы[3]. Бронзовые трапециевидные подвески — гладкие и с выпуклым пунктирным орнаментом по краю и в середине — известны в Ананьинских и Пьяноборских могильниках[4], в составе клада у села Цвили на Волыни, датируемого гальштатским временем[5], среди антских древностей[6], в Смоленских круглых курганах с трупосожжением[7] Такого же типа подвески были найдены и на Белорусских городищах — Зуевском и Банцеровском. На Псковском городище найдена не только трапециевидная подвеска, но и каменная литейная формочка для их изготовления.

Трапециевидные подвески известны в Люцинском могильнике и в Гдовских курганах XI—XII вв. В более поздних памятниках они как будто бы не встречаются (рис. 6, *а*).

Когда трапециевидные подвески будут изучены более тщательно, возможно, что они явятся хорошим датирующим материалом, но при современном состоянии наших знаний они не могут служить основанием для датировок.

Трапециевидные подвески найдены только в Смоленских длинных курганах. В Псковско-гдовских курганах их нет.

Среди инвентаря длинных курганов имеются маленькие бронзовые пуговки в виде грибка с ушком. Некоторые авторы называют их грибковидными подвесками. Они найдены только в Смоленских курганах. Этот тип украшения, или принадлежность одежды, известен в погребениях

---

[1] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 43.

[2] Н. Н. Чернягин. Ук. соч., стр. 97.

[3] ЗРАО, т. V, вып. 1, СПб., табл. I, *10*, *11*.

[4] Материалы ГАИМК, вып. 2, 1933, табл. V, *22*; МАР, № 25, стр. 4, табл. II, *21—32*.

[5] Архив А. А. Спицына, № 312.

[6] Там же, № 334.

[7] Там же, № 329.

гальштатского времени Западной Европы[1]. Они встречаются и в памятниках IX—XI вв. (рис. 6, *б*).

В Смоленских длинных курганах найдены также костяные подвески-уточки, которые можно рассматривать как предметы культового значения. В других длинных курганах их нет.

Мелкие гладкие выпуклые бляшки-скорлупки диаметром в 1—1,5 сантиметра найдены в Псковско-гдовской группе длинных курганов. В Смоленских курганах они не встречаются.

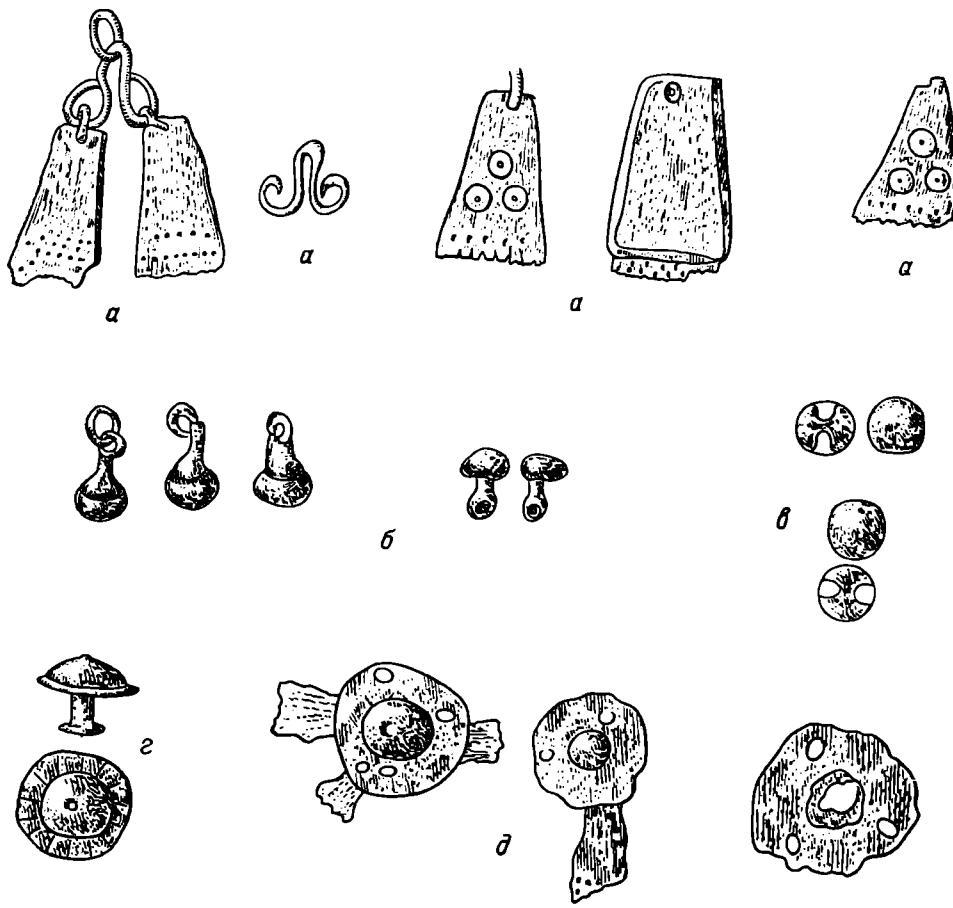


Рис. 6. Вещи из длинных курганов:

а — трапециевидные подвески из Смоленских курганов; *б* — грибковидные подвески из Смоленских курганов; *в*— бляшки-скорлупки из Псковско-гдовских курганов; *г* — пряжка-запонка из кургана Псковско-гдовской группы; *д* — колпачковидные подвески из Смоленских курганов

Бляшки подобного типа имели в древности широкое распространение. Они известны в скифских погребениях, часто встречаются в Ананьинских и Пьяноборских могильниках[2], найдены также на городищах Топорок и Черная гора[3].

Однако бляшки-скорлупки длинных курганов, являясь по своей форме и размерам аналогичными ананьинским и пьяноборским, существенно отличаются от них способом прикрепления. Бляшки ананьинского типа

[1] Архив А. А. Спицына, № 312.
Там же, № 325.
[3] Материалы ГАИМК, вып. 2, 1933, табл. VII, 19.

имеют уплощенное ушко, припаянное концами к самым краям бляшки. Такое же ушко имеют и бляшки скифских курганов. Бляшки пьяноборского типа имеют ушко полукруглое в виде петли, припаянное к центру бляшки с внутренней ее стороны. Бляшки длинных курганов совсем не имеют ушка, а прикрепляются двумя скобочками, припаянными к краям бляшки. Такие бляшки найдены также в могильниках гальштатского времени в Австрии[1], в каменных могильниках Прибалтики II—V вв. н. э. Здесь они известны в могильнике Ябара района Вырумаа, в Кохтла-Ярве (северо-восточная Эстония). Особенно важно отметить находки бляшек-скорлупок со скобочками в каменном могильнике у селения Адила (район Хартюмаа), который датируется II в. н. э., и в могильнике Микури (северо-западная Эстония), датируемом I—III вв. н. э.[2] В более поздних памятниках бляшки-скорлупки не встречаются (рис. 6, *в*).

В длинных курганах бляшки-скорлупки находят обычно в ямках материка (длинный курган у деревни Светлые Вешки). В кургане у деревни Северик бляшка-скорлупка была найдена в погребении № 16, в кострище на материке.

Кроме бляшек-скорлупок, в той же Псковско-гдовской группе длинных курганов найдены бляшки-«запонки». Они крупнее бляшек-скорлупок, имея диаметр до 1,5 сантиметра, и значительно отличаются от них по форме. Эти бляшки представляют собою маленькие колпачки с широкой закраиной. С внутренней стороны бляшки к ее центру припаян стерженек в виде ножки. Бляшки-«запонки» найдены в погребениях в ямках материка вместе с бляшками-скорлупками (рис. 6, *г*).

Аналогичная бляшка-«запонка», но меньшего размера, найдена в жилище № 1 на городище в устье Сонохты, датируемом III—V вв. н. э.[3] Этот тип бляшек генетически связан с подобными бляшками более раннего времени. Полушарная медная бляшка-«запонка» найдена в одном из погребений Зуевского могильника[4]. В одном погребальном склепе сарматского могильника Прикубанья, хорошо датируемого II в. до н. э., найдены также бронзовые бляшки с выпуклой серединой и узким ободком[5].

В Смоленской группе отдельных курганов бляшек-«запонок» нет, но там найдены подвески, сходные с ними по форме. Они также имеют гладкую выпуклую середину и широкий плоский ободок, к которому прикреплялись маленькие трапециевидные подвески. Аналогичные колпачковидные подвески, но без трапециевидных, известны в Суджанском кладе VI—VII вв. (рис. 6, *д*).

Значительное место в инвентаре длинных курганов занимают пряжки. Встречается несколько их типов. К первому типу можно отнести железные пряжки четырехугольной формы, сделанные из одного плоского прута. Размеры их различные: 3—3,5 до 1,5—2 сантиметров. Концы прута у таких пряжек заходят один на другой на углу или на одной из ее поперечных сторон. К этой же стороне прикреплен вращающийся язычок. Иногда у таких пряжек боковые стороны бывают несколько вогнутыми.

Пряжки этого типа найдены в Смоленских длинных курганах (Арефино, Лопино, Пищино, Хотынь, Ярцево, Дроково) и в кургане у деревни Северик. Совершенно аналогичная пряжка как по размерам, форме, так и

---

[1] Архив А. А. Спицына, № 312.

[2] Археологический музей в Тарту Академии наук ЭССР, коллекции № 3172 499, 3982 121, 2430 47. Приношу глубокую благодарность М. Х. Шмидехельм, оказавшей мне содействие в получении этих материалов.

[3] МИА, № 5, стр. 57.

[4] Материалы ГАИМК, вып. 2, 1933, табл. VI, *26*.

[5] КСИИМК, XVI, 1947, стр. 156.

по способу скрепления концов, найдена в жилище № 1 на городище Сонохта (рис. 7, *а*).

Ко второму типу относятся пряжки неправильной четырехугольной формы, представляющие собою как бы половину пряжки первого типа, с двумя загнутыми в колечко концами, в которые продет круглый стерженек, представляющий собой в то же время четвертую сторону пряжки.

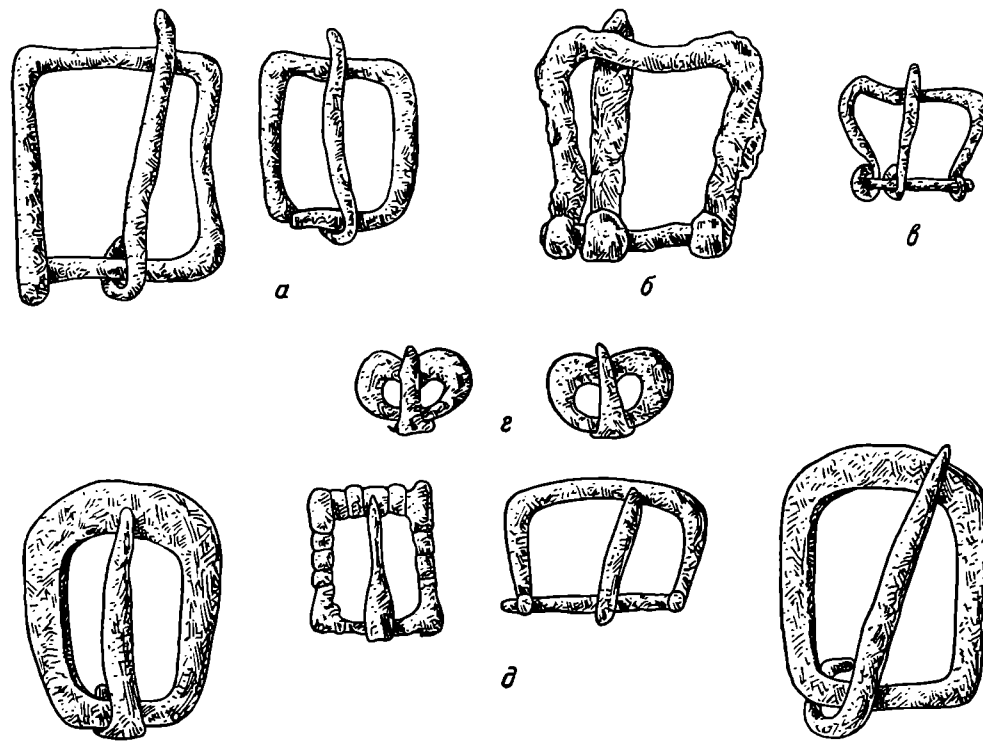


Рис 7 Железные пряжки из длинных и удлиненных курганов:

из длинных курганов: *а* — пряжки первого типа из Смоленских курганов; *б* — пряжка второго типа из кургана Псковско-гдовской группы; *в*—пряжка второго типа из Смоленского кургана; из удлиненных курганов: *г* — пряжки из курганов у дер. Липицы; *д* — пряжки из Гнездовских и Владимирских курганов

Пряжки этого типа известны только в Смоленской группе длинных курганов. Точно такие же пряжки найдены в Восточной Пруссии — в погребениях, в урнах с римскими монетами II—III вв. н. э.[1] (рис. 7, *б*). Этот тип пряжек древнее первого типа — четырехгранных пряжек.

К третьему типу относятся подковообразные бронзовые или железные пряжки с завернутыми концами (рис. 7, *в*). Такие пряжки найдены в Смоленских курганах, но они имеют весьма широкое хронологическое и территориальное распространение. В Псковско-гдовских длинных курганах этих пряжек нет.

Во всех длинных курганах довольно часто встречаются бусы, всегда бесформенные (в оплавленном виде), чаще всего из синего стекла, реже зеленые, белые, светлоголубые, красные, иногда синие с красной инкрустацией, все стеклянные и только в одном случае желтые пастовые.

Так же часты находки бронзовых спиралек, преимущественно мелких. Бронзовые спиральки составляют частую находку и в каменных могильниках Эстонии II—V вв. н. э.

[1] Архив А. А. Спицына, № 374.

В Смоленских длинных курганах дважды были найдены прорезные фибулы с выемчатой эмалью, красною и желтою. Подобные фибулы известны среди антских древностей III—IV вв. н. э. Наиболее поздняя дата таких фибул, по определению Б. А. Рыбакова,— V в.

В длинном кургане у деревни Желча Гдовского района вместе с бляшками-скорлупками со скобочками найден обломок блоковидного камня. Такие камни, широко распространенные в Скандинавии, Восточной Пруссии и Прибалтике, датируются в пределах I—V вв. н. э.[1] Они найдены и в нижних горизонтах культурного слоя городища Камно.

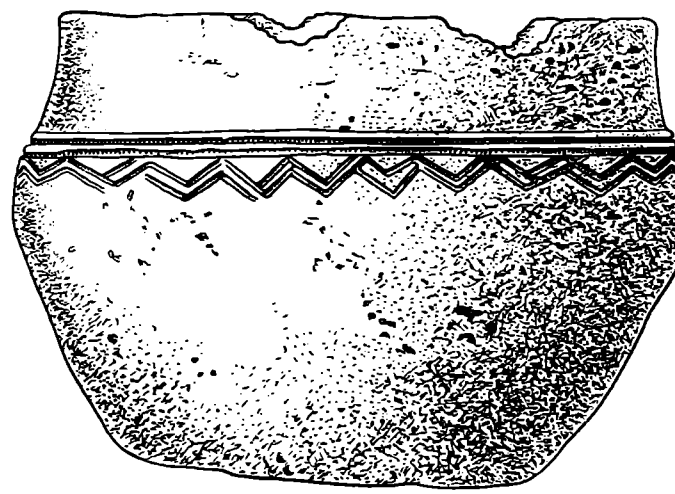


Рис. 8. Горшок из кургана у деревни Северик

Керамика длинных курганов немногочисленна, как и другие находки. В большинстве случаев она представлена фрагментами погребальных урн, но встречаются и жертвенные сосуды с пищей или каким-либо другим содержимым. В длинном кургане у деревни Большое Заполье, в северном конце насыпи, на половине ее высоты, обнаружен горшочек и рядом с ним много жженых костей. Лепной горшочек около кучки пережженных костей, находящихся вверху насыпи, был найден в длинном кургане у деревни Хотынь, под Смоленском.

При раскопках длинного кургана у деревни Северик в погребении № 16 на материке, рядом с кучкой пережженных костей, был обнаружен лепной горшок, вылепленный из глины красноватого цвета, без примесей. Форма его приземистая, высота 11,5 сантиметра, горло широкое, диаметр 13,5 сантиметра, стенки слегка выпуклые, хорошо заглаженные, шейка вертикальная, дно немного округленное. По плечикам проходит орнамент из двух параллельных и двух ломаных линий в виде городочков (рис. 8). Горшок лежал на боку под кострищем и был наполнен темною землею с вкраплением мелких угольков. Край горшка оказался в одном месте обломанным, и этого обломка в кургане не найдено. Возможно, что горшок был разбит преднамеренно. В этом же кургане был найден согнутый пополам железный ножик.

---

[1] Oscar Almgrem und Birger Nerman. Die Ältere Eisenzeit Gotlands. Stockholm, 1923.

Известные нам погребальные урны из длинных курганов все лепные, плоскодонные, без орнамента. Урны длинного кургана у деревни Северик— конусовидной формы (высотою до 20 сантиметров), с широкой горловиной (до 22—23 сантиметров) и прямой шейкой, отделенной от стенок выпуклостью последних. Край сосуда срезан прямо. Заглаженность стенок хорошая, в тесте имеется примесь крупного песка. Точно такая же керамика найдена в нижнем горизонте культурного слоя Псковского кремля, где она встречалась совместно с сетчатой керамикой «дьякова типа».

Урна из удлиненного кургана в урочище «Совий бор» имеет баночную форму, слегка суженную к донышку. Высота ее 20 сантиметров, диаметр горла — 16,5 сантиметра, диаметр донышка — 11 сантиметров. Шейка прямая. Она отделяется от стенок небольшим ребристым выступом.

* * *

Рассмотренный инвентарь длинных курганов приводит к ранее сделанному нами выводу — о наличии двух территориальных групп этих памятников. В Псковско-гдовских курганах имеются бляшки-скорлупки, бляшки-«запонки», которые неизвестны в Смоленских курганах. В последних же имеются пряжки, вещи с эмалью, колпачковидные подвески, подвески-уточки, которых нет в Псковско-гдовских курганах. Вместе с тем имеются вещи, общие для всех длинных курганов,— бусы, спирали, керамика.

Инвентарь длинных курганов дает основание для датировки этих памятников. С точки зрения этой задачи весь инвентарь можно разделить на две группы.

В первую группу входят вещи, которые, благодаря своему широкому хронологическому и территориальному распространению, не могут служить датирующим материалом. К ним относятся трапециевидные подвески, подковообразные пряжки с завернутыми концами, спирали.

Во вторую группу входят пряжки первого и второго типа нашей классификации, вещи с эмалью, бляшки-«запонки», бляшки-скорлупки, обломок блоковидного камня. Все эти вещи датируются в пределах I—VI вв. н. э. Керамика длинных курганов находит себе полную аналогию с керамикой Псковского кремля, найденной в культурных слоях первых веков нашей эры.

На основании рассмотренного материала можно утверждать, что длинные курганы появились на занимаемой ими территории во II—III вв. нашей эры, а может быть, и несколько ранее.

Когда же исчезает обряд погребения в длинных курганах? Мы не располагаем материалом, на основании которого можно было бы расчленить длинные курганы на отдельные хронологические группы. Судя же по характеру инвентаря, они бытуют до середины первого тысячелетия нашей эры. К этому же выводу приводит нас и факт появления в это время удлиненных курганов с одиночными захоронениями.

Выше мы дали характеристику удлиненным курганам, отметив их отличительные черты по сравнению с длинными курганами (форма курганных насыпей, одиночные захоронения). Теперь необходимо проследить связь удлиненных курганов с длинными. Обряд погребения в тех и других памятниках аналогичный — трупосожжение, произведенное на стороне. В удлиненных курганах также имеются зольные прослойки в основании насыпи. Остатки трупосожжений погребаются в ямках и в урнах. Удлиненные курганы, как правило, встречаются в одной курганной группе

с длинными и круглыми курганами; они распространены на той же территории, где и длинные курганы. Все это говорит за то, что длинные и удлиненные курганы являются памятниками одной этнической группы, но они различаются хронологически.

Удлиненные курганы датируются по найденным в них пряжкам сердечковидной формы. Они найдены у д. Липицы в кургане № 2[1] (рис. 7, *г*). Пряжки такого типа известны в Борисовском и Армеевском могильниках, в Колосковском кладе на Осколе и датируются V—VI вв. н. э. Интересна пряжка такого же типа с головой славянина, найденная в Киевской области; эту пряжку также можно датировать V в. н. э.[2]

Удлиненные курганы появляются в V—VI вв., и в это время прекращается обряд погребения в длинных курганах. Они бытуют до VIII—IX вв.

Время бытования длинных курганов устанавливается в пределах II—III вв. н. э., а возможно, и несколько ранее, до V—VI вв.

* * *

Длинные курганы, являясь синхронными «полям погребальных урн», имеют с ними сходные черты в погребальном обряде: погребение трупосожжений в урнах, иногда прикрытых одна другой, что указывает на этническое родство северных и южных племенных групп.

По внешнему виду и инвентарю длинные курганы отличаются от более поздних кривичских курганов с трупосожжением и с трупоположением. Но генетическая связь между теми и другими памятниками хорошо прослеживается.

Исследуя в районе Гдова длинные, удлиненные и круглые курганы, К. Кудряшов отметил, что круглые курганы здесь имеют несколько вытянутую форму. Во всех круглых курганах имелись зольные (угольно-пепельные) слои в основании насыпи. В одном круглом кургане у деревни Жеребятино, в одной группе с длинными, были найдены в насыпи, как и в длинных курганах, две пары горшков с пережженными костями. Удлиненные курганы также имели зольные прослойки в основании насыпи. Среди Гдовских курганов, раскопанных В. Н. Глазовым, один курган у деревни Гусева, в группе круглых, имел овальную форму, он датируется XI—XII вв. Общим признаком для длинных, удлиненных и ранних круглых курганов являются ровики вокруг их основания, которые в более поздних круглых курганах отсутствуют[3].

Но если приведенные примеры могут вызвать сомнение в смысле этнической принадлежности круглых курганов данного района, то совершенно бесспорным в этом отношении является наличие таких же признаков среди Гнездовских курганов. А. С. Абрамов отметил, что в Гнездовской группе курганов, на речке Ольшанке, среди круглых насыпей имеются курганы удлиненной формы[4]. Удлиненные курганы были отмечены и Сергеевым[5]. Гнездовские курганы значительных размеров, говорит В. И. Сизов, сохранили по большей своей части канавки, обходившие вокруг их основания[6]. Интересно отметить, что курганы этого типа имеют кострище на

---

[1] Н. Н. Чернягин. Ук. соч., стр. 114.

[2] КСИИМК, VIII, 1940, стр. 70, рис. 26.

[3] А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, вып. 29, 1909, СПб., стр. 6—7.

[4] А. А. Спицын. Раскопки Абрамова в Смоленской губернии, стр. 187—189.

[5] Его же. Гнездовские курганы в раскопках Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 7.

[6] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, вып. 28, стр. 7.

материке в стороне от середины насыпи, ближе к полю кургана, а горшок с костями в большинстве случаев помещается на середине основания или насыпи кургана, как в длинных Смоленских курганах[1].

В одном гнездовском кургане, раскопанном Соколовым, пережженные кости без горшка были сложены в ямку, обложены кусками гнейса и прикрыты гнейсовой плиткой[2]. Кусцинский находил в Гнездовских курганах горшки, прикрытые камнями[3].

Инвентарь длинных курганов также генетически связывается с инвентарем круглых кривичских курганов. В Гнездовских курганах найдена пряжка, сходная с пряжкой второго типа нашей классификации, которая, по мнению В. И. Сизова, прямо подходит к типу римских. Однако эти пряжки отличаются от пряжек длинных курганов (рис. 7, *д*). Здесь же найдены четырехугольные пряжки, сходные по своей форме с пряжками длинных курганов, но отличающиеся от них некоторой закругленностью углов и сомкнутостью. Такого же типа пряжки найдены и во Владимирских курганах. А. А. Спицын датирует их VIII—IX вв.[4] В более поздних Владимирских курганах имеются также четырехугольные пряжки, но меньшего размера и с орнаментом.

Связь между длинными, удлиненными и круглыми кривичскими курганами прослеживается отчетливо. Все эти памятники, различные по времени, принадлежали одной группе восточных славян.

* * *

Изучение длинных курганов дает основание решительно опровергнуть укоренившийся в нашей археологической и исторической литературе взгляд на огромное различие в уровне общественно-экономического развития славянских племен севера и юга Восточной Европы в первой половине первого тысячелетия нашей эры, выражающееся в огромной отсталости первых от вторых, которая ликвидируется только во второй половине первого тысячелетия нашей эры. Наиболее ярко эти взгляды выразил В. В. Мавродин в своей книге «Образование древнерусского государства».

«До середины первого тысячелетия нашей эры,— пишет он,— среднее Поднепровье, которое совершенно справедливо считается основным и древнейшим очагом этногенеза восточных славян, резко отличается по уровню общественного развития своего населения и по его культуре от обитателей верховьев Днепра, Оки и Волги с их архаическим бытом и первобытными, примитивными общественными отношениями и культурой. И только с этого времени (т. е. с середины первого тысячелетия нашей эры.— *С. Т.*) наблюдается культурное сближение этих двух областей» (подчеркнуто мною.— *С. Т.*). «Можно считать доказанным,— продолжает В. В. Мавродин,— распадение на основной территории лесной полосы Восточной Европы древних семейно-общинных родовых гнезд лишь к VIII—X вв.»[5]

Изучение длинных курганов показывает со всей очевидностью, что племена, оставившие нам эти памятники, переживали период разложения патриархально-семейной общины и перерастание ее в общину территори-

---

[1] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, вып. 28, стр. 13.
[2] Там же, стр. 15.
[3] Там же, стр. 17.
[4] А. А Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 11, рис. 112.
[5] В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 69.

альную еще в первой половине первого тысячелетия нашей эры. Эти общественные процессы нашли свое отражение в группировке длинных курганов и в фактах совместного сожжения женщин с мужчинами. Инвентарь длинных курганов частично состоит из привозных вещей (бусы, вещи с эмалью), свидетельствуя о наличии торговообменных связей населения этой территории.

Изучение Псковских городищ первого тысячелетия нашей эры показало высокий уровень хозяйства населения того времени, основной отраслью которого являлось земледелие, о чем говорят находки хлебных зерен и обломка серпа в нижнем горизонте культурного слоя городища Камно, возникшего в первых веках нашей эры, и высокое развитие ремесла.

Общественное развитие как северных, так и южных восточнославянских племен шло неравномерно, но такой резкой разницы между севером и югом, как это представляется некоторым авторам, не было. Причина такого неправильного взгляда лежит в недостаточной изученности северных групп восточного славянства. Жизнь на севере, так же как и на юге, развивалась настолько интенсивно, что к концу первого тысячелетия нашей эры создалась возможность объединения северных групп восточного славянства в большую политическую организацию во главе с Новгородом, который не только многократно и успешно отражал набеги воинственных норманнов, но и долгое время соперничал с Киевом.

Описывая восточнославянские племена, летописец поместил кривичей в верховьях Днепра, Волги и Западной Двины. Эти данные летописи подтверждаются и археологическими памятниками, примером чему является Гнездовский могильник. Но когда и почему кривичи появились именно здесь,— вопрос остается не разрешенным, как оставалась совершенно не известной вся история кривичского племенного объединения. Некоторые предположения в этом отношении оказались ошибочными. Так, В. В. Мавродин считает, что «основным очагом славянского этногенеза в лесной полосе Восточной Европы было верхнее Поднепровье, Десна и Припять, и восточное славянство складывается в основном на базе Припятской, Деснинской и Верхнеднепровской групп племен». «В VI—VII вв. с верховьев Днепра, Западной Двины и Волги кривичи начинают веером расселяться на запад, север и восток». «Это расселение разорвало полосу финских племен, отделив западнофинские племена от восточнофинских, и привело славян в VIII—IX вв. к Чудскому, Ильменскому и Ладожскому озерам, к Белоозеру, к среднему течению Дона и среднему течению Западной Двины»[1].

Распространение длинных курганов на обширной территории показывает всю ошибочность подобного взгляда. Наиболее многочисленной была не Смоленская, а Псковско-гдовская группа длинных курганов, т. е. псковско-гдовская племенная группа, имевшая своим центром Псковское городище.

Летописные кривичи в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги представляют собою объединение уже не родо-племенное, а территориальное. Среди Гнездовских курганов нет ни одного длинного кургана. Обряд погребения здесь хотя и сохраняет старые традиции — трупосожжение, но по многим другим чертам существенно отличается от погребений в длинных курганах (дружинные и рядовые погребения, раздельные погребения мужчин и женщин и т. д.).

---

[1] В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, стр. 93.

Возросшее в IX—X вв. значение великого водного пути из «варяг в греки» в период сложения Киевского государства способствовало усилению экономического и вместе с тем общественного значения верховьев Днепра. Здесь начинает сосредоточиваться население. Гнездовские курганы отражают совершенно иную, по сравнению с предшествующей, эпоху, сохранившую в себе только лишь отдельные черты древнего родового быта. Именно таких кривичей и описал летописец в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги.

Ю. В. КУХАРЕНКО

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНО-СКИФСКИХ И СЛАВЯНО-САРМАТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

(По данным погребального обряда)

Первые достоверно славянские памятники — так называемые «поля погребений» появились на территории Приднепровья одновременно, во всяком случае не позже, чем это имело место у остальных древнеславянских племен на обширной территории от Лабы на западе до Северского Донца на востоке[1].

Древнейший из известных мне в Приднепровье могильников полей погребений был открыт в 1947 г. возле с. Софиевки Киевской области[2]. На могильнике вскрыто более сотни погребений с трупосожжением. Захоронения производились как в глиняных урнах, так и без них, прямо на дне погребальной ямы. Судя по вещам, найденным в погребениях, могильник датируется началом второго тысячелетия до нашей эры. В последние годы на Киевщине открыты и исследованы еще два подобных могильника — возле с. Чернин и у хутора Красный[3].

Значительное количество могильников полей погребений известно на территории Приднепровья, в том числе и на Левобережье Днепра, в предскифское время. А. И. Тереножкин приводит сведения о таких могильниках возле сел Стретовки, Луки, Ржищева, Бобрицы, Короповцев, Мотовиловки, Гулы, Хмельны, Луковец, г. Канева Киевской области и с. Липлявы Полтавской области[4]. Один из таких могильников, относящихся к позднесрубному времени, исследовал в 1946 г. ныне покойный И. Ф. Левицкий возле станции Основа под Харьковом[5]. На могильнике было вскрыто более десяти бескурганных погребений с трупосожжением в урнах.

Возможно, что при лучшем изучении музейных собраний список этот можно было бы увеличить, но и сказанного достаточно для того, чтобы

---

[1] Обычай сожжения трупов и даже захоронение их на могильниках типа «полей», правда, известен не только у древнеславянских племен, но и у других народов, главным образом, соседних со славянами. Однако наиболее характерным он является именно для славян, притом для всех без исключения. Именно у славян он принял наиболее своеобразную и законченную форму; у славян же поля погребений появились раньше и продержались дольше, чем у других народов.

[2] Ю. М. Захарук. Софіївський тілопальный могильник. АП, т. IV, 1952, стр. 112—120.

[3] П. П. Ефименко и И. Г. Шовкопляс. Итоги полевых археологических исследований на территории Украинской ССР в 1951 г. СА, XVII, 1953, стр. 316.

[4] А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина. КСИИМК, XLIII, 1952, стр. 96.

[5] С материалами, хранящимися в Харьковском историческом музее, меня ознакомил автор раскопок.

убедиться, что в предскифское время в лесостепной полосе среднего Приднепровья безраздельно господствовали обряд сожжения покойников и захоронение их на могильниках типа полей погребений. Других видов погребений этого времени здесь не обнаружено.

С появлением скифов положение резко меняется. Сразу же, и притом повсеместно, на территории среднего Приднепровья появляются захоронения несожженных трупов под курганными насыпями, захоронения вместе с конем, со скифским вооружением и конским снаряжением и т. п. Все это нельзя, конечно, объяснять наличием одних только тесных экономических и культурных связей между славянскими племенами, населявшими лесостепь, и появившимися в степях Причерноморья скифами. Какими бы тесными и значительными ни были эти связи, они не могли стать причиной столь быстрой и повсеместной смены погребальных традиций, традиций весьма консервативных. Общеизвестно, например, что в более позднее время римская культура как самая высокая культура той эпохи оставила повсюду, в том числе и у славян, глубокие и прочные следы. Но тем не менее у славян так и не привился римский обычай захоронения несожженных трупов.

Примерно такое же явление наблюдалось в Приднепровье и в скифское время. Только прямым вторжением скифов на территорию, заселенную славянами, и оседанием скифов среди славян можно объяснить столь резкую смену погребальных обычаев. Косвенным доказательством этого может служить то обстоятельство, что после ухода отсюда скифов везде и в полную силу возрождаются старые погребальные традиции — снова появляются поля погребений. В последних, если не считать значительно большего, чем в полях погребений Повисленья, количества захоронений несожженных трупов, скифского влияния не наблюдается вовсе[1].

Более того, несмотря на сильную ассимиляцию, которой подверглись славянские племена с приходом скифов, они все же не полностью отказались от своих старых погребальных обычаев. Погребения с трупосожжением, правда, в несколько видоизмененной форме, практиковались славянами на протяжении всего скифского времени. Они встречаются рядом со скифским, причем удельный вес их возрастал по мере удаления от основной территории, занятой скифами.

Так, на территории современной Харьковщины, т. е. на самой восточной окраине тогдашней славянской земли, известно всего лишь одно погребение с трупосожжением[2]. Несколько западнее, на Полтавщине, погребений с трупосожжением уже больше[3]. Еще далее к западу, на Киевщине, они составляют около 15% из общего количества исследованных могил[4]. Наконец, на Подолии, т. е. на самой северо-западной территории, занятой скифами, и в непосредственной близости от основного славянского массива Повисленья погребения с трупосожжением преобладают (около 65%), хотя исследовано их здесь не больше, чем на Харьковщине[5].

Примерно такая же картина наблюдается в районах, расположенных вверх по Днепру, т. е. удаленных от степей к северу. Так, в районе Турии погребений с трупосожжением менее 5%. Несколько севернее, в бассейне Тясмина, их уже около 13%, а еще севернее, на территории современной

[1] В связи с этим интересно отметить, что в верхнем Приднепровье, т. е. там, где скифов не было, на могильниках полей погребений совсем нет погребений с трупоположением.

[2] А. А. Спицын. Курганы скифов-нахарей. ИАК, вып. 65, Пг., 1918, стр. 130.

[3] Там же, стр. 125.

[4] П. Д. Либеров. К вопросу о связи культуры полей погребений с культурой скифского времени на Киевщине. КСИИМК, XXIV, 1950, стр. 77.

[5] T. Sulimirski. Skytowie na zachodniem Podolu. Lwów, 1936.

Каневщины, погребения с трупосожжением составляют более 15%[1]. Наконец, на самом севере Киевщины, в районе Чернобыля, в это время мы встречаем даже могильники типа полей погребений[2].

Небезинтересно в связи с этим отметить, что количество таких, безусловно скифских (степного типа), погребений, как погребения в катакомбах на территории среднего Приднепровья, увеличивается как раз в противоположном направлении, т. е. по мере приближения к степям. На Каневщине, например, их нет вовсе, южнее, в бассейне Тясмина, известны единичные случаи, а на юге Киевщины известно более десяти катакомб.

Из всего этого, мне кажется, следует вывод: появление скифов в Приднепровье не только оказало сильное влияние на развитие материальной культуры славян, но и нарушило естественный (по сравнению с остальными древнеславянскими племенами) ход развития погребального обряда местного славянского населения. И если в послескифское время старые погребальные традиции возрождаются вновь, притом в той мере, в какой они тогда существовали и у населения Повисленья, то это следует объяснять не столько слабостью влияния, оказанного на них в свое время скифами, сколько способностью славянских племен Приднепровья к сопротивлению ассимиляции, с одной стороны, и постоянными тесными связями с родственными славянскими племенами Повисленья,— с другой.

Трудно предположить, чем бы окончился этот процесс распространения в среднем Приднепровье элементов скифской культуры, а правильнее сказать, процесс ассимиляции пришельцами местного населения, если бы в степях Северного Причерноморья не появились сарматы[3] и если бы, что особенно важно, северо-западные соседи приднепровских племен — славянские племена Повисленья к этому времени не начали постепенно продвигаться к юго-востоку, в бассейн Днепра[4]. В этих условиях скифское влияние в среднем Приднепровье, начиная, примерно, с конца IV в. до н. э., постепенно ослабевает, а затем и вовсе прекращается, а старые местные традиции, по мере этого ослабления, все более и более возрождаются, пока не побеждают повсеместно.

Уже в IV—III вв. до н. э. среди общей массы известных нам в полосе лесостепи курганных скифских погребений появляются отдельные бескурганные могильники с трупосожжением. Укажу хотя бы на могильник возле с. Кийлова Киевской области, частично раскопанный И. М. Самойловским в 1947 г.[5] На могильнике наряду с сосудами типично скифского вида, например характерным круглодонным ковшиком с высокой ручкой, встречаются сосуды, обычные для памятников полей погребений зарубинецкого типа. В одном из погребений найдена бронзовая фибула среднелатенского типа. В целом же могильник датируется IV—II вв. до н. э.[6]

---

[1] П. Д. Либеров. Ук. соч., стр. 77.

[2] М. Беляшевский. Поле погребальных урн эпохи la Tène в Радомысльском уезде Киевской губернии. АЛЮР, т. I—II, 1904, стр. 13—17.

[3] Первые упоминания о сарматах (в форме «спрматы») в степях к западу от Дона относятся ко второй половине IV в. до н. э. См., например, перипл, приписываемый Псевдо-Скилаку: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 3, стр. 241.

[4] Если раньше мы могли лишь предполагать об этом, то теперь, особенно в связи с полевыми работами Верхнеднепровского отряда Славянской экспедиции ИИМК, об этом можно говорить в более категорической форме.

[5] І. М. Самойловський. Родзвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947—1948 рр. АП, т. III, Київ, 1952, стр. 73—84.

[6] С датировкой автора раскопок (II—I вв. до н. э.) нельзя согласиться. Глиняный ковшик из погребения № 1 (см. І.М. Самойловський. Ук. соч., стр. 79, рис. 4) никак не может относиться к более позднему времени, чем конец V в.— начало IV в. до н. э.

Очень возможно, что уже во II в. до н. э. старые погребальные традиции возродились бы в полной мере и на всей территории лесостепи. Но этому помешало новое, и на этот раз весьма бурное, вторжение в Причерноморье и Приднепровье сарматских племен. По свидетельствам современников, сарматы (савроматы) «...опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню»[1].

Неизвестно, в силу каких обстоятельств сарматы в своем движении на запад, заняв приазовские степи, устремились не в низовье Днепра, а несколько севернее, и перешли Днепр в среднем его течении, повидимому, где-то в районе порогов. Весьма вероятно, что причиной этого было сильное сопротивление скифских племен, обитавших в степях к западу от Днепра. Последние именно в это время воздвигают по берегам Днепра много городищ-крепостей, преградивших на время путь сарматам на запад[2].

Во всяком случае, даже еще во времена Цезаря нижний Днепр был западной границей Сарматии[3].

В последнее время К. Ф. Смирнов, много и плодотворно работающий над изучением сарматских древностей, составил карту распространения сарматских погребений по территории современной Украины[4]. Судя по данным этой карты, какая-то часть сарматов, перейдя на правый берег Днепра, оседает в полосе лесостепи, в том числе и по территории, заселенной славянскими племенами (см. схему на стр. 115). Отдельные сарматские погребения, например, курганы возле Краснополки на Киевщине, встречаются даже к северу от реки Рось, рядом со славянскими поселениями и могильниками (Зарубинцы, Триполье, Канев, Стретовка, Пищальники, Букрин, Грищенцы, Тростянец, Биевцы и др.).

Интересно, что в полосе лесостепи Левобережья Днепра это вклинивание сарматов в славянскую среду в то время еще не наблюдается. Здесь известны одни лишь славянские погребения (Мануйловка, Пески, Басовка, Лубны и др.). Зато несколько позже, с конца II в. н. э., картина меняется. Наряду с повсеместным распространением на этой территории памятников полей погребений, кое-где среди них, особенно в пристепной полосе, появляются и отдельные сарматские погребения (Лихачевка, Санжары). В то же время в лесостепной части Правобережной Украины сарматские погребения перестают встречаться вовсе. Везде на их местах появляются памятники полей погребений. Думаю, что это явление находится в прямой связи с начавшимся в то время так называемым «великим переселением народов», когда силы различных племен все более и более включаются в борьбу с их общим врагом — рабовладельческой Римской империей, вступившей в то время в полосу глубокого социально-экономического кризиса. Начинается эпоха почти не прекращающихся продвижений различных племен к югу, юго-западу и к западу — к границам Римской империи и ее владений. По сообщениям современников, пограничные с империей племена, «бежавшие под напором дальних варваров», с ору-

---

[1] ВДИ, 1947, № 4, стр. 251.

[2] В. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 117—145.

[3] Согласно официальной карте Римской империи, составленной Агриппой на основании источников времен Цезаря. См. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. 1925, стр. 44—45.

[4] Опубликована лишь схема этой карты (см. К. Ф. Смирнов. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. СА, XVII, 1952, стр. 53). С самой картой я имел возможность ознакомиться и использовать ее в настоящей статье благодаря любезности автора, за что и приношу ему сердечную благодарность.

жием в руках прорываются на территорию империи. Попытки римлян приостановить этот поток не всегда достигали цели.

Славянские племена среднего Приднепровья, не говоря уже о более южных их соседях — сарматах, несомненно, были подхвачены волной общего наступательного движения на Рим. Как ни скудны наши сведения, мы все же располагаем некоторыми данными, подтверждающими это.

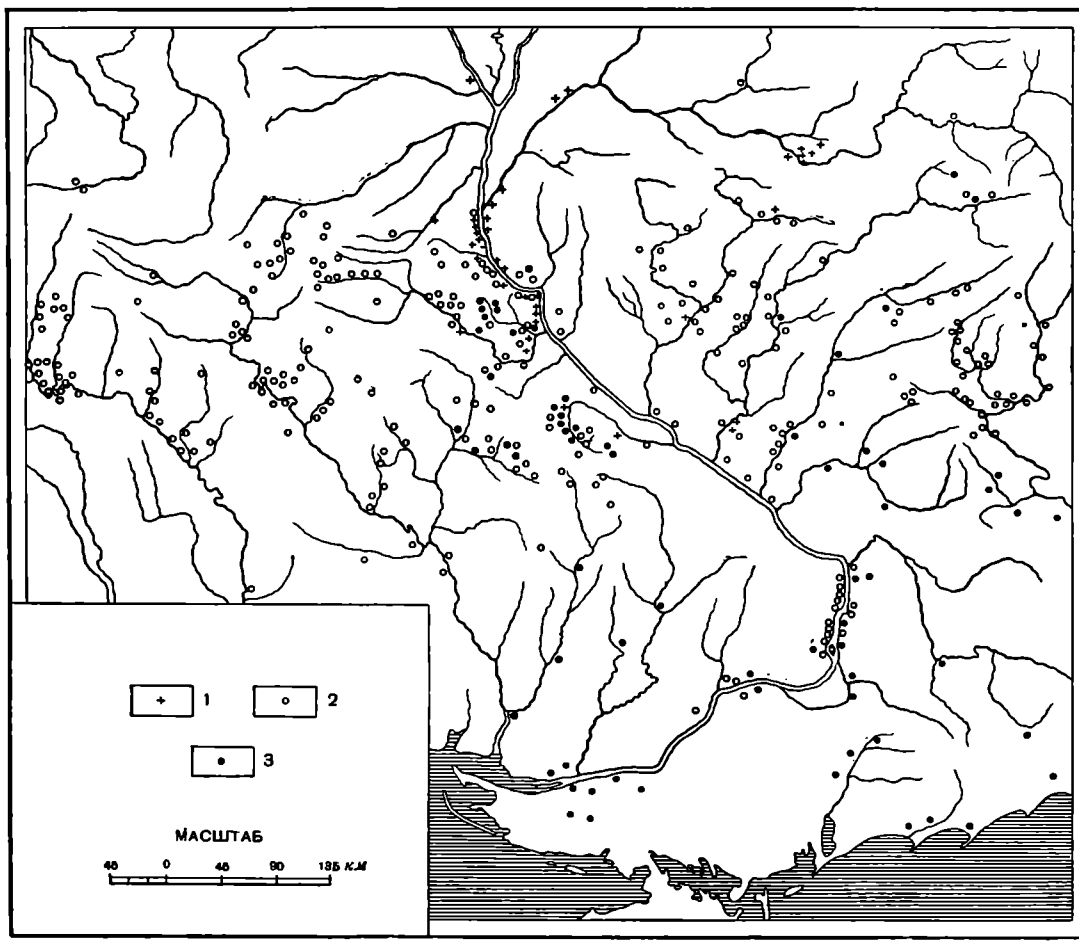


Схема расположения памятников полей погребений и сарматских памятников на территории Приднепровья

1 — поля погребений III в. до н. э.— I в. н. э; *2*— поля погребений II—IV вв. н. э.; *3* — сарматские памятники II в. до н. э. — IV в. н. э.

В конце II в. н. э. какая-то часть славянских племен, оттеснив сарматов из бассейна реки Роси и пристепных областей лесостепи, продвинулась далее вниз по Днепру и осела на свободных от сарматов в то время землях Днепровской Луки. Именно в это время здесь появляются поселения и могильники культуры «полей погребений» — Привольное, Никольское, Ново-Александровка, Августиновка, Федоровка и др.

В конце II в., а главным образом в III в. н. э., в степях к западу от нижнего течения Днепра и отчасти в его устье кое-где появляются погребения с трупосожжением, ранее здесь неизвестные, и, что особенно интересно,— керамика так называемого «зарубинецкого типа», характерная только для раннеславянских племен среднего и верхнего Приднепровья.

Так, летом 1933 г. экспедицией Херсонского музея недалеко от с. Келегей Голопристанского района Херсонской области был обнаружен бескурганный могильник[1]. Во время пробных раскопок на могильнике было вскрыто несколько погребений с трупосожжением. Среди вещей, найденных в погребениях, были: глиняная урна (серый горшок), фрагменты амфоры позднеримского типа, обломки различных «простых и лощеных сосудов», бронзовая пряжка, фибулы, обломки костяного гребня, сердоликовые граненые бусы и т. п.

В 1927 г. в районе быв. Бизюкова монастыря случайно было обнаружено погребение с трупосожжением[2]. Прах покойника находился в серой амфоре с высоко приподнятыми ручками. Аналогичные погребения с трупосожжением в амфорах, кстати сказать, встречались в то время в бассейне Псла и Ворсклы (с. Билыки, с. Белоцерковка, хут. Савинский).

Несколько погребений с трупосожжением в разное время было обнаружено возле Евгеньевки[3], в Большом Нагартаве и возле Константиновки[4].

В последние годы на некоторых поселениях в степях нижнего Приднепровья были обнаружены фрагменты глиняных лепных сосудов так называемого зарубинецкого типа. Укажу хотя бы на материалы раскопок поселения в Петуховке[5]. Здесь обломки раннеславянских сосудов были найдены на полу жилища вместе с римской монетой конца II в. — начала III в. н. э. (денарий Септимия Севера).

Для нас в данной связи весьма интересно то обстоятельство, что до III в. керамика зарубинецкого типа в нижнем Приднепровье была вовсе неизвестна. Область ее распространения в то время находилась значительно севернее, в верхнем и среднем Приднепровье. В конце II в. или в начале III в. н. э. керамика этого рода на севере исчезает, и в то же время, как мы видим, она появляется в степях нижнего Приднепровья. Одновременно с этим здесь кое-где появляются и погребения с трупосожжением типа «полей погребений».

Случайны ли эти совпадения? Вряд ли. Дело в том, что совершенно аналогичное явление в то время наблюдается и в более западных областях. Так, в начале III в. н. э. в бассейне верховьев Днестра и Западного Буга исчезают памятники пшеворской культуры, культуры, весьма близкой к полям погребений зарубинецкого типа и, несомненно, также славянской. В середине же III в. н. э. отдельные памятники пшеворского типа появляются на юге, на территории современных Венгрии и Румынии[6],— явление, как мне кажется, того же порядка, и свидетельствует оно о каком-то продвижении части славянских племен к югу. Исходя из общей обстановки, сложившейся в то время в Причерноморье, такое продвижение вполне вероятно.

Судя по тем немногочисленным фактам, которыми мы сейчас располагаем, продвижение это в то время еще не приобрело характера массового переселения, каким оно стало некоторое время спустя[7]. Скорее всего, это были отдельные военные походы, вызванные общей обстановкой раз-

---

[1] Работы Херсонского музея в 1933 г. ПИДО, 1935, № 5—6, стр. 133.
[2] Літопис Херсонського музею на 1927—1928 роки. Херсон, 1929, вып. 9, стр. 9.
[3] Сообщение А. В. Добровольского.
[4] А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 65.
[5] Раскопки 1940 г., по сообщению М. С. Синицына.
[6] М. Смішко. Доба полів поховань в західніх областях УРСР. «Археологія», т. II, 1948, стр. 110.
[7] Например, во времена Иордана, когда анты уже заняли черноморское побережье между Днестром и Днепром.

горевшейся войны прикарпатских и причерноморских племен с Римской империей.

Славянские племена в этих походах выступали, конечно, не самостоятельно, а вместе с другими племенами, и прежде всего со своими непосредственными соседями сарматами, — враг у них был общий. В этой связи небезинтересно напомнить результаты раскопок бескурганных могильников возле Инкермана и Чоргуня в Крыму[1]. На этих могильниках, принадлежавших в своей массе, повидимому, местному населению, обнаружено много чисто сарматских погребений и несколько погребений с инвентарем, совершенно аналогичным инвентарю славянских погребений среднего Приднепровья. Ряд аналогичных могильников имеется и на Дунае[2].

Однако совместные выступления в борьбе с Римом еще вовсе не означают, что отношения между отдельными племенами, а тем более племенами, различными по основному способу производства и чуждыми этнически, всегда были мирными и дружественными. Каждое племя или союз племен, в свою очередь, старались подчинить себе своих соседей, захватить их имущество и землю. Иордан сообщает об одном из таких эпизодов, имевших место в конце IV в. н. э.[3]

Хотя мы и не располагаем письменными свидетельствами о столкновениях между сарматами и славянами, однако столкновения эти, несомненно, происходили часто. Вряд ли сарматы добровольно покинули пограничные со степью области лесостепи Правобережья Днепра. Вернее будет предположить обратное: часть из них была подчинена славянами, а остальные вынуждены были отойти в степи. На Левобережье Днепра обстановка была, повидимому, несколько иной, менее благоприятной для славян. С конца II в. н. э., как уже отмечалось, отдельные сарматские погребения появляются даже в пристепной полосе лесостепи между славянскими погребениями, т. е. там, где сарматов до этого не было.

Однако это не меняет дела. И здесь славянские племена вскоре занимают всю полосу лесостепи вплоть до верховий Северского Донца. Короче говоря, в IV в. н. э. памятники полей погребений известны на всей территории лесостепи без исключения (см. схему на стр. 115).

Вполне очевидно, что это расширение славянами своей территории далеко не всегда происходило мирным путем и не все сарматы при этом были оттеснены к югу, в степь. Часть из них осталась на месте и, повидимому, со временем была ассимилирована славянами. Иначе нам совершенно непонятны те многочисленные проявления сарматских элементов в культуре славянских племен пограничных со степью областей, а особенно тех племен, которые осели на территории, до этого занятой сарматами. Объяснять все это одними лишь тесными связями славян с их степными соседями — сарматами вряд ли возможно, так как в культуре последних славянские элементы прослеживаются в значительно меньшей степени.

Но обратимся к фактам. Среди подавляющего большинства бескурганных погребений, вскрытых на могильнике в Кантемировке (Полтавская область), три были под небольшими курганными насыпями[4]. Обычай

---

[1] С материалами я имел возможность ознакомиться в Музее пещерных городов Крыма.

[2] Например, могильник возле Марошсентанны в Венгрии. См. Kovacs Istvan. Amarosszentanni nepvandozlaskori temeto. Dolgoratok, t. III, Kolozwar, 1912.

[3] Иордан. О готах. ВДИ, 1946, № 1, стр. 233.

[4] М. Рудинський. Кантемирівські могили римської доби. Записки Всеукраїнського археологічного комітету, т. I, Київ, 1930; Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань. АП, т. III, 1952.

насыпать курганы, как известно, в то время вовсе не был распространен у славянских племен среднего Приднепровья. Зато их степные соседи — сарматы хоронили своих покойников под курганами. Делать из этого какие-либо выводы, однако, было бы преждевременно, если бы в остальном указанные три погребения ничем не отличались от других погребений этого могильника. На самом же деле отличия имеются, и весьма существенные. Во всех трех погребениях захоронения были произведены не в обычных грунтовых ямах, а в подбоях. Покойники находились в сидячем положении, причем в одном погребении под покойником был деревянный помост, а в другом пол погребальной камеры покрыт песком и мелом. Во всех трех погребениях рядом со скелетами были обнаружены древесные угольки, зола и кости барана. В одном из погребений, кроме того, были копыта и бабки жеребенка.

Ни одна из этих деталей погребального обряда, исключая, пожалуй, наличия костей барана, не характерна для погребений славянских, т. е. для полей погребений. В то же время все это типично для сарматских погребений.

Кантемировский могильник не является исключением. Курганное погребение известно и на бескурганном могильнике в Федоровке[1]. Правда, мы не знаем деталей погребального обряда этого захоронения, но по инвентарю оно аналогично курганам Кантемировки. Там были обнаружены даже стеклянные игральные жетоны, точно такие же, как в курганах Кантемировки. Жетоны эти не характерны для памятников полей погребений, но они часто встречаются в сарматских погребениях.

Во многих погребениях, вскрытых на славянском могильнике в Масловой (Кировоградская область)[2], скелеты находились в положении, необычном для славянских захоронений. Так, в погребениях № 67 и 69 покойники были погребены в полусидячем положении. В ряде погребений головы покойников лежали на небольших земляных возвышениях. Встречаются также погребения, в которых скелеты были со скрещенными ногами (погребения № 75, 81, 86, 88, 89). Все это совершенно не характерно для более северных могильников полей погребений, но известно у сарматов.

В некоторых погребениях на могильниках пристепных районов лесостепи покойники лежали на спине, но с согнутыми в коленях ногами (Привольное, погребение № 3; Маслова, погребение № 76; Кантемировка, погребение № 9). Такое положение покойников также не характерно для могильников полей погребений, зато в сарматских погребениях встречается довольно часто.

В ряде погребений могильников в Масловой и Кантемировке возле скелетов (над ними или под ними) встречаются кусочки краски, мела, древесных угольков (Маслова, погребения № 71, 83, 84; Кантемировка, погребения № 1, 2, 9 и др.). Изредка встречаются остатки перегнившего дерева. С. Гамченко, производивший раскопки в Масловой, полагал даже, что некоторые покойники были погребены в деревянных гробах (погребение № 71). Все это также не характерно для полей погребений и в то же время обычно для сарматских погребений.

---

[1] По материалам Киевского музея.

[2] Могильник в Масловой исследовали П. С. Смоличев (1926 г.) и С. Гамченко (1928 и 1929 гг.). Опубликованы лишь результаты раскопок П. С. Смоличева (П. Смоліч ев. Археологічні досліди в околицях м-ка Златополя на Черкащині року 1926. Коротке звідомлення ВУАК за 1926 р. Київ, 1927, стр. 154—166). Материалы раскопок С. Гамченко до сих пор не опубликованы и хранятся в Черкасском музее.

Как известно, среди части сарматов весьма распространенным был обычай искусственной деформации черепов. В полях же погребений этот обычай встречается лишь в виде исключений и только там, где в свое время были сарматы[1].

При раскопках поселений и могильников полей погребений почти никогда не встречаются бронзовые зеркала, столь обычные в сарматских погребениях. Тем большего внимания заслуживает факт находки зеркала в могильнике у дер. Масловой (погребение № 71). Зеркало это к тому же было разбито, т. е. в данном случае буквально повторен сарматский обычай разбивания зеркал перед тем, как класть их в могилу.

Наконец, известное влияние сарматской культуры в это время чувствуется и в керамике славянских племен, особенно пограничных со степью. Формы сосудов, а также и техника их выделки, начиная, примерно, с конца III в. н. э., несколько упрощаются по сравнению с предыдущим периодом. Почти все сосуды становятся более грубыми, массивными; в глине появляется больше примесей песка и мелких зерен кварца; поверхность отделывается не так тщательно, как прежде.

В. А. Городцов и особенно в последнее время Б. А. Рыбаков с полной убедительностью доказали, что в славянской культуре и, в том числе, в русском народном творчестве имеется очень много древних элементов, восходящих к сарматам и впервые засвидетельствованных именно у сарматов[2].

Все приведенные факты,— а количество их можно увеличить,— говорят о довольно сильном влиянии сарматов на развитие культуры славян. Но не только культуры. Связи между славянами и сарматами носили более глубокий характер и уходили в область семейного быта. Курганные погребения на бескурганных могильниках в Кантемировке и Федоровке следует рассматривать именно как пример внедрения этнически чуждых, сарматских элементов в славянскую среду. В этих курганах, безусловно, погребены выходцы из сарматского мира. Они погребены согласно сарматским обычаям, но на славянском кладбище. Врагов так хоронить вряд ли могли. Следовательно, эти выходцы из сарматов были равноправными членами славянского общества. А если это так, то нет ничего удивительного в предположении о наличии смешанных браков, что подтверждается свидетельством Тацита о том, что сарматы вступали в такие браки со своими соседями и что последние в связи с этим «обезобразились наподобие сарматов»[3].

Но еще более характерны в этом отношении погребения, вскрытые на могильнике в Масловой. Если в Кантемировке, например, мы еще можем выделить этнически чуждые сарматские элементы, то на могильнике в Масловой, т. е. на территории, где до этого обитали сарматы, это сделать уже невозможно. Здесь местные славянские элементы настолько тесно переплелись с сарматскими, что нет никакой возможности провести между ними четкую грань.

Было бы неправильно, однако, полагать, что сарматы, оказывая известное влияние на славян, сами не подвергались при этом воздействию славянской культуры. Как ни плохо изучены сарматские памятники Приднепровья, мы все же среди них можем найти доказательства такого воз-

---

[1] Например, могильник в Черняхове. В. В. Хвойка. Поля погребений в среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901, ср. 181.

[2] В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды ГИМ, вып. I, М., 1926, стр. 7—36; Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1, стр. 90—106.

[3] Тацит. Германия. XVI. Сб. «Древние германцы». М., 1937, стр. 81.

действия. Не касаясь уже большой близости форм предметов украшения, что является обычным, укажу на весьма близкие по форме некоторые виды глиняных сосудов. Многие горшки и миски, встречающиеся в сарматских погребениях, имели поразительное сходство с горшками и мисками из погребений полей погребений. Для некоторых из них характерны даже одинаковые приемы орнаментации. В свое время А. А. Спицын отмечал находки черняховских вещей в сарматских курганах возле с. Воронцовки Харьковской области[1]. В. А. Городцов в одном из курганов, раскопанных им возле дер. Мечебелова Харьковской области, также обнаружил сосуды, подобные сосудам из днепровских полей погребений[2]. То же самое отмечает И. Н. Луцкевич для курганов возле с. Нещеретова[3].

На наличие некоторых общих черт в культуре славян и сарматов указывал уже К. Ф. Смирнов, характеризуя сарматское население Прикубанья. Он предполагает даже возможность «проникновения какой-то группы населения из восточных районов культуры полей погребений в среднее Прикубанье»[4].

Итак, все это свидетельствует не только о том, что между славянскими племенами и сарматами существовали весьма длительные и тесные культурные и экономические связи, но и о том,— и это очень важно,— что эти связи не ограничивались чисто внешними сношениями, а носили более глубокий характер. Славяне в процессе расширения своей территории подчинили себе часть сарматов и со временем ассимилировали их. В пользу этого говорит не только факт занятия славянами части территории, где до этого обитали сарматы, но и наличие во всей культуре славянских племен, осевших на этой территории, многих элементов сарматской культуры. Большое значение в данном случае имели практиковавшиеся между славянами и сарматами перекрестные браки, о наличии которых свидетельствуют современники.

---

[1] А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1950, стр. 66.

[2] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 211.

[3] І. Н. Луцкевич. Сарматські кургани у с. Нещеретове Ворошиловоградської області. «Археологія», т. VII, 1952, стр. 136—141.

[4] К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 159.

М. М. ДЬЯКОНОВ

СЛОЖЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

I

Вопрос о возникновении классового строя в земледельческих обществах Средней Азии представляет большой теоретический интерес.

Решение этого вопроса значительно облегчило бы нам понимание целого ряда сложных исторических процессов, протекавших в Средней Азии в древности, и дало бы ясное представление о ходе освоения долин больших рек земледельческими племенами и о времени создания ирригационных систем, игравших столь важную роль в истории Средней Азии.

В связи с этим стоит и другой, не менее важный, вопрос—о появлении первых государственных образований на территории Средней Азии.

В советской исторической науке эти вопросы затрагивались лишь мимоходом, в связи с общими проблемами социальной истории народов Средней Азии; детальная их разработка была невозможна из-за недостатка фактических данных. В настоящее время такие данные начинают понемногу собираться и можно уже поставить указанные вопросы, в надежде, что правильная их постановка поможет их разрешению в ближайшее время. Изучение раннего ирригационного земледелия в Хорезме (С. П. Толстов, Я. Г. Гулямов), в Бухарском оазисе (В. А. Шишкин), в Туркмении привело исследователей к тому убеждению, что начало ирригационного земледелия в долинах больших рек связано с установлением в обществах Средней Азии классового строя и появления начатков государственности. Исследователи единодушно относят эти события к середине первого тысячелетия до нашей эры[1].

Чрезвычайно важным для правильной постановки интересующих нас в данной связи вопросов является открытие в 1945—1947 гг. А. И. Тереножкиным на городище древнего Самарканда — Афрасиабе

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 45: «Время постройки этой сети может быть нами достаточно определенно датировано второй четвертью I тысячелетия до н. э.»; см. там же, стр. 32; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент, 1949, стр. 11—12; В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 42—43; История Туркменской ССР, т. I, проспект глав. Издательство ТФАН СССР. Ашхабад, 1951, стр. 10.

Существуют отдельные попытки отнести возникновение классового общества и государственности в юго-западной Средней Азии к гораздо более раннему времени, а именно к первой половине второго тысячелетия до нашей эры (А. А. Марущенко). См. историю Туркменской ССР, т. I, проспект глав (издание 2-е, исправленное и дополненное). Ашхабад, 1952, стр. 9.

археологической культуры, названной исследователем «Афрасиаб I» и относимой им к VI—IV вв. до н. э.[1] А. И. Тереножкин справедливо считает, что этот этап является древнейшим в жизни города, и тем самым присоединяется к указанной выше точке зрения о возникновении ирригационного земледелия в первой половине первого тысячелетия до н. э.

Большой заслугой А. И. Тереножкина является также установление связей открытой им археологической культуры Афрасиаб I с ранее известными, но не осознанными в достаточной мере, другими археологическими материалами. А. И. Тереножкин совершенно законно связывает этап Афрасиаб I с материалами, добытыми Б. Б. Пиотровским при раскопках на городище Гяур-кала в древнем Мерве (1937 г.), где они также являются древнейшими на городище[2], и с материалами раскопок Р Гиршмана в Нади Али в Сеистане[3].

Автор этих строк в течение нескольких лет (с 1946 г.) ведет археологические работы в Южном Таджикистане, на территории древней Бактрии, и, естественно, среди прочих вопросов, возникших перед ним и требовавших своего разрешения, важное место занимает вопрос о времени земледельческого освоения долин больших правых притоков Пянджа — Аму-Дарьи и о характере культуры древнейших насельников этих долин.

В настоящей статье дается анализ результатов работ 1950—1952 гг. на городищах, расположенных в долине реки Кафирнигана.

II

Письменные источники дают нам очень скудный материал о жизни Бактрии в первой половине первого тысячелетия до н. э. Но некоторые данные все же имеются, и в свете археологических исследований в Северной Бактрии они приобретают большее значение, чем это казалось раньше.

Древнейшими сведениями о Бактрии в письменных источниках следует считать упоминание ее в клиновидных надписях Ахеменидов. Как известно, из древнеиранских памятников Бактрия упоминается еще и в Авесте. Но вопрос об Авесте гораздо более сложен. Это памятник неоднородный, складывавшийся в течение многих веков. Вопрос о ее локализации во времени и пространстве не может считаться окончательно решенным. Поэтому, несмотря на то, что, вероятно, некоторые места Авесты, могущие быть приуроченными к древнейшей истории Бактрии, старше клиновидных надписей Ахеменидов, следует все же при рассмотрении источников по истории и истории культуры древней Бактрии начинать с клинописных свидетельств, а не с данных Авесты.

Клиновидные надписи Ахеменидов упоминают Бактрию в четырех списках завоеванных стран[4], рассказывают о восстании Фрады в Маргиане, входившей в те времена в состав Бактрии[5], и сообщают о том, что

[1] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 155; см. также: А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 127.

[2] Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 35—41. Этот материал был обнаружен и раскопками американской экспедиции Пампелли в 1904 г. См. R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, Washington, 1908, т. I, стр. 145.

[3] R. Ghirshman. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan, RAA, XIII, 1939, стр. 10—22.

[4] Dar. Behist., I, 16; Dar. Pers. e., 16; Dar. NRa, 23; Xerx. Pers. h.

[5] Dar. Behist., III, 13—14 и 21. Акад. В. В. Струве выдвинул точку зрения, согласно которой Маргиана была присоединена к Бактрии только в результате победы сатрапа Дадарши над маргианцами, в качестве награды этому полководцу. См. В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ. вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 26.

золото, пошедшее на отделку царского дворца в Сузах, поступало из Лидии и Бактрии[1].

Из сведений, приводимых надписями Ахеменидов, явствует следующее: 1) Бактрия граничила с Ареей на западе и юго-западе, с Хорезмом — на северо-западе, с Согдом — на севере, с Арахосией — на юге и с Гандарой — на юго-востоке; 2) Маргиана не фигурирует в географических списках ахеменидских царей, т. к. входила в состав Бактрии.

Из древнеиранских письменных источников неясно,— простиралась ли Бактрия на север до Гиссарского хребта, или же, как это часто принято считать, Бактрией назывались лишь земли на левом берегу Аму-Дарьи. Это последнее мнение, до сих пор широко распространенное в науке, опирается, в основном, на свидетельство греческого писателя августовской поры — Страбона, который, сообщая о Согдиане, писал: «Она (Согдиана) лежит к востоку от Бактрианы, между Оксом, который отделяет Бактриану от Согдианы, и Яксартом, который является границей между согдийцами и кочевниками»[2]. О том, что нельзя слепо доверять данным Страбона, говорит уже то обстоятельство, что этот писатель неясно представляет себе взаимное географическое положение Бактрии и Согда. Согд, разумеется, лежит не к востоку от Бактрии, а к северу и северо-западу. Еще В. Томашек высказал предположение, что Бактрия простиралась до Гиссарского хребта. Археологические работы последних лет полностью подтверждают это предположение. Раскопки М. Е. Массона в Термезе и его округе, работы Таджикской археологической экспедиции в Южном Таджикистане — с полной отчетливостью показали, что территории Южного Узбекистана и Южного Таджикистана,— бассейны притоков Аму-Дарьи — Сурхана, Кафирнигана, Вахша и мелких рек Кулябской долины,— исторически, несомненно, составляли одно целое с аму-дарьинским левобережьем.

Таким образом, явления из области материальной и духовной культуры, характерные в древности для правобережья Аму-Дарьи, в равной мере характерны и для ее левобережья. Вообще с тех пор, как исследователи вопросов исторической географии Средней Азии вышли из своих кабинетов в поле, они убедились, что реки никогда не являются границами областей. Реки объединяют. Разъединяют горы. Все области древней Средней Азии легко членятся по бассейнам рек. Так, Парфия — это бассейны верхнего Атрека и Гургена, Арея — долина Гери-руда — Теджена, Маргиана — долина Мургаба, Хорезм — бассейн нижней Аму-Дарьи, Бактрия — бассейн средней и верхней Аму-Дарьи (Пянджа), Согдиана — бассейны Зарафшана и Кашка-Дарьи.

Об общественном строе древней Бактрии судить по сохранившимся древнеиранским источникам очень трудно. Еще со времен Гейгера в качестве основного источника для суждения об общественном строе древних племен Средней Азии привлекалась Авеста[3]. В советской литературе этот материал был неоднократно привлекаем С. П. Толстовым для понимания общественного строя древнего Хорезма[4]. Однако пользоваться Авестой

---

[1] Dar. Sus. f. Некоторые дополнительные сведения по исторической географии Бактрии можно почерпнуть и из Авесты: Вендидад I и Яшт X, 14. О данных Авесты в целом см. ниже.

[2] Страбон, XI. 11, 2.

[3] W. Geiger. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.

[4] С. П. Толстов. Черты общественного строя Восточного Ирана и Средней Азии по Авесте. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. I—II. М.— Л., 1939 (Макет), стр. 185—188; его же. Древний Хорезм. М., 1948; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948; «История народов Узбекистана,» т. I. Ташкент, 1950, стр. 55 и след.

для этой цели нужно с большой осторожностью. Выше уже приводились причины, заставляющие нас быть столь осторожными с этим ценным источником. Данные младшей Авесты, относящиеся, повидимому, к позднепарфянскому времени, лишь с оговорками могут быть использованы для суждения об обществе древней Бактрии начала первого тысячелетия до н. э. Древние части Авесты, не только стихотворные гаты, но и некоторые прозаические разделы, рисуют, в общем, жизнь и быт оседлых пастухов и земледельцев, находящихся на грани образования классового общества, но еще полностью сохраняющих сложную систему родо-племенных отношений.

Если отнесение этих данных Авесты к Бактрии при нашем уровне знаний может быть признано возможным, то датировка этих частей Авесты до сих пор остается спорной и данные, извлеченные из них, не могут осветить археологический материал, а должны, скорее, сами быть проверены при помощи данных археологии. Достаточно сказать, что существует никем не опровергнутое мнение (в советской науке его придерживается такой видный знаток древнеиранских языков, как А. А. Фрейман), что древнейшие части Авесты (яшты) — современны основному костяку Ригведы и относятся, таким образом, к середине второго тысячелетия до нашей эры. Тогда эти части Авесты рисуют нам состояние общества более архаичное, чем существовавшее в передовых районах Средней Азии, в том числе и в Бактрии, в первой половине первого тысячелетия до нашей эры[1].

В этой связи особое значение приобретают сведения о восстании Фрады в Маргиане, имеющиеся в Бисутунской надписи. Они ценны для нас тем, что точно локализованы во времени и пространстве и относятся к конкретному историческому событию. Мы обязаны академику В. В. Струве подробным анализом этого известия[2].

Приведем полностью текст Бисутунской надписи, касающийся этого события:

«Говорит Дарий царь: Страна по имени Маргиана. Она стала мятежной[3] по отношению ко мне. Некий человек по имени Фрада, маргианец. Его они вождем[4] сделали. Потом я послал перса, по имени Дадарши, моего слугу, сатрапа в Бактрии.

Так я ему сказал: «Ступай, разбей войско[5], которое себя моим не называет». Дадарши отправился с войском, сразился с маргианцами. Ахурамазда принес мне помощь. По воле Ахурамазды мое войско сильно разбило то мятежное войско. Битва с ними произошла 23 дня месяца ашиядия (10 декабря 522 г.)»[6].

Вавилонская версия Бисутунской надписи прибавляет к этому: «Они (т. е. воины Дария) убили из них 552?3[7] и взяли в плен живьем 6572»[8].

При рассмотрении этого места Бисутунской надписи сразу же бросаются в глаза два важных обстоятельства: Фрада назван не царем, а

[1] Основным препятствием к использованию богатейших данных Авесты является отсутствие критического изучения и полного историко-лингвистического анализа текста. Недавно вышедшая работа Ф. Альтхейма, написанная с чуждых нам идеологических позиций, не может удовлетворить советского историка. Ниже мы вернемся к данным Авесты и рассмотрим их в связи с археологическим материалом.

[2] В. В. Струве. Ук. соч., стр. 9—34. Мы не будем здесь касаться вопросов о распространении зороастризма в Маргиане и об историчности самого Заратуштры, поднятых в этой статье В. В. Струве.

[3] В подлиннике *hamiçiya*.

[4] В подлиннике *maθišta*, букв. «набóльший».

[5] В подлиннике *kāra* — народное войско, т. е. племенное ополчение, все боеспособное население.

[6] Dar. Behist., III, 13—14.

[7] Цифра, означающая десятки, попорчена.

[8] F. H. Weissbach. Die Keilinschriften der Achämeniden, Leipzig, 1911, стр. 45.

вождем — *maθišta*[1]. Количество убитых мятежников (55 000) чрезвычайно велико.

Оба обстоятельства указывают на то, что восстание это было грандиозно по своему размаху и являлось движением народных масс. Труднее ответить на другой вопрос: было ли в Маргиане до Ахеменидов государственное образование, или же потому Фрада и был вождем, *maθišta*, а не царем, *xšāyaθiya*, что маргианцы VI—V вв. не знали еще государственного устройства? Говорить об отсутствии государственности у маргианцев только на основании того, что в этой области вспыхнуло массовое, народное движение против Ахеменидов,— нет достаточных оснований, но тот факт, что восставшие выдвинули для руководства восстанием вождя, а не царя, как мятежники в других областях, свидетельствует, возможно, о том, что маргианцы еще не знали традиций царской власти.

Греческие источники в очень слабой степени освещают нам историю Бактрии ахеменидской и тем более доахеменидской поры. Бактрия была грекам известна плохо.

Наиболее ранним автором, сохранившим нам кое-какие сведения о Бактрии, был Геродот (V в. до н. э.). Однако следует помнить, что этот талантливый и добросовестный писатель сам никогда не был в глубинной Азии и вряд ли общался с кем-нибудь из греков, бывавших там, или же с каким-нибудь представителем среднеазиатских народов.

Геродот говорит о Бактрии, чаще о бактрийцах. Он обычно упоминает Бактрию мимоходом в связи с рассказом о каком-нибудь событии. В одном месте Геродот прямо указывает на значение, которое имели бактрийцы в азиатских делах. Рассказывая о событиях, последовавших за победой Кира над Крезом, Геродот сообщает: «На пути Кира лежал Вавилон, бактрийский народ (ἔθνος), саки и египтяне...»[2]

Таким образом, наряду с важнейшими государствами Переднего Востока, препятствовавшими созданию Киром большой державы,—Вавилоном и Египтом, названы, как серьезная политическая сила, бактрийский народ и саки.

Непосредственно о бактрийцах Геродот говорит крайне мало. Он описывает их вооружение и боевой порядок в связи с рассказом о войске Ксеркса[3]. В области материальной культуры бактрийцы были образцом для других народностей Средней Азии. Ближайшие соседи бактрийцев ареи, парфяне, хорасмии, согды, гандарии и дадики подражали бактрийцам в вооружении[4].

Таким образом, о собственно Бактрии Геродот ничего не знает. Он слышал о Бактрии, как о далекой области Ахеменидского царства, куда персы насильственно переселяли враждебный им неспокойный элемент с запада[5]. Он знает о том, кто из Ахеменидов был правителем Бактрии, и о том, что бактрийский народ представляет серьезную военную силу[6] и его легко поднять против ахеменидской власти[7]. Он знает о вооружении бактрийцев и близких им народностей, о том, кто командовал ими в войске Ксеркса[8]. О самой стране Геродот говорит один раз, перечисляя податные

[1] В надписи над фигурой Фрады, стоящей в ряду других мятежников в верхней части Бисутунского рельефа, вождь маргианцев назван царем *xšāyaθiya*. Он был так назван, вероятно, по аналогии с титулатурой других мятежников, изображенных рядом с Фрадой.

[2] Геродот, I, 153.

[3] Там же, VII, 64.

[4] Там же, VII, 66.

[5] Там же, IV, 204; VI, 9.

[6] Там же, I, 153.

[7] Там же, IX, 113.

[8] Там же, VII, 64, 66, 86.

округа Ахеменидской державы[1], и то чрезвычайно скупо: «Подать от двенадцатого округа, в который входили земли от бактриев до эглов[2], определялась в 360 талантов».

Геродот отражает ту степень осведомленности греков о глубинной Азии, когда они, столкнувшись с Ахеменидской державой в борьбе за Эгейское море, узнали кое-что и о племенах и народах, входивших в этот «конгломерат племен и рас»[3], но не имели еще непосредственного знакомства с этими народами и их странами.

Много сообщает о Бактрии младший современник Геродота — Ктесий из Книда. Его сочинения, как известно, до нас не дошли, и мы знаем о них лишь по пересказам и цитатам у более поздних авторов. В отличие от Геродота, Ктесий — малодостоверный писатель. Его рассказы о событиях в Азии полны непонятыми автором легендами и просто откровенными баснями. Но как бы критически мы ни относились к достоинствам Ктесия как историка, следует все же признать, что и он сообщает некоторые данные о древнейшей истории Бактрии, которыми мы не можем пренебрегать.

Сообщения о бактрийцах, как о многочисленном и воинственном народе, а о городе Бактрах, как о сильной крепости,— несомненно, перекликаются с теми скупыми данными, которые мы могли почерпнуть у Геродота и других писателей классической поры[4]. Повидимому, среди греков было распространено мнение о могуществе, воинственности и силе бактрийцев[5], мнение, шедшее, несомненно, из Ахеменидского государства и отражавшее в какой-то мере действительность.

Рассказывая о Нине — легендарном царе Ассирии и его мнимых походах на Бактрию, Ктесий говорит о мужественном сопротивлении, которое оказал «царь бактрийцев» Оксиарт[6], о множестве городов в Бактрии, о том, что бактрийцы были побеждены лишь благодаря хитрости и личной отваге Семирамиды,— это и есть отражение легенд и эпических преданий, слышанных Ктесием в Персии, в бытность его придворным врачом Артаксеркса II.

Для нашей темы очень важно указание на наличие в Бактрии множества городов и описание укреплений Бактр, имевших цитадель, возвышавшуюся над городом, и стены, окружавшие самый город[7].

Эти сообщения Ктесия заставили некоторых ученых говорить о существовании в доахеменидское время могущественного Бактрийского царства. У нас, в советской науке такой точки зрения придерживается и сейчас С. П. Толстов, считающий, что рабовладельческое государство раннего типа было не только в Бактрии, но и в Хорезме[8].

---

[1] Геродот, III, 92.

[2] Эглы во всей античной литературе встречаются только один раз, в этом месте у Геродота (III, 92). Быть может, это те же аугасии, которых упоминает Птоломей (VI, 12, 4). Томашек считает, что аттасии, упомянутые у Страбона (XI, 8, 9), это те же аугасии, т. е. аугалы.

[3] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

[4] Ктесий (у Диодора), кн. II, 2, 1—4; 5, 1—4 и т. д.).

[5] О Бактрии упоминают трагики Эсхил (Персы, 306, 718, 732) и Еврипид (Вакханки, 13—17). По всей вероятности, о Бактрии упоминал и Гекатей Милетский.

[6] Существует мнение, что царь бактрийцев у Ктесия назывался Зороастром, а Оксиартом его назвал уже Диодор. Ср. у Юстина: «...postremum illi (Nino) bellum cum Zoroastre, rege Bactrionorum, fuit». (Justin, I, 2).

[7] Диодор, II, 6, 1.

[8] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, 1948, стр. 103. Вслед за С. П. Толстовым это утверждение повторялось многими авторами. Ср. К. В. Тревер — в «Истории народов Узбекистана», т. I. Ташкент, 1950, стр. 44; Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, изд. 2-е, М., 1952, стр. 31—32. См. также упоминавшиеся выше проспекты глав «Истории Туркменской ССР», изд. 1 и 2-е.

Между прочим, С. П. Толстов, сравнивая открытые им в Хорезме «городища с жилыми стенами» с «варой», описанной в Авесте[1], полагал, что упоминаемые Диодором со слов Ктесия «укрепленные места» есть не что иное, как такие «вары» или «городища с жилыми стенами»[2].

Конкретные сведения о древней Бактрии и соседних с нею областях греки получили только с походами Александра Македонского. Затем, вскоре, примерно с середины III в. до н. э., почти все непосредственные связи Восточного Средиземноморья со Средней Азией были прерваны. Редко-редко на запад проникали какие-нибудь новые сведения о Бактрии (Перипл Эритрейского моря, посольство из «Бактрии», т. е. Кушанского царства, в римское время). Китайские и иные источники не дают нам никаких сведений о Бактрии в доахеменидское или хотя бы ахеменидское время.

Авторы, писавшие историю Александра на основании сообщений придворных летописцев самого македонского царя, в основном Квинт Курций Руф (I в. н. э.) и Арриан (II в. н. э.), дают нам довольно интересную картину состояния Бактрии в конце ахеменидского владычества. Эти сведения позволяют составить некоторое представление о древнейших этапах развития общества в Бактрии.

Так, Квинт Курций пишет: «Природа Бактрии разнообразна; там виноградная лоза приносит крупные и сладкие плоды; обильные воды орошают жирную почву; наиболее плодородная земля обрабатывается под хлебные посевы, другая обращена в пастбище крупного скота, но большая часть земли — бесплодная равнина»[3].

Арриан и Квинт Курций упоминают укрепленные места согдийцев и хорезмийцев, причем всегда говорят об их обширных размерах[4].

Те же авторы, а с ними и другие,— такие, как Плутарх, Страбон и т. д., рассказывают о существовании у бактрийцев и их соседей знати. Представители бактрийской знати служили у Ахеменидов. Представители согдийской и бактрийской знати возглавили борьбу этих народов против Александра. Существовали в это время в Бактрии и других областях Средней Азии большие города, возникшие, как видно, задолго до прихода туда греков и македонцев Александра — Бактры, Мараканда, Кирополь и многие другие. Таким образом, к IV в. до н. э. в Бактрии было уже довольно развитое классовое общество, имелось земледелие, основанное на искусственном орошении[5], скотоводство, существовали большие, хорошо укрепленные города. Когда все это возникло? Какой характер имела культура бактрийцев на раннем этапе развития классового общества? На эти вопросы мы до последнего времени ответа не имели, если не считать довольно неясных данных Авесты.

Теперь все расширяющиеся археологические работы в Средней Азии помогут нам осветить этот вопрос с другой стороны и получить серьезные добавления к данным письменных источников.

---

[1] Вендидад, II, 33 и след.

[2] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 81—82.

[3] Квинт Курций, VII, 4, 26 и след.

[4] «Скала» (Петра) Хориена (Арриан, IV, 21), «Скала» Сатибарзана (Квинт Курций, VI, 6, 25), «Скала» Сизимитра (Страбон, XI, 11, 4) «Скала» Аримаза (Квинт Курций, VII, 2, 1).

[5] Сведения о виноградарстве в соседних с Бактрией Маргиане, Арее, а также Гиркании дают Диодор (XVII, 2, 75), Страбон (II, 2, 14; XI, 9, 2), Плиний (VI, 18). О том, что в Бактрии этого времени должно было широко применяться искусственное орошение, помимо этих косвенных свидетельств и приведенного выше указания Квинта Курция, можно еще привести сообщение Страбона о том, что там произрастает все, кроме маслины (Страбон, XI, 11, 1).

III

Таджикская археологическая экспедиция Академии Наук СССР начала работы в Южном Таджикистане, на территории древней Северной Бактрии, в 1946 г. До этого года археологические работы на территории Южного Таджикистана почти совершенно не велись. На территории Южного Узбекистана, в основном в Сурхан-Дарьинской области (район Термеза), планомерные археологические работы были начаты еще в 1926 г. экспедицией Музея восточных культур, а в 1936—1938 гг. там работала большая Термезская экспедиция под руководством М. Е. Массона[1].

В Южной Бактрии, на территории Афганистана с 1922 г. работает французская археологическая миссия, под руководством сначала Фуше, а затем Акэна и Гиршмана[2].

Ни одна из археологических экспедиций, работавших на территории Бактрии, до 1946 г. не изучала начало первого тысячелетия до нашей эры, и памятники этого времени были нам неизвестны. В 1946 г. два отряда Таджикской археологической экспедиции,— вахшский, под руководством А. М. Беленицкого и кафирниганский, под руководством М. М. Дьяконова, — вели разведку в бассейнах рек, давших название отрядам. В 1947 г. вахшский отряд продолжал разведки в среднем течении Вахша и Кафирнигана, а кафирниганский отряд начал стационарное изучение могильника Туп-хона, которое продолжалось в 1948 г. В 1949 г. работы на юге Таджикистана не велись, а все силы были переброшены в Пянджикент, где в 1948 г. были найдены ставшие уже знаменитыми стенные росписи[3].

Работы кафирниганского отряда были возобновлены в 1950 г., когда было начато детальное изучение очень интересного в историко-культурном отношении Кобадианского оазиса[4].

В оазисе исследовался ряд памятников, но для данной темы интересен, главным образом, один — городище Калаи Мир, работы на котором велись в 1950 и 1951 гг. Н. Н. Забелиной. Некоторые материалы по этому же вопросу дали раскопки на городище Мунчак-тепе Кобадианском[5], проводившиеся Е. А. Мончадской в 1952 г. Все эти работы велись под общим руководством начальника кафирниганского отряда Таджикской археологической экспедиции М. М. Дьяконова.

Городище Калаи Мир расположено в самом районном центре Микоян-абад (до 1936 г.— Кобадиан)[6]. Оно представляет собою почти правильный квадрат (275×270 метров), ориентированный сторонами по странам света. Оно в настоящее время ограничено валом, достигающим пяти метров высоты. Центр городища сильно опущен; это заболоченный участок, покрытый

[1] Сборники «Культура Востока», изд. Музея восточных культур, вып. I и II, М., 1927 и 1928; Труды Термезской археологической комплексной экспедиции, тт. I и II, Ташкент, 1941 и 1945; см. также М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков нашей эры. Материалы Узкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1933.

[2] Французская археологическая миссия интересовалась, главным образом, памятниками искусства. Археологические работы, как правило, велись на низком методическом уровне. Ниже мы остановимся несколько подробнее на археологических работах миссии в Балхе в 1947 г.

[3] Подробные отчеты о работах этих лет см. в т. I «Трудов Согдийско-таджикской археологической экспедиции АН СССР», МИА, № 15, 1950.

[4] Работы в Кобадианском оазисе подробно изложены в статьях М. М. Дьяконова и Н. Н. Забелиной в т. II «Трудов ТАЭ», МИА, № 37, 1953.

[5] Так назван в отличие от Мунчак-тепе Усрушанского, исследованного В. Ф. Гайдукевичем в 1942—1943 гг.

[6] Подробное описание городища и археологических работ, проводившихся на нем в 1950—1951 г., см. М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан). «Труды ТАЭ», т. II, МИА, № 37.

густой травой. В валу, окружающем городище, ясно заметны четверо ворот, каждые в центре соответствующей стены. Северо-восточную часть городища занимает квадратное возвышение, поднимающееся над уровнем городища на 15 метров. На этом возвышении видны следы большой застройки. Здесь была «резиденция» кобадианского бека, описание которой сохранил нам А. А. Семенов[1] и фотографию которой приводит в описании своего путешествия Бонвало[2].

В нескольких сотнях метров к востоку от городища проходит недавно обновленный, но очень древний магистральный канал левобережья Кафирнигана. За этим каналом в полутора километрах от городища расположено прямоугольное городище Кей-Кобад-шах, а дальше расстилается подгорная степь с курганами кочевников. В трех-четырех километрах к северо-западу от городища Калаи Мир протекает река Кафирниган, берущая начало в отрогах Гиссарского хребта к северо-востоку от Сталинабада и впадающая в Аму-Дарью на 65 км южнее районного центра Микоян-абад. Кобадианский оазис исключительно богат памятниками рабовладельческой эпохи, оставленными как земледельческими, так и кочевыми племенами. Естественно возникает вопрос: когда началось земледельческое освоение больших среднеазиатских рек и создание богатых оазисов Северной Бактрии? Этот важнейший для истории Средней Азии вопрос связан теснейшим образом с другим важным вопросом: к какому времени относится создание крупных ирригационных систем, питающихся водою больших притоков Аму-Дарьи? Совершенно ясно, что жизнь такого городища, как Калаи Мир, невозможна без искусственного орошения, как, впрочем, и жизнь Кобадианского оазиса в целом.

Археологические работы на Кобадианских городищах Кей-Кобад-шах и Калаи Мир показали, что первое из них возникло в III в. до н. э. и закончило свое существование в IV—V вв. н. э., а второе было обитаемо в позднем средневековье — в XV—XVIII вв. и являлось резиденцией бека в XIX—XX вв. Под средневековыми слоями на этом городище сразу лежат слои кушанского и греко-бактрийского времени. Но в эти периоды центром района было, повидимому, городище Кей-Кобад-шах, а здесь были какие-то ремесленные производства и, быть может, пригороды местной столицы. Таким образом, в период с III в. до н. э. и по IV—V вв. н. э. оазис жил интенсивной жизнью, и основой этой жизни являлось пашенное поливное земледелие.

Письменные источники мало говорят нам об искусственном орошении в Бактрии и соседних странах. Самым ранним следует признать темный по смыслу рассказ Геродота[3]. Косвенным, но очень важным свидетельством являются слова Квинта Курция о том, что в Бактрии «solum pingue crebri fontes rigant» — «жирную землю орошают многие источники». Что под «fontes» Квинт Курций подразумевает искусственные каналы, видно из того, что дальше этот же автор сообщает, что «magnam deinde partem ejusdem terrae steriles arenae tenent squalide siccitate regio non hominem non frugem alit» — «большую же часть этой земли занимают бесплодные пески; из-за безводности унылая область не может ни прокормить человека, ни вырастить плодов»[4]. Картина эта относится к IV в. до н. э. и хорошо определяет характер бактрийского пейзажа: невысокие голые

[1] А. А. Семенов. По границам Бухары и Афганистана. Исторический вестник, 1901, т. LXXXVIII, № 4.

[2] G. Bonvalot. Du Caucase aux Indes à travers le Pamir. Paris, 1889, рисунок на стр. 199.

[3] Геродот, III, 113.

[4] Квинт Курций, VII, 4.

горы, бесплодные лессовые подгорные степи и пышная растительность в оазисах, орошенных каналами, берущими воду из рек.

Когда же началась жизнь этих оазисов? Быть может, возможность решить этот вопрос даст материал из нижнего слоя городища Калаи Мир.

Если, как было сказано выше, на городище Кей-Кобад-шах жизнь началась в III в. до н. э., т. е. город был основан во времена греко-бактрийского царства, то поселение на городище Калаи Мир возникло ранее. Под слоем III в. до н. э., датированным монетой Евкратида и хорошо известной нам керамикой, был раскрыт жилой комплекс более раннего времени. Его краткое описание и будет дано сейчас, так как, повидимому,

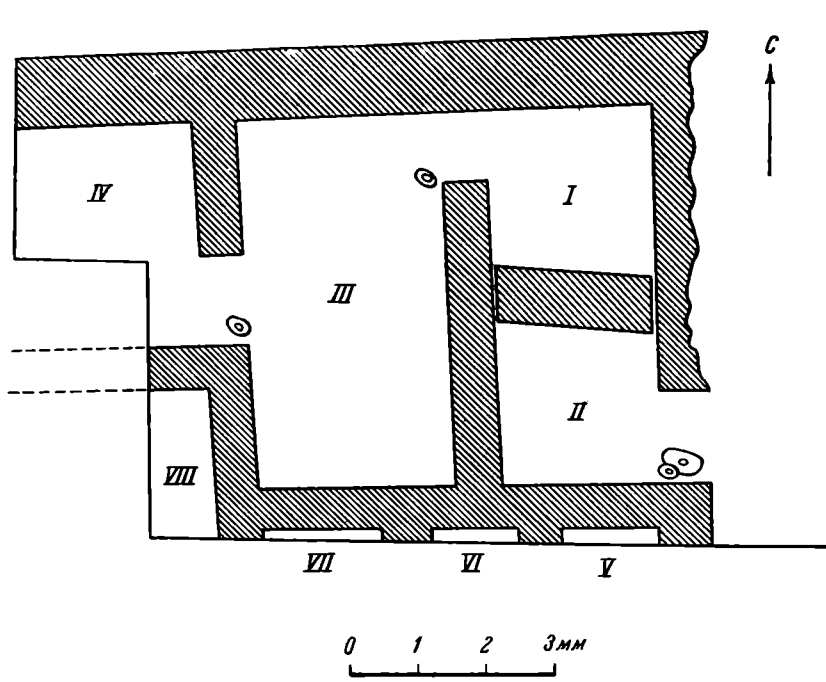


Рис. 1. План жилого комплекса этапа Кобадиан I на городище Калаи Мир. Раскопки Н. Н. Забелиной.

открытие этого памятника Н. Н. Забелиной будет иметь существенное значение для изучения древнейшей истории Бактрии, да и других областей Средней Азии.

В 1950—1951 гг. группой сотрудников кафирниганского отряда ТАЭ, под руководством Н Н. Забелиной, в древнейшем культурном слое городища Калаи Мир, названном нами древнебактрийским или Кобадиан I и лежащем уже на материковом лессе, была вскрыта на площади 96 кв. метров часть большого жилого комплекса, сильно разрушенного временем и последующей деятельностью человека.

Всего полностью или частично было вскрыто восемь помещений (рис. 1). Все помещения очень узкие, от полутора до трех метров шириной. Длина помещений, вскрытых полностью, достигает 5,5 метра. Здание было выстроено из хорошо выработанного квадратного сырцового кирпича, размер стороны которого — от 34 до 36 сантиметров. Толщина кирпича равняется одной трети стороны (11—12 сантиметров). Одним словом,— это широко известный на территории Северной Бактрии «античный» кирпич, распространенный в этой области с древнейших времен до раннего средневековья (VI—VII вв.), когда он сменяется продолговатым кирпичом с отношением измерений 4 : 2 1, размером 50×25×12,5; 48×24×12

сантиметров (верхние слои Мунчак-тепе, Безименная группа развалин около Шаартуза и пр.; в Согде из такого кирпича построен весь раннесредневековый Пянджикент).

Внешняя стена здания (северная) была выложена в три кирпича (1,3—1,4 метра), стены между помещениями — в два кирпича (0,65—0,75 метра). В дверных проемах были обнаружены камни-подпятники, что помогло разобраться в планировке здания. В помещении II были даже обнаружены два камня-подпятника, один на другом.

Вопрос о перекрытиях этого здания остается пока нерешенным. Помещения были слишком разрушены, чтобы можно было проследить остатки

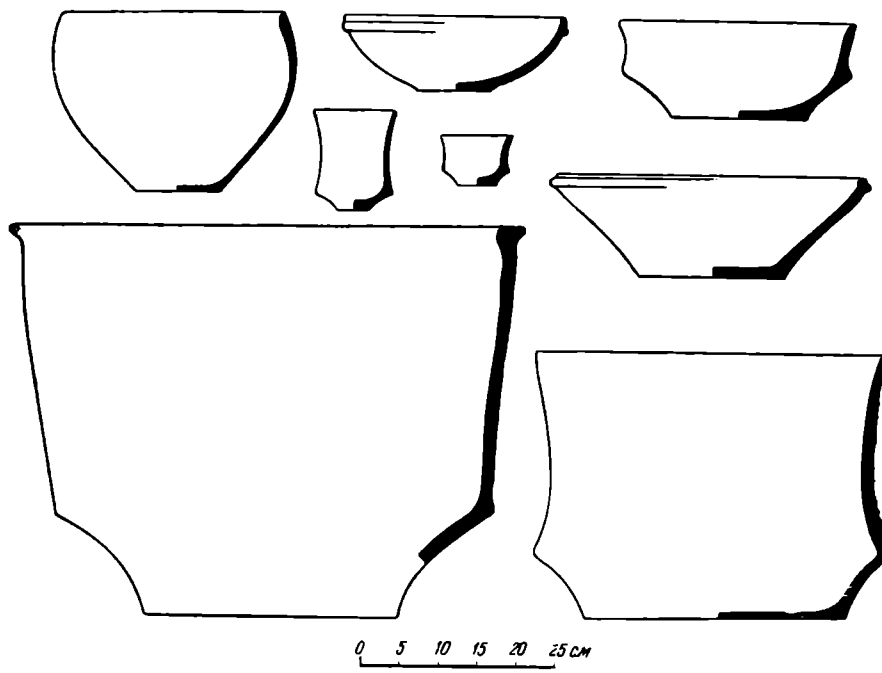


Рис. 2. Керамика из жилого комплекса этапа Кобадиан I на городище Калаи Мир.

рухнувшей кровли. Здание, судя по небольшой толщине стен, было одноэтажным и имело, скорее всего, легкие плоские перекрытия, состоявшие из деревянных жердей и камыша.

Первоначальные полы помещений находились примерно на одном уровне, за исключением помещения IV, пол которого был на 0,35 м ниже.

В 1950 г. мы наткнулись прежде всего на помещение III, которое оказалось наиболее насыщенным находками. Толщина культурного слоя на полу этой комнаты достигала 0,25 метра. На всем полу были остатки очагов, но больше всего их было у восточной стены, где лежал толстый слой золы и даже нижняя часть стены была обожжена докрасна.

В этой комнате было обнаружено большое количество своеобразных сосудов, сохранившихся полностью и только раздавленных массой земли. Это заставляет думать о катастрофической гибели помещения. Посуда, найденная в этом помещении, чрезвычайно характерна (рис. 2). Бóльшая часть (до 90%) посуды сделана на гончарном круге быстрого вращения. Черепок — яркокрасный в изломе. Снаружи сосуды покрыты беловатым или светложелтым ангобом. Ведущей формой является сосуд цилиндроконической формы с чуть вогнутыми стенками, плоским дном и характерным перегибом в нижней трети тулова. Такие сосуды бывают разных

размеров: от метровых корчаг и до маленького сосудика в 10—15 сантиметров высоты. Эта форма посуды широко распространена и характерна для данного периода, но уже к III в. до н. э. она полностью исчезает. Имеется большое количество сосудов, сделанных также на гончарном круге, но другой формы: открытые конические блюда, горшки, чаши и пр. Наряду с такой посудой изредка встречается лепная «кухонная посуда» с большим количеством дресвы в тесте.

В этом же помещении были найдены небольшие зернотерки (длина 30—35 сантиметров; рис. 3), а также крупная железная игла (рис. 4). Здесь же было много костей крупного и мелкого рогатого скота, а также зубы верблюда.

В помещении IV характер находок был иным. Кроме фрагментов цилиндро-конических «банок», там были обломки плоских небольших чаш с прямыми коническими стенками, окрашенные изнутри красным ангобом, а снаружи — белым. Там же были найдены три бронзовых наконечника стрел (см. рис. 4); один, сильно разрушенный (вероятно, трехгранный втульчатый), был найден в завале, над полом, на полу же обнаружены два наконечника — один листовидный втульчатый и один большой ромбический, втульчатый. Обращают на себя внимание найденные здесь многочисленные кружки, вырезанные из обломков керамики. Назначение этих кружков неясно. Может быть, это шашки для какой-то игры?

В помещении I было немного находок: обломки керамики «баночного» типа и кусок железного ножа. Это помещение составляло некогда одно целое с помещением II, от которого оно затем было отделено пристроенной стеной. Стена эта — явно более позднего происхождения и расположена вкривь по отношению к другим стенам помещения.

Создается впечатление, что помещение II жило дольше остальных комнат комплекса. Культурные напластования на полу этой комнаты достигают 0,4 метра. Среди находок, сделанных в комнате, имелась и керамика тонкостенная, дающая переходные формы к керамике греко-бактрийского периода. Здесь же найдено грузило от ткацкого станка, в виде чечевицеобразного диска из необожженной глины, диаметром 7–8 см (рис. 4).

Как же следует датировать этот жилой комплекс и к какому обществу принадлежали обитатели этого дома?

Рассмотрим подробнее находки из этого комплекса. Они сделаны в помещениях, в большинстве случаев — на ясно выраженных земляных полах, многие, несомненно, в первичном залегании. Все это повышает их ценность как документов.

Обратимся прежде всего к керамике. Как уже упоминалось выше, подобная керамика нам известна. Она была найдена Б. Б. Пиотровским в нижнем слое городища Гяур-кала, древнего Мерва, А. И. Тереножкиным — на Афрасиабе, городище древнего Самарканда. Сходная керамика обнаружена была Р. Гиршманом при раскопках городища Нади Али в афганском Сеистане[1]. Приведем краткое, но выразительное описание этой керамики, данное Б. Б. Пиотровским[2]: «Основной формой рассматриваемой керамики была кружка без ручки с резким перегибом в нижней части, что даже по внешнему виду сближает эти сосуды с хорошо нам известными

[1] Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, стр. 35—41; см. также R. Pumpelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Washington, 1908, т. I, стр. 145; А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 152—169, особенно рис. 69 и 70, *3* и *4*; R. Ghirshman. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. RAA, XIII, 1939, стр. 10—22.

[2] Б. Б. Пиотровский Ук. соч., стр. 40.

скифскими горного и Северного Кавказа... Другая характерная форма сосудов этого времени — сосуды с сильно придавленным венчиком и резким перегибом в нижней части... Встречаются также и небольшие плоские чаши. Вся керамика имеет светложелтую поверхность и яркокрасный излом черепка». Создается впечатление, что Б. Б. Пиотровский описывает

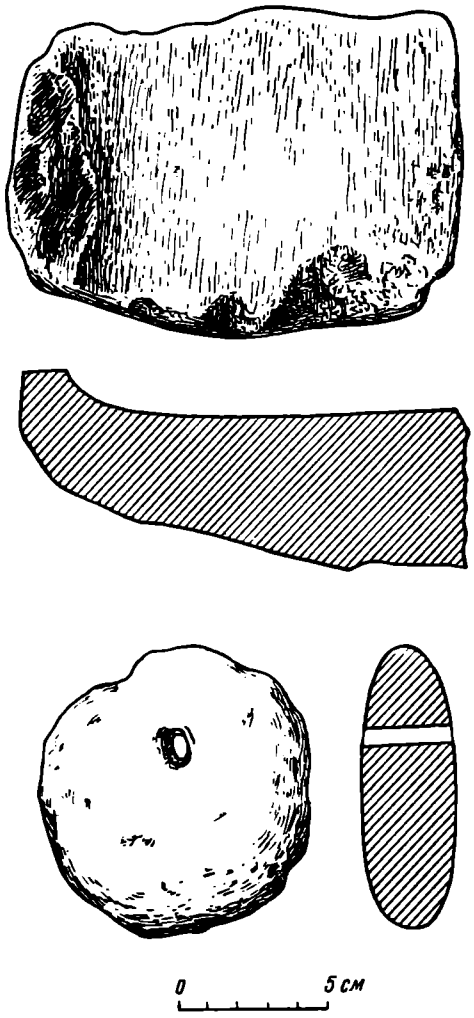


Рис. 3. Каменная зернотерка и глиняное грузило от ткацкого станка из жилого комплекса этапа Кобадиан I на городище Калаи Мир.

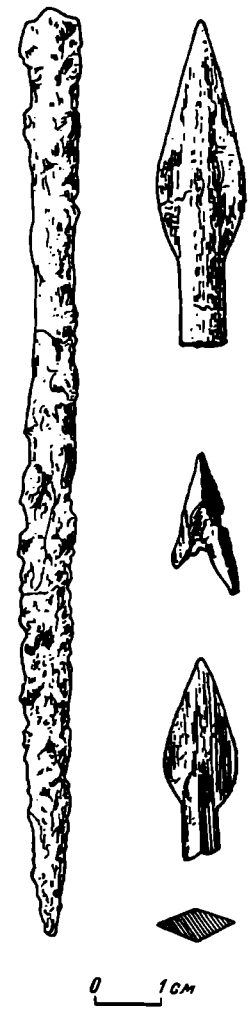


Рис. 4. Металлические изделия из жилого комплекса этапа Кобадиан I на городище Калаи Мир.

керамику из слоя Кобадиан I! Б. Б. Пиотровский датирует открытый им нижний культурный слой Гяур-калы второй четвертью первого тысячелетия до нашей эры. С этим слоем, несомненно, связан и бронзовый наконечник стрелы, найденный Б. Б. Пиотровским в старой траншее В. А. Жуковского и датируемый VII—VI вв. до н. э.[1]

А. И. Тереножкин так описывает находки, относящиеся к этапу Афрасиаб I, являющемуся древнейшим в Самарканде[2]: «...Они распространяются на всей площади городища Афрасиаб и, являясь самыми древними (как

[1] Там же, стр. 36, рис. 1.
[2] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 155.

это пока удалось выяснить), подстилают все другие культурные наслоения. Слои Афрасиаб I состоят из остатков жилых построек, сложенных из сырца и глины, и зольников с большим количеством обломков глиняной посуды ремесленного производства (основная масса) и кухонных котлов домашней работы.

Посуда ремесленного производства готовилась на круге и без круга (хумы), покрывалась беловатым ангобом и обжигалась в гончарных печах до бледнокрасного цвета. Сосуды представлены цилиндрическими и коническо-цилиндрическими формами и мисочками; в общем формы сосудов слабо дифференцированы, тяжеловесны и указывают на недавнее введение гончарного колеса».

Описание это показывает, что этот материал также почти идентичен с найденным на городище Калаи Мир в слое Кобадиан I. Датируется этот материал А. И. Тереножкиным VI—IV вв. до н. э.

Здесь необходимо привести еще очень важный материал из раскопок Д. Шламберже на городище древнего Балха (Бактр).

Раскопки древнего Балха были начаты А. Фуше еще в 1923 г. Но, поставленные совершенно неправильно методически, они ничего не дали. Фуше не смог разобраться в найденных им кладках и фрагментах посуды и, подталкиваемый к этому своими антинаучными, расистскими воззрениями, объявил, что древние Бактры никогда не были городом, а в лучшем случае являлись рефугиумом, местом убежища для окрестного полукочевого населения [1].

Работы были оставлены и возобновились лишь в 1947 г., когда теперешний руководитель французской археологической миссии в Афганистане Даниель Шламберже снова пытался исследовать древние Бактры.

Раскопки показали, что и Шламберже был не подготовлен к решению этой задачи. Он, судя по опубликованной им статье [2], совершенно не осведомлен в советской археологической литературе. А как известно, советская археология в Средней Азии сделала исключительные успехи, и вопросы классификации и датировки керамики у нас хорошо разработаны.

Начиная столь ответственные археологические работы, как раскопки Бактр, Шламберже даже не ознакомился с районом, не провел пробных стратиграфических раскопок на окрестных небольших тепе, не использовал даже опыт своего предшественника по руководству французской археологической миссией Р. Гиршмана, копавшего в Беграме [3]. Примененный им совершенно не научный метод зондажа колодцами, размером 1,5 × × 1,5 метра, окончательно запутал раскопщика. В столь тесных колодцах, достигавших порою 23-метровой глубины, нельзя было, конечно, разобраться в стратиграфии, строительные комплексы безжалостно прорезались, не было никакой возможности определить, находятся ли данные предметы в первичном или во вторичном залегании [4].

Немудрено, что при таком «методе» раскопок Д. Шламберже ни в чем не мог разобраться, и дальнейших публикаций по раскопкам Бактр не появлялось. Однако все фрагменты, опубликованные им в упомянутой статье и расположенные на таблицах в хаотическом беспорядке, могут быть определены и приблизительно датированы даже по рисункам и фотографиям. Наиболее древними из всех, опубликованных Д. Шламберже фраг-

[1] A. Foucher. La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. Paris, 1942, стр. 55—121.

[2] D. Schlumberger. La prospection archéologique de Bactres (printemps 1947) Rapport sommaire, Syria, XXVI, 1949, стр. 173 и след.

[3] R. Ghirshman. Bégram, recherches archéologiques et historiques sur les kouchans. MDAFA, t. XII, Le Caire, 1946.

[4] Д. Шламберже. Ук. соч., стр. 176—177.

ментов керамики, являются сосуды, изображенные на рис 6[1]. Они, несомненно, относятся к тому же времени, что и материалы Б. Б. Пиотровского и А. И. Тереножкина (Гяур-кала I и Афрасиаб I). Мы еще вернемся к этой керамике, которую условно будем называть Бактры I (рис. 5).

Таким образом, керамика из древнебактрийского комплекса городища Калаи Мир (Кобадиан I) весьма близка к керамике нижних слоев Гяур-калы и Афрасиаба, а также находит себе параллели в древнейшей керамике Балха и в керамике Нади Али в Афганском Сеистане. Керамика Гяур-кала I датирована Б. Б. Пиотровским второй четвертью первого тысячелетия до нашей эры (VIII—V вв.). Афрасиаб I датирован А.И. Тереножкиным VI—IV вв. до н. э. Следовательно, керамика Кобадиан I должна относиться к тому же времени (рис. 6).

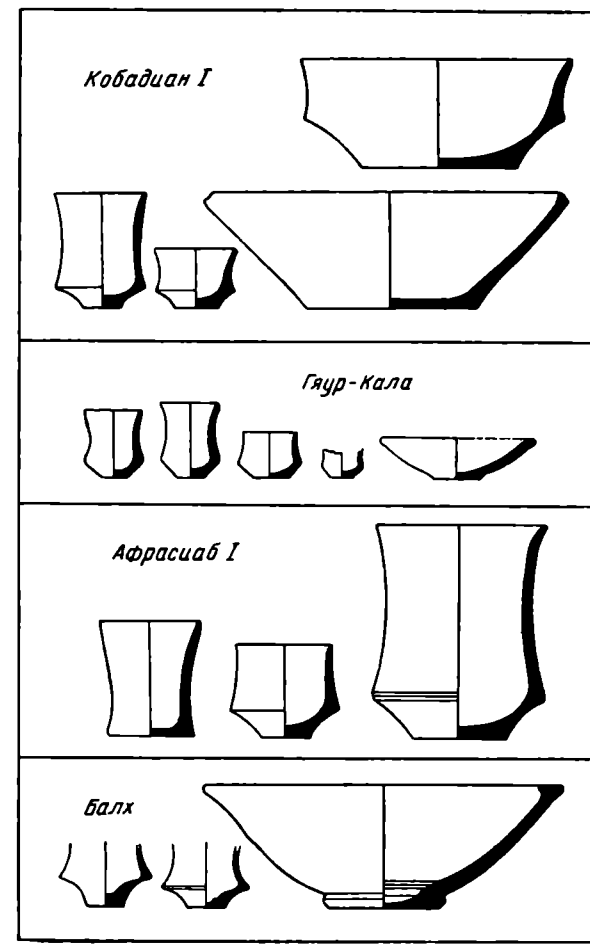


Рис. 5. Сравнительная таблица керамики второй четверти I тысячелетия до н. э. из различных пунктов юга Средней Азии

Дополнительные данные для датировки дают наконечники стрел, обнаруженные в помещении IV. Трехгранный втульчатый наконечник сильно разрушен, но листовидный дает ближайшую аналогию наконечнику, найденному Б. Б. Пиотровским в старой траншее В. А. Жуковского и датированному VII—VI вв. до н. э. Весьма архаичен и ромбический наконечник, который следует отнести к VII в. Можно с уверенностью сказать, что основной комплекс вещей Кобадиан I, равно как и возведение здания, относится именно к этому времени (VII—VI вв.). Возможно, что верхние наслоения в завалах комнат и, особенно, в помещении II относятся к более позднему времени (V — IV вв.?).

Рассмотрим теперь общий облик культуры людей, некогда населявших этот дом.

Дом стоял в поселении оседлых земледельцев, возделывавших землю, орошенную искусственными каналами. Это следует из того, что мы имеем здесь дело с явным оседло-земледельческим хозяйством, а земледелие в данном пункте возможно только при условии искусственного орошения. Вероятно, канал, и сейчас проходящий у стен городища, был проведен еще в те отдаленные времена.

---

[1] Д. Шламберже. Ук. соч., стр. 180. Быть может, к этому же этапу относится и сосуд, изображенный на рис. 7.

Из сельскохозяйственных орудий мы можем указать лишь на зернотерки, но среди находок этапа Афрасиаб I, чрезвычайно, как мы видим, близкого к Кобадиан I, имеется железный серп[1]. Железо встречено и нами в таких поделках, как большая игла с ушком и нож.

Состав домашних животных древних бактрийцев не может быть определен с достаточной точностью. Мы можем лишь с уверенностью говорить о наличии в стаде крупного и мелкого рогатого скота и верблюда. Кости лошади и собаки не обнаружены.

Это общество знало уже второе разделение труда[2], о чем свидетельствует наличие гончарной посуды, сделанной на круге быстрого вращения и очень хорошо выделанной. Ремесло, повидимому, заняло уже в обществе прочные позиции: выделанной на гончарном круге посуды очень много, она составляет подавляющее большинство домашней утвари. О развитии ткачества говорят находки чечевицеобразных грузил от ткацкого станка. Было ли ткацкое производство только домашним, или уже и ремесленным,— сказать пока невозможно. Железные и бронзовые изделия говорят о развитом кузнечном деле.

Остатки дома позволяют нам составить себе некоторое представление о строительной технике. Дом построен хорошо, кирпич добротной выделки, кладка правильная. В этот период, как видно, закладывались те строительные традиции, которые прожили затем до раннего средневековья. К сожалению, не удалось вскрыть этого жилища целиком. Бóльшая его часть безнадежно разрушена. Повидимому, помещение III было в основном предназначено для приготовления пищи. Там было найдено, как это уже указывалось, больше всего посуды, среди нее — некоторое количество «кухонной». Там же было обнаружено много золы от очагов и костей крупного и мелкого рогатого скота. Помещение IV носило совсем иной характер. Там не было очагов, там были найдены предметы вооружения и странные кружки, вырезанные из черепков от гончарной посуды.

Во всяком случае дом был большим и многокомнатным. Мы вскрыли лишь небольшую его часть (только одна внешняя стена) и то уже открыли, частично или полностью, восемь помещений. В таком доме могла жить большая патриархальная семья.

Что это время — VII—IV вв. до н. э. — действительно было временем создания ирригационного земледелия в долине Кафирнигана, следует из всей совокупности данных, полученных при археологических работах 1950—1952 гг. в южной части этой долины, и из параллельного материала других районов Средней Азии. Все городища и тепе этого района начали свою жизнь либо позднее этого времени (Кей-Кобад-шах), либо в это время (Калаи Мир, Мунчак-тепе).

Можно ли назвать это общество классовым? Оно не знает чеканенной монеты, но это далеко не обязательный признак. Как известно, раннерабовладельческие общества Месопотамии не знали денег в монетной форме. Однако товарное производство в этом обществе уже, несомненно, есть (многочисленная ремесленная керамика). До сих пор еще не найдено памятников письменности, относящихся к этому обществу, но исследование этого общества только еще началось, и потому отсутствие памятников письменности не может быть решающим моментом. Несомненно наличие развитой ирригационной системы, созданной уже железными орудиями[3], и поливного земледелия.

[1] А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 69, *2*.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, 1947, стр. 139.

[3] Судя по всему, железо было уже широко распространено в рассматриваемый период.

Очень важным моментом, выводящим нас за пределы маленького района нижнего течения Кафирнигана, является подмеченный нами факт, что три крупнейших города, три знаменитейших культурных центра Средней Азии — Самарканд — Мараканда, Мерв — Марга и Балх — Бактры — возникают как города именно в то время.

Мне кажется, заслуга А. И. Тереножкина, установившего, что слои этапа Афрасиаб I «распространяются на всей площади городища Афрасиаба и, являясь самыми древними, ...подстилают все другие культурные наслоения»[1], исключительно велика. Однако вряд ли можно с ним согласиться, когда он говорит, что Самарканд сложился «как огромный город,

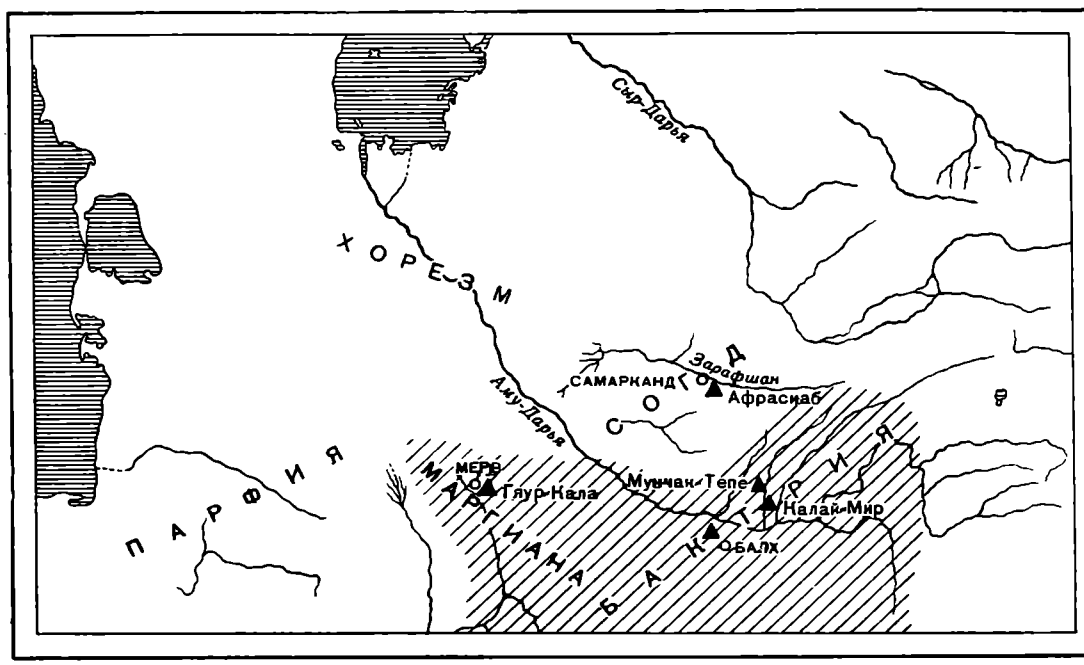


Рис. 6. Карта находок памятников второй четверти I тысячелетия до н. э. на территории южной Средней Азии

повидимому, в результате закономерной трансформации обширнейшего родового поселения той более древней стадии, которую здесь еще не удалось выявить археологическим путем». Это гипотетическое поселение вряд ли удастся когда-либо «выявить археологическим путем». Его просто не было. И, конечно, неправ А. И. Тереножкин, когда, вслед за С. П. Толстовым, хочет вывести древний среднеазиатский город из «городища с жилыми стенами», древней «вары». Если даже существование «городищ с жилыми стенами» и будет подтверждено археологическими раскопками, то города рабовладельческой поры из них никак не получится.

М. Е. Массон, рассматривающий раннюю историю Самарканда совсем с иных позиций, чем А. И. Тереножкин, признает глубокую древность города, хотя и не затрагивает вопроса о его создании. «Во всяком случае,— пишет М. Е. Массон, — для 328 года запечатлен конец одного из древнейших этапов в жизни Самарканда, безусловно существовавшего в эпоху Ахеменидов в виде крупного городского поселения»[2].

[1] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 155.

[2] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 158.

Б. Б. Пиотровский своими работами на Гяур-кале — городище древнего Мерва — с полной ясностью доказал, что «...наиболее ранним для Старого Мерва слоем являлся слой, соответствующий верхнему слою южного кургана в Анау (Анау IV), который следует датировать второй четвертью I тысячелетия до н. э.»[1]

Этот вывод Б. Б. Пиотровского полностью признал и М. Е. Массон, сообщивший нам также одно чрезвычайно важное наблюдение, которое имеет решающее значение при определении древности города. Говоря о плане городища, М. Е. Массон указывает на наличие скоса стены в северо-западном углу городища: «Наличие скоса, равно как и неправильность линии стены западного фаса Гяур-калы объясняется тем, что снаружи к моменту ее возведения уже протекал один из крупных каналов Мерва — Разик»[2]. Если даже считать, что стена города была воздвигнута Александром или Селевкидами (конец IV в. — начало III в. до н. э.), то и тогда канал Разик должен уже относиться к середине первого тысячелетия до н. э. Однако есть все основания предполагать, что македонцы лишь воспользовались уже существовавшим поселением. Что же касается цитадели Гяур-калы—Эрк-калы, то существование там укрепленного поселения в первой половине первого тысячелетия доказано археологически.

В свете новых данных по исторической топографии Самарканда и Мерва и раскопок в Кобадианском оазисе совсем в ином свете предстает перед нами и ранний этап жизни третьего крупнейшего городского центра Средней Азии — Балха[3]. Несмотря на всю недостаточность сведений, представленных нам отчетом Д. Шламберже, можно с полным основанием предположить, что и древние Бактры возникли в тот же период, что и Самарканд и Мерв, т. е. в первой половине первого тысячелетия до нашей эры, в то время, когда в бассейнах больших притоков Аму-Дарьи создавались крупные ирригационные системы и слагались первоначальные антагонистические классовые отношения.

Историки Александра рисуют нам для последних десятилетий IV в. до н. э., т. е. для конца рассматриваемого нами периода, общество Бактрии, как классовое. Материальная культура VII—VI вв. до н. э., вскрытая археологическими раскопками в Мерве, Самарканде, Балхе, Кобадиане, позволяет нам составить себе некоторое представление об обществе, находящемся на грани образования в нем антагонистических классов. В период с VII в. по IV в. до н. э. создаются и начинают развиваться земледельческие оазисы в бассейнах больших среднеазиатских рек. Это явилось предпосылкой для сложения там классового общества. Начало этого процесса мы и попытались продемонстрировать на рассмотренном нами археологическом материале.

Раз в земледельческом обществе в оазисах Средней Азии уже развивались классовые противоречия, раз в этом обществе существовало уже товарное производство, начатки городской жизни с ремеслом, а следовательно, и торговлей,— то мы вправе ожидать найти там и ранние формы государственности. Однако данных об этом у нас недостаточно. Думается, что крупных государственных объединений тогда в Средней Азии еще не было, границы первоначальных государств, вероятно, совпадали с границами ирригационных систем и орошенных ими земель.

---

[1] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 41.

[2] М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 92.

[3] Д. Шламберже. Ук. соч., рис. 6.

В заключение вернемся к данным одного из письменных источников, упомянутого в самом начале настоящей работы, а именно Авесты.

Выше мы говорили, как трудно пользоваться данными Авесты из-за неразработанности критики текста этого сочинения и отсутствия точных данных о времени создания как памятника в целом, так и отдельных его частей. Сейчас было бы полезно сравнить данные Авесты с данными археологии и попытаться, таким образом, уточнить некоторые сведения этого исключительно ценного, но очень трудного источника. Быть может, пользование им в дальнейшем будет облегчено именно благодаря тому свету, который прольют на раннюю историю народов Средней Азии раскопки советских археологов.

Известно, что древнейшие части Авесты — метрические Гаты, занимающие значительную часть богослужебной книги — Ясны (главы 28—56), а также прозаическая Ясна Семи Глав и некоторые другие фрагменты, относились исследователями к самым различным периодам, однако наиболее вероятным временем создания Гат считались VIII—VII вв. до н. э., и лишь теми, кто считал Заратуштру историческим лицом и современником Дария, Гаты, естественно, относились к концу VI в. до н. э. Однако, как указывалось выше, никем не опровергнута и та точка зрения, которая относит древнейшие части Авесты ко второму тысячелетию. Не буду здесь останавливаться на крайне тенденциозной точке зрения Дарместетера, который относит Гаты и Авесту в целом к еще более позднему времени.

Ценные сведения по общественной жизни древних среднеазиатских племен[1] дают, в основном, не Гаты и другие литургические тексты, а Вендидад = Видэвдат, который в том виде, как он до нас дошел, написан значительно позднее Гат. Ценные сведения, иногда в виде вскользь брошенных намеков, имеются и в таких текстах, как Яшты; особенно нам важны древнейшие Яшты — 10, 13, 19.

В свое время В. Гейгер сделал попытку собрать воедино все сведения об общественной жизни, быте, религии и нравах древних среднеазиатских племен по данным Авесты. Сейчас его книга уже устарела, и нам ясно виден его во многом тенденциозный, модернизаторский подход к материалу Однако собранный Гейгером материал, почерпнутый из р а з н ы х частей Авесты, дает нам удивительно однородную картину общества. Лишь некоторые моменты в «младшей Авесте» могут считаться возникшими в более позднее время. Это означает, что те части Авесты, которые дошли до нас в более позднем изводе («младшая Авеста»), все же повторяют какие-то старые, утраченные традицией части и рисуют нам состояние общества не к моменту составления извода, а к моменту первоначального сложения того или иного гимна, сказания или установления.

Каковы же основные особенности общества, рисуемого нам Авестой, по сравнению с древнебактрийским обществом, как оно выявляется раскопками в Кобадианском оазисе?

Общество это знает пастушеское скотоводство и земледелие, но пастушество, особенно в Гатах, играет более важную роль в жизни этих племен, чем земледелие. Искусственное орошение известно, однако все упоминания оросительных каналов находятся в Видэвдате и поэтому, вероятно, должны быть отнесены к более позднему времени[2]. По языку они также относятся к «младшей Авесте».

---

[1] Я считаю доказанным среднеазиатское происхождение Авесты. См. работы советских ученых В. В. Струве, С. П. Толстова и других.

[2] Оросительный канал в «младшей Авесте» называется *vaiδi-*, ср. ваханское и сарыкольское *vāδ*, шугнанское *vēδ*. Известное в «младшей Авесте» слово *urūδi-*, вероятно,

Некоторые орудия труда, связанные с земледелием, упоминаются, но снова в Видэвдате[1].

Авеста почти не знает ремесла. Гейгер, подходивший к материалу предвзято, со стремлением модернизировать общественную жизнь племен, рисуемую Авестой, все же не мог найти никаких положительных данных о существовании в этом обществе ремесла, отделившегося от земледелия[2].

Гончарные печи упоминаются в Видэвдате (8,84—85), но о круге нигде нет речи. Ткачество упомянуто лишь вскользь.

Очень существенным является отсутствие, по существу, упоминания в Авесте железа и железных орудий, на что обратил внимание еще Гейгер[3]. Существующие в языке «младшей Авесты» слова *ayah-*, *ayaŋh-*, *ayaŋhaēna-*, переводимые, как «железо», «железный», могут обозначать бронзу[4]. Гейгер напоминает, что в ведийском слово *ayas* означает не железо, а бронзу[5]. Гейгером же подмечено, что все эпитеты, прилагаемые в Авесте к оружию, скорее должны относиться к меди и бронзе, чем к железу[6]. Так, в древних Яштах, особенно в десятом (Михр-Яшт), встречаются такие эпитеты, как «желтый» (*zairi-*), «золотой» (*zaranaēna-*)[7]

Уже из приведенного перечня ясно, что древнебактрийское общество, о котором мы узнаем благодаря раскопкам в Кобадианском оазисе, было значительно более развитым, чем рисуемое нам Авестой, во всяком случае ее древнейшими частями[8]. Древнебактрийское общество уже знает развитое ремесло, широко пользуется железом для изготовления орудий. Наличие в это время поселений городского типа, вроде Мерва, Балха и Самарканда, также свидетельствует о том, что данные Авесты должны относиться к более раннему времени. Таким образом, археологические материалы, как кажется, указывают нам, скорее всего, на то, что общество, рисуемое Авестой,— а следовательно, и ее древнейшие части,— должно относиться ко времени не позднее начала первого тысячелетия до н. э.

Изложенные мною соображения во многом еще являются гипотетическими. Исследование земледельческих культур Средней Азии в первой половине первого тысячелетия до нашей эры только началось. Однако уже сама постановка затронутых в этой статье вопросов будет способствовать развитию целеустремленных работ в области изучения раннеклассового общества Средней Азии.

обозначает естественный поток (см. Видэвдат, 5,5; 6,2; 13,38; 12 и др.). Древнеперсидский язык ахеменидских надписей также имеет слово для обозначения оросительного канала — *yauviyā-*.

[1] Видэвдат, 3,32; 17,3 и др.

[2] W. Geiger. Ук. соч., стр. 388.

[3] Там же, стр. 147—148.

[4] Недаром осторожный Бартоломэ склонен переводить эти слова, как «металл, металлический». См. Altiranisches Wörterbuch, s. v.

[5] W. Geiger. Ук. соч., стр. 148. В санскрите есть прилагательное āyasa- со значением «железный, бронзовый». См. C. Capeller. Sanskrit-Wörterbuch, Strassburg, 1887, стр. 45.

[6] W. Geiger. Ук. соч., стр. 148.

[7] Яшт 10,96 и 10,132.

[8] Это же относится и к обществу древнемаргианскому и древнесогдийскому.

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

СКИФЫ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК

(Доклад на Конференции по скифо-сарматской археологии)

За последние годы археологами Закавказья обнаружено значительное количество памятников, отмечающих проникновение на эту территорию в VII—VI вв. до н. э. скифов. Они обнаружены не в каком-нибудь одном, локально ограниченном районе, а на всем пространстве Закавказья, от Черного до Каспийского моря.

В Абхазии скифские памятники стали известны по находкам М. Трапша в сел. Куланурхва Гудаутского района и недавним раскопкам А. Н. Каландадзе около Сухуми. В Грузии большое количество скифских предметов дали исследования могильника у сел. Двани (раскопки С. И. Макалатия) и знаменитого могильника Самтавро, около Мцхета. Могильники по р. Дебед и на склонах горы Арагац также содержат ряд скифских предметов, особенно — характерных бронзовых наконечников стрел. В восточном Закавказье богатые комплексы скифских памятников дали раскопки Мингечаурского могильника[1].

Скифские памятники Северного Кавказа, изученные А. А. Иессеном и Е. И. Крупновым, также показывают их широкое распространение на северных склонах и предгорьях Кавказского хребта. Существование многочисленных перевалов, связывавших в древности Северный Кавказ с Закавказьем, обеспечивало проникновение скифов в Закавказье не через ограниченное число путей, а на широкой территории; этим, вероятно, и следует отчасти объяснить резкое отличие западных скифских памятников Закавказья от восточных, например, различие скифских предметов из Самтавро и из Мингечаура, которые не могут быть объяснены только разницей по времени. Несомненно, Самтаврский могильник отмечает проникновение западных скифских племен, а Мингечаурский — восточных.

Большой материал, характеризующий связи скифов с Закавказьем, дали раскопки урартского административного центра Тейшебаини (Кармир-блур). Мы хорошо знаем, что он был разрушен скифами в начале VI в. до н. э., но, с другой стороны, археологические материалы

---

[1] М. Трапш. Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва. Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории, XXIV, 1951, стр. 325; С. И. Макалатия. Раскопки Дванского могильника. СА, XI, 1949, стр. 225; С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, I. Баку, 1949; Г. И. Ионе. Археологические раскопки в Мингечауре. Доклады Академии наук Азерб. ССР, сер. II, 1946, № 9; Б. Пиотровский. Археология Закавказья. 1949, стр. 114—131.

свидетельствуют о тесных взаимосвязях урартов со скифами и при жизни этого центра.

В кладовых цитадели Тейшебаини были обнаружены бронзовые втульчатые наконечники стрел скифского типа, употреблявшиеся урартами наряду со своими железными листовидными, имеющими черешок для насадки древка. Среди бус в урартских ожерельях встречаются типичные скифские пастовые полушаровидные бусы с рубчиками, характерные как для Северного Кавказа, так и для Приднепровья.

Большой интерес представляют и роговые скифские изделия, найденные на Кармир-блуре. При раскопке главных ворот цитадели, внутри них, была обнаружена «комната привратника», сохранившая свою обстановку. На полу около лежанки, сложенной из сырцовых кирпичей, были найдены два больших оленьих рога. Тут же лежали кусок рога, обработанный в виде рукоятки ножа, и небольшая головка грифона с бараньими рогами, имеющая внизу выступ с отверстиями для скрепления этой головки с другими частями предмета[1] (рис. 1). Принадлежность этой вещицы к числу образцов скифского искусства очевидна, особенно при сравнении ее с роговыми предметами из Келермесских курганов, а также из скифских курганов, раскопанных у с. Смелы.

Рис. 1. Роговая головка грифона из раскопок на Кармир-блуре.

Назначение головки грифона, найденной в «комнате привратника», не вполне ясно; она носит следы потертости от долгого употребления и, вероятно, предназначалась в качестве модели для изготовления подобной же фигурки из рогов, находившихся около лежанки. В 1950 г. была найдена другая головка грифона из рога, служившая уже, несомненно, пряжкой для перекрестия ремней, совершенно совпадающей с такими же пряжками из Келермесских курганов.

В одном из помещений цитадели (№ 15) около распиленных железной пилкой, лежавшей тут же, роговых заготовок, среди изготовленных предметов, лежала головка грифона, отличающаяся от приведенных выше отсутствием рогов[2]. Я уже указывал на то, что образ грифона в архаическом скифском искусстве появился под влиянием древневосточного искусства и искусства Малой Азии. В Ассирии и Урарту грифон определенно выступает одним из распространенных мифических и художественных образов. Вероятно, через Закавказье он перешел к скифам, в скотоводческом обществе которых претерпел некоторые формальные изменения — непонятные длинные загнутые уши, характерные для грифона в Средиземноморье, были заменены рогами и, таким образом, рогатый грифон стал типичным для скифского искусства. На Кармир-блуре оказались оба типа грифонов.

Скифские конские уборы, найденные при раскопках Тейшебаини, дают три различных типа[3] (рис. 2). На костяке лошади, погибшей при штурме цитадели, были обнаружены остатки убора — дисковидный серебряный фалар с полушаровидной выпуклостью в средней части и четыре

[1] Б. Пиотровский. Скифы в Закавказье. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, 1949, стр. 187.

[2] Б. Пиотровский. Кармир-блур, I, 1950, стр. 96.

[3] Б. Пиотровский. Скифы в Закавказье, рис. 1; его же. Кармир-блур, I, рис. 61 и 62.

бронзовые пряжки для ремней: две в виде птичьего клюва с весьма стертым стержнем и две другие в форме трехлопастной свастики.

Второй убор, найденный в куче металлических вещей в углу винной кладовой (№ 25), состоял из железных удил, железных же псалий удлиненной формы с загнутыми концами и тремя отверстиями на стержне и четырех массивных пряжек для ремней: три пряжки в форме птичьего клюва, а четвертая — в виде головки барана, наподобие роговых пряжек.

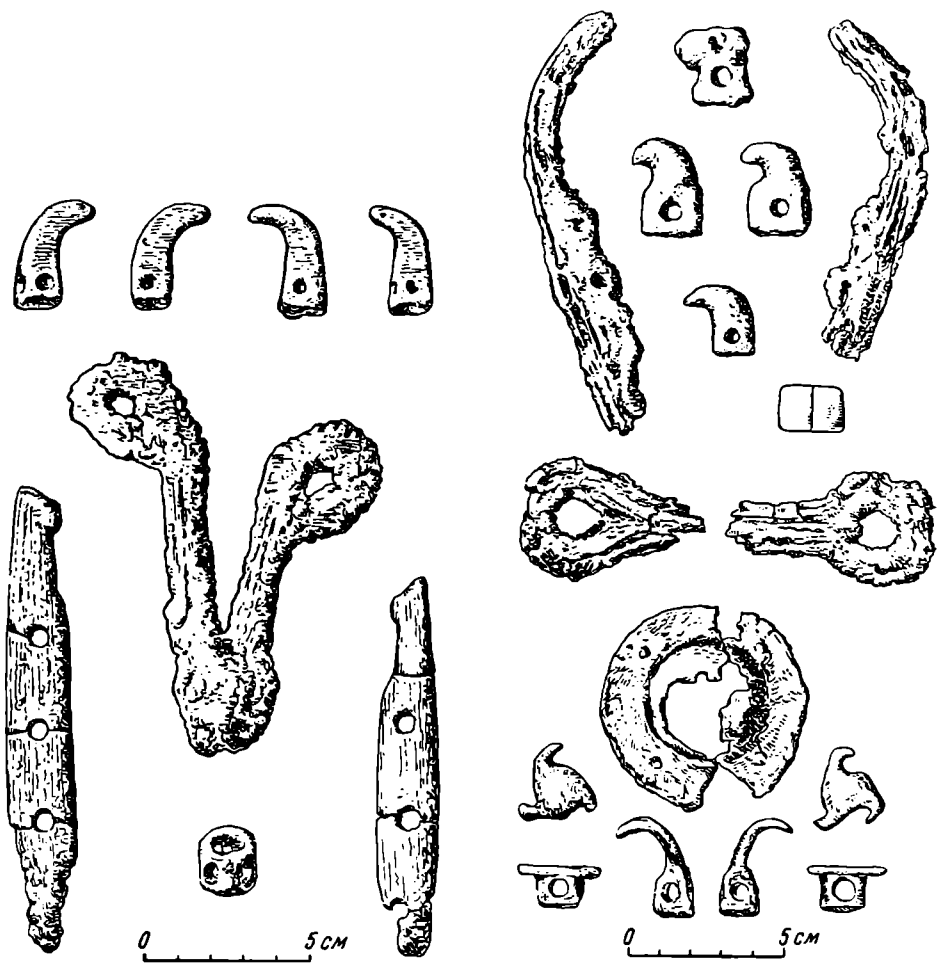


Рис. 2. Конские уборы скифского типа из Тейшебаини (Кармир-блур).

Третий убор, найденный в помещении № 18, отличался от двух приведенных. Он состоял из железных удил, костяных пластинчатых псалий и четырех пряжек в виде птичьего клюва, отличающихся отсутствием кубического основания. Пластинчатые псалии дошли в обгоревшем виде, сохранились только копытца на нижних их частях, головы же животных на верхних концах, к сожалению, погибли от огня.

Последний конский убор, найденный при раскопках Кармир-блура, представляет особый интерес. Подобные уборы с пластинчатыми псалиями не характерны для скифов Прикубанья и Северного Кавказа и имеют широкое распространение в Приднепровье. Повидимому, оттуда этот конский убор и был доставлен в Тейшебаини. Установление таких связей не является для археологов неожиданностью. В с. Подгорцы, около Киева, был найден клад металлических предметов, в котором оказался бронзовый

лояс с гравировкой закавказского типа. В раннескифских курганах на Украине были найдены отдельные предметы, проникавшие туда с Кавказа или через Кавказ. Таким путем, видимо, попала ассирийская цилиндрическая печать из халцедона с изображением лошади и эмблемы бога Ашура, обнаруженная в одном из курганов у с. Смелы Киевской области. У Канева и с. Жаботин, также в Киевской области, в курганах VI в. до н. э. были найдены сосуды, несомненно, кавказского происхождения, склепанные из листовой бронзы с расширенным венчиком и двумя литыми ручками в форме головок хищников. Такие сосуды, ставшие предметом специального исследования Е. И. Крупнова, встречаются на Кубани, в значительном числе в горных районах Северного Кавказа и в незначительных экземплярах в центральном и восточном Закавказье, доходя до урартского могильника около Игдыра, на северном склоне Арарата. Обломки подобного же сосуда с литыми ручками были обнаружены и в кладовой № 25 на Кармир-блуре.

Проникновение закавказских металлических изделий, бронзовых и железных, в район Посулья, в лесные районы Скифии было отмечено В. А. Ильинской при исследовании архаических памятников этого района[1]. Там был обнаружен бронзовый топор кобанского типа и ряд северокавказских и закавказских бронзовых и железных предметов. Это обстоятельство, именно наличие находок кавказских предметов на окраине распространения скифской культуры, при их незначительном количестве в центральной части, вполне понятно. В архаический скифский период, в VII в. и в начале VI в. до н. э. местная сырьевая база скифской металлургии была еще слаба, не могла полностью обеспечить потребности в железе и бронзе. В это время металл в значительном количестве поступал в области Северного Причерноморья извне как с запада из Фракии и Семиградья, так и с востока — через Кавказ. Металл обычно поступал в виде готовых изделий, которые в центральных районах скифской культуры сразу же переплавлялись в скифские предметы, а на окраинах, где металлургия была слабее развита, эти кавказские изделия, поступившие как сырье, продолжали употребляться как орудия и оружие и не подвергались переплавке.

Связь скифов с урартскими центрами в Закавказье, в частности с Тейшебаини, в VII и VI вв. до н. э. была основана, главным образом, на обмене металла. Скифы получали из закавказских центров бронзу и особенно железо, которое, в свою очередь, поступало в Закавказье из Урарту. Теперь хорошо известно, что формы закавказских железных изделий теснейшим образом связаны с урартскими. Бронзовые изделия Закавказья имеют самобытные, на Кавказе возникшие и развившиеся формы, а железные первоначально копировали урартские, если не являлись привезенными из Ванского царства. Изготовление из железа орудий типа закавказских бронзовых относится к более позднему времени, к тому периоду, когда на базе местных месторождений железа возникла уже собственная металлургия Закавказья.

Урартский административный центр Тейшебаини, документирующий постоянные связи урартов и скифов в VII—VI вв. до н. э., является центром второго периода урартской истории, заменившим более ранние, упраздненные в конце VIII в. до н. э. центры. Те ранние центры еще не исследовались, но я не сомневаюсь в том, что и они будут отмечать тесные связи населения Северного Причерноморья с Закавказьем. Эти связи еще до

[1] В. А. Ильинская. Памятники скифского времени Посулья. Автореферат диссертации. Киев, 1949, стр. 7.

основания Тейшебаини были настолько тесными, что киммерийцы и скифы не ограничивались лишь обменом с урартами на закавказской почве, но и проникали за пределы Закавказья на периферию древневосточных государств — Урарту и Ассирии. Такие продвижения были частыми и особенно усилились в период ослабления Урартского государства в 30-х годах VIII в. до н. э. Об этом кратко, но весьма определенно, рассказывают древневосточные письменные источники.

В ассирийских клинописных текстах второй половины VIII в. до н. э. впервые встречается упоминание народа гимирра — киммерийцев античных источников, появившегося на севере Передней Азии и в приурмийском районе, в частности в стране Мана.

Среди табличек ниневийского клинописного архива сохранились письма разведчиков, осведомлявших ассирийских царей о событиях, происходивших в соседних странах. Немалое внимание в этих письмах уделялось стране Урарту, которая после поражения, нанесенного ей Тиглатпаласаром III в 735 г. до н. э., стала снова подниматься[1].

Ряд донесений о положении в Урарту относится ко времени правления урартского царя Руса, сына Сардури, и связан с подготовкой ассирийского похода 714 г. до н. э., но одно из писем, наиболее раннее, упоминает имена урартского царя Сардури и мусасирского правителя Урзаны. В нем некий Арад-Син сообщает о том, что «киммериец этот (начальник киммерийского отряда) вышел из [страны ма]неев и в Урарту вступил»[2]. Письмо Арад-Сина является первым свидетельством о пребывании киммерийцев в стране Мана.

В донесениях, относящихся ко времени Руса, сына Сардури, неоднократно упоминается неудачный поход урартов против киммерийцев, но в данном случае не в Приурмийский район, а в восточную часть Каппадокии, которая у армян долго продолжала именоваться страной Гамир-к.

Ассирийский агент Ашуррисуа, от которого дошло много писем, осведомлявших Саргона о событиях в Урарту, в одном из своих донесений писал, что «Гурианния — область между Урарту и страной Гамирра. Она платит дань урартскому царю»[3]. Отожествление упоминаемой в этом письме страны Гурианнии с Куриани урартских текстов подтверждает предположение о том, что страна Гамирра находилась к северо-западу от Ванского царства, вероятно, в восточной части Каппадокии.

Сохранилось письмо Синахериба его отцу Саргону, в котором ассирийский наследник приводил сводку сведений о положении в Урарту, полученных от разных лиц[4]. Сообщения из страны Уккая и от правителя города Халсу Набули рассказывали о неудачах урартов при походе в страну Гамирра. В другом письме Синахериб сообщал сведения, полученные через Ашуррисуа от Урзаны мусасирского, касающиеся поражения урартского войска во время похода против киммерийцев и гибели правителя области Уаси.

Указанные письма были написаны до восьмого похода Саргона, снаряженного в 714 г. до н. э., и относятся к тому времени, когда Саргон внимательно следил за действиями своего противника—Руса, сына Сардури. Мы знаем, что в осведомлении ассирийцев мусасирский

[1] L. Waterman. Royal correspondence of the Assyrian Empire, I—IV. University of Michigan Studies, XVII—XX, 1930—1936; Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 104—117 и стр. 295—298. (Перевод текстов дается по изданию И. М. Дьяконова — Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, вып. 2 и 3, приложения).

[2] ВДИ, 1951, № 2, стр. 389 (№ 50,8).

[3] Там же, стр. 341 (№ 50,11).

[4] Там же, стр. 340 (№ 50,10).

правитель Урзана, выступивший впоследствии против Ассирии, играл немалую роль.

Проникновение киммерийцев через Закавказье в Переднюю Азию было связано с ослаблением, после поражения 735 г. до н. э., урартской власти на периферии государства. Реформа управления странами Закавказья, проведенная царем Руса, с заменой старых административных центров новыми, была, повидимому, вызвана не только стремлением ослабить чрезмерно усилившихся наместников, но и тем, что эти наместники не противодействовали продвижению киммерийцев. Если бы урартские центры оказали сопротивление киммерийцам, то они были бы подвергнуты разрушению и разграблению, а мы знаем, что сокровища кладовых, упраздненных царем старых урартских центров, были перенесены во вновь созданные административные центры. При Синахерибе Ассирия не вела крупных боевых действий против Урарту, несмотря на то, что урартская граница проходила всего на расстоянии 70 километров от Ниневии, за горою Тас[1], где Синахериб проводил работы в связи с постройкой канала для снабжения своей столицы питьевой водой. Ассирийские анналы упоминают только успешный поход против уккийцев, находившихся под властью урартов; киммерийцы в текстах Синахериба не упоминаются.

В конце 681 г. до н. э. Синахериб был убит во время мятежа своим сыном и его убийцы, согласно библейским сведениям, бежали в Урарту, повидимому, в страну Шуприю. Асархаддону, сыну Синахериба, вступившему на ассирийский престол, в первые годы своего царствования пришлось выдержать набег киммерийцев. «[Кимм]ерийцы пошли на Ассирию и были в Ассирии перебиты»,— рассказывает один вавилонский текст[2].

Асархаддону и Ашурбанипалу приходилось вести постоянную борьбу с киммерийцами. В Передней Азии известны два района длительного пребывания киммерийцев, один в Каппадокии, другой в стране Мана, на юге озера Урмии.

Можно полагать также, что киммерийцы входили в состав наемных войск ассирийской армии. Во всяком случае один деловой документ, относящийся к продаже огорода в Ниневии и датированный 679 г. до н. э., среди свидетелей называет ассирийца Ишди-Харрана «начальника полка киммерийского»[3].

Среди вопросов Асархаддона к богу Шамашу сохранился один текст, отражающий тревогу царя за северные окраины Ассирии[4]. Царь спрашивал своего бога — осуществляются ли замыслы Урсы (Руса), правителя Урарту, или народа гимирра? «Двинутся ли они в поход, на войну, на бой, в битву, чтобы убивать, грабить и захватывать, в страну Шуприа, будь то на город Пуму или на Куламери, будь то на другие крепости Шуприа?» Повидимому, здесь речь идет о союзе киммерийцев с урартами, о чем упоминают и другие тексты Асархаддона. Киммерийцы, совершавшие набеги на северные границы Ассирии, представляли опасность и для северо-западных районов, прикрывавших выход к Средиземному морю. Анналы Асархаддона сообщают: «Теушпу киммерийца,— умман ма́нда, чье место отдаленно (т. е. из далекой страны), я поразил оружием вместе со всем его войском в земле страны Хубушна»[5]. Основываясь на термине «умман ма́нда», т. е. «войско ма́нда», некоторые исследователи считали киммерийца Теушпу мидийским военачальником. Но совершенно ясно, что не

[1] ВДИ, 1951, № 3, стр. 214 (№ 60).
[2] Там же, стр. 215 (№ 63).
[3] Там же, стр. 217 (№ 66).
[4] Там же, стр. 223 (№ 68, *а*).
[5] Там же, стр. 216 (№ 65).

во всех случаях термин «умман манда» означал «войско мидян» и часто в своем значении он объединял мидян с другими разнообразными кочевыми отрядами, как киммерийцами и скифами, а в позднее время, особенно в VII в. до н. э., он применялся чаще всего именно для обозначения этих кочевых отрядов, игравших важную роль при распадении Ассирийского царства.

Война ассирийцев с киммерийцами в районе Средиземного моря при Асархаддоне не была еще такой острой, как позже, и особое внимание ассирийцам приходилось обращать на киммерийские отряды, находившиеся в приурмийском районе. Относительно этой борьбы до нас дошло значительное число интересных документов. Во время гадания Асархаддон спрашивал своего бога: «Шамаш, великий владыка, на то, о чем я тебя вопрошаю, дай мне верный ответ: с этого дня, с третьего дня месяца Айару, до одиннадцатого дня месяца Абу, на сто дней и сто ночей — установленный срок совершения гадания — будь то Каштарити с его войском, будь то войско киммерийцев, будь то войско манеев, будь то войско мидян, будь то какой бы то ни было враг, — захватят ли они этот город Кишассу, войдут ли в этот город Кишассу, покорит ли этот город Кишассу рука их, будет ли причислен он к их владениям?»[1]

Киммерийцы в стране Мана особенно беспокоили ассирийцев. Среди табличек Ниневийского архива имеется письмо некоего Белушезиба Асархаддонну, извещавшее о злодеяниях киммерийцев: «Хотя царь писал своим войскам — вступайте в страну манеев,— но все войско не должно вступать туда..., а что до киммерийцев, которые говорили,— манеи остаются у вас, мы удержим наши стопы (т. е. не будем вторгаться), — то, конечно, это ложь; разве они не семя беглых, не знающих клятвы богами и присяги? Колесницы и повозки пусть встанут по сторонам на перевале...»[2]. В письме дается совет устроить засады на перевалах и предсказывается изгнание киммерийцев из страны Мана.

Из того же архива происходит очень плохо сохранившееся письмо Ашурбанипала его отцу Асархаддону, в котором царевич приводил сведения, полученные им о киммерийцах.

Тщательную организацию разведки характеризует письмо некоего Ашурушаллима[3], в котором писалось: «Относительно охранной службы, которая учреждена против укреплений Урарту, страны манеев, Мидии и Хубушкии, как писал царь, господин мой,— дай приказ им, между их глазами смеряно. Не пренебрегайте вашей службой, и пусть их внимание будет обращено на перебежчиков, что вокруг них. Как только перебежчик перебежит к ним из страны манеев, из Мидии, из Хубушкии, быстро ты должен передать его гонцу и послать его к царевичу. А если у них есть сообщение, то ты должен заблаговременно сказать царевичу, известий от себя не задерживай...».

Но, кроме киммерийцев, в стране Мана были и скифы — «ашгуза» (анналы) или «ишкуза» (оракулы). В анналах Асархаддона, где рассказывается о поражении киммерийца Теушпы, имеется следующий текст: «Я — рассеявший людей страны манеев, неусмиренных кутиев, который побил оружием войско Ишпака, скифа, союзника не спасшего их».

Среди вопросов к богу Шамашу имеется такой текст: «В этот установленный срок войско скифов, которые живут в области страны манеев и которые пришли на границу страны манеев, задумывают ли они, замышляют

[1] ВДИ, 1951, № 3, стр. 226 (№ 68, *2*).
[2] Там же, стр. 231 (№ 69, *2*).
[3] Там же (№ 69, *1*).

ли они, выйдут ли они через перевалы Хубушкии к городам Хараниа и Анисускиа? Разграбят ли, полонят ли многочисленную добычу, тяжкий полон с границ Ассирии?»[1] Из этого текста мы узнаем, что в то время скифы были в районе озера Урмии, где, согласно приведенному письму Белушезиба, находились также киммерийцы.

Отрывочные и случайные сведения ассирийских клинописных источников кратко, но достаточно определенно отмечают то большое, главным образом, разрушительное влияние, которое имели с конца VIII в. киммерийцы и скифы. Это же отмечают и античные писатели, особенно Геродот и Страбон.

Противники Ассирии, урарты и мидийцы, искали в них себе союзников, но и ассирийцы, в свою очередь, всячески старались склонить киммерийцев и скифов на свою сторону.

Среди табличек оракулов имеется один текст, в котором Асархаддон спрашивал бога Шамаша о том, будет ли царь скифов («царь страны ишкуза») Партатуа соблюдать дружбу, если Асархаддон, согласно его просьбе, переданной через посла, выдаст за него замуж свою дочь[2].

При Ашурбанипале борьба с киммерийцами продолжалась. Повидимому, они находились в союзе с урартами, о чем упоминает гимн богу Ашуру, написанный собственноручно Ашурбанипалом: «Также и урарты, горцы гордые, с умман манда, коварным врагом, ведут козни, великую мерзость для тебя постоянно делают»[3]. Этот союз урартов с кочевыми племенами, называемыми по старой памяти киммерийцами, а также со скифами, отчетливо вырисовывается данными раскопок на Кармир-блуре.

Киммерийцы на северных границах не тревожили ассирийцев, они действовали особенно активно в западной части Малой Азии. В анналах Ашурбанипала рассказывается о победе мидийского царя Гуггу (Гигеса), который «моих предков не боялся и мои, царя, ноги не обнимал». После поражения киммерийцев в Лидии Гигес прислал Ашурбанипалу вместе с другими драгоценными подарками двух пленных киммерийских военачальников, закованных в железные кандалы. Там же говорится и о борьбе с киммерийцами египетского фараона Псамметиха (Пишамилку). Но успех Гигеса в борьбе с киммерийцами не был окончательным; после того, как он, отказавшись от помощи Ассирии, заключил союз с Псамметихом, киммерийцы вторглись в Лидию и опустошили страну, причем в одном из сражений был убит сам Гигес. Но в Приурмийском районе киммерийцы не переставали тревожить ассирийцев, об этом свидетельствуют оракулы Ашурбанипала. Царь спрашивал Шамаша об исходе похода в страну Илипи (Мидия), подвергнется ли его войско нападению мидийцев или киммерийцев[4]

Таким образом, ассирийские документы устанавливают, что киммерийцы появлялись в приурмийском районе, на территории страны Мана на протяжении около ста лет.

Вавилонские источники отмечают участие скифов и мелких кочевых отрядов в разгроме Ассирийского царства.

В 1923 г. была опубликована клинописная табличка Британского музея, содержащая описание событий с 10 по 17 год правления вавилонского царя Набупаласара, т. е. с 616 по 609 г. до н. э. Этот замечательный

---

[1] ВДИ, 1951, № 3, стр. 224 (№ 68, *b*).
[2] Там же, стр. 228 (№ 68, *a*).
[3] Там же, стр. 242 (№ 77).
[4] Там же, стр. 240 (№ 75).

текст, описывающий последние годы Ассирии, перечисляет события не только по годам, но и по месяцам[1].

Согласно вавилонской хронике, в 614 г. до н. э. мидийские войска Киаксара осадили ассирийские столицы Ниневию и Ашур. Ниневия выдержала осаду, но Ашур был взят мидянами и разрушен, на его развалинах произошла встреча Набупаласара с Киаксаром, в результате которой был заключен военный союз.

В 612 г. до н. э. к этому союзу присоединились «умман ма́нда», среди которых, по мнению Гэдда, издававшего текст хроники, были не только скифы, но и другие мелкие племена, освободившиеся из-под ассирийского ига[2]. Летом того же года союзные войска осадили Ниневию. Произошли три битвы, и Ниневия пала.

Геродот (кн. I, 103), описывая осаду мидийцами Ниневии, рассказывает, что под стенами Ниневии появилось большое скифское войско, под предводительством Мадия, сына Прототия, т. е. Партатуа ассирийских текстов. Страбон называет этого же Мадия киммерийцем. Надо заметить, что и в ассирийских текстах вполне возможно смешение терминов «киммерийцы» и «скифы». Древневосточные термины обычно живут очень долго, становясь архаичными. Так, термин «умман ма́нда» перестал означать лишь отряды племен «ма́нда» и употреблялся для обозначения отрядов кочевников, в том числе и скифов. Вавилонские тексты особенно отличаются архаичностью этнонимики и топонимики. Так, в вавилонском тексте Бегистунской надписи Дария I (VI в. до н. э.) саки-скифы называются гимирри, т. е. киммерийцами, а страна Армина — Урашту, т. е. Урарту.

Далекие походы кочевых племен, среди которых были киммерийцы и скифы, нашли свой отголосок в Библии, в рассказах о вторжении иноземных народов. В библейском генеалогическом списке, где имена народностей получили форму личных имен, Гомер (киммерийцы, гимирра клинописных текстов) считается сыном Яфета и отцом трех сыновей: Ашкеназа (скифы, ашгуза клинописных текстов), Рифата (жители Пафлагонии) и Тогарма (Тиль-Гаримму ассирийских текстов, в приевфратском районе).

При раскопках многих городов Передней Азии в слоях VII—VI вв. до н. э. были найдены бронзовые наконечники стрел, двуперые, с загнутым шипом сбоку, или же трехгранные, отличные от переднеазиатских наконечников стрел, но совершенно совпадающие по форме со скифскими[3]. Весьма вероятно, что эти бронзовые наконечники стрел связаны с проникновением киммерийцев и скифов в VII в. до н. э. в Переднюю Азию. Эти наконечники могли принадлежать также мидийцам, так как их войско имело вооружение, близкое к скифскому, и мидийские лучники, наряду со скифскими, славились своим искусством стрельбы из лука. Большое количество стрел скифского типа было собрано на местах древних сражений, в которых участвовали мидийцы.

Бронзовые наконечники стрел скифского типа найдены во многих городах Передней Азии при раскопках оборонительных сооружений Ашура и Вавилона; они известны в Анатолии (Алишар), в Киликии (Тарс),

---

[1] C. J. G a d d. The Fall of Nineveh, 1923.

[2] И. М. Дьяконов полагает, что в этом тексте под термином «умман ма́нда» следует разуметь мидийцев и царем их считать Киаксара (в этом месте текст поврежден), но в таком случае трудно объяснить, почему в одном и том же тексте мидийское войско называется двумя разными терминами. Если восстановление И. М. Дьяконова правильно, то я считал бы, что в термине «умман ма́нда» следует видеть объединенные силы мидийцев и кочевников, под общим начальством Киаксара.

[3] Б. П и о т р о в с к и й. История и культура Урарту, стр. 300—303.

в Сирии (Аль-Мина), в Палестине (Джерар) и доходят до Египта. В Передней Азии стали изготовляться наконечники стрел по скифскому образцу, о чем свидетельствуют литейные формы, найденные в Кархемише, в слое, относящемся к последнему периоду жизни города, т. е. к самому концу VII в. до н. э.

Бронзовые наконечники стрел скифского типа были найдены и на развалинах урартских городов, в крепости Хайкаберд и на Топрах-кале.

В большинстве из отмеченных пунктов, где были обнаружены наконечники стрел скифского типа, согласно историческим данным, могли быть и скифы, и мидийцы, особенно усилившиеся в период падения могущественных государств древнего Востока. В 612 г. до н. э. под ударами союзных отрядов вавилонян, мидийцев и «умман манда» пала Ниневия и Ассирийское государство фактически перестало существовать. Урарту пережило своего постоянного противника. В тексте пророчества Иеремии, датированном около 594 г. до н. э., против Вавилона призываются царства Арарат (Урарту), Минни (Мана) и Ашкеназ (скифы). И. М. Дьяконов справедливо приписывает решающую роль в разгроме Урартского государства мидийцам, взявшим и разрушившим Тушпу около 590 г. до н. э.[1] Но так как мидийцы в это время были заняты военными действиями на западе, в Малой Азии, то они, естественно, не разрушили и не упразднили урартские административные центры на севере, в Закавказье.

Раскопки Кармир-блура показывают, что урартский центр Тейшебаини продолжал еще существовать и после падения центральной урартской власти. В свои последние годы он находился в упадке и запустении. Дань из окрестных областей Закавказья переставала в него поступать, и его обширные кладовые пустовали. Повидимому, и наместника в Тейшебаини уже не было, что дало возможность жителям крепости разграбить храмовую кладовую и растаскать вещи из нее в разные части цитадели. Нет сомнения, что эти ценные предметы, с надписями урартских царей VIII в. до н. э. были спрятаны не от врагов, а для того, чтобы иметь возможность воспользоваться ими после снятия осады.

Находки наконечников стрел скифского типа у внешней линии оборонительных стен цитадели Кармир-блура, преимущественно около северо-западных ворот, отчетливо указывают на то, что урартский административный центр Тейшебаини, последний оплот урартской власти в Закавказье, был разрушен именно скифами. Повидимому, прежние союзники, в связи с изменившейся обстановкой, стали врагами.

Раскопки Кармир-блура, как было уже указано, дали большое количество скифских предметов, свидетельствующих о том, что при жизни крепости скифы были теснейшим образом связаны с урартскими административными центрами в Закавказье.

Археологические исследования, проведенные за последнее двадцатилетие на Северном Кавказе и в Закавказье, выявили группы скифских предметов, связанных с продвижением скифов в страны Передней Азии. К сожалению, археологический материал с территории самой Передней Азии не дает еще такого определенного материала, относящегося к скифам. Но отдельные предметы все же известны.

В начале 1917 г. в Хасан-Кала, около Эрзерума, был разрыт большой курган с каменным склепом, в котором была обнаружена золотая гривна, опубликованная С. В. Тер-Аветисяном[2] по сохранившемуся снимку

[1] И. М Дьяконов. Последние годы урартского государства. ВДИ, 1951, № 2, стр. 38.

[2] С. В. Тер-Аветисян. Курганы Хасан-Калы. Изв. Кавказского историко-археологического института, IV, стр. 71, табл. II.

(рис. 3). Эта гривна, украшенная на концах головами львов, имеющими рога, по своему стилю принадлежит к группе скифо-ахеменидских изделий V—IV вв. до н. э. Датировка эта подкрепляется тем, что склеп сложен из хорошо обтесанных каменных блоков, без раствора, а угловые его камни имели гнезда для металлических скреп.

Эта золотая гривна является единственным предметом из северных районов Передней Азии, который можно сопоставить со скифским искусством. Таким образом, пребывание киммерийцев и скифов в верховьях реки Евфрат и в Каппадокии, засвидетельствованное письменными источниками, еще не представлено археологическим материалом. С пребыванием же скифов в Приурмийском районе, в стране Мана, может быть связана группа вещей, ставшая известной в недавнее время.

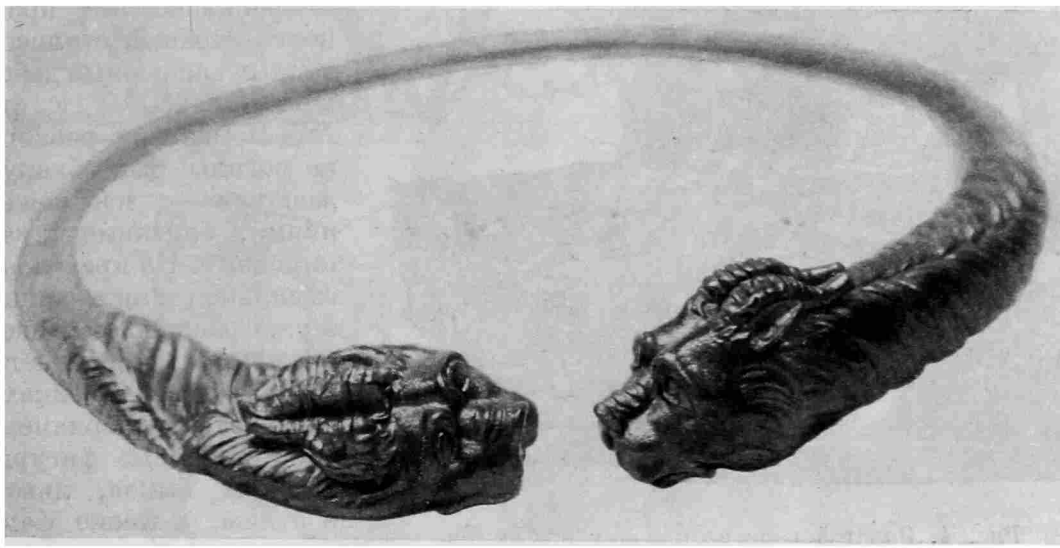


Рис. 3. Золотая гривна из кургана в Хасан-кала, около Эрзерума.

В 1950 г. Р. Гиршман опубликовал предметы из клада, найденного в конце второй мировой войны около города Саккыза, в Иранском Курдистане[1]. Клад состоял из значительного количества предметов из золота, серебра, бронзы и кости, которые были разломаны находчиками при дележе. Тегеранский музей собрал и обнаружил далеко не все предметы этого клада, но и те, которые были спасены для науки, представили совершенно исключительный интерес.

Среди вещей клада отчетливо выделяются три группы предметов, отличных по стилю. Первая из них состоит из предметов древневосточного стиля, вторая сочетает элементы древневосточного стиля со скифскими и, наконец, третья заключает в себе памятники местного, возможно манейского искусства.

Для нас особый интерес представляют предметы именно второй группы.

Обращает на себя внимание обломок пластинчатого золотого пояса, сплошь покрытого узором, образующим ячейки, расположенные тремя рядами (рис. 4). Средний ряд ячеек заполнен фигурами козла, с подобранными

[1] R. Ghirshman. Notes Iraniennes, IV. Le Trésor de Sakkez. les origines de l'art Mède et les bronzes du Luristan. Artibus Asiae. vol. XIII, 3, 1950, стр. 181—206.

в прыжке ногами, напоминающего фигуры козла, характерные для ахеменидского искусства, а в ячейки верхнего и нижнего ряда помещены фигуры оленей, типичные для скифского искусства. Этот пояс по своей форме и композиции входит в круг хорошо нам известных так называемых урартских поясов. Подобные пояса происходят с широкой территории Закавказья[1] В 1904 г. близ сел. Заким б. Ольтинского округа Карсской области был найден обломок пояса из листовой бронзы с изображениями крылатых коней, львов, быка, коленопреклоненного человека с луком и др. (рис. 5). Сохранившийся край пояса украшен стилизованным священным деревом. В 1930 г. у ст. Ани-Пемза при раскопке могилы был обнаружен пояс с изображениями, близкими к закимскому. На краю пояса сильно стилизованное и уже распавшееся изображение священного дерева, а в ячейках, образованных орнаментом, отдельные фигуры бегущих быков, львов и птицы, а также фантастического существа— птицы с человеческими ногами и головой.

Рис. 4. Золотой пояс из клада у г. Саккыза (Иранский Курдистан).

В 1905 г. в сел. Гушчи Салмасского района (оз. Урмия) в каменной гробнице случайно был найден сходный бронзовый пояс, но композиция изображения на нем представлена в распавшемся виде, фигуры помещены в трех рядах друг над другом. На поясе изображены фигуры бегущих козлов, быков, львов и фантастического существа, птицы с ногами и головой человека, держащего в руке натянутый лук.

В 1929 г. в Музей Армении поступил из Ширака (район г. Арагац) обломок края пояса с изображением бегущего крылатого грифона перед стилизованным священным деревом, увенчанным диском.

Наконец, на Кармир-блуре найдены обломки трех таких поясов, плохой сохранности, украшенные отдельными фигурами животных и характерными для всей этой группы поясов стилизованными священными деревьями, по форме совпадающими с изображенными на золотых скифских ножнах акинаков из Келермесского кургана на Кубани и Литого кургана в б. Херсонской области.

Среди предметов саккызского клада имеется золотая пластинка, в центре которой помещено именно такое священное дерево. Около него стоят фантастические животные — крылатые и рогатые львы с хвостами

[1] Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 314—316.

скорпионов. Образ рогатого льва встречается в урартском искусстве и на приведенном нами браслете из Хасан-кала. Вся фигура в целом напоминает фантастические фигуры, составленные из различных частей животных, которыми украшены ножны келермесского и мельгуновского акинаков

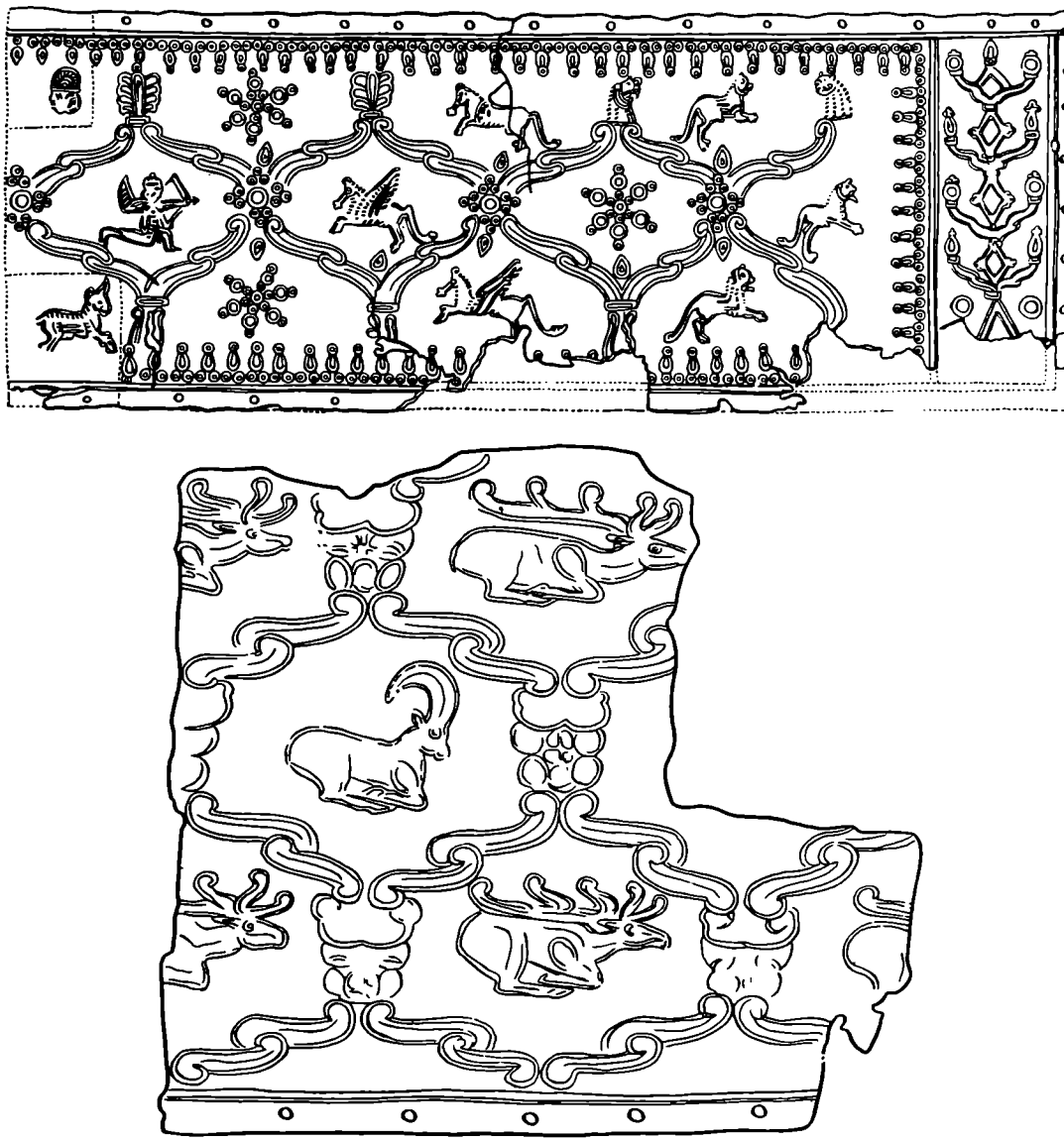


Рис. 5. Урартский бронзовый пояс, найденный у сел. Заким, и золотой пояс из скифского клада.

(рис. 6). Позади крылатых львов помещены крылатые гении с ведерками в руках. Вся композиция обрамлена плетенкой, дополняющей сходство с указанными памятниками скифского искусства и урартскими поясами из Закавказья. Этот предмет, несомненно, является копией древневосточного изображения, с утратой смыслового значения — крылатые гении, которым надлежит находиться непосредственно около священного дерева, оттеснены фантастическими животными, нарушившими всю композицию. Характерное священное стилизованное дерево является центральным изображением и на золотой пекторали саккызского клада, имеющей два ряда изображений, обрамленных характерным орнаментом из бутонов.

В верхнем ряду по сторонам дерева помещены стоящие на задних ногах козлы, а в нижнем ряду — бегущие крылатые быки. В полосу, занятую изображениями, помещены отдельные фигуры, потерявшие смысловое значение. В верхнем ряду по сторонам дерева размещены следующие фигуры: сфинкс, крылатый бык с человеческой головой, лев рысь

Рис. 6. Золотая обкладка ножен акинака из Мельгуновского кургана.

(или пантера) и заяц. В нижнем ряду за фигурами бегущих крылатых быков — фигура атланта, поддерживающего небо, в виде стоящего на задних лапах крылатого быка с человеческим торсом, за ним—крылатый грифон, сфинкс, рысь и заяц. Нет сомнения в том, что на пекторали помещены скопированные с памятников древневосточного искусства фигуры, потерявшие смысловое значение.

Следует указать, что вздыбившиеся и стоящие у дерева козлы напоминают животных, помещенных на золотой рукоятке секиры из Келермеса (рис. 7). Но значительно большее сходство с изображениями на келермесской секире имеет другой предмет из саккызского клада, а именно серебряная обивка круглого предмета диаметром 72 сантиметра — щита или блюда. Она украшена концентрически расположенными рядами изображений. Первый ряд, у наружного края, состоит из характерных для урартского искусства лепестков, второй, четвертый и шестой — из голов птиц, третий и седьмой — из фигурок животных с подогнутыми ногами и, наконец, пятый занят изображением бегущих зайцев (рис.8).

Фигуры животных третьего и седьмого рядов близко напоминают те, которые помещены на рукоятке келермесской секиры. Там в вертикальном ряду помещены разнообразные, скопированные с многих предметов фигуры животных, часто непонятных и искаженных.

В кладе была найдена еще одна вещь, дополняющая сходство с предметами из Келермесского и Мельгуновского курганов. Это золотой наконечник ножен акинака, украшенный двумя животными, стоящими друг перед

Рис. 7. Золотая рукоятка секиры из Келермесского кургана

другом на задних лапах. Этот предмет, не понятый Р. Гиршманом и опубликованный как фасное изображение головы животного, полностью совпадает с наконечниками ножен указанных двух скифских акинаков.

В состав клада входила еще бронзовая пластина, заполненная четырьмя рядами квадратов, с помещенными внутри их изображениями газелей и скарабеев с распростертыми крыльями (рис. 9). В верхней части пластины — изображение двух оленей и трех газелей, идущих вправо, а ниже — фриз из бутонов и цветков лотоса, обычный орнамент для группы выделенных нами предметов, сочетающих элементы древневосточного и скифского искусства.

В кладе были еще следующие золотые предметы: протомы льва и грифона, являвшиеся, повидимому, частями мебели, два браслета,—один украшенный на концах фигурами уток с закинутыми назад головами, другой украшенный головами львов,— и обломок золотой обкладки ножен меча с мелкими изображениями фасных голов антилопы-сайги. Особо следует отметить три обломка пластинчатых поясов. Один из них, бронзовый, заполнен фигурами быков, размещенных в двух рядах, разделенных плетенкой. Другой, золотой, имеет грубые изображения людей, ведущих каких-то животных, и, наконец, третий является памятником своеобразного местного искусства. На нем изображены фигуры людей, борющихся со львами, причем некоторые из них держат в руках рыбу. Весьма любопытна свое-

образная форма священного дерева в левой части сохранившегося обломка. В данном случае вавилонские мотивы из эпоса Гильгамеша даны в сочетании с местными культами рыбы. Клад предметов, сочетающих древневосточные элементы со скифскими, найденный в Иранском Курдистане, на южной границе страны Мана, представляет совершенно исключительный интерес. Он подтверждает сведения клинописных источников о пребывании ким-

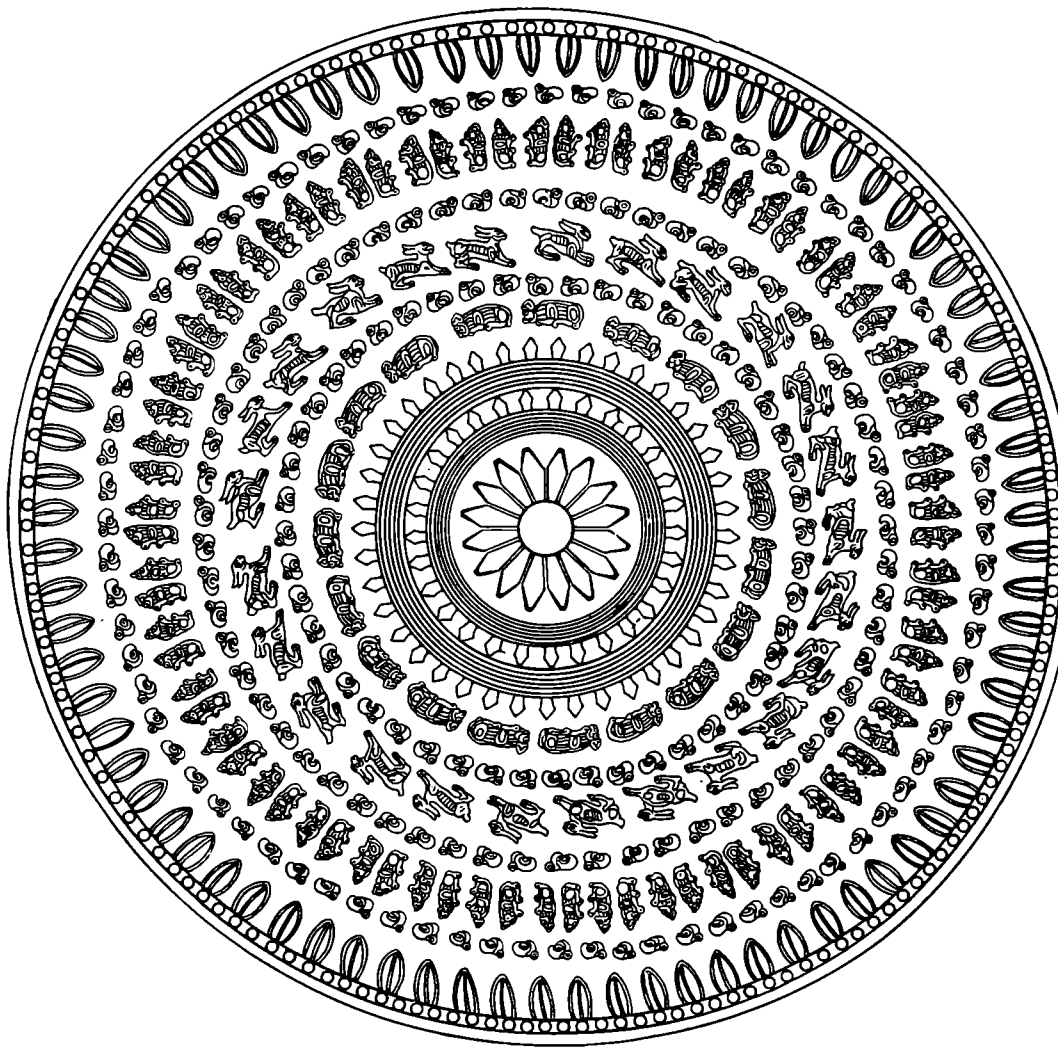


Рис. 8. Реконструкция серебряной обивки из саккызского клада (по Гиршману).

мерийцев и скифов в приурмийском районе. Р. Гиршман, датируя этот клад второй четвертью VII в. до н. э., временем Асархаддона, высказывал предположение о том, что именно в этих местах в Иранском Курдистане и была столица скифских царей Партатуа и его сына Мадия. Датировка Р. Гиршмана кажется мне несколько завышенной, и я склоняюсь датировать эти предметы концом VII в., а возможно, самым началом VI в. до н. э. Это не будет противоречить клинописным источникам, указывающим, что скифы в стране Мана были и во времена Ашурбанипала.

Для археологии причерноморских скифов находка клада около Саккыза имеет большой интерес, так как она объясняет целую группу предме-

тов скифского искусства, имеющих явные древневосточные элементы. При разборе изображений золотой облицовки ножен акинаков из Келермесского и Мельгуновского курганов я высказывал предположения, что они

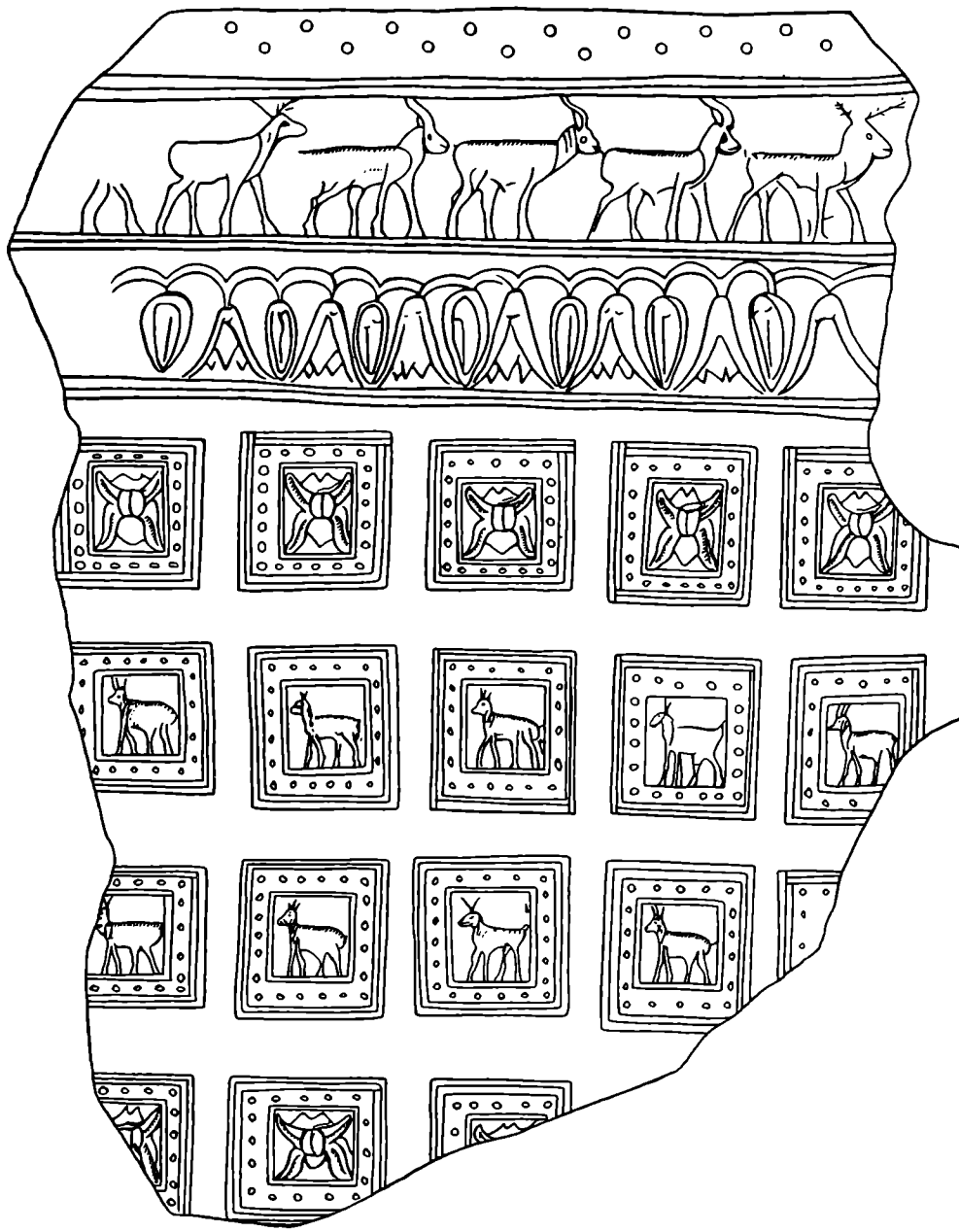


Рис. 9. Бронзовая обивка из саккызского клада.

являются копией мотивов с древневосточных, урартских в частности, изделий. На это указывали искаженные, непонятные изображения священного дерева и атрибутов гениев, а также наличие чисто скифских орнаментальных элементов на боковой лопасти ножен меча, отсутствующей у урартских мечей. Я полагал также, что и изображения на золотой обкладке серебряного зеркала и на серебряном ритоне скифской формы из Келермесских курганов также являлись копиями с малоазийских предметов иной формы, что объясняет включение в композицию некоторых чисто

скифских элементов. Новые находки в Иранском Курдистане подтверждают это положение и еще больше подчеркивают, что нанесенные на эти предметы элементы древневосточного искусства потеряли свое значение.

Рассмотренная нами группа археологических памятников относится к тому периоду истории древнего Востока, когда, в связи с общим ослаблением мощи древневосточных государств, стало особенно заметным усиление на их периферии нового скифского элемента.

Античные источники включают в понятие «скифы» большое количество племен, на обширной территории. Ввиду того, что термин «скифы» означает целую группу племен на широкой территории, некоторые археологи, в том числе и я, в ряде своих работ придавали скифам значение племен, объединенных общей стадией развития. Я считал, что так называемая «скифская стадия» развития общества, оформившаяся в VII—VI вв. до н. э. на периферии древневосточных государств, явилась новой формой общества, сменившей после распада Ассирии и Урарту древневосточный рабовладельческий строй.

Эта точка зрения является явно ошибочной, она была вызвана стремлением обойти или упрощенно решить вопрос о том, какой общественный строй наследовал распавшемуся древневосточному рабовладельческому. Несмотря на то, что походы киммерийцев и скифов в Переднюю Азию нельзя рассматривать как внезапную и неожиданную волну кочевников, разгромивших мощные царства, все же совершенно очевидна ошибочность попытки видеть в них организующий элемент нового общественного строя в Передней Азии. Киммерийцы и скифы, получавшие поддержку от мелких стран, входивших в состав государств Передней Азии и пытавшихся освободиться от этого ига, содействовали быстрому распаду древневосточного строя, но не они стали новой организующей силой.

Проникновение кочевых племен в Переднюю Азию было процессом длительным, и древневосточные и античные источники говорят о далеких странствованиях этих племен. Все эти многочисленные разнообразные племена объединялись на древнем востоке тремя терминами: «умман ма́нда», «гимирра» и «ашкуза», причем создается впечатление, что термин «ашкуза» появляется тогда, когда следовало конкретизировать событие. Архаичность терминов в клинописи приводила к тому, что термин «гимирра» был обобщающим для многих кочевых племен.

В ахеменидских надписях встречается новый термин «сака», который в вавилонских версиях тех же текстов передавался архаичной формой «гимирри».

Возможно, что с этими древневосточными терминами и связаны термины Геродота, различавшего киммерийцев и скифов по времени и путям их проникновения в Переднюю Азию.

История Передней Азии позволяет нам выделить три этапа проникновения кочевых племен с севера и востока и применить к ним условные названия. Первый — это киммерийский этап, связанный с появлением кочевых племен в конце VIII в. до н. э. и образованием страны Гамирр в Каппадокии, второй — скифский, начавшийся в середине VII в. до н. э., и третий — сакский, относящийся уже к VI в. до н. э. и характеризующийся вторжением сакских племен из Средней Азии.

Л. И. ЯНИТС

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО НЕОЛИТУ ПРИБАЛТИКИ

Поздненеолитическая стоянка Тамула расположена в Выруском районе Эстонской ССР, в долине Выру-Харгла, пересекающей юго-восточную Эстонию в направлении с юго-запада на северо-восток. В этой долине к западу от г. Выру расположены одно близ другого два озера — Вагула и Тамула. Северо-западный конец оз. Тамула представляет собой бухту, глубиною не более 2 метров с топким дном. В эту бухту впадает узкий ручей, соединяющий оз. Тамула с оз. Вагула; здесь же берет начало река Выханду, впадающая в Псковское озеро (рис. 1).

Перешеек между озерами Вагула и Тамула носит название «Роозисаар» (остров роз). В средней части этот перешеек представляет собою небольшое возвышение, а в северной и южной частях опускается почти до уровня озера и заболочен. На востоке он образует острый мыс, на конце которого и были открыты остатки стоянки (рис. 2). Местность здесь низкая и топкая, заливаемая весенним половодьем. К западу она постепенно повышается.

Изучение отложений, покрывающих перешеек Роозисаар, показывает, что в пребореальный и бореальный периоды озера Тамула и Вагула были значительно больше, чем теперь, и соединялись между собою низиной, окаймляющей Роозисаар на севере, а может быть, и низиной, расположенной на юге. Таким образом, средняя часть Роозисаар, действительно, была островом или полуостровом[1].

Слой озерного мергеля покрыт по побережью Роозисаар коричневатым торфом, содержащим много остатков растений (см. профиль на рис. 3); по характеру торфа и по спектру пыльцы (рис. 4) он отложился в атлантический период. Следовательно, уровень воды успел к этому времени значительно понизиться и место будущей стоянки подсохнуть. В последующий, суббореальный, период стал отлагаться черноватый, сильно разложившийся торф. Мыс в восточной части Роозисаар стал доступен для обитания, и на нем поселились люди, как на это указывает культурный слой в черном торфе. Впоследствии уровень озера снова поднялся, время и причина чего еще не выяснены. Возможно, что уровень озера стал повышаться уже во время существования стоянки, так как в культурном слое, особенно в его верхней части и в покрывающем его черном торфе, можно наблюдать пятна наносного песка, являющиеся, повидимому, последствием наводнений. По словам местных жителей, уровень озера был лет десять тому назад искусственно понижен.

[1] Suomen Muinaismuistoyhdistyhsen Aikakauskirja, XLV. Helsinki, 1945.

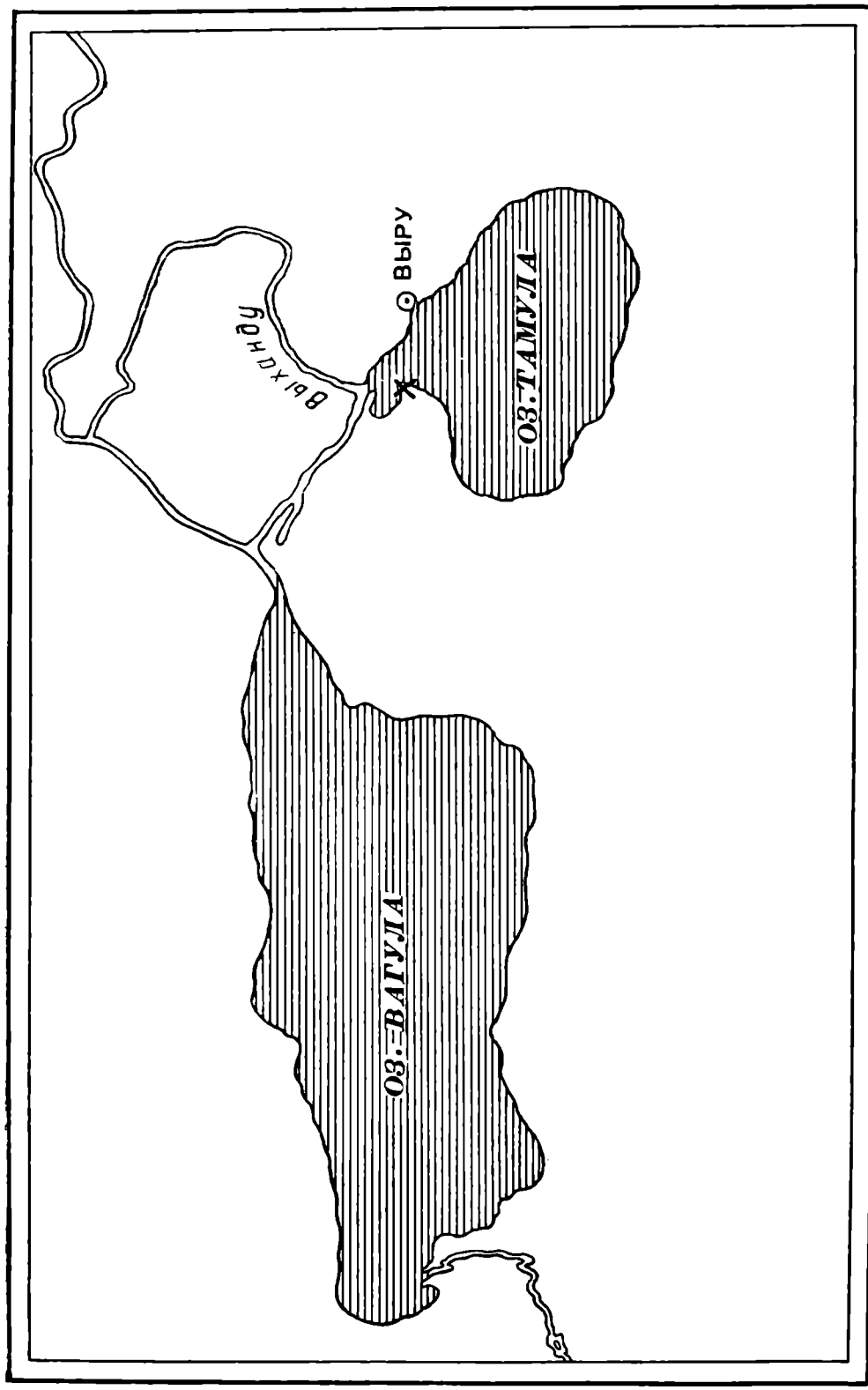


Рис. 1. Расположение стоянки Тамула (×).

Стоянка на берегу оз. Тамула была открыта летом 1938 г. благодаря тому, что на дне озера у самого берега было обнаружено значительное количество костей животных. Некоторые из них носили следы искусственного раскола и обработки. С этого времени на стоянке в несколько приемов были произведены предварительные раскопки[1] площадью около 62 кв. метров (рис. 2 и 3)

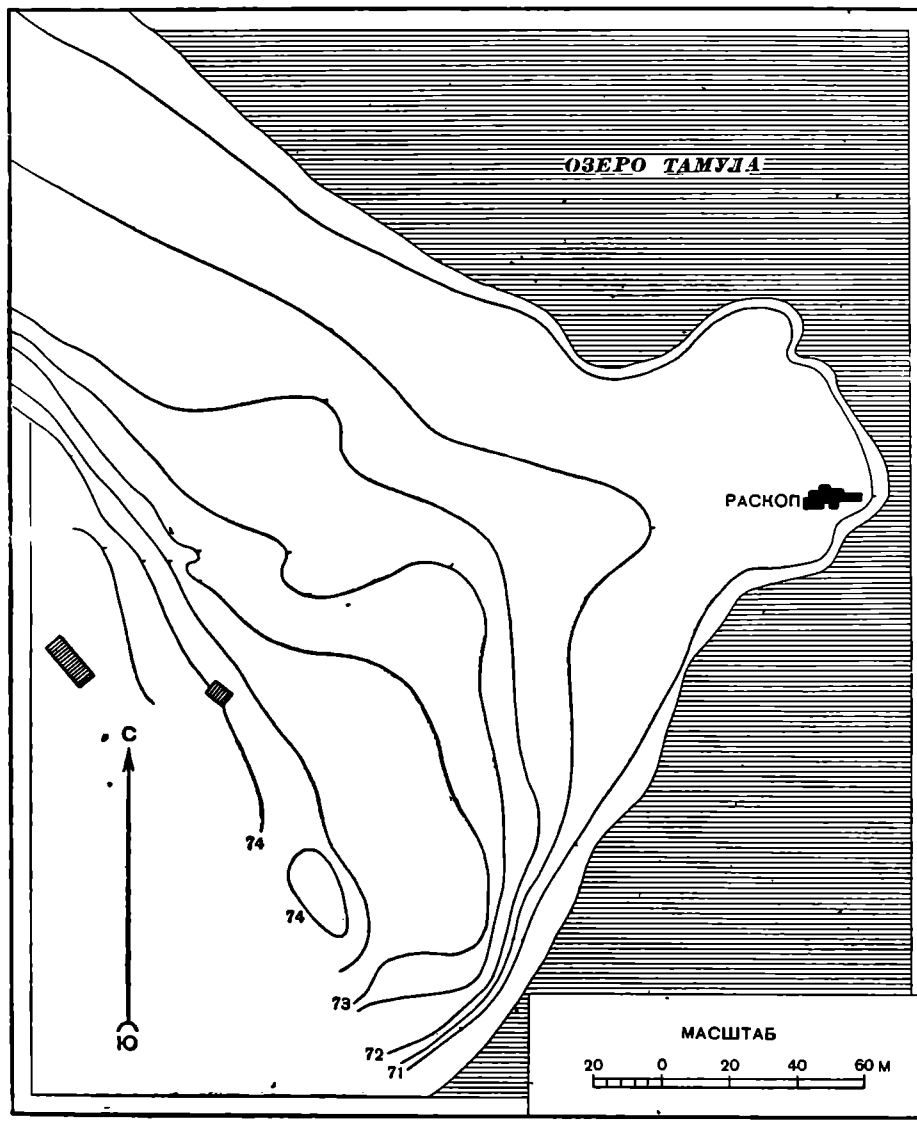


Рис. 2. Ближайшие окрестности стоянки Тамула.
Сечение рельефа через 0,5 м.

Культурный слой начинается в западной части раскопа на глубине 20—25 сантиметров от поверхности, доходя до 55—60 сантиметров. В восточной части культурный слой залегает преимущественно на глубине 50—80 сантиметров, спускаясь ниже теперешнего уровня озера. Таким образом, культурный слой спускается по направлению к востоку все ниже

[1] Отчеты о раскопках хранятся в фондах сектора археологии Института истории Академии наук ЭССР. Находки хранятся в музее археологии при том же секторе (ИИ, 3659, 3932, 3960).

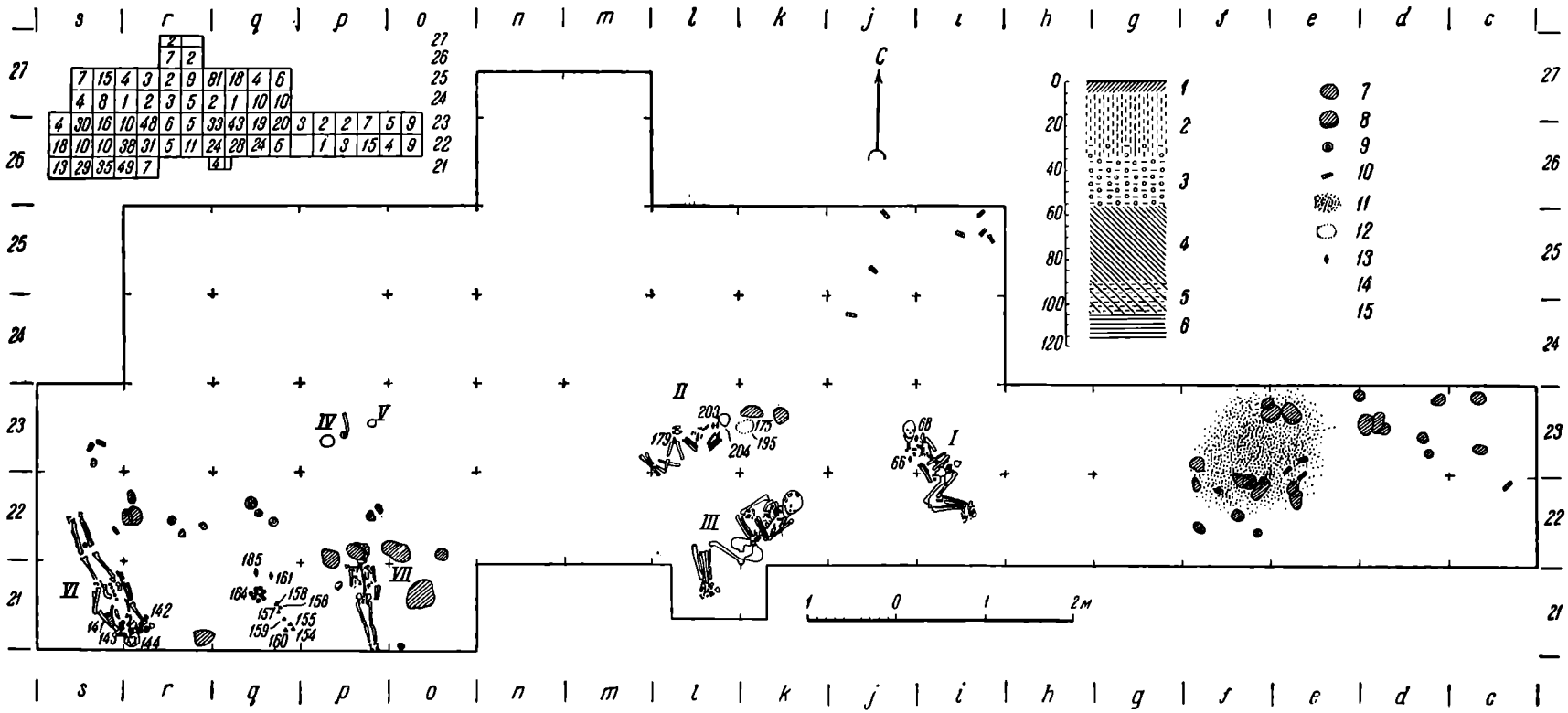


Рис. 3. Раскопанная площадь стоянки и могильника Тамула и профиль раскопа.

Условные знаки: *1* — дерновый слой; *2* — черный торф; *3* — культурный слой; *4* — травянистый торф; 5 — торф с содержанием озерного мергеля; *6* — озерный мергель; *7* — камни; *8* — известняковые плиты; *9* — сваи; *10* — остатки дерева в горизонтальном положении; *11* — песчаное и углистое пятна; *12* — керамика; *13* — костяные изделия; *14* — подвески из зубов животных; *15* — янтарь (наверху слева указано распределение количества находок по квадратам).

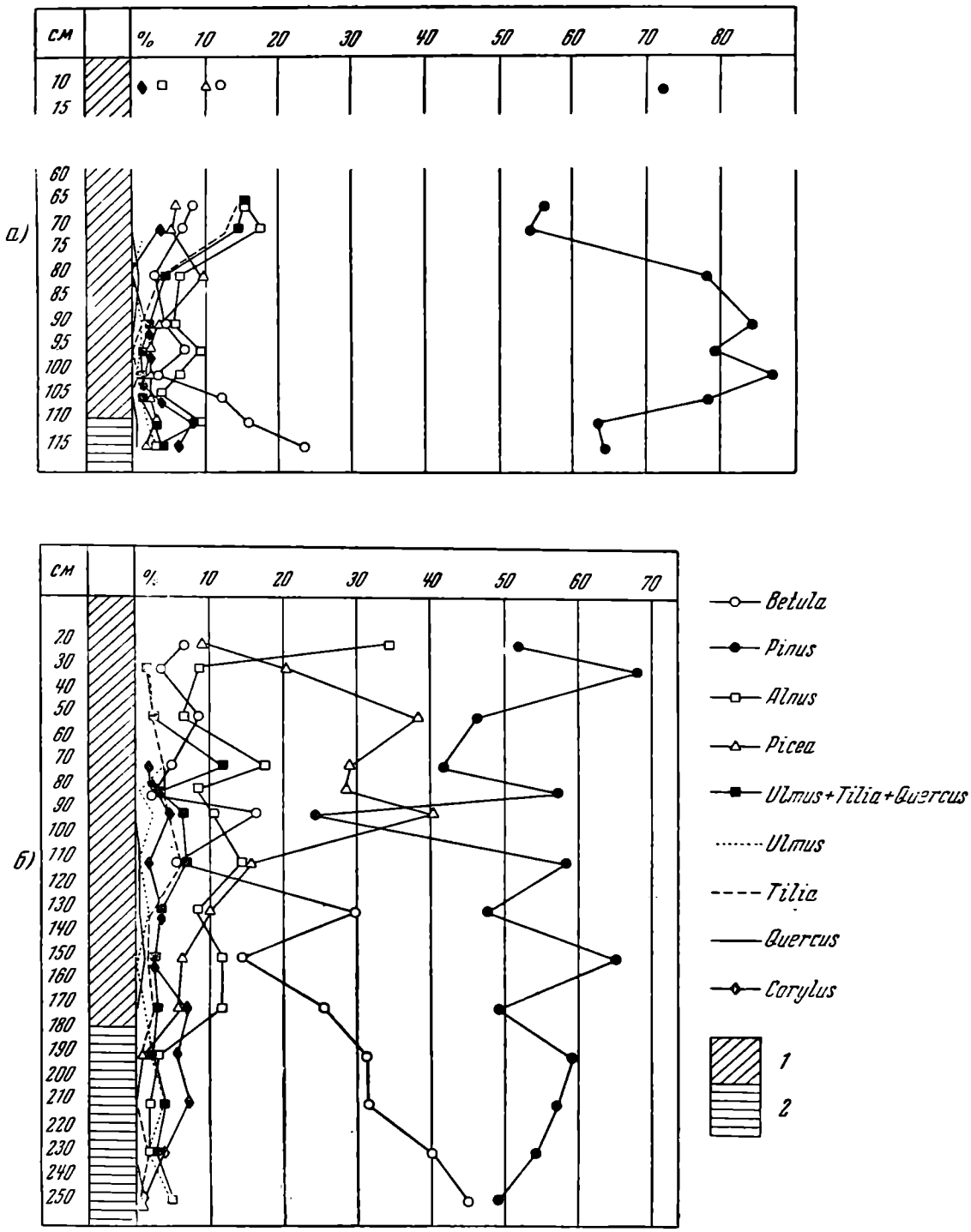


Рис. 4. Пыльцовые диаграммы:

а — с места раскопок, *б* — в 500 метрах на северо-запад от раскопа (*1* — торф, *2* — озерный мергель).

по сравнению с теперешней поверхностью, причем особенно резкое понижение его наблюдается в квадратах *j* и *i* (рис. 5). Очевидно, поверхность стоянки имела в свое время более сильный наклон к озеру.

Непосредственно под культурным слоем залегает стерильный слой коричневого торфа толщиной 30 сантиметров с обильным содержанием растительных остатков. За ним следует смешанный слой ила и озерного мергеля, толщиной примерно 10 сантиметров, переходящий на глубине 105—115 сантиметров (на западном конце раскопа) в желтовато-белый озерный мергель (рис. 3).

Культурный слой имеет на протяжении всего раскопа довольно постоянную толщину 30—40 сантиметров. Для него характерны остатки сожжения в виде угольков и пережженных костей рыб, слежавшихся

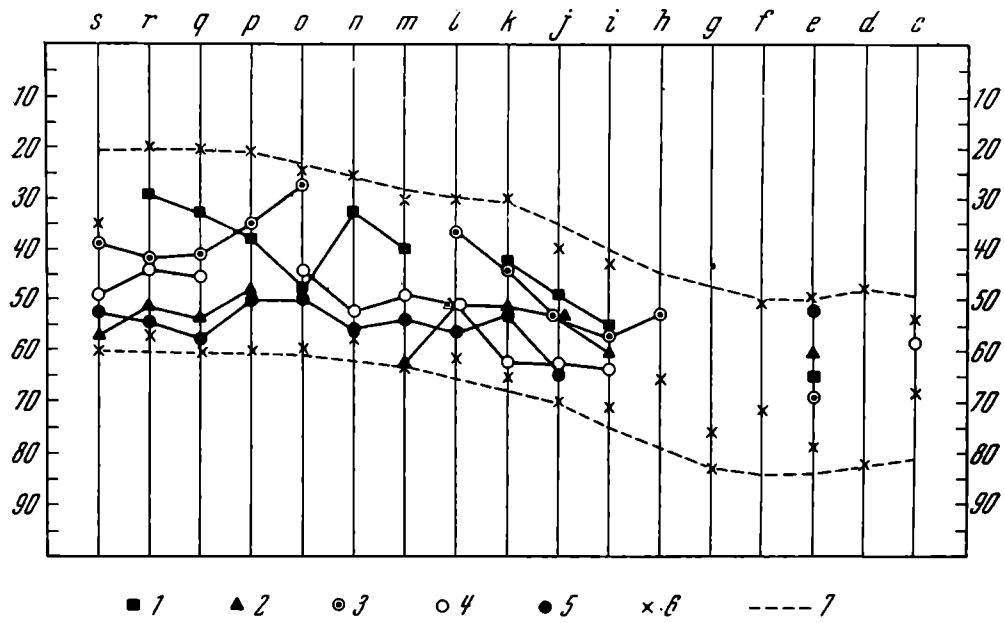


Рис. 5. Средняя глубина залегания в культурном слое янтаря, сланца и некоторых видов керамики.

1 — сланец; *2* — янтарь; *3* — шнуровая керамика; *4* — керамика второй подгруппы; *5* — керамика первой подгруппы; *6* — наиболее глубокое или поверхностное залегание остальных предметов в соответствующих квадратах культурного слоя; *7* — верхняя и нижняя границы культурного слоя.

в углистую массу; кое-где встречаются дресва и прослойки песка, а местами — единичные камни величиной в кулак, распавшиеся в торфянистой почве почти в песок.

Находки встречаются хотя и по всей площади раскопа, но неравномерно (рис. 3, наверху слева); в некоторых местах они совсем редки; наиболее густо они сконцентрированы в юго-западной части раскопа. В южной части раскопа имеются два места концентрации находок: одно — в квадратах *i—lx* 22—23, другое—на квадратах *o23*, *o22*, *p22*, *p21*, *q21* и *r21*, где находились погребения. Если исключить здесь инвентарь двух погребений, то эти квадраты по густоте находок нисколько не выделяются среди остальных квадратов.

Наибольший материал дал квадрат *k23*; в нем были найдены: 17 обломков от различных сосудов, 4 каменных долота и часть пятого, 4 целых скребка и несколько обломков скребков, кремневый нож, резец, 4 костяных шила, 3 обломка костяных «разбильников» для разминания ремней, костяной

наконечник стрелы, 4 фрагмента костяных изделий, просверленный зуб (подвеска), янтарная цилиндрическая пронизь и янтарная привеска. Возможно, что в этой части раскопа когда-то находилось жилое помещение. Примерно такая же «обстановка» жилья была найдена в одной из землянок на стоянке Кубенино каргопольской культуры[1]. Нахождение скелетов на этом же месте не отрицает такое предположение, так как для древних стоянок является типичным наличие погребений в самом жилище, не говоря уже о его периферии[2]. Кажется, что мы здесь имеем дело не с землянкой, так как вещи лежали не ниже остального культурного слоя. Да и близость грунтовой воды вряд ли допускала выкапывание землянки.

В юго-западной части раскопа были обнаружены концы пяти вбитых в землю свай. Две из них, в центре квадрата *o22*, оказались по сравнению с другими несколько более толстыми, достигая в диаметре 10—12 сантиметров. Из них свая, находившаяся в северо-западном углу, заходила нижним заостренным концом на глубину 116 сантиметров в озерный мергель. Находившаяся рядом с нею более толстая свая стояла несколько наклонно, как будто подпирая первую. Свая на квадрате *p23* имела также наклонное положение. Все сваи находились в подстилающем культурный слой травянистом торфе, так что только их верхние концы достигали нижнего горизонта культурного слоя. Следовательно, эти сваи были, несомненно, в свое время вбиты в землю. Нижние их концы были на значительном протяжении заострены, и только одна свая, вбитая в торф в восточной части квадрата *q22*, имела совершенно тупой конец; но эта свая и не заходила так глубоко, как другие.

В восточных квадратах были обнаружены камни диаметром 10—20 сантиметров, расположенные поблизости друг от друга, на глубине 60—80 сантиметров, в самом культурном слое. Один из них оказался шлифовальным камнем. Около камней находились в значительном количестве угли, кусочки дерева, комки глины и зернистый песок. Очевидно, здесь был очаг. Здесь же, на восточной границе квадрата *j22*, был обнаружен нижний конец вбитой в землю сваи. Вероятно, эта свая была связана с очагом и подпирала устроенный около него навес. Остатки свай найдены в связи с очагами и на других неолитических стоянках, где они, правда, расположены были возле очага обыкновенно попарно[3].

Выше уже указывалось на содержание в культурном слое угля. Помимо того, в культурном слое наблюдались отдельные прослойки золы и раскрошенные, пережженные и непережженные кости. Можно полагать, что на стоянке разводили огонь во многих местах, затем очаги вместе с углями были затоптаны, смешаны с торфом, а остатки углей разнесены водою. В некоторых местах, между прочим, как раз поблизости от очагов, на нижнем горизонте культурного слоя, сохранились в горизонтальном положении остатки стволов деревьев толщиной примерно 5 сантиметров, некоторые из них были в нижней части обуглены. Возможно, что это остатки собранного в качестве топлива хвороста, но возможно, что часть их принесена сюда при половодье.

---

[1] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. СА, V, 1940, стр. 35.

[2] Погребения в жилищах известны, например, в стоянках Панфилово и Гавриловка.— В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Труды Владимирского государственного областного музея, II. Владимир, 1926, стр. 9 и след.; И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 70 и след.

[3] В Кубенино и некоторых стоянках Карелии и Финляндии — см. М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино, стр. 37; S. Pälsi. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa. SMYA, XXVIII 1, 1915, стр. 107, рис. 12, *A*, *B*, *C*; рис. 16, *C*.

Особый комплекс вещей был обнаружен в юго-восточной части квадрата *q21*. Здесь на глубине 60 сантиметров, т. е. в самом нижнем горизонте культурного слоя, было найдено семь довольно крупных изделий из янтаря (рис. 6, *1*, *4—6*, *8—10*), рассеянных на площади диаметром 25

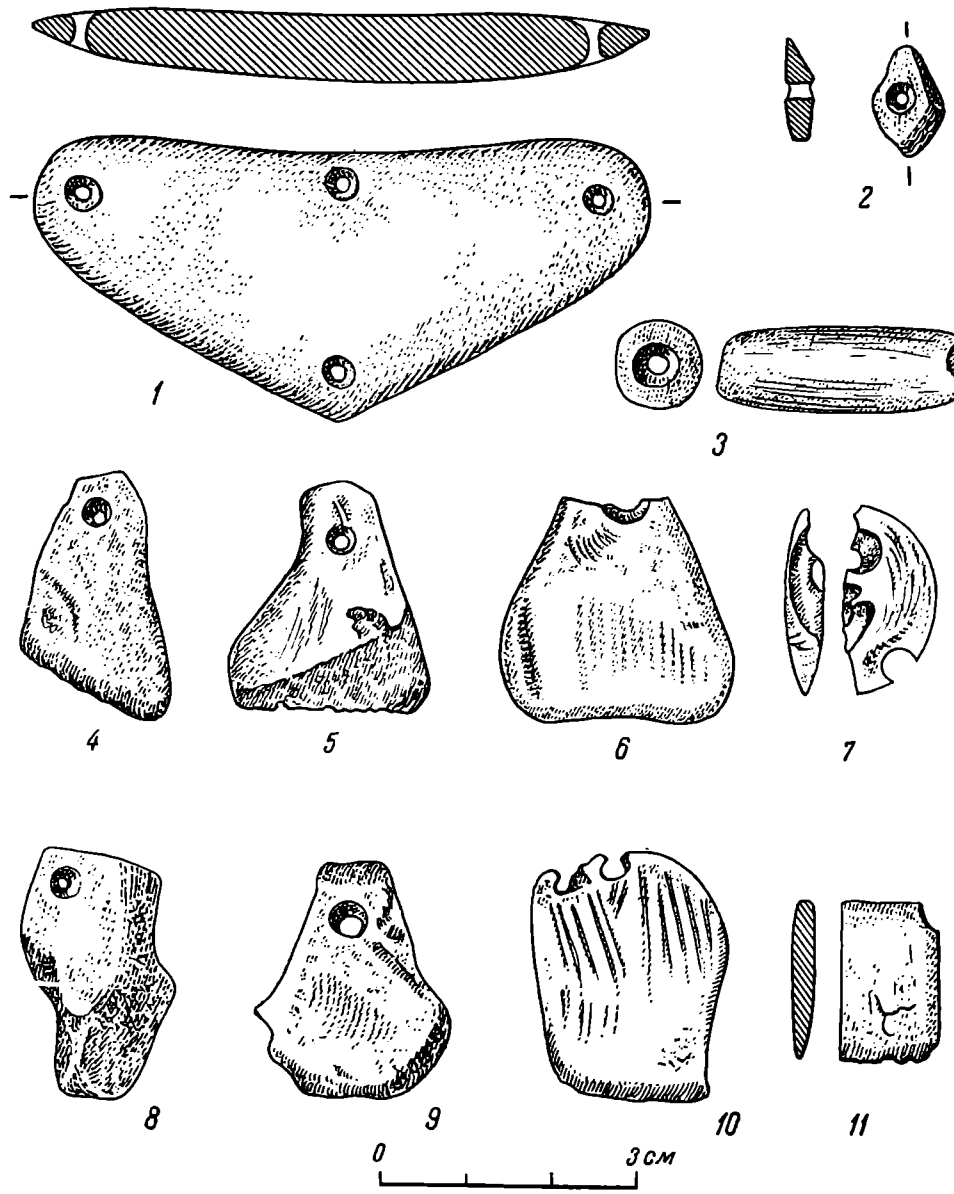


Рис. 6. Изделия из янтаря.

1 — ИИ 3960 255; *2* — ИИ 3960 230; *3* — ИИ 3932 197; *4* — ИИ 3960 260; *5* — ИИ 3960 259; *6* — ИИ 3960 : 256; *7* — ИИ 3960 : 79; *8* — ИИ 3960 254; *9* — ИИ 3960 : 258; *10* — ИИ 3960 : 257; *11* — ИИ 3932 : 166.

сантиметров. На расстоянии 15—20 сантиметров к северо-западу от них лежал орнаментированный костяной кинжал (рис. 7), разломанный на три части. Примерно на 10 сантиметров западнее была найдена хорошо отшлифованная костяная игла с поломанным концом (ИИ 3960 285), а к юго-западу от нее, ближе к янтарным изделиям, лежал в беспорядке

десяток просверленных зубов животных (ИИ 3960:264). Скопление большого количества вещей, в свое время, несомненно, ценных, на небольшом пространстве, притом на глубине, где культурный слой собственно уже кончался, наводит на мысль, что эти вещи были преднамеренно закопаны в землю.

Кроме древних предметов, в культурном слое повсюду найдено много костей животных, преимущественно в виде обломков разной величины, представляющих собой остатки пищи, а отчасти производственные отбросы. Среди костей животных преобладают кости лося и бобра[1]. Эти животные являлись главным предметом охоты обитателей стоянки. Очевидно, бобры населяли в большом количестве здешние озера и реки, а лосей привлекали окрестные болота. Значительное количество костей принадлежит также туру и кабану. Единичными костями представлены медведь, косуля и благородный олень. Некоторые подвески изготовлены из зубов лисицы или собаки: одна проколка изготовлена из кости лошади[2]; несколько привесок — из трубчатых костей какой-то птицы величиной несколько больше голубя. Необработанных птичьих костей в культурном слое не обнаружено, за исключением двух костей журавля, найденных при скелете № 7[3]. В большом количестве представлены кости рыб. По предварительным данным, здесь ловили больше всего щуку и сома, в меньшей мере — окуня. Как редкую находку, можно отметить несколько остатков щита болотной черепахи (Emys orbicularis L.). Это животное, живущее в условиях континентального климата с теплым солнечным летом, в настоящее время в пределах Эстонской ССР не водится.

В общем фауна стоянки Тамула соответствует фауне других стоянок

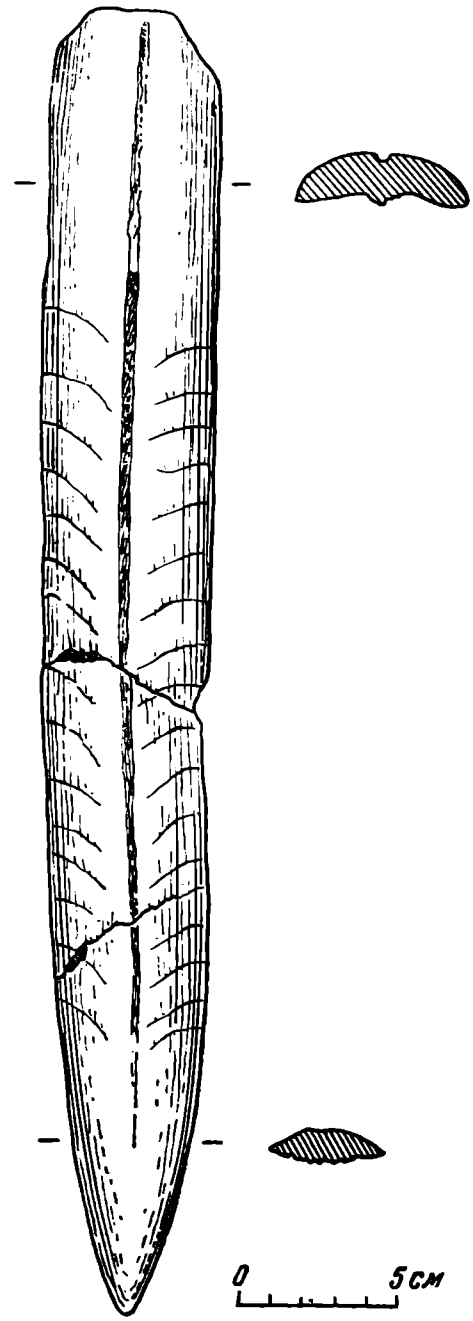


Рис. 7. Костяной кинжал. ИИ 3960 261.

[1] Часть костей животных из Тамула определил В. И. Цалкин, другую — И. Лепиксаар. Кости журавля и подвески из костей других птиц были определены научным сотрудником Института биологии Академии наук ЭССР Л. Пыдер.

[2] Повидимому, дикой лошади, так как костей домашних животных на этой стоянке нет. Единичные кости лошади установлены также в Акали и в Леяс-Цийскас (Латвия) — ср. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19—23/VIII 1930. Rigae, 1931, стр. 420.

[3] См. ниже.

юго-востока Эстонской ССР, на которых костный материал сохранился (Вилла, Акали, Валма)[1]. Зато остеологический материал из стоянки Риннюкалнс, в северо-западной части Латвийской ССР на берегу оз. Буртниеки, представляет уже несколько иную картину. Там обнаружено по сравнению с Тамула несколько меньше костей лося и бобра и больше костей кабана, тура и благородного оленя[2]. В стоянке Леяс-Цийскас на оз. Зебрус, в юго-западной Латвии, преобладают также тур и кабан, а благородный олень представлен там чаще лося[3]. Противоположную тенденцию можно наблюдать на территории, лежащей на северо-восток от Тамула. Так, например, в остеологическом материале из Веретья и Кубенина доминируют лось и бобр, тогда как кабан, тур и благородный олень отсутствуют[4].

Границы стоянки пока еще не выяснены. На востоке естественной границей стоянки является берег озера, хотя кажется, что в свое время стоянка в этом направлении простиралась дальше. В южной части, отличающейся особенным обилием находок, стоянка, очевидно, доходила до самого берега. Западная граница стоянки не установлена. Фосфатный анализ[5] показывает, что территория стоянки простирается на 70 метров к западу вглубь Роозисааре. Результаты фосфатных анализов к северу от раскопа еще не вполне выяснены, но, повидимому, в этом направлении стоянка далеко не простирается.

ПОГРЕБЕНИЯ

При раскопках были обнаружены остатки семи погребений, находившиеся в большинстве случаев в нижней части культурного слоя, а одно (№ 7) даже в самом нижнем горизонте. Пять скелетов сохранились более или менее не потревоженными; остальные, очевидно, представляют собою остатки погребений, разрушенных уже во время существования стоянки. Верхние части черепов были обнаружены на глубине 45—58 сантиметров; только остатки 4-го разрушенного погребения находились на глубине 30—40 сантиметров.

Скелеты лежали в самых богатых находками частях стоянки (рис. 3). Культурный слой не был потревожен. Следовательно, захоронения имели место еще во время существования стоянки.

I скелет (женский, среднего возраста) лежал на правом боку в скорченном положении, со сложенными на животе руками, головой на северо-запад, лицом вверх. Череп лежал на глубине 58—73 сантиметров. Вблизи было найдено много разных изделий, но отнести с полной уверенностью какие-нибудь из них к погребению невозможно. С погребением связаны, быть может, два костяных наконечника стрел, из которых один (рис. 8,2) лежал у правого плеча скелета, а другой (рис. 8, *3*)— у нижней челюсти с левой стороны. Близ левой плечевой кости в одной кучке лежало около двадцати осколков костей, по преимуществу ребер какого-то большого животного. В ногах скелета была обнаружена скорлупа орехов и, должно быть, желудей,— повидимому, остатки положенной в могилу пищи.

II скелет лежал на левом боку, также в скорченном положении, головой на северо-восток; верхняя часть черепа—на глубине 51 сантиметра.

[1] Определены В. И. Цалкиным.
[2] RK, стр. 1 и след.
[3] Congressus secundus..., стр. 413 и след.
[4] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино, стр. 33; е е ж е. Стоянка Веретье. ТГИМ, XII, стр. 29.
[5] Результаты фосфатного анализа описывает Л. Веллесте — Применение фосфатных анализов. КСИИМК, XLII, 1952.

Налево от черепа почти в одной кучке находились обломки, очевидно, от одного сосуда, размокшие и частью превратившиеся в приставшие друг к другу комки (ИИ 3932:175, 195). Эта керамика пориста и слабо обожжена; в глине примесь озерных раковин. Орнамента нет, заметна лишь штриховка,— очевидно, следы заглаживания поверхности сосуда.

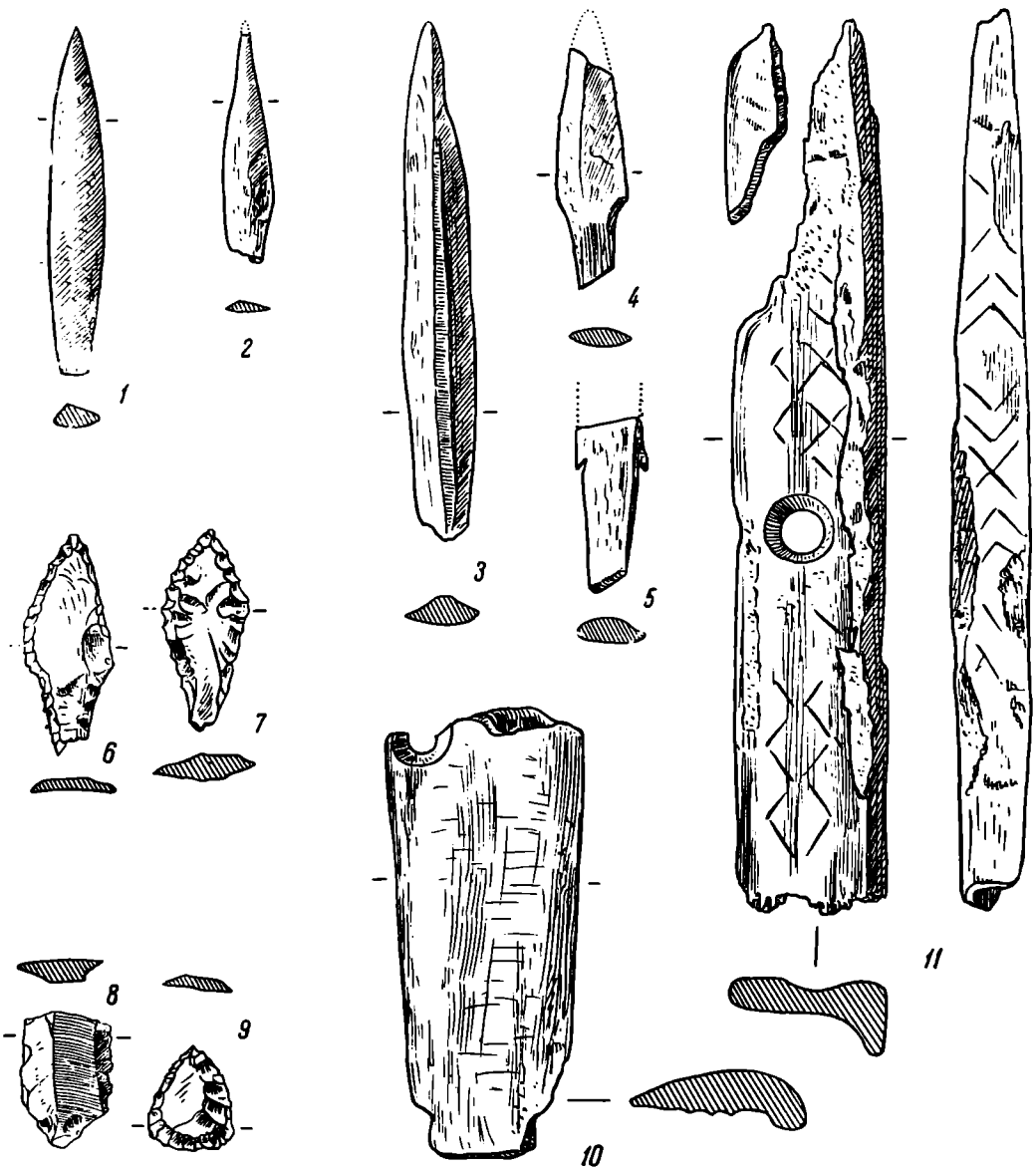


Рис. 8. Наконечники стрел и гарпунов (из кости и кремня).

Из других предметов, лежавших у скелета, можно причислить к могильному инвентарю 3 шила; два лежали возле шеи и плеч (ИИ 3932:203, 204), третье — у бока (ИИ 3932:179).

III скелет лежал головой на северо-восток, лицом налево, верхней частью туловища на спине, со скрещенными на животе руками и со скорченными направо ногами; верхняя часть черепа — на глубине 48 сантиметров. Вещей, которые без сомнения относились бы к нему, нельзя было установить. Обломок гарпуна (?), найденный между ребрами

(ИИ 3932:187), может происходить из культурного слоя стоянки. Около скелета была обнаружена скорлупа орехов.

От IV скелета сохранились только части черепа и плечевая кость, принадлежащие взрослому мужчине. Эти кости лежали среди многочисленных костей животных в верхнем горизонте культурного слоя. Если мы вообще имеем здесь дело с погребением, то оно лежало очень неглубоко, благодаря чему части трупа, очевидно, были унесены животными или снесены водой; можно отметить, что и среди костей, найденных на дне озера, имеются обломки человеческого черепа и позвонок.

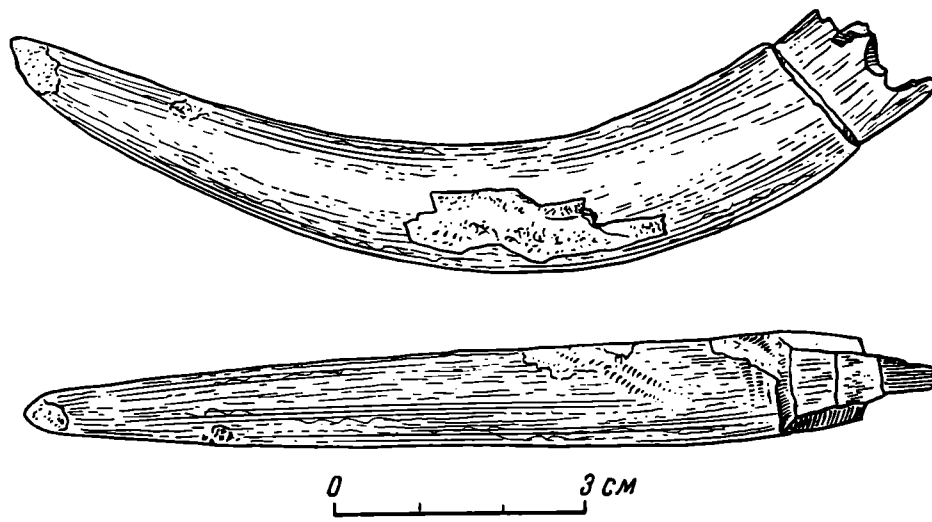


Рис. 9. Костяное изделие. ИИ 3960 219.

От V скелета сохранились остатки черепа, в том числе нижняя челюсть с молочными зубами, и фрагменты примерно четырех ребер. Эти кости, принадлежавшие маленькому ребенку, лежали на глубине 45 сантиметров. Возле остатков черепа были три обломка ножа из резца бобра (ИИ 3932:215). Этот нож, вероятно, не относился к погребению. Между IV и V скелетами было найдено на глубине 50 сантиметров костяное долото (ИИ 3960:218) и костяное острие особой формы (рис. 9).

VI скелет лежал верхней частью на глубине 45 сантиметров, на спине, в вытянутом положении; правая рука на боку, левая слегка изогнута, на бедре; ориентировка на юго-юго-восток. Скелет принадлежал, вероятно, мужчине в возрасте 20 лет. При нем найдены: отбойник, лежавший поперек левой плечевой кости (рис. 10), и ряд привесок из зубов диких животных. Около 25 просверленных зубов-привесок было найдено в области шеи; очевидно, они образовали в свое время ожерелье или были прикреплены к одежде. Большинство этих зубов имело попарно одинаковый вид, только три наиболее крупных зуба отличались от других и между собою. Это обстоятельство дает основание предполагать, что ожерелье было составлено в известном порядке, вероятно, симметрично, с наиболее крупными тремя зубами в середине. В стороне от других было найдено еще несколько просверленных зубов у плеч, а также у колен погребенного.

VII скелет (рис. 11) лежал, по сравнению с предыдущим, почти в противоположном направлении, головой на север. Он лежал также на спине в вытянутом положении, верхними частями на глубине 50—55 сантиметров; руки лежали свободно по бокам. Череп, обращенный лицом налево, был совершенно раздроблен тяжестью лежащего на нем камня диаметром около 25 сантиметров. Слой земли, отделявший камень от черепа, имел

толщину всего в несколько сантиметров, что дает основание полагать, что камень был положен на череп преднамеренно. На левой локтевой кости имеется ряд поперечных царапин или надрезов, которые, если учесть потревоженность погребения и окружающего его культурного слоя, должны

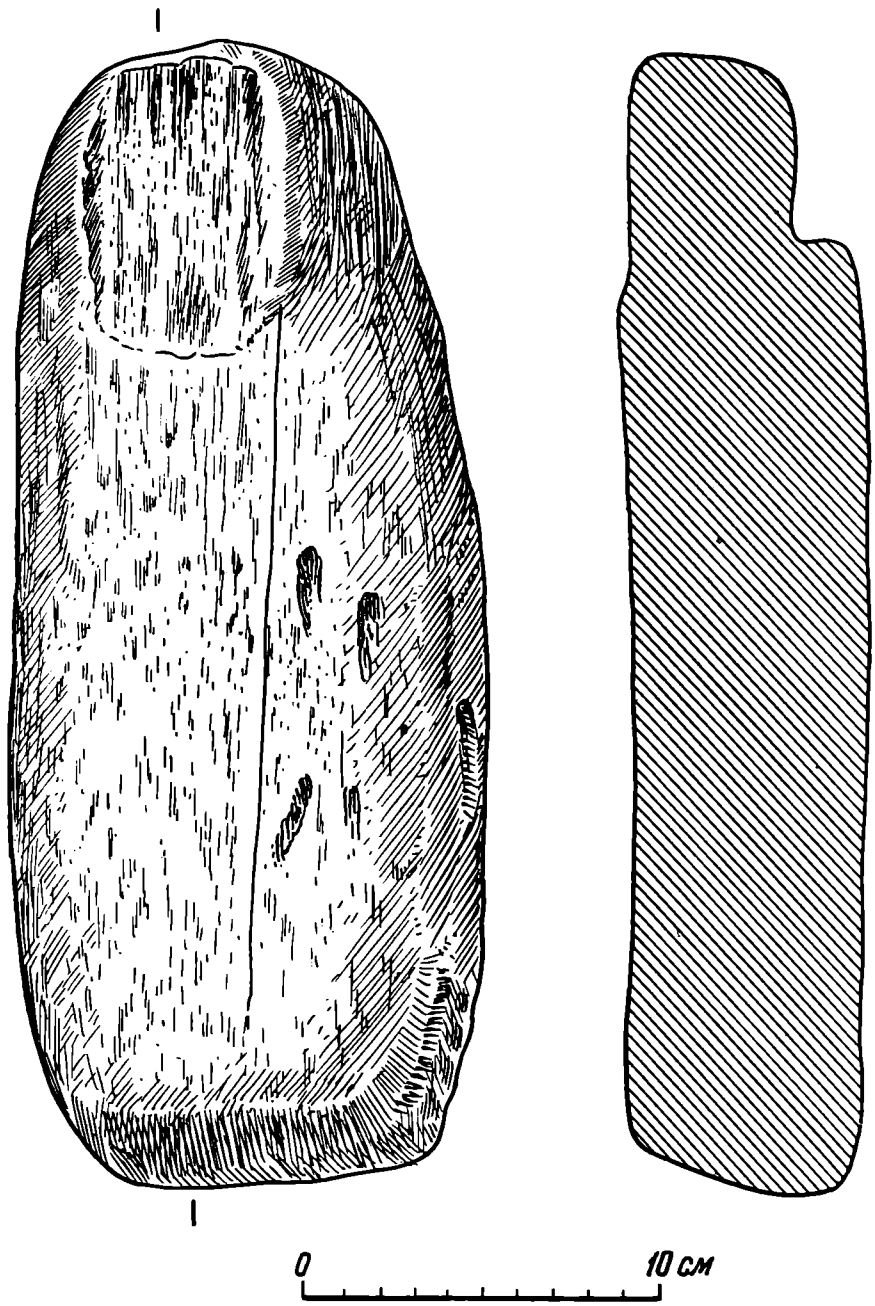


Рис. 10. Ударный камень. ИИ 3960 241.

быть нанесены или во время погребения или до него. Скелет принадлежит 10—12-летнему ребенку.

По богатству инвентаря эта могила превосходила все остальные погребения. Более того, это детское погребение оказалось самым богатым среди всех известных до сих пор на территории Эстонской ССР захоронений этой эпохи. Налево от черепа были найдены рядом друг с другом две

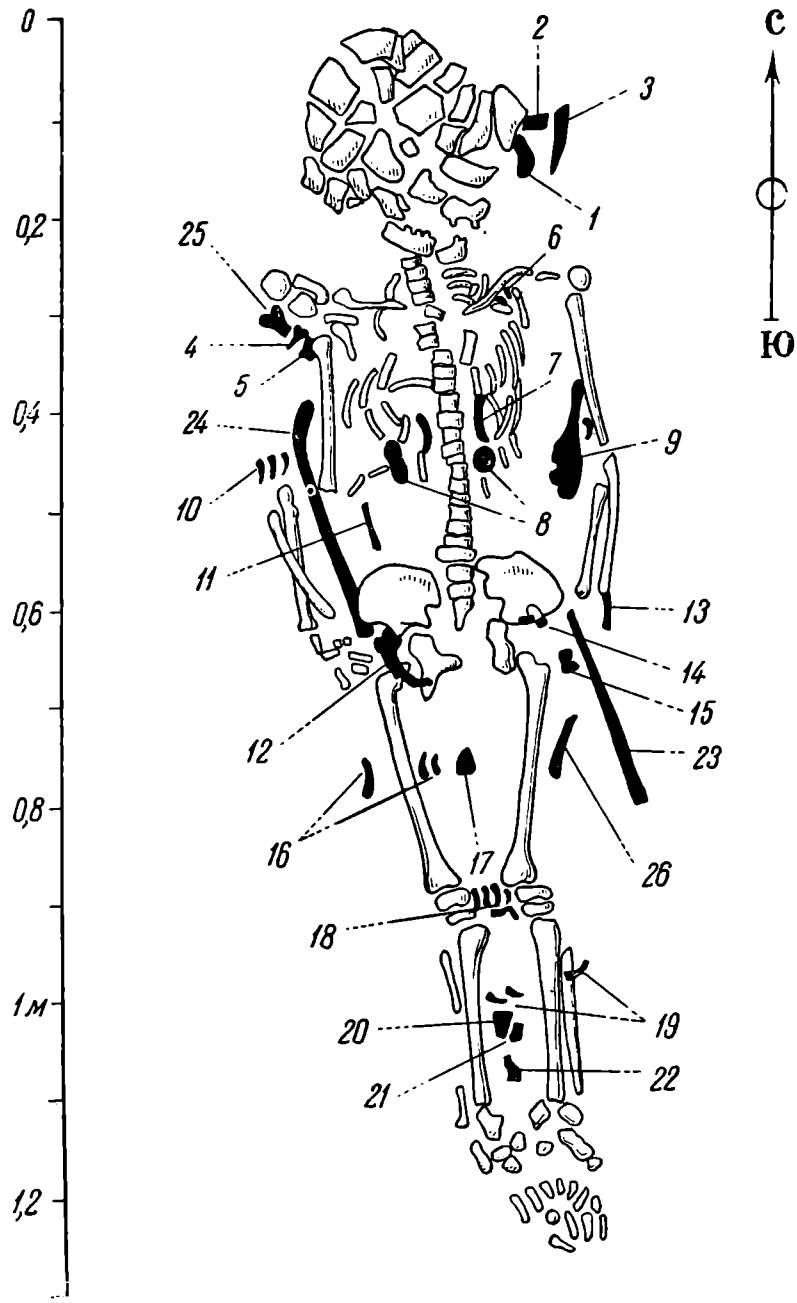


Рис. 11. Погребение VII.

1, 2— янтарные привески; *3*— обломок костяного ножичка; *4*— просверленный зуб животного; *5* — костяная фигурка гуся; *6* — кусочки янтаря; *7* — четыре просверленных зуба животных; *8* — два плоских камешка; *9* — привески из кости и зубов животных; *10* — три просверленных зуба; *11* — две пронизки из трубчатой кости; *12* — костяная фигурка лебедя; *13*—кусочек древесной коры; *14* — костяная пластинка с желобком; *15* — фрагмент костяной привески; *16* — три просверленных зуба животных; *17* — фрагмент костяной привески; *18* — пять просверленных зубов животных и фрагмент привески из трубчатой кости; *19* — просверленный зуб и два зуба лося; *20* — когтеобразное сланцевое долото; *21* — фрагмент сланцевого изделия; *22* — комок окиси железа; *23, 24*—лучевая и локтевая кости крыльев журавля; *25,26*—фрагменты костей животных.

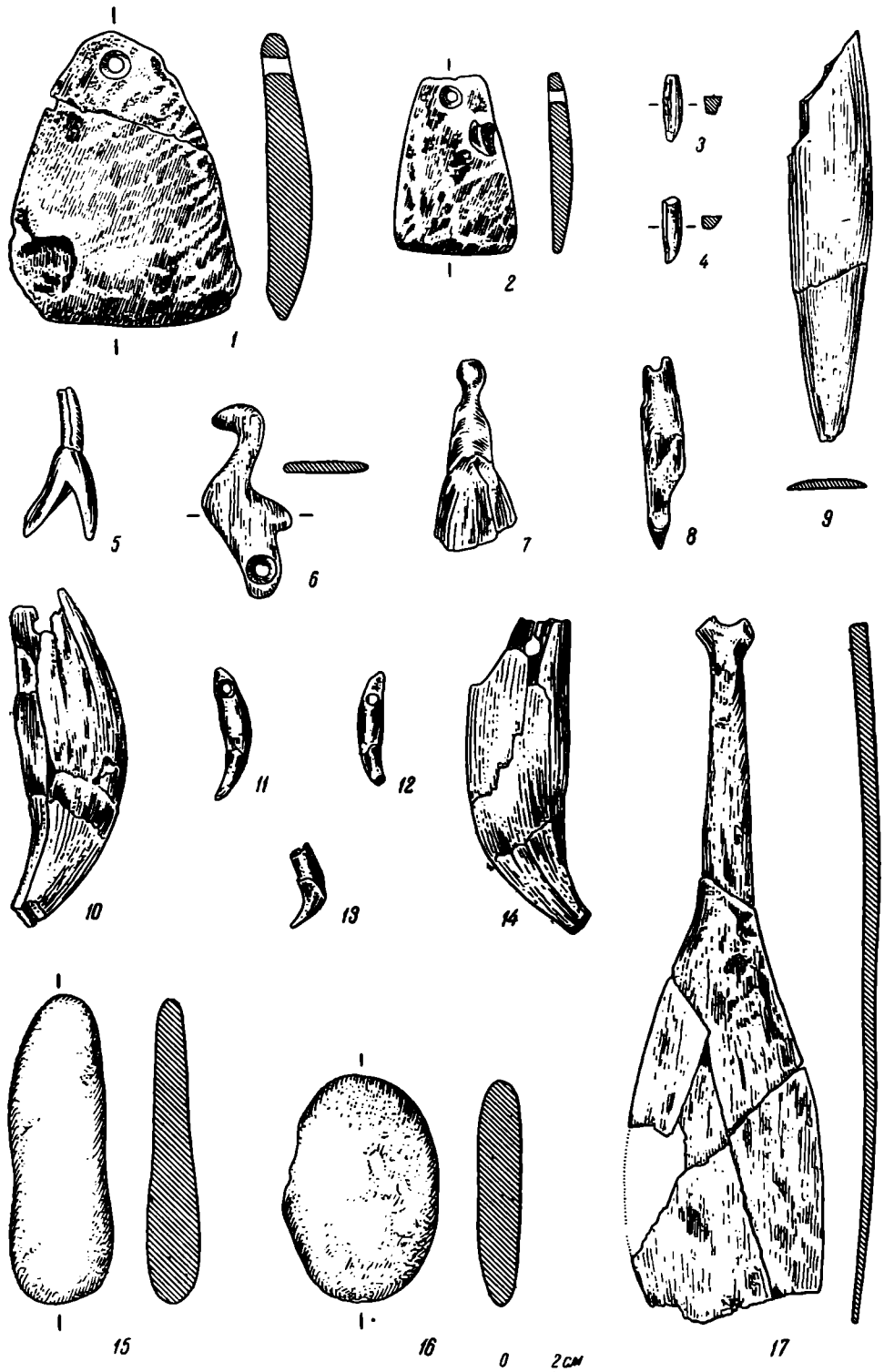


Рис. 12. Инвентарь VII погребения. Предметы, лежавшие возле головы и на груди скелета.

1, 2 — янтарные привески (ИИ 3960 : 266, 265); *3, 4* — кусочки янтаря (ИИ 3960 : 267); *5* — просверленный зуб животного (ИИ 3960 : 268); *6* — костяная фигурка гуся (ИИ 3960 269); *7, 8* —привески из зубов животных (ИИ 3960 : 274); *9* — фрагмент костяного ножичка (ИИ 3960 266а); *10—14* — просверленные зубы животных (ИИ 3960: 270, 271, 274в); *15, 16* — плоские камешки (ИИ 3960 : 272, 273); *17* — костяная привеска (ИИ 3960 : 273а).

привески из янтаря и костяной ножичек (рис. 11, *1—3*; рис. 12, *1*, *2*, *9*); на левой ключице лежали два маленьких, одинаковых по форме кусочка янтаря (рис. 11, *6*; рис. 12, *3*, *4*); на верхней части правой плечевой кости найдены были привеска из зуба лося и костяная привеска в виде фигурки птицы (рис. 11, *4*, *5*; рис. 12, *5*, *6*); посередине позвоночного столба лежали 4 зуба-привески: два средних — зубы лисицы или собаки (рис. 12, *11*, *12*), другие два — клыки медведя (рис. 12, *10*, *14*). Зубы имели попарно одинаковую величину и были расположены совершенно симметрично, просверленной корневой частью по направлению к черепу, вогнутой стороной друг против друга. Они были в свое время, очевидно, нанизаны на одну нитку. По обеим сторонам позвоночного столба, ближе к ногам, были найдены два плоских камешка с гладкой поверхностью (рис. 11, *8*; рис. 12, *15*, *16*), у правого локтя — три привески из зубов лося (рис. 11, *10*; рис. 12, *7*, *8*), в изгибе левого локтя — обломок костяной привески вместе с привеской из зуба какого-то мелкого хищника (рис. 11, *9*; рис. 12, *13*, *17*).

На правой стороне скелета между ребрами и тазом, были найдены два фрагмента пронизок из очень тонкой трубчатой кости, очевидно, птицы (рис. 11, *11*; рис. 13, *3*, *4*). Между правой бедренной костью и тазом лежала фигурка птицы, вырезанная из тонкой костяной пластинки (рис. 11, *12*; рис. 13, *2*); фигурка эта распалась на маленькие частицы. На левой стороне, под краем тазовой кости была обнаружена костяная пластинка с желобком (рис. 11, *14*, рис. 13, *8*), быть может, естественным. У верхнего конца левой бедренной кости лежал фрагмент костяной привески (рис. 11, *15*; рис. 13, *10*). У средней части правой бедренной кости были найдены три привески из зубов кабана (рис. 11, *16*; рис. 13, *5*, *6*) и фрагмент костяной привески (рис. 11, *17*; рис. 13, *9*).

Между коленями лежали 5 привесок из зубов лося и кабана (рис. 11, *18*; рис. 13, *13—16*) и фрагмент привески из тонкой трубчатой кости птицы (рис. 13, *12*), у берцовой кости привеска из зуба и два зуба лося (рис. 11, *19*; рис. 13, *18—20*); между берцовыми костями лежали сланцевое когтеобразное долото и обломок другого долота или ножа из того же материала (рис. 11, *20*, *21*; рис. 13, *17*, *21*) и красноватый комок окиси железа (рис. 11, *22*; рис. 13, *22*). Кроме того, около скелета были найдены две необработанные кости от крыла журавля: локтевая кость (ulna) под правой рукой и лучевая кость (radius) в левой руке (рис. 11, *23*, *24*; рис. 13, *1*, *23*). Возле левой руки лежал кусочек свернутой коры дерева (рис. 11, *13*; рис. 13, *11*). Кроме того, было найдено несколько обломков костей животных (рис. 11, *25*, *26*), которые, однако, могли попасть сюда случайно из культурного слоя.

Как видно, покойников хоронили неглубоко, покрывая их лишь тонким слоем земли, приблизительно в середине стоянки, и притом в двояком положении: на боку (в «положении спящего») — со скорченными ногами и скрещенными на груди или на животе руками и в вытянутом положении — со свободно вытянутыми по бокам руками. Оба эти положения являются основными в позднем неолите и остаются таковыми, пока держится обычай трупоположения.

Скорченные костяки вследствие плохой сохранности антропологически не определены. Судя по черепу, I скелет был женским. II скелет, отличающийся небольшими размерами, был, возможно, также женским, а превышающий другие по размерам III скелет, скорее всего, являлся мужским.

Погребения в вытянутом на спине положении ориентированы в диаметрально противоположном направлении; бросается в глаза обилие

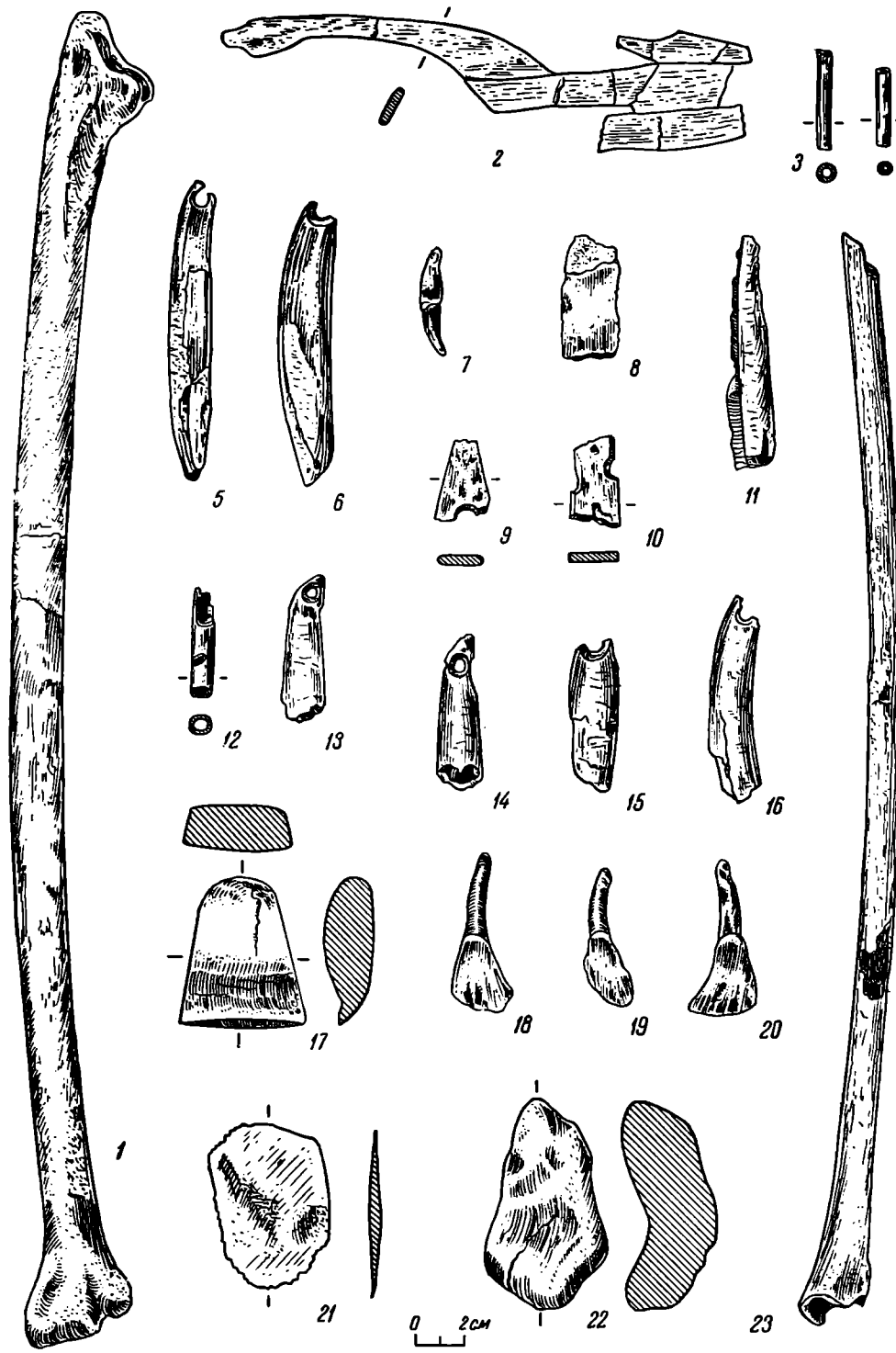


Рис. 13. Инвентарь VII погребения. Предметы, лежавшие в средней части и у ног скелета.

1, 23 — локтевая и лучевая кости крыльев журавля; *2* — костяная фигурка лебедя (ИИ 3960 : 274 в); *3, 4* — пронизки из трубчатой кости (ИИ 3960 : 274а); *5, 6* — просверленные зубы животных (ИИ 3960 : 275, 276); *7* — зуб животного (ИИ 3960 : 276); *8* — костяная пластинка с желобком (ИИ 3960 : 274в); *9, 10* — фрагменты костяных привесок (ИИ 3960 : 276а, 274d); *11* — кусочек древесной коры (ИИ 3960 : 274с); *12* — фрагмент привески из трубчатой кости (ИИ 3960 278); *13—16* — просверленные зубы животных (ИИ 3960 : 277); *17* — когтеобразное сланцевое долото (ИИ 3960 : 281); *18—20* — зубы животных (ИИ 3960 : 280, 279); *21* — фрагмент сланцевого изделия (ИИ 3960 : 282); 22 — комок окиси железа (ИИ 3960 : 283).

могильного инвентаря VII погребения по сравнению с другими захоронениями.

Интересную параллель к описываемым могилам в Тамула представляют собою некоторые погребения стоянки Кубенино[1]. Из трех скелетов в Кубенине два лежали в одном направлении, третий — в диаметрально противоположном. При последнем не было никаких находок, а у первых двух их было довольно много. Черепа всех трех скелетов, по мнению М. Е. Фосс, были преднамеренно раздроблены. В мужскую могилу, содержащую наиболее богатый могильный инвентарь, было насыпано много красной охры.

В Кубенине наиболее богатая могила принадлежала, по мнению М. Е. Фосс, охотнику, занимавшему выдающееся положение в обществе. В Тамула же в наиболее богатой инвентарем могиле был похоронен 10—12-летний ребенок, скелет которого в вытянутом положении имел длину всего 125 сантиметров. Этот ребенок не мог, разумеется, занимать выдающегося положения в качестве охотника. В могильном инвентаре VII скелета орудия производства почти отсутствуют; все другие предметы этого погребения так или иначе связаны с культом, в том числе и сверток коры и кости журавля, положение которых при скелете соответствует скорее положению магических атрибутов, чем остатков пищи. Инвентарь VII скелета представляет собою комплекс предметов, который можно сравнить, например, с известными находками «магических предметов» в Маглехэй и Хвидегард в Дании[2]. Создается впечатление, что VII скелет принадлежал ребенку, исполнявшему, вероятно, культовые функции.

Погребения на неолитический стоянке найдены в Эстонии впервые. До сих пор у нас были известны только могильники, расположенные обособленно от поселений. Правда, около некоторых из них будто бы и обнаружены следы поселений[3], но научного подтверждения эти предположения пока не нашли.

На соседних с Эстонией территориях могильники на стоянках известны во многих местах, в первую очередь в более восточных частях лесной полосы. Кроме уже названного выше могильника в Кубенине, следует назвать еще стоянку с захоронениями в Караваихе на берегу р. Еломы, относящуюся к той же каргопольской культуре, могильник на Языковской стоянке в верхнем Поволжье, могильники на стоянках Гавриловка и Володары в Горьковской области и Панфиловскую стоянку в долине реки Оки[4]. Человеческие кости найдены также в неолитических слоях

[1] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино, стр. 31 и след.; е е ж е. Погребения на стоянке Кубенино. ТГИМ, VIII, 1938, стр. 73 и след. Позднее в Кубенине были открыты еще два погребения, которые, к сожалению, не опубликованы — см. М. Е. Фосс. Древние поселения в Веретье. Археологический сборник, Петрозаводск, 1947, стр. 129.

[2] V. Воуе. Maglehio-Fundet. Aarb. NO. 1889, стр. 317; S. Müller. Nordische Altertumskunde nach Funden und Denkmälern aus Dänemark und Schleswig, I, Steinzeit — Bronzezeit. Strassburg, 1897, стр. 471.

[3] Например, у могильника в Лихула Кейлаского района — см. G. Hansen. Die Sammlungen inländischer Alterthümer und anderer auf die baltischen Provinzen bezüglichen Gegenstände des Estländischen Provinzial-Museums, Reval, 1875, стр. 1.

[4] А. Я. Брюсов. Отчет о раскопках 1938—1939 гг. ТГИМ, XII, 1941, стр. 17 и след.; е г о ж е. Археологические работы в Вологодской области в 1937—1940 гг. КСИИМК, X, 1941, стр. 101 и след.; е г о ж е. Раскопки в Чарозерском районе Вологодской области в 1946 г. КСИИМК, XX, 1948, стр. 47 и след.; П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, 106, 1935, стр. 101; О. Бадер. Неолитические погребения на верхней Волге. СА, III, стр. 217; И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником; е е ж е. Стоянка Володары, КСИИМК, XX, 1948, стр. 4 и след.; В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка, стр. 9 и след.; М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино, стр. 74.

южного побережья Ладожского озера, на стоянках Коломцы, Бологое, в Федоровском и др.[1], хотя здесь нельзя с уверенностью сказать, имеем ли мы дело с погребениями. В упомянутых стоянках покойники захоронены неглубоко, чаще всего в нижней части культурного слоя. За исключением двух могил в Кубенине и, может быть, также погребений в Володарах, эти захоронения дали довольно скудный инвентарь. Кроме нескольких костяков в сидячем положении в Караванхе и одного скорченного костяка в Володарах, все скелеты обнаружены в вытянутом положении на спине или на животе (Кубенино). Большинство перечисленных могильников относится, очевидно, ко второму тысячелетию до нашей эры.

Перечисленные нами факты ясно говорят о сходстве погребений в вытянутом положении в Тамула с неолитическими погребениями на других стоянках лесной полосы Европейской части Советского Союза. Напротив, захоронения со скорченными костяками близки по образу погребения обнаруженным на территории Эстонской ССР могилам с каменными боевыми топорами, где покойники большей частью также лежат в скорченном положении [2].

Из западных соседних стран обычай погребения на неолитических поселениях известен в Скандинавии, в частности, на острове Готланде. В литературе описано 5 неолитических поселений с погребениями в неглубоких ямах [3]. В могилах на поселениях острова Готланда скелеты лежали в большинстве случаев также в вытянутом положении, на спине.

К югу от Эстонской ССР ближайшие погребения на поселениях известны на Куршской косе. Здесь они встречаются, главным образом, на позднеолитических поселениях со шнуровой керамикой и принадлежат населению, которое было уже знакомо с зачатками скотоводства и земледелия. Покойники захоронены здесь на боку в скорченном положении [4]. В скорченном положении покойники погребены также на стоянках так называемой «культуры ленточной керамики» на территории Польши [5].

До сих пор предполагалось, что захоронение покойников в грунтовых могилах возникло в Эстонии только с началом скотоводства и появлением культуры боевых топоров и было, быть может, связано с проникновением сюда новых этнических элементов. Но теперь в Тамула открыт могильник на стоянке, т. е. погребальный памятник, характеризующийся весьма архаическими чертами и отражающий древнейшую ступень погребального обряда. Поэтому нужно считаться с возможностью обнаружения и других ранних могил в пределах Эстонии.

Хотя захоронения на стоянке Тамула представляют собою, повидимому, наиболее древний тип погребений на территории Эстонской ССР, это не означает, что погребения в Тамула абсолютно древнее могильников

---

[1] А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, стр. 91 и след.; [А. А. Спицын.] Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, Новая серия, IX, вып. 1 и 2, СПб., 1897, стр. 237 и след.; М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино, стр. 74.

[2] О погребениях культуры боевых топоров в Эстонии вообще см. Л. Янитс. Могильники позднего неолита и ранней эпохи бронзы на территории Эстонской ССР. КСИИМК, XLII, 1952.

[3] J. Nihlén. Gotlands stenaldersboplatser. Stockholm, 1927, стр. 168 и след.; M. Stenberger. Das Västerbjersfeld. Ein Grabfeld Ganggräberzeit auf Gotland. AA, X, 1939, стр. 60 и след.

[4] M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte. Berlin, 1924—1932, IX, стр. 267.

[5] K. Jaźdźewski. Cmentarzyska kultury ceramiki wstęgowej i związane z nimi ślady osadnictwa w Brześciu Kujawskim. Wiadomości Archeologiczne, XV, Warszawa, 1938, стр. 36 и 60.

с боевыми топорами. Стоянка Тамула датируется сравнительно поздним временем, и, как мы увидим, ее обитатели должны были иметь сношения со скотоводами культуры боевых топоров. Нам представляется даже вероятным, что именно под влиянием этого соприкосновения появляется здесь обычай захоронения в скорченном положении.

ВЕЩЕСТВЕННЫЙ МАТЕРИАЛ

Если сгруппировать предметы, обнаруженные в Тамула, по материалу, то получаются следующие соотношения: изделий из рога и кости (по большей части фрагменты)—427, каменных предметов — 210, в том числе из кремня и кварца — 151, из сланца — 30, из других пород — 29; обработанных и необработанных кусков янтаря — 30; фрагментов керамики — 739; кроме того, одна глиняная фигурка. Изделия из дерева, к сожалению, не сохранились за исключением концов свай и некоторых полуистлевших остатков дерева в нижней части культурного слоя.

Прослеживая стратиграфию находок, можно установить сосредоточение известных видов предметов на определенной глубине. Так, оказалось, что янтарь и керамика двух определенных типов встречаются почти только в нижних горизонтах культурного слоя, тогда как шнуровая керамика и сланцевые изделия характерны для более позднего периода стоянки. Рис. 5 дает обзор стратиграфии находок по средней глубине залегания различных типов вещей. Учитывая некоторые перемещения в связи с захоронениями, мы видим в общем известную последовательность во всей наиболее богатой находками средней и западной частях раскопа. В восточной части раскопа, около очага, имелось, очевидно, перемещение слоев, произведенное человеком или водою.

Керамика сохранилась в Тамула только в виде небольших фрагментов, по которым невозможно установить ни размера, ни формы сосудов, ни даже в достаточной мере их орнаментации. Вследствие этого трудно дать полный обзор керамики. Все же можно наметить две группы, из которых одна составляет всего $^1/_7$ всей керамики, но отличается от остальной настолько резко по составу теста глины, обжигу, характеру орнамента и другим свойствам, что целесообразнее рассматривать обе группы особо.

Глиняное тесто более многочисленной группы керамики в общем довольно однообразно и отличается содержанием значительного количества мелкого песка, а во многих случаях также примеси толченых раковин. Находясь в сыром торфянике, эта керамика стала ломкой и рыхлой, чему способствовал ее слабый обжиг. На последнее указывает также цвет черепков, среди которых доминируют светлые желтовато- и коричневато-серые тона. Толщина черепков колеблется от 0,4 до 1,5 сантиметра; только один фрагмент края сосуда достигает толщины 1,7 сантиметра (ИИ 3960 74). Большинство толстостенных черепков принадлежит, очевидно, сосудам с диаметром горла в 20—30 сантиметров (например, ИИ 3932 : 178), которые, судя по величине, могли употребляться для варки пищи [1]. О существовании сосудов меньшего размера свидетельствуют более тонкостенные черепки, которые, однако, не дают возможности установить величину этих сосудов.

Края сосудов с наружной стороны обычно плоски или чуть выпуклы, гладки и немного толще нижней части стенок, что типично для ямочно-

[1] М. В. Воеводский. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. СА, I, 1936, стр. 54 и след.

гребенчатой керамики. Плоскость края более или менее перпендикулярна к плоскости стенки (ИИ 3960 128, 233 и др.) или немного наклонна во внутрь (рис. 14, *1*, *6*; рис. 15, *3*, *6* и др.). Из последнего обстоятельства

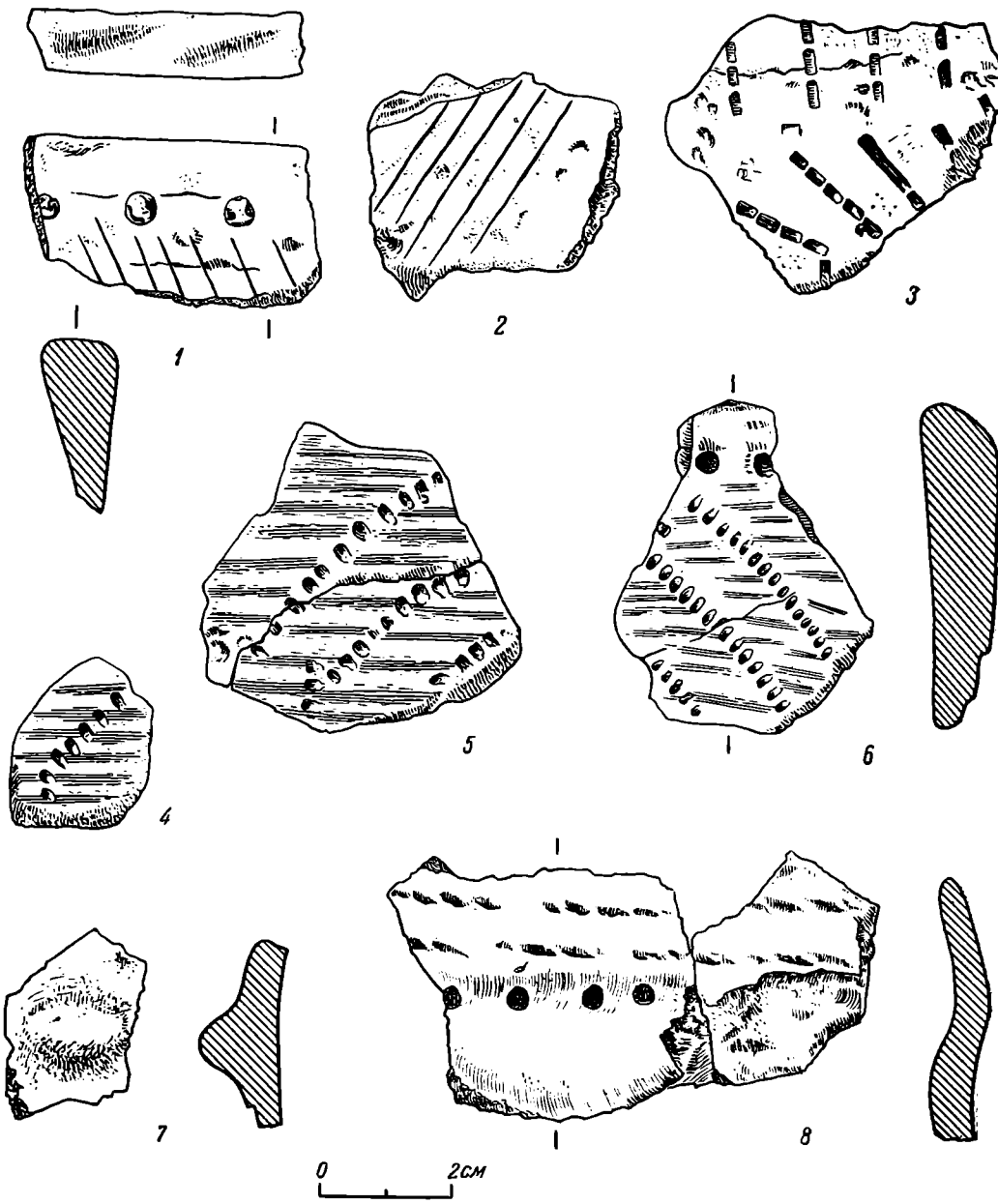


Рис. 14. Керамика.

1 — ИИ 3960 : 65; *2* — ИИ 3960 : 63; *3* — ИИ 3960 80; *4* — ИИ 3960 59; *5* — ИИ 3960 : 91; *6* — ИИ 3932 : 235; *7* — ИИ 3932 140; *8* — ИИ 3932 113, 123.

вытекает, что соответствующие сосуды ниже края немного суживались. У одного черепка наклон плоскости края во внутрь проявляется до того резко, что его можно отнести к плоскому сосуду наподобие блюда (ИИ 3932 144). В некоторых случаях край сосуда расширяется в виде тонкой выдающейся каймы (рис. 15,7). Такая форма края является типичной для так называемой «асбестовой керамики»

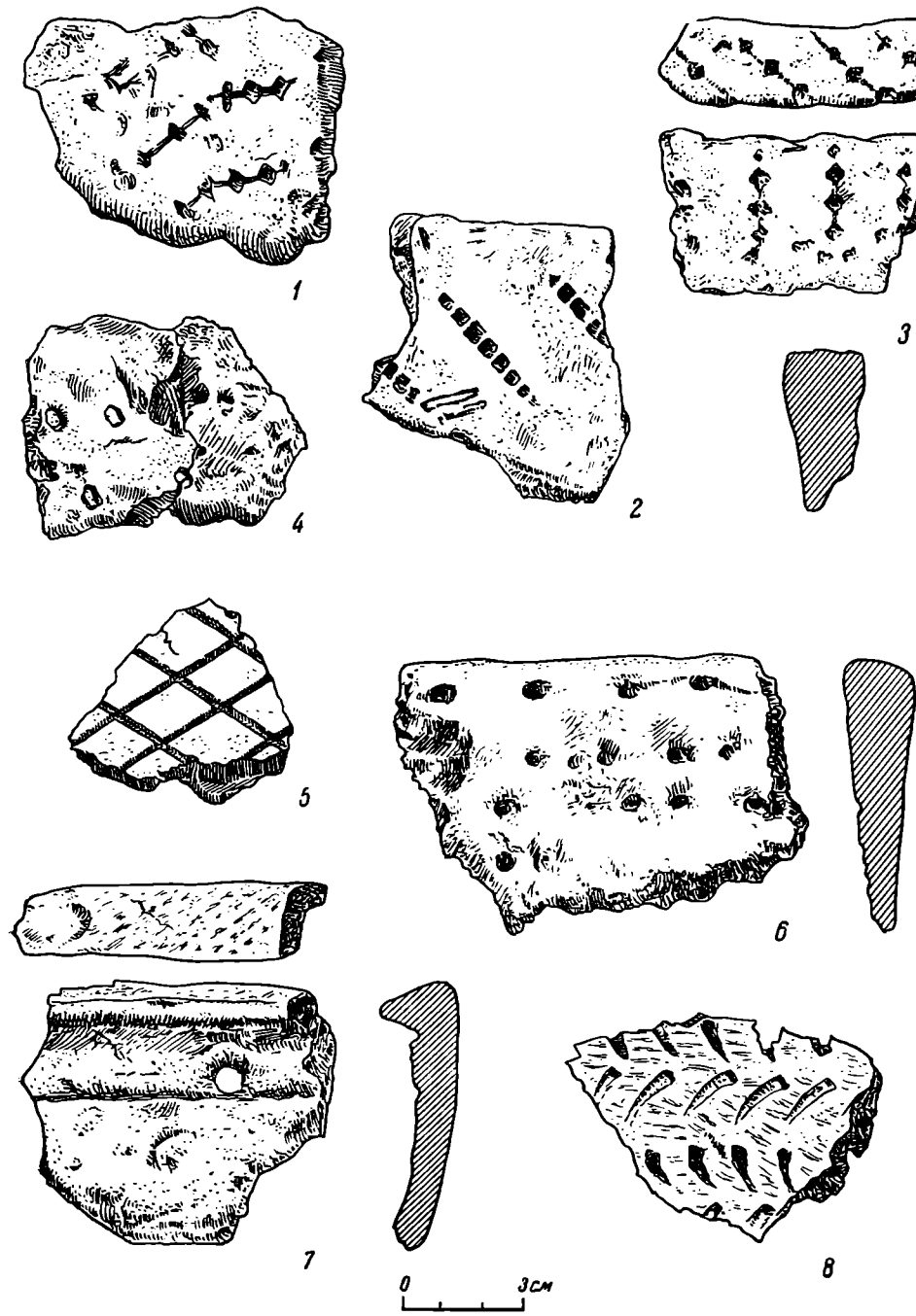


Рис. 15. Керамика.

1 — ИИ 3960 287; *2* — ИИ 3932 114; *3* — ИИ 3960 36; *4* — ИИ 3932 : 214, *5* — ИИ 3659 11; *6* — ИИ 3659 : 2; *7* — ИИ 3932 15; *8* — ИИ 3932 254.

Карелии и Финляндии [1], где она встречается, как и в Тамула, у более тонкостенных сосудов. За исключением сосудов, которые мы относим к шнуровой керамике, все сосуды имели, повидимому, выпуклое дно, так как ни одного фрагмента плоского дна сосудов не сохранилось.

[1] A. Europaeus-Äyräpää. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland, I, II. AA, I, 1930, стр. 208, рис. 100, 101.

Большинство фрагментов не орнаментировано. На основании орнамента из описываемой основной группы керамики можно выделить две подгруппы. Главным мотивом орнамента сосудов первой подгруппы

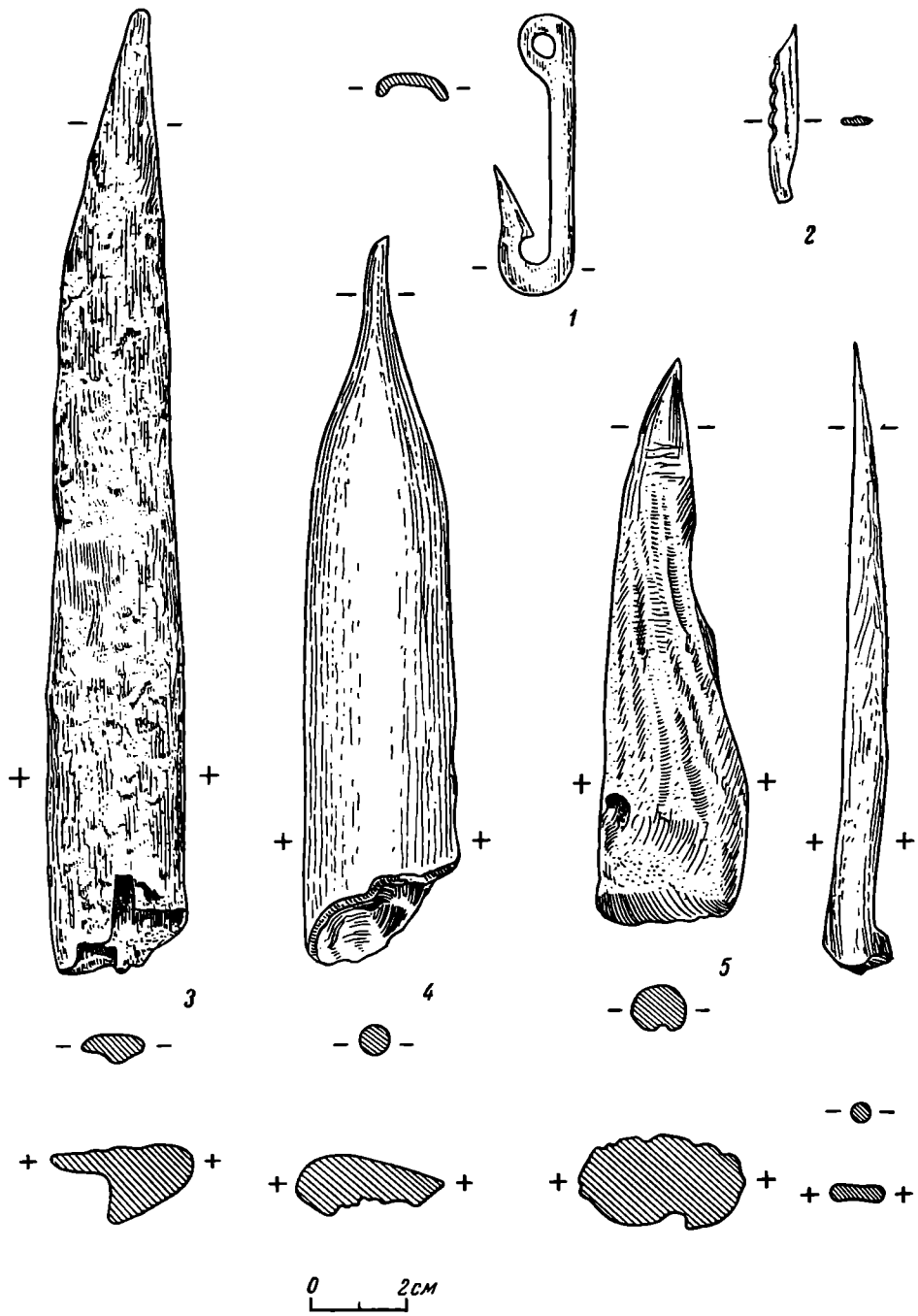


Рис. 16. Рыболовные крючки, шилья и игла (из кости).
1 — ИИ 3932 35; *2* — ИИ 3960 154; *3* — ИИ 3932 134; *4* — ИИ 3659 12; *5* — ИИ 3932 110; *6* — ИИ 3932 171.

являются узкие, едва заметные отпечатки гребенки, расположенные параллельно или же под некоторым углом друг к другу. Отпечатки зубцов гребенки имеют продолговато-четырехугольную форму (ИИ 3960 : 49,

65 и др.). Иногда таким же орнаментом украшен край сосудов (ИИ 3960 233 и др.). На одном фрагменте виден ряд параллельных зигзагов, сделанных гребенчатым штампом (рис. 14, *3*). Другим типичным для этой подгруппы керамики орнаментом являются длинные, тонкие линии, расположенные параллельно, группами по четыре, пять и более (рис. 14, *2*), а иногда расположенные косо по отношению к краю сосуда (рис. 14, *1*).

В другой подгруппе основным мотивом орнамента являются маленькие овальные, ромбовидные или треугольные вдавления, расположенные параллельными рядами. Часть из них нанесена гребенчатым штампом. Такой орнамент охватывает сосуд в виде пояса ниже края, причем между этим пояском и самым краем сосуда иногда встречаются небольшие ямочки; даже самый край сосудов иногда покрыт рядами ромбиков. Поверхность сосудов этой подгруппы часто заштрихована (рис. 14, *4—6*).

Керамика обеих подгрупп сосредоточивается в нижних горизонтах культурного слоя, причем средняя глубина залегания черепков второй группы на 5—10 сантиметров меньше глубины первой подгруппы (ср. рис. 5). Поэтому кажется, что, хотя обе эти подгруппы бытовали одновременно, все же керамика, украшенная ромбами, держалась несколько дольше.

Остальная керамика, первой основной группы, обнаружена во всех горизонтах культурного слоя. Из нее не удалось ни по составу теста, ни по орнаменту выделить дальнейших подгрупп. На некоторых из этих черепков встречается гребенчатый орнамент, причем с более широкими отпечатками, чем у первой подгруппы (рис. 15, *2*). Имеются также оттиски различных других штампов (рис. 15, *1*). Иногда гребенчатым орнаментом украшены края сосуда (рис. 15, *3*). Встречаются разные виды ямочек, чаще всего маленькие и неглубокие, небрежно вдавленные (рис. 15, *6*). На ряде черепков наблюдается своеобразная орнаментация из маленьких кружков, нанесенных, очевидно, либо тонкой трубчатой костью, либо тростинкой (рис. 15, *4*). Этот орнамент встречается часто на керамике позднего неолита [1] В Эстонии подобный орнамент наблюдался пока на керамике на стоянках Ягала Харьюского района (восточнее Таллина) и Валма Вильяндинского района, на северо-западном побережье оз. Вырцъярв [2].

На некоторых фрагментах встречается линейный орнамент, образованный, однако, более широкими линиями, чем у первой подгруппы (рис. 15, *5,7*).

Таким образом, мы имеем в Тамула дело с ямочно-гребенчатой керамикой сравнительно позднего характера.

Сходную по составу глиняного теста и орнаментике керамику находим на стоянке Риннюкалнс на оз. Буртниеки в Латвии, где встречаются преимущественно аналогии керамики второй подгруппы [3] и меньше первой [4]. Параллели керамике первой подгруппы имеются на эстонских стоянках Вилла, в 5 километрах от Тамула, на р. Выханду и Акали близ устья р. Эймайыги и Чудского озера [5], где керамика, сходная со второй

---

[1] См. И. К. Цветкова. Стоянка Володары..., рис. 3, *12*; Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, рис. 20, *2*, *3*; A. Europaeus-Äyräpää. Ук. соч., рис. 70; M. Ebert. Reallexicon..., IV, табл. 183; IX, табл. 27, *k*.

[2] ИИ 2495 : 26; ИИ 4022 : 1042 и др.

[3] RK. 1930, табл. 1, *34*, RK, 1930, табл. 4, *33*, *35*; Latvijas vestures pirmavoti, V. Riga, 1927, рис. 2,3,5, ИИ 1392 : 269—336, 343.

[4] Latvijas..., рис. 2, *r*; ИИ 1392 : 337, 339.

[5] ИИ 4037 : 38, 39, 100 и др.; ИИ 4013 58, 86, 114 и др.

подгруппой[1], имеется только в виде единичных черепков. Черепки с орнаментом типа изображенных на рис. 15, *1*, *3*[2] найдены на стоянке Куллямяги близ устья р. Эймайыги. Ямки и отчасти гребенчатый элемент орнамента, сходный с тамульским, имеются в керамике стоянок Леяс-Цийскас, Пурциемс (С и Д), Лиезерис и Ича, в Латвии [3 и 4] и Цедмаре в Калининградской области[5].

На востоке параллели гребенчатой керамике Тамула мы находим на Бологовской[6] и Лахтинской [7] стоянках в Ленинградской области, в асбестовой керамике Карелии (узкие гребенчатые зигзаги, как в первой подгруппе) [8], в керамике типа Киукайнен в Финляндии (ср. рис. 15, *1*, *3*), в керамике каменных ящиков Швеции[9].

Остановимся вкратце на одном особом типе керамики из Тамула, который, судя по орнаментике, следует отнести к так называемым шнуровым сосудам. В Тамула найдено 114 фрагментов такой керамики; из них только восемь орнаментированы, однако эту керамику легко отличить от остальной, хотя бы по составу глиняного теста: для этой керамики характерна плотная глина с примесью мелкой дресвы. Фрагменты шнуровой керамики имеют черноватый или довольно темный коричневато-серый цвет, причем иногда их поверхность покрыта тонким, более светлым слоем. Шнуровая керамика имеет сглаженную поверхность и обожжена значительно лучше, чем остальная керамика.

Хотя шнуровая керамика из Тамула сравнительно тонкостенна, (0,5—0,8 сантиметра), по размерам она не меньше толстостенных сосудов. Так, например, изображенный на рис. 14, *8* черепок принадлежал сосуду с диаметром 25—30 сантиметров. Край простой и слегка приплюснут; он имеет одинаковую толщину со стенками нижней части сосуда. Очевидно, этот сосуд ниже края немного расширялся, имея слегка вогнутую шейку и округленные или даже почти острые плечики (рис. 14, *8*; ИИ 3932:129, 150, 282, 320). Возможно, что некоторые сосуды имели в области плечиков овальные бугорки (рис. 14, 7). Ниже плечиков сосуд, очевидно, постепенно суживался, имея плоское дно, диаметр которого достигал 8—10 сантиметров (ИИ 3932 286, 320; 3960 235, 236).

Основным орнаментальным мотивом являются отпечатки шнура, идущие вокруг шейки сосуда в две, а иногда и в одну линию. Ниже, над плечиками встречается иногда, параллельно со шнуровой линией, ряд маленьких, глубоких плоскодонных ямочек. Эти ямочки отличаются по своему характеру от ямочек остальной нашей керамики.

Шнуровая керамика залегала в верхней части культурного слоя (рис. 5). В тех исключительных случаях, когда отдельные фрагменты этой керамики обнаруживались несколько глубже, культурный слой был явно перемешан. Следовательно, эта керамика относится к более позднему периоду существования стоянки.

---

[1] ИИ 4037 119, 936, 1000, 1130, 1419; ИИ 4013 : 256, 345, 453 и др.

[2] ИИ 4045 33, 34, 38, 205, 254, 518, 645, 685, 691, 695, 705, 706, 731, 738, 754,842.

[3] Congressus secundus..., стр. 411 и табл. 1. Senatne un Māksla, Rīgā, I, 1937, стр. 46 и рис. 5, 6, 8; IV, 1937, стр. 83 и рис. 4.

[4] Latvijas..., рис. 5, в частности, рис. 5*b*, ; ГЦИМЛ № 8597 4; Senatne..., I, 1937, рис. 6, *a*, *b*.

[5] Congressus secundus..., стр. 415.

[6] А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века. ЗОРСА, V, вып. 1, 1903, табл. XXXV, I, *2*, *6*, *7*, *8*. Коллекция Рериха в ГЭ, № 1517.

[7] ГЭ, № 1344: 16, 17, 69; 1402 8.

[8] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, рис. 36.

[9] А. Europaeus-Äyräpää. Ук. соч., стр. 205 и рис. 87—99; M. Ebert. Ук. соч., VI, табл. 93.

Наконец, следует упомянуть черепок, изображенный на рис. 15, *8*, который среди остальной керамики является единственным как по составу глиняного теста, так и по орнаменту. Он украшен двоякого рода продолговатыми отпечатками, расположенными чередующимися рядами. Этот фрагмент был найден в нижней части культурного слоя.

В энеолите и в начале эпохи бронзы шнуровая керамика имела широкое распространение в средней, северной и восточной Европе. Из ближайших к Эстонии территорий этой керамикой особенно богата Куршская коса и прибрежная полоса к юго-западу от нее. На территории Эстонии, Латвии и в северо-западной части РСФСР шнуровой керамики до сих пор найдено мало. Сравнительно чаще она встречается в Финляндии, где известны поселения, на которых шнуровые сосуды составляют главную часть керамики[1]. В Эстонии керамика с отпечатками шнура до настоящего времени обнаруживалась преимущественно в памятниках железного века[2]. Из числа неолитических стоянок только некоторые стоянки (Акали, Кулламяги, Вилла) дали единичные фрагменты настоящей шнуровой керамики, и один такой черепок был найден в могильнике эпохи ранней бронзы в Кивисааре Цыльтсамааского района[3]. Несколько обломков шнуровой керамики имеется также среди подъемного материала из реки Пярну[4]. Зато в некоторых могилах культуры боевых топоров найдена керамика, украшенная другим типичным для шнуровой керамики орнаментальным мотивом — нарезным узором в «елочку». Такая керамика обнаружена при погребениях в Тутку и Тика Ориссаареского района на острове Сааремаа и при одном погребении в Арду Козеского района[5]. Некоторые фрагменты той же керамики найдены и на стоянках Акали и Кулламяги[6].

На территории Латвийской ССР шнуровая керамика и ее разновидность с узором в «елочку» найдена в могильниках Тояти и Рутениеки, давших одну только шнуровую керамику[7], а единичные фрагменты — на стоянках Леяс-Цийскас и Ича[8]. Обломки шнуровых сосудов имеются также среди случайных находок на Двиэте[9].

Некоторые близкие параллели обнаружены также в Цедмаре[10].

На шнуровой керамике прибрежных стоянок Калининградской области и Польши наблюдаются довольно часто такие же бугорки, как на одном черепке из Тамула[11].

Шнуровая керамика составляет в Средней Европе типичное явление для энеолита. Отдельные сосуды, украшенные шнуром, начинают появляться уже на некоторых стоянках с поздней ямочно-гребенчатой керамикой; это явление наблюдается даже в северо-западной части РСФСР,

---

[1] A. Europaeus. Fornfynd fran Kyrkslätt och Esbo socknar. SMYA, XXXII, 1922, стр. 125 и табл. VIII—XI.

[2] A. Vassar. Drei Steinkistengräber aus Nordestland. Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat, 1937, I, Tartu, 1938, стр. 353, рис. 18, *2*.

[3] ИИ 3661 : 88; 3800 : 117, 165, 498; 4013 : 34, 104, 216, 429, 556, 809, 4060, 4189, 4721, 7085, 7108, 7256; 4045: 82, 563, 814; 4037 : 171; 2578 : 63.

[4] Пярнусский Межрайон. краеведч. музей.

[5] ИИ 3663 : 3, 4; 3499 : 2—9.

[6] ИИ 3800 : 512; 4013 : 206; 4045 : 238.

[7] RK, 1930, стр. 13, табл. *7*, *9—12*, *14*. Latviežu kultūra senatnē Rīgā, 1937, табл. *IV*,*1—6*; V, *9—16*.

[8] Congressus secundus..., стр. 411 и табл. IV, *11*; ГЦИМЛ, № 8596 : 7; 8603 3. Материалы из Ича также хранятся в ГЦИМЛ.

[9] ГЦИМЛ, № 9586 : 39.

[10] Congressus secundus..., стр. 415 и табл. I, *12*, *14*.

[11] Там же, стр. 57, рис. 1, *9—11*.

а также и в Финляндии [1]. Керамика, украшенная отпечатками шнура, встречается и на поздних неолитических стоянках острова Готланда [2].

Ввиду того, что шнуровая керамика, обнаруженная в Тамула, во всех отношениях отличается от остальной керамики этой стоянки, возникает вопрос, не попала ли она сюда путем обмена. Если бы она изготовлялась на месте, то технические усовершенствования, применяемые при изготовлении шнуровой керамики, имели бы место и при изготовлении остальной керамики более поздних слоев, чего, однако, не наблюдается.

В общем, керамика стоянки Тамула относится, очевидно, к поздней ямочно-гребенчатой керамике. Обнаруженная же в более поздней части стоянки шнуровая керамика показывает, что во время существования стоянки Тамула шнуровая керамика уже бытовала у соседних племен и что обитатели Тамула находились в непосредственном обмене с этими соседями.

Орудий для охоты и ловли рыбы найдено в Тамула сравнительно мало, несмотря на то, что охота и рыбная ловля являлись основой хозяйства коллектива, обитавшего на этой стоянке.

Наконечников стрел найдено в Тамуле 16 (одиннадцать костяных и пять кремневых). Костяные наконечники стрел обычно тонки; они имеют форму ивового листа (ИИ 3932 118, 158, 205, 248; 3960 82, 163) с постепенно суживающимся черешком (рис. 8, *1*). Их ширина достигает в средней части 0,9 сантиметра, толщина колеблется от 0,25 до 0,4 сантиметра, длина не поддается точному измерению вследствие фрагментарности. Все наконечники стрел этого типа найдены в нижнем горизонте культурного слоя. Наиболее близкие параллели к ним имеются из Риннюкалнса [3]; стрелы, найденные в Акали, по размерам несколько крупнее и шире [4]. Близкие к этому типу наконечники найдены на Ладожском озере, в Караваихе и в Веретье [5].

Изображенные на рис. 8, *2*, *3* наконечники отличаются от них величиной и формой.

Более или менее близкие параллели к большему наконечнику имеются из Веретья, к меньшему — из Риннюкалнса[6].

Изображенный на рис. 8, *4* наконечник стрелы имеет почти треугольную форму; он отличается резко суживающимся черешком. Параллели к этому наконечнику имеются в поздних стоянках каргопольской культуры и на р. Чусовой [7]. Наконец, надо упомянуть об обломке наконечника стрелы со сравнительно широким черешком и двумя небольшими шипами при основании листа (рис. 8, *5*). Он был найден в верхней части культурного слоя и является, таким образом, более поздним, чем остальные.

[1] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино, стр. 49 и табл. XI, *3*, *6*; е е ж е. Стоянка на оз. Лача у устья р. Кинемы. КСИИМК, XIV, 1947, рис. 15, *5*, стр. 21; М. В. Воеводский, А. В. Збруева. Участок по р. Шексне. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., I, М.— Л., 1935, рис. 116, *8*, *9*, *11*; A. Europaeus-Äyräpää. Ук. соч., стр. 205 и рис. 87.

[2] J. Nihlén. Ук. соч., рис. 49; M. Stenberger. Ук. соч., стр. 103; B. Schnittger, H. Rydh. Grottan Stora Förvar pa Stora Karlsö. Stockholm, 1940, рис. 73, табл. XXIII.

[3] ИИ 1368 : 6—8, 13—15, 17.

[4] ИИ 3800 : 237, 289, 305.

[5] А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера, табл. X, *16*, *19*; А. Я. Брюсов. Археологические работы..., рис. 37, *и*; М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье. МИА, № 2, 1941, табл. 1, *3*; е е ж е. Стоянка Веретье, табл. I, *1*.

[6] М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия..., табл. III, *6*; ИИ 1368 : 11.

[7] Е е ж е. Стоянка на оз. Лача у устья р. Кинемы, рис. 13, *9*; е е ж е. Стоянка Веретье..., табл. VIII, *2*, XII, *7*; Н. А. Прокошев. Район реки Чусовой. Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг., I. М.—Л., 1935, рис. 184, *24*.

Из Риннюкалнса имеются стрелы, занимающие по форме промежуточное место между двумя последними типами[1].

Найденные в Тамула кремневые наконечники стрел относятся к разным типам. Ромбовидный наконечник, с хорошо выполненной ретушью по всей поверхности (рис. 8, *7*), имеет параллели из стоянки Крооди Харвюского района и из Акали в пределах Эстонии, из стоянок Звейниеки и Личагалса в Латвии[2]. По типу близок к нему плоский наконечник с постепенно суживающимся черешком, с ретушью только по краям (рис. 8; *6*). Такой же наконечник стрелы найден в Акали и несколько подобных — в Звейниеки[3]. Один фрагмент (ИИ 3932 91) принадлежал, очевидно, наконечнику остроовальной формы, известной в Эстонии по находке из стоянки Акали и имеющейся также среди подъемного материала из Колга-Яани Пыльтсамааского района и в коллекции со стоянки Ломми в низовье р. Луги в Ленинградской области[4]. В Латвии такие наконечники известны по находкам из Риннюкалнса, Звейниеки и Личагалса[5]. Один фрагмент с поломанным острием и коротким, резко суживающимся черешком имеет только по краям незначительную ретушь (рис. 8, *8*). Эта форма восходит к свидерскому типу и встречается уже в Кунда[6]. На других стоянках Эстонии такие наконечники неизвестны; близкие по ретуши краев экземпляры встречаются в Оленеостровском могильнике на Онежском озере[7]. Наконец, в Тамула имеется еще маленький, тонкий кремневый наконечник стрелы треугольной формы с ретушью по краям (рис. 8, *9*). Параллели к нему имеются в Акали, Риннюкалнсе и Леяс-Цийскасе[8].

Кремневые наконечники стрел в общем таких же типов, как в Тамула, встречаются и южнее на Куршской косе[9]. Они имеют широкое распространение во всей лесной полосе Восточной Европы.

У некоторых кремневых наконечников стрел из Тамула наблюдается пильчатость краев. Этот способ обработки кремня характерен для энеолита и эпохи бронзы и широко применялся на стоянках по побережью Белого моря[10].

От наконечников гарпунов в Тамула сохранилось четыре обломка черешков, изготовленные из крепкой трубчатой кости (рис. 8, *10*, *11*; ИИ 3932 13,38), все со сверлиной на конце. Верхняя зазубренная часть у них отломана. Судя по одному зубцу, найденному возле украшенного нарезками гарпуна (рис. 8, *11*), это были односторонние гарпуны с большими клювообразными зубцами.

Фрагменты гарпунов со сверлиной и с большими зубцами найдены в Эстонии в Акали и на реке Пярну[11]. У гарпунов из мезолитической стоянки

[1] ИИ 1368 : 3—5.

[2] ИИ 3500 : 1; 3661 4; RK, табл. 1, *43*, *47*; ИИ 1235 : 415; RK, 1930, табл. 3, *3*.

[3] ИИ 3800 : 387; 1235 : 4,461.

[4] ИИ 3800 : 111, 330; Sitzungsberichte der Altertumforschende Gesellschaft zu Pernau. VII, Pärnu, 1914, стр. XXXIV, табл. IV, *90*; ИИ 3867: 5,77, 94, 290.

[5] RK, 1930, табл. 4, *7*; ИИ 1368 : 201; RK, 1930, табл. 3, *9*; ИИ 1235: 416, 417; RK, 1930, табл. 3, *2*.

[6] Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat. (1934) Tartu, 1936, стр. 244, рис. 7, *1*, *2*.

[7] В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА. VI, 1940, рис. 8 (в особенности верхний левый наконечник).

[8] ИИ 3800 : 156; 1235 : 421; Congressus secundus..., стр. 418, табл. III, *12*.

[9] A. Voss. Photographisches Album der Ausstellung Praehistorischer und Anthropologischer Funde Deutschlands, I, Berlin, 1880, табл. I.

[10] М. Е. Фосс. Неолитические культуры севера Европейской части СССР. СА, IX, 1947, стр. 37, табл. I, *1—4*; В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников Беломорского побережья. СА, IV, 1937, рис. 16—22.

[11] ИИ 3800 : 56, 248, 326, 336, 425; Sitzungsberichte..., VIII, 1926, стр. 288 и след. (№ 29—50).

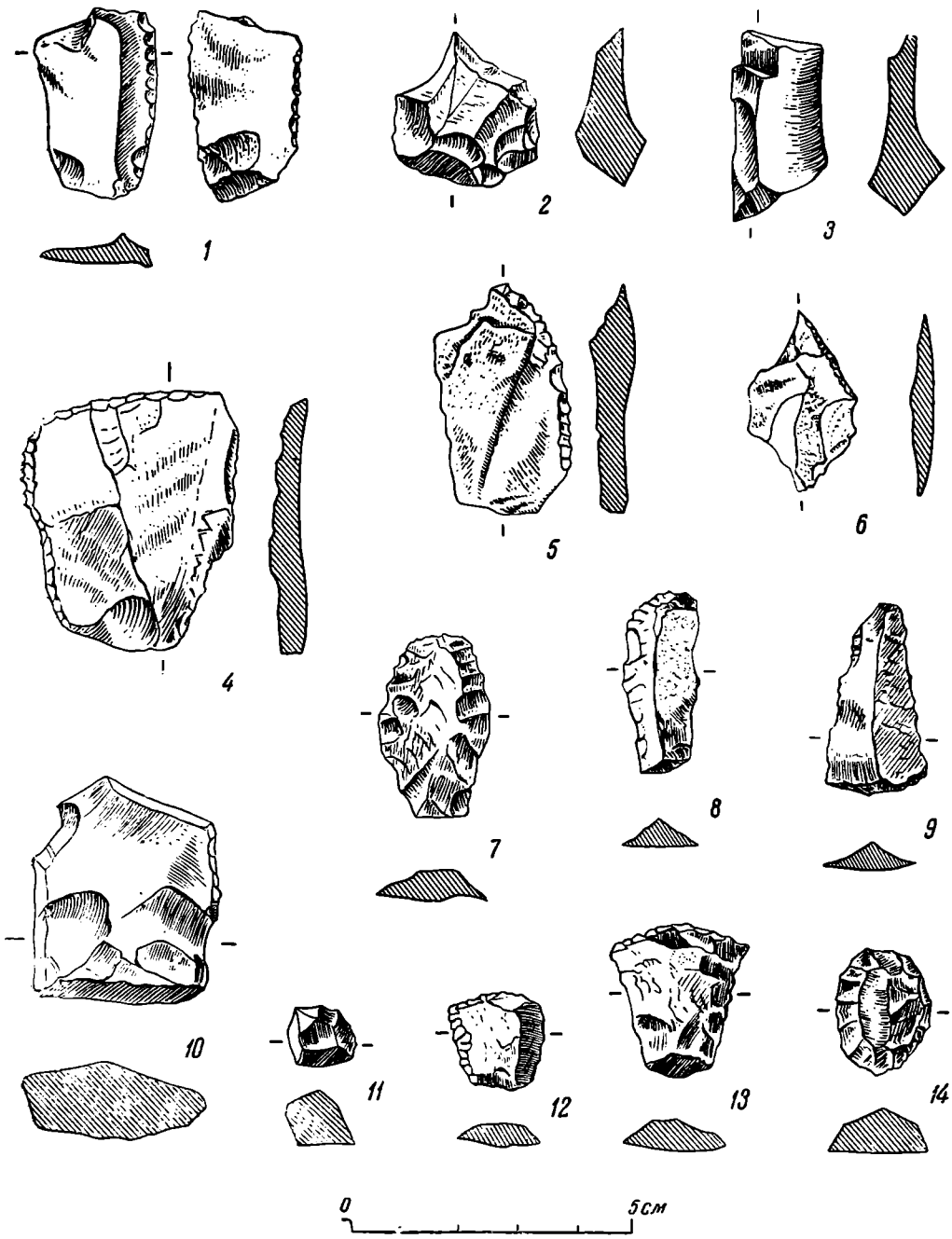


Рис. 17. Кремневые ножички, резцы и скребки.

1 — ИИ 3960 145; *2* — ИИ 3960 42; *3* — ИИ 3960 : 10; *4* — ИИ 3960 : 22; *5* — ИИ 3932 : 74; *6* — ИИ 3932 239; *7* — ИИ 3932 : 73; *8* — ИИ 3932 92; *9* — ИИ 3932 : 77; *10* — ИИ 3960 : 72; *11* — ИИ 3932 : 167; *12* — ИИ 3932 79; *13* — ИИ 3960 9; *14* — ИИ 3932 : 63.

Кунда стержень снабжен обыкновенно надрезом, а сверлины встречаются только в редких случаях[1]. Многочисленные гарпуны с большими зубцами из Риннюкалнса также имеют на стержне чаще надрезы, чем сверлины[2]. На скандинавских неолитических стоянках, в частности на Готланде, нередки гарпуны со сверлиной, совпадающие по своей форме с гарпунами из Тамула[3]. Гарпуны с клювообразными зубцами из Веретья имеют более стройную форму, чем гарпуны из Тамула, и редко бывают просверлены[4]. Гарпуны с Оленьего острова имеют еще более вытянутую, стройную форму[5].

Среди орудий охоты обращает на себя особое внимание костяной кинжал (рис. 7), найденный разломанным на три части. Кинжал изготовлен из расколотой трубчатой кости и имеет поэтому в поперечнике форму сегмента. Выпуклая поверхность кинжала украшена нарезным елочным орнаментом. Близкий к этому по форме и орнаменту кинжал найден на р. Пярну[6]. Такого же типа кинжалы, но без орнамента, известны по находкам из Риннюкалнса[7].

Кремневые наконечники дротиков представлены в инвентаре из Тамула пока только одним, и то сомнительным фрагментом (ИИ 3932 : 174), по которому точную форму предмета невозможно определить. Не исключена возможность употребления сплошь деревянных копий, вроде найденных в Веретье и в Сарнате (западной Латвии)[8].

В той части стоянки, которая лежит ближе к берегу озера, был найден рыболовный крючок, изготовленный из клыка кабана. Он отличается хорошей отделкой и имеет в верхней, расширяющейся части отверстие для веревки, а в нижней — острый зубец (рис. 16, *1*). В нем мало сходства с рыболовными крючками с реки Пярну и со стоянок Кубенино и Веретье[9], но зато к нему имеются параллели среди неолитических рыболовных крючков с острова Готланда и из материковой части Швеции, где рыболовные крючки часто также изготовлялись из клыков кабана[10]. Тот же самый материал употреблялся для выделки рыболовных крючков в свайных постройках Швейцарии[11].

Миниатюрный гарпунообразный предмет с четырьмя зазубринами на одной стороне вряд ли можно считать чем-либо иным как частью составного рыболовного крючка (рис. 16, *2*). Составные крючки находятся довольно часто на неолитических стоянках и известны по находкам из Риннюкалнса, с латвийских озер Двиэте и Лубана, из свайного поселения на р. Модлоне, с Караваихи, из Карелии, из Финляндии и в осо-

---

[1] Õpetatud..., (1934), 1936, стр. 264 и след., рис. 10, *1—4*; RK, табл. 1, *52*.

[2] RK, 1930, табл. 4, *1*; ИИ 1234 : 14, 19—21, 23—26 (с нарезами); 1368 : 28, 76, 87 (просверленные).

[3] M. Stenberger. Ук. соч., рис. 23, *2—3*; B. Schnittger, H. Rydh. Ук. соч., табл. I, *14*; J. Nihlén. Ук. соч., стр. 104, I, *1*; G. Gjessing. Die Küstenwohnplatz in Skjavika. AA, IX, 1938, стр. 177 и рис. 5 (второй сверху).

[4] М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия..., табл. 1.

[5] В. И. Равдоникас. Неолитический могильник..., рис. 10.

[6] Eesti Rahva Muuseumi aastaraamat, VI, Tartu, 1931, стр. 56, рис. 32.

[7] RK, 1930, табл. 4, *32*; ИИ 1234 : 28, 29.

[8] М. Е. Фосс. Стоянка Веретье, стр. 37; Senatne un Māksla, I, Rīgā, 1940, стр. 54, рис. 12, *5*.

[9] Sitzungsberichte..., IX, 1930, табл. I, *1—9*, *11—13*; М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино, табл. IV, *12, 13*; ее же. Стоянка Веретье, табл. IV, *9—10*; VIII, *6*; XII, *8*.

[10] O. Montelius. Minnen fran var forntid I. Stenaldern och bronsaldern. Stockholm, 1917, рис. 614—626, особенно — рис. 615; M. Stenberger. Ук. соч., рис. 23, *1*; N. Lithberg. Gotlands stenalder. Stockholm, 1914, рис. 90—95.

[11] F. Keller. Pfahlbauten, Sechster Bericht. Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich, XV, 7, Zürich, 1866, стр. 256, табл. III, *22*.

бенно большом числе из Прибайкалья[1]. В Эстонии эта находка является пока единственной.

Сравнительно в большом количестве найдены костяные шилья; большинство их (около 50) имеет тонкое острие (рис. 16, *4*, *5*). Некоторые костяные изделия с уплощенным концом нужно, очевидно, рассматривать как кочедык для плетения (рис. 16, *3*). Иглы сохранились в виде десятка обломков. У тупого конца их имеется резкое расширение для привязывания «нитки» (рис. 16, *6*).

Скребки из кремня поражают своими малыми размерами. Чаще всего они изготовлены из тонкого кремневого отщепа и имеют острые края; скребков из толстых отщепов найдено мало. Чаще всего встречаются трапециевидные или близкие к ним формы, с ретушью по одному или по нескольким краям (рис. 17, *10*, *12*). Имеется несколько своеобразных экземпляров, отличающихся особенно тщательной выделкой, расширяющихся к рабочему концу (рис. 17, *13*). Затем имеются когтеобразно вогнутые скребки, у которых в качестве рабочего края употреблялся один конец (рис. 17, *7*, *8*), треугольные (рис. 17, *9*), овальные, ретушированные по всему краю (рис. 17, *14*). Особую группу микролитических скребков представляют овальные или четырехугольные скребки длиной около сантиметра и даже меньше, найденные в количестве двадцати (рис. 17, *11*).

Из отщепов кремня изготовлялись тонкие ножички, у которых ретуширован либо конец, либо один из боковых краев (рис. 17, *1*, *4—6*). Имеются однолезвийные ножички, вырезанные из резца бобра (рис. 18, *3*); такие ножи найдены также в Риннюкалнсе, Звейнпеки, Свердборге, в Норвегии и других местах[2].

Несмотря на обилие костяных изделий, в Тамула найдено всего несколько экземпляров резцов, служивших для обработки кости. Среди них имеется один боковой (рис. 17, *3*) и два серединных резца (рис. 17, *2*; ИИ 3960 228). Кроме того, имеется несколько не вполне достоверных обломков резцов.

Многочисленные и разнообразные по форме каменные долота изготовлены из мягких пород, преимущественно из темного глинистого сланца. Наибольшее по величине сланцевое долото имеет тупой обух и сильно выпуклые бока (рис. 19, *4*). Этот тип встречается часто на неолитических стоянках южной Карелии[3]. В Эстонии имеются такие долота среди случайных находок[4]. Другое крупное долото (рис. 19, *1*) с четырехугольным поперечником, широко распространенного в позднем неолите типа, обнаружено возле стоянки на дне озера. Таких долот найдено в Эстонии много, между прочим, в некоторых погребениях[5]. Экземпляр из Тамула изготовлен, вероятно, из уралит-порфирита. Третье крупное долото, по

[1] RK, 1930, табл. 4, *17*, *18*; ИИ 1368 : 90; ГЦИМЛ, № 9586 44 и др.; А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области, МИА, № 20, 1951, стр. 36, рис. 9, *6*, *7*; S. Pälsi. Riukjärven..., стр. 32 и рис. 36, табл. XI, *1—6*; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II, МИА, № 18, 1950, стр. 366 и рис. 112.

[2] ИИ 1392 : 368—370; 1391 140, 143, 145, 146; K. Früs Johansen. En Boplads fra den aeldste Stenalder i Svaerdborg Mose. Aarb. No, 1919, стр. 220, рис. 71; A. Nummedal. Redskaper av horn og ben fra Finnmark. Viking, II, Oslo, 1938, табл. XXXVI, *4-5*.

[3] В. И. Равдоникас. Археологические исследования на р. Свири в 1934 г. СА, V, 1940, рис. II (внизу слева); J. Ailio. Die steinzeitliche Wohnplatzfunde in Finnland, I, II, Helsingfors, 1909, I, стр. 19, 26; рис. 11, 17.

[4] Например, ИИ 2334 : 4 (Лятказлу, Пыльтсамааского района); 2588 (Вески, Пярнусского района); 2629 : 4, 9 (Аэсоо, Вяндраского района).

[5] A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. Tartu. 1922, стр. 58. В могилах долота этого типа найдены в Арду Козеского района (ИИ 3499 : 10) и в Кунила Пыльтсамааского района (ИИ 3989 : 15).

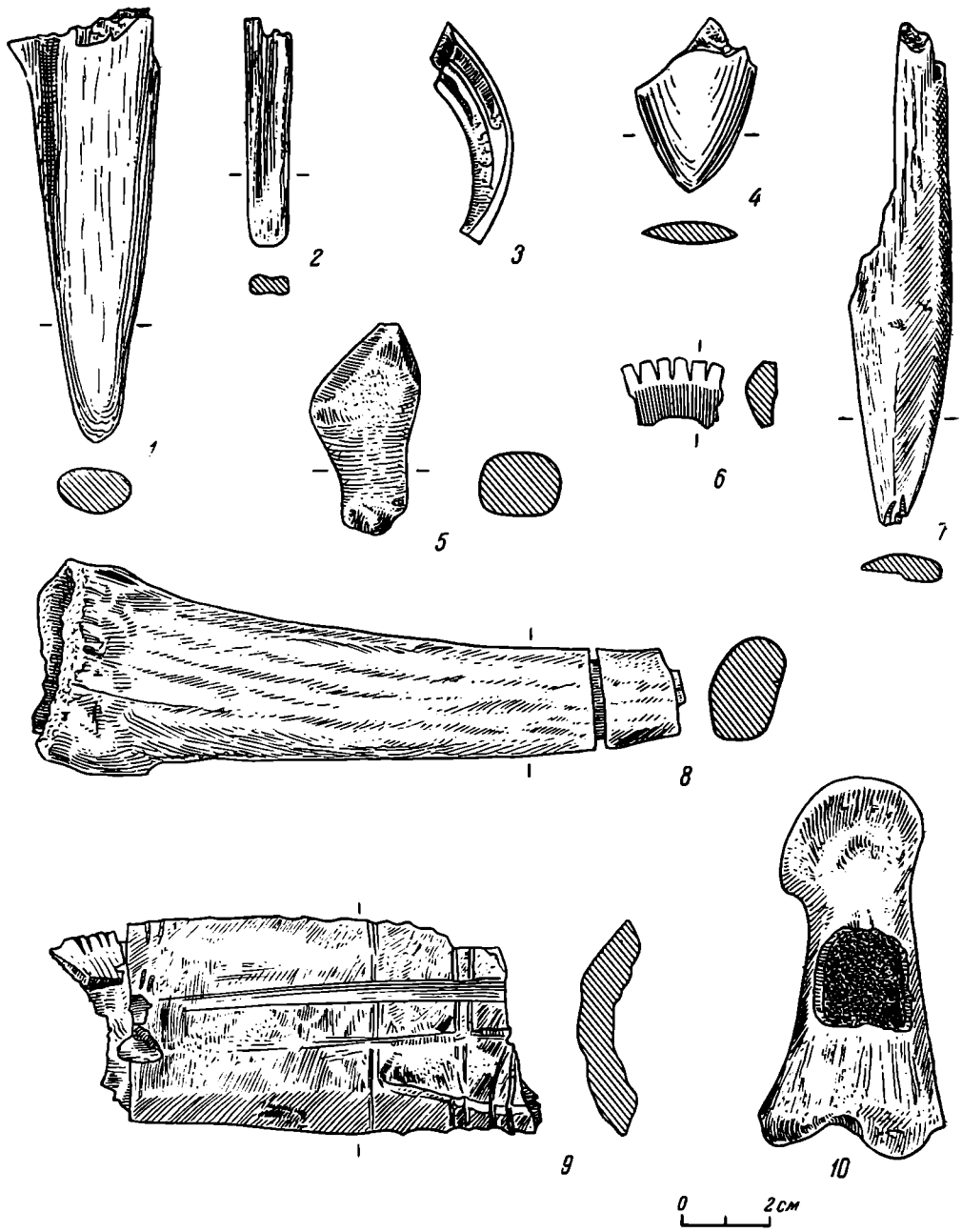


Рис. 18. Изделия из кости, рога и камня.

1 — ИИ 3960 127; *2* — ИИ 3932 164; *3* — ИИ 3932 : 327; *4* — ИИ 3960 250; *5* — ИИ 3932 160; *6* — ИИ 3960 299; *7* — ИИ 3932 149; *8* — ИИ 3659 : 5; *9* — ИИ 3932 289; *10* — ИИ 3932 11.

форме узкое и тонкое, зашлифовано на одной узкой стороне и возле лезвия (рис. 19, *2*). Такие же по форме, но кремневые долота встречаются в Фатьяновских могильниках [1]. От четвертого крупного долота сохранились только обломки. По размерам близко к перечисленным долотам стоит туполезвийный клин, плохой выделки, из темного порфира (рис. 19, *3*).

[1] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. ТГИМ, XII, 1941, табл. III.

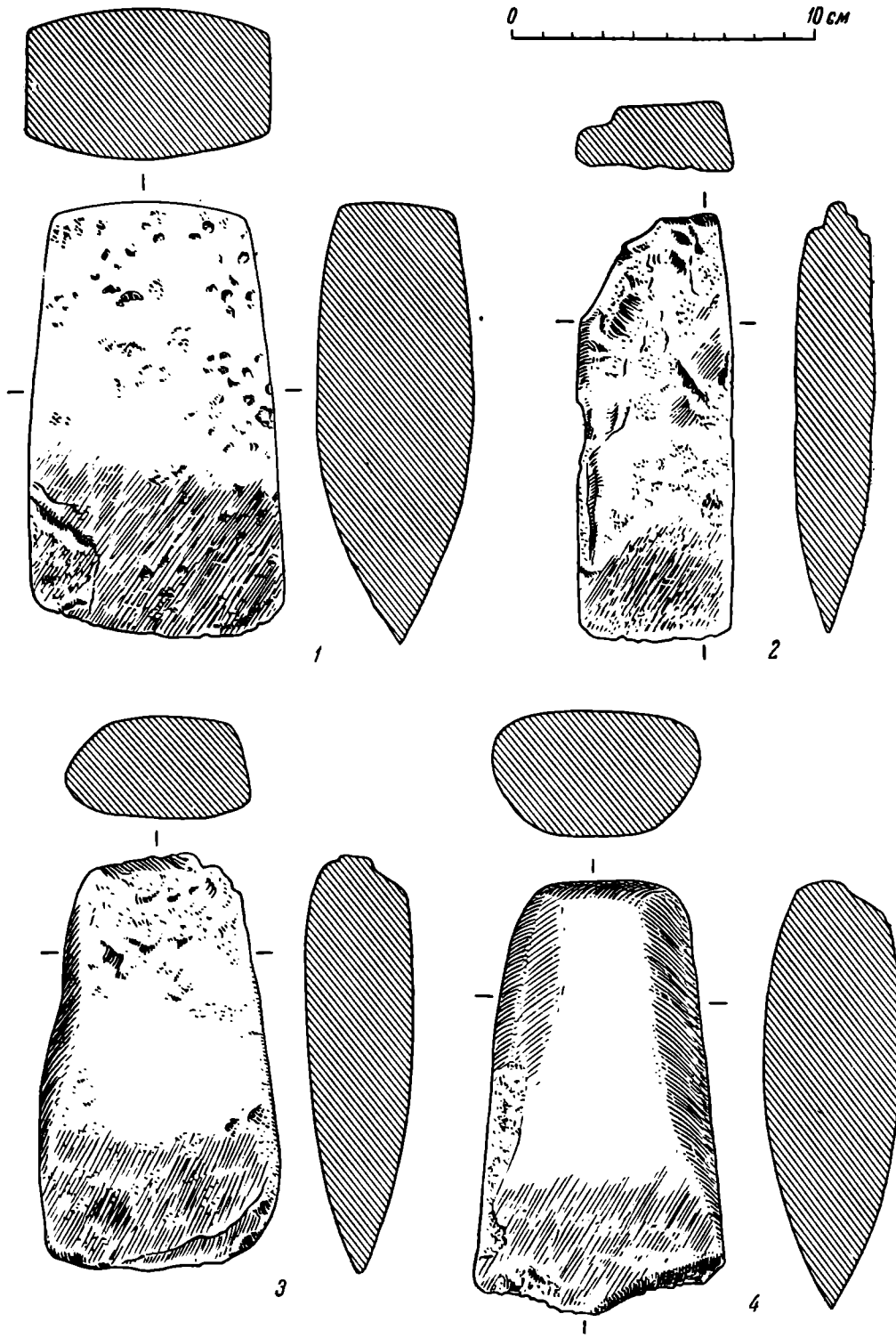


Рис. 19. Каменные долота.

1 — ИИ 3932 : 288; *2* — ИИ 3932 125; *3* — ИИ 3960 : 43; *4* — ИИ 3960 62.

Более мелкие долота изготовлены все из сланца, за исключением одного экземпляра продолговатой, стройной формы из какой-то кристаллической каменной породы (рис. 20, *3*). Это долото найдено в культурном слое глубже обычного залегания сланцевых орудий. Сланцевые долота из

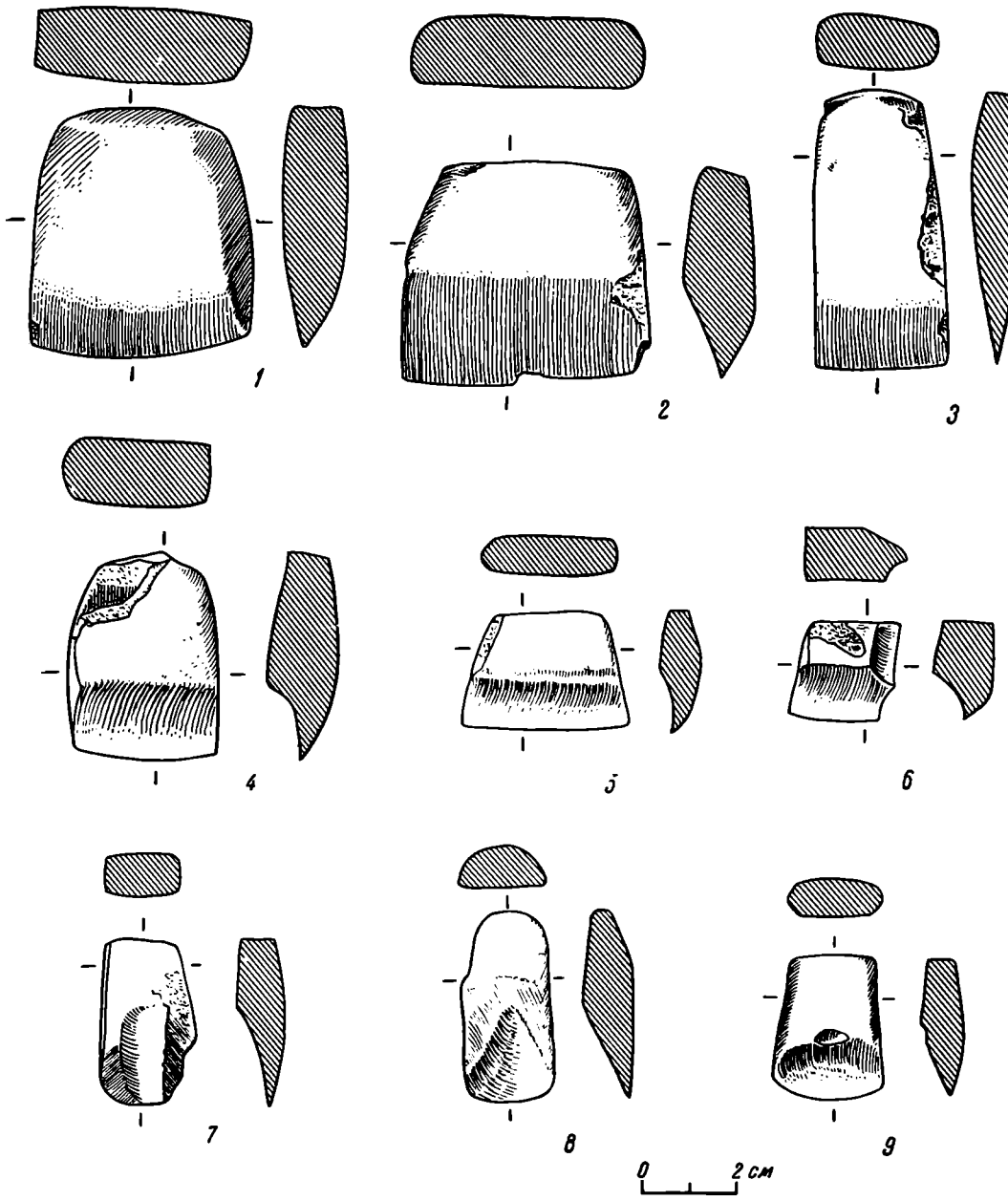


Рис. 20. Маленькие каменные долота.

1 — ИИ 3960 184; *2* — ИИ 3960 : 35; *3* — ИИ 3960 : 58; *4* — ИИ 3932 138; *5* — ИИ 3960 : 33; *6* — ИИ 3932 : 227; *7* — ИИ 3932 95; *8* — ИИ 3932 : 210; *9* — ИИ 3932 : 116.

Тамула имеют трапециевидную форму и сравнительно большую ширину и толщину (рис. 20, *1*, *2*). Они имеют хорошо отполированную поверхность и слабо выпуклое, резко утончающееся лезвие, отработанное преимущественно с одной стороны. Маленьких долот обнаружено десять и, кроме того, три фрагмента.

В Тамула найдено три желобчатых долота. Они также малых размеров, продолговатой формы со слегка расширяющимися лезвиями (рис. 20, *7*, *8*, *9*). В Эстонии среди случайных находок имеется довольно много желобчатых долот того же типа, однако более крупных. Несколько анало-

гий к долоту с сегментовидным желобом имеется на стоянке Ундва на острове Сааремаа, к другим — из Мехикоорма Ряпинаского района и других мест [1]. Массами встречаются желобчатые долота в Финляндии и Карелии [2].

Последнюю группу найденных в Тамула сланцевых долот составляют так называемые когтеобразные долота с поперечным желобком или выемкой над лезвием, найденные в восьми экземплярах (рис. 20, *4—6*; 13, *17*). По сравнению со многими другими неолитическими формами эти долота имеют очень ограниченное распространение. Эта форма возникла, повидимому, в западной Карелии. Отсюда они распространились в Финляндию, где их находят сравнительно часто [3]. Вне названных территорий известны только единичные экземпляры этих долот. На западе этот тип встречается в Олоппе в Швеции; самыми восточными местонахождениями являются Бологое, Нижняя Салма и стоянка в устье р. Кинемы. Только одно когтеобразное долото найдено в Сибири, близ Томска [4]. В Эстонии известны, кроме долот из Тамула, случайно найденное когтеобразное долото из Кихельконна на о. Сааремаа и несколько экземпляров со стоянок Вилла и Акали [5]. С территории Латвии известно только одно когтеобразное долото со стоянки Лиезерис [6]. Южнее когтеобразных долот пока не обнаружено [7].

С. Пялси разделил когтевидные долота на две группы. К первой группе он отнес долота, которые суживаются к обуху и поверхность которых на лицевой стороне полого спускается к лезвию. Это более древний тип, который Пялси отмечает только в Карелии и восточной Финляндии. Долота другой, более поздней группы встречаются на более широкой территории. Для них характерны лучшая выделка, четырехугольный поперечник и на лицевой стороне резкий спуск поверхности к выемке лезвия [8]. Найденные в Тамула долота почти все соответствуют второму типу Пялси. Исключением является только долото, изображенное на рис. 13, *17*, которое суживается к обуху и сравнительно плоская выемка которого лишена резких очертаний.

Кроме каменных долот, в Тамула имеются и костяные. Два из них желобчатые, большинство же имеет прямое, узкое лезвие шириной не больше 0,6—1,0 сантиметра (рис. 18, *1*, *2*). Они хорошо отшлифованы. Такие же костяные долота найдены в большом количестве в Риннюкалнсе, где, помимо того, встречено и одно желобчатое долото [9]. На территории Эстонии лезвийная часть такого костяного долота найдена еще на стоянке Ундва, тогда как узкий экземпляр, обнаруженный в могильнике

[1] ИИ 2491: 1; 3822 : 12; 2490 : 12, 13, 15.

[2] J. A i l i o. Die steinzeitliche..., I, стр. 27, II, табл. 6, *5;* 17, *21*; A. E u r o p a e u s. Fornfynd fran Kyrkslätt och Esbo..., стр. 100 и след.; A. H a c k m a n, H. H e i k e l. Vorgeschichtliche Altertümer aus Finnland. Helsingfors, 1900, табл. 3, *6*, *10*.

[3] S. P ä l s i. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa, стр. 123 и след.; J. A i l i o Die steinzeitliche..., I, стр. 27.

[4] А. Я. Б р ю с о в. История древней Карелии. ТГИМ, IX, 1940, стр. 227, рис. 48; М. Е. Ф о с с. Стоянка на оз. Лача..., стр. 16, рис. 11, *22*; е е ж е. Культурные связи севера Восточной Европы во II тысячелетии до н. э. СЭ, 1948, № 4, стр. 28.

[5] ИИ 3822 : 7; 4037:16, 1466 ; 3800 : 5, 218, 271; 4013 680, 3528, 6381.

[6] RK, 1930, табл. 3, *31*.

[7] Очевидно, между описанными северными когтеобразными долотами и найденным в Шипеницах, по внешней форме совершенно сходным с этими долотами кремневым скребком, нет связи, так как Шипеницы все же находятся слишком далеко от места распространения когтеобразных долот. См. O. K a n d y b a. Schipenitz. Kunst und Geräte eines neolitischen Dorfes. Wien, 1937, рис. 112, стр. 120.

[8] S. P ä l s i. Ук. соч., стр. 123.

[9] RK, 1930, табл. 4, *24*, *25*; ИИ 1234 : 52, 57, 59, 60, 64; 1392 : 81, 82.

Сопе Кивиниского района, имеет по сравнению с только что описанными долотами более толстое лезвие[1]. В Финляндии изготовлялись примерно такие же узкие долота из шифера[2].

Ударный камень (рис. 10), на расширенном плоском конце которого сохранились следы ударов, употреблялся либо с рукояткой, либо без рукоятки, прямо в руке. Параллели к нему имеются в Карелии[3]. В качестве ударного орудия, видимо, употреблялись и два ствола рога лося, с грубо заостренным концом (рис. 21; ИИ 3659 29), а также три крепкие ветви рога со следами обработки.

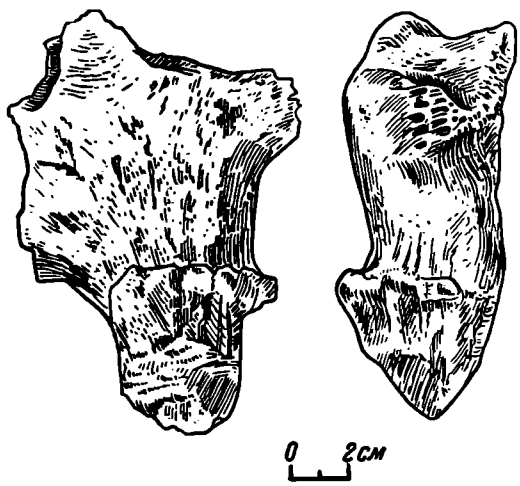


Рис. 21. Ударное орудие из рога лося. ИИ 3659 : 28.

Целый ряд подобных крепких острий из рога известен из Риннюкалнса[4]. В Эстонии они были найдены в Акали и Кунда[5].

Найден всего один шлифовальный камень в форме прямой призмы, длиной 22,5 сантиметра (ИИ 3932 3), со слабыми следами употребления и десяток обломков тонких каменных плит, на поверхности которых видны следы шлифовки. Отшлифованные места встречаются также и на поверхности некоторых крупных фрагментов костей. Последние употреблялись, очевидно, для обработки кожи (для сглаживания швов и т. д.). Подобные лощила известны и из других мест[6]. Некоторые тонкие костяные изделия с плоским концом служили, видимо, для сглаживания поверхности глиняных сосудов. Такие же изделия были найдены в Риннюкалнсе, а от более позднего времени — в укрепленном поселении Асва на острове Сааремаа[7]

Дальше можно назвать отжимники для ретуширования кремня, изготовленные из ветки рога или крепкой трубчатой кости (рис. 18, *7*; ИИ 3960 124). Один предмет, очевидно, того же назначения сделан из кремня (ИИ 3960 112). Следует отметить, что на территории Эстонии до сих пор отжимников не было обнаружено. Но они известны со стоянок каргопольской культуры и из других мест[8]. Среди других костяных изделий имеются рукоятки (рис. 18, *8*) и фрагменты лопатообразных костяных орудий со следами употребления; подобные предметы найдены и в Веретье[9]. В стоянке Тамула обнаружен также фрагмент гребенчатого штампа (рис. 18, *6*), дающий отпечаток, весьма близкий отпечаткам гребенки на одном из найденных здесь же обломков керамики. Более двадцати фрагментов орудий, изготовлен-

[1] ИИ 3951 288; 2671 43.
[2] J. Ailio. Ук. соч., II, табл. 14, *6*, *7*, *22*.
[3] S. Pälsi. Ук. соч., стр. 146, табл. XIII, *2*, *4*; Suomen Museo. XLIV, Helsinki, 1937, рис. 6.
[4] ИИ 1392 : 114—117, 119, 153, 230.
[5] ИИ 3661 5, 71; 3800 203, 318, 401; 3410 : 1045.
[6] B. Schnittger, H. Rydh. Ук. соч., табл. IV, *2—6*; Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 135, рис. 44.
[7] ИИ 1392 : 98; 3799 : 19, 24 и др.
[8] М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино, стр. 48, табл. VI, *16*; е е ж е. Стоянка Веретье, стр. 44.
[9] М. Е. Фосс. Стоянка Веретье, стр. 42 и табл. XI, *14*.

ных из расколотой трубчатой кости, снабжены поперечными желобками различной глубины, расположенными обыкновенно веерообразными группами на их выпуклой поверхности (рис. 18, *9*). Внутренние стенки этих

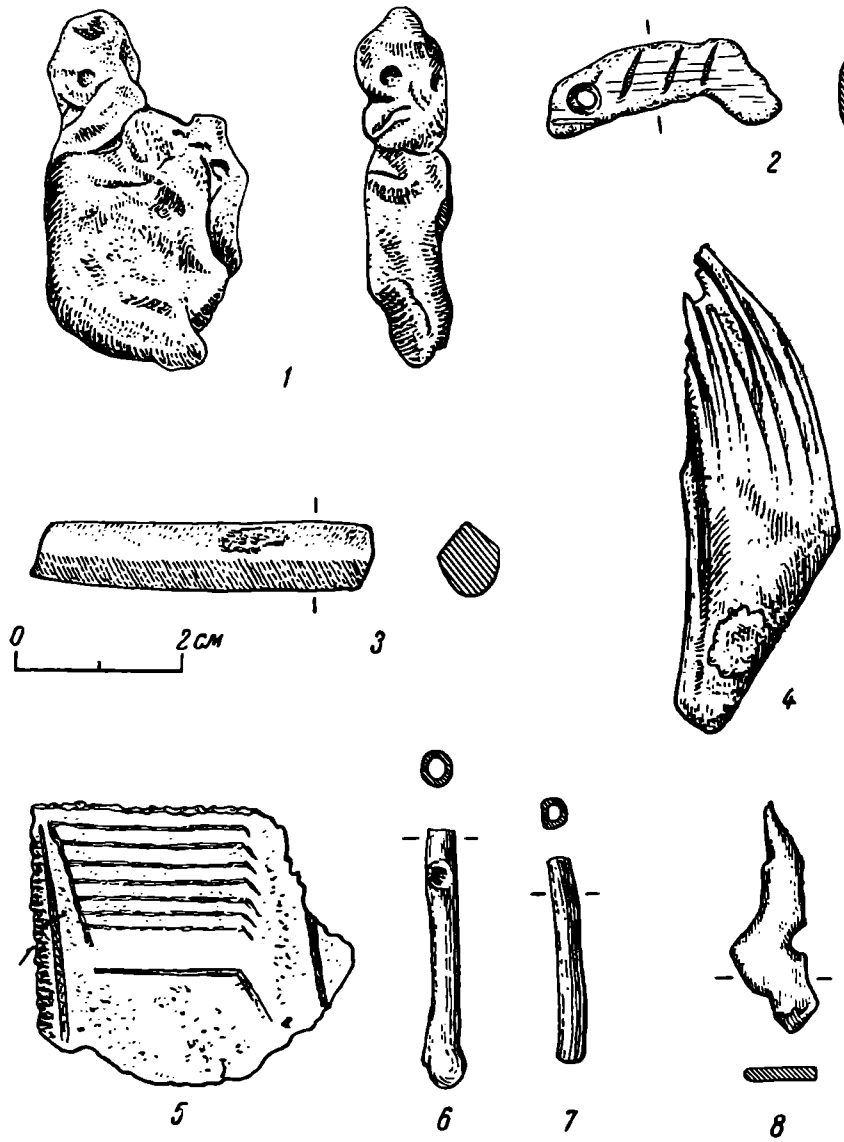


Рис. 22. Глиняные, каменные и костяные изделия

1 — ИИ 3932 181; *2* — ИИ 3960 303; *3* — ИИ 3960 41; *4* — ИИ 3960 68; *5* — ИИ 3932 159; *6* — ИИ 3960 347; *7* — ИИ 3960 348; *8* — ИИ 3932 206.

желобков очень тонко заполированы. Повидимому, эти изделия стоят в связи с изготовлением ремней из сухожилий животных, а может быть, веревок из волокон растений.

Особого внимания заслуживает находка в Тамула фрагмента рабочего конца сверла из кристаллической породы (рис. 18, *5*). Этот предмет соответствует сверлам из Вой-Наволока в Карелии, служившим для рассверливания отверстий в грузилах[1].

[1] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 105 и рис. 19, *6—8*.

Из Тамула известны шесть маленьких фигурок людей, птиц и животных. Одна из них слеплена из глины, другие вырезаны из кости. Глиняная фигурка (рис. 22, *1*) изображает стоящее человекообразное существо, ноги которого немного выступают из-под нижнего края фигурки. Глаза представлены в виде маленьких точек. Нос, выцарапанный в виде треугольника, напоминает клюв птицы. Спереди, посредине, отмечены груди в виде двух бугорков. На поверхности фигурки выцарапано несколько маленьких дугообразных линий. В общем эта фигурка напоминает одновременно и человека, и птицу (возможно, сову).

В Эстонии подобных глиняных фигурок до сих пор не было найдено. Но антропоморфные глиняные фигурки пользуются довольно широкой известностью в других местах лесной зоны[1]. Их много найдено на Аланд-

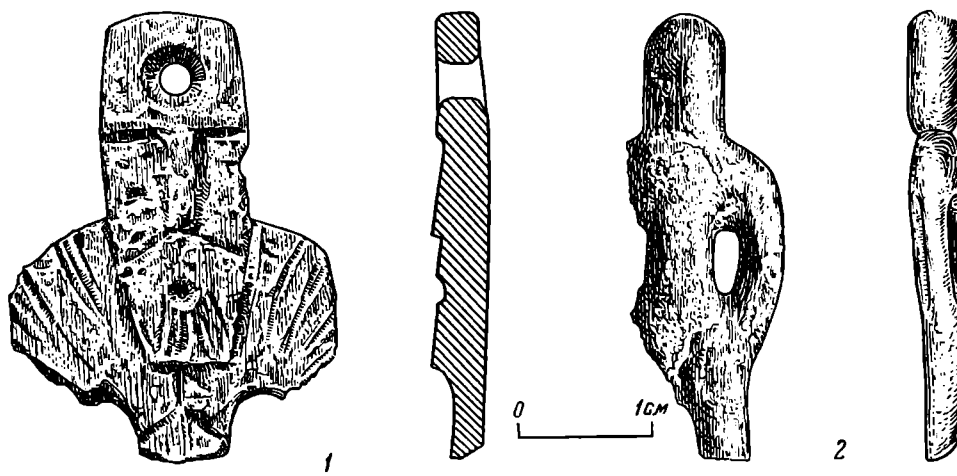


Рис. 23. Костяные человеческие фигурки.
1 — ИИ 3932 155; *2* — ИИ 3960 : 300. Увелич. в 1½ раза.

ских островах. Однако точных параллелей к фигурке из Тамула среди всех этих скульптурных изображений не имеется. Сходство сводится только к общности некоторых деталей[2].

В числе найденных в Тамула костяных фигурок имеется два человеческих изображения. Более крупной из них является фигурка мужчины, сделанная из плоской костяной пластинки (рис. 23, *1*). Сохранились только голова и верхняя часть туловища. Спина совершенно плоская. Лицо подразделено на равные части: лобную, носовую и челюстную. Лоб просверлен круглой дырочкой, предназначенной для подвешивания фигурки. Брови и нос обрисованы резким понижением находящейся между ними части лица, что создает впечатление, будто бы под бровями имеются

[1] Такие фигурки найдены в стоянках Пурциемс, Кубенино, на р. Модлоне, в Балахне, Коломцах и в разных местах Карело-Финской ССР и Финляндии: Senatne un Māksla, Rīgā, IV, 1937, стр. 83 и рис. 1, *2*; М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино..., стр. 51 и табл. I, *7*, *10*, *11*, *13*; е е ж е. Погребения на стоянке Кубенино..., стр. 86 и табл. IV; А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области, стр. 43, рис. 13, *3*; А. Äyräpää. Kampakeramisen kulttuurin savikuviot, SM, XLVIII, 1942, стр. 82.

[2] Выступающие ноги фигурки из Тамула напоминают нижнюю часть некоторых статуэток из Кубенино, Пурциемса, Риукьярви и Ханнусбакен. Дугообразные линии на фигурке имеют известное сходство с орнаментацией обломков фигурок из Лапиньярви и Ханнусбакен. Ср. М. Е. Фосс. Погребения на стоянке Кубенино..., табл. IV, *7*; Senatne un Māksla, Rīgā, IV, 1937, рис. 1; А. Äyräpää. Ук. соч., рис. 17, 19, 20.

и глаза. Под носом начинаются обозначенные черточками усы, свисающие вниз и покрывающие подбородок во всю ширину лица. Борода обозначена тремя такими же черточками. Рот представлен в виде круглой ямки. Плечи фигурки спускаются легкой дугой и переходят в руки. Здесь нанесены опять глубокие черточки, обозначающие, очевидно, одежду. Фигурка сильно сужена в талии. Между талией и руками оставались, повидимому, овальные отверстия.

Обломанную часть этой фигурки можно представить себе до известной степени на основании другой статуэтки, меньших размеров, также суживающейся в середине (рис. 23, *2*). Эта фигурка имеет округлые очертания. Она толще первой, приближаясь по своим пропорциям к естественным пропорциям человеческого тела. На щеках имеется по углублению, над которыми возвышаются брови, переходя, между этими углублениями, в нос. Поломанные в нижней части ноги изображены были, повидимому, слегка расставленными. Руки, как и у предыдущей статуэтки, соединяются с туловищем на бедрах. Признаки пола отсутствуют. Принимая во внимание сходство этой статуэтки с ранее описанной по контурам тела, можно полагать, что и она изображает скорее мужчину, чем женщину. Вероятно, эту фигурку подвешивали за отверстия между руками и туловищем.

К большой статуэтке из Тамула близки плоские янтарные изделия с Куршской косы[1], в частности, одно из них, происходящее, очевидно, с неолитической стоянки к югу от Нида[2]. Обе эти скульптуры сходны по общему облику и ряду деталей[3].

Из обеих найденных в Тамула фигурок птиц от большей сохранились только фрагменты, из которых удалось восстановить голову и шею и, частично, туловище. Судя по длинной дугообразной шее, можно полагать, что эта фигурка изображает плавающего лебедя (рис. 13, *2*). На одной стороне шеи имеется несколько параллельных косых надрезов, которыми, очевидно, изображались перья. Меньшая фигурка сохранилась цельной. Это, вероятно, гусь в стоячем положении с несколько оттянутой назад шеей и вытянутым вперед клювом (рис. 12, *6*). Отметим подобную же привеску, изображающую, может быть, голову и шею лося (рис. 22, *2*). Как на фигурке лебедя, так и здесь имеются на одной стороне шеи параллельные надрезы. Лицевая половина головы вместе с ушами поломана. Все эти три скульптуры сделаны из очень тонкой костяной пластинки.

Фигурки птиц из кости, кремня и глины довольно широко распространены в неолите Северной Европы[4]. Изображения птиц встречаются

---

[1] R. K l e b s. Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens. Beiträge zur Naturkunde Preussens, 5, Königsberg, 1882, табл. IX; X, *1—3*. Такого же рода янтарная скульптура найдена и в Швеции— см. O. M o n t e l i u s. Minnen..., рис. 687.

[2] R. K l e b s. Ук. соч., табл. X, *2*.

[3] А. Вассар обратил внимание автора на то обстоятельство, что технические детали большой статуэтки из Тамула носят черты, свойственные работе по дереву, вследствие чего можно полагать, что такие фигурки изготовлялись также из дерева и, может быть, даже из сосновой коры. Возможно, что фигурки из Тамула и Нида созданы под влиянием скульптуры из названных материалов. Как известно, большие деревянные идолы найдены в Шигирском и Горбуновском торфяниках, причем у некоторых из них можно отметить в основе такой же способ изображения лица путем резких углублений под бровями и прилегающих к носу частей и такие же угловатые черты — см. Д. Н. Э д и н г. Идолы Горбуновского торфяника. СА, IV, 1937, стр. 133 и рис. 2—9; е г о ж е. Новые находки на Горбуновском торфянике. МИА, № 1, 1940, стр. 41 и табл. V, *1*.

[4] Так, фигурки птиц найдены, например, в Кубенине, Верхнем Веретье, в верхнем слое стоянки на р. Модлоне, в Ломми, в Волосове. В Норвегии они обнаружены в

часто на резных костяных или деревянных изделиях, например, на деревянных ложках или маленьких костяных ножах[1] Помимо скульптурных изделий, изображения птиц применялись также в качестве орнаментального мотива для украшения керамики[2]. Они встречаются нередко и в наскальных изображениях на берегу Онежского озера и Белого моря[3]. Близкими параллелями к фигурке гуся из Тамула являются изображения птиц на рукоятках ножей из Лубана и Риннюкалнса; изображения птиц из Лубана имеют такую же изогнутую назад шею и такой же поднятый вверх клюв, как у фигурки из Тамула[4]. Фигурка лебедя отличается от остальных известных до сих пор изображений птиц вытянутостью форм и дугообразно закругленным профилем спины, что типично для наскальных изображений птиц Онежского озера[5].

Подвеску в виде головы животного из Тамула можно сравнивать с некоторыми пластинчатыми костяными изображениями голов животных из Риннюкалнса, часть которых, повидимому, также носилась в качестве подвесок[6]. Среди других неолитических скульптур Северной Европы аналогичных фигурок, видимо, нет, хотя и встречаются маленькие пластинчатые фигурки животных, часть которых являлась подвесками[7].

Сольсемхуле и в Шовике. В Эстонии имеется фрагмент такой фигурки из Акали. У народов Северной Сибири и у эскимосов фигурки птиц изготовлялись до недавнего прошлого. М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино, табл. I, *8*, *9*, *15*; стр. 51; ее же. Стоянка Веретье, табл. X, *2*, *3*; стр. 54; А. Я. Брюсов. Свайное поселение..., рис. 13, *1*; стр. 43; ИИ 3867: 247, 321; С. Н. Замятнин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. СА, X, 1948, стр. 107, рис. 5, *1—12*; T. Petersen. Solsemhulen paa Leka. En boplads fra arktisk stenalder. Oldtiden. Saerhefte. Anhandlinger tilegnet K. Rygh. Kristiania, 1914, рис. 4; G. Gjessing. Die Küstenwohnplatz..., рис. 4; ИИ 3800: 282; S. Päsi. Arktisia Kuvia. Alkeellisia taideteoksia koillisesta Siperiasta. Helsinki, 1920, стр. 61, рис. 36; T. Mathiassen. Archaeology of the Central Eskimos I. Descriptive Part. Copenhagen, 1927, стр. 74, табл. 32, *1—2* и др.

[1] Деревянные ложки с изображениями птиц найдены в большом количестве на Шигирском и Горбуновском торфяниках; они были найдены также в Сарнате и в Карелии. Из Горбунова известны и весла, заканчивающиеся утиными головами. Среди вещей из Риннюкалнса и Лубана Латвийской ССР имеются маленькие тонкие, костяные ножички, рукоятки которых заканчиваются изображением птицы. Из Нюэльве, в Норвегии, имеются изображения птиц на изделиях из кости. Возможно, что и найденные в Риннюкалнсе и Волосове птичьи головки с длинной дугообразной шеей являются фрагментами каких-нибудь вещей — см. Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля. ТГИМ, X, 1940, стр. 34 и рис. 23, 24; стр. 57, рис. 51, 52; Senatne un Māksla. Rīgā, I, 1940, стр. 41 и рис. 13, 14, *b*; Suomen Museo. Helsinki, XXXVI, 1930, стр. 63, рис. 2; RK, 1930, табл. 4, *21*; A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, I, рис. 9 (наверху, второй рисунок слева); A. W. Brogger. Den arktiske stenalder i Norge. Christiania, 1909, рис. 265. A. Nummedal. Redskaper..., табл. XXXIV, *1*

[2] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, стр. 108 и рис. 21, 22. Изображение плавающей водяной птицы имеется также на одном фрагменте керамики из Ломми (ИИ 3867 209) и на керамике, поступившей в ГЭ в виде подъемного материала с Валдайской возвышенности (коллекция Рериха, № 1517 : 173).

[3] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, I, II. М.—Л., 1936 и 1938.

[4] ГЦИМЛ.

[5] В. И. Равдоникас. Ук. соч., I, табл. 24, *22*; табл. 66; ср. также часть сосуда со стоянки Кузнечихи: В. Смирнов. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе, СА, VI, 1940, рис. 3, *4*.

[6] RK, табл. I, 15; ИИ 1368 : 86, 91.

[7] См. А. А. Иностранцев. Ук. соч., табл. XI, *2*, стр. 210; Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала..., рис. 86; С. Н. Замятнин. Миниатюрные кремневые скульптуры..., стр. 107, рис. 4. Голова животного из Тамула напоминает по своей общей форме до известной степени топоры с головами животных (ср. А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, II. М., 1881, табл. 34, № 445; G. Ekholm. Studier i Upplands bebyggelsehistoria. I. Stenaldern, Uppsala, 1915, рис. 95).

У многих сибирских народов наблюдался обычай изготовления в память умершего члена коллектива человеческой фигуры, в которую якобы переселялась душа покойного[1].

Обитатели стоянки Тамула носили, кроме фигурных изображений, и другие — п р и в е с к и, изготовленные из тонкой костяной пластинки, сохранившиеся в виде фрагментов (рис. 22, *8*); три из них были найдены при скелете VII (рис. 12, *17*; 13, *9*, *10*). Особенно многочисленны в Тамула подвески из зубов животных (около 90); большинство просверлено (рис. 12, *8*, *10—14*; 13, *5*, *6*, *13—16*), некоторые имеют вместо сверлины желобок (рис. 12, *7*). Предпочитались зубы и клыки, иногда и когти хищных зверей, но употреблялись также передние зубы кабана и лося, а в единичных случаях — зубы тура. Интересно отметить, что подвесок из зубов бобра не встречено, хотя кости этого животного найдены на стоянке в большом количестве.

Особого рода подвески представляют собою тонкие трубчатые птичьи кости, у которых один конец срезан поперек, а другой оставлен целым (рис. 22, *6*; 13, *12*). Около срезанного конца вырезано овальное отверстие. Точно такое же изделие найдено в Риннюкалнсе[2]. Есть в Тамула и пронизки, изготовленные из еще более тонких трубчатых костей (рис. 22, *7*; 13, *3*, *4*).

По количеству найденного янтаря стоянка Тамула занимает,— если учесть незначительную площадь раскопа,— первое место в Эстонской ССР[3]. Здесь обнаружено 30 кусков янтаря, из которых большинство обработано и просверлено. Из янтарных изделий выделяется прежде всего большая, сегментовидная пластинка с четырьмя сверлинами (рис. 6, *1*). Она служила, несомненно, концевым звеном трехрядного ожерелья. Большинство же других янтарных изделий из Тамула представляет собой треугольные или трапециевидные пластинчатые подвески, у которых один, обыкновенно более узкий, конец просверлен (рис. 6, *4—6*, *8—11*; 12, *1*, *2*). Выделка пластинчатых подвесок весьма различна: наряду с прекрасно отшлифованными экземплярами имеются куски янтаря почти без всякой обработки, но со сверлиной. Единичными формами являются цилиндрическая пронизь (рис. 6, *3*), пуговица с V-образным сверлением (рис. 6, *7*) и треугольная бусина (рис. 6, *2*). Два кусочка янтаря длиной всего в 1,2—1,3 сантиметра, найденные на груди скелета VII, носят также следы обработки (рис. 12, *3*, *4*). Три куска янтаря вовсе не обработаны. Параллели почти ко всем типам янтарных изделий известны из Юодкранте (Шварцорт)[4]; только к большей пластинке с четырьмя сверлинами имеются более близкие параллели в Дании[5], поэтому можно полагать, что найденный в Тамула янтарь происходит из восточной Прибалтики. Янтарь имеется также в юго-западной части Латвийской ССР, и для латвийского побережья характерны, по указанию А. Я. Брюсова, линзовидные пуговицы с V-образным сверлением; половинка подобной пуговицы была найдена и в Тамула[6]. Но в Латвии исследовано так мало неолитических

[1] Д. К. З е л е н и н. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.—Л., 1936, стр. 137 и 259.

[2] RK, 1930, табл. 4, 19.

[3] Относительно распространения янтаря в Прибалтике см. A. Ä y g ä p ä ä. Die Verbreitung des Bernsteins in kammkeramischem Gebiet. SMYA, XLV, 1945. Новыми богатыми местонахождениями янтаря являются свайное поселение на р. Модлоне и стоянка Ича на территории Латвийской ССР — см. А. Я. Б р ю с о в. Свайное поселение..., стр. 27; Материалы из Ича хранятся в ГЦИМЛ.

[4] R. K l e b s. Ук. соч., табл. I—VIII.

[5] S. M ü l l e r. Ordning af Danmarks Oldsager, Stenalderen. Paris, Kjobenhavn, London, Leipzig, 1888, рис. 259. Такие же пластинки приводит С. Мюллер и из Англии, см. стр. 30.

[6] А. Я. Б р ю с о в. Свайное поселение..., стр. 29, 33.

стоянок, что вопрос о связях населения Тамула с этим районом остается открытым.

Янтарные подвески, вероятно, не были простыми украшениями. В некоторых местах сохранилась до наших дней вера в целебную и защитительную силу янтаря.

Повидимому, и некоторые другие найденные при скелете VII вещи представляли собою «магические» предметы. К ним относится фрагмент небольшого костяного ножичка (рис. 12, *9*), лежавший возле головы скелета и напоминающий украшенные и заканчивающиеся иногда изображением птицы костяные острия из Риннюкалнса и Лубана[1].

Помимо найденных на груди скелета двух плоских камешков (рис. 12, *15*, *16*), имеется еще 6—7 камешков со шлифованной поверхностью, но меньших размеров и более неопределенной формы. Эти камешки можно, повидимому, сопоставить с известными в фольклоре «змеиными камнями», которыми лечили болезни и которые носили иногда в качестве амулетов[2].

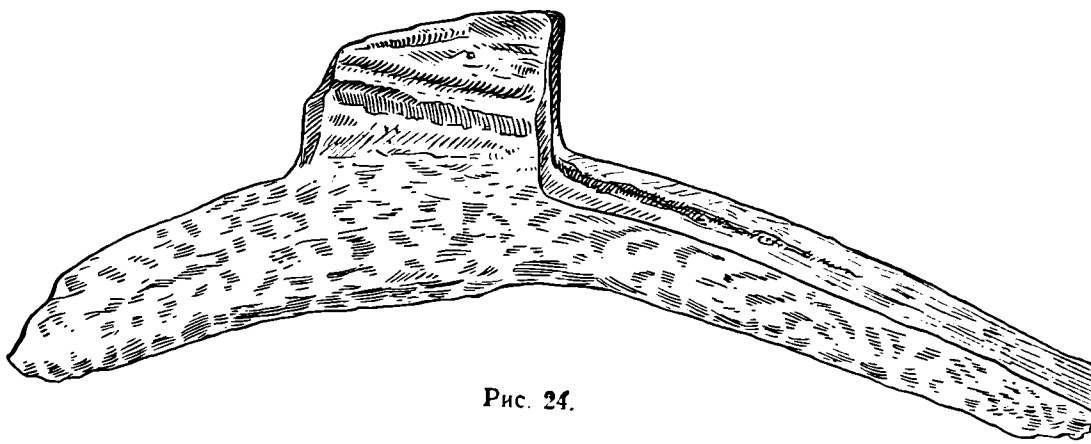


Рис. 24.

Для той же цели служил, очевидно, клык кабана с отшлифованной коронкой, который был найден на стоянке (рис. 22, *4*). Наличие куска красной окиси железа, лежавшего между берцовыми костями скелета (рис. 13, *22*), повидимому, объясняется широко распространенным в каменном и бронзовом веках обычаем насыпать в могилу охру. Отдельные миниатюрные кусочки охры были найдены кое-где в культурном слое стоянки.

Наконец, можно назвать еще некоторые вещи неизвестного назначения. К ним относится изображенное на рис. 9 костяное изделие, один конец которого представляет собою притупленное острие, а другой резко утончен с обеих сторон и просверлен. Сюда относится также найденный в озере недоработанный роговой предмет (рис. 24); быть может, он представляет собой незаконченную фигурку птицы с изогнутой шеей. Найденные на стоянке бабки больших травоядных животных, особенно лося, обыкновенно раздроблены с одной стороны; но у двух таких, в общем целых, костей имеется, очевидно, намеренно вырезанное отверстие (рис. 18, *10*). Подобные кости с отверстиями известны уже в палеолите. Иногда их считали свистками. В мезолите также известны такие кости, но с большими отверстиями неправильных очертаний (из Свердборга и Кунды),

[1] RK, 1930, табл. 4, *10*, *21*.

[2] U. T. Sirelius. Suomen kansanomaista kultturia, II, Helsinki, 1921, стр. 559, рис. 723.

они толковались, как коробочки для хранения мелких вещей[1]. К более позднему времени относятся кости с отверстиями, найденные на городищах Дьякова типа; В. А. Городцов связывает эти кости с магией[2]. Что касается этих вещей из Тамула, то трудно отдать предпочтение тому или другому толкованию. Неизвестно также назначение некоторых тонких фрагментов костей с желобками (рис. 22, *5*) и хорошо отшлифованной белой кварцевой палочки (рис. 22, *3*).

ДАТИРОВКА СТОЯНКИ

Пыльцевой анализ торфа со стоянки Тамула показывает, что в самом культурном слое пыльцы не сохранилось, хотя она имеется как в подстилающих, так и в покрывающих его слоях (рис. 4, наверху). Это обстоятельство не дает возможности с достаточной точностью датировать стоянку по методу пыльцевого анализа. Пыльцевая диаграмма торфа, лежащего под культурным слоем, кончается, очевидно, началом суббореального периода. Проба же, взятая выше культурного слоя, всего на глубине 10 сантиметров, указывает уже на субатлантический период. Пробел в пыльцевой диаграмме пополняется отчасти пробами торфа, взятыми примерно в 500 метрах к северо-западу от места раскопок (рис. 4, внизу). При сравнении их с пыльцевой диаграммой самой стоянки представляется правильным отнести нижнюю часть культурного слоя примерно к середине суббореального времени. Но пыльцевой анализ не дает ничего для определения конечной даты стоянки, так как культурный слой кончается примерно на 20 сантиметров ниже самой верхней пробы.

Более точную датировку должен дать археологический материал. Веское слово тут имеет керамика. При анализе тамульской керамики мы нашли, что она имеет параллели на ряде соседних стоянок — Акали, Вилла, Ича, Лиезерис, Риннюкалнс, Леяс-Цийскас. Следовательно, существование всех этих стоянок частично совпадало по времени с данной стоянкой. Так, например, инвентарь средней части культурного слоя Акали имеет много общего с материалом стратиграфически наиболее древнего горизонта Тамула. Помимо керамики с узкими гребенчатыми оттисками, для этого горизонта в Акали характерно обилие изделий из янтаря. Единичные обломки шнуровой керамики, обнаруженные в Акали, залегали, повидимому, в верхнем горизонте средней части культурного слоя или же немногим выше его.

В Риннюкалнсе имеются близкие параллели к керамике более раннего периода Тамула. К тому же в обеих стоянках имеется целый ряд общих типов костяных изделий (наконечники стрел, кинжалы, узкие долота, изображения птиц, привески из тонких трубчатых костей и пр.); можно также отметить обилие в той и другой стоянке шильев и привесок из зубов, и вообще крупную роль костяных изделий в комплексе находок. Как в Тамула, так и в Риннюкалнсе изделия из кремня уступают по числу костяным вещам, отличаясь притом малыми размерами. Отсутствие в Риннюкалнсе шнуровой керамики, которая вместе со сланцем является характерной для более поздней стадии Тамула, заставляет полагать, что только что отмеченное сходство между Тамула и Риннюкалнсом относится к более раннему периоду.

---

[1] K. Friis Johansen. En Boplads fra den aeldste stenalder i Svaerdborg Mose, стр. 212, рис. 67; Õpetatud Eesti... (1934), 1936, стр. 277 и рис. 13, *6*.

[2] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, 85, М.—Л. 1933, стр. 33, рис. IX, 7.

На основании наличия в инвентаре Риннюкалнса двусторонних гарпунов эту стоянку связывали по времени с ранней стадией «культуры боевых топоров»[1], потому что такие гарпуны были найдены в могилах в Кюласема на о. Муху и в Тика на о. Сааремаа, в первой — в сочетании с ранним ладьевидным боевым топором, а во второй — с керамикой, украшенной в елочку[2]. Связи с «культурой боевых топоров» ясно сказываются и в Тамула. Об этом свидетельствует обычай погребения в скорченном положении, характерный для могил с боевыми топорами, но в общем чуждый погребениям на стоянках. Общим с названной культурой является и наличие каменных долот с прямоугольным поперечным сечением, а также находки шнуровой керамики. Кажется, что стоянка Тамула существовала на протяжении довольно продолжительного времени, параллельно с «культурой боевых топоров».

Последний этап существования стоянки относится, повидимому, к довольно позднему времени. В ее керамике, в особенности в материале верхних горизонтов, прослеживается некоторое сходство с керамикой типа Киукайнен, относящейся к самому концу неолита в Финляндии, т. е. к более позднему времени, чем боевые топоры[3]. За сравнительно позднюю датировку стоянки говорит, очевидно, и обилие мелких сланцевых изделий, в особенности наличие среди них позднего типа когтеобразных долот. Этот тип долот представлен также, например, на стоянке у устья р. Кинемы — стоянке, относящейся к концу второго тысячелетия до нашей эры[4]. Единственное опубликованное до настоящего времени когтеобразное долото с территории Латвии относится, повидимому, также к довольно позднему времени[5]. Очень возможно, что и наконечники стрел (рис. 8, *4*, *5*), близкие, до некоторой степени, к стрелам городищенского типа, указывают на продолжительность существования нашей стоянки, так как число этих стрел возрастает и на более поздних стоянках каргопольской культуры[6].

Таким образом, стоянка Тамула существовала на протяжении продолжительного времени. Возникновение стоянки относится, вероятно, еще ко времени существования стоянки Риннюкалнс. Нижний горизонт стоянки совпадает с периодом расцвета обмена янтарем и является, повидимому, до некоторой степени одновременным с богатыми янтарем местонахождениями Акали, Ича, Леяс-Цийскас, со свайным поселением на р. Модлоне и, быть может, с поселением в Сарнате. В более позднее время обмен янтаря прекратился[7]. Тогда, а может быть и раньше установились связи с «культурой боевых топоров», под влиянием которой умерших стали хоронить в скорченном положении. Возможно, что таким же путем проникла и шнуровая керамика. В это же самое время оживился обмен с более северными территориями, откуда происходят изделия из сланца, находимые в самых верхних горизонтах стоянки.

---

[1] A. Europaeus-Äyräpää. Die relative Chronologie..., стр. 214 и след.; M. Ebert. Die baltischen Provinzen Kurland, Livland, Estland. Praehistorische Zeitschrift, V, Leipzig, 1913, рис. 8, *e*, *m*.

[2] Õpetatud Eesti... (1876), 1877, стр. 184—186; ИИ 3663 : 1. Этот тип гарпуна встречается в Вилла, Леяс-Цийскасе и Висби, а также среди подъемного материала с оз. Лубана: ИИ 4037 : 1189; Congressus secundus..., стр. 416, табл. II, *1*; J. Nihlén. Gotlands..., рис. 104, *2*; ГЦИМЛ.

[3] A. Europaeus-Äyräpää. Ук. соч., стр. 205 и след.

[4] М. Е. Фосс. Стоянка на оз. Лача..., стр. 16, 21, рис. 11, *22*.

[5] RK, 1930, стр. 9.

[6] М. Е. Фосс. Неолитические культуры..., стр. 42 и след., табл. III, *22*, *55*, *85*, *86*.

[7] О прекращении обмена янтарем см.: А. Я. Брюсов. Свайное поселение..., стр. 27 и след.

До тех пор, пока сравнительный материал из названных выше ближайших памятников не может быть более точно датирован, нет возможности точнее определить время существования данной стоянки в абсолютных датах. Не пытаясь пока окончательно установить верхнюю и нижнюю даты, можно сказать, что стоянка, повидимому, была обитаема во второй и третьей четвертях второго тысячелетия до нашей эры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Расположение стоянки непосредственно около воды является типичным для неолитических стоянок. Найденные в Тамула вещи показывают, что люди занимались преимущественно охотой и рыбной ловлей. Никаких признаков скотоводства и земледелия нет.

Для таких общин, в общем, характерны сезонные перекочевки соответственно с условиями охоты и рыбной ловли. Возможно, что такой сезонный образ жизни вели и жители Тамула. Однако инвентарь стоянки и его стратиграфия показывают, что стоянка была обитаема более или менее непрерывно в течение нескольких столетий. И если обитатели стоянки перебирались на определенную часть года в другое место, то все-таки надо полагать, что для весенней рыбной ловли они возвращались снова на берег озера и жили здесь все лето. Кроме того, наличие могильника указывает на связь стоянки с культовыми традициями, которые могли сложиться только при постоянном обитании в одном месте. Таким образом, стоянку Тамула приходится считать постоянной, а не временной. Только в самых верхних горизонтах находки становятся редкими, а культурный слой теряет характерную утрамбованную вязкость. Можно полагать поэтому, что в самом конечном периоде своего существования стоянка приобрела характер временного стойбища. Возможно, что стоянка, в качестве постоянного места проживания, была покинута населением вследствие поднятия воды в озере, о чем свидетельствует повидимому, наносный песок, встречающийся все чаще в верхних горизонтах культурного слоя. Впрочем, имея в виду незначительную площадь наших раскопок, вопросы эти нельзя считать окончательно выясненными. Как показывает фосфатный анализ почвы, стоянка простирается от конца мыса на 70 метров по направлению к западу. Неизвестно, была ли вся эта площадь обитаема одновременно или же стоянка постепенно отодвигалась на более высокие места, отступая от берега по мере того, как прибрежная часть наводнялась. Подобное явление наблюдается, например, в Акали.

О связях обитателей стоянки с соседними общинами свидетельствуют вещи, полученные путем обмена. К числу их относятся, без сомнения, такие изделия, для изготовления которых необходимого материала в ближайших окрестностях не имелось, например, изделия из янтаря и сланца.

Глинистый сланец встречается на территории Эстонской ССР в природе только в виде единичных случайных обломков, занесенных сюда льдом с севера. Поэтому надо думать, что большинство обнаруженных на нашей территории сланцевых изделий поступило сюда путем обмена с севера и северо-востока, прежде всего из богатой сланцем территории Карело-Финской ССР. Это подтверждается тем, что некоторые орудия труда в Финляндии и Эстонии (и изредка даже еще южнее) сделаны из зеленоватого шифера, встречающегося в природе только на северо-западном побережье Онежского озера. Оттуда материковым льдом шифер мог быть перенесен только на юго-восток[1] К тому же наличие олонецкого

[1] A. Äyräpää. Suomen kivikauden kulttuurimuodot. Ylipainos Suomal. Tiedeakat. Esitelmät ja Pöytäkirjat 1937. Helsinki, 1939, стр. 112, рис. 11.

шифера в этих областях в виде готовых изделий карельского типа говорит за то, что этот материал служил предметом обмена обыкновенно в виде готовых изделий. Мы видели, что сланцевые изделия в Тамула представляют собою именно типичные для Карелии формы, однако в Тамула найден и обломок сырого сланца со следами пиления и раскалывания.

Кремень встречается местами на территории Эстонии, например, в Пыльтсамааском районе, однако редко и лишь мелкими кусками. В ближайших к Тамула окрестностях местонахождения его неизвестны. Разнообразие в окраске и качестве найденных в Тамула кремневых изделий дает повод полагать, что материал происходит из разных мест.

Кроме янтаря, сланца и кремня, приходится, видимо, считать привозной и шнуровую керамику, которая, как по материалу, так и по технике изготовления и орнаменту, резко отличается от прочей керамики стоянки.

Таким образом, обитатели стоянки Тамула имели широкий круг меновых сношений: с юго-запада или с юга привозился янтарь, с северовостока — сланец, а часть кремня происходит, может быть, с востока или с юга. При нынешнем состоянии наших знаний невозможно определить конкретную форму обмена.

Интерес представляют также точки соприкосновения стоянки Тамула с другими поздненеолитическими стоянками на территории Эстонии и Латвии, с одной стороны, и с «культурой боевых топоров» — с другой. Население стоянок вело охотничье-рыболовецкое хозяйство, население, оставившее так называемую «культуру боевых топоров», было скотоводческо-земледельческим. Таким образом, на нашей ограниченной территории обитали рядом друг с другом общины, имевшие различные основы хозяйства и разнородную материальную культуру, которые в то же время не были изолированы друг от друга. Мы еще не знаем конкретных форм их связей, однако, учитывая сосуществование обеих культур на одной территории, необходимо полагать, что эти взаимоотношения должны были носить постоянный характер и быть достаточно тесными для того, чтобы, как мы видели на примере Тамула, оказывать влияние на погребальный обряд населения другой культуры.

Если соответствует действительности предположение, что обитавшие на территории Эстонии охотничье-рыболовецкие и скотоводческие племена принадлежали двум различным этническим группам, то в течение последующих столетий должно было произойти их постепенное слияние, так как в середине последнего тысячелетия до нашей эры мы находим на нашей территории лишь одну этническую группу — предков ливо-эстонских племен. Ассимиляция одними этническими элементами других совершилась, повидимому, во второй половине второго тысячелетия и в начале первого тысячелетия до нашей эры. Ввиду неизученности памятников этого периода конкретный ход ассимиляции пока не может быть прослежен.

МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ОЛЕННЫЙ КАМЕНЬ С РЕКИ ИВОЛГИ

Во времена Геродота перед обитателями греческих городов на юге России простиралась необозримая страна, заселенная разноязычными племенами. За хорошо известными грекам соседними областями скифов лежали менее известные, а еще далее на север и восток от Черного моря — степные просторы, сведения о населении которых расплывались в тумане мифологических представлений и легенд.

Археологические исследования, развернутые в отдаленных степных районах Азиатской части Советского Союза, в том числе к востоку от Байкала, показали, что область распространения культуры, очень сходной по внешности со скифской, но принадлежавшей совсем другим по их этническому составу племенам, охватывала в первом тысячелетии до нашей эры и эти пространства.

Как оказалось, на степных пространствах от Байкала вплоть до реки Желтой находился целый мир степных скотоводов, образ жизни и культура которых в ряде характерных специфических деталей близко напоминали быт и культуру скифов Причерноморья.

Среди вещественных памятников, оставленных этими древними скотоводческими племенами в степях Внутренней Азии, особое место принадлежит оригинальным каменным изваяниям — оленным камням, издавна привлекавшим внимание исследователей своими монументальными размерами и оригинальными изображениями. Одному из таких изваяний и посвящена настоящая статья. Оно, как мы увидим, вполне заслуживает такого внимания, потому что позволяет раскрыть ряд любопытных черт самобытной культуры и своеобразного исторического пути, пройденного племенами бронзового века Забайкалья, строителями «плиточных могил» и современниками причерноморских скифов.

* * *

Почти сто лет назад известный исследователь древностей Забайкалья Д. П. Давыдов[1]; член-сотрудник сибирского отдела Русского

[1] Дмитрий Павлович Давыдов, сибиряк родом, был учителем в Якутске, Троицкосавске и Верхнеудинске. Известен своими метеорологическими и геотермическими исследованиями в Якутске, результаты которых были опубликованы А. Ф. Миддендорфом, а также этнографическими и археологическими работами. Ему принадлежит поэма «Волшебная скамеечка», сюжет которой навеян бурятским фольклором. См. Сиб. советская энциклопедия, т. I, стр. 765; Ф. А. Кудрявцев. Забытый сибирский поэт Д. Давыдов. Сиб. лит. краеведч. сборник, Иркутск, 1928; Я. Н. Ходукин. Верхнеудинский смотритель училищ Д. П. Давыдов как работник по ученой части. «Сибирская летопись», 1917, № 1—2, стр. 35—38.

географического общества, обнаружил вблизи города Верхнеудинска (ныне г. Улан-Удэ, столица Бурят-Монгольской АССР) замечательный памятник далекого прошлого Забайкальских степей.

Это была большая каменная плита, находившаяся между Иволгинской и Ключевской станциями по тракту из Верхнеудинска в Селенгинск, в 22 верстах к югу от Верхнеудинска[1].

16 июня 1856 г. Д. П. Давыдов совершил специальную поездку к тому месту, где им была найдена эта плита, вместе с художником Сибирского отдела РГО Смирновым, который, должно быть, и зарисовал ее на месте. В пояснении к рисунку Смирнова Д. Давыдов сообщал, что «начертания на этой плите, сходные с теми, которые осмотрены мною на Санном мысе (о чем замечено ниже), и еще более то обстоятельство, что они нарезаны не только по обеим широким плоскостям, но и по самым ребрам, заставляет думать, что плита была предназначена к поставке на узкий нижний конец (подобно тому, что это сделано на Санном мысе), но почему-то работа не была исполнена, ибо нет вблизи никаких признаков необходимого для того укрепления»[2].

Не ограничиваясь осмотром и зарисовкой плиты, Давыдов решил произвести на месте, где она лежала, раскопку: «Мы опрокинули плиту с большими усилиями. В углублении под нею разобран щебень и на поларшина от поверхности земли найден лошадиный остов без головы, вместо которой оставлено лишь несколько задних зубов. Никаких признаков сбруи здесь не найдено. Под остовом продолжали разрывать землю, чтобы удостовериться, нет ли чего ниже, и кончили работать, когда было слишком ясно, что далее почва нетронута. Можно думать, что остов лошади был основанием предполагавшегося к постройке маяка, почему-то неотделанного, тем более что самая засыпка остова как бы не окончена. Тут, вероятно, хотели поставить так наз. писаную плиту»[3].

О дальнейшей судьбе плиты Давыдов ничего не сообщает. Однако в литературе имеются определенные указания на факт перевозки ее в Иркутск, где она была сдана в Иркутский музей, принадлежавший местному отделу РГО[4].

Приложенный к статье Давыдова в «Записках» Сибирского отдела РГО рисунок верхнеудинской плиты, очевидно, и есть тот самый, который сделал на месте Смирнов в 1856 г. Несмотря на всю схематичность и условность, рисунок Смирнова не оставляет сомнения в том, что обнаруженная Давыдовым вблизи Иволги плита была настоящим «оленным камнем», и при этом тем самым, который действительно находится сейчас в садике Иркутского музея.

Кроме того, Д. Давыдов обнаружил и впервые описал еще один аналогичный по орнаментации камень, на этот раз в долине р. Уды, на Санном мысу. Ему, бесспорно, принадлежит, таким образом, честь открытия и первого научного описания оленных камней Забайкалья. Ему же, по-видимому, принадлежит и заслуга спасения для науки Иволгинского камня.

---

[1] Д. Давыдов. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Верхнеудинского округа Забайкальской области. Зап. Сиб. отд. Русск. географ. о-ва, 1856, кн. 2, отд. 1, стр. 89—101.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] А. К. Кузнецов. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, т. XXIV, № 2, Иркутск, 1893, стр. 12.

Доставленная в Иркутск плита с изображениями была затем издана вновь в 1912 г. Г. Аппельгреном-Кивало, который писал, что во дворе Иркутского музея стоит каменный столб, на котором изображено четыре благородных оленя, выполненных в иной технике и в другой стилистической манере, чем изданные в «Inscriptions de l'Jenissei» фигуры оленей с камня из Уюк-Аршана и с писаных скал в Сулеке. В то время как олени из Уюк-Аршана и из Сулека выбиты ямками и имеют более или менее реалистический характер, писал Аппельгрен-Кивало, фигуры оленей с камня Иркутского музея гладкие и имеют сильно стилизованный облик: морды их чрезмерно длинные и узкие, ноги слишком коротки, а рога напоминают орнамент. Сближая Иркутский камень с аналогичными памятниками из северо-западной Монголии, опубликованными Гранэ, Аппельгрен-Кивало видел в их стилистических особенностях влияние китайского «Wolkenbandmotiv» ханьского времени. Там же, в китайских надгробных рельефах ханьского времени, он находил аналогию по техническому выполнению Иркутскому камню, полагая, что развитая стилизация дает право датировать его примерно первыми веками нашей эры[1].

Зарисовка (все же не точная) Иркутского камня, изданная Аппельгреном-Кивало, и все его соображения о стиле и возрасте этого памятника, не выдерживают критики в свете современного научного знания. Обратимся к самому оригиналу, который вполне заслуживает специальной публикации не только потому, что является, как сказано выше, одним из наиболее интересных памятников данного рода, но еще и потому, что ни один из оленных камней до сих пор не был издан и описан полностью. Нет также и соответствующей современным требованиям общей сводки, хотя оленные камни вполне ее заслуживают[2].

Иволгинская плита, как лучше называть ее по первоначальному местонахождению, имеет в длину около 3,5 метра. Из них на орнаментированную надземную ее часть приходится 2,9 метра. Ширина ее равна в среднем 90 сантиметров, толщина — 19—20 сантиметров. Изготовлена она из одного куска мелкозернистого розового забайкальского гранита, а не из песчаника, как полагал Давыдов (рис. 1). Гранит этот очень тверд и прочен, что потребовало, несомненно, больших и длительных усилий для его обработки, но вместе с тем обеспечило редкую сохранность высеченного из него памятника. Имеющиеся на нем углубленные рисунки настолько отчетливы и ясны, что только единообразный цвет всей поверхности камня и степень ее выветренности говорят о глубоком возрасте этого памятника.

По своей форме камень представляет собой массивную плиту с характерно скошенной наискось, к одному краю вершиной. Благодаря этому он слегка напоминает саблю или даже грубо стилизованную плоскую фигуру гигантской рыбы. Сходство с рыбой, кстати, увеличивается наличием в самом углу вершины камня, с одной стороны его, большого высеченного круга, напоминающего глаз, а с другой стороны—широкой дуги, напоминающей жабры. Но такое сходство может быть случайным.

---

[1] H. Appelgren-Kivalo. Vogelkopf und Hirsch als Ornamentsmotive in der Vorzeit Sibiriens. «Finnisch-ugrische Forschungen», т. XII, 1912. Аппельгрен-Кивало опубликовал рисунок только одной, лицевой, стороны камня. Еще раз этот рисунок был повторен А. М. Тальгреном в его обзорной статье о наскальных изображениях Северной Азии (A. M. Tallgren. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures. ESA, VIII, 1933, стр. 191, рис. 24—27). Тальгрен, вслед за Аппельгреном, ошибочно относит оленные камни к эпохе переселения народов (там же, стр. 194).

[2] Составление подобной сводки для оленных камней потребует больших усилий, что объясняется их распространением в обширных степных пространствах.

Обе широкие плоскости Иволгинской каменной стелы, а также оба ее боковых ребра почти сплошь покрыты тщательно выбитыми, углубленными изображениями со сглаженной, лишь слегка шероховатой поверхностью, отчетливо выделяющимися на ровном возвышенном фоне камня. Глубина высекания на всех изображениях почти совершенно одинакова; она равна примерно 0,4—0,3 сантиметра. Техника высекания слегка напоминает тонкую точечную ретушь неолитического времени и, может быть, выполнена тем же способом

Рис. 1. Иволгинский камень, передняя сторона

Тщательность работы, уверенность рисунка и совершенство форм изображений ставят Иволгинскую стелу в ряд лучших художественных произведений среди археологических памятников Забайкалья.

На передней стороне плиты изображены три большие фигуры оленей, симметрично расположенные одна над другой в одинаковых позах (рис. 2). Все эти три фигуры располагаются наискось поперек камня с вытянутой вверх головой и, соответственно, опущенной вниз нижней частью, как бы в позе полета. Трактованы они в общем тоже совершенно одинаково, хотя и отличаются друг от друга некоторыми незначительными деталями.

Самая крупная из трех фигур помещается в верхней части плиты. Олень изображен здесь в профиль, в своеобразной, стилизованной форме. У него длинное узкое туловище и такая же длинная, вытянутая вперед, плавно изогнутая шея. Она отделена от туловища оленя острым треугольным выступом на спине, условно изображающим характерный горб над лопатками. Зад животного округлый, из него торчит короткий типично олений хвостик.

На голове животного особенно резко и отчетливо выделяется непропорционально большой глаз, изображенный в виде миндалевидного углубления, окаймленного таким же миндалевидным валиком. Морда зверя поражает странной стилизацией. Чрезмерно узкая и длинная, раздвоенная почти во всю свою длину, она напоминает клюв какой-то фантастической птицы.

Зато рога у зверя — характерные оленьи, ветвистые и пышные. Их изображено на этой фигуре два, они как бы развернуты на плоскости камня рядом друг с другом. Один рог круто поднимается над головой и телом животного, усаженный сверху изящными завитками. Второй рог расположен под первым и доходит до конца спины. Острому выступу на спине животного соответствует изгиб рога, подчеркивающего своими изгибами

очертания тела оленя. У первого, верхнего, рога впереди выступают два дугообразно изогнутых тонких отростка, больше всего напоминающих аналогичные отростки на рогах северного оленя (Rangifer tarandus L.). Под нижним рогом видно ухо животного, узкое и длинное, напоминающее по форме ивовый лист.

Внизу у фигуры имеются два выступа, условно изображающие ноги. Передний выступ почти треугольный, обращенный прямо срезанным широким основанием вниз. Сзади довольно реалистично изображены сильно выпуклое бедро и тонкая нога, слегка закинутая назад.

Наиболее резкой отличительной особенностью этого изображения оленя является одна его деталь: у основания верхнего рога, в передней его части, выступает наклонно вверх узкий, расширенный в средней части стержень, заканчивающийся правильным, глубоко выбитым в камне контурным (желобчатым) кругом.

Второй олень, находящийся под первым, имеет только один рог, точно так же ветвистый, с пятью округлыми завитками.

Третий олень во всем повторяет второго, с той разницей, что задняя нога у него показана почти полностью.

Слева, в самом низу, под третьим оленем изображен еще один, четвертый, неполная фигура которого заканчивается на уровне плеча. У него имеется один волнисто изогнутый рог с завитками. Незаконченность этой фигуры объясняется, несомненно, тем, что она была предназначена заполнить оставшееся внизу свободным пространство.

а *б*

Рис. 2. Изображения на Иволгинском камне.

а — передняя сторона плиты; *б* — правый бок плиты

Справа, на небольшом пространстве также размещена фигура оленя, на этот раз с очень тщательно оформленными длинными, характерно подогнутыми ногами, напоминающими ноги известных «лежачих» скифских и скифо-сибирских оленей. Туловище оленя длинное, выгнутое кверху, с острым горбом над лопатками. Морда оленя трактована так же, как на больших фигурах; рога сделаны не полностью, так как для них не хватило места (они пришлись на самом краю плиты).

Слева и справа над каждой из этих дополнительных оленьих фигур по краям плиты помещено по одной небольшой фигуре животного, на этот раз уже не оленей, а стилизованных лошадок. Фигуры их тоже даны со своеобразно подогнутыми ногами.

У обеих фигур изображены поднятые вверх дугообразные шеи и длинные, неуклюжие головы, раздвоенные на конце, подобно оленьим, но не

узкие, а широкие. У одной фигурки хвост короткий, у другой длинный. В обоих случаях особо выделены выпуклые округлые бедра задних ног. Одна лошадка при этом обращена головой вверх, у второй (соответственно наличному пространству) голова опущена вниз.

Над последней фигурой с левой стороны плиты высечен пятый олень небольшого размера. В соответствии с наличным пространством животное изображено в необычной позе. Туловище его приподнято наискось вверх, ноги круто подогнуты и как бы вложены одна в другую. Голова обращена назад, потому что другого места для нее не осталось. Рога не закинуты, как положено, на спину, а поднимаются по прямой линии вверх, причем их завитки тоже торчат кверху.

а *б*

Рис. 3. Изображения на Иволгинском камне.

а — задняя сторона плиты; *б* — левый бок плиты

Почти в такой же позе изображена и шестая фигура оленя небольшого размера, расположенная слева на самом краю плиты между верхним и средним большими оленями. В отличие от всех остальных, она не выбита сплошь, а сделана контурной желобчатой полосой. Ноги животного согнуты под прямым углом и направлены вперед, голова обращена назад, морда длинная, раздвоенная на конце. На голове отчетливо виден круглый глаз. Рога оленя пышные, поднимаются кверху вдоль самого края плиты. Весь этот рисунок, несмотря на небольшие размеры, отличается от всех остальных до некоторой степени реалистичностью,— он не так резко стилизован. Эта его особенность наиболее четко видна в трактовке головы, более пропорционально очерченной, отчасти напоминающей реалистические скульптуры и рисунки неолитического времени.

На противоположной широкой плоскости плиты (рис. 3) в той же технике и манере изображены две большие фигуры оленей, еще более крупные, чем описанные выше, занимающие в целом столько же места, сколько занимают три фигуры на передней стороне плиты. Вверху изображен такой же олень с двумя ветвистыми и волнообразно изогнутыми рогами, как и верхний на передней стороне. Он отличается от последнего только более пышными рогами и отсутствием выступа с кругом в их основании, а также наличием второго уха, расположенного в промежутке между двумя рогами.

Детальнее оформлена здесь и задняя нога оленя, тогда как передняя стилизована в виде короткого выступа — трапеции. У нижней большой фигуры оленя здесь изображен только один рог, но зато вместо двух кривых острых выступов спереди изображен второй небольшой верхний рог с четырьмя выступами, для которого не хватило места под верхней фигу-

рой. Нижняя часть туловища данной фигуры срезана, так как в этом месте начинается основание плиты, уходившее в землю, а потому и оставленное без изображений.

Справа, внизу, у края плиты имеется передняя часть фигуры оленя. Нижняя часть отсутствует по той же причине, как и соответственная часть большой нижней фигуры оленя.

Непосредственно над ней помещается изображение предмета в виде длинной, слегка искривленной, рукоятки, из которой перпендикулярно выступает что-то вроде длинного клинка кельта или боевого топора. Клинком это изделие обращено к морде большого нижнего оленя. Вдоль шеи верхнего большого оленя размещена четвертая фигура оленя. Поза этого оленя в точности повторяет позу двух описанных выше аналогичных фигур, расположенных в левой части вдоль края противоположной широкой стороны плиты с тем различием, что этот рисунок выполнен более детально и крупнее.

Туловище животного изображено поднятым наискось вверх, голова его повернута назад, морда раздвоена, как бы расщеплена, почти во всю длину пополам. Задняя нога изогнута дважды — сначала в бедре, затем в колене; передняя согнута наружу. Над головой оленя поднимается вверх длинный волнистый рог с отходящими от него пятью округлыми завитками.

В самом верху высечены глубоким и широким желобком два круга, малый вверху и большой внизу, окаймленные снизу такой же желобчатой линией в виде широкой дуги, похожей, как уже говорилось выше, на стилизованное изображение жаберной щели рыбы.

Изображения на боковых гранях плиты, о которых упоминал в свое время Д. Давыдов, сохранились столь же отчетливо, как и все остальные. Они располагаются двумя узкими длинными полосами снизу вверх, от подножья до вершины камня. Вдоль короткой, т. е. правой грани плиты (если считать лицевой стороной ту ее плоскость, на которой изображены три большие фигуры оленя), размещены три оленя и пятиугольная фигура (рис. 3, *б*). Внутри пространство этой фигуры заполнено поперечными линиями в виде углов, повторяющих острый выступ наверху.

Все три оленя этой боковой грани Иволгинской плиты изображены одинаково. Фигуры их поставлены вертикально, одна над другой. Трактовка их в основном такая же, как на оленьих фигурах с широких плоскостей плиты. У всех узкое изогнутое туловище с подчеркнутым выступом над лопатками, птицеобразная морда и рога с завитками, далеко закинутые над спиной животного. Самая верхняя фигура не вошла полностью на плоскость ребра; мастер не рассчитал размеров рисунка и слишком широко распределил рога. Поэтому он не смог изобразить ноги и всю нижнюю половину туловища оленя; точно так же не удалось ему изобразить и переднюю ногу среднего оленя, потому что в этом месте крутой выгиб шеи животного пришелся на краю ребра плиты.

На противоположной узкой грани плиты (рис. 2, *б*), в самом низу ее, изображен предмет в виде широкой поперечной полосы, от которой спускаются к полу два крючкообразных выступа.

Над этим предметом слева изображен кинжал с характерными выступами в виде шипов у эфеса и навершием в виде асимметричного округлого выступа.

Рядом с кинжалом виден предмет в виде вертикальной полосы, расширенной вверху и суженной внизу, но заканчивающейся небольшим расширением справа.

Еще выше, справа от рукоятки кинжала, изображен предмет, напоминающий топор с массивной рукоятью и коротким клинком, торчащим из рукояти в виде выступа с округлым концом. Над кинжалом и «топором» имеется изображение лука со стрелою (рис. 4), а над ним — сплошь выдолбленный внутри диск правильной круглой формы.

Диск, очевидно, изображает круглое металлическое зеркало. Об этом свидетельствует как весь комплекс бытовых вещей, в связи с которым оно находится, так и сплошная выбивка всей поверхности изделия, подчеркивающая его отличие от символических кругов, имеющихся в верхней части плиты и обозначенных условно только лишь простыми желобками.

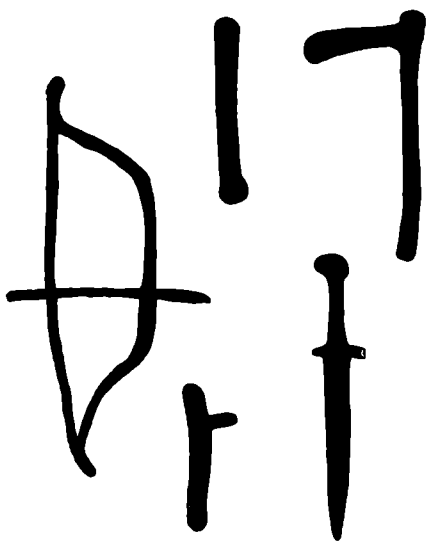


Рис. 4. Предметы вооружения на Иволгинском камне

В самом верху помещена фигура оленя, в том же положении, как и малые оленьи фигуры на противоположном ребре плиты, т. е. вертикально. Она отличается от них, однако, бóльшим размером. Передняя нога оленя не изображена, рог с завитками лежит над спиной животного, но конец его отсутствует; мастер просто не закончил его.

* * *

Иволгинский «оленный камень» — один из многих, которые широко распространены в степях Забайкалья (долина р. Селенги, бассейн р. Онона), а также в Тувинской автономной области (в верховьях Енисея) и в Монгольской Народной Республике.

«Оленные камни» (хусээ-чоло или кошо-чило, т. е. «овечьи камни», как их называет местное население) неоднократно отмечались в литературе.

В трудах различных путешественников, преимущественно русских, имеются довольно многочисленные воспроизведения оленных камней, в том числе хорошие фотографии, дающие достаточно наглядное представление об их общей форме, а иногда и о некоторых существенных деталях.

Как видно из этих данных, оленные камни, т. е. одиночные камни с изображениями оленей или камни, так или иначе сближающиеся с ними по тем или иным характерным изображениям, могут быть условно, — если оставить в стороне многочисленные переходные образцы,— разделены на три группы.

В первую входят круглые в поперечном сечении, т е. цилиндрические, столбы. Во вторую входят столбы прямоугольные в сечении, иногда с округленными гранями. В третью должны быть выделены широкие плиты, иногда с косо срезанной вершиной, о которых Г. Н. Потанин в свое время писал, что ими представлена довольно широко распространенная «бритвообразная, кверху расширяющаяся форма кишачило со скошенным верхом» [1].

[1] Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1867—1877 гг. по поручению Русского географического общества, вып. II, Материалы этнографические. СПб., 1881, стр. 71.

Именно к этой последней группе и относится Иволгинский оленный камень.

Имеющиеся на нем изображения обычны и традиционны для оленных камней Монголии и Забайкалья. Они повторяют при этом в отдельных своих стилистических чертах также и некоторые наскальные изображения. Таковы, например, замечательные рисунки на скалах в районе Ихэ-Алык и Нэмэхэ в Северной Монголии, где изображены олени с характерно подогнутыми ногами и рогами из пышных завитков[1]. Почти совершенно такие же фигуры оленей имеются и далеко на юге Монгольской Народной Республики, в районе Хобдо-Сомона[2].

В ряде случаев на скалах Монголии есть изображения оленей с двумя рогами, такие же, как самая крупная верхняя фигура оленя на лицевой стороне Иволгинского камня.

При всем том, однако, изображения оленей на писаницах трактованы обычно в более свободной манере, без той стилизации, которая отличает их на оленных камнях. С другой стороны, на писаницах Монголии часто встречаются фигуры оленей, близкие к изображениям на оленных камнях по своей позе, а также по трактовке рогов завитками, но в то же время и резко отличные от них благодаря наличию орнаментальных спиралей внутри туловища оленей.

Можно говорить, следовательно, только о каком-то общем совпадении изображений оленей на писаницах с такими же фигурами на оленных камнях, но не о полном их тождестве.

Стилизованные изображения лошадей на оленном камне с р. Иволги, в свою очередь, тоже обычны для памятников этого рода из других мест, причем их фигуры даны в совершенно одинаковом стилизованном виде, таком же в общем, как на Иволгинском камне[3].

На оленных камнях повторяются и другие изображения, имеющиеся на Иволгинской стеле. Сюда в первую очередь следует причислить круги, высеченные на обеих широких плоскостях Иволгинского камня. Как и во всех других аналогичных случаях, эти круги изображены на самой верхней части камня.

При этом, однако, обращают на себя внимание два обстоятельства. На лицевой стороне нашего камня круг вырастает прямо и непосредственно из рогов оленя, и кроме того, стержень, на котором он изображен, напоминает боковую ручку зеркала, какие обычны в древностях нашего Причерноморья[4]. Зеркало на боковой длинной ручке было обнаружено и при раскопке Пазырыкских курганов в Горном Алтае[5].

Не менее интересно, что на обратной стороне Иволгинского камня оказался не один круг, а целых два.

---

[1] «Северная Монголия», вып. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1927, табл. VIII; табл. IX, *1*.

[2] Наблюдения автора в 1949 г.

[3] Г. Н. Потанин. Ук. соч., табл. XV; p. G. Granö. Archaeologische Beobachtungen von meinen Reisen in der Nördlichen Grenzegegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907. «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», XXVI, Helsingfors, 1909, табл. IX, рис. 30; его же. Archaeologische Beobachtungen von meinen Reisen in Südsibirien und der Nord-West-Mongolei im Jahre 1909. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXVIII, Helsingfors, 1910, табл. XVII, рис. *a*; Altaltaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. G. Aspelins Reise in Sibirien und der Mongolei 1877—1889, herausgegeben von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Helsingfors, 1931, рис. 331, а, б.

[4] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, 1914, табл. X, рис. 4, 6, 8; табл. XI; табл. XIII, рис. 1, 4—7; табл. XIV, рис. 1—3.

[5] С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган, Л., 1948, табл. XXIII, рис. 1.

В некоторых случаях такие же два круга, один поменьше размером, а другой побольше, встречаются на оленных камнях в Монгольской Народной Республике, например на столбах из Даган-Дэла и в Хангае [1].

Широкая дуга под этими двумя кругами является вариантом обычных горизонтальных полос, как правило, отделяющих верхушку оленных камней с заключенными в ней кругами от всего остального покрытого орнаментом пространства. В некоторых случаях полосы эти имеют вид более или менее широких желобков, опоясывающих верхушку столба. Иногда же они бывают образованы тесно насаженными овальными углублениями, слегка напоминающими «жемчужный шнур». Таковы, например, пояски на оленном камне Кяхтинского музея, а также на камнях в Хангае [2].

Обычной является также имеющаяся на Иволгинском камне загадочная фигура в виде пятиугольника, обращенного острием вверх и заполненного внутри поперечно расположенными линиями в виде углов. Этот рисунок на оленных камнях Монголии, так же как и на Иволгинской стеле, располагается обычно на узких боковых гранях, а не на широких поверхностях [3].

Особого внимания заслуживают другие изображения на Иволгинском камне, тоже в ряде случаев повторяющиеся на прочих оленных камнях.

Сюда, в первую очередь, относится рисунок кинжала. Кинжалы, близкие по общему облику к нашему, изображены на оленном камне, опубликованном Гранэ [4], а также на камнях, изданных В. В. Радловым в «Атласе древностей Монголии» [5] и Аппельгреном-Кивало [6].

Тщательно сделанный рисунок кинжала имеется на оленном камне, хранящемся ныне в Кяхтинском краеведческом музее им. В. А. Обручева.

Во всех случаях здесь изображен кинжал определенного типа, такой же, как на Иволгинском камне, с широким двулезвийным клинком, отделанным крутыми плечиками, и перекрестьем эфеса от рукояти, завершенной округлым или, скорее, полулунным выступом. Эти черты, наиболее резко выраженные на изображении кинжалов с эстампажа, изданного В. В. Радловым, сближают их более всего не с кинжалами поздних типов скифо-сарматского времени, т. е. не с настоящими акинаками, а с предшествующими им в Сибири карасукскими кинжалами или с непосредственно следующими после них кинжалами раннескифской поры.

Боевой топор, изображенный рядом с кинжалом на Иволгинской стеле, довольно близок в общем к топору, изображенному на рисунке, опубликованном В. В. Радловым, где он висит на ремешках или веревочках привязанный за середину [7].

Загадочная фигура, изображенная в самом низу узкой грани Иволгинского камня в виде двух параллельных полос, дугообразно загнутых

[1] J. G. Granö. Archaeologische Beobachtungen... im Jahre 1909, табл. XVII, рис. 3, *а*, с; табл. XIX, рис. 1, с.

[2] Там же, табл. XVIII—XIX.

[3] А. Позднеев. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию в 1892—1893 гг., т. I, Дневник и маршрут 1892 г. СПб., 1896, стр. 230; Altaltaische Kunstdenkmäler..., рис. 227, 328, *а*; J. Granö. Archaeologische Beobachtungen... in den Jahren 1906 und 1907, табл. 1; его же. Archaeologische Beobachtungen... im Jahre 1909, табл. XVIII, XIX; В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. 2, СПб., 1892, табл. XXII, № 4, *б*; то же, вып. 3; табл. XCVI, № 3.

[4] J. Granö. Archaeologische Beobachtungen... im Jahre 1909, табл. IX, рис. 1; табл. X, рис. 34, *а*.

[5] См. вып. 2, табл. XXIII-1.

[6] Altaltaische Kunstdenkmäler..., рис. 324.

[7] Атлас древностей Монголии, вып. 2, табл. XXIII-1.

на конце, возможно, в условной форме повторяет реалистически выполненное изделие, висящее на отмеченном выше поясе, изображенном на оленном камне, изданном во втором выпуске «Атласа древностей Монголии». Г. П. Сосновскому посчастливилось обнаружить металлический оригинал такого предмета в одной из плиточных могил на горе Тапхар вблизи г. Улан-Удэ[1].

Второе изображение лука, если не считать опубликованного Гранэ налучья с торчащим из него верхним концом лука [2], имеется на Кяхтинском оленном камне. Оба лука, с Иволгинского и Кяхтинского оленных камней, по форме аналогичны друг другу. Это короткие луки, с широкой дугой. У кяхтинского рисунка отчетливо виден специфический прогиб лука в средней его части, соответствующий сложному, а не какому-либо другому типу лука. Перед нами, следовательно, типичный сложный лук конных воинов, известный по сообщениям античных авторов, «сигмовидный» лук скифского образца.

Мне неизвестны прямые аналогии только двум предметам, изображенным на Иволгинском камне; первый из них — зеркало, рисунок которого находится над фигурой лука, второй — изделие с длинной рукоятью и длинным, слегка наискось насаженным в ней клинком, изображенное на «задней» стороне плиты. По всем признакам этот рисунок тоже изображает боевую секиру, а может быть, и кельт (хотя в последнем случае непонятен выступ рукояти за клинком).

Как и все оленные камни, с которыми он сходен, Иволгинский камень характеризуется в стилистическом отношении особыми чертами. Черты эти проявляются, главным образом, в трактовке звериных фигур — оленьих и лошадиных. Иволгинский камень представляет собой памятник того своеобразного звериного стиля, которой не без основания получил наименование «скифо-сибирского звериного стиля». Для него в полной мере характерно специфическое сочетание своеобразно переработанных реалистических элементов с такой же своеобразной декоративной стилизацией.

Налицо здесь и устойчивые приемы декоративной стилизации, типичные для «скифо-сибирского звериного стиля»: оленьи рога, заброшенные на спину, с многочисленными завитками на них; характерным образом подогнутые ноги животных, загнутые и обращенные назад головы, манерно очерченные изящные фигуры животных.

Существенна и своеобразна общая композиция изображений на оленных камнях. Древний мастер стремился заполнить всю без остатка полезную площадь камня своими рисунками. Изобразив на плоскости камня первую большую фигуру оленя (очевидно, сверху), он вплотную к ней набрасывал контуры второй такой фигуры, а затем третьей, как бы нанизывая их одну за другой.

Но и этого ему было недостаточно, так как кое-где еще оставались ничем не заполненные небольшие участки гладкого фона плиты. Обнаружив такие пустые места, где нельзя было поместить сколько-нибудь крупную фигуру, он снова заполнял их более мелкими изображениями, пока плоскость не оказывалась сплошь заполненной. При этом он с большой смелостью и находчивостью варьировал не только позы этих вставных малых фигур, но и самую их форму, то увеличивая, то сокращая их длину

---

[1] Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья, ТОИПК, т. I. Л., 1941, стр. 307.

[2] J. Granö. Archaeologische Beobachtungen... in den Jahren 1906 und 1907, табл. X, рис. 34

или ширину, произвольно видоизменяя их пропорции, вопреки природе, как того требовали размеры оставшегося незаполненным пространства.

Стремясь втиснуть в орнаментальное поле как можно больше рисунков, оформлявший Иволгинский камень древний мастер не останавливался и перед тем, что ему приходилось обрезать фигуру оленя пополам, вдоль или поперек, или даже повернуть ее головой в обратную сторону.

Эти характерные черты композиционного построения многофигурного рисунка оленных камней обнаруживают общие черты с композиционными приемами скифских мастеров Северного Причерноморья в архаическую эпоху, точно так же заполнявших свободные места рядом с большими фигурами животных или даже внутри их малыми фигурами, позы которых и самые формы иногда не только стилизованы, но и модифицированы или деформированы вопреки природе (ср. изображения оленя из Куль-Обы, рыб из Феттерсфельда).

В более развитом виде те же композиционные приемы представлены в искусстве алтайских племен IV—V вв. до н. э., известном нам по замечательным находкам в Пазырыкских курганах[1].

Оленные камни Забайкалья и Монголии занимают здесь как бы промежуточное место. При всем том у них есть и резко специфические, глубоко своеобразные стилевые черты, своим постоянством свидетельствующие о длительном местном развитии и определенной самобытной струе, в развитии степного «звериного» стиля в этом районе Азии. Таков, например, своеобразный прием стилизации морды оленя в виде раскрытого птичьего клюва, из-за которого С. К. Кузнецов считал фигуры на оленных камнях юго-восточного Забайкалья не оленями, а «пигалицами». Такова манера подчеркнутой передачи горба над лопатками оленя острым выступом. Сюда же следует отнести специфический прием передачи ног треугольными и трапециевидными выступами, нигде в других местах не применявшийся.

Учитывая все сказанное, мы можем уверенно датировать Иволгинский оленный камень временем около VII—V вв. до н. э. и синхронизировать его с ранними плиточными могилами Забайкалья, и инвентаре которых, несмотря на его скудость, имеются, бесспорно, карасукские пережиточные черты.

Таким образом, в соответствии с раннее высказанными Г. П. Сосновским взглядами на датировку оленных камней и плиточных могил, Иволгинский оленный камень следует отнести к числу памятников местного позднего бронзового века. Как известно, это время, первая половина первого тысячелетия до нашей эры, для Забайкалья и областей, расположенных по соседству с ним, было временем расцвета местной бронзовой культуры. Во всяком случае, если железо, может быть, изредка и проникало сюда в виде готовых изделий с запада, то оно еще не стало здесь основным материалом для изготовления орудий труда и вооружения, как это было в причерноморских степях. Даже в теснее связанной, очевидно, с западом Минусинской котловине появление железа сильно запаздывает по сравнению с Причерноморьем С. В. Киселев пишет, что введение

---

[1] Следует отметить, что по вопросу о датировке Пазырыкских курганов есть две точки зрения. Одни исследователи, в том числе С. В. Киселев, сближают их по времени с гуннскими памятниками. С. В. Киселев относит Пазырыкские курганы к III в. до н. э. (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 391). С. И. Руденко не считает возможным относить самые поздние Пазырыкские курганы ко времени, более позднему, чем IV в. до н. э. Я лично склоняюсь к датировке, предложенной С. И. Руденко (С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 258).

железа относится здесь ко времени появления бронзовых ромбических и ромбическо-шипастых втульчатых наконечников стрел[1].

Общеизвестно и то, что высокая культура шан-иньского и чжоуского Китая была культурой не железного, а бронзового века.

* * *

Иволгинский оленный камень интересен не только как яркий памятник искусства древних племен Забайкалья и Монголии, но и как свидетель их социальной истории, как памятник древних общественных отношений и идеологии.

Оставляя в стороне вопрос о смысловом содержании изображений на оленных камнях, в принципе правильно поставленный в связи с толкованием значения оленьих фигур еще Г. Н. Потаниным, а за ним Гранэ, нельзя в этой связи не остановиться на предметах бытового характера, изображенных здесь полнее, чем на каком-либо другом оленном камне.

На Иволгинской стеле, очевидно, почти полностью изображено личное снаряжение древнего степного воина: а) пояс со свисающими с него П-образным предметом; б) зеркало; в) лук со стрелами; г) колчан (?); д) два боевых топора; е) кинжал.

Весь этот набор показывает, что оленный камень с р. Иволги имел значение могильного памятника или, во всяком случае, памятника, поставленного в честь определенного умершего лица.

Отсюда следует, что рисунки на камне как бы повторяли набор вещей, принадлежавших покойному и сопровождавших его в могиле. И действительно, имеющиеся в нашем распоряжении данные о плиточных могилах не противоречат такому предположению, а только подтверждают его.

В одной из могил около Улан-Удэ, меньше других пострадавшей от грабителей, уцелели кинжал, кельт, бронзовая трубка (оправа для древка копья?) и костяной наконечник стрелы. В другой могиле найдено бронзовое зеркало, в третьей — П-образый предмет, т. е. весь перечисленный выше набор вещей, изображенных на Иволгинском камне[2]. Если бы не грабители, расхитившие содержимое плиточных могил, мы могли бы, вероятно, обнаружить, по крайней мере в некоторых из них, все эти вещи в качестве обязательного погребального ассортимента.

Но кто были эти древние воины, какое место занимали они в обществе, кем был, в частности, воин, в честь которого его соплеменники воздвигли вблизи нынешнего г. Улан-Удэ этот памятник, простоявший здесь, по крайней мере, две с половиной тысячи лет?

Мы знаем, что люди «эпохи плиточных могил» за Байкалом, в отличие от их предков и от лесных соседей, занимались скотоводством, а может быть, и земледелием. Мы знаем также, что они находились в каких-то связях с далекими странами. Об этом наглядно свидетельствуют, с одной стороны, общие черты их культуры с культурой степных племен Южной Сибири и Восточной Европы, со скифскими племенами Причерноморья. С другой стороны, имеются не менее определенные признаки их связей с древним Китаем, где в то время уже существовало зрелое государство и где тогда правила династия Чжоу.

Вряд ли можно сомневаться поэтому, что время первобытного равенства, время материнского рода в степных районах Забайкалья безвозвратно сменилось теперь временем патриархального рода, внутри рода появились

[1] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 193.
[2] Г. П. Сосновский. Ук. соч., стр. 273—308.

богатые и знатные семьи, возникла родовая и племенная знать, выделились воины — аристократы степных племен.

Плиточные могилы, требовавшие для их сооружения затраты большого труда и значительного количества рабочей силы, построенные нередко из огромных плит, доставленных издалека, служили, повидимому, кладбищами таких аристократических родов. Оленные же камни, в таком случае, должны были, очевидно, стоять при могилах наиболее выдающихся, самых влиятельных и сильных представителей знатных семейств.

Памятники бронзового века Забайкалья, таким образом, вплотную подводят исследователей к тому важнейшему, переломному в истории центрально-азиатских племен моменту, когда на смену первобытно-общинному, доклассовому обществу приходит классовое общество, а вместе с ним и государство, каковым, с моей точки зрения, является государство гуннов.

М. И. МАКСИМОВА

НАДГРОБИЕ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В 1905 г. в Херсонесе, из стены здания византийской эпохи был извлечен довольно крупный фрагмент толстой плиты «из очень твердого, серого мраморовидного известняка»[1]. Плита со всех сторон обломана, однако наверху сохранилась часть рельефного изображения двух воздетых к небу рук, повернутых ладонями к зрителю (от левой руки сохранился только один большой палец, а от пальцев правой руки только первые суставы), и под ними средняя часть трех строк и две буквы заключительной, четвертой строки греческой надписи[2] (рис. 1). Этот памятник был дважды издан покойным академиком В. В. Латышевым.[3] Но, датируя памятник поздним римским временем по характеру начертания букв, В. В. Латышев не произвел сколько-нибудь развернутого исследования памятника в целом и ограничился лишь кратким замечанием о том, что «содержание надписи не поддается точному определению, но можно предположить, что она представляет собой вопрос, обращенный к оракулу».

Таким образом, В. В. Латышев видел в этом памятнике, скорее всего, памятник посвятительный, связанный с вопрошением какого-то оракула, но, во всяком случае, не памятник надгробный. Между тем в настоящее время можно с полной уверенностью говорить, что перед нами надгробие, принадлежащее к своеобразной категории памятников, очень распространенной в I—III вв. н. э. в Средиземноморье, особенно в восточной его половине, и связанной с кругом определенных религиозных представлений.

Отдельные памятники этой категории стали известны еще с первой половины XVIII в.[4] При их издании исследователи высказывали различные, более или менее удачные предположения о смысле того символа, который служит их отличительным признаком, т. е. о символе двух воздетых рук. Но только после того, как Франц Кюмону удалось собрать и сопоставить большое количество надгробий данного типа, значение символа воздетых рук, в его применении к культу мертвых, было полностью разгадано. Если по отношению к историческим построениям Кюмона можно

---

[1] По данным В. В. Латышева, наибольшая высота его 0,57 метра, ширина 0,45 метра, толщина 0,12 метра.

[2] В первом издании данного памятника (ИАК, 18, 1906, стр. 119, № 30) В. В. Латышев пишет, будто бы между воздетыми руками изображена «верхняя часть головы в шапке». Однако при переиздании плиты в IOSPE (I², стр. 478, № 576) он уже не повторил этого явно ошибочного замечания.

[3] См. прим. 2.

[4] См. F. Ficoroni. La Bolla d'oro del fanciulli Romani. Romae, 1732; ср. F. Cumont. Il sole vindico dei delitti e il simbolo dei mani alsate. Memorie della Pontifica Academia Romana di Archeologia, seria III, т. I, 1923, стр. 65. Литературу предмета см. в указанных ниже статьях Кюмона.

и следует высказать критические замечания, то предполагаемое им толкование эмблемы поднятых кверху рук как сокращенного изображения молящегося человека с такой ясностью вытекает из собранного материала[1], что сомнения и колебания тут вряд ли уместны.

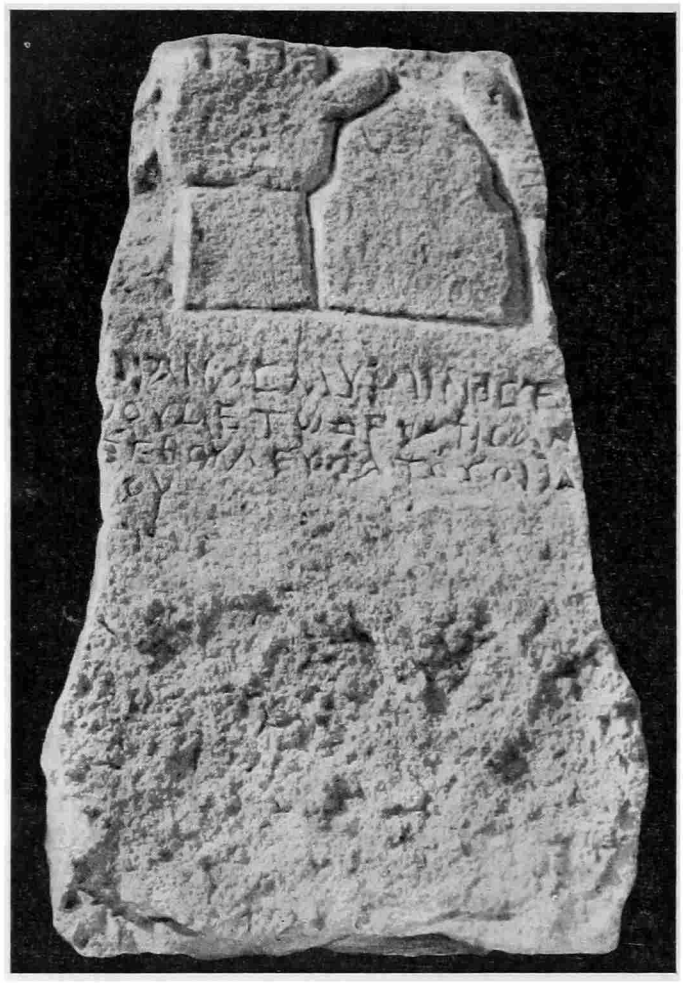


Рис. 1. Надгробная стела из Херсонеса

Уже после опубликования основной работы Кюмона было издано происходящее из Сирии надгробие III—IV вв. н. э.[2] (рис. 2). Это стела из местного базальта, верхняя половина которой занята изображением представленной в фас полуфигуры человека с поднятыми руками. Содержание высеченной в нижней половине камня надписи, к которой мы еще вернемся, не оставляет сомнений в принадлежности сирийского надгробия к интересующему нас кругу памятников.

Следует добавить, что всюду, где качество исполнения изображений допускает возможность определения, руки представляются повернутыми ладонями к зрителю, т. е. в таком положении, какое они имели бы, если бы зритель видел перед собой стоящего и повернутого к нему лицом человека с молитвенно поднятыми вверх руками[3].

Почти во всех известных нам случаях, когда обращение к божеству самого покойника (иногда покойника заменяют его близкие) выражено не только эмблемой воздетых рук, но и сопровождающей эмблему надписью, можно установить, что молитва обращена к богу-Солнцу — Гелиосу.

---

[1] См. F Cumont. Memorie..., т. I, стр. 65 и след. Здесь дан список памятников и исследование. См. также дополнение в Rendiconti той же Академии (V, 1927, стр. 69 и след.). В журнале Syria (XIV, 1933, стр. 381 и след.) помещена статья того же автора «Deux monuments des cultes solaires», где даны автореферат статей в Memorie и обширное добавление к помещенному там списку памятников. Херсонесского надгробия нет ни в одном списке.

[2] Syria, VI, 1925, стр. 243 и след., табл. XXXIII, № 1; см. Syria, XIV, стр. 381 и след.

[3] Исключение составляет лишь пара рук на нашем рис. 3, где кисти рук повернуты таким образом, что большие пальцы приходятся у них наружу, хотя не скрещены. Надо полагать, что перед нами просто небрежность скульптора.

Умерший, или его близкие, обращаются в данном случае к солнцу как к божеству света, богу всевидящему и всеведущему, от которого ничто не может укрыться, высшему судье и карателю преступления. И это делается, когда смерть требует отмщения, если человек погиб насильственной смертью (по греческой терминологии βιαιοθάνατος) или когда он умер в молодых летах, не достигнув естественного предела своей жизни (по греческой терминологии ἄωρος).

Рис. 2. Надгробная стела из Сирии

Впрочем, обращение к Гелиосу имеет в виду не только восстановление справедливости на земле, но также и загробное существование умерших. Согласно религиозным представлениям греков и римлян, βιαιοθάνατοι и ἄωροι были осуждены на скитание на земле в виде страшных и вредоносных для живых людей демонов. В течение ста лет после смерти они не находили себе успокоения, если высший судья Гелиос не отомстит за них и тем самым не освободит живых людей от гнетущей их страшной демонической силы[1].

Целый ряд могильных плит с изображением воздетых рук и надписями — молитвами к Гелиосу могут рассматриваться как яркие примеры надгробий, в которых нашли свое выражение подобные, несомненно, очень древние, восходящие к первобытному анимизму и первобытным космическим представлениям верования. Приведем несколько наиболее показательных примеров. На мраморной плите с изображением двух воздетых рук, происходящей из города Энкоми на острове Кипре[2], сохранилась греческая надпись следующего содержания: «Владыка Гелиос! Ты восходишь на небо как судья. Да не скроется от тебя покусившийся на жизнь Каллиопы. Пошли ему стенания — удел погибших насильственной смертью. Каллиопа прекрасная, умершая 18 лет от роду» (рис. 3).

Таков же смысл надписи на надгробной плите (рис. 4) из Нисибиса (в Северной Месопотамии)[3]. В верхней части плиты изображена в рельефе полуфигура умершего мальчика; в сложенных на груди руках он держит какие-то неясные предметы, повидимому, птиц. По сторонам от фигуры мальчика две поднятые кверху огромные руки. В нижней половине плиты надпись: «Гелиос, умоляю, расследуй причину моей смерти. Еще ребенком я погиб от рук беззаконных людей. Я лежу у дороги и

[1] Syria, XIV, стр. 391 и след.

[2] Издана в Rendionti della Pontifica Academia, V, 1926—1927; Syria, XIV, 1933, стр. 388, рис. 1; Supplementum Epigraphicum Graecum, VI, стр. 136, № 803.

[3] Syria, XIV, стр. 385.

являюсь источником печали для моих родителей. Луций, милый наш сын, не падай духом и пребывая под землей!»

Вряд ли можно сомневаться, что именно к Гелиосу взывает о мщении изображенный на плите из Сирии местный житель «Агай, сын Илия», который, имея от роду 30 лет, погиб за городом от руки декуриона (стражника) Судая, как констатирует надпись: περὶ μηδενός, т. е. «ни за что, ни про что»[1] (рис. 2).

Рис. 3. Мраморная плита из Энкоми на Кипре

Следующая стела, найденная во Фригии, интересна обращением к Гелиосу даже в том случае, когда существуют сомнения в причине смерти[2].

Надпись на ней заканчивается следующим обращением: «Если он (т.е. сын) умер своею смертью, то да будет так; если же он погиб от рук коварных людей — Гелиос, бди!»

Приведенные примеры достаточно выразительны; они раскрывают те религиозные представления, которые вызвали постановку на могилах надгробий с изображением воздетых рук.

В Перинфе было найдено надгробие в виде стелы с изображением стоящей, закутанной в плащ девушки[3]. По бокам от нее представлены две поднятые кверху руки и, кроме того, на стеле начертана надпись. Она, вероятно, начиналась с обращения к Гелиосу (эта строка сильно попорчена), затем следовало имя умершей, юной девушки Плотины и женщины, соорудившей памятник на ее могиле. Надпись оканчивается следующей угрозой: «Если кто-либо похоронит кого-нибудь на этом месте, то он заплатит городу 2500 (денариев) и казначею 2500 (денариев)». В отношении данной стелы возможны сомнения: просят ли изображенные на ней воздетые руки об отомщении за раннюю смерть Плотины, или об ограждении ее могилы, но имеется много других памятников этого рода, не допускающих двойного толкования. Так, например, на надгробной плите с изображением воздетых рук, найденной в восточной Фригии[4], имеется следующая надпись: «Гераклия (поставила памятник) в память матери Эвтихиды и отца Агафона. Если кто-либо осквернит этот памятник, то пусть его дети останутся сиротами». Следует полагать, что воздетые руки в данном случае, путем обращения к божеству, придают больше силы содержащемуся в надписи

[1] Syria, VI, 1925, стр. 243 и след., табл. XXXIII, *1*.
[2] F. Cumont. Memorie..., стр. 75, № 12.
[3] A. Wilhelm. Beiträge zur griechischen Epigraphik, стр. 200, № 173 — F. Cumont. Memorie..., № 10, стр. 74.
[4] Monum. Asiae Min. Antiqua, I, стр. 156, № 294; Syria, XIV, стр. 394, № 35, *b*.

проклятию осквернителя могилы. Так же, несомненно, надлежит понимать символ воздетых рук на надгробной плите, происходящей из Фракии [1], надпись которой гласит: «Владыка Гелиос, если кто-либо ограбит (могилу), да не скроется он от тебя! (Памятник поставил) Сосий в память своей жены Сатурнии».

Эти и многие другие подобные им памятники и надписи, где Гелиос выступает в качестве охранителя могилы, в сущности, должны рассматриваться как разновидность весьма распространенного в поздние века античности обычая заканчивать эпитафии угрозами будущим возможным осквернителям могил. Но, тогда как обычно такие концовки надписей грозят нечестивцам штрафами и другими взысканиями по законам человеческим, эпитафии надгробий с воздетыми руками призывают на голову осквернителя божеское мщение. Гелиос, следовательно, опять-таки олицетворял здесь высшую справедливость.

Рис. 4. Надгробная плита из северной Месопотамии

Необходимо отметить, что в этом типе надгробий с воздетыми руками главной побудительной причиной обращения к Гелиосу является забота о покое умершего. Однако имеются примеры прямого вырождения первоначального смысла мольбы о заступничестве, когда забота о погребенном является просто предлогом для устройства наследниками своего материального благополучия. Так, например, надпись на одном надгробии, найденном в Галатии [2], рассказывает, что погребенная в могиле женщина по имени Стателия, при жизни, находясь в здравом уме, дала одному лицу в залог изумруд (πράσινον) и два серебряных браслета. Далее надпись гласит: «если эти вещи не будут возвращены, то ты, бог, чистый и справедливый, и владыка Гелиос, отомстите за мертвую и за ее живых детей»[3].

[1] F. Cumont. Memorie..., № 9.
[2] F. Cumont. Memorie..., № 14.
[3] Надпись сходного содержания см. F. Cumont. Memorie..., № 18.

Итак, смысловое значение символа воздетых рук, изваянных на надгробных памятниках, выясняется достаточно полно, и специальное назначение плиты из Херсонеса не вызывает сомнений[1]. Это позволяет нам по-новому подойти к ней и постараться проанализировать ее с точки зрения истории культуры Северного Причерноморья.

Как это явствует из материала и из характера работы, плита сделана в Херсонесе, а не завезена туда извне. Погребенный под ней человек был, скорее всего, греком и, вероятно, гражданином Херсонеса, ибо, хотя его имя Ἰουλιανός — римское, но имя его отца Μύρων — греческое, и оба эти имени встречаются в других эпиграфических памятниках Херсонеса римской эпохи[2]. Восстановить надпись полностью вряд ли возможно, так как поломка плиты не позволяет даже восстановить первоначальную длину строк; однако одна ее подробность заслуживает внимания, и, может быть, является указанием на то, что обращение к богу солнца в данном случае делалось в интересах сохранения целости гробницы; это местоимение τις во второй строчке надписи и следующие за ним две буквы α и ν, которые могут быть объяснены как частица ἄν. Во всех надписях аналогичного содержания[3] местоимение τις входит в состав условного предложения, определяющего вину предполагаемого будущего осквернителя могилы: εἰ τις κλάπῃ, εἰ τις θάψεται, εἰ τις ἀδικήσῃ το μνημεῖον и т. п. (т. е. «если кто-либо сворует, если кто-либо похоронит, если кто-либо осквернит могилу» и т. д.). В нашем тексте, правда, нет союза εἰ перед местоимением τις, но зато за этим местоимением стоит частица ἄν, которая в сочетании с глаголом тоже выражает условность действия.

Так это или не так, но, независимо от того или иного решения этого вопроса, не подлежит сомнению, что памятник в целом представлял собой молитвенное обращение к небесному светилу как блюстителю справедливости на земле и, следовательно, представлял собой пример своеобразного сочетания культа мертвых с культом солнца, что нашло свое выражение в надгробных памятниках разобранного выше типа. В таком случае необходимо попытаться ответить на вопрос, какие причины обусловили появление подобного надгробия в Херсонесе, был ли то результат развития местных религиозных представлений, или мы должны усматривать здесь какие-то внешние влияния, и если да, то откуда именно.

Ответ на эти вопросы связан с проблемой происхождения данного типа надгробий, уже затронутой Кюмоном в названных работах. Мы не ставим себе целью детальное ее исследование, так как это отвело бы нас чрезвычайно далеко от нашей темы, но, поскольку мы не можем согласиться в данном случае с гипотезой Кюмона, нам кажется необходимым высказать здесь несколько критических замечаний. Кюмон склонен выводить обычай постановки надгробий с обращением к богу солнца из семитических стран Ближнего Востока. Оттуда, подобно многим другим культам, этот обычай в римскую эпоху распространился на Запад, вплоть до Италии. Основывается Кюмон на общих соображениях о высоком развитии культа солнца в странах Передней Азии. В подтверждение своей гипотезы он ссылается на несколько примеров надгробий с воздетыми руками, найденных в Сирии, и в особенности на три, происходящие из Киликии и Сирии надгробные стелы с арамейскими надписями, датируемые VI и V вв. до н. э. и, следова-

[1] Изображение воздетых рук на вотивных рельефах встречается, но весьма редко: см Syria, XIV, стр. 389.

[2] См. IOSPE, I², № 363 и 440.

[3] См., например, F. Cumont. Memorie..., № 9, 10, 11, 13, 19 и др.

тельно, гораздо более ранние, чем большинство надгробий с воздетыми руками [1].

Соображения Кюмона нам кажутся мало убедительными. Для объяснения возникновения обычая постановки надгробий с обращениями к богу солнца вряд ли нужно вспоминать об официальных культах, установленных в государствах Передней Азии. Культ солнца, как известно, появляется с началом скотоводства и земледелия. Солнце на данной ступени развития общества приобретает значение главного божества, и почитание этого божества в той или иной форме удерживается у многих племен и народов и тогда, когда хозяйственный и социальный уклад жизни, его породивший, становится давно пройденным этапом в развитии данного общества. Мы полагаем, что корни интересующего нас сейчас погребального обычая надо искать именно в этих очень древних, но продолжавших жить в сознании человека религиозных представлениях. Это кажется нам тем более вероятным, что, как известно, культ мертвых особенно консервативен, а ритуальный жест — поднятие обеих рук кверху при обращении к небесным богам и, в частности, к солнцу — известен в древнейших культах многих племен, как об этом писал И. Т. Савенков [2], а в последнее время А. П. Окладников [3], который, помимо лингвистического и археологического материала, привлек еще и энтографические данные из обычаев современного населения Сибири.

Из этих фактов вытекает, что предпосылки для появления интересующего нас обычая имелись налицо не только там, где культ солнца приобрел значение государственного культа, но и у племен, в своем развитии не достигших ступени образования государства. Значит ли это, что надмогильные памятники с эмблемой воздетых рук, столь распространенные в первые века нашей эры в Восточном Средиземноморье, появились независимо друг от друга в различных пунктах? На этот вопрос следует, как нам кажется, ответить отрицательно, поскольку перед нами явление сложное, в котором пережитки древних религиозных представлений вылились в своеобразную, довольно развитую художественную форму. По нашему мнению, эта форма должна была выработаться в какой-то одной области, откуда она распространилась в другие края, причем самый факт ее широкой популярности объясняется наличием у многих племен и народов древности собственных сходных религиозных представлений, унаследованных ими от своих далеких предков.

Относительно той области, в которой сложился интересующий нас обычай в том виде, в каком он нам известен по памятникам I—IV вв. н. э., возможно, как мне кажется, высказать некоторые предположения. Те три стелы с арамейскими надписями, на которые ссылается Кюмон, стремясь подкрепить свое положение о происхождении данного вида надгробий из Передней Азии, не имеют, как нам кажется, решающего значения. Во-первых, на стелах отсутствует изображение воздетых рук; во-вторых, надписи содержат в себе обращение к Ваалу, Шамашу и другим солярным божествам Передней Азии с просьбой об охране могил, а не об отмщении за убийство, а надо полагать, что именно месть была в данном случае более древним идейным содержанием подобных надгробных памятников. И, наконец, плиты с арамейскими надписями найдены были в Киликии и

---

[1] F. Cumont. Memorie..., № 1—3.

[2] И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Труды XIV АС, т. I, 1910.

[3] А. П. Окладников. Древняя письменность якутов, стр. 20 и след.; его же. История Якутии, т. I, 1949, стр. 209.

прилегающей к Киликии части Сирии. Поэтому их можно трактовать и как памятники Малой Азии.

Если мы, с другой стороны, обратимся к статистике надгробий, занесенных в списки Кюмона по месту их находки, то результаты у нас получатся весьма показательные. В то время как в Сирии и в Месопотамии найдены были лишь единичные экземпляры, на Малую Азию приходится почти половина всех зарегистрированных Кюмоном надгробий, и этот перевес оказывается еще более значительным, если учесть, что почти половина найденных в Афинах надгробий [1] принадлежит умершим в Афинах гражданам Милета и что в томах Monumenta Asiae Minoris Antiqua, изданных после работ Кюмона, содержится еще целый ряд не учтенных в его списках памятников и что там же можно найти указания на дальнейшие экземпляры, подлежащие опубликованию в следующих выпусках этого издания [2], охватившего пока только западные и отчасти южные области Малой Азии. Цифровые данные свидетельствуют, таким образом, в пользу возникновения этого вида надгробных памятников в Малой Азии. О том же говорит и тот факт, что в то время как в остальных областях Средиземноморья подобные надгробия были находимы в большинстве случаев в городах и притом городах приморских, в Малой Азии они рассеяны и по сельским местностям, находящимся в глубине материка. Кроме того, в Малой Азии надгробия с символом воздетых рук весьма разнообразны по своим формам и не сводятся только к античному типу надгробной стелы. Здесь встречаются типичные для Малой Азии надгробия в виде дверей, а также высеченные в скале гробницы, на фасаде которых изображены воздетые руки, иногда даже без всякой надписи.

К сожалению, насколько мне известно, в литературе нет специальных работ о распространении культа солнца в Малой Азии, но отдельные факты и высказывания древних писателей не оставляют в этом сомнений. Ксенофонт в Анабасисе[3] упоминает о культе солнца в Малой Армении, а Арриан рассказывает о жителях Вифинии, что они творили суд, усаживаясь лицом к солнцу, для того чтобы Гелиос мог лучше следить за ходом процесса.

Надо полагать, что здесь же, в какой-нибудь области Малой Азии бытовал еще в I в. до н. э. какой-то погребальный обычай, связанный с почитанием солнца. Греки и римляне, по мере их проникновения в глубину материка, познакомились с ним и восприняли его, в то же время придав обряду монументальную форму каменного надгробия, снабженного по античному обычаю эпитафией, иногда стихотворной. В таком виде монументальные надгробия распространялись по всему Восточному Средиземноморью, так как идейное их содержание было понятно и доступно представителям многих племен и народов, у которых сохранилось древнее почитание небесного светила.

Что касается до Херсонесского надгробия, то поскольку оно пока является единственным не только в Херсонесе, но и во всем Северном Причерноморье, у нас нет оснований считать его явлением автохтонным, развившимся из местных корней. Несомненно, что форма надгробия была занесена туда извне, но поскольку плита была сработана на месте и установлена на могиле гражданина Херсонеса, можно говорить о наличии и в Херсонесе каких-то предпосылок, без которых данный погребальный обычай не мог привиться на почве Херсонеса.

---

[1] F. Cumont. Memorie..., № 8—17, стр. 76 и след.
[2] Monum. Asiae Min. Antiqua, V, стр. 109.
[3] IV, 5, 35.

Относительно коренного населения Северного Причерноморья, насколько мне известно, пока не установлено определенных данных, касающихся существования у него ярко выраженного почитания солнца. Геродот, правда, свидетельствует о почитании солнца у массагетов[1], но ничего не говорит о таковом у европейских скифов. Тем не менее, вряд ли возможно полное отсутствие почитания светила у земледельцев и скотоводов скифов и тавров.

В греческих городских центрах Северного Причерноморья и, в частности, в Херсонесе также не засвидетельствовано официальных культов Гелиоса. Однако имеются данные, из которых можно видеть, что там, как и среди всех эллинов, жива была вера в бога-Солнце как блюстителя справедливости на земле. Так, Херсонесская присяга начинается с обращения к обычной в таких случаях триаде—Зевсу, Гее и Гелиосу[2], к которым присоединена еще главная богиня города Дева[3]. Те же боги (кроме Девы) фигурируют и в документах о манумиссиях, происходящих из Пантикапея и Горгиппии[4]. Следовательно, Гелиос, наравне с Зевсом и Геей, воспринимается как носитель высшей справедливости, обеспечивающей незыблемость принятых на себя людьми обязательств—порядок идей, очень близкий к тому, который лежит в основе надгробий с воздетыми руками[5].

Почва для освоения жителями Херсонеса обычая ставить надгробия с воздетыми руками, следовательно, имелась налицо. Остается попытаться установить пути проникновения памятников этого типа в Северное Причерноморье.

Говоря о культурных влияниях, воспринятых Херсонесом извне в римскую эпоху, прежде всего необходимо вспомнить о Фракии и о Малой Азии. Важным событием в жизни Херсонеса было, как известно, появление там в 60-х годах I в. н. э. римского гарнизона и отряда римского флота[6]. Поскольку гарнизон представлял собой отряд, откомандированный в Херсонес из римских легионов, стоявших в провинции Мезии, то он, естественно, должен был принести с собой какие-то элементы культуры Фракии. Кроме того, в римскую эпоху, повидимому, была проложена прямая дорога по западному и северо-западному побережью Черного моря, соединявшая Фракийское побережье с Херсонесом и проходившая через Ольвию. Об этом можно заключить из известного итинерария римского воина, найденного в Дура-Ейропос[7], где весь путь от фракийского Боспора до Херсонеса разбит на этапы. С другой стороны, из Херсонесской гавани шел и прямой морской путь наперерез Черного моря к южному его побережью, к Синопе или Гераклее Понтийской и оттуда вдоль берега на восток к Трапезунту или на запад к Визáнтию. Этот морской путь, который начал осваиваться, повидимому, еще с конца V в. до н. э., в римскую эпоху стал уже обычным, как это, между прочим, показывает тот же итинерарий римского воина из Дура-Ейропос. Херсонес стал благодаря этому первой гаванью, в которой приставали корабли, шедшие из Малой Азии, и, таким образом, мог в первую очередь подвергаться малоазийским влияниям.

[1] Геродот, I, 212, 216.

[2] См. H. Usener. В журнале Reinisches Museum, т. 58, стр. 18 и след.

[3] IOSPE, I², 401. Литературу см. Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, стр. 67.

[4] IOSPE, II, 54 и 100.

[5] О почитании Гелиоса в Северном Причерноморье говорят и довольно многочисленные, найденные там художественные изделия с изображением этого бога; см., например, серебряную чашу с изображением Гелиоса на квадриге из могилы у карантинного шоссе (E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 384), боспорские монеты Митридата VIII и др.

[6] Г. Д. Белов. Херсонес Таврический, стр. 102 и след.

[7] Syria, VI, 1925; F. Cumont. Fouilles de Doura-Europos, табл. CIX и CX, стр. 323 и след.

Что касается до надгробий с воздетыми руками, то заимствование их из Фракии кажется мне менее вероятным, чем появление их в Херсонесе в результате сношений с Малой Азией. Во-первых, изучаемое надгробие принадлежало не римскому воину, а гражданину Херсонеса. В списках Кюмона значатся два надгробия данного типа, принадлежавшие римским легионерам и найденные в Александрии. Но на них, помимо воздетых рук, имеется ряд изображений, относящихся к воинскому званию умершего, и, кроме того, надписи на плитах латинские[1]. Во-вторых, и это особенно важно, хотя во Фракии культ солнца и был сильно развит[2], но погребальные памятники с обращением к заступничеству Гелиоса найдены там в сравнительно небольшом числе[3]. За исключением трех экземпляров, найденных в Салониках, все остальные 10 экземпляров происходят из греческих городов западного побережья — Геллеспонта, Пропонтиды и Боспора Фракийского, т. е. из городов, находящихся в непосредственной близости к Малой Азии.

Иначе, как мы видели выше, обстоит дело в Малой Азии, где налицо все признаки тесной связи этого обычая с религиозными представлениями коренного населения.

Что же касается до греческих городов Южного Причерноморья, откуда данный обычай, скорее всего, мог быть перенесен в Херсонес, то, несмотря на отсутствие там планомерных раскопок, все же можно привести один происходящий из Амиса надгробный памятник, который должен быть отнесен к кругу интересующих нас надгробий. Это стела, сделанная из известняка, издана Р. Х. Лепером, нашедшим ее в Амисе[4]. Стела увенчана фронтоном и акротериями. На ней имеются рельефное изображение бюста умершей и метрическая надпись, повествующая о том, что в могиле погребена девушка 20 лет по имени Павла. Эта девушка от своего имени обращается к божественному светилу (θεῖον φάος) с мольбой отомстить за нее, если она явилась жертвой коварства (δόλος). В этой стеле, следовательно, отразились те самые представления о Гелиосе, мстителе за насильственную смерть, которые лежат в основе всех надгробий с воздетыми руками.

Надгробие Павлы из Амиса подтверждает возможность заимствования Херсонесом типа надгробий с обращением к Гелиосу прямым путем из греческих городов южного побережья Малой Азии. Но даже если отрешиться от этой гипотезы и предположить следование этого культурного заимствования кружным путем через какие-то промежуточные инстанции, все же каменная плита с изображением воздетых рук, найденная в Херсонесе, является новым фактом, свидетельствующим, как и многие другие, о культурных взаимоотношениях между северным и южным берегами Черного моря.

---

[1] F. Cumont. Memorie..., № 43, 44, стр. 79 сл.

[2] См., например, свидетельство Софокла (фрагмент № 523 из трагедии «Терей»).

[3] F. Cumont. Memorie..., № 21—29, стр. 28 и Syria, XIV, № 21 *a* и след.

[4] Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, 1904, стр. 257, № 6. См. также Revue des études grecques, XVII (1904), стр. 330; Cumont, Andersen, Spiers. Studia Pontica, III, стр. 16 и след., № 9; F. Cumont. Memorie..., № 15.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О ХЕРСОНЕССКОМ ТЕРМИНЕ ΣΑΣΤΗΡ

Обнаруженная при раскопках в 1890—1891 гг. гражданская присяга херсонесцев [1], бесспорно, является одним из самых значительных памятников во всей эпиграфике древнего мира. Эта присяга очень важна для характеристики политического строя древнегреческих городов-государств. Хорошая сохранность этой надписи, почти полностью дошедшей до нас, еще более увеличивает ее значение.

Как известно, чтение и толкование Херсонесской присяги не вызывает каких-либо затруднений, за исключением одного загадочного слова, которому мы хотим посвятить настоящий очерк.

После обещания служить демиургом и членом совета как можно лучше для государства и граждан, мы читаем в 24 и 25-й строках присяги следующие слова: καὶ τον ΣΑΣΤΗΡΑ τῶι δάμωι διαφυλαξῶ, т. в. «. и ΣΑΣΤΗΡ охраню для народа». Слово σαστήρ известно только е рассматриваемом эпиграфическом документе [2], поэтому никакой другой памятник греческой письменности не может облегчить нам его истолкование [3]. Загадочный термин вызвал целый ряд предположений, высказанных различными исследователями, пытавшимися разрешить вопрос о значении термина σαστήρ.

Крупнейший из русских эпиграфистов В. В. Латышев проявил наибольшую осторожность в своих комментариях, и в специальной работе, посвященной гражданской присяге херсонесцев, он приходит к выводу что все выдвинутые по этому поводу предположения, к сожалению, «почти совсем не продвинули вперед решение вопроса о значении и происхождении загадочного σαστήρ» [4].

---

[1] IOSPE, I², № 401.

[2] H. G. Liddell and R. Scott. A. Greek-English Lexicon. Oxford, 1925—1940, стр. 1585.

[3] Нам известны и другие термины, встречающиеся только в херсонесской эпиграфике, как то ἑκατώρυγος (IOSPE, I², № 403), ἀγκυλομαχία (IOSPE I², № 435).

[4] В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892—1894 годах. МАР, № 17 (1895), стр. 76; его же. Гражданская присяга херсонесцев. ПОНТІКА, СПб., 1909, стр. 166.

Должно, однако, отметить, что В. В. Латышев допускал, что в слове σαστήρ следует видеть «государственное установление, или совокупность законов». Nobis nihil aliud hoc loco requirendum videtur, nisi rei publicae status notio vel legum summa vel sim, — писал В. В. Латышев (IOSPE I², № 401); это положение вызвало возражение Ф. Ф. Соколова (Труды Ф. Ф. Соколова, СПб., 1910, рецензия на IOSPE, IV, стр. 640 и след.), указавшего, что термин, означающий конституцию, не может быть masculinum singularis.

Гипотезы, предложенные различными исследователями в связи с истолкованием термина σαστγρ, в основном можно свести к пяти.

Согласно первому предположению, которого придерживалось большинство исследователей, этот термин обозначает наименование какого-то магистрата. Бреаль видел в этом магистрате блюстителя народных прав (le «conservateur» des privilèges du peuple), подобного tribunus plebis[1]; А. Скиас[2] полагал, что слово σαστγρ должно означать магистрата вообще, занимающего любую должность. Ф. Ф. Соколов[3] считал возможным, что для успокоения смут херсонесцы постановили избрать или единовременно избрали нового гражданского чиновника, которого назвали σαστγρ.

К последнему мнению, видимо, склонялся и Е. Миннс[4]. М. Эберт[5] видел в слове σαστγρ наименование херсонесского стратега. Это предположение М. Эберта было поддержано М. Р. Фасмером[6], который сопоставил термин σαστγρ с упоминанием в Авесте sästar.

Однако все эти построения плохо вяжутся с текстом присяги, в котором ясно говорится об охранении састэра для народа, что крайне трудно приложить к какому-либо должностному лицу в греческом полисе.

Мало понятно также, почему херсонесцы клялись охранять для народа одного из своих магистратов, не уделяя равного внимания остальным, не говоря уже о том, что всенародная охрана одного из должностных лиц ничем не может быть доказана.

Среди этих попыток истолковать термин σαστγρ особенно неубедительным следует признать построение Н. И. Новосадского[7]. Последний утверждал, что слово σαστγρ появилось в результате ошибки резчика вместо μαστγρ, а Σ в начале слова — это горизонтально расположенное М; наименование же μαστῆρες носили те магистраты, которые наблюдали за конфискацией имущества осужденных на это граждан. Подобного «мастэра» Н. И. Новосадский видит в загадочном слове херсонесской присяги. По поводу этого построения следует отметить, что ошибка, которую предполагает Н. И. Новосадский, совершенно необычна для греческого резчика IV—III вв. до н. э. При строчном письме человек, впавший в ошибку, пропускает или пишет лишнюю букву, или же заменяет одну букву другой, но не переворачивает их и не опрокидывает их на бок. Но даже если мы, в угоду Н. И. Новосадскому, признаем возможность возвести на резчика херсонесской присяги столь необычное обвинение, то остается совершенно непонятным, почему именно в Херсонесе из всех магистратов только столь третьестепенный чиновник, как инспектор, отыскивавший государственных должников и производивший взыскание с их имущества, должен был охраняться каждым из граждан для всенародного блага.

---

[1] Цит. В. В. Латышев. ΠΟΝΤΙΚΑ, стр. 163.

[2] Ἀνδρέας Ν. Σκιᾶς. Σαστγρ. Ἐφ. Ἀρχ., 1892, стр. 256 и след.

[3] Ф. Ф. Соколов. Труды, стр. 640 и след.; В. В. Латышев. Дополнения и поправки к надписям, изданным в сборнике «Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini», тт. I, II и IV. ИАК, вып. 10 (1904), стр. 96.

[4] Ellis H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 516, прим 8.

[5] M. Ebert. Südrussland in Altertum. Bonn und Leipzig, 1921, стр. 263.

[6] M. Vasmer. Scythen — M. Ebert Reallexicon der Vorgeschichte. Berlin, 1928, XII, стр. 246.

[7] Доклад Н. И. Новосадского. Критические и эксегетические заметки к некоторым херсонесским надписям. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10—13 сентября 1927 г. по случаю столетия херсонесских раскопок (1827—1927). Севастополь, 1927, стр. 39.

Второе предположение, выдвинутое С. А. Селивановым [1], сводится к толкованию слова σαστήρ в смысле σωτήρ, причем под наименованием «спаситель» подразумевается не какой-либо магистрат, а любой гражданин, спасающий государственный порядок от какой-либо опасности. Это истолкование отличается крайней надуманностью. В гражданскую присягу, произносившуюся всеми херсонесцами [2], вводится пункт об обязанностях гражданина на случай совершенно необычной обстановки, и притом выраженный в крайне туманной форме, явно противоречащей ясному и четкому деловому языку этого замечательного эпиграфического памятника.

Согласно третьему предположению, выдвинутому Цингерле [3], слово σαστήρ вырезано по ошибке вместо στατήρ — наименования греческой золотой монеты. При этом в слова присяги Цингерле пытался вложить следующий смысл: «я буду оберегать статер как общераспространенную монетную единицу». По поводу этого домысла следует прежде всего отметить, что статеры не были денежной единицей, свойственной херсонесской чеканке времени присяги, да и в последующую, значительно более позднюю эпоху, встречаются крайне редко [4]. Уже в силу этого трудно допустить, чтобы статер мог служить для херсонесцев символом монетной единицы вообще. Кроме того, предложенная Цингерле формулировка рассматриваемой части присяги — всенародное обязательство сохранять одну золотую монету — звучит крайне неуклюже. В довершение всего для столь сомнительного построения Цингерле приходится заподозрить херсонесского резчика в ничем не доказанной ошибке.

Четвертое предположение, принадлежащее С. А. Жебелеву [5], поддержанное И. И. Толстым [6], Д. П. Каллистовым [7] и В. Ф. Гайдукевичем [8], до сего времени не вызывало каких-либо возражений в нашей литературе. Согласно этому мнению, слово σαστήρ означало у херсонесцев наименование идола богини Девы. Самое слово С. А. Жебелев считал таврогреческим, состоящим из иранского корня σασ, заключавшего представление о каком-то властвующем начале, и греческого суффикса τηρ.

Своей гипотезе С. А. Жебелев предпослал в высшей степени важное наблюдение, которое наносит окончательный удар и без того шаткому предположению, что термин σαστήρ обозначает наименование какого-либо магистрата. Дело в том, пишет С. А. Жебелев, что глагол

[1] Сообщение С. А. Селиванова. Отрывки из херсонесской истории и эпиграфики. Летопись Историко-филологич. об-ва при Новоросс. университете, VII (1899), протокол 17 ноября 1898 г., стр. 18.

[2] Попытка А. Семенова опровергнуть это предположение, высказанная им в статье о Херсонесской присяге (A. S e m e n o f f. Zum Bürgereid der Chersonesiten. Blätter f. der Gymnasialschulwesen, XXX, 1894), подверглась довольно суровому осуждению ее В. В. Латышевым (Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892—1894 гг. МАР, № 17 (1895), стр. 73; IOSPE, I, № 410, стр. 356). Разумеется, это не устраняет того факта, что в Херсонесской присяге получила отражение острая борьба партий, возможно, грозившая гражданской войной, как это отмечал еще Ф. Ф. Соколов (Труды, стр. 640 и след.).

[3] Josef Z i n g e r l e. Zum Bürgereid der Chersonesiten. Beiträge zur alten Geschichte, XXI (III), № 1, 1925, стр. 64 и след.

[4] А. Н. З о г р а ф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 155 и след.; B. V. H e a d. Historia Numorum. Oxford, 1911, стр. 279.

[5] С. А. Ж е б е л е в. Херсонесская присяга. Известия Акад. Наук, отд. общ. наук, 1935, № 10, стр. 937 и след.

[6] Ив. Т о л с т о й. Сергей Александрович Жебелев в развитии русской историографии об античности. ВДИ, 1940, № 1, стр. 165 и след.

[7] Д. К а л л и с т о в. Роль акад. Сергея Александровича Жебелева в исследовании Северного Причерноморья античного времени. ВДИ, 1940, № 1, стр. 172.

[8] В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Академик Сергей Александрович Жебелев как исследователь Северного Причерноморья. СА, VII, 1941, стр. 11.

διαφυλάττειν, от которого зависит дополнение σαστῆρα, не встречается ни в литературном, ни в документальном языке в применении к одушевленному существу, а всегда прилагается к существу неодушевленному[1]. Это указание, несомненно, должно учитывать при всех последующих попытках выяснить значение термина σαστήρ.

Однако последующие построения С. А. Жебелева отнюдь не могут быть признаны столь же надежными. Прежде всего нельзя согласиться с С. А. Жебелевым[2] в том, что слова, следующие за обязательством охранять састэр: οὐκ ἐχφερομυθήσω τῶν ἀπορρήτων οὐθὲν οὔτε ποτὶ Ἕλλανα οὔτε ποτὶ βά [ρ] βαρον, ὃ μέλλει τὰμ πόλιν βλάπτε(ι)ν, заключают обещание сохранять сакральную, а не государственную тайну. Из трех приведенных С. А. Жебелевым примеров употребления глагола ἐκφερομυθεῖν = разглашать два относятся к очень позднему времени, а третий, заимствованный у Энея Тактика, явно не имеет никакого отношения к священным тайнам. Что же касается термина ἀπόρρητα, то последний прилагается не только к мистериям, но и к другим тайнам. В силу этого предложенный С. А. Жебелевым[3] перевод и, особенно, понимание им данного места не может не вызвать некоторого сомнения и более надежным представляется старый перевод В. В. Латышева[4]. Окончательно подрывает возможность вкладывать в рассматриваемое обязательство какой-либо сакральный смысл тот контекст, в котором оно находится. И перед этим обязательством, и после него идет речь о политических обязанностях гражданина перед гражданской общиной. Перебивать перечисление их упоминанием религиозных обязательств вряд ли было бы уместно.

Таким образом, предположение С. А. Жебелева, что вслед за обязательством охранять састэр, следует клятва соблюдать сакральные тайны, лишается своего основания. Между тем именно это предположение дало повод С. А. Жебелеву[5] усмотреть какую-то связь между херсонесским састэром и «сакральными древностями».

С. А. Жебелев[6] полагал, что вместе с культом таврской богини Девы херсонесцами был принят и его кумир (тот самый ξοανον, о котором упоминает Страбон[7]), что вид этого кумира, столь необычного для греков, побудил херсонесцев называть его таврским словом, придав ему греческое окончание: к таврской основе σασ был присоединен греческий суффикс τηρ. Все это построение во многом представляется нам неубедительным. Прежде всего, утверждение С. А. Жебелева, что идол богини Девы был таврским изваянием, ничем решительно не может быть доказано. Херсонесская богиня Παρθένος нам известна по многочисленным изображениям на монетах этого города[8]. Все эти изображения, несомненно, свидетельствуют о том, в каком обличии представляли херсонесцы свою богиню, и в значительной мере восходят к статуям, находившимся в Херсонесе. Между тем ни одно из

[1] С. А. Жебелев. Херсонесская присяга, там же, стр. 930, 939.

[2] С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 930 и след.

[3] «Не буду разглашать ничего из сокровенного ни эллину, ни варвару, что должно принести вред государству» (С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 913).

[4] В. В. Латышев. Гражданская присяга херсонесцев. ПОНТІКА, стр. 145: «Не передам на словах ничего тайного ни Еллину, ни варвару, что может повредить городу».

[5] С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 931 и след.

[6] Там же, стр. 937 и след.

[7] Strab., VII, 4, 2.

[8] А. Н. Зограф. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики. Известия Росс. Ак. ист. матер. культуры, II, 1922, стр. 337 и след., табл. XXXI.

этих изображений не имеет каких-либо особенностей, которые отличали бы его от образов, обычных в эллинской иконографии. Эта черта иконографии богини Девы выступает настолько резко, что была даже причиной ошибочного отнесения рассматриваемых изображений к богине Артемиде, чем грешили многие исследователи[1]. От этих греческих изваяний резко отличаются примитивные терракотовые изваяния богини местной работы[2], в значительном числе найденные в Таврском лесном святилище богини, находившемся около Ялты. Сказанное, как нам кажется, заставляет усомниться в ничем не подкрепленном предположении, что идолом богини Девы был таврский кумир.

Но если мы даже примем на веру это утверждение С. А. Жебелева, то остается совершенно непонятным, почему херсонесцы не могли называть этот кумир греческим словом. Ведь, согласно самому С. А. Жебелеву, это изваяние выступает под названием ξόανον в источнике Страбона.

Переходим теперь к толкованию С. А. Жебелевым слова σαστήρ. Прежде всего, должно отметить, что оно совершенно неудовлетворительно в филологическом отношении. Как мы отмечали согласно С. А. Жебелеву[3], рассматриваемое слово состоит из заимствованной из таврского языка иранской основы σασ и греческого суффикса τηρ. Между тем у нас нет достаточных оснований видеть в таврах иранцев или относить их язык к числу иранских. Иранские элементы в языках народов Северного Причерноморья в начале античной эпохи не доминировали полностью; роль их возросла в сарматский период[4]. Если же мы будем пытаться утверждать, что иранское слово проникло к таврам от скифов, что, кстати сказать, вовсе не доказано, то и тут возникают непреодолимые затруднения. Ведь тавры, безусловно, не могли назвать идол своего божества скифским словом по той причине, что у самих скифов не было изваяний богов[5]. Среди же скифских божеств, местные имена которых нам хорошо известны, благодаря свидетельству Геродота[6], нет ни одного, наименование которого было сколько-нибудь созвучно с корнем σασ.

Итак, предположение об иранском происхождении корня σασ следует признать совершенно неубедительным в своей основе. Далее, еще менее вероятно, чтобы, заимствовав таврское слово для наименования идола, херсонесцы прибавили к нему суффикс τηρ, обычно прилагаемый для обозначения действующих лиц или инструментов, к числу которых никак не может быть отнесен идол богини Девы. Таким образом, с филологической стороны, все построение крайне натянуто.

Еще труднее оправдать такое толкование в смысловом отношении. Богов и сакральные предметы прежде всего почитают, а не охраняют для народа. Наконец, совершенно непонятно, как подобное сакральное

---

[1] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 339 и след.

[2] А. Бертье-Делагард. Случайная находка древностей близ Ялты. Зап. Одесск. об-ва ист. и др. XXVII, 1907, Протоколы заседаний, стр. 21; М. Ростовцев. Новая книга о белом острове и Таврике. ИАК, вып. 65, стр. 196. Эти статуэтки воспроизведены в работе Н. В. Пятышевой — Античные влияния на скульптуру Причерноморья. ВДИ, 1946, № 3, стр. 181, рис. 6.

[3] С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 938 (и 937).

[4] О роли иранских элементов в языках Северного Причерноморья см. работу В. И. Абаева (статья «Скифский язык» в сборнике «Осетинский язык и фольклор», М.— Л., 1949, стр. 244).

[5] Herod., IV, 59.

[6] Там же.

требование могло оказаться после обязательства служить возможно лучше в качестве магистрата и перед обещанием сохранять государственные тайны, т. е. среди перечисления чисто гражданских обязанностей.

Наконец, недавно было выдвинуто еще одно объяснение термина σαστήρ, согласно которому это слово означает наименование местности, особо важной для города, возможно, мыса[1]. Однако это предположение, в сущности, совершенно не может быть подкреплено сколько-нибудь весомыми доказательствами. К тому же совершенно непонятно, почему выше, в строках 7—10 и 20—22, где дважды перечисляются владения Херсонеса почти в одних и тех же выражениях[2] (Херсонес, Керкинитида, Прекрасная гавань, прочие укрепления, прочая земля), эта очень важная местность оказалось не названной, а об охране ее говорится ниже (строки 24—25) между обязательствами служить возможно лучше демиургом (и членом совета) и не передавать ничего тайного, что может повредить городу.

Таким образом, рассмотрев все имеющиеся предположения, мы приходим к выводу, что ни одно из них не может быть принято. В силу этого остается вполне уместной осторожность В. В. Латышева, считавшего, что слову σαστήρ мы не может дать вполне надежного объяснения[3].

Однако если все же пытаться объяснить это загадочное слово, то нам представляется наиболее вероятным несколько иное предположение, чем те, которые высказывались раньше. Нам кажется, что прежде всего необходимо иметь в виду, что слово σαστήρ должно обозначать наименование какого-то неодушевленного предмета, как это отметил С. А. Жебелев[4], а также что забота об охранении этого предмета входила в круг гражданских обязанностей херсонесцев, как это ясно видно из всего контекста присяги. Уже давно выдвигалось предположение, что термин σαστήρ представляет собой существительное, произведенное от глагола σάζω, являвшегося формой глагола σάττω; эта форма σάζω засвидетельствована в слове συνε(σ)σάδδη в Гортинской надписи. Выдвигавший такое толкование А. Скиас[5] считал, что глагол σάττω должно понимать в смысле «пещись о какой-либо должности», и думал, что слово σαστήρ обозначает любого магистрата. Толкование, предложенное А. Скиасом, было опровергнуто в свое время В. В. Латышевым, указавшим на несовместимость такого понимания термина σαστήρ с государственным устройством Херсонеса. Кроме того, В. В. Латышев[6] отметил, что форма σάζω не наблюдалась в диалекте Мегар и их колоний, признав, однако, что она засвидетельствована в дорийском диалекте. Нам кажется, что, обращаясь к глаголу σάττω, к которому в конечном счете восходит слово σαστήρ, прежде всего следует вспомнить об основном значении этого глагола «наполнять, нагружать, снабжать, вооружать», а не «заботиться о какой-либо должности», как

---

[1] См. об этом Jeanne Robert, Louis Robert. Bulletin épigraphique. Revue des études grecques, LXIII, 1950, стр. 177 и Würzbürger Jahrbücher, 1948, 3, стр. 169—172.

[2] Строки 7—10: Χερσόνασον οὐδὲ Κερκινῖτιν οὐδὲ Καλὸν λιμένα οὐδὲ τἄλλα τείχη οὐδὲ τᾶς ἄλλας χώρας ἃν Χερσονασῖται νέμονται ἢ ἐνέμοντο. Строки 20—22: Χερσόνασον ἢ Κερκινῖτιν ἢ Καλὸν λιμένα ὁ τὰ τείχη καί χώραν τὰν Χερσονασιτᾶν

[3] Как слово dubio sensu значится σαστηρ и в словаре: H. G. Liddell and R. Scott. Ук. соч., 1585.

[4] С. А. Жебелев. Херсонесская присяга, стр. 930, 939.

[5] Ἀνδρέας Ν. Σκιᾶς. Σαστήρ. Ἐφ. Ἀρχ., 1882, стр. 257.

[6] В. В. Латышев. ΠΟΝΤΙΚΑ, стр. 165 и след. (В. В. Латышев ссылается на работу: Fr. Köppner. Der Dialekt Megars und der Megarischen Colonien. XVIII Supplementband d. Jahre f. Class. Philologie, 1891, стр. 531 и след.).

это склонен толковать А. Скиас. Далее, обращаясь к термину σαστήρ, являющемуся отглагольным существительным от формы глагола σάττω = = σάζω, прежде всего остановимся на суффиксе τηρ, посредством которого оно образовано. Греческий суффикс τηρ во многом аналогичен русскому суффиксу «тель», посредством которого образуются отглагольные существительные, означающие действующее лицо (учитель, смотритель, сеятель и т. д.), а также средство или механизм, которым производится действие (делитель, проявитель, двигатель и т. п.). Суффикс τηρ обычно применяется[1] для образования греческих слов, означающих действующее лицо (κοσμέω = устраиваю, κοσμητήρ = устроитель) или орудие (ῥαίω = бью, ῥαιστήρ = молот). Однако среди отглагольных существительных, образованных посредством суффикса τηρ, можно еще назвать κρατήρ = сосуд для смешивания вина с водой (от κεράννυμι = смешиваю), ψυκτήρ = сосуд для охлаждения вина (от ψύχω = охлаждаю). Дословное значение терминов κρατήρ = «смешиватель», ψυκτήρ = «охладитель», но означают они не действующее лицо, а предмет, посредством которого или даже в котором осуществляется необходимое действие.

Если учесть возможность именно такого понимания отглагольного существительного σαστήρ, образованного от σάζω = σάττω и означающего «наполнять, нагружать, вооружать», то тогда вполне возможно заключить, что значение его было «то, что наполняют, нагружают, куда складывают оружие». Другими словами, тогда в слове σαστήρ можно видеть наименование склада, хранилища, арсенала, казны, а соответствующую часть присяги — καὶ τὸν σαστῆρα τῶι δάμωι διαφυλαξῶ — перевести «и склад (арсенал, казну) для народа охраню». Подобное понимание вполне увязывается с предшествующими и последующими фразами, трактующими о гражданских обязанностях херсонесцев, и общим характером присяги.

Какое содержание скорее всего можно вложить в слово «хранилище» — сказать трудно. Это может быть наименование государственной казны, которая могла находиться в особом помещении; в таком случае наименование σαστήρ в известной мере подобно «Парфенону», названию четырехколонного зала храма Афины Девы, в котором хранилась казна Аттического союза.

Не исключена возможность, что σαστήρ представлял собой арсенал; наличие такового вполне возможно в Херсонесе, выдержавшем немало войн. Арсеналы военные и морские (в Галикарнассе[2] и в Пирее[3]) нам известны еще в IV в. до н. э. В период эллинизма хорошо засвидетельствованы военные склады на Родосе, в Массалии, в Кизике[4] и в других местах[5]. Большие арсеналы были обнаружены раскопками в Пергаме[6] и Карфагене[7].

Наконец, вполне допустимо предположение, что састэром назывался продовольственный склад, находившийся в ведении общины, запасы

[1] Ernst Fraenkel. Geschichte der griechischen Nomina agentis auf -τήρ, -τωρ, -της (-τ-) Strassburg, I, 1910, стр. 1 и след., стр. 157 и след.

[2] Arrian. Anab. 1, 23, 2.

[3] I. G., II, 2, 1054.

[4] Strab., XIV, 2, 5.

[5] C. Lafaye. Tormentum — Daremberg et Saglio. Dictionnarie des antiquités, V, стр. 371 и след.

[6] Th. Wiegand. Bericht über die Ausgrabungen im Pergamon, 1927. Abhandl. der Preussischen Akademie d. Wissenschaft. Philolog.-Hist. Kl., № 3, 1928, стр. 14 и след.

[7] P. Gauckler. Compte rendu de la Marche du service en 1903. Nouv. Archives des Missions scientif. et littér., XV (1907), стр. 569; B. Rathgen. Die Punischen Geschosse des Arsenals von Karthago und die Geschosse von Lambesis. Zeit. Hist. Waffenk., V, стр. 236 и след.

которого в лихие годы спасали херсонесцев от голода. Такое понимание термина σαστήρ делает более понятным необходимость охранения его именно для народа (τῶι δάμωι), а не для государства.

Постоянные государственные запасы зерна в эллинистическую эпоху, видимо, имели место на Самосе, Делосе, Эгине, в Милете, Теосе, Деметриаде, Фуриях и, возможно, в других полисах[1]. Упоминание о ремонте житницы (το σιτόβολον) в декрете в честь Протогена[2] позволяет заключить, что подобный склад зерна существовал и в Ольвии во время составления Херсонесской присяги. Филон Механик[3] рекомендует держать в городе наряду со складом вооружения и боевых материалов годовой запас различного продовольствия.

Косвенным подтверждением централизованного снабжения населения Херсонеса съестными припасами при экономических затруднениях, испытывавшихся этим городом, возможно, являются большие каменные гири[4] достоинством в 26 и 19 весовых единиц. Подобные гири не могут быть единицами общего весового измерения и, скорее всего, служили для специальной цели — отвешивания продовольственных выдач, отпускаемых государством отдельным гражданам.

Таково наше предположение о значении термина σαστήρ. Нам представляется такое объяснение более убедительным, чем высказанные раньше, однако это отнюдь не означает, что мы считаем его окончательно доказанным. Это лишь наиболее вероятная из тех гипотез, которые могут быть предложены в настоящее время.

С. П. ТОЛСТОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1951 ГОДУ[1]

Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1951 г. производились в трех районах:

1. В западной и северной части пустыни Кара-Кум, на территории Туркменской ССР — археологическая разведка берегов древнего русла Узбой. Работа осуществлялась под непосредственным руководством автора.

2. В юго-западной части пустыни Кзыл-Кум, на территории Кара-Калпакской АССР — раскопки раннеантичного памятника IV—III вв. до н. э. Кой-Крылган-кала. Работа была начата под руководством автора и завершалась под руководством Н. Н. Вактурской.

3. В северо-восточной части пустыни Кзыл-Кум, на территории Кзыл-Ординской области Казахской ССР — раскопки двух античных памятников первых веков до н. э. и I—VII вв. н. э. в урочище Джеты-асар, на среднем отрезке древнего русла Куван-дарья. Работа осуществлялась двумя отрядами: первый, по раскопкам Алтын-асара, — под руководством М. А. Орлова и Ю. А. Рапопорта и второй, по раскопкам нового объекта наших работ, городища Джеты-асар № 9,— под руководством Т. А. Жданко и Н. Н. Вактурской.

Общая продолжительность полевых исследований экспедиции в 1951 г была около 5,5 месяца (с 18 апреля по 1 октября). В работах принимали участие 35 научных и научно-технических сотрудников (в том числе научные сотрудники и аспиранты Института этнографии АН СССР, Института истории, археологии и этнографии АН КазССР и Гос. музея КК АССР, студенты-практиканты исторического факультета МГУ, 3 архитектора, художник, фотограф, геодезист-аэросъемщик), 2 пилота, 5 шоферов, 7 человек административно-технического персонала и в среднем около 50 рабочих землекопов.

Этнографические работы экспедиции осуществлялись в этом году одним туркменским отрядом под руководством Г. П. Васильевой. Основным объектом работ здесь явился колхоз «Большевик» Куня-Ургенчского района Туркменской ССР, где изучался социалистический быт туркмен-колхозников.

---

[1] Отчетный доклад на сессии Отделения истории и философии АН СССР, март 1952 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ ВДОЛЬ РУСЛА УЗБОЯ

Археологические изыскания в левобережье нижней Аму-Дарьи, помимо общих задач изучения истории хозяйственной жизни, культуры и быта древнего и средневекового населения левобережного Хорезма и прилегающих к нему с запада территорий пустынь Туркмении, имели своей целью: участие в разрешении целого ряда научных проблем, имеющих значение для хозяйственного освоения земель этой зоны, в первую очередь — изучение динамики изменений древней ирригационной сети земель древнего орошения (в Ташаузской области Туркменской ССР) и разрешение проблемы Узбоя — как времени возникновения Узбоя, так и времени прекращения течения вод Аму-Дарьи по его древнему руслу, а также выявление водных источников, снабжавших население, оставившее следы культуры по берегам русла.

Исследования в этом районе были начаты нашей экспедицией еще в 1939 г., когда, впервые обследовав древние ирригационные земли между современной культурной полосой (Тахтинский и Куня-Ургенчский районы) и Сарыкамышской котловиной, она открыла многочисленные античные и средневековые памятники юго-западной окраины древних хорезмских земель[1].

В 1946—1947 гг. экспедиция вернулась в эту область для обследования при помощи самолетов; путем аэрофотосъемки и археологических «авиадесантов» на ряде памятников были более детально исследованы как эта область древней культуры, так и юго-восточная окраина плато Устюрта, Сарыкамышская котловина и верховья русла Узбоя, вплоть до урочища Ак-яйла [2].

Наконец, в 1950 г. экспедиция выехала на трех грузовых автомашинах в разведочный археологический маршрут в этот район. На этот раз экспедиция охватила работой земли древнего орошения Ташаузской области и русло Узбоя — до колодцев Игды. Впервые был обследован ряд памятников, открытых во время авиаразведок, на некотоых были произведены шурфовки; собран богатый подъемный материал, производились архитектурные обмеры и детальная фотофиксация. Общее число памятников, открытых экспедицией до 1951 г. на юго-восточном Устюрте, в бассейне Дарьялыка, Даудана, сухих арыков Шамурат и Чермен-яб, а также на Верхнем и Среднем Узбое и на плато Каплан-гыр — свыше тридцати [3].

27 апреля 1951 г. экспедиция на 5 автомашинах вышла в маршрут из Красноводска по берегу Каспийского моря, дошла до протока Актам и солончака Келькор — некогда озера, расположенного в районе впадения Узбоя в Каспий, произвела разведку в горах Большие Балханы, где обследовала развалины крепостей Таш-арвата и Дюйнек (последняя расположена на самой высокой точке Больших Балханов — около 2 километров над уровнем моря), вышла на русло Узбоя и прошла по нему, с детальным обследованием берегов, до колодца Чарышлы. Наличие в составе экспедиции двух легковых автомобилей полевого типа (ГАЗ-67) дало возможность археологическому отряду продвигаться в полном отрыве от троп, непосредственно по руслу и его берегам, поднимаясь на возвышенности коренного берега и преодолевая непроходимые для остальных машин пески.

В составе экспедиции во время Узбойского маршрута работал 21 человек.

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 30—31, 114—118, 164—167.

[2] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 296—316.

[3] С. П. Толстов. Хорезмская экспедиция 1950 г. СА, XVIII, 1953, стр. 313—325.

В течение полутора месяцев, в трудных условиях бездорожья, безводья и жары было пройдено от Красноводска до Куня-Ургенча свыше 2500 километров. Особенно тяжел был переход через Орта-Куинские пески, где грузовики пришлось тащить на руках свыше 50 километров. На этом пути было проведено сплошное обследование берегов Узбоя — 226 археологических поисков со сборами подъемного материала; открыто 115 местонахождений кремневых орудий и произведены раскопки и шурфовки на 4 памятниках (караван-сараи и могильники) близ русла.

Собранный материал, над которым ведет камеральную работу наш коллектив, позволил в основных чертах восстановить абсолютную хронологию использования Узбоя человеком как в первобытные, так и в исторические времена.

Наиболее богато на Узбое представлены памятники первобытной культуры — новый каменный и бронзовый век. Нет никакого сомнения в том, что в эту эпоху — вплоть до начала первого тысячелетия до нашей эры — Узбой был живой, текущей рекой; об этом убедительно свидетельствует характер расположения первобытных памятников вдоль русла. За исключением тех участков Нижнего Узбоя, где долина достигает наибольшей ширины и где в первобытную эпоху она, вероятно, заливалась паводковыми водами, вынуждая первобытное население держаться по краю коренного берега, вдалеке от русла,— стоянки неолита расположены непосредственно по берегам русла, концентрируясь в узкой зоне — от нескольких метров до нескольких десятков метров от берега.

Степень концентрации неолитических и относящихся к бронзовому веку находок, в особенности кремневых орудий, настолько велика, что на значительной части русла почти не было случая, чтобы поиск на любом участке берега не давал результатов. Особенно изобиловали такими находками русло Актам, связывающее бывшее озеро, ныне солончак Келькор, в который впадает Узбой, с Балханским заливом Каспия, северное побережье Келькора и на самом Узбое — участок между урочищами Калан-Кую и Декча, район Аджикуинской луки и далее вверх, вплоть до урочища Тоголак, и, наконец, верхний отрезок Узбоя — от урочища Бала-Ишем до Чарышлы — места выхода Узбоя из Сарыкамышской котловины. Сравнительно редкими оказались находки между Тоголаком и Бала-Ишемом. На вопросе о причинах этого мы остановимся ниже. Почти на каждом произвольно взятом отрезке берега неизменно находились то изолированные кремневые орудия — скребки, проколки, острия, наконечники стрел и дротиков, ножевидные пластинки и т. д., то целые их скопления, с несомненностью свидетельствующие о том, что перед нами первобытное поселение, развеянные стоянки неолита или бронзового века. Неолитические поселения не ограничиваются только руслом Узбоя. Они широко распространены в зоне озер, образованных разливами Узбоя, в особенности у его истоков. Особенно обильными являются неолитические находки по берегам древних узбойских озер в районе горы Кугунек, а также урочищ Орта-кую и Якидже.

Наша разведка не обнаружила памятники палеолитического и мезолитического времени. Можно сказать с большой долей вероятности, что в палеолитическое время русло Узбоя еще не существовало.

Неолитические памятники Узбоя довольно отчетливо подразделяются территориально на две группы, из которых внутри каждой могут быть намечены,— пока, конечно, весьма ориентировочно,— хронологические подразделения. Это, во-первых — н и ж н е у з б о й с к а я культура (рис. 1), руководящими формами которой являются очень крупные и высокие подпрямоугольные скребки, меньших размеров подтреугольные

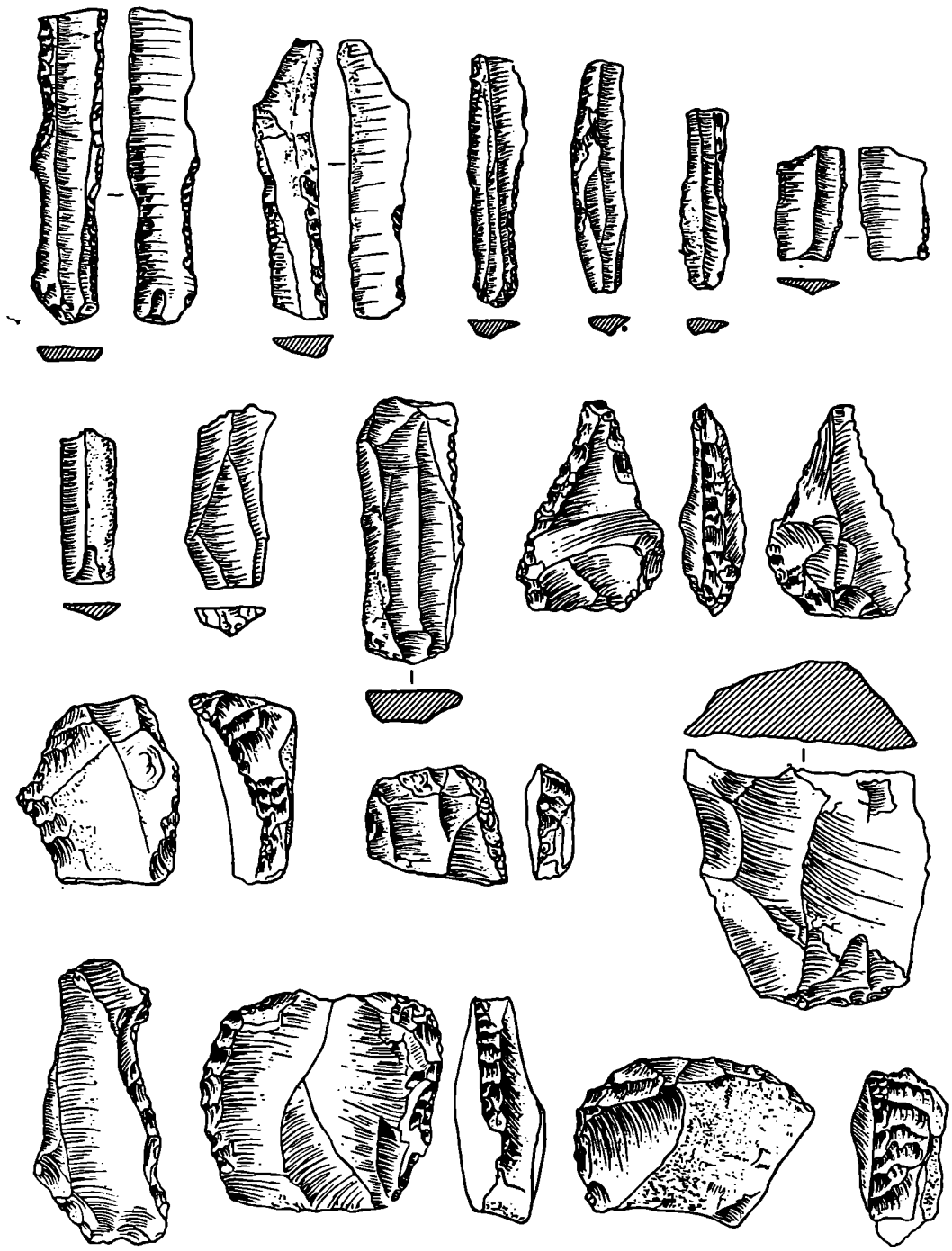


Рис. 1а. Кремневые орудия нижнеузбойской культуры (стоянка 114). Около $^{9}/_{10}$ нат. вел.

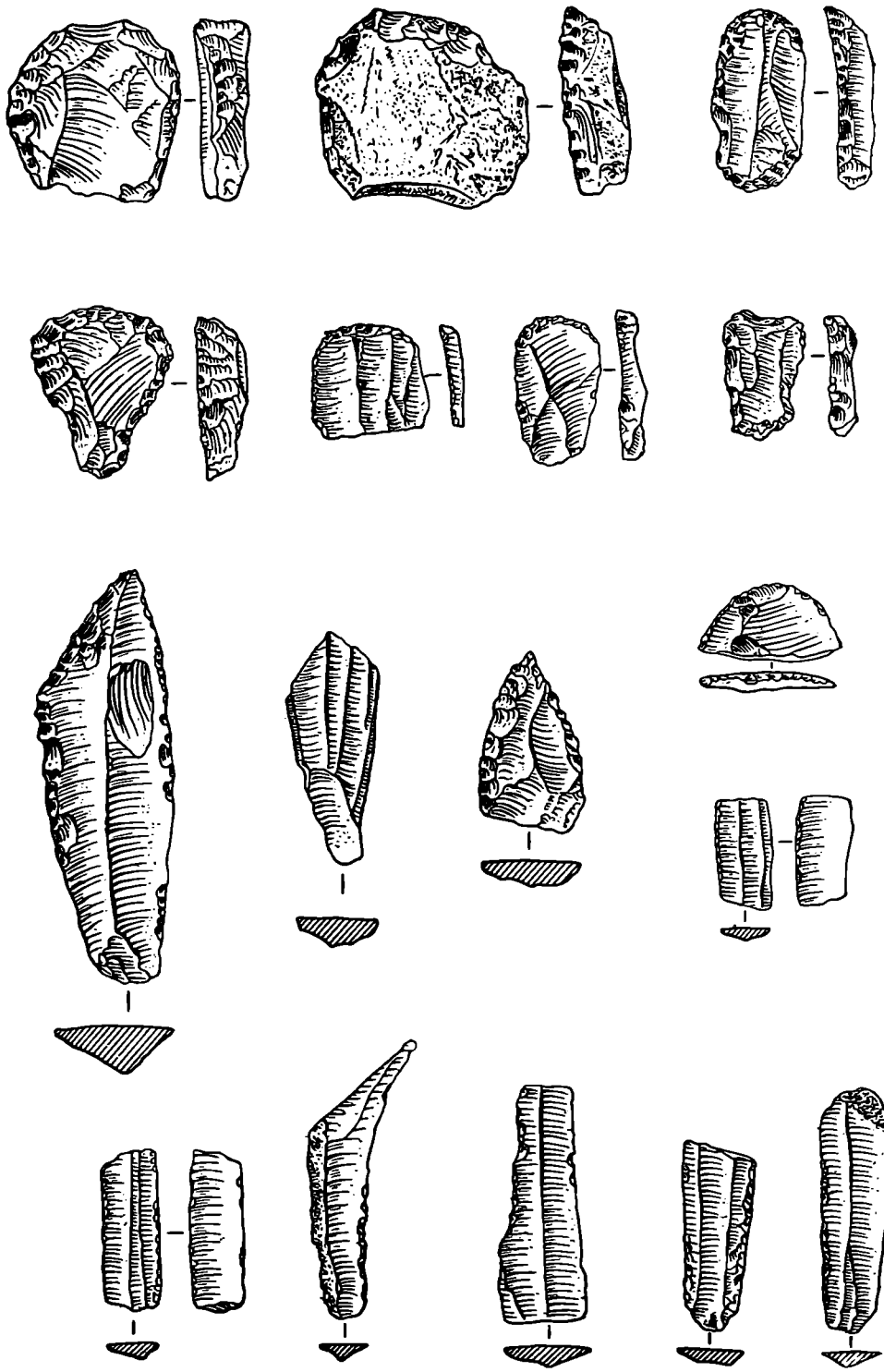


Рис. 16. Кремневые орудия нижнеузбойской культуры (поиск 110). Около $^{9}/_{10}$ нат. вел.

скребки на отщепах и очень архаического типа остроконечники, видимо, использовавшиеся в качестве наконечников стрел и дротиков.

Многочисленные стоянки этой культуры зарегистрированы нами в песках по обоим берегам русла от урочища Калан-кую до урочища Тоголак; в этом последнем обнаружены две наиболее интересные стоянки этой культуры — № 110 и 114; последняя имеет более архаический облик.

Во-вторых, это верхнеузбойская культура (рис. 2), руководящими формами которой являются одношипные наконечники стрел и разнообразные формы микролитоидных скребков — на конце пластинки, дисковидных и др., скобелей, пластинок с затупленной спинкой и т. д. Эти памятники явно тяготеют к кельтеминарской неолитической культуре Хорезма[1] и родственным ей культурам Западного Казахстана[2], Приуралья, Прикамья[3]. Есть, впрочем, серьезные основания для предположения, что узбойские памятники, — во всяком случае, часть их, — старше Хорезмского кельтеминара, датируемого рубежом четвертого — третьим тысячелетием до нашей эры и еще более поздних памятников Казахстана и Приуралья, датируемых концом третьего и даже может быть началом второго тысячелетия.

Основной центр распространения стоянок верхнеузбойской культуры — от района к северу от Бала-Ишема до отрезка русла к северу от Орта-кую, а также район горы Кугунек и колодцев Орта-кую.

Вдоль русла от Бала-Ишема до Тоголака находки кремневых орудий гораздо реже. Это преимущественно отдельные находки предметов верхнеузбойской неолитической культуры, а затем более поздних орудий энеолита и бронзового века. Этот комплекс находок продолжается и далее вниз по Узбою, в области нижнеузбойской культуры.

Локализация верхне- и нижнеузбойской культур представляет, мы думаем, большой интерес в связи с новой теорией о генезисе Узбоя, высказанной известной исследовательницей этого старого русла А. С. Кесь.

По мнению А. С. Кесь[4], «первоначальный Узбой (время возникновения которого она относит к верхнечетвертичному времени.— *С. Т.*) имел свой исток несколько севернее Бала-Ишема, откуда он двигался вдоль южного клина Устюрта, используя его общий уклон на юг.... Устье Узбоя располагалось в районе Тоголак — Бургун»[4].

Чрезвычайно характерно, что сплошное неолитическое заселение Узбоя начиналось за пределами этого его древнейшего русла; мы видели, что верхнеузбойская культура начиналась несколько севернее Бала-Ишема, а стоянки нижнеузбойской кульуры — от Тоголака вниз по руслу.

Процесс заселения нижнего и верхнего Узбоя развертывается, как нам представляется, — одновременно и, с геологической точки зрения,— очень поздно, в пятом — третьем тысячелетиях, причем из различных центров. Повидимому, с севера идет движение древнекельтеминарских племен, из зоны озер и разливов выходящих на вновь образующееся верхнее русло.

---

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 59—66, табл. 8—16.

[2] А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры, КСИИМК, XXXIX 1951.

[3] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 63.

[4] А. С. Кесь. Происхождение Узбоя. Изв. АН СССР, сер. географ., № 1. М., 1952, стр. 22.

С юга и, может быть, с юго-востока движутся и оседают на берегах вновь образующегося нижнего русла предгорные праанаусские племена. Если вопрос о верхнеузбойской волне не вызывает сомнения, то выдвинутый нами тезис о происхождении нижнеузбойской культуры носит весьма

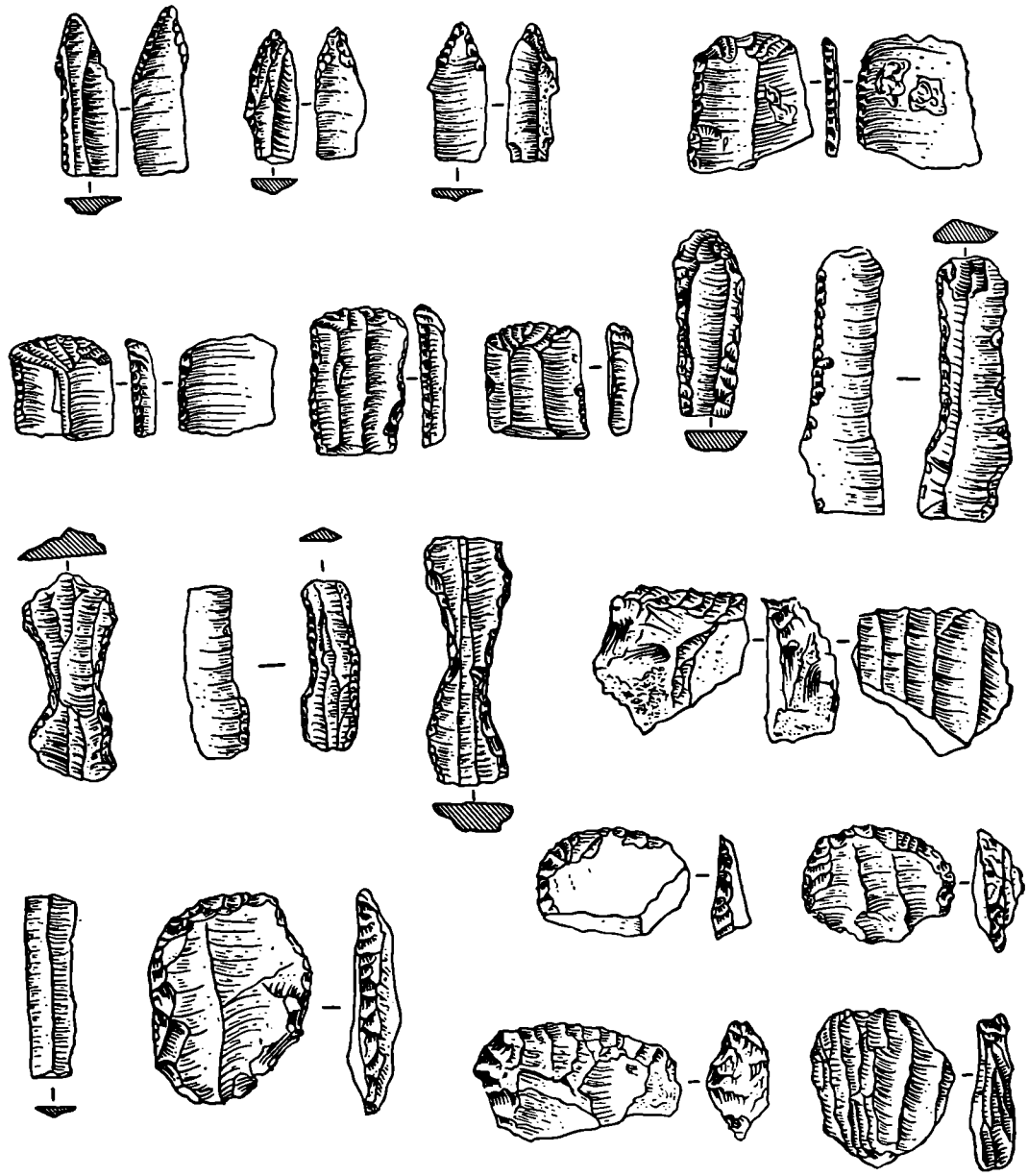


Рис. 2. Кремневые орудия стоянок верхнеузбойской культуры (район Бала-Ишема, Кугунек, Орта-кую). Около $^{9}/_{10}$ нат. вел.

гипотетический характер ввиду крайне слабой изученности праанаусских культур предгорий, да и вообще неолита Южной Туркмении и Северо-восточного Ирана. В пользу южных связей нашей культуры говорит нахождение обсидиановой ножевидной пластинки в Тоголаке № 114 и шаровидного сосуда с окрашенной поверхностью явно анаусского облика в районе стоянки 110 (рис. 3).

Открытие советскими географами в 1951 г. торфяников на озерах верхнего Узбоя, анализ пыльцы которых рисует перед нами совершенно неожиданный состав лесных зарослей долины Узбоя и приузбойских озер, позволило выявить, что в состав их входили пихта, сосна, береза, ольха, дуб, граб, бук и орешник[1]. Сейчас пока неясно отношение этих торфяников к археологическому материалу, но многочисленность неолитического населения указывает, с большей долей вероятности, на то, что эта флора характерна для периода заселения Узбоя кельтеминарскими племенами;

Рис. 3. Сосуд, найденный близ стоянки Тоголак (№ 110). Высота 35 см

это дает возможность датировать ее временем пятого — четвертого тысячелетия до нашей эры.

Эпоха энеолита и бронзового века представлена прежде всего несколькими стоянками, из которых наиболее интересны стоянки к югу от Бала-Ишема и в урочище Чуйрик-баш, датируемые, видимо, рубежом третьего — второго тысячелетий до нашей эры, а также рядом находок, датируемых этим временем, — наконечников стрел, вниз по всему Узбою, и далее — рядом находок керамики бронзового века, из которых отметим находки в Тоголаке и на Актаме керамики, несомненно, тазабагъябского облика[2] (рис. 4 и 5).

Анализ материала энеолита и бронзового века показывает, что в третьем и во втором тысячелетиях идет передвижение вниз по Узбою,— сперва позднекельтеминарских, а затем тазабагъябских племен. Об этом говорит, в частности, характер находок в раскопанной А. П. Окладниковым пещере близ Джебела, материал которой, с нашей точки зрения, должен быть датирован в основном третьим тысячелетием до нашей эры. 1—4 слои Джебела несут следы сильного влияния неолитической кельтеминарской культуры и культуры энеолита и ранней бронзы. Более ранние слои близки к поздним вариантам нижнеузбойской культуры.

Характер материала этой пещеры, соединяющей признаки верхнеузбойской и нижнеузбойской культур, позволяет говорить о сильном смешении населения в третьем тысячелетии.

---

[1] А. С. Кесь. Ук. соч., стр. 21.
[2] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 66—68, табл. 17.

Во втором тысячелетии, как можно судить по нашему, пока еще очень недостаточному материалу, тазабагъябско-андроновский этнический элемент приобретает окончательное господство на всем протяжении Узбоя, вплоть до берегов Каспия.

С началом античного времени,— с первых веков первого тысячелетия

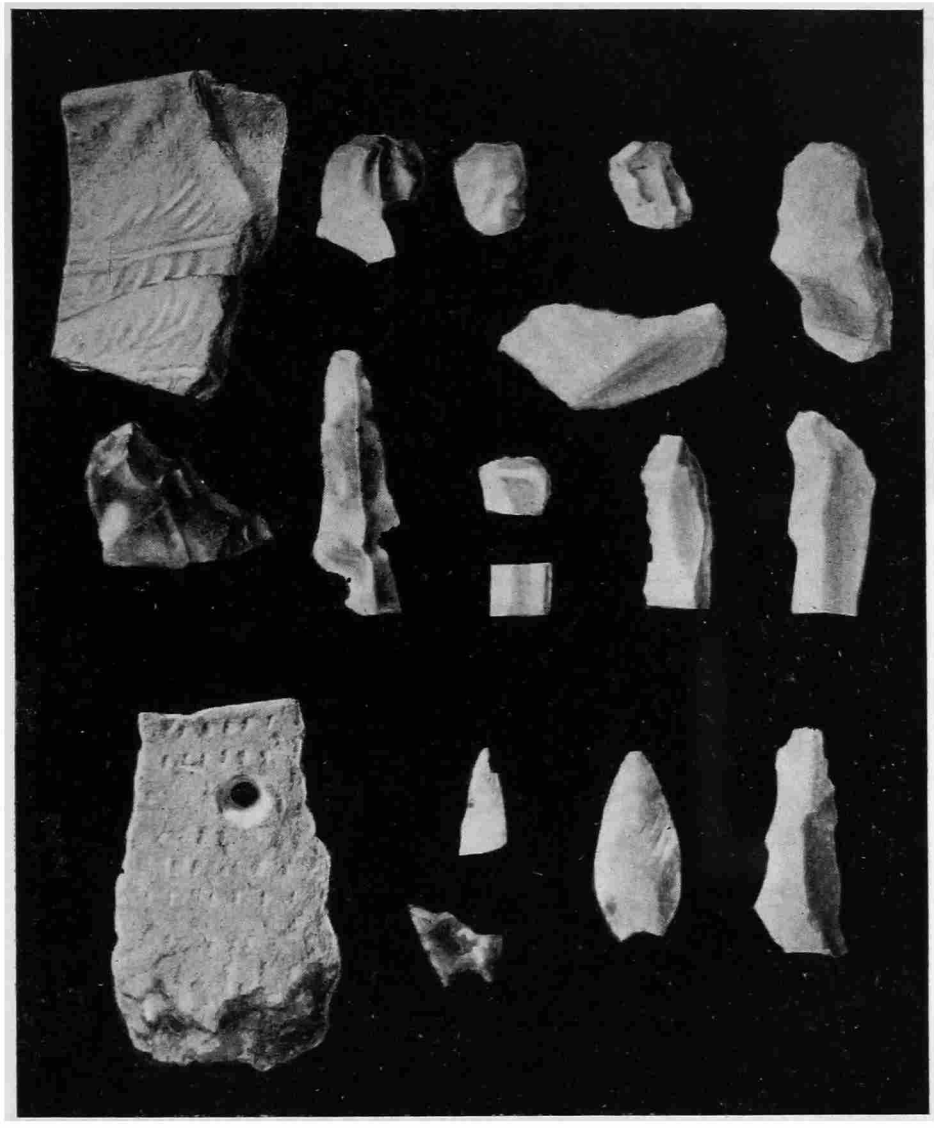


Рис. 4. Узбойский энеолит. Верх—стоянка к северу от Талай-хан-ата (поиск 171); низ—Чуйрикбашская стоянка (поиск 107). Около $^2/_3$ нат. вел.

до нашей эры,— картина заселенности Узбоя резко меняется. Собственно античных памятников — памятников оседлости земледельческой культуры, в частности, следов ремесленного гончарного производства, являющегося наиболее массовым материалом любого района античных поселений, — на всем протяжении Узбоя, от Чарышлы до Келькора, практически нет совершенно, если не считать двух-трех случайных находок.

Только на Актаме, в районе переправы, мы нашли несколько фрагментов краснолаковой античной керамики. В нескольких пунктах на

северном берегу Келькора, близ колодцев Джайрык и Декча (северная) и к северу от горы Кугунек были найдены одиночные обломки такой же керамики. Наконец, близ колодца Орта-кую был найден единственный целый сосуд — хум (пифос) VI—V вв. до н. э. (рис. 7, *а*), тождественный тем, которые характерны для Хорезмских «городищ с жилыми стенами»

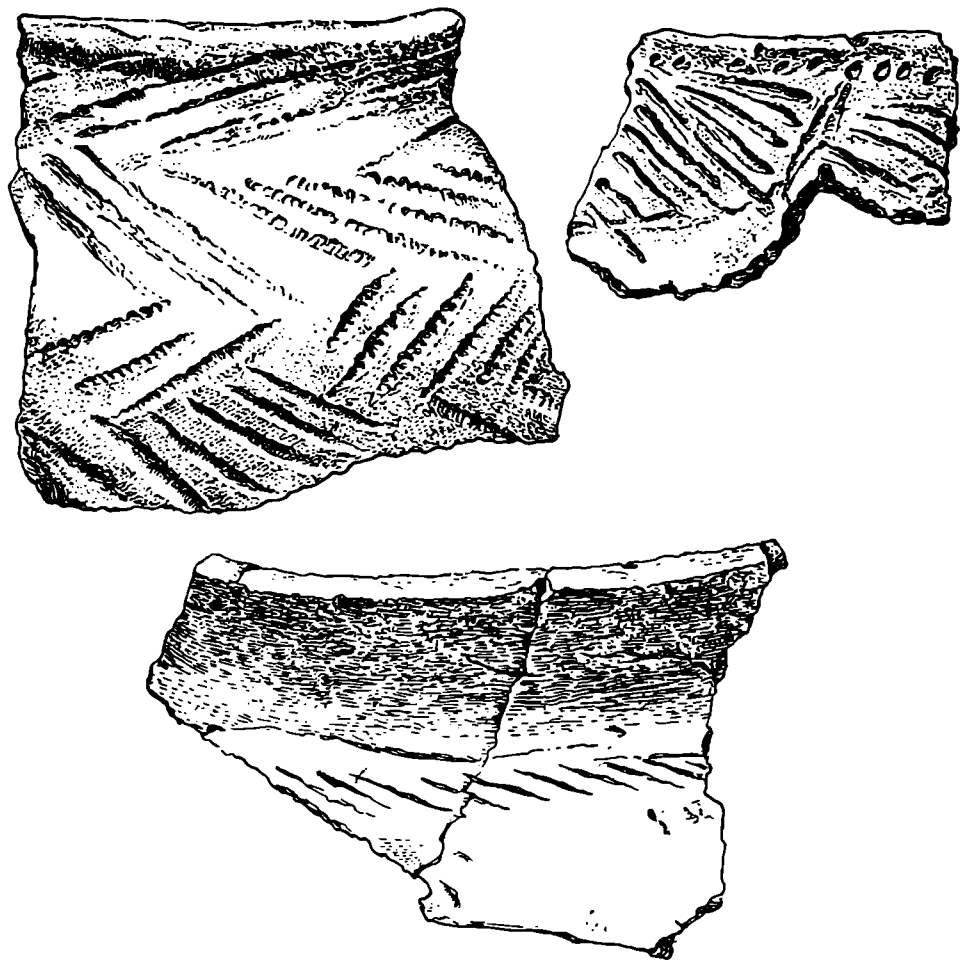


Рис. 5. Тазабагъябская керамика Актама (поиск 8) и верхнего Узбоя (поиск 171)

(Кюзели-гыр)[1]. Находки античной эпохи на Узбое сводятся в основном к встречаемым повсеместно фрагментам примитивной, сделанной без гончарного круга «варварской» керамики с отпечатками грубой ткани на днище, слегка напоминающей керамику племен Семиречья той же эпохи (рис. 7, *б*), и к нескольким находкам бронзовых двухперых и трехгранных втульчатых наконечников стрел скифского типа.

Находки эти сосредоточены в песчаных котловинах, в полосе примерно 100—200 метров вглубь плато коренного берега, там же, где сосредоточены гораздо более обильные находки средневековой и современной керамики. Характерная деталь: глубокие котловины, своего рода песчаные ячейки между высокими грядами песков, тянущихся вдоль края плато

[1] См. С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 77—78.

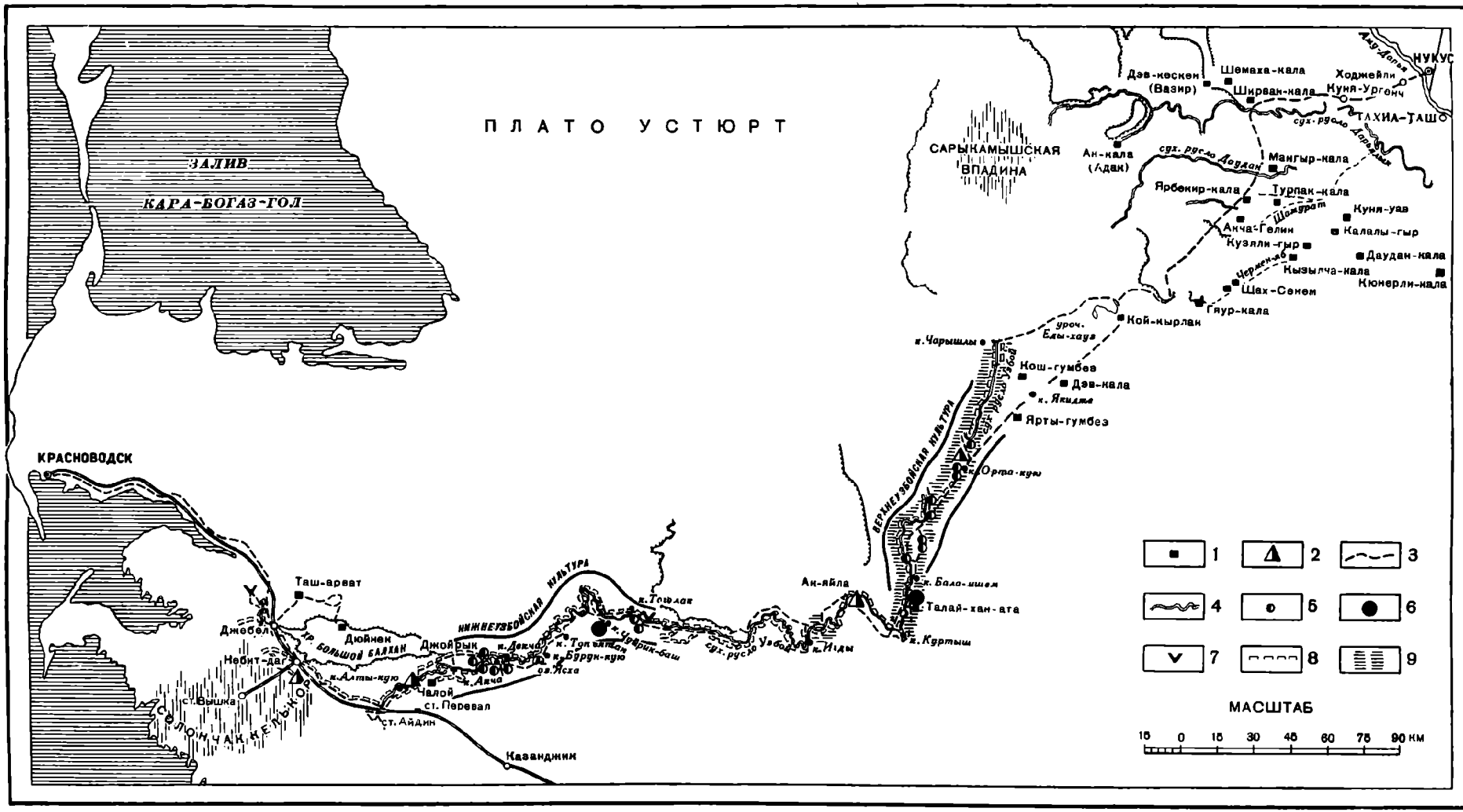


Рис. 6. Карта распространения археологических памятников по маршруту Хорезмской экспедиции 1951 г. вдоль русла Узбоя

Условные знаки: *1* — развалины; *2* — места рекогносцировочных археологических раскопок; *3* — маршрут экспедиции; *4* — сухое русло реки; *5* — стоянки неолита; *6* — стоянки бронзового века; *7* — места находок керамики газабагьябского типа; *8* — места находок домонгольской средневековой керамики; *9* — места находок послемонгольской средневековой керамики

верхней террасы коренного берега, становятся местом обитания кочевников на всем протяжении исторического времени — от раннежелезного века, античной эпохи, до совсем недавнего прошлого. В одних и тех же котловинах, прочно защищенных от жестоких ветров высокими песчаными барьерами, ставили свои легкие жилища и «варварские» племена античного времени, и средневековые туркменские племена и, наконец, туркменские кочевники начала нашего века. Почти в каждой котловине мы находим груды камней — остатки кочевых очагов, вокруг которых расположены скопления обломков керамики — «варварской», поливной средневековой и, наконец, современной — осколки фарфоровых чайников и пиал. Обломки чугунных котлов и кувшинов производства русских заводов, задолго до присоединения Туркмении к России массами ввозившихся в туркменскую степь через гавани Каспийского побережья, находятся рядом с фрагментами античной бронзы и бронзовыми наконечниками скифских стрел.

Почти полное отсутствие остатков античной ремесленной керамики на всем протяжении Узбоя — бесспорное доказательство того, что вдоль русла не было не только оседлого населения, но не было и торгового пути из Хорезма в Южную Туркмению, — резкая противоположность средневековью, как мы увидим ниже. Любая караванная тропа, любой водный путь с местами причала судов, а тем более совершенно необходимыми на порожистом Узбое местами перегрузок или волоков,— неизбежно должен быть засвидетельствован находками разбитой античной посуды. Полное отсутствие этого материала свидетельствует о бесспорном отсутствии караванного пути по Узбою и вместе с отсутствием следов оседлых поселений служит прочным доказательством того, что античное время было временем усыхания Узбоя, из живой первобытной реки ставшего мертвым руслом античного времени. Античные письменные источники — произведения грекоримских авторов V в. до н. э. — IV в. н. э. дают о зоне Узбоя путаные сведения. Но только в самых ранних из них содержатся смутные сведения о функционировании Узбоя, видимо, восходящие к местным народным преданиям, более ранним, чем середина первого тысячелетия до нашей эры. Более поздние источники — Помпоний Мела (I в. н. э.), Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) говорят определенно об Аральском устье Аму-Дарьи.

Что же касается показаний Страбона и Плиния о водном пути из Каспия в Индию, то это, несомненно, восходящая к общему источнику времен Александра версия, связанная с поисками водного пути в Индию и опирающаяся на предания доирригационной эпохи.

Видимо, важной причиной полного прекращения течения воды по Узбою, подготовленного, повидимому, прорывом вод Аму-Дарьи в Арал, имевшим место на рубеже II—I тысячелетий до н. э.[1], явилось создание грандиозной ирригационной сети античного Хорезма. Каналы античного времени, построенные руками огромных масс рабов, имели размеры, намного превосходящие средневековые каналы, и весьма примитивный характер, определявший чрезвычайно высокий, непроизводительный расход воды на сброс, фильтрацию и испарение. Результатом этого были полное прекращение стока излишков вод в Сарыкамышское озеро, окончательное усыхание его и, соответственно, прекращение питания Узбоя.

Смутные указания на это можно найти уже у Геродота (V в. до н. э.) в сказании о реке Акес — название Аму-Дарьи, в позднейших греческих источниках звучащее, как Окс[2].

[1] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 349.
[2] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 43.

В средневековый период картина меняется. Становится значительно более многочисленным кочевое население, и вместе с тем, несомненно, вдоль русла пролегают караванные тропы, связывающие Хорезм с Южной Туркменией и Ираном. Все современные караванные тропы, большие и малые, восходят к средневековой эпохе. Вдоль самых значительных троп по верхнему и среднему Узбою в X—XII вв. н. э. были построены большие укрепленные

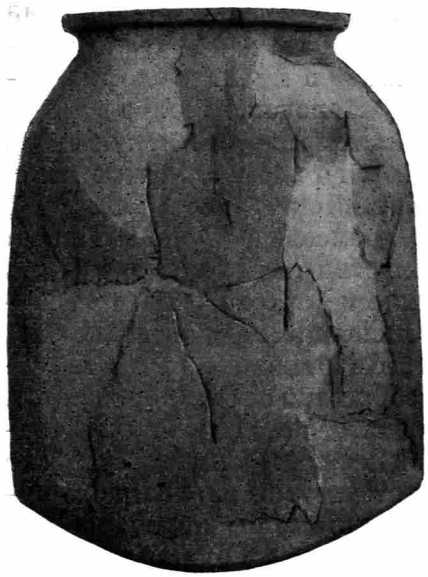


Рис. 7а. Античный архаический (VI—V в. до н. э.)сосуд (хум) из Орта-кую. Высота 43 см

Рис. 7б. Сосуд типичный для кочевников античного периода. Высота 23 см

караван-сараи. Цепь их представлена на северо-восточных подступах к Узбою каменной круглой крепостью — караван-сараем Дэв-кала (видимо, Рабат-и-Сархенг — «Рабат военачальника» маршрута автора XIV в. Хамдаллаха Казвини); затем — впервые нами открытыми в 1951 г. развалинами огромного (около 100 метров в диаметре), также круглого караван-сарая из жженого кирпича близ колодцев Орта-кую (рис. 8; Караван-гах — «Место караванов» Хамдаллаха Казвини); далее, в урочище Талайхан-ата (Рабат Тамгач — «Китайский Рабат» Хамдаллаха Казвини), к югу от колодца Бала-Ишем и караван-сарая XI—XIII в. на Ак-яйлинской излучине (в XIV в. уже не существовал).

Все эти караван-сараи имеют однотипную круглую планировку. Все они были построены в домонгольский период — в X—XII вв., и только часть из них, расположенная на Верхнем Узбое, к северу от Куртышского водопада, функционировала и в послемонгольское время. Характерно, что караванный путь домонгольского времени проходит вдоль всего Узбоя, в то время как послемонгольская дорога идет через Орта-кую до Куртыша, а затем прямо на юг, по направлению к Кзыл-Арвату. Этот факт, подтверждаемый и средневековыми литературными источниками (его отмечает и академик В. В. Бартольд в своей работе 1902 г.[1]), находится в реши-

[1] В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и Аму-Дарье. Ташкент, 1902, стр. 54.

тельном противоречии с теорией академика В. В. Бартольда[1], базирующейся на четырех смутных показаниях средневековых литературных источников — Хамдаллаха Казвини (XIV в.), Захираддина-ал-Мараши, Хафизи-Абру (XV в.) и Абуль-гази (XVII в.), согласно которой Аму-Дарья после нашествия монголов якобы повернула по Узбою в Каспийское море, в которое и текла будто бы до второй половины XVI в.

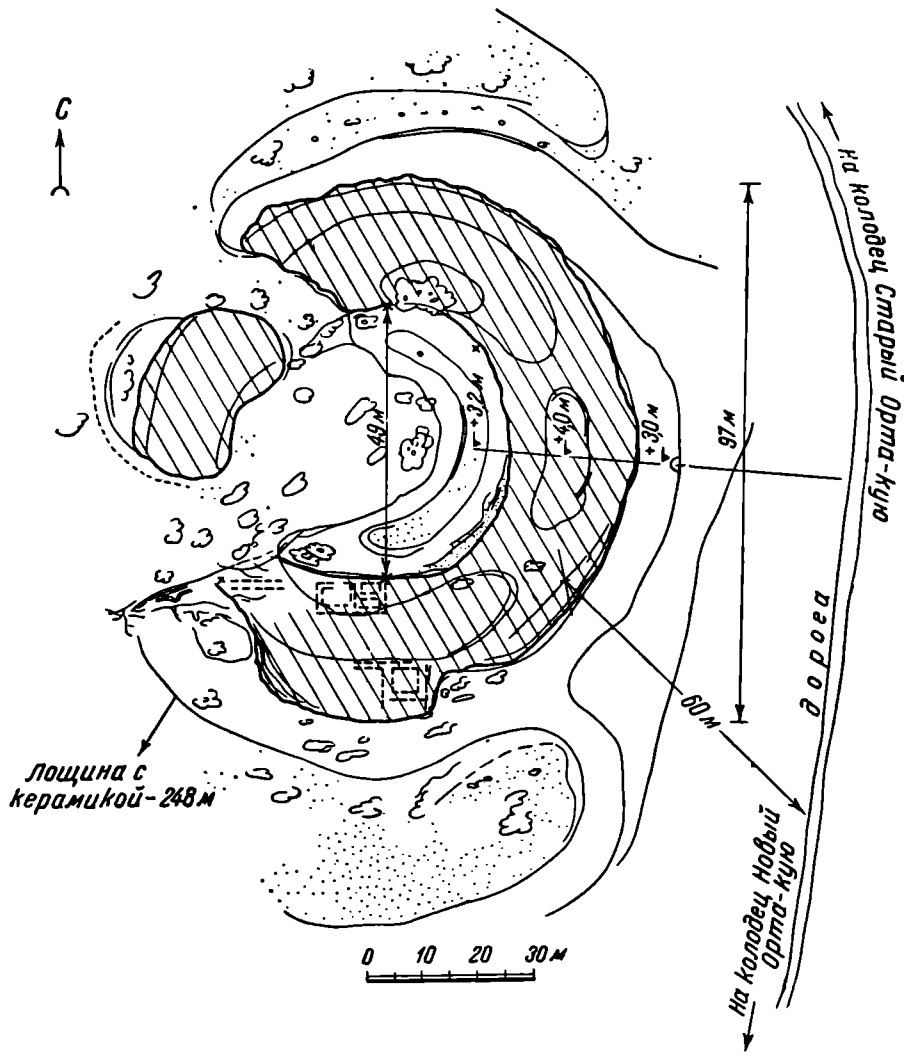
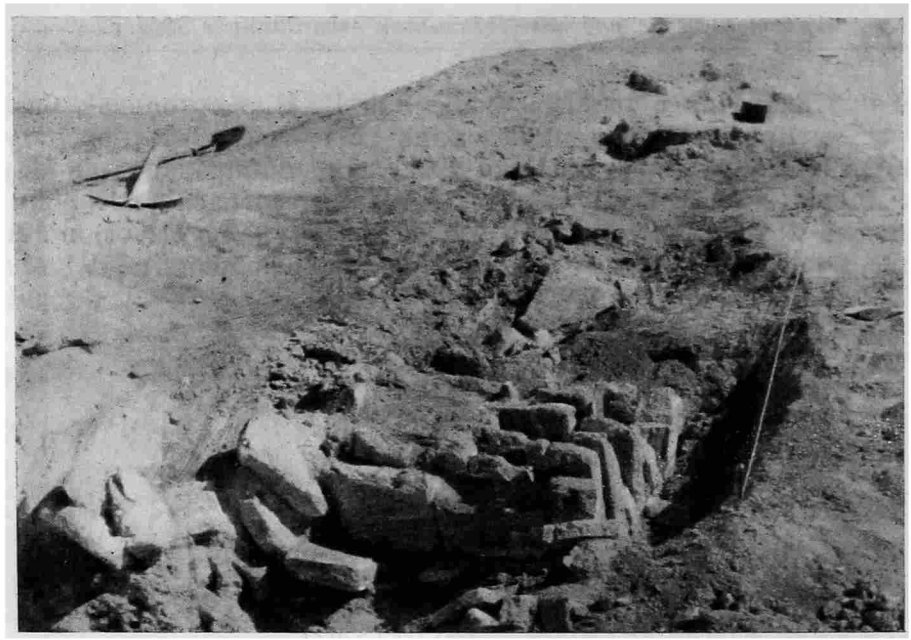


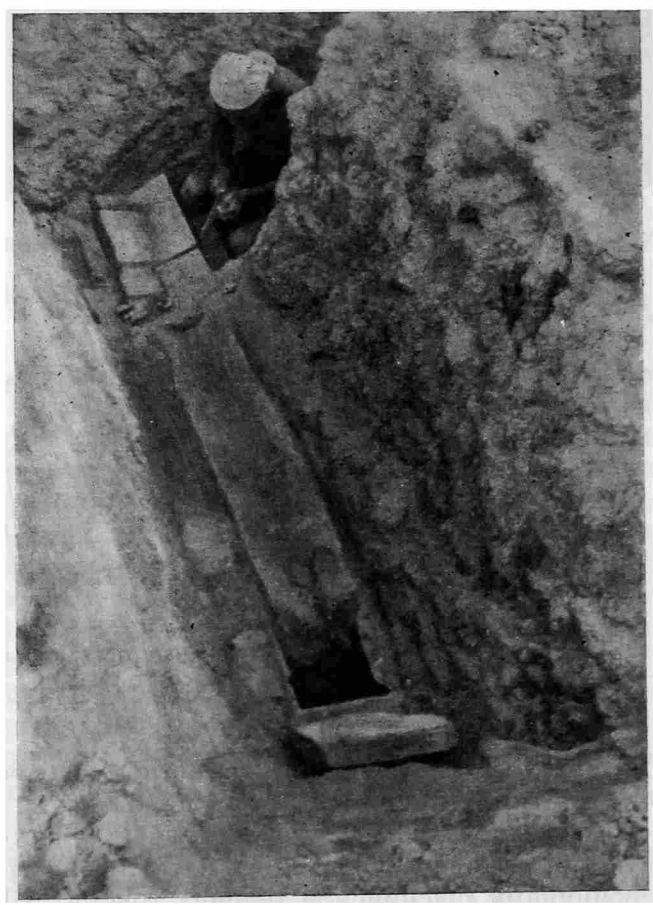
Рис. 8. План Орта-кую. (Штриховкой показаны остатки постройки, пунктиром — выходы стен на поверхность. Высоты указаны от уровня дороги.)

В остальных литературных источниках, — в частности, в сочинениях жителя юго-западной Туркмении Джурджани, и бакинца Бакуви (XV в.), и, особенно, хорошо осведомленного географа XIV в. Омари, — настойчиво подчеркивается, что Аму-Дарья впадает попрежнему в Арал, а Омари прямо полемизирует со сторонниками «каспийской теории», говоря: «Джейхун (Аму-Дарья) поворачивает в соленое озеро..., в которое впадает и река Шашская (Сыр-Дарья). Кто же полагает, что Джейхун впа-

[1] Там же, стр. 47 и след. См. также ЗВО, т. XIV, вып. 1, 1908, стр. 4 и след. (статья В. В. Бартольда «К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море»).



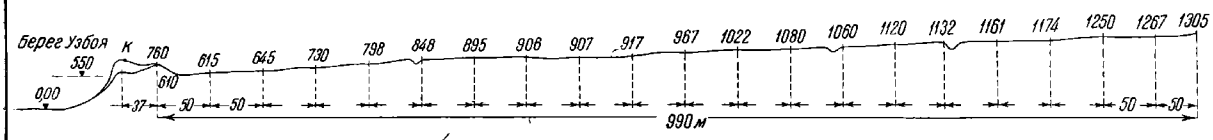
1

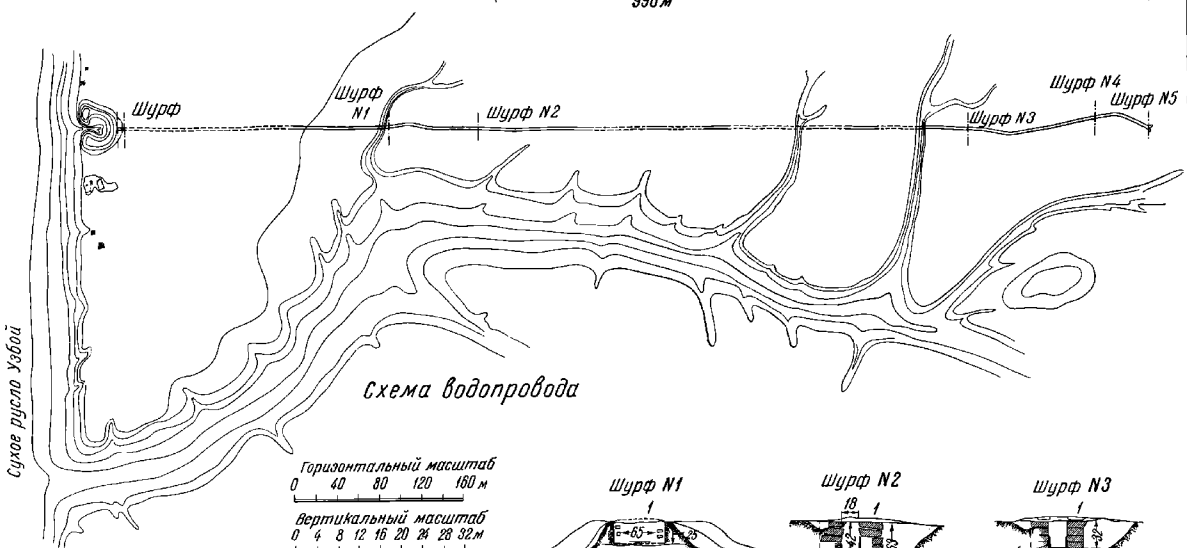


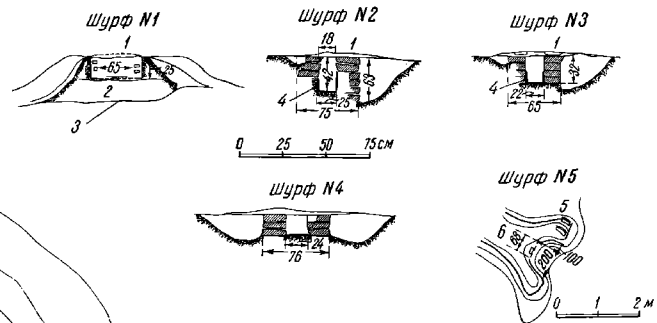
2

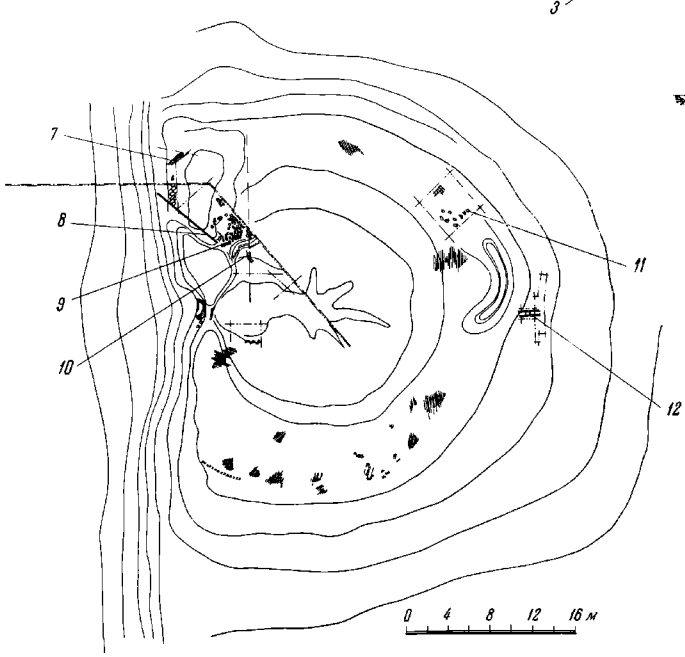
Рис. 9. Ак-Яйла.

1— начало расчистки здания караван-сарая; *2* — жолоб, подводящий воду с такыров в водоем









План раскопки 1951 г.

Рис. 10. План Ак-яйлы

дает в море Кользумское (Каспийское), тот ошибается: ему показалось это только так, вследствие величины этого озера»[1].

Возрождение раннеантичного предания о впадении Аму-Дарьи в Каспий объясняется двумя фактами: 1) действительным прорывом в середине XIII в. части вод Аму-Дарьи по старым руслам в Сарыкамышское озеро в результате разрушения монголами оросительных сооружений Хорезма и прекращения на некоторый срок ремонта береговых плотин нижней Аму-Дарьи в связи с тем же событием и 2) падающей, видимо, на XIV в. трансгрессией Каспия, приведшей к подтоплению Нижнего Узбоя каспийскими водами.

Конечно, не исключено, что в период затопления Сарыкамышского озера эпизодически мог иметь место в годы максимальных паводков на Аму-Дарье сброс части паводковых вод в Узбой — этот вопрос не может быть, конечно, разрешен одними археологами. Этот могло быть дополнительным стимулом к укреплению Узбойской легенды. Однако бесспорным является факт, что в жизни приузбойского населения между X—XII и XIII—XVвв. не произошло никакого изменения, даже больше того — следы домонгольского периода обильнее, гуще и шире распространены по Узбою, чем следы послемонгольского, что решительно противоречит гипотезе Бартольда. Никаких следов оседлых поселений и базирующегося на Узбое ирригационного земледелия, о котором рассказывает Абуль-гази, ни при авиаразведках 1947 г., ни при наземных маршрутах 1950 и 1951 гг. нам обнаружить не удалось — его, бесспорно, не существовало. Зато в районе Бала-Ишема и Куртыша удалось обнаружить следы примитивного земледелия в самом русле реки и на такырах нижней береговой террасы, основанного на использовании дождевых вод, задерживаемых на такырах специальными валами и отводимых по небольшим арыкам на поля. Судя по находкам, такое земледелие существовало еще в XIII—XIV вв., а по данным, собранным среди туркмен А. С. Кесь[2] и В. Н. Куниным[3], аналогичные поля существовали в этом районе еще в начале XX в. На Нижнем же Узбое, в районе колодца Джамал, такие поля, используемые животноводческими колхозными бригадами под бахчевые культуры, существуют и в русле, и в пойме по сей день—мы наблюдали их в 1951 г.

Существование этого типа примитивного орошения в XIII—XIV вв. с несомненностью опровергает гипотезу о течении в это время пресных вод по Узбою. Характерно, что и стоящий на берегу Узбоя и функционировавший в послемонгольское время караван-сарай Талайхан-ата снабжался дождевой водой с такыров, как и домонгольский караван-сарай Акяйла (рис. 9 и 10), при помощи водосборных, обложенных кирпичом канав, подводивших воду к цистерне, расположенной внутри караван-сарая.

Это подтверждается также условиями нахождения обильной, весьма оригинальной керамики XV—XVI вв., названной нами по первому месту находки «актамской» (рис. 11 и 12), видимо, оставленной туркменскими племенами. По Абульгази, в XVI—XVII вв. на Узбое жили племена адаклы-хызыр (сверху — до Карры-кичита, к востоку от урочища Джамал), али-эли (от Карры-кичита до западного края Больших Балханов), тиверджи (ниже, до впадения Узбоя в море). Своеобразная, очень

[1] В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб., 1884 стр. 237.

[2] А. С. Кесь. Русло Узбой. М.—Л., 1939, стр. 45—46.

[3] В. Н. Кунин. Каракумские записки. М., 1950, стр. 143.

архаического облика, в значительной степени сделанная на круге, эта туркменская керамика во многом сохраняет традиции поздней античности (форма кувшинов; см. рис. 12) и раннего — «саманидского» — средневековья (поливные чаши). Эта же керамика была найдена нами на развалинах каменной крепости Дюйнек в районе высшей точки Больших Балханов, в месте подъема на Балханское плато единственной тропы с севера. Судя по данным того же Абульгази, эта крепость, как, вероятно, и другие крепости Больших Балханов, принадлежала или тиверджи, или эрсари. Нигде в местах распространения этой керамики нами не было сделано никаких находок ирригационных сооружений, базирующихся на русле Узбоя. Это, как мы не раз отмечали, отнюдь не исключает возможности кратковременных прорывов сарыкамышских вод по Узбою, что могло содействовать возрождению легенды о недавнем течении реки. Рассказ Абульгази верен, но он относится не к Узбою, а лишь к зоне Дарьялыка и Сарыкамыша.

Таким образом, Узбой был мертвым руслом на протяжении почти трех тысячелетий; только различные кочевые племена — предки нынешних туркмен, а затем сами туркмены, базируясь на немногочисленных пресных озерах и колодцах, да в средние века караваны купцов и военные отряды частично использовали это мертвое русло, возникшее в доирригационный период как сброс излишка аму-дарьинских вод.

Мечта народа о воскрешении исчезнувшей доисторической реки, в русле которой как будто вчера только прекратила свое течение пресная аму-дарьинская вода, сменившаяся стоящими еще и сейчас на протяжении значительной части русла солеными озерами, тянущимися на десятки километров и внешне как две капли воды похожими на настоящую реку,— эта мечта сопровождает историю Узбоя на протяжении по крайней мере двух с половиной тысячелетий. Эта мечта живет в рассказе Геродота о жителях запустевшего Узбоя, умолявших персидского царя открыть дорогу водам, якобы преграждённым шлюзами в проходах через горы; в рассказах Страбона и Плиния, отразивших мечту жителей Прикаспия о создании водного пути в Индию по Узбою и Аму-Дарье, почти на два тысячелетия опередившую смелую идею Петра I, стоившую головы Бековичу-Черкасскому; в рассказах, многократно вновь и вновь всплывавших на страницах средневековых литературных источников, упорно говорящих о недавнем течении воды по Узбою. Осуществление этой мечты было незаслуженно приписано величайшему разрушителю раннесредневековой цивилизации — Чингис-хану. Известие о связанном с разрушением монгольскими полчищами ирригационных сооружений Хорезма прорыве части вод Аму-Дарьи в Сарыкамыш было истолковано некоторыми восточными мудрецами, вроде иранца Хамдаллаха Казвини и придворного историографа тимурида Шахруха, герата Хафизи Абру, как поворот реки в «Каспийское море».

Эта легенда вошла и в научную традицию, отразившись в гипотезе В. В. Бартольда.

Внимательно читая труды этого выдающегося русского ученого, видишь, насколько он оказывается во власти предвзятой концепции, связанной с общей переоценкой им исторической роли Чингис-хана. В. В. Бартольду прекрасно известно, что представление о течении воды по Узбою жило рядом с показаниями об отсутствии такого течения и на протяжении всей античности, и в раннем, домонгольском средневековье. Но здесь он строго держится на почве фактов. Он видит, что версия о живом Узбое восходит к древней традиции, что она противоречит показаниям наиболее осведомленных исследователей — таких, как Му-

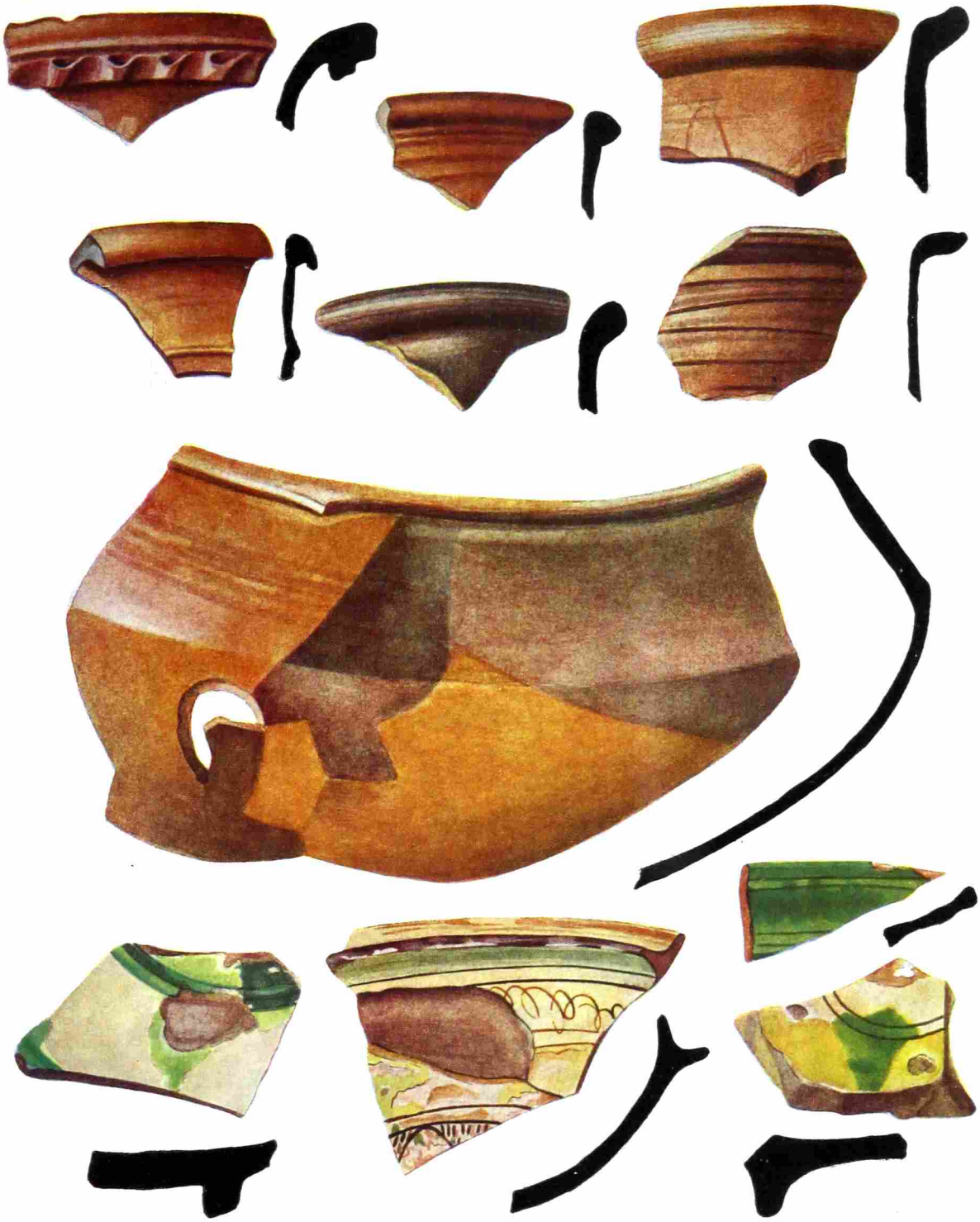


Рис. 11. Актамская керамика (неполивная с лощением, поливная с гравировкой)

каддаси, Якут и, особенно, великий Бируни. Но при анализе событий XIII — XVI вв. он забывает, что и здесь картина та же, что и здесь борются между собой две противоположные традиции, и здесь наиболее осведомленные авторы,— в первую очередь О м а р и, — категорически отвергают легенду о существовании в их время каспийского устья Аму-

Рис. 12. Актамский сосуд.

Дарьи. Ни Чингис-хан, ни любой другой завоеватель древности и средневековья не могли повернуть воду Аму-Дарьи в Узбой. И никакие хивинские правители не были бы, конечно, в состоянии повернуть эти воды обратно в Аральское море.

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКА IV—III ВВ. ДО Н. Э.— КОЙ-КРЫЛГАН-КАЛА

Земли древнего орошения Турткульского и Шаббазского районов Кара-Калпакской АССР, в силу исключительного обилия, разнообразия и богатства памятников, являются с первых лет работ нашей экспедиции их центром. В 1950 г. был закончен первый цикл послевоенных раскопок дворца хорезмшахов III в. н. э. в мертвом городе Топрак-кала. Мы предполагаем вернуться к раскопкам этого первоклассного памятника после завершения обработки добытых здесь материалов и подготовки их к публикации.

Центральным объектом раскопок на ближайшие два-три года мы избрали античное городище, относящееся к раннекангюйской эпохе,— к IV—III вв. до н. э.,—Кой-Крылган-кала [1].

Работы на Кой-Крылган-кала, впервые открытой в 1938 г., были возобновлены в 1950 г. и продолжены в 1951 г.

---

[1] См. С. П. Т о л с т о в. Ук. соч., стр. 99—100.

В 1950 г., во время раскопок на Топрак-кала, нами был высажен в Кой-Крылган-кала археологический авиадесант, который вел здесь рекогносцировочные раскопки в течение двух дней. Раскопки были продолжены в 1951 г., когда сюда был переброшен почти в полном составе отряд, работавший до того на Узбое. Работы этих лет показали, что Кой-Крылган-кала представляет собой памятник гораздо более сложной структуры, чем можно было предполагать раньше. Пространство между центральной башней и внешней стеной оказалось заполненным несколькими рядами помещений, в одном из которых, раскопанном в 1950—1951 гг., были обнаружены большие

Рис. 13. Фрагмент хума с надписью.

пифосы-хумы с росписью на поверхности спиральным орнаментом красного цвета. На одном из хумов была открыта надпись знаками арамейского типа (рис. 13). Надпись читается довольно ясно ' ?(Y?) *SPBR*(D?)K, причем начертание «В», палеографически весьма архаическое, более архаично, чем шрифт документов из Нисы I в. до н. э.; это подтверждает датировку нашей надписи IV или III вв. до н. э., т. е. позволяет рассматривать ее как древнейшую пока известную надпись на территории Средней Азии. *Aspabarak* или *aspabadak* — несомненно личное имя с иранской именной основой *aspa* — конь и глагольной *bar* „ехать" или *bad* „сидеть" и аффиксом *k*, т. е. „едущий на коне" или „сидящий на коне" — „наездник", „всадник"

Во внешней галлерее центральной башни (рис. 14), открывающейся наружу бойницами, еще в 1950 г. были также открыты хумы, запечатанные глиняными пломбами с разнообразными печатями, из которых самой интересной является печать с изображением античного корабля[1]. Весьма интересен установленный раскопками факт наличия нижнего этажа помещений центральной башни, над которым расположен сильно разрушенный верхний этаж. В нижний этаж ведет узкое окно, расположенное на

[1] См. СА, XVIII, 1953, стр. 322.

внешней стороне башни ниже бойниц. Этот целиком сохранившийся этаж здания, оставшийся пока не раскопанным, сулит ценные открытия по истории раннеантичного Хорезма, относящегося к периоду, на 400—500 лет более древнему, чем Топрак-кала[1]. Однако уже и сейчас эти находки исключительно интересны. Среди них должны быть упомянуты многочисленные фрагменты оссуариев и один, найденный в 1950 г., целый оссуарий, представляющий собой квадратный ящик из обожженной глины, увенчанный женской фигурой в половину натуральной величины. Мно-

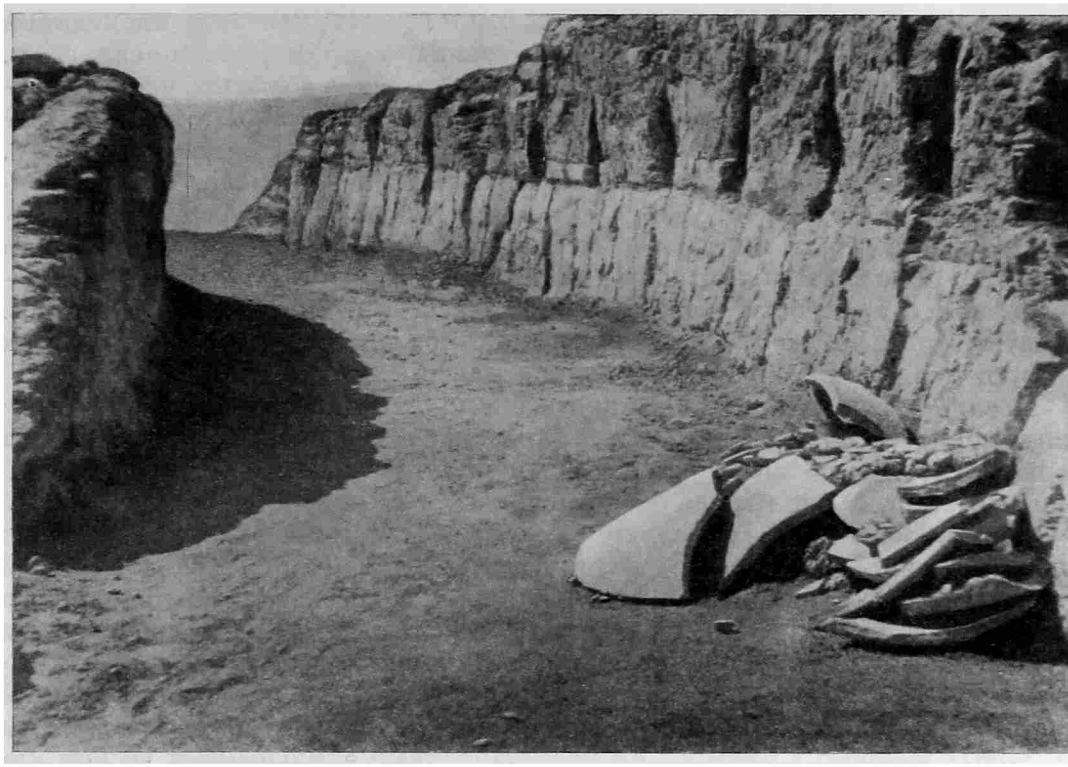


Рис. 14. Обходный коридор на центральной площадке Кой-Крылган-кала

гочисленные фрагменты аналогичных оссуариев были найдены в Кой-Крылган-кала в 1951 г. Фрагменты оссуариев этого типа найдены на городище Мангыр и, повидимому, в Джанбас-кала[2].

На такырах близ Кой-Крылган-кала и Ангка-кала собран разнообразный подъемный материал, разносторонне освещающий, в частности, раннеантичное искусство Хорезма; упомянем сосуды со сливом, украшенным скульптурной головой быка, статуэтку музыканта с домброй в руке, статуэтку, расположенную на фоне колонны с капителью, напоминающей ионическую, и многие другие. Многие из этих находок обнаружены на хорошо сохранившихся раннеантичных усадьбах, разбросанных к востоку от Кой-Крылган-кала.

Наряду с этими памятниками, датируемыми IV—III вв. до н. э., этот район изобилует остатками культуры более раннего периода, в частности, здесь нами собран большой новый материал по культуре амирабадской[3].

[1] Раскопки нижнего этажа Кой-Крылган-кала успешно развернулись в 1952 г. Предварительное сообщение см. ВДИ, 1953, № 1.

[2] См. С. П. Толстов. Ук. соч., табл. 76, рис. 8.

[3] Там же, стр. 68—70.

Раскопки этого раннеантичного памятника, богатого находками предметов искусства, погребального зороастрийского культа и, повидимому, памятниками древнейшей хорезмийской письменности, предполагается продолжить в ближайшие годы.

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ РУБЕЖА И ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ В УРОЧИЩЕ ДЖЕТЫ-АСАР

Раскопки комплекса памятников античной эпохи Джеты-асара, начатые в 1948—1949 гг.[1], были возобновлены в 1951 г.: 2 отряда экспедиции работали над исследованием городищ Алтын-асар и Джеты-асар № 9.

Работы 1951 г. в Алтын-асаре были в основном сосредоточены в юго-западной части большого общинного дома, где было вскрыто в общей сложности 1400 кв. метров. Раскопаны 19 помещений на различную глубину, причем установлено наличие примерно шестнадцати слоев, общей мощностью свыше 10 метров.

Как мы отмечали в нашем отчете о раскопках 1949 г.[2], специфический характер ремонта и перестройки помещений городища привел к исключительной сохранности комнат всех слоев этого замечательного здания. Остатки комнат засыпались рыхлым строительным мусором, поверх которого на высоте 0,5 метра и больше настилались новые полы.

Десять слоев, в общей сложности около 7 метров, относятся к «горизонту зернотерок». Деление культурных слоев Джеты-асара на «горизонт зернотерок» и «горизонт жерновов» было нами установлено в 1948 г.[3] Нижние три слоя,— пока мало исследованные, так как они открыты только в одном помещении,— характеризуются наличием расписной керамики; слои, расположенные выше, датируются временем около начала нашей эры, охватывая также первые ее века. Верхние шесть слоев, относящиеся к «горизонту жерновов», характеризуются появлением нового типа планировки — место пристенных каминов занимает центральный открытый очаг, со всех сторон окруженный суфой в виде каре, лишь в одном месте прорезанный входом в комнату (рис. 15, *1*). Чрезвычайно интересны открытые впервые в 1949 г., но представленные обильными и весьма яркими находками, глиняные конструкции основы для жерновов (рис. 15, *2*, *3*). В верхних слоях этого горизонта, при сохранении того же типа планировки, появляются своеобразные «длинные очаги».

Особенно интересный материал дали раскопки в Джеты-асаре № 9, где ярко выступает спиральная планировка[4]. При раскопках был вскрыт ряд комнат, соответствующих «горизонту жерновов» Алтын-асара, с суфой в виде каре и центральным очагом, в которых найдены остатки плоских перекрытий из глины и жердей. Кроме этих комнат, во внешней стороне спирали были обнаружены сводчатые комнаты, перекрытые узкими коробовыми сводами. Находки, как и на Алтын-асаре, были исключительно обильны (рис. 16). Как наиболее интересные должны быть отмечены:

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 125—140; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1949 г. ИАН, серия истории и философии, 1950, № 6, стр. 521—529.

[2] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1949 г. ИАН, серия истории и философии, 1950, № 6.

[3] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1948 г. ИАН, серия истории и философии, 1949, № 3, стр. 247.

[4] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1949 г. ИАН, серия истории и философии, 1950, № 6.

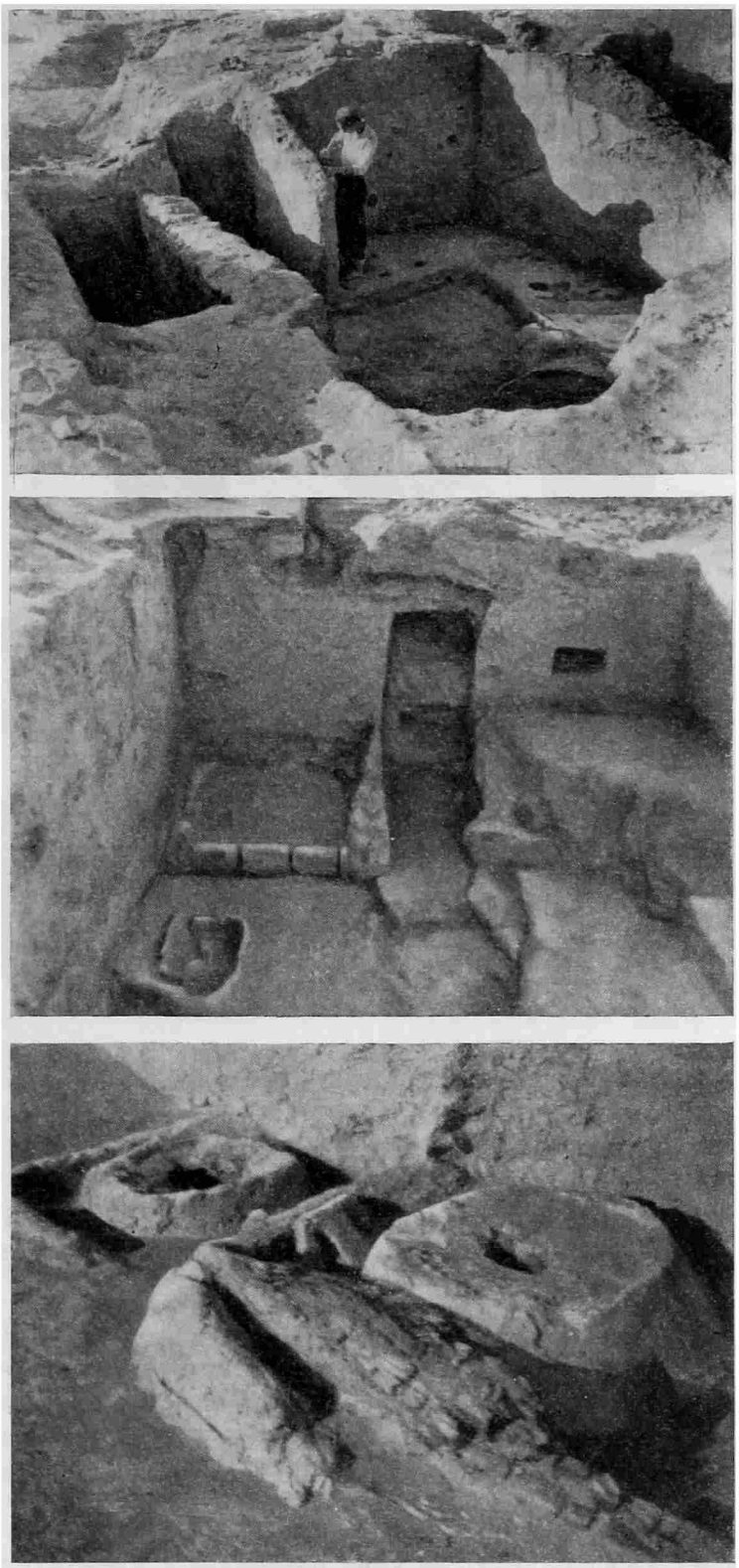


Рис. 15. Раскопки на Алтын-асаре

1 — одна из комнат Большого дома, слева — зерновая яма после расчистки; *2* —одна из комнат Большого дома с хозяйственными приспособлениями; *3* — приспособления для мукомольных жерновов

прекрасный черный орнаментированный сосуд с плоским боком, напоминающий сосуды из гуннского могильника начала нашей эры в Кенколе [1], а также в кушанских слоях Каунчи-тепе [2], Аяз-кала (дом № 1) [3] и в Бегра-ме (в Афганистане) [4]; плоская бронзовая подвеска с изображением слона; железный кинжал, медная монета хорошей сохранности, типа, известного среди случайных находок в Средней Азии, но неопределенного происхож-

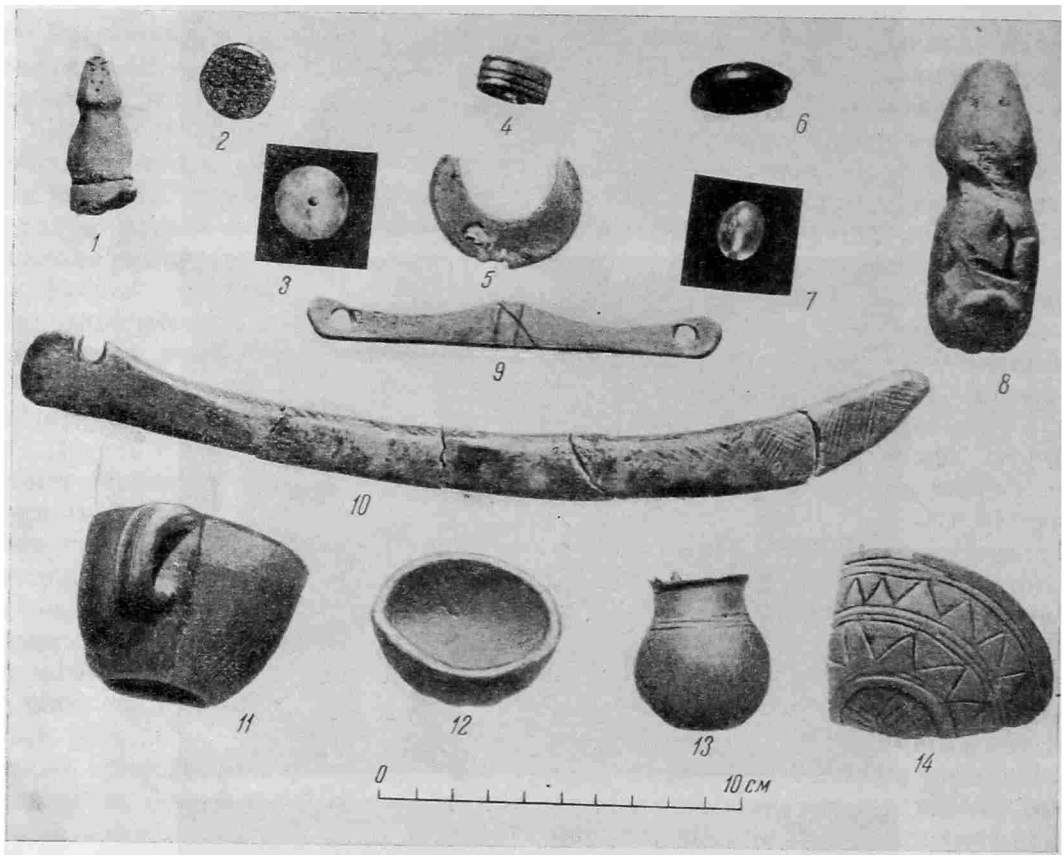


Рис. 16. Находки на Алтын-асаре и Джеты-асаре № 9

1 — идольчик из необожженной глины с Алтын-асара; *2*, *3* — бусы с Джеты-асара № 9; *4* — кольцо с Алтын-асара; *5* — луница с Джеты-асара № 9; *6*, *7* — бусы с Алтын-асара; *8* — глиняный идол с Алтын-асара; *9* — костяной псалий с Алтын-асара; *10* — костяная обкладка лука с Алтын-асара; *11*, *14* — миниатюрные сосудики с Джеты-асара № 9; *12*, *13* — миниатюрные сосудики с Алтын-асара

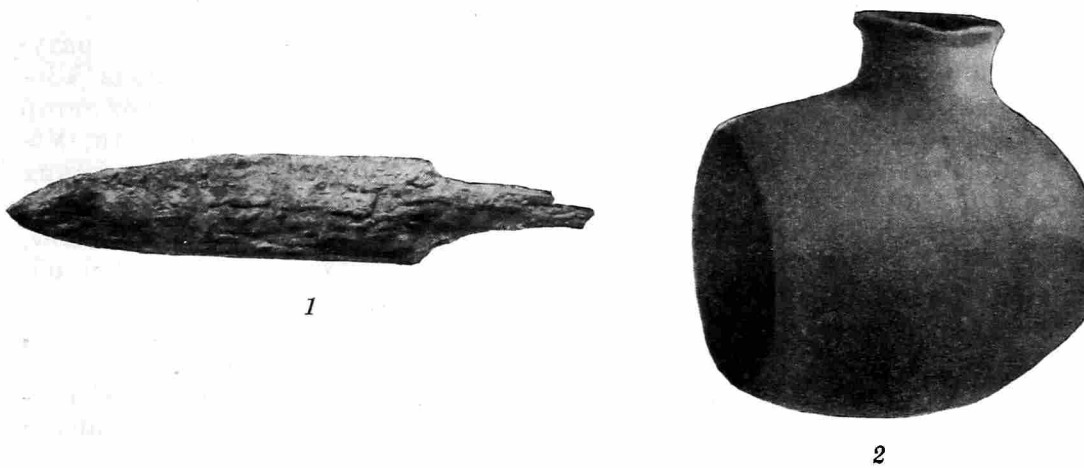
дения, датируемая, вероятнее всего, III—IV вв. Это одна из групп так называемых «туранских монет», которую Друэн, а затем Аллот де ля Фюи считали хорезмийскими. После того, как нами было доказано полное отсутствие этих монет среди сотен домусульманских монет Хорезма [5], эти монеты подвергались исследованию М. М. Явич [6] и были отнесены этим

[1] МИА, № 14, табл. XIV, рис. 100.
[2] Г. В. Григорьев. Краткий отчет Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, стр. 23, рис. 20.
[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 109, рис. 49.
[4] R. Ghirshman. Bégram. Caire, 1946, табл. XV, рис. 3.
[5] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 175—176.
[6] М. М. Явич. Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите. ТОВЭ, IV. Л. 1947, стр. 205—222.

автором к раннебухарской чеканке, предшествовавшей появлению так называемых монет Бухар-Худатов.

Раскопки курганов, расположенных вблизи Алтын-асара, проводившиеся под руководством Ю. А. Рапопорта, позволяют сейчас классифицировать эти сооружения на 4 типа: 1) курган с прямоугольной камерой из сырцового кирпича; 2) курган с круглой камерой из сырцового кирпича; 3) ямное погребение с пахсовой пробкой; 4) ямное погребение с покрытием из камыша.

В кургане последнего типа, раскопанном в 1951 г. и датируемом II— IV в.в. н. э., были найдены фрагменты лука с костяной обкладкой в кожаном налучье и железный нож. В другом погребении был обнаружен обоюдоострый клинок меча (рис. 17, *1*), длиной 39 сантиметров, и сосуд с плоским боком (рис. 17, *2*) отмеченного выше типа, сделанный на гончарном круге.



1 *2*

Рис. 17. Находки из кургана в районе Джеты-асара
1 — меч железный, длина 39 см; *2* — вьючная фляга, выс. 28 см

Итоги работ 1948—1951 гг. позволяют уточнить позднюю хронологическую грань наших памятников. Судя по находкам отдельных фрагментов раннеафригидской керамики в слое с «длинными очагами» Алтын-асара, этот слой может быть датирован V—VI вв. н. э. Самые нижние пока исследованные слои—«горизонта зернотерок» уходят в первые века до нашей эры. Исследованный материал Джеты-асара № 9 позволяет датировать этот памятник III—IV вв. н. э.

Культура на протяжении всей тысячелетней ее истории отличается большой устойчивостью. Видимо, тохарские племена, заложившие основу джеты-асарской культуры, как и племена аугасиев нижней Сыр-Дарьи[1], подвергались в III—IV вв. влиянию гуннской культуры (и языка) и явились одним из составных элементов белых гуннов (эфталитов).

В пользу этого говорит пока очень немногочисленный краниологический материал по курганам Алтын-асара, исследованный Т. А. Трофимовой. В то время как два мужских черепа принадлежат к европеоидному мезокранному и длинно- и узколицему типу, связанному с восточно-средиземноморским,— женский череп, видимо, относящийся к первым векам на-

[1] С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 57 и след.; его же. Огузы, печенеги, море Даукара. СЭ, 1950, № 4, стр. 50 (карта против указанной страницы).

шей эры, несет на себе отпечаток метисации вышеописанного типа с типом монголоидным, долихокранным, североазиатского облика, характерного для гуннов. Аналогичный метисированный тип выступает, как известно, в Кенкольском могильнике[1].

* * *

Археологические работы, развертывающиеся параллельно исследованиям разнообразных естествоведческих экспедиций, работающих сейчас в зоне Приаралья и древних русел Окса и Яксарта, позволят обогатить наши знания по истории этого района, проблемы которого приковывали к себе внимание ряда поколений исследователей.

Нерешенность этих проблем не только тормозила развитие наших знаний об этом районе, но и открывала широкий простор для безответственных спекуляций, столь характерных для буржуазной науки, особенно последнего времени.

Любопытно, что в последнем двутомном произведении известного натурализованного в Америке немецкого археолога Эрнеста Герцфельда «Зороастр и его мир», вышедшем в Принстоне в 1947 г.[2], в котором этот автор превосходит свойственную ему и раньше степень безответственности, Узбою отводится немалое место. Полностью игнорируя работы советских историков и археологов, без всякой попытки доказательств, автор утверждает, что на Узбое находилась Арьянем Вэджо — «прародина арийцев», якобы отсюда, по мере усыхания Узбоя, расходившихся по всей обширной территории расселения иранских племен.

Уже сейчас в свете наших материалов становится ясно, что эта, с позволения сказать, концепция не имеет ни тени основания.

Работы ближайших лет, вне всякого сомнения, не оставят никакой возможности для возникновения этой и подобных ей «теорий», лопающихся в буржуазной литературе, как мыльные пузыри.

---

[1] В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров. Антропологический материал из Кенкольского могильника. Сборник МАЭ, X, 1949, стр. 264.

[2] E. Herzfeld. Zoroaster and his world. Princeton, 1947, II, стр. 688—703, особенно стр. 692 и след.

М. И. АРТАМОНОВ

НАДПИСИ НА БАКЛАЖКАХ НОВОЧЕРКАССКОГО МУЗЕЯ И НА КАМНЯХ МАЯЦКОГО ГОРОДИЩА

В Новочеркасском музее давно уже хранится баклажка с руни-ческой надписью по верхнему краю ее лицевой стороны (рис. 1, *а* и *б*; рис. 2). Хотя надпись эта состоит не менее чем из 16 знаков, все попытки дешифровки ее оканчивались неудачей. Во время Великой Отечественной войны,

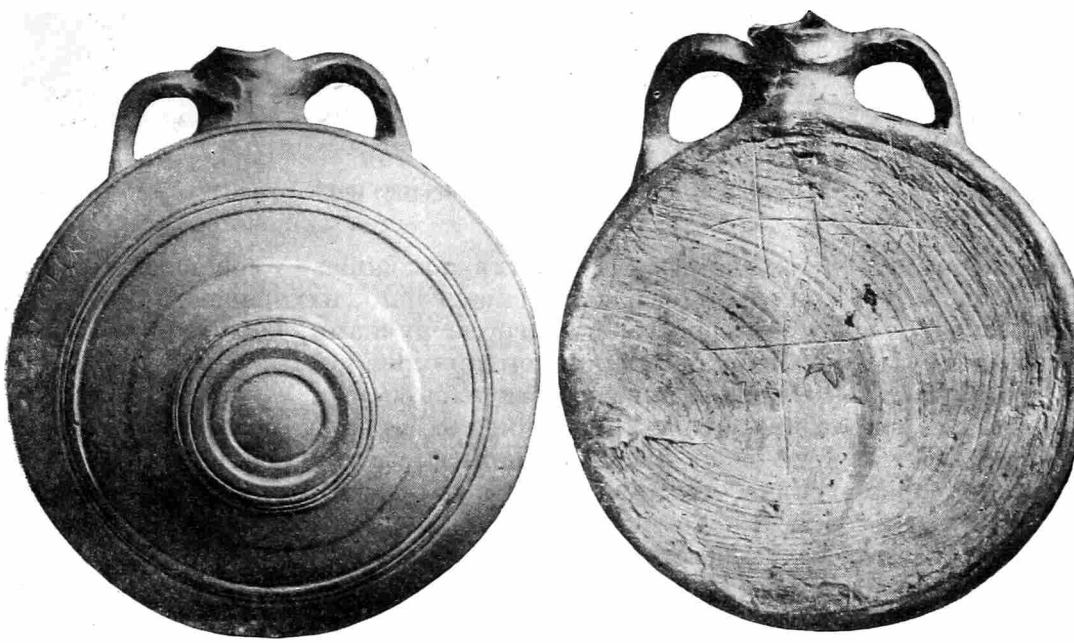


Рис. 1. Баклажка Новочеркасского музея

а — лицевая сторона; *б* — оборотная сторона

в мае 1942 г., в Новочеркасский музей поступила вторая такая же баклажка с надписью (рис. 3 и 4). Она была доставлена в музей политруком П. А. Ниловым с указанием, что находка сделана близ станицы Кривянской на глубине 1,5 метра. К сожалению, никаких других данных относительно условий этой находки неизвестно. По всей видимости, баклажка была обнаружена при рытье оборонительных рубежей.

Баклажки, на которых находятся интересующие нас надписи,— обычные сосуды для воды или кумыса, широко распространенные у

средневековых кочевников Причерноморья и Венгрии и в несколько измененном виде продолжающие бытовать до настоящего времени на Украине. В Новочеркасском музее имеется еще несколько подобных сосудов, но без надписей; есть они и в собраниях других музеев. К сожалению, сосуды этого рода почти не издавались.

Пожалуй, наиболее ранний экземпляр таких сосудов происходит из раннесредневекового слоя Мирмекия на Керченском полуострове. Он имеет вид каравая хлеба или, точнее, шарового сегмента. Баклажки Новочеркасского музея имеют форму низкого цилиндра, высотою не более 8 сантиметров при диаметре 30—35 сантиметров. Наружная, лицевая

Рис. 2. Надпись на баклажке Новочеркасского музея

поверхность их слегка выпуклая, противоположная — совершенно плоская. Они имеют довольно высокое узкое горло, находящееся на боку тела сосуда, и снабжены по сторонам горла ручками, которые, образуя довольно крутой перегиб, одним концом прикреплены к горлу ниже его края, а другим — к боковой поверхности тела сосуда. У первой из баклажек край горла отбит, зато у другой он сохранился удовлетворительно и заканчивается несколько расширяющимся кверху венчиком. У этой баклажки хорошо видно, что ручки прикреплены к горлу немного выше середины его высоты. Расходясь от горла, ручки затем плавным перегибом опускаются на узкие стороны тела сосуда. У другой баклажки перегиб у ручек несколько поднимается над уровнем прикрепления их к горлу. Обе баклажки сделаны на гончарном круге из хорошей глины и докрасна обожжены. Лицевая сторона первой баклажки украшена циркульными линиями, прочерченными еще по сырой глине (рис. 1, *а*). На второй баклажке того же рода окружности нанесены буро-красной краской (рис. 3). Здесь круги усложнены узором из дуг, расположенных по третьей от края окружности и обращенных вершинами к центру.

Надписи на обеих баклажках прочерчены каким-то острием по обожженной поверхности и расположены одинаково по краю лицевой стороны — под горлом с ручками. Судя по расположению, едва ли могут быть сомнения в том, что читать их следует справа налево, рассматривая со стороны горла, т. е. относительно к нормальному положению сосуда горлом книзу, — низом вверх. Такие баклажки привешивались всадниками к седлу, и надпись удобно было рассматривать именно в этом положении или держа сосуд за ручку.

Основываясь на сопоставлениях некоторых деталей, формы и техники изготовления баклажек Новочеркасского музея с другими датированными сосудами, я считал бы возможным отнести их к IX—X вв., т. е. ко времени, когда еще продолжалось начавшееся в VII в. хазарское господство в степях юго-востока Европейской части СССР. Очевидно, тем же временем надо датировать и надписи на баклажках. Подтверждением указанной датировки может служить близко сходная баклажка, найденная в Подгоровском могильнике в погребении с инвентарем салтовского типа [1]. Еще более сходная с новочеркасскими баклажка была найдена в могильнике Horgos и опубликована Хампелем [2]. Она также украшена концентрическими кругами с полосами волнисто-линейного орнамента между ними. Могильник Horgos содержит погребения разного времени: наряду с захоронениями аварского периода здесь имеются и более поздние, относящиеся к X—XI вв. Интересующая нас баклажка, к сожалению, не связывается с определенным погребением и поэтому не может быть датирована по сопровождающим ее находкам.

Рис. 3. Баклажка из станицы Кривянской

Баклажки Новочеркасского музея в особенности интересны тем, что некоторые знаки в надписях на них сходны со знаками надписей, обнаруженных на стенах известного Маяцкого городища, находящегося при впадении в Дон реки Тихая Сосна. При раскопках стен этого городища, облицованных тесаными блоками мелового камня, Н. Е. Макаренко в 1909 г. с внутренней стороны юго-восточной стены, недалеко от въезда в крепость, в пятом снизу ряду кладки, т. е. примерно на высоте человеческого роста, открыл надписи, «вырезанные вглубь в один ряд, в горизонтальном направлении на двух камнях», но так, что между камнями с надписями находился еще один камень совершенно чистый [3]. Эти надписи были опубликованы Н. Е. Макаренко [4].

Местоположение этих надписей свидетельствует, что они были вырезаны на готовой кладке стены и, очевидно, не относятся к строительным надписям, а являются памятниками людей, пребывавших в какой-то период времени внутри крепости, может быть, даже много позже ее

---

[1] Раскопки С. Н. Замятнина. Материал не опубликован.

[2] J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, т. III, Атлас, табл. 99; т. II, стр. 120.

[3] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 21—22.

[4] Там же, рис. 19—22.

сооружения. Датировка крепости как таковой, следовательно, может дать только terminus post quem.

Надписи того же рода были находимы при раскопках Маяцкого городища, и не in situ, а на камнях развалившихся стен. Один такой камень с надписью был найден Н. Е. Макаренко, а другой много раньше обнаружен Д. М. Струковым. Обе надписи на этих камнях изданы Н. Е. Макаренко [1].

Кроме того, на одном камне Маяцкого городища заметны следы, кажется, даже трехстрочной надписи, находящейся между изображениями двух лошадей, вырезанными, по наблюдению Н. Е. Макаренко, позже надписей [2], что, как мы увидим ниже, очень важно для датировки надписей.

В пяти опубликованных Н. Е. Макаренко надписях Маяцкого городища насчитывается не менее 16 различных букв, 12 из которых полностью соответствуют буквам на новочеркасских баклажках, что является вполне убедительным свидетельством принадлежности всех этих надписей к одному и тому же алфавиту и, возможно, к одному и тому же языку. Часть букв этого алфавита тождественна буквам тюркского орхоно-енисейского письма, но некоторые буквы не находят там аналогий; только немногие из последних имеют соответствия в так называемых «печенежских» рунах Сент-Миклошского клада.

Кроме надписей, на камнях Маяцкого городища встречаются отдельные знаки, в том числе и типа тамг, и рисунки, по большей части изображения лошадей. Не только рисунки, но и знаки, как и надписи, вырезаны на лицевой стороне камней в кладке стен. Только в одном случае, в кладке фундамента здания, находившегося внутри крепости, замечен камень со знаками, прочерченными на верхней его плоскости, т. е., по всей видимости, еще в процессе строительства [3]. Однако знаки на этом камне не имеют соответствий в буквах надписей и поэтому не доказывают одновременности построек крепости с надписями на ее стенах.

В этом отношении большой интерес представляют указанные выше изображения, в особенности изображения лошадей. Некоторые из них вырезаны с высоким мастерством, и все они во всяком случае носят черты определенного стиля. В одной из своих прежних работ я уже сопоставлял изображения на камнях Маяцкого городища с изображениями на кирпичах хазарской крепости Саркел [4]. В настоящее время к этому можно добавить некоторые новые находки с изображениями того же типа. Сюда относится, например, замечательный рисунок, выгравированный на костяной трубочке, найденной в хазарском слое Левобережного цимлянского городища (Саркела).

Все это дает основания полагать, что изображения на стенах Маяцкого городища, так же как и изображения на кирпичах Саркела, относятся к хазарскому периоду, т. е. ко времени VIII—X вв. Маяцкое городище — памятник именно этого периода, и тот факт, что в указанном выше случае изображение лошадей на одном из камней этого городища было вырезано поверх надписи, свидетельствует, что и интересующие нас надписи относятся к той же поре, а не к более позднему, печенежскому времени.

Нахождение надписей и букв одного с ними алфавита в границах Хазарского государства (Саркел) дает достаточные основания к тому, чтобы

[1] Н. Е. Макаренко. Ук. соч., рис. 23 и 27.
[2] Там же, рис. 28.
[3] Там же, стр. 16, рис. 12.
[4] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935.

Рис. 4. Надпись на баклажке из станицы Кривянской

видеть в надписях на камнях Маяцкого городища и на новочеркасских баклажках памятники не только хазарского периода, но и хазарского или болгарского языка.

О хазарском языке известно, что он сходен с болгарским [1], наличие в котором тюркских элементов общеизвестно. Попытка Немета выдать [2] болгарские надписи на сосудах Сент-Миклошского клада за печенежские лишний раз свидетельствует о тюркском типе болгарского, а следовательно и хазарского языка. Опыт чтения надписей на камнях Маяцкого городища и на баклажках Новочеркасского музея А. М. Щербаком, как тюркоязычных, в свете вышеизложенных заключений заслуживает серьезного внимания.

С другой стороны, достигнутые им успехи представляют огромный интерес, в частности по спорному вопросу относительно этнической принадлежности салтово-маяцкой культуры, которую большинство исследователей считало аланской. В настоящее время к доводам против этого мнения прибавляются решающие данные о языке носителей этой культуры. Писали, а следовательно, и говорили они не на иранском, а на тюркском языке, хотя корни салтово-маяцкой культуры действительно уходят в сармато-аланскую среду.

Тот факт, что в хазарском, как и в болгарских языках, имеются финно-угорские элементы (например, в слове Саркел), ничего не меняет в изложенном заключении, так как известно, сколь велика была роль угорских племен в истории Восточной Европы, начиная с гуннского вторжения. В большей или меньшей степени отюреченные угорские племена входили в состав гуннов, авар, болгар и хазар, которые не только покоряли, но с течением времени и ассимилировали большую часть старого иранского (сармато-аланского) населения степей Восточной Европы. Тюркские завоеватели навязали побежденным свой язык, но сами при этом оказались подчиненными местной культурой, более высокой, чем культура завоевателей.

---

[1] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 85.

[2] J. Nemeth. Die Inschriftes des Schatzes von Nagi-Szent-Miklоš. Budapest, 1932; N. Mavrodinov. Le trésor protobulgar de Nagyszentmiklos. Archaeologia Hungarica, t. XXIX, Budapest, 1943, стр. 201.

А. М. ЩЕРБАК

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРИЕМАХ ЧТЕНИЯ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ, НАЙДЕННЫХ НА ДОНУ

На протяжении трех последних столетий научный мир неоднократно имел возможность знакомиться с образцами неизвестных письменных текстов, принадлежавших различным народам и таивших в себе сокровенные повествования об отдельных эпизодах их истории. Среди ценных приобретений указанного периода оказалось несколько вариантов рунической письменности древних тюрок. XVIII и XIX вв. принесли тюркологической науке наиболее щедрые дары: были найдены и затем, почти спустя 200 лет, дешифрованы орхонские и енисейские надписи.

Русскому ученому Н. М. Ядринцеву, датскому филологу В. Томсену, академику В. В. Радлову, проф. П. М. Мелиоранскому и ряду других ученых принадлежат неоспоримые заслуги в деле разыскания, чтения и перевода древнетюркских надписей.

Конец XIX в. ознаменовался находкой древнетюркских рунических надписей в Семиречье, на Таласе. Надписи, обнаруженные здесь в 1896 г. В. Каллауром, впоследствии были изданы и прочитаны В. В. Радловым[1], Ю. Неметом[2] и С. Е. Маловым[3]. Позднее (в 1898 г.) к последним прибавились надписи, найденные Г Гейкелем (изданы в 1918 г.)[4].

В 1930 г. в районе с. Дмитриевского (на Таласе) М. Е. Массоном обнаружена новая наскальная надпись. К этому же времени относится обнаружение в одной из гряд бывшего Александровского хребта в Киргизии палочки с руническими письменами, прочитанными и соответствующим образом комментированными С. Е. Маловым[5]. Надписи Таласа существенно отличаются от надписей Енисея и в еще большей мере расходятся с руническими написаниями орхонских текстов.

Следует отметить при этом, что и внутри орхоно-енисейской письменности имеется несколько разновидностей рунического алфавита, не говоря уже об отсутствии единообразия в начертании рун. Некоторой

[1] В. В. Радлов. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой Кенкольской волости Аулиеатинского уезда. ЗВО, т. XI, вып. I—IV, СПб., 1899, стр. 85—87.

[2] J. Nemeth. Die Köktürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas in Turkestan. Körösi Csoma — Archiv, t. II, Budapest, 1926.

[3] С. Е. Малов. Древнетюркские надгробия с надписями бассейна р. Талас. ИАН СССР, ОГН, Л., 1929, стр. 804—805.

[4] H. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Travaux éthnographiques, VII, Helsingfors, 1918, табл. XXIII и XXIV

[5] С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.— Л., 1936, стр. 17—38.

оригинальностью письма и алфавита выделяются тексты из Китайского Туркестана [1].

Специфические начертания имеет надпись Селенгинского камня.

В сравнении с буквами орхонской, енисейской и восточнотуркестанской письменности руны таласских надписей и, в частности, надписи на палочке, упомянутой выше, представляют совершенно оригинальный алфавит. По мнению С. Е. Малова, «с внешней стороны буквы палочки весьма похожи на печенежское письмо и венгерские резы» [2].

В 1949 г. в статье С. В. Киселева, посвященной письменности енисейских кыргызов [3], опубликована любопытная руническая надпись на пряслице, найденном В. П. Левашовой в Минусинске. Буквенные начертания на нем в значительной степени близки к начертаниям печенежской и венгерской руники, равно как и рунам таласской палочки.

С. В. Киселев высказывает мысль о занесении палочки на Талас кыргызом-воином [4]. Однако не только палочку, но и минусинское пряслице по своеобразию письменных знаков правильнее было бы отнести к случайным находкам, происходящим из совершенно иных областей распространения рунической письменности.

Нет надобности пока предлагать гипотезы относительно разграничения и отнесения к той или иной группе тюркских племен определенной разновидности рунического письма. Продолжающиеся находки древних текстов помогут в будущем установить истинную картину распределения письменности у тюрок и высказать мысли о ее происхождении.

Еще в конце XVIII в. стал известен богатый клад из Сент-Миклош в Венгрии, где наряду с венгерскими руническими текстами оказались надписи с особым, отличным от венгерского, руническим алфавитом, который, по убеждению Ю. Немета, должен был принадлежать печенегам.

Таким образом, на обширной территории расселения тюркских племен, от Енисея до Дуная, к первой половине XX в. оставалась лишенной находок рунических памятников только область Прикаспия, прикубанских и донских степей.

В настоящее время исчезает и этот разрыв. В районе Дона, от Новочеркасска до Воронежа, на разнообразных предметах прослеживается существование особых рунических написаний, ранее не встречавшихся ни на Орхоне, ни на Таласе, ни в других местах. Впервые найденные надписи, повидимому, в ближайшем будущем будут иметь огромное значение в объяснении труднейших проблем этногонии Европейской части СССР.

Данная статья посвящена надписям, начертанным на баклажках из Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища.

Благодаря содействию М. И. Артамонова, предоставившего отличные фотографии обоих сосудов и копий с надписей, сделанных на камнях, и неоднократно консультировавшего относительно некоторых подробностей этногенеза хазар и их взаимоотношений с другими племенами,— появилась возможность приступить к чтению незнакомых рун.

Эту работу начали одновременно несколько лиц. В итоге были предложены два-три опыта дешифровки, один из которых приводится ниже.

---

[1] V. Thomsen. M. A. Stein's manuscripts in turkish «runic» script from Miran and Tun Huang. JRAS, London, 1912, January, стр. 181—227.

[2] С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники, стр. 37.

[3] С. В. Киселев. Письменность енисейских кыргыз. КСИИМК, XXV, 1949, стр. 33—41.

[4] Там же, стр. 41.

* * *

Разбор неизвестных надписей, не имеющих подобных себе, должен исходить в своей первоначальной стадии из некоторых посылок, основанных на знании материальной истории текста.

Надписи, собранные М. И. Артамоновым, сделаны на нескольких предметах, в разных местах и разными людьми. Составляющие их письмена оказываются общими, и вряд ли можно сомневаться в том, что совокупность всех употребленных знаков образует рунический алфавит одного определенного племени или объединения племен.

Руководствуясь сказанным и принимая во внимание оригинальность письма, мы вправе заключить, что попытка истолковать надписи сведением к известным руническим алфавитам — древнетюркским (орхонскому, енисейскому, таласскому), скандинавскому, печенежскому или венгерскому — обречена на неудачу.

Итак, первое предположение, принимаемое при дешифровке донских надписей,— своеобразие алфавита и оригинальность языка. Второе предположение касается направления письма. Одна из надписей завершается знаком, который нельзя представить себе не чем иным, как тамгой (надпись VII,◎).

Как известно, тамга, обозначающая владельца или его принадлежность к известному роду, ставится в конце надписи. По своему положению на плите она находится слева. Это дает основание читать все надписи справа налево [1].

О характере языка до отыскания буквенных значений рун и перевоплощения их в значимые формы говорить почти невозможно. Тем не менее место находки, исторические данные, характер материала и т. д. позволяют высказать некоторые соображения и в этом случае. По мнению М. И. Артамонова, сосуды с двумя из рассматриваемых надписей относятся к IX—X вв. и по форме и материалу напоминают керамику хазарских племен.

Учитывая распространение в южных степях Придонья и Кубани главным образом тюркских племен, можно сделать третий вывод: тексты, найденные около Дона, написаны на одном из тюркских языков.

Разумеется, каждая из надписей в той или иной мере должна быть связана с употреблением предметов, на которых она находится, или должна состоять из ряда имен, указывающих на владельцев последних.

В дополнение к сказанному следует допустить наличие в данной письменности общетюркских закономерностей обозначения гласных.

Предположение о принадлежности языка надписей к тюркским позволяет исходить в разборе их из рунических начертаний, известных тюркским народам.

Знаки > D ᛇ 8 имеются в печенежских надписях (из Nagy-Szent-Miklós'a), разобранных Ю. Неметом. Знак ᚷ в конечном итоге может быть также сведен к печенежским или орхонским рунам. ᛁ ᛉ ᚷ ᛘ полностью или частично воспроизводят написания соответствующих рун орхоно-енисейского алфавита.

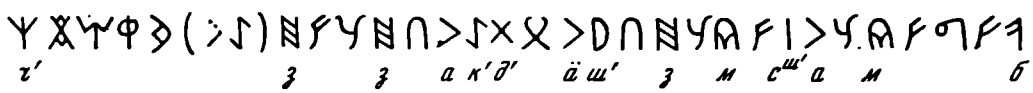
Некоторые знаки отсутствуют во всех известных вариантах рунического письма у тюрок и встречаются в рунике венгерских кладов и погребений. К таковым относится ᛝ

---

[1] См. также выше (стр. 264) указание М. И. Артамонова относительно расположения надписей, свидетельствующее о необходимости чтения их справа налево.

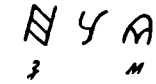
Чтение перечисленных рун образует основание для объяснения всех надписей и прежде всего надписей, расположенных на сосудах.

Надпись I



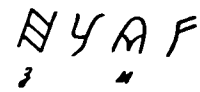
Для расчленения надписи на отдельные комплексы следовало бы обратить внимание на положение гласных. Однако известным гласным звуком является только $>a\,(ä)$, и поэтому разумнее предпринять другие шаги.

Единственное, что может обратить на себя внимание после глубокого рассмотрения буквенных значений рун,— комплекс



состоящий из согласных заднего или твердого ряда. Почти непосредственно за последней руной выделенного сочетания следуют руны, несовместимые с приведенными по содержанию своих буквенных эквивалентов (согласные переднего ряда).

Предположим, что при таких обстоятельствах знак ᚾ выступает на грани двух отдельных комплексов, завершая один из них. Сравнивая интересующую нас часть надписи с подобной ей из предшествующих и принимая во внимание значение ᛁ (согласный переднего ряда), попытаемся определить начало слова. Получающийся отрезок есть



Положившись на назначение сосуда и возможность существования какой-то взаимосвязи между ним и содержанием написанного, мы можем, не колеблясь, придать первой из неизвестных рун значение *k* — заднего ряда. Тем самым сочетание *км* — *з* совпадет с согласной основой слова «kïмïз» — кумыс. Стало быть, знак, располагающийся между рунами ᛘ и ᚾ, должен быть гласным ï.

Обозначение *ï* (или *i*) в конечном слоге находится в строгом соответствии с общетюркскими закономерностями распределения буквенных знаков для гласных.

Надпись сделана на сосуде, а поэтому слово «kïмïз» должно представлять собою конструктивное звено в содержании всей надписи. Заменив ᛉ и ᚠ во всех других частях буквенными обозначениями, можно выделить другие комплексы и облечь в нужную форму знак ᛉ ч (*iч*). Сочетание *а* — *зïk* (*а*) оказывается формой дательного падежа от слова «ауз» — рот, отверстие («аузïка»). Знак ᚢ, очевидно, передает гласный звук, который в положении после другого гласного в тюркских языках приобретает оттенок шумного *в* (наличие единого знака для *у* ‖ *ӱ* и *в* ‖ *в'* в древних языках несомненно).

Подстановка буквенного значения для ᚢ в одном из последующих комплексов вполне оправдывает избранный путь чтения текста: «ӱшӓ»—

указательно-уточнительное местоимение, обычное для современных восточных и южных языков.

В итоге вся строка, несмотря на наличие значительных лакун, читается без особых затруднений:

«.....kïmïz ўшä ...д' к' авїзїka з.....іч'»
.....кумыс вот в это.....отверстие..... пей.

Знак ᚷ, остающийся необъясненным в первой строке, повидимому, есть б' Тогда сочетание, предваряющее форму «авїзїka», составляет слово «бäдўк» — большой; «бäдўк авїз» — большое отверстие[1].

Что касается одной из последних лакун, то здесь весьма вероятно присутствие слова, обозначающего процесс наполнения сосуда кумысом или другими напитками. В тюркских языках самым распространенным и обычным для данного акта является глагол «тулдїр(а)»[2].

В самом деле, в части согласных звуков это слово в наибольшей мере подходит к указанному отрезку рунического текста. Дóлжно предположить, что ᚦ = *т*, ᚠ = *л*, ᛉ = д[3] и ᚷ = *р*.

Руны, предшествующие комплексу ᚷᛉᚠᚦ, а именно ᚲ ᛇ ? ᚺ, за исключением ᚺ, читаются в нескольких вариациях и вместе, очевидно, составляют наречную форму к «тулдїра». В начальном отрезке надписи ᛁ ᚱᛘᚨᚴᚾᚴᚨ все знаки,кроме третьего ᚾ, известны[4]. Выделив сочетание ᛋᛘᚨ, которое нам кажется ошибочным, неполным написанием слова «kïmïz», получим два других — ᛁ ᚱ и ᚾᚴᚨ. Оба — не что иное, как эпитеты к слову «kïmïz» или названия определенного рода животных, из молока которых приготовляется кумыс.

В описаниях кумысного празднества — «ысыаха» у якутов богатыри «олонхо» пьют обычно кумыс яловых кобылиц[5], крепкий и свежий кумыс[6]. Учитывая это, второе неизвестное можно было бы считать словом «äс» («äш'»). В языке надписей оно употреблялось приблизительно так же, как якутское «кытарах биэ» — яловая кобылица[7] В случае сопоставления ᛁ с венгерским ᛁ *p*[8]сочетание ᛁ ᚱ обратимо в «ару» или, точнее, «арї» — чистый. Аналогичное значение должно иметь и первое сочетание ᚾᚴᚨбk—, в котором знак ᚾ —*j* или *н*.

---

[1] Ср.: «Джес ауз джелден дрер,
Джас жигитты öнгден дрер»—
Медный рот (отверстие, шейка) подымет настроение,
Молодому джигиту цвет лица улучшит (казахская поговорка). — см. Ф. А. Фиельструп. Молочные продукты турков-кочевников. Сборник «Казахи». Материалы КЭИ АН СССР, вып. 15, 1930, стр. 283.

[2] Ср. QBM. Сказание об Огузе. Вариант Абульгази, стр. XXXVII:

توقوزيغه عرق توقسان بغه قيميز تولتورتدى

девять (из них) он приказал наполнить водкой, а девяносто кумысом.

[3] Возможно, ᛉ = ᚥ. Аффиксы «ᚥур» и «дур» имеют одинаковое значение — побудительного залога. Первый типичен для восточнотюркских языков.

[4] Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, ч. 1, изд. В. В. Радлова, СПб., 1891, стр. XXXVII.

[5] «Нюргун Боотур стремительный» (Богатырский эпос якутов). Текст К. Г. Оросина. Изд. Г. Эргиса, вып. 1, Якутск, 1947, стр. 166.

[6] С. В. Ястремский. Образцы народной литературы якутов. Труды Комисс. по изучению Якутской АССР, т. VII, Л., 1929, стр. 14: «крепким кумысом горло поправляет», «свежим кумысом глотку прочищает»; стр. 45: «устроили пышный кумысный пир — из молока первожеребых кобыл»; стр. 54: «кумыса молодой кобылицы налили», и т. д.

[7] Словарь Радлова, I,903 стр.: «äш'» (Schor) — самка, (Leb) — молодая овца, ярка.

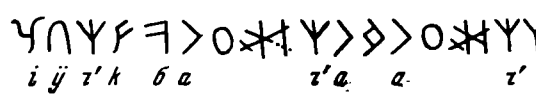
[8] J. Nemeth. Die Inschriften..., табл. II.

Каковы же те лексические параллели, которые можно привести для придания обоим комплексам определенных значений? В доступных материалах западных наречий (команского, печенежского, караимского и др.) таковые обнаружить пока не удалось, однако это не значит, что их нет.

В итоге первая надпись предстает в следующем виде: «[бk-]kїмї (з) [äш]kїмїз ӱшä бäдӱк авїзїkа [ᐸ ᐩ ᚺ ?] тулдїра іч»—«..... кумыс, ... кумыс наливая (наполняя)... в это большое отверстие, пей».

Надпись II

Менее доступна используемым приемам вторая надпись, находящаяся также на сосуде. Обозначение в ней знаков, общих с рунами первой надписи, дает возможность выделить лишь два-три комплекса:



і ӱ ґ'k б а ґ'а а ґ'

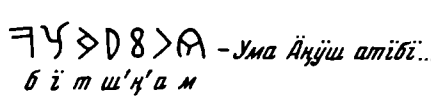
Знак ᐳ близок к ᐳ первой надписи. Знак Y известен из орхонского письма. Первое сочетание таким образом передает имя владельца сосуда — «əlчі». Слово «əlчі» встречается во всех тюркских языках. Его собственное значение: «правитель народа», «человек, хранящий и соблюдающий установления əl'я, поддерживающий и осуществляющий племенную организацию». Любопытное и вместе с тем важное для расшифрования всей надписи слово «(ӱ)ч'(ä)в'і», завершающее ее («трое»); не дает ли оно основания считать предшествующую часть совокупностью трех имен, одно из которых уже отмечено выше?

Комплекс > O ⋇ повторяется дважды и служит целям соединения имен. Иначе говоря, он должен быть союзом. Следуя принципу исключения известных букв, т. е. подстановки для неизвестных рун неизвестных по предыдущему чтению звуков, мы приходим к весьма показательному результату. Если ⋇ = *j'*, а O = *м'*, то в целом сочетание > O ⋇ суть «jəмä» — и, также; комплекс, находящийся в промежутке между первым и вторым союзом «jəмä», есть имя Ата-äч (?), а комплекс, заключающийся в отрезке между вторым союзом и словом «ӱчäв(і)»,— «Буkа» (собственное значение «бык»), также общепринятое тюркское имя.

Итак, надпись II является перечнем тюркских имен: «əlчі jəмä Ата-äч jəмä Буkа ӱчäв(і)» —əлчи и (также) Ата-äч и (также) Бука — трое (их).

Существует возможность иного толкования последнего комплекса. Так как присутствие конечной руны Y, обозначающей гласный *і*, является странным и непонятным, следовало бы читать иначе, хотя в этом случае возникает не меньшая трудность в объяснении одностороннего оформления изафетной связи[1].

Надпись III (на камне Маяцкого городища)



б ї т ш'ӈ'а м *-Ума Äӈӱш атїбї...*

В последнем слове недостает знака для буквы з. Часть камня в этом месте обломана, и поэтому присутствие одного или нескольких знаков в начальном тексте после руны ᐳ не вызывает сомнений.

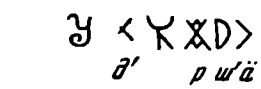
---

[1] Ср.: ічäві — [их] напиток.

Сочетание... ᚨ Ꙋ ᛒ с учетом недостающего з есть «атїбїз», что в русском переводе означает «наши имена» (правильная форма «атларїбїз»). Весь текст: «Ума и Ангӱш — наши имена».

Чтение более мелких подписей, возможно являющихся фрагментами значительных по своим размерам текстов, несравненно труднее, и поэтому в ряде случаев наши соображения носят чисто гипотетический характер.

Надпись IV



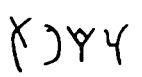
Ꙋ <ᛉ ᛝ D>

д′ р ш′ä

Знак ᛉ трудно восстановить из-за неопределенности содержания всей надписи. Последний знак имеет точную параллель в венгерской рунике, где его буквенным значением является т′ Первые руны составляют слово «ӱшä» — (вот) этот, эти. Остальная часть фрагмента — тюркское имя [Ару ӭ(р′)дäтӱ] (?).

Надпись V

ᛉ ᑐ ᛘ ᛋ

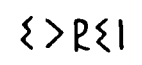


ᛋ = *i* (*ї*); руна ᛘ, вероятнее всего, — недостающий в нашем алфавите *п′* Нельзя не удержаться от сопоставления двух последних знаков с орхонским Є *ʒ′* и печенежским Ɔ *н′* (орхонский Ɔ = *н*).

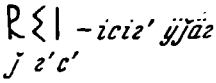
Получающийся буквенный комплекс — печенежское или хазарское имя — «іпінӱг» (?).

Надпись VI

ᛊ > R ᛊ ᛁ



Совпадающие руны (ᛊ) сходны с «печенежскими». Знак R мы сближаем с «печенежским» *В дж*, хотя основание для такого сближения, в сущности, отсутствует.



ᛊ > R ᛊ ᛁ *-iciг′ ӱǰäг′*

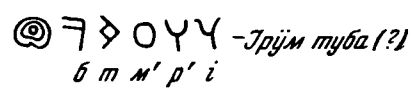
г′ ä ǰ г′с′

Смысл надписи не совсем ясен[1]. Если допустить мягкое произношение основ «ӣсї Ϧ» и «уджаk» в языке надписей, о чем с уверенностью говорит Ю. Немет относительно печенежского языка, данное сочетание будет означать «теплый очаг» («печь»), причем не исключено употребление этого сочетания в качестве имени[2]. С другой стороны, ничто не препятствует обозначению ᛊ аффрикатой *нч′*.

[1] Обозначение двумя рунами одного звука (надпись V и VI) — явление, имеющее место во многих рунических письменностях.

[2] Об именах собственных у тюрок см.: K. Foy. Zu der Personenname ايدمر und das Wort demir. MSOS, III, ч. II, 1900; M.Th. Houtsma. Ein Türkisch-arabisches Glossar. Leyden, 1894, стр. 26—34; Riza-Nour. Revue de Turcologie, т. II, 1, 1935, стр. 65—68; J. Nemeth. Die petschenegischen Stammesnamen. Ungarische Jahrbücher, Berlin — Leipzig. т. X, вып. 1/2, стр. 27—34.

Надпись VII



Относительно написания ◎ говорилось выше: оно рассматривается нами как тамговый знак.

Переходя к орфографии надписей (первых трех — I, II, III), мы должны сказать, что в основном закономерности написания в них гласных не отличаются от соответствующих норм орхонской письменности.

Гласный > *а*, *ä* всегда (одно исключение) обозначается в конечной позиции, например: > O ∩ «ӱшä» (надпись I), > ⍝ «Ума» (надпись III); > O ⋇ (надпись II). Гласный Y *ї*, *і* — в середине основы: ⍞ Y ⍝ F kїмїз (надпись I).

Обозначение гласных в конце морфологической части слова необязательно. В начале слова гласные употребляются также спорадически.

Фонетические и морфологические особенности — преимущественно западные. Собственно никто не вправе устанавливать для древнего периода строгое разделение отдельных типов тюркской речи. Достаточно обратиться к Codex Cumanicus[1], чтобы представить себе грамматическую сторону одного из западных языков половецкого и более раннего периода времени.

На месте первоначального Ϛ в положении между двумя гласными выступает *в* (надпись I: «авїз»). В Codex Cumanicus[2] наряду с формой «авїз» встречается «а Ϛїз».

Интервокальный *к*, оказывающийся в месте стечения двух морфологических частей слова, в тексте надписей не изменяет своего качества. Согласно установлениям Немета[3], в печенежском и команском языках этот гласный в соответствующем положении становился звонким. Особого мнения придерживается П. М. Мелиоранский, полагающий, что в различных древних диалектах *k* и *к* оставались неизменными; напротив, в современных диалектах во всех формах, исключая только глагольные образования среднеазиатских и южных языков, оказываясь между гласными, они приобретают звонкость[4].

Форма «бäдӱк», для IX — X вв. вполне вероятна во всех тюркских наречиях, так как отсутствие перехода д > *j* для этого времени может быть принято в общем масштабе.

Для конечного *з* следует отметить сохранение звонкости (надпись I: «kїмїз»).

Несколько слов по вопросу об огласовке: «kїмїз». Как известно, во многих памятниках древнетюркской и, в частности, уйгурской письменности это слово огласовывается посредством *у*[5]. В староосманских текстах и текстах, отражающих своеобразие так называемых кыпчакских или западных тюркских языков, преобладает *ї*.

---

[1] Codex Cumanicus. Bibliothecae ad Templum divi Marci venetiarum. Comes Geza Kuun. Budapestini Ed. Sc. Acad., Hung., 1880; Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus von Dr. W. Radloff. Mémoires de l'Académie imperiale des sciences de St.-Pétersbourg, VII серия, т. XXXV, № 6, СПб., 1887; Monumenta Linguarum Asiae Maioris. Изд. K. Grönbech, I, Codex Cumanicus, Kjobenhavn, 1936.

[2] W. Radloff. Cod. Cum., 1887, стр. 3.

[3] J. Nemeth. Die Inschriften..., стр. 54.

[4] П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. XXXVIII.

[5] W. Bang. Die Legende von Oghuz Qaghan. Berlin, 1932; Riza-Nour. Oughouz-Namé. Alexandrie, 1928, стр. 18, IX, 8.

Для объяснения присутствия мягких вариантов в слове «ӱшä» («öшä»)? необходимо допустить переход $a > ä$, связанный в команском языке, по мнению Банга, с изменением $ī > i$ [1].

Не ясен путь проникновения в язык надписей союза «jэмä», употребительного по крайней мере только в древних письменных памятниках Восточного Туркестана. Установление качества начального гласного в слове «ɜlчi» ($ɜ < ä$? $ä$ или $ɜ$) принципиального значения не имеет. Форма «ӱчäв(i)» — трое — западная («кыпчакская»); в староосманском языке ей соответствует «ӱчäла», в древнеуйгурском — «ӱчäгӱ».

Лексика надписей — общетюркская. Что касается имен собственных, то их необходимо тщательно сопоставить со всеми известными по различным источникам печенежскими и хазарскими именами.

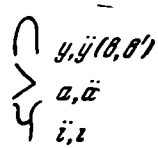
Особые трудности встречает попытка определить принадлежность языка текстов, локализовать их обладателей и уточнить время написания.

Если надписи относятся к IX в., мало оснований считать их печенежскими. Печенеги появились в придонских степях в конце X в. или в крайнем случае в начале его. Не только хронологические данные, но и сравнение алфавита, приводимого ниже, с «печенежским» [2], не говорит в пользу сближения разбираемых надписей с «печенежскими».

Сверх всего, самое понятие «печенежский» — несколько широкое и далеко не определенное [3].

Ниже мы приводим группу буквенных эквивалентов рун, составленную при разборе донских надписей.

Система гласных:



[1] W. B a n g. Zu der Moskauer Polowzischen Wörterliste, 94—95. Osttürk. Dialect-Studien, стр. 4 и след.

[2] См. J. N e m e t h. Die Inschriften..., стр. 33.

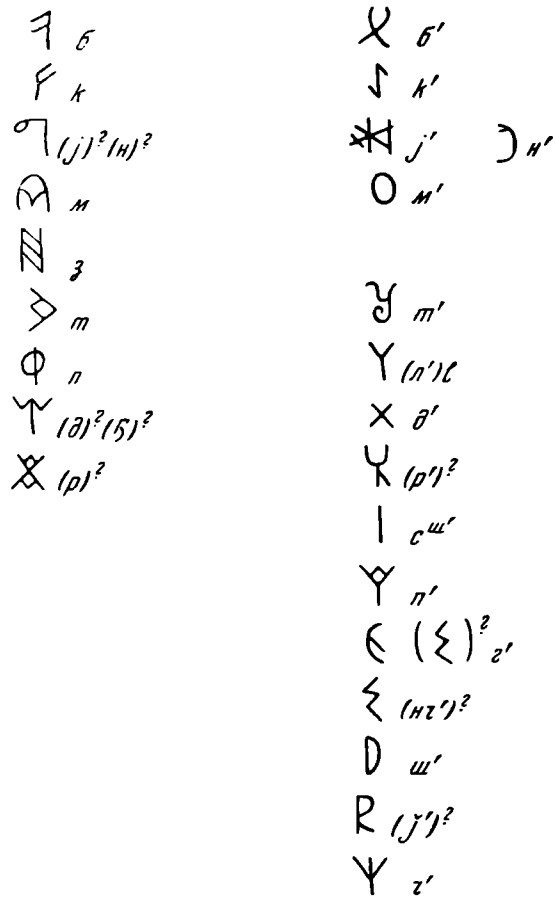
[3] Если тем не менее допустить возможность отнесения надписей к более позднему времени, предположение о печенежской принадлежности языка последних не вызовет особенных возражений. Что же касается различий в алфавитах, то они, повидимому, не могли бы играть в этом случае определяющей роли, так как отдельные племенные группы печенегов, например западных, представляли собой довольно обособленные коллективы.

Сведения о печенегах имеются главным образом у Константина Порфирородного, который в главе 37 своего сочинения «De administrando imperio» приводит наименования печенежских племен, топонимические данные и т. д. Перечень их см.: J. N e m e t h. Die Inschriften...; e г о ж е. Ungarische Jahrbücher, 1930, т. X, стр. 27—34.

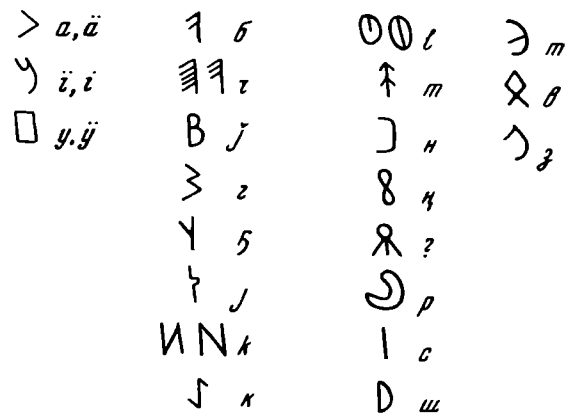
Разрешению вопроса о принадлежности языка надписей должны способствовать археологические данные. Следует заметить, что представленный в донских находках тип керамики является редким. Поиски истоков его неминуемо приводят в Среднюю Азию. Именно в Средней Азии, в раскопках парфянской Нисы и памятника Кой-Крылган (ВДИ. 1953, I, 154, 163, 166) прослеживается аналогичная керамика и встречаются знаки, не выводимые из арамейского письма, обычного для парфянских документов. Наличие рунноподобных знаков позволяет отнести соответствующую керамику равным образом и к культуре тюркских народностей, населявших указанный район. «Некоторую параллель к этой форме,— пишет С. П. Толстов,— мы находим также в более поздних «вьючных флягах» кочевых и полукочевых племен северной части Средней Азии (тохары, эфталиты, гунны). В период раннего средневековья в Средней Азии традиции «хорезмийских баклаг» сохраняются в некоторых формах «сасанидского серебра», полностью исчезая в керамике» (ВДИ. 1953, I, 173 стр.)

Понятно, что причиной прекращения традиции «хорезмийских баклаг» в керамике явилось переселение ряда тюркских племен из Средней Азии в южно-русские степи.

Система согласных:

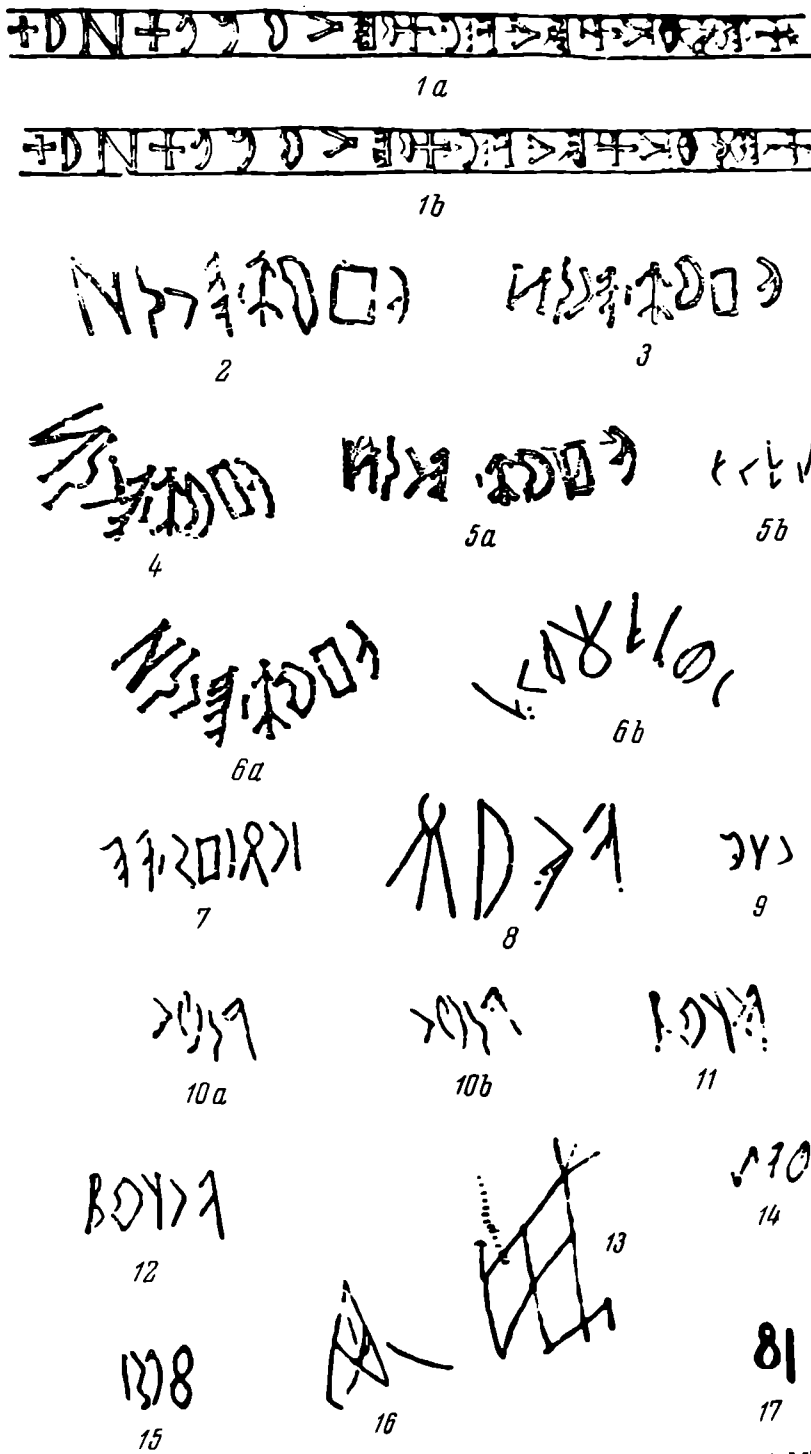


Совершенно очевидно, что упомянутые выше «печенежские» руны Ю. Немета —



далеко не совпадают с нашими. Предположение о принадлежности вновь составленного алфавита хазарам также кажется неосновательным. Согласно сообщениям арабов, хазары писали слева направо. Академик В. В. Бартольд приводит [1] слова персидского историка начала

[1] В. В. Бартольд. О письменности у хазар. Сборн. «Культура и письменность Востока», кн. IV, Баку, 1929.



Рунические надписи из венгерского клада Nagy-Szent-Miklos
(из книги F. Altheim, Hunnische Runnen, Halle 1948)

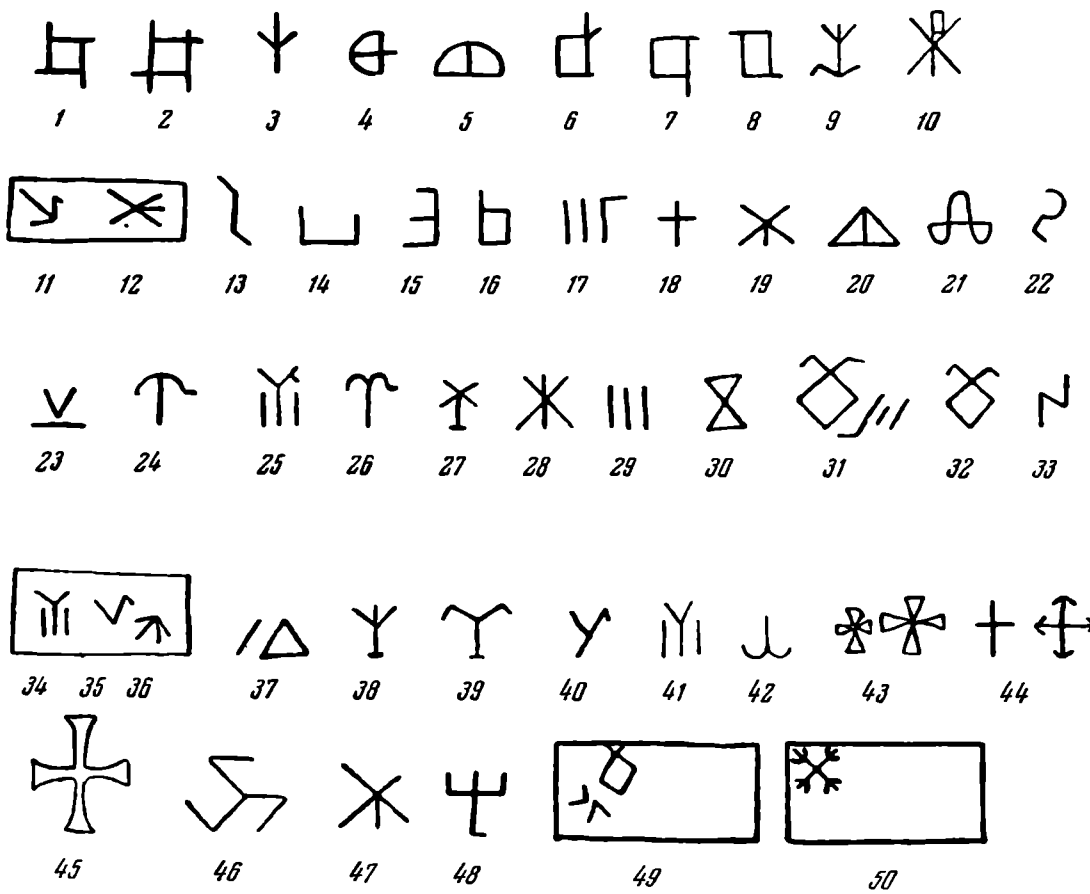
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ, СЕНТ-МИКЛОШСКИХ РУН И РУН НА БАКЛАЖКАХ НОВОЧЕРКАССКОГО МУЗЕЯ И КАМНЯХ МАЯЦКОГО ГОРОДИЩА

Буквенное значение	Орхоно-енисейские руны	Сент-миклошские руны	Руны на баклажках Новочеркасского музея	Руны на камнях Маяцкого городища
а , ä				
о , у				
ö , ÿ				
(ы) i , i				
б¹				
б²				
в				
г				
д¹				
д²				
з				
j¹				
j²				
к				
л				
л¹				
л²(l)				
лт				
м¹				
м²				
н¹				
н²				
ŋ				
нт				
нз				
п				
р¹				
р²				
с¹				
с²				
т¹				
т²				
з				
ш				
дж(j)				

Примечание. Цифры 1 и 2 обозначают соответственно «твердые» и «мягкие» согласные.

XIII в. Фахр-ад-дина Мубарек-шаха Мерверруди, позаимствовавшего некоторые сведения из более древних сочинений: «У хазар тоже есть письмо, которое происходит от русского; ветвь народа румийцев (греков), живущая около них, употребляет это письмо и они называют румийцев руссами. Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего 22. Большая часть этих хазар, которые употребляют это письмо,— евреи».

Сам В. В. Бартольд считает правдоподобным, что «русские и хазары получили алфавит из одного и того же источника — от греков»[1], и отме-



Рунические знаки из Aboba-Pliska (Болгария). Из книги F Altheim, Hunnische Runen, Halle 1948.

чает, что просветителю восточных славян Константину приписывается также миссионерская деятельность среди хазар.

Разумеется, сведения арабов не всегда достоверны и исходят от третьего, четвертого, а иногда и пятого лица, следствием чего являются погрешности. Некоторые данные говорят о близости хазарского языка к древнебулгарскому (чувашскому?), ср.: Сар-кел (пограничный город хазар). При этом нельзя отрицать того факта, что нахождение рунических памятников в районе Воронежа может быть поставлено в связь с пребыванием здесь только хазар. Так, в 1936 г. М. И. Артамонов писал: «одно время хазарам

[1] В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 17.

приписывались памятники так называемой салтовской культуры, распространенные в виде могильников и городищ в бывших Воронежской и Харьковской губерниях, т. е. вдали от центра Хазарии. Принадлежность этих памятников к хазарской эпохе несомненна, но какое отношение они имеют к хазарам и хазарской культуре, остается неопределенным»[1].

Во всяком случае вопрос о языке, месте и времени составления надписей пока не ясен. Новые находки помогут установить правильность ключа и решить все проблемы, связанные с результатами дешифровки.

Не исключена возможность, что со временем появится более совершенная попытка истолковать найденные руны.

Однако, каковы бы ни были последующие результаты, любой опыт решения этой ответственной и важной задачи окажет несомненную пользу в деле отыскания истинного пути.

Мы уверены, что за первыми находками рунических надписей в районе Дона последуют другие, более значительные, и тогда пионеры новой области филологической и историко-археологической науки, проверив на пространном материале избранные нами приемы, примут или отбросят их и тем самым предохранят себя от продолжительного и напрасного следования по неправильному пути.[2]

---

[1] М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. VI.

[2] В период подготовки статьи к печати и во время печатания ее появились две работы, посвященные разбору надписи на одной из новочеркасских баклажек. См. А. Н. Бернштам. Древнетюркское письмо на р. Лене. Эпиграфика Востока IV. М.—Л., 1951, стр. 83—85; M. Räsänen. Beiträge zu den türkischen Runeninschriften. Studia Orientalia. XVII, 6. Helsinki, 1952, стр. 5—6.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, XIX, 1954

В. Л. ЯНИН

ПЕЧАТИ НАМЕСТНИКОВ НОВОТОРЖСКИХ

Серия печатей новоторжских наместников с тех пор, как она явилась предметом специального исследования покойного А. В. Орешникова [1], пополнилась восемью экземплярами. Один из них, найденный в 1951 г. под Новгородом и послуживший поводом для настоящей статьи, позволяет по-новому истолковать принадлежность этих интереснейших памятников и дать точное хронологическое определение каждому экземпляру вместо принятой сейчас суммарной датировки всей серии XIV веком.

К настоящему времени издано пятнадцать новоторжских печатей. Все они принадлежат к числу привесных свинцовых булл обычного типа, отличаются хорошей сохранностью и прекрасной техникой исполнения (последнее касается, в частности, и надписей). Оборотная сторона всех без исключения печатей имеет надпись: «печать новоторжского наместника», различно разделенную между пятью или четырьмя строками. На лицевой стороне изображение «святого» с обозначением его имени. По сюжету лицевой стороны вся серия может быть разделена на шесть групп. Ниже приводятся результаты этого распределения с детальным описанием каждого экземпляра. В описании лицевых сторон в большинстве случаев использованы определения А. В. Орешникова.

а) Печати с изображением Давида Солунского

1) (Рис. 1, *1*). Л. С. Изображение св. Давида на столбе; по сторонам надпись: д҃в — д҃.

О. с. Надпись в четыре строки: пеѹ҆ть|ново—торж|ско—гона|местни.

Между второй и третьей строками крест.

Печать найдена в 1879 г. в г. Торжке на огороде. (Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888, стр. 186).

2. Другой экземпляр той же матрицы. Обнаружен в Новгороде раскопками А. В. Арциховского на Славне в 1937 г. Хранится в Государственном историческом музее. (А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11. М.— Л., 1949, стр. 147—148).

3. Третий экземпляр той же матрицы. Найден в Новгороде. (Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LV, *12*).

4. (Рис. 1, *2*). Экземпляр другой матрицы.

Л. с. Изображение св. Давида на столбе, по сторонам надпись: д҃в—д҃ъ

О. с. Надпись в четыре строки: пеѹ҆ат|ь..мѣс.|....ново|.....о.;

[1] А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. Труды Московского нумизматического общества, т. III, М., 1903.

между первой и второй строчками крест. Найден в Новгороде. (Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LV, *11*).

б) Печать с изображением мученика (?) Моисея

5. (Рис. 2, *6*). Л. с. Изображение св. Моисея; по сторонам надпись:

м с
о ь (?)
н н

О. с. Надпись в пять строк: **пеѵ҆ать | новотор | жьскогон | аместн | .ка**

Рис. 1. Печати новоторжских наместников времени:
1—3 — арх. Давида (1308—1324); *4—5* — арх. Василия (1331—1352)

Место находки неизвестно. (Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. L, *16*).

в) Печати с изображением святителя Василия

6. (Рис. 1, *4*). Л. с. Изображение Василия, стоящего во весь рост в епископском облачении; правая рука простерта для благословения, в левой, поднятой,— четырехугольный предмет с изображением креста (по предположению А. В. Орешникова — евангелие). По сторонам надпись: **ва — си | л — ьн**.

О. с. Восьмиконечный крест на подножии; по сторонам надпись в пять строк: **пеѵ҆ — ат | ьно — во | тор — жьс | кого — нам | .стника**.

Печать найдена в б. Тверской губернии. Хранится в Государственном историческом музее. (А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 148, табл. II, *20*).

Пользуюсь случаем исправить ошибку, уже повторенную в научной литературе[1]. В 1939 г. А. Ф. Вишнякова отметила находку печати, аналогичной № 6, в Херсонесе. В действительности, никакой новоторжской печати в Крыму никогда найдено не было, а под инвентарным

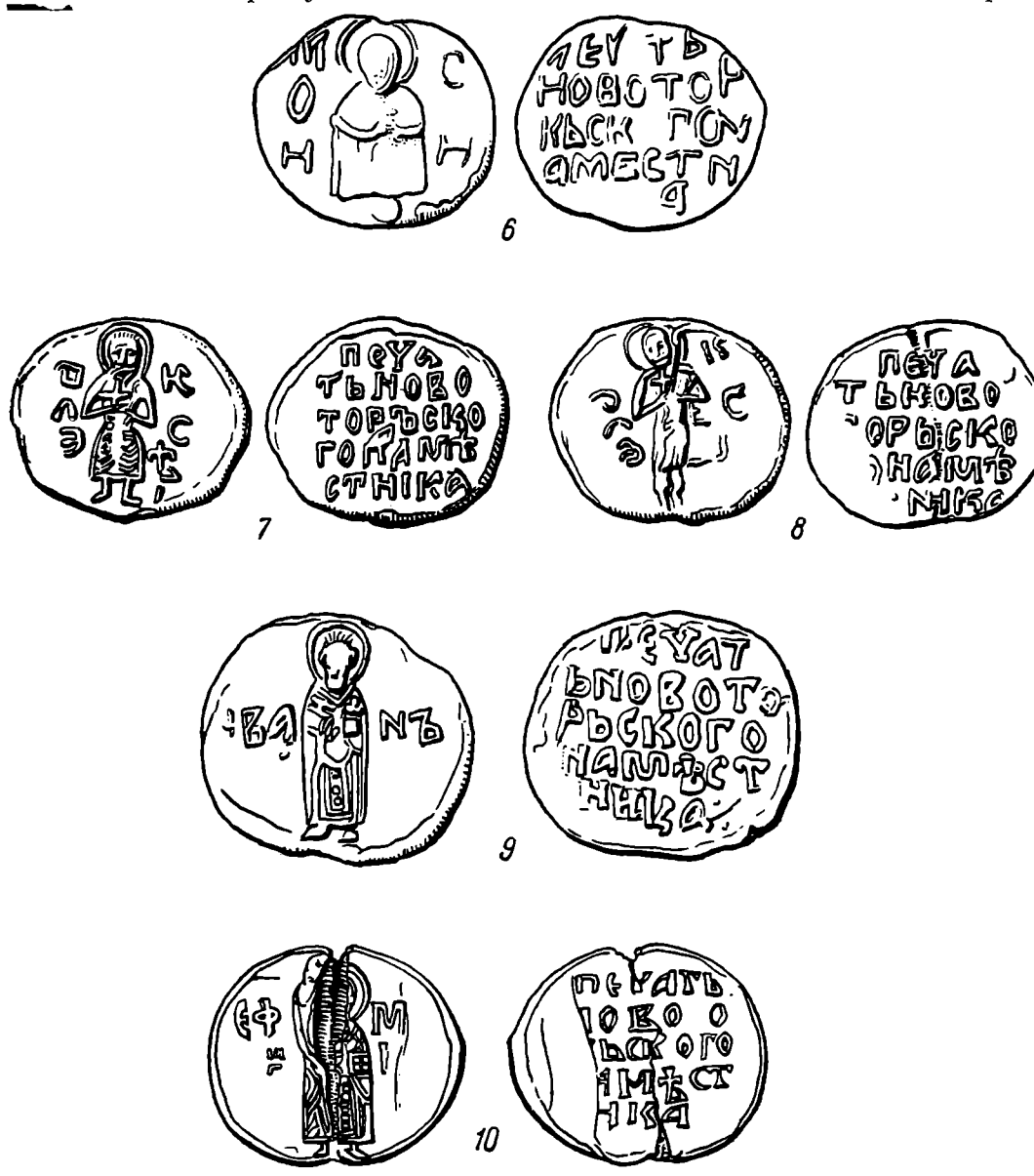


Рис. 2. Печати новоторжских наместников времени:

6 — арх. Моисея (1324—1330, 1352—1359); *7—8* — арх. Алексея (1359—1388); *9* — арх. Иоанна (1388—1414); *10* — арх. Евфимия Брадатого (1428)

номером ГИМ, указанным А. Ф. Вишняковой, хранится печать, хотя и найденная в Херсонесе, но ничего общего с разбираемыми не имеющая.

7. (Рис. 1, 5). Л. с. Изображение св. Василия другого типа, нежели на предыдущей печати с тем же именем, во весь рост, с руками, покоящимися на груди: по сторонам надпись: **кл — сн | л — ь**.

[1] А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса. ВДИ, 1939, № 1, стр. 129; А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 147.

О. с. Надпись в четыре строки: **пєѴа | тьново.|оржсько|гонам|...**

Печать найдена в б. Тверской губернии. Хранится в Государственном историческом музее. (А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 148, табл. II, *21*).

Описывая две последние печати, А. В. Орешников высказался за принадлежность их разным лицам на том основании, что на них, повидимому, изображены разные святые. Если печать № 6 несет несомненное изображение Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, то в изображении на печати № 7 А. В. Орешников предположил, «повидимому, преподобного Василия». Между тем рассмотрение последней печати под увеличением устанавливает наличие на святом святительских крестчатых риз. Святители изображались обычно с Евангелием и поднятой для благословения рукой. Однако известны и другие типы. Среди ранних русских печатей есть одна с изображением святителя Иакова в крестчатых ризах в рост, с руками, покоящимися на груди[1], и другая с поясным изображением святителя Василия Великого, с руками в том же положении[2]. Правомерность сближения обеих описанных новоторжских печатей подтверждают и данные их орфографии, что будет специально отмечено ниже.

г) Печати с изображением муч. Алексея Цареградского

8—10. (Рис. 2, *7*). Три экземпляра одной матрицы.

Л. с. Изображение св. Алексея во весь рост, в одежде немного ниже колен, с руками, прижимающими к груди крест; по сторонам надпись:

о	к
л	с
э	ѣ
	і

О. с. Надпись в пять строк: **пєѴа|тьново|торъско|гонамѣ|стніка.**

Печати хранились в Государственном древлехранилище МИД. Все три экземпляра найдены в Московском Кремле, близ церкви Константина и Елены, в медном сосуде, в котором находились пергаменные и бумажные грамоты с одной серебряной и несколькими свинцовыми и восковыми печатями. (Я. И. Бередников. Записка об открытых в Московском Кремле древностях, представленных второму отделению Академии Наук. Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Akadémie imp. des Sciences de St. Pétersbourg, t. II, 1845, № 4—5, столб. 56—57, табл. IV; А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 146, табл. II, *17*; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XVII, *12*, *13*).

11. (Рис. 2, *8*). Вариант того же типа другой матрицы. Отличие от описанных выше в том, что буква **и** в слове «наместника» передана знаком **Н**, и в особенностях изображения.

Печать найдена в б. Тверской губернии. Хранится в Государственном историческом музее. (А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 146, табл. II, *18*).

12. Другой экземпляр предыдущей матрицы. Найден в Новгороде. (Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XLVIII, *13*).

---

[1] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, 1928, стр. 111.

[2] Там же, стр. 164.

д) Печати с изображением св. Иоанна

13. (Рис. 2, *9*). Л. с. Изображение Иоанна во весь рост, в священническом облачении — фелони и епитрахили, по сторонам надпись:

іва — нъ

О. с. Надпись в пять строк: **пеѹат|ьновото|рьского|намѣст|ника**:

Печать принадлежала собранию И. И. Толстого. Место находки неизвестно. (А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 147, табл. II, *19*).

14. Экземпляр той же матрицы. Место находки неизвестно. (Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. L, *18*).

е) Печать с изображением Евфимия, епископа Сардийского

15. (Рис. 2, *10*). Л. с. Изображение св. Евфимия во весь рост в крестчатых ризах. Подробности плохо различимы, так как печать испорчена трещиной, идущей вдоль канала шнура. По сторонам надпись:

єф м
і

О. с. Надпись в пять строк: **пеѹать|ново.о|.жьского|.амѣст|.ика**

Печать при купчей Михаила Федоровича на село Медну у Юрия Вонцифоровича, находящейся в архиве Троице-Сергиевой лавры (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина). (Центрархив. Памятники социально-экономической истории Московского государства в XIV—XVII вв., т. I, М., 1929, вклейка между стр. 18—19; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XVII, *14*).

Основанием общей датировки всей серии, наряду с палеографическими особенностями надписей, служат обстоятельства находки печатей № 8—10 и 15. Последняя, как уже отмечено, сохранилась при купчей боярина Михаила Федоровича на село Медну, что между Тверью и Торжком. Издатели грамоты датируют ее концом XIV в. на том основании, что Юрий Онциферович умер в 1410 г. Между тем, по свидетельству летописи, Юрий Онциферович умер в 1417 г.[1] Поэтому я считаю, что правильнее будет более осторожная датировка купчей концом XIV в.— вторым десятилетием XV в.

Печати № 8—10 с изображением А́лексея Цареградского найдены в упомянутом кремлевском сосуде. Грамоты, к которым они были привешены, сильно пострадали от воды и не дают возможности для точного хронологического определения. Для общего определения важны остальные печати, входившие в состав находки. Их семь, кроме рассматриваемых. Две печати, серебряная и восковая, принадлежат московскому великому князю Дмитрию Ивановичу (1359—1389). Одна свинцовая печать сохранила имена Ивана Прокшича и Евфимия. Иван Прокшинич, Иван Прокшич, или Иван Прокофьевич,— наместник великого князя московского в Новгороде,— упоминается в летописи под 6883 (1375) и 6884 (1376) гг. (ПСРЛ, III, 90; VIII, 24; XI, 25). Две печати, свинцовая с именем Степана и восковая с именем Бориса Се[менова], сохранились, при почти не читаемой грамоте плохой сохранности. А. В. Орешников сближает печать Степана с другой печатью Степана из числа привешенных к договорной грамоте Великого Новгорода с вел.

[1] ПСРЛ, т. III, Первая Новгородская летопись под 6925 г.

кн. Михаилом Александровичем Тверским 1375 г. Что касается печати Бориса Семенова, то А. В. Орешников предположил в ее владельце московского великокняжеского наместника в Торжке «борцеи Бориса Семенова сына», упомянутого летописью в известном рассказе о пленении новгородцами московских наместников в Торжке в 1340 г. (ПСРЛ, III, 80; V, 222; VII, 206; X, 212; XVI, 71)[1]. При датировке грамоты А. В. Орешников склоняется к более ранней дате, в то время как А. С. Орлов считает более приемлемым время около 1370 г.[2]

Кроме того, в состав кремлевской находки входят две свинцовые печати, атрибуция которых затруднительна. На одной имя Михаила [3]; другая, ввиду особого ее значения для изучаемого вопроса, заслуживает подробного описания (рис. 3).

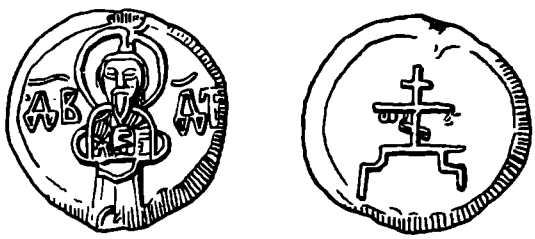


Рис. 3. Печать архиепископа Давида (1308—1324), найденная в Москве

Л. с. Изображение Давида Солунского на столбе, по сторонам надпись: $\widetilde{\text{Д}}\widetilde{\text{К}}$ — $\widetilde{\text{Д}}\widetilde{\text{Ъ}}$. Особенности изображения святого, начертания букв и общая композиция представляют полную аналогию с описанными лицевыми сторонами новоторжских печатей № 1—4.

О. с. Восьмиконечный крест на подножии. (А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 145, рис. 16).

Общий характер кремлевской находки и прямое свидетельство купчей Михаила Федоровича датируют серию печатей новоторжских наместников XIV в. — началом XV в. Датировку А. К. Жизневским печати с изображением св. Давида (№ 1) XII веком[4] и датировку А. Ф. Вишняковой печати с изображением святителя Василия (№ 6) XI веком[5] считаю неверными, так как большая однородность серии никак не согласуется с существованием ее и в XI в., и в XIV в., а доводы, которыми пользуются названные исследователи, случайны.

Истолкование изображений святых на лицевых сторонах печатей не вызывало споров. Все исследователи, имевшие дело с новоторжскими печатями, видели на них святых, одноименных наместникам новоторжским, воспоминания о которых летопись не сохранила. На этом основании А. В. Орешников, перечислив имена пяти московских и тверских наместников в Торжке XIV—XV вв., заключает: «на печатях встречаем имена также пятерых: Давида, Алексея, Ивана и двоих Василиев; из приведенных имен одно Ивана совпадает с именем кн. Ивана Холмского (московского наместника в Торжке в 1398 г.), но действительно ли печать принадлежит ему, или это простое совпадение, решить невозможно. Каким наместникам отнести печати — Новгородским, Тверским или Московским, возможно будет решить тогда, когда будет обнаружено

---

[1] А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 142—144.

[2] А. С. Орлов. Материалы для библиографии русских печатей. Вспомогательные исторические дисциплины, М.— Л., 1937, стр. 274.

[3] Вероятно, экземпляром той же матрицы является печать при купчей Михайловского Архангельского монастыря у Авдука и Фраля на половину села в Тайнокурьи. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949. Двина. № 143. Грамота датируется первой четвертью XV в.

[4] А. К. Жизневский. Описание Тверского музея. Археологический отдел, М., 1888, стр. 186.

[5] А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса. ВДИ, 1939, № 1, стр. 129.

какое-либо новое летописное свидетельство или грамота с именем или с печатью наместника; до тех пор все предположения будут гадательны»[1].

Между тем предположение об одноименности наместника и святого, как это будет видно из дальнейшего, оказалось неверным, и поиски в документах поэтому будут безрезультатны.

В раскопках А. В. Арциховского в Перыни под Новгородом в 1951 г. была найдена еще одна новоторжская печать. Привожу описание:

16. (Рис. 1, *3*) Л. с. Изображение св. Давида Солунского на столбе, впрямь; по сторонам надпись: **д҃в—д҃ъ|са—ва.**

О. с. Надпись в пять строк: **пеѵ҃а|тьнамѣс|тникано|воторжьс|к.го**

Лицевая сторона вновь найденной печати детально совпадает с лицевыми сторонами печатей № 1—4 и печати из кремлевской находки. Существеннейшим отличием от последних является присутствие, кроме имени Давида, второго имени — Саввы.

Из двух имен только одно может принадлежать наместнику, а таким может быть лишь имя Саввы. Второе имя должно принадлежать лицу, выславшему наместника. Его высокое положение подчеркивается, во-первых, взаимным расположением обоих имен и, во-вторых, тем, что существует печать с именем Давида, но без титула наместника (кремлевская находка).

Для того чтобы выяснить общественное положение Давида, необходимо правильно понять значение восьмиконечного креста на подножии, занимающего поле оборотной стороны печати с изображением св. Давида из кремлевской находки и на новоторжской печати с именем Василия.

Изображение восьми- или шестиконечного креста на подножии столь часто встречается на памятниках новгородской сфрагистики, что его можно считать присущим целым определенным группам печатей. Так как полный сбор материала по этой теме целью моего исследования не является, ограничусь лишь печатями, сохранившимися при грамотах, используя для этого их последнее издание[2].

Прежде всего следует остановиться на большой группе печатей государственных актов с изображением богородицы типа «Знамение» на одной стороне и восьмиконечного креста на подножии с другой. Для XV в., богаче всего представленного подобными печатями при грамотах, характерен крест, усложненный изображениями орудий «страстей»: копья и трости с губкой, упирающихся в подножие (известно шесть таких печатей)[3]. На единственной того же типа печати XIV в.[4] крест не усложненный и полностью соответствует кресту на печати с изображением Давида из кремлевской находки. По соответствию тексту грамот эти печати признаны архиепископскими[5].

Частные грамоты (двинские, важские, обонежские), где лицо, скреплявшее акт печатью, не названо, дали свыше двух десятков различных типов печатей. Все печати — XV в. Крест присутствует на подавляющем большинстве их. При тринадцати грамотах[6] — архиепископские печати

---

[1] А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 147.

[2] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949.

[3] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. При грамотах № 90 (арх. Семен, 1415—1421), 70, 72, 95 (арх. Евфимий, 1425—1458), 96 (арх. Иона, 1459—1470), 99 (арх. Феофил, 1470—1482). Все печати анонимные, но соответствуют упоминанию архиепископа в тексте как лица, от которого исходит акт.

[4] Грамота № 36. Грамота Новгорода Риге с требованием возвращения награбленного товара и выдачи разбойников (1303—1307 гг.). Анонимная печать арх. Феоктиста.

[5] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928, стр. 34.

[6] Грамоты № 252, 279, 280, 297—303, 318, 320, 328.

того типа, речь о котором шла выше. Принадлежность их архиепископам устанавливается не только по совпадению типов, но и при помощи прямого свидетельства. Имею в виду упоминание имени **θω̃—θл̃** по сторонам восьмиконечного креста на печати при данной Клима и Ивана Михайловых детей Соловецкому монастырю на участки в реках Кеми, Шуе и Выге[1], датированной 1459—1469 гг. Избрание арх. Феофила состоялось только в 1471 г. Факт сам по себе замечательный, поскольку он говорит о том, что между временем составления акта и его утверждением прошел известный срок. Объяснение дает список XVIII в. с купчей Семена и Александра на Юрмольскую землю[2], составленной в XV в. На списке имеется помета: «А грамота тех списков за печатями в дому святая София в Новигороди владыки». Очевидно, утверждение грамот печатями описанного типа происходило во владычном дворе и сами печати с изображением богородицы и креста были личными архиепископскими печатями, а не прикладывавшимися от имени новгородского архиепископа, как считал Н. П. Лихачев[3].

Иной характер имеют многочисленные печати частных грамот, содержащие указание на их принадлежность официальным лицам. Подавляющее большинство этих печатей также имеет на лицевой стороне изображение восьми- или шестиконечного креста на подножии. В отличие от архиепископских, они не являются анонимными, так как их оборот всегда содержит имя и отчество владельца в родительном падеже. Трудность их истолкования заключается в том, что, кроме имени и отчества, надписи печатей ничего не сообщают об их владельце. Некоторый свет проливает следующий факт. Среди печатей частных грамот имеется один тип (известный в пяти экземплярах)[4] с изображением шестиконечного креста на подножии на одной стороне и надписью: **пєѵ̃ат|ьостафь|и|аколи|ѵ̃а** на другой. Остафий Яковлевич известен также по другой печати, где упомянута и его официальная должность:

Л. с. Шестиконечный крест на подножии.

О. с. Надпись в шесть строк: **пєѵ̃а|ть оста|фьи|ак|олиѵ̃.|влдѵ̃нѫ|.амст.** (Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXVII, *12*).

Тем показательнее печати третьего типа, где, помимо имени, упоминается и официальная должность его носителя. Перечислю их все:

1. Л. с. Восьмиконечный крест на подножии.

О. с. Надпись в шесть строк: **...а|.ьон...|анам|с.тника|влдѵ̃н|ѫ.**
1448—1449 гг. Закладная Власа Степановича Николаевскому Чухченемскому монастырю. Грамота № 152.

2. Л. с. Восьмиконечный крест на подножии; вокруг ободок из точек.

О. с. Надпись в шесть строк: **пєѵ̃а|тыкон|наналиѣ|.тьника|влѵ̃|ѫ.**
Середина XV в. Купчая Ивана Грихнова. Грамота № 186. (Н. П. Лихачев. Альбом. XLIV, *5*). Два других экземпляра той же печати при грамотах № 203 и 206.

3. Л. с. Восьмиконечный крест на подножии.

О. с. Надпись в четыре строки: **..ѵ̃ат|налиѣст..|ка влдѵ̃н. гє|надь|а.**
Середина XV в. Купчая Дмитрия Алферьевича. Грамота № 189.
Другой экземпляр при грамоте № 216.

4. Л. с. Шестиконечный крест на подножии.

О. с. Надпись в пять строк: **пєѵ̃а.| лстнк|.ѣскговла.|нѫ|иван.**
XV в. Данная Ивана Михайловича на село Онашинское. Грамота № 254.

[1] Грамота № 300.
[2] Грамота № 272.
[3] Н. П. Лихачев. Ук. соч., вып. 1, стр. 34.
[4] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, № 132—136.

Фрагмент замечательной печати из той же серии был издан Н. П. Лихачевым в Сфрагистическом альбоме:

Л. с. Надпись в четыре строки: ..ѵ҃ат|..нкн|....ан|...ѵ҃а.

О. с. Четырехконечный крест на подножии: на концах креста по три точки; по сторонам надпись в четыре строки: н —.| лє —..|нн—..|ва—.. (Н. П. Лихачев. Альбом. LVI, *2*).

Надписи восстанавливаются таким образом: (пє)ѵ҃ат(ь н)нкн(тъııв)ан (овн)ѵ҃а н(а)лє(ст)нн(ка)ва(ѵ҃а).

Композиция надписей и изображений оборотной стороны детально совпадает здесь с композицией оборотной стороны новоторжской печати с именем Василия (№ 6).

Напомню, что на всех известных государственных печатях Великого Новгорода уже с начала XIV в. употребляются только светские эмблемы [1]. Светские эмблемы на печатях частных грамот присутствуют лишь как редчайшее исключение.

Приведенный материал говорит о непосредственной связи изображения восьми- или шестиконечного креста на подножии с церковной властью, точнее — с властью архиепископа новгородского.

Все высказанные соображения заставляют меня видеть в печати с именем Давида из кремлевской находки печать архиепископа, а не новоторжскую, как считал А. В. Орешников [2], в печатях же новоторжских— печати владычных наместников в Торжке.

В компетенцию владычного наместника, как это видно из Устава князя Владимира о церковных судах и десятине, аналогичного Устава князя Всеволода, Новгородской и Псковской судных грамот, входило творить церковный суд.

Круг дел, подлежавших этому суду, не ограничивавшемуся только защитой религиозных норм, включал в себя и вопросы гражданского права: дела о наследстве («или братья или дети тяжутся о задницу» [3]), утверждение духовных, купчих, рядных, данных, закладных и т. п. (частные акты с наместничьими печатями). Существование владычных наместников на Двине засвидетельствовано как описанными уже печатями Антона (?), Ивонна (Ионы?), Генадья, Остафья Яковлевича и Ивана, так и благословенной грамотой архиепископа Иоанна игумену Луке [4]. Владычные наместники на Ваге и в Обонежье оставили нам печати с изображением восьмиконечного креста. Псковская летопись под 1454 г. сообщает о существовании такого наместника в Пскове: «. . .бысть пожар велик зело в граде Пскове: загореся от Боловине лавицы от Прокофьева двора, владычня наместника» [5].

Для того чтобы окончательно обосновать высказанное предположение о существовании подобных наместников в Торжке и принадлежности им рассмотренных печатей, необходимо проверить и подтвердить предположения об одноименности святых с лицевых сторон этих печатей новгородским архиепископам. Ниже сопоставлены имена святых с именами новгородских владык XIV — начала XV в.:

---

[1] Известные изображения восьми- и шестиконечного креста на печатях Славенского и Плотницкого концов и святых на печатях Неревского и Загородского концов связаны с упоминанием на этих печатях патрональных церквей.

[2] А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 145.

[3] Устав святого великого князя Владимира о церковных судах и десятинах. П., 1915, стр. 6.

[4] А. А. Шахматов. Исследования о Двинских грамотах XV в. СПб., 1903, стр. 145.

[5] ПСРЛ, IV, 215.

Печати	Архиепископы
св. Давид Солунский (№ 1—4, 16)	Давид (1308—1324)
св. Моисей (№ 5)	Моисей (1324—1330)
святитель Василий (№ 6, 7)	Василий (1331—1352)
св. Моисей (№ 5)	Моисей (1352—1359)
св. муч. Алексей Цареградский (№ 8—12)	Алексей (1359—1388)
св. Иоанн (№ 13, 14)	Иоанн (1388—1414)
	Симеон (1415—1421)
	Феодосий (1421—1423)
святитель Евфимий (№ 15)	Евфимий Брадатый (1423—1428)
	Евфимий Лисицкий (1429—1458)

Все группы новоторжских печатей полностью распределяются между современными им архиепископами, получив, таким образом, более точные хронологические определения.

По связи последней печати, изображающей Евфимия, с датированной грамотой я отношу ее ко времени архиепископа Емельяна-Евфимия Брадатого (1423—1428), нареченного Евфимием в 1428 г.[1] Подтверждением этому служит то, что патроном Евфимия Лисицкого был не святитель Евфимий, а преп. Евфимий Великий[2]. Купчая Михаила Федоровича составлена до 1417 г. Таким образом, между ее составлением и утверждением прошло по крайней мере одиннадцать лет. Выше был приведен пример подобного несоответствия текста и печати при данной Клима и Ивана Михайловых детей Соловецкому монастырю. Известен также ряд грамот, к которым печать никогда не была привешена, хотя они однотипны с запечатанными. Все эти наблюдения говорят о том, что печать может и не соответствовать точно времени составления грамоты, будучи иногда на несколько лет моложе последней.

В данном случае возможна попытка объяснить несоответствие. Около 1430 г. село Медна было пожертвовано наследниками Михаила Федоровича Троице-Сергиеву монастырю[3]. Вероятно, для юридического оформления пожертвования потребовался изготовленный по всем правилам документ на владение селом. Тогда-то он и был снабжен печатью. Наличие при грамоте печати времени Евфимия Брадатого говорит о том, что передача Медны Троице-Сергиеву монастырю совершилась в 1428 г.

Отмечу одну орфографическую особенность описанных печатей, подтверждающую, в частности, правильность объединения в одну группу обеих печатей с изображением св. Василия. Надписи оборотной стороны различаются по присутствию или отсутствию буквы «ж» в слове «новоторжского». Закономерности написания этого слова оказались строго последовательными. На всех печатях времени Давида, Моисея и Василия (т. е. до середины XIV в.) буква «ж» в нем присутствует, на всех печатях времени Алексея и Иоанна (вторая половина XIV в.) употреблена форма «новоторъского» или «новоторьского»; на печати времени Евфимия — опять «новоторжьского». В современных печатям рукописях единство правописания этого слова сохраняется лишь в пределах одного какого-либо документа, отображая особенности произношения того или иного писца. Думается, что бо́льшая стройность в орфографии печатей говорит о копировании только что устаревших образцов, а может быть, и об изготовлении сходных по орфографии матриц одним резчиком.

[1] ПСРЛ, VIII, 94.

[2] В Новгородской летописи под 1445 г. сообщается, что владыка Евфимий поставил у себя «на сенях» каменную церковь Евфимия Великого и освятил ее 30 января.

[3] Центрархив. Памятники социально-экономической истории Московского государства в XIV—XVII вв., т. I, М., 1929, стр. 18 и след.

ПАМЯТИ А. Ю. ЯКУБОВСКОГО

21 марта 1953 г. в Ленинграде скончался один из виднейших советских археологов — историков Востока, член-корреспондент Академии Наук СССР, действительный член Академии наук Таджикской ССР, заслуженный деятель науки Узбекской и Таджикской ССР, начальник Таджикской археологической экспедиции, заведующий сектором Средней Азии и Кавказа Института истории материальной культуры Академии Наук СССР и среднеазиатским отделением Государственного Эрмитажа, лауреат Сталинской премии профессор Александр Юрьевич Якубовский. В его лице советская историческая наука потеряла талантливого ученого, патриота и крупного неутомимого исследователя, чуткого товарища, прекрасного человека, вся творческая жизнь которого была направлена на изучение далекого прошлого народов нашей великой Родины.

А. Ю. Якубовский родился в 1886 г. По окончании в 1913 г. Петербургского университета по историко-филологическому отделению он более десяти лет проработал преподавателем истории в старших классах средней школы, а после Великой Октябрьской социалистической революции—и на рабочем факультете Электротехнического института.

В 1920 г., в возрасте 34 лет, поступив экстерном на восточный факультет Петроградского университета, А. Ю. Якубовский в 1924 г. его оканчивает, получив, таким образом, второе высшее образование.

Особое влияние на формирование научных интересов А. Ю. Якубовского оказал один из крупнейших представителей русского востоковедения, академик В. В. Бартольд, под руководством которого в 1925—1930 гг. прошел первый этап научной деятельности А. Ю. Якубовского.

С 1925 г. А. Ю. Якубовский начал работать в Академии истории материальной культуры (ныне Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР). С этим научным учреждением была связана вся научная жизнь А. Ю. Якубовского, здесь он проработал 28 лет, до дня своей смерти, пройдя путь от научно-технического сотрудника до заведующего сектором Средней Азии. Одновременная работа в ГАИМК — ИИМК и в Государственном Эрмитаже (с 1928 г. по день смерти) определила особенности научной специальности А. Ю. Якубовского как историка-медиевиста с широкими интересами в области советского Востока (Кавказ, Средняя Азия), а также зарубежной Передней Азии. С не меньшим успехом он занимался и вопросами, связанными с взаимоотношениями древней Руси с Золотой Ордой. Хорошо владея необходимыми письменными источниками, А. Ю. Якубовский всегда проявлял особенный

интерес к материальной культуре изучаемых областей, в своих исследованиях он всегда широко привлекал археологические памятники как полноценный исторический источник. На протяжении всей творческой жизни А. Ю. тесно переплетались его исторические и археологические интересы.

В первой работе А. Ю. Якубовского «Образы старого Самарканда» много внимания уделено материальной культуре Средней Азии эпохи Тимура[1]; она написана еще под сильным влиянием В. В. Бартольда, но уже в ней могут быть отмечены первые попытки марксистского истолкования событий. Эта статья вышла в свет почти одновременно с началом работы А. Ю. в ГАИМК, а уже в следующем году разряд Средней Азии ГАИМК, руководителем которого был В. В. Бартольд, командирует А. Ю. Якубовского на родину Тимура в Шахрисябз, где А. Ю. Якубовский определил, описал и сфотографировал все наиболее важные средневековые памятники этого города. Правда, доклад А. Ю. Якубовского «Шахрисябз при Тимуре», прочитанный им осенью 1926 г., не был опубликован, но данные, полученные в результате этой поездки, позднее были использованы им в ряде работ, посвященных Средней Азии XIV—XV вв.

Следующие две работы А. Ю. Якубовского посвящены анализу двух малоизвестных текстов, проливающих свет на два важных эпизода из истории раннесредневековой Руси[2]. Эти исследования открыли собой ряд работ, связанных с историей Восточной Европы. А. Ю. Якубовский в последние годы жизни снова, как мы увидим ниже, возвращался к этой тематике.

Затем А. Ю. Якубовский обратился к темам, связанным с материальной культурой Средней Азии. Три его работы, появившиеся одна за другой в 1929—1930 гг. (две в изданиях ГАИМК и одна в пятом томе «Записок» Коллегии востоковедов), были посвящены описанию развалин важных в историческом отношении городов Средней Азии и основаны уже на полевой работе автора, начатой им в 1926 г.[3] Эти работы, посвященные городищам Сыгнака на Сыр-Дарье и Ургенча и Миздахкана в Хорезме, являются результатом разведывательных археологических поездок А. Ю. Якубовского. Во время этих поездок он не производил археологических раскопок, но подробные описания городищ и наземных памятников, сборы подъемного материала были важными элементами ознакомления с прошлым этих поселений. Все эти три работы построены по строгому плану. Вначале дается подробный разбор сведений о данном городе, почерпнутых из письменных источников, потом следует сводка данных об истории изучения городища, а затем дается подробное топографическое описание городища, сопровождаемое некоторыми историческими выводами.

И если мы не можем назвать эти работы археологическими в полном смысле этого слова, так как археологический источник привлекается здесь, в основном, в качестве дополнения к свидетельствам источников письменных, на которых и лежит центр тяжести исследования, все же следует признать, что эти статьи, особенно же обстоятельный очерк, посвя-

---

[1] Образы старого Самарканда. «Восток», кн. V, 1925, стр. 140—163.

[2] Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. = 943/4 г. Византийский временник, т. XXIV, 1926, стр. 63—92; Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII века. Византийский временник, т. XXV, 1928, стр. 53—76.

[3] Развалины Сыгнака. СГАИМК, т. II, Л., 1929, стр. 123—159; Развалины Ургенча. ИГАИМК, т. VI, вып. 2, Л., 1930, Городище Миздахкан. ЗКВ, т. V, Л.,1930, стр. 551—581.

щенный древнему Ургенчу, несомненно, явились важным этапом в развитии советской археологической науки о Средней Азии. Прекрасно и детально проанализированные сведения из письменных источников до сих пор могут служить образцом того, как следует подготовляться

А. Ю. Якубовский (1886—1953)

к археологическому изучению того или иного объекта, а тщательное и точное описание изученных им городищ, несомненно, помогло работе дальнейших исследователей.

К этим работам примыкают и две следующие работы А. Ю. Якубовского, поскольку они в значительной мере базируются на археологическом материале. С другой стороны, рассматриваемые работы органически связаны с интересами А. Ю. Якубовского к истории Восточной Европы и подводили его к излюбленной теме — истории Золотой Орды и ее взаимоотношений с Русью.

Эти статьи, посвященные столице Золотой Орды — Сараю-Берке и его промышленности, основаны главным образом на хранящихся в Эрмитаже материалах из старых раскопок этого города, проводившихся Терещенко и отчасти Баллодом[1]. Возникли они в связи с организацией в Эрмитаже

[1] К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. ИГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, Л., 1931. Столица Золотой Орды—Сарай-Берке. Л., 1932.

большой постоянной выставки, посвященной Золотой Орде и вошедшей в состав первой постоянной экспозиции отдела Востока Эрмитажа, разработанной академиком И. А. Орбели и А. Ю. Якубовским.

В этих работах проводится правильная мысль о паразитическом характере золотоордынского государства и о том, что ремесленная промышленность его столицы обязана своим процветанием иноземным мастерам, главным образом хорезмийцам, эксплуатируемым монгольской знатью. Для доказательства этого положения, прочно вошедшего в число достижений советской археологической науки, очень важными оказались работы А. Ю. Якубовского в Ургенче и Миздахкане. Заслуги А. Ю. Якубовского в деле изучения связей Хорезма и Восточной Европы не раз подчеркивались последующими исследователями.

Написание очерка «Самарканд при Тимуре и тимуридах»[1] тесно связано как с полевыми работами 1926—1929 гг., в частности с поездками в Шахрисябз и Хорезм, так и с исследованиями в области истории Золотой Орды и Средней Азии XIII—XV вв. Уже одно содержание разделов этой работы (политическая обстановка в Средней Азии, войско и вооружение в Чагатайском государстве, ремесленная промышленность и строительство в Самарканде при Тимуре, постройки времени Тимура и, наконец, Самарканд при Улугбеке) ясно говорит о том широком историко-культурном фоне, на котором А. Ю. стремился показать экспонируемые в залах Эрмитажа среднеазиатские памятники XIV—XV вв. И хотя эта работа была написана А. Ю. в форме научно-популярного очерка, она и по сей день остается наиболее глубоким исследованием из всех работ, посвященных архитектурным памятникам Самарканда.

Определению отдельных памятников эрмитажного собрания посвящены и две статьи А. Ю. в сборнике «Памятники эпохи Руставели»[2], а популяризации выставок отдела Востока служили написанные им путеводители[3], явившиеся в значительной своей части результатом большой научно-исследовательской работы А. Ю. как над отдельными памятниками, так и над общими вопросами истории культуры.

Важнейшей работой раннего периода научной деятельности А. Ю. Якубовского является большая статья, помещенная в качестве вводной к сборнику документов по торговле Средней Азии с Московским государством, статья, исследующая вопрос о феодальном обществе Средней Азии и его торговле с Восточной Европой в X—XV вв.[4]

В этой работе, дающей широкую картину жизни феодального общества Средней Азии, сделана попытка, обобщив все ценное, имеющееся в трудах В. В. Бартольда по этому вопросу, пойти дальше вперед, подвести прочную марксистско-ленинскую теоретическую базу под тот громадный фактический материал, который был собран предшествующими поколениями русских ориенталистов и главным образом непосредственным учителем А. Ю. Якубовского — В. В. Бартольдом. Эта статья может быть с полным правом названа первой марксистской работой по истории феодаль-

---

[1] Самарканд при Тимуре и тимуридах. Л., 1933.

[2] Ваза с изображением музыканта и игры в поло. Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, стр. 201—208; Кашгарское блюдо XII—XIII вв. Там же, стр. 209—216.

[3] Культура и искусство Востока в памятниках Эрмитажа. Л., 1937; Культура и искусство Средней Азии. Л., 1940; Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 7—23.

[4] Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV веках. «Труды Историко-археографического института», т. 6, вып. 3, ч. 1, Л., 1933, стр. 1—60.

ной Средней Азии, затрагивающей основные вопросы общественного развития этой страны.

Однако статье присущи и серьезные недостатки. К ним следует прежде всего отнести восходящую в конечном счете к М. Н. Покровскому переоценку значения торгового капитала и торговли вообще в истории феодального общества Средней Азии, хотя при этом А. Ю. Якубовский не упускает из виду то обстоятельство, что, несмотря на большое развитие на Востоке в это время товарно-денежных отношений, общество продолжало оставаться феодальным[1]. Следуя за академиком Б. Я. Владимирцовым, А. Ю. Якубовский в своей статье постулирует кочевой феодализм, допуская ошибку, которая была чрезвычайно распространена в советской исторической науке не только в начале 30-х годов, но и значительно позже[2]. В указанной работе А. Ю. Якубовский переоценивает также темпы развития феодального строя в Средней Азии, считая феодализм IX—X вв. «зрелым». Повторяя положения своего учителя, А. Ю. видит положительную роль монгольского завоевания в том, что монголы оказались организаторами крепкой государственности, необходимой для дальнейшего роста торгово-денежных отношений[3].

Но, несмотря на недочеты, рассматриваемая статья не только была важным этапом в научном развитии самого автора, но и оказала большое влияние на формирование марксистской исторической науки о средневековом Востоке.

Как и для всей советской исторической науки, для установления верного направления научной деятельности А. Ю. Якубовского большую роль сыграли важнейшие постановления ЦК ВКП(б) по вопросам исторической науки (1934 г.).

В этом смысле характерна его работа о социальной природе государства Газневидов[4], написанная в связи с юбилеем знаменитого таджикского поэта Фирдоуси. Эта работа приобрела большое значение для понимания особенностей феодальных отношений на всем Ближнем и Среднем Востоке в раннее средневековье.

Начиная с этих двух работ, А. Ю. Якубовский уверенно идет к решению больших и важных исторических вопросов, упорно преодолевая свои былые ошибки и заблуждения, с каждым шагом все выше поднимаясь к вершинам марксистско-ленинской науки.

В начале 30-х годов А. Ю. Якубовский наряду со своими историческими исследованиями продолжает усиленно заниматься и полевыми археологическими работами, всегда так привлекавшими его. В 1934 г. под его руководством была проведена археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину[5]. В ходе этой экспедиции была обследована и описана большая группа городищ, расположенных вдоль известной в средние века Самаркандской дороги, идущей от Бухары до Самарканда.

Среди памятников, открытых экспедицией 1934 г., особо следует отметить древнейшую в Средней Азии мечеть в Хазара, относящуюся, по определению А. Ю., «ко времени не позже начала X в., а по всей вероятности,

---

[1] Там же, стр. 18.

[2] Ту же ошибку А. Ю. Якубовский повторил в своей рецензии на известную работу Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» — Исторический сборник, т. V, 1936, стр. 293—313.

[3] Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв., стр. 40.

[4] Махмуд Газневи (К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства). Сборник «Фердовси», Л., 1934, стр. 51—96.

[5] Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции). ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 113—162.

к IX в. или даже концу VIII в.»[1]. Основной задачей экспедиции было тщательное обследование остатков оборонительной стены Кампырдувал, ограждавшей в древности Бухарский оазис от набегов кочевников, в результате чего был получен ценный материал для характеристики взаимоотношений между оседлыми земледельцами Средней Азии и кочевниками.

Другой экспедицией этого периода, проведенной под руководством А. Ю. Якубовского, была Зарафшанская археологическая экспедиция Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. Один из отрядов этой экспедиции продолжил археологические работы на городищах Тали-Барзу и Кафыр-кала, другой провел обследование городища Пайкенда. Оба отряда произвели раскопки, собрали ценные вещественные материалы и сделали ряд важных исторических наблюдений[2].

Деятельность А. Ю. в области археологического изучения Средней Азии в 1930—1940 гг. не ограничивалась руководством двумя Зарафшанскими экспедициями. Возглавляя в эти годы сектор ИИМК и отдел Востока Эрмитажа, А. Ю. принимает активное участие в подготовке и проведении большей части основных исследований по археологии Средней Азии, и в дни празднования 20-летия ГАИМК — ИИМК именно он подытожил и обобщил результаты этих исследований[3].

Подведению итогов для подготовки к дальнейшему развертыванию работ была посвящена и статья А. Ю. «Из истории археологического изучения Самарканда»[4], вновь привлекшая внимание советских археологов к замечательным памятникам Самарканда и его древнему городищу Афрасиабу.

В 1935 г. А. Ю. Якубовскому была без защиты диссертации присуждена степень доктора исторических наук. Одновременно ему было присвоено звание профессора Ленинградского университета, где он работал в течение многих лет. Ряд курсов, прочитанных им на восточном факультете Ленинградского университета, сыграл весьма значительную роль в подготовке молодых кадров историков-востоковедов. Лекции А. Ю. Якубовского благодаря его большому лекторскому таланту неизменно привлекали многочисленную аудиторию, состоявшую не только из студентов, но и из научных работников-востоковедов других научных учреждений Ленинграда.

Наиболее популярным из его курсов, бесспорно, был курс «Истории халифата». Нельзя забывать, что с судьбой халифата были тесно переплетены судьбы всех стран Ближнего Востока, в том числе и стран Советского Востока — Средней Азии и Кавказа, в первую очередь. К сожалению, построенный на марксистской основе, тщательно проработанный в смысле привлечения важнейших фактов социально-экономической, политической и культурной истории, курс лекций по истории халифата не был автором опубликован.

Свидетельством серьезности, с которой А. Ю. Якубовский разрабатывал историю халифата, являются его две замечательные работы, по-

---

[1] КСИИМК, VI, 1940, стр. 22.

[2] Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 51—69; Зарафшанская археологическая экспедиция 1939 г. КСИИМК, IV, 1940, стр. 48—52.

[3] ГАИМК — ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет (извлечение из доклада «Итоги археологического изучения Средней Азии»). КСИИМК, VI, 1940, стр. 14—23.

[4] Из истории археологического изучения Самарканда. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 285—336.

священные Ираку,— области, сыгравшей выдающуюся роль в судьбах этого государства. Одна из них носит название «Об испольных арендах в Ираке в VIII в.»[1]. Положив в основу этой работы обширный отрывок из важнейшего юридического памятника на арабском языке, написанного в VIII в.,— «Книги о Харадже» (земельном налоге) Абу-Йусуфа, использовав одновременно обширный материал других первоисточников, А. Ю. Якубовский с большим мастерством показал громадное значение испольных аренд для социального строя халифата.

Особый интерес этой работы заключается в показе самой фигуры издольщика, которую А. Ю. справедливо считает одной из наиболее «существенных категорий» возделывателей земли в Ираке VIII в., в свою очередь столь же справедливо подчеркивая, что «нельзя написать историю социального строя халифата, не зная как следует непосредственного производителя сельского хозяйства»[2].

Глубоко правильная марксистская постановка вопроса очень хорошо видна в следующем замечании А. Ю. Якубовского: «Конечно, в зависимости от способа производства, в условиях которого производит испольщик, резко меняется и его социальное содержание: между испольщиком разлагающегося рабовладельческого общества и испольщиком феодализма эпохи его разложения то коренное различие, что ближайшей перспективой первого является превращение в крепостного, а второго — в наемного сельского рабочего»[3].

Крупный научный интерес представляет и вторая работа, посвященная Ираку, — «Ирак на грани VIII—IX вв.»[4].

Свою задачу А. Ю. Якубовский, как он об этом сам пишет, видел в том, «чтобы вскрыть наиболее яркие черты общественного строя халифата», и поэтому выбор Ирака надо признать чрезвычайно удачным, ибо именно «в Ираке с исключительной четкостью определились все главнейшие противоречия, которые были в халифате».

В сравнительно небольшой по размерам работе А. Ю. Якубовский сумел развернуть в широком плане узловые проблемы истории халифата. Так, с большим мастерством и убедительностью показаны причины, которые привели к падению первого (омейядского) халифата.

Откровенно хищническая политика арабских завоеваний по отношению к покоренным народам, нашедшая свое выражение в цинической формуле, приписываемой арабскими авторами знаменитому Омару I: «Мусульмане едят их (покоренных), пока они живы; когда мы и они умрем, наши дети будут есть их детей, пока они живы»,— обострила прежде всего классовые противоречия, вызвав ряд крупнейших социальных, классовых в своей основе, народных движений против Омейядов.

Однако, бесспорно, прав А. Ю. Якубовский, когда, наряду с подчеркиванием классового характера антиомейядских движений в Ираке, он одновременно выдвигает на передний план и другой аспект противоречий в омейядском халифате. «В Ираке,— пишет А. Ю. Якубовский,— все трудящееся население, которое при Омейядах рассматривалось только с точки зрения своей способности выплачивать налоги, прекрасно понимало, что его эксплоатируют не только как раба, крестьянина и ремесленника, но и как иноплеменника, к тому же завоеванного, и, наконец, как

---

[1] Об испольных арендах в Ираке в VIII в. СВ, т. IV, 1947, стр. 171—184.
[2] Ук. соч., стр. 171.
[3] Там же.
[4] Ирак на грани VIII—IX вв. (Черты социального строя халифата при Аббасидах). «Труды Института востоковедения АН СССР», т. XXIV, 1937, стр. 25—49.

иноверующего. В какой-то доле должен был быть недоволен и купец и феодал-землевладелец неарабского происхождения. Когда-то полный хозяин своих земель, монопольно эксплоатировавший трудящееся население данной страны или области, он теперь находится на милости у победителя араба»[1]. Именно такая постановка вопроса дала возможность А. Ю. Якубовскому показать характер переворота в халифате, выразившегося в свержении Омейядов и приходе к власти Аббасидов, с одновременным перенесением центра халифата из Сирии (Дамаск) в Ирак, где была основана новая столица халифата — Багдад. Совершенно прав А. Ю. Якубовский, когда пишет, что «если омейядский халифат и можно назвать арабским, то аббасидский следует именовать арабо-иранским».

С большим мастерством в этой работе показана классовая сущность нового халифата. Ставя четко вопрос о том, что же получили в результате переворота народные массы, А. Ю. Якубовский с такой же четкостью дает ответ: «трудящиеся массы — земледельцы и ремесленники — не получили ничего, кроме ухудшения своего положения».

«Аббасиды не разрешили противоречий, которые раздирали халифат, особенно Ирак. В известной мере противоречия даже обострились. Если в омейядский период общая ненависть к Сирии и Дамаску, как символам угнетения арабских феодальных верхов, могла на время объединить классово-враждебные элементы Ирака, то при Аббасидах, когда иракские феодалы стали хозяевами положения, трудящиеся массы получили возможность ясно видеть, где их настоящие враги... именно на аббасидский период падают главным образом крестьянские движения почти по всему халифату, особенно в его восточных областях»[2].

Дальнейшие страницы этой работы, в которых дана всесторонняя картина классовой структуры и общественных отношений аббасидского халифата, не могут быть здесь детально охарактеризованы. Можно лишь подчеркнуть, что как в смысле использования первоисточников, так и в отношении характеристики отдельных институтов — рабства, формы земледелия, налоговой системы и пр.— они бесспорно являются лучшими из того, что написано по истории халифата.

В связи с углубленным изучением социально-экономической проблематики истории Ближнего Востока А. Ю. Якубовский не мог пройти мимо конкретных фактов классовой борьбы, принимавших зачастую формы антифеодальных народных войн. «Ориенталистам,— пишет А. Ю. Якубовский,— хорошо известно, как богата история феодального общества на Востоке движениями крестьян и ремесленников». Два исследования А. Ю. Якубовского, посвященные специально крупным народным движениям в Средней Азии, названные по именам руководителей этих движений — «Восстание Тараби» и «Восстание Муканны»[3], являются бесспорно лучшими работами в этой области.

В 1937 г. востоковедная научная общественность широко отмечала 900-летний юбилей со дня рождения знаменитого таджикского философа и ученого энциклопедиста, прославленного медика Ибн Сины, известного в Европе под именем Авиценны. И хотя А. Ю. Якубовский не являлся специалистом по истории науки, он живо откликнулся на этот юбилей докладом, прочитанным им на заседании второй сессии арабистов и затем

---

[1] Указ. соч., стр. 28.

[2] Указ. соч., стр. 32.

[3] Восстание Тараби в 1238 г. «Труды Института востоковедения АН СССР», т. XVII, 1936, стр. 101—135. Восстание Муканны — движение людей в белых одеждах. СВ, т. V, 1948, стр. 35—54.

напечатанным в «Известиях Академии Наук СССР» под названием «Время Авиценны»[1].

Через полтора десятилетия, в 1952 г., когда по решению Венского конгресса сторонников мира все передовое человечество снова чествовало Авиценну в связи с исполнившимся 1000-летием со дня рождения (по летосчислению хиджры), как философа и ученого, «вся деятельность которого основана на требованиях истины и разума»[2], А. Ю. снова возвращается к этой теме, опубликовав обширное исследование «Абу-Али Ибн Сина и его время»[3]. Обе эти работы, особенно вторая, во многих отношениях представляют исключительно большой интерес. Восстанавливая этап за этапом жизненный путь великого ученого, А. Ю. Якубовский дает одновременно богатую деталями, яркую картину эпохи. Особенно удались ему характеристика городской жизни, в частности, характеристика Бухары рубежа X и XI вв. и существовавших тогда культурных учреждений.

В не меньшей мере удалось А. Ю. Якубовскому охарактеризовать и условия, в которых приходилось жить ученому, обстановку, полную превратностей и препятствий. На этом фоне с особой яркостью выступает гений ученого, сумевшего преодолеть на своем пути все помехи и оставить богатейшее научное наследство, знаменующее собой, вместе с творчеством его современника Бируни, «высшее достижение средневековой восточной науки...».

В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, А. Ю. Якубовский принимает деятельное участие в подготовке к 500-летнему юбилею со дня рождения великого узбекского поэта Алишера Навои.

По поручению юбилейного комитета А. Ю. Якубовский написал работу, посвященную этногенезу узбекского народа.

Вопросы этногенеза отдельных народов Советского Союза в последние десятилетия с большой настойчивостью разрабатываются советской историографией. Важнейшее значение при разработке проблем исторического прошлого эти вопросы имеют и для народов среднеазиатских республик. Во многих отношениях проблема происхождения отдельных народов имеет для Средней Азии особую остроту, и правильное ее разрешение приобретает актуальный политический интерес.

В работе «К вопросу об этногенезе узбекского народа»[4], основные положения которой были повторены затем в предисловии к «Истории народов Узбекистана» (т. I)[5], А. Ю. Якубовский показывает пример правильного, исторически обоснованного разрешения этой сложной проблемы происхождения двух народов Средней Азии — узбеков и таджиков. В качестве особой научной заслуги А. Ю. Якубовского следует бесспорно отметить постановку вопроса о сложении узбекского народа, так как в этом вопросе, по его справедливому замечанию, «господствовал как наследие буржуазной науки, наивный и примитивный взгляд, что узбеки—пришлый народ, что в Мавераннахре, т. е. на территории современного Узбекистана, они появились только с конца XV в.»[6]. Подчеркивая тот бесспорный факт,

---

[1] Время Авиценны. ИАН СССР, Отделение общественных наук, 1938, № 3, стр. 93—108.

[2] Обращение председателя Всемирного Совета Мира Фредерика Жолио-Кюри. Газета «Правда» от 22 февраля 1952 г.

[3] Абу-Али Ибн Сина и его время (К 1000-летию со дня рождения по хиджре—мусульманской лунной эре). «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 87—110.

[4] К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.

[5] К. В. Тревер, А. Ю Якубовский, М. Э. Воронец. История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 7—14.

[6] Там же, стр. 8.

что «история народа нередко старше его имени»[1], А. Ю. Якубовский прослеживает шаг за шагом отдельные этапы появления на территории современного Узбекистана тех народов, которые послужили основными компонентами сложного этногенеза узбеков. Держась точных показаний исторических источников, А. Ю. Якубовский справедливо видит среди них в первую очередь те тюркоязычные племена, которые, начиная по крайней мере с VI в. н. э., выступают в качестве уже оседлых жителей отдельных районов Междуречья. Что касается узбеков-кочевников конца XV — начала XVII в., появившихся в Средней Азии со стороны расположенных к северу от оазисов Средней Азии степей, то они «были лишь новым слагаемым в этногенезе узбекского народа, слагаемым, которое постепенно, в процессе перехода на оседлый быт, приняло все культурное наследие от тюркоязычного земледельческого населения Среднеазиатского Междуречья»[2].

Правильно разрешает А. Ю. Якубовский вопрос о связи узбекского этногенеза с таджикским. «Узбеки и таджики,— пишет он,— в своей истории так тесно переплетены (территориально, экономически, политически и культурно), что на первый взгляд может показаться почти невозможным отделить историю одних от истории других». Анализ исторических фактов, проделанный А. Ю., с полной убедительностью показывает, что оба эти народа являются законными и бесспорными наследниками древнейших культурных народов Средней Азии — согдийцев, хорезмийцев и бактрийцев и что уже давно, не только в средние века, но и в древности, те и другие творили богатую своими достижениями культуру совместно, причем каждый из них вносил в нее своеобразные черты, которые обогащали одна другую[3].

В связи с этим нельзя не назвать глубоко справедливыми следующие слова А. Ю. Якубовского: «Ныне таджики и узбеки живут в Средней Азии как два народа, две социалистические нации, образуя две республики, входящие в великий Советский Союз,— Таджикскую ССР и Узбекскую ССР. Эти республики, естественно, имеют свои территории, но в прошлом они были теснейшим образом связаны между собой, как это мы и видели выше. Нельзя писать истории России без Киевской Руси, хотя последняя и находилась на территории нынешней Украинской ССР. Киевская Русь, как культурное наследие и основа исторического развития, входит в состав трех братских республик: РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР. Эта общность Киевской Руси только содействует братству трех народов — русского, украинского и белорусского. В такой же мере и территории Согда, понимая последний в широком смысле, входят в историю как узбекского, так и таджикского народов, ибо именно здесь зарождался, наряду с Хорезмом, Парфией и Бактрией, значительный очаг крупнейшей в древности среднеазиатской цивилизации, одинаково общий и для таджиков и для узбеков»[4].

Подчеркивая справедливость и научную обоснованность приведенных слов, нельзя одновременно и не отметить того, что они продиктованы идеями дружбы народов.

В связи с подготовкой к юбилею Алишера Навои А. Ю. Якубовским была написана работа «Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои», опубликованная в 1946 г.[5].

[1] К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец. Ук. соч., стр. 8.
[2] Там же, стр. 11.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 12.
[5] Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. «Алишер Навои», сборник статей АН СССР, 1946, стр. 5—30.

Вступительные слова этой статьи дают хорошее представление о характере самой работы: «Личность поэта, художника, ученого нельзя оторвать от исторической среды, и чем богаче эта личность, чем больше она внесла ценного своей деятельностью, своим творчеством, тем крепче она связана с окружающим ее обществом, которое ее питает и на которое она, в свою очередь, прогрессивно воздействует. Понять и объяснить гения можно только при условии знания общества, из которого он вышел».

Особенной удачей автора следует считать умелое сочетание характеристики общественного строя, социально-экономических условий описываемого времени с живой, а часто и яркой характеристикой многих деятелей эпохи и, в первую очередь, самого Алишера. В такой же мере удалась А. Ю. Якубовскому и характеристика культурной жизни в целом в двух главных городах тимуридских владений, с которыми была связана судьба Навои,— Самарканда и Герата.

В годы Великой Отечественной войны, в связи с пребыванием части Института истории материальной культуры Академии Наук СССР в Ташкенте, А. Ю. Якубовский был назначен руководителем этой группы и вел большую административно-организационную и научно-исследовательскую работу, осуществляя в то же время общее руководство Фархадской археологической экспедицией. Здесь, в значительной мере по его инициативе, был создан коллектив историков для составления трехтомной «Истории народов Узбекистана».

Написание раздела первого тома, охватывающего обширный период с VII по XV в. включительно, бесспорно, наиболее важного в этом томе и по размерам, и по значению, было поручено А. Ю. Якубовскому. Этот раздел, наиболее трудный, представляющий по сути дела монографическое исследование, размером около 25 печатных листов, несомненно, удался А. Ю. Якубовскому. Политическая и социальная история средневекового периода изложена с большой подробностью и конкретностью, а узловые проблемы становления и развития феодальных отношений четко разрешены на основе марксистско-ленинских положений. Здесь сказалась углубленная разработка этих проблем в предшествующих специальных работах.

Сказался и постоянный интерес А. Ю. Якубовского к вопросам истории культуры и особенно истории материальной культуры. Очерки, посвященные городам, ремеслам, сельскому хозяйству, науке и искусству, ярко рисуют огромный вклад, внесенный в историю мировой культуры народами Узбекистана и Средней Азии в целом.

В годы войны А. Ю. Якубовский написал чрезвычайно интересную работу, посвященную важному периоду истории уйгурского народа, а именно IX—X вв., когда близко родственный тюркоязычным народам Средней Азии уйгурский народ достиг значительной степени культуры, образовав самостоятельное княжество на территории Турфана (Синьцзян)[1].

В послевоенные годы научная продукция А. Ю. Якубовского была особенно разнообразна и актуальна. Дать исчерпывающую характеристику всех этих работ в короткой статье не представляется возможным. Можно остановиться лишь на наиболее важных его работах этого периода.

Как выше отмечалось, А. Ю. с первых шагов своей научной деятельности проявил большой интерес к истории древней Руси и ее взаимоотношениям с Востоком. Извлеченные им из сочинений восточных авторов ценные сведения, относящиеся к этому периоду русской истории, хорошо

---

[1] Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX—X веках. ТОВЕ, т. IV, Л., 1947, стр. 423—442.

известны специалистам. К этой тематике примыкают две новые его работы, касающиеся взаимоотношений древней Руси с народами Поволжья и Кавказа. В 1946 г. им напечатана статья «О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях»[1], а в 1948 г.— работа под названием «К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX—X вв.»[2]. Особый интерес представляет первая из названных работ, в которой, в отличие от целого ряда историков, в том числе и советских, до последнего времени переоценивавших роль хазарского каганата в истории Восточной Европы, А. Ю. Якубовский в этом вопросе занял совершенно правильную позицию; об этом говорит следующая цитата из его статьи: «Значение походов русов на восток, как нам представляется, недостаточно оценено русскими историками, хотя в свое время к ним был исключительно большой интерес: вспомним то внимание, которое было оказано этому вопросу крупным историком А. А. Куником. Большое внимание на эти походы обратили востоковеды, особенно акад. В. В. Бартольд, имевший случай высказываться о них не раз.

Позволим и мы себе остановиться на вопросе о значении этих походов для ранней русской истории. На самой заре русской государственности, в десятилетия, когда шло собирание под властью Киева основных русских земель, не могли не встать во весь рост вопросы упомянутых выше русско-хазарских отношений. Русским славянам не только необходимо было высвободить своих братьев в единоплеменников от власти хазар, не только обезопасить свои границы от их нападений, но и овладеть вторым великим водным путем — волжским, по которому давно велись торговые сношения народов Восточной Европы с прикаспийскими странами и Средней Азией. Хазарское царство полуоседлое, полукочевое, не имевшее даже прочного этнического состава (поскольку даже сами хазары были, повидимому, конгломератом племен, не всегда друг другу близких), не имело прочной базы для своего дальнейшего существования»[3].

Значительный интерес представляет и вторая работа, и не только с узко историко-топографической точки зрения. Она приобретает и более общее историческое значение, поскольку, как на это справедливо указывает А. Ю. Якубовский, города Итиль и Болгары «в торговых и культурных сношениях Поволжья и древней Руси с Средней Азией играли большую роль»[4].

Еще две работы А. Ю. Якубовского, относящиеся к этому же периоду, имеют также крупный общеисторический интерес. Это работы, посвященные вопросу периодизации истории Средней Азии в средние века и истории среднеазиатских городов.

В первой работе[5] была сделана попытка наметить характерные особенности отдельных этапов развития феодальных отношений в Средней Азии от VI до XV в. включительно. Несомненно, многие положения этой интересной работы будут приняты историками Средней Азии.

Однако, явно переоценена роль внеэкономического принуждения при характеристике феодальных отношений. Не вполне правильно трактуется вопрос о значении прикрепления крестьян к земле в развитии феодального строя на Ближнем Востоке и о роли монголов в установлении крепостнических отношений в Иране и Средней Азии.

---

[1] ИОИФ, т. III, № 5, 1946, стр. 461—472.
[2] СА, X, 1948, стр. 255—270.
[3] ИОИФ, 1946, № 5, стр. 469.
[4] СА, X, 1946, стр. 255.
[5] Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 30—43.

Впрочем, есть основание думать, что впоследствии А. Ю. Якубовский отказался от указанных неправильных положений. Так, в рецензии на книгу Б. Г. Гафурова «История таджикского народа» (2-е изд.) он ставит автору в упрек именно то, что он в вопросе о периодизации «...не исходит из того, какова была в тот или иной период развития феодализма в Средней Азии господствующая форма крупного феодального землевладения»[1].

Всем, кто знаком с работами А. Ю. Якубовского, хорошо известен постоянный интерес, который он проявлял к истории городской жизни в самых различных ее аспектах. Однако довести до печати свои многолетние исследования по вопросу о развитии городов он не успел. Только одна небольшая статья по этому вопросу была им опубликована в 1951 г.[2] Несмотря на небольшой размер, работа эта принадлежит к тем исследованиям, мимо которых ни один изучающий проблему истории городов Средней Азии пройти не сможет. Эта работа заставляет особенно сожалеть о том, что основное свое исследование А. Ю. Якубовский не успел напечатать.

Несомненно, одним из наиболее крупных достижений А. Ю. как историка являются его исследования по истории Золотой Орды. До последнего времени фактически не имелось по истории этого государства, столь близко связанного с историей русского народа, обобщающего исследования. И это не было случайным. Слишком разнородны по своему характеру источники, касающиеся Золотой Орды. Особенные затруднения представляли источники на восточных языках. Разносторонняя подготовка А. Ю. Якубовского здесь сказалась с особой силой.

Уже отмеченные выше работы А. Ю. Якубовского по этой тематике были встречены историками с большим сочувствием. Тем больший интерес вызвало появление в 1937 г. книги «Золотая Орда», написанной А. Ю. Якубовским совместно с академиком Б. Д. Грековым. Три издания, которые выдержала эта книга, являются показателем большой ее актуальности. Успех всех трех изданий ее был вызван и тем, что каждое новое издание являлось одновременно фактически новой книгой, со значительно расширенным и углубленным содержанием. За третье издание этой книги, в которое был включен новый, один из наиболее удавшихся разделов — «Падение Золотой Орды» — авторы ее были удостоены Сталинской премии 2-й степени.

В 1945 г. решением Президиума Академии Наук СССР была образована комплексная археологическая экспедиция по изучению Таджикистана, древняя история которого до той поры оставалась почти совершенно не изученной. Руководство новой Согдийско-Таджикской (ныне Таджикской) археологической экспедицией (ТАЭ) было поручено А. Ю. Якубовскому, и, начиная с 1946 г., он, несмотря на свой не молодой уже возраст, каждое лето выезжал в Таджикистан, где лично участвовал в полевых исследованиях. В 1946 г. А. Ю. во главе верхне-зарафшанского отряда провел широкую археологическую разведку, а с 1947 г. все его внимание было сосредоточено на раскопках древнего Пянджикента, избранного им в качестве основного объекта работ экспедиции.

Большой полевой опыт и тонкое историческое чутье не обманули А. Ю. Якубовского, и раскопки в Пянджикенте полностью оправдали его выбор. Работы ТАЭ охватили большую часть территории Таджикской ССР. В ходе этих работ удалось открыть многочисленные памятники

[1] «Коммунист», 1953, № 1, стр. 107.

[2] Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. «Труды Таджикского филиала АН СССР», т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 3—16.

различных эпох от верхнего палеолита до XVIII в. н. э. Однако и по историческому значению, и по богатству найденного здесь материала древний Пянджикент по настоящее время занимает в работах ТАЭ самое основное и самое почетное место.

Среди памятников культуры древнего Пянджикента бесспорно совершенно исключительное место занимает открытая экспедицией под руководством А. Ю. Якубовского, изумительная по качеству художественного выполнения, богатству сюжетов и по сохранности, живопись, покрывавшая стены главных храмовых комнат и парадных залов жилых зданий. Их описанию А. Ю. посвятил несколько своих работ[1].

Открытия в древнем Пянджикенте являются одним из наиболее крупных достижений советской археологии.

Древний Пянджикент являлся не только последним, но и самым любимым из археологических памятников, изучавшихся А. Ю. Помимо сообщений и отчетов о раскопках этого города[2], он написал о нем специальный очерк, вошедший в научно-популярный сборник, посвященный крупнейшим открытиям советских археологов[3].

Материал, добытый ТАЭ, позволил А. Ю. продолжить свои исследования и в области изучения истории среднеазиатского города. Развитие среднеазиатских городов интересовало А. Ю. еще во время его первых работ по археологии Средней Азии. Однако в те годы А. Ю., вслед за В. В. Бартольдом, фактически ограничивал себя вопросами исторической топографии. Позднее он не раз касался и вопросов благоустройства среднеазиатских городов. Но подлинное углубление проблематики в этой важной области А. Ю. Якубовский дает в своих послевоенных работах. Наиболее полное отражение взгляды А. Ю. по вопросам истории развития среднеазиатского города нашли в одной из последних его работ, где он широко использовал уже и пянджикентские материалы[4]. «Что говорить,— писал А. Ю. в этой работе,— вопросы исторической топографии городов — вопросы исключительно важные, без них невозможно вести исследования в области проблематики по истории города. Однако вопросы исторической топографии, так же как и вся группа вопросов, связанных с темами благоустройства городской жизни, будут до тех пор вопросами формальными, пока не будет поставлена проблема социально-экономического содержания городской жизни, того, что заключается внутри самой историко-топографической формы, иначе говоря,— жизни людей, вопросов производительных сил и производственных отношений, т. е. классовой структуры, классовых противоречий, идеологии и т. д.»[5].

Углубив и расширив проблематику вопроса, А. Ю. смог предложить и свое решение вопроса о шахристанах, т. е. городах VI—IX вв., когда,

---

[1] Живопись древнего Пянджикента. «Сообщения Таджикского филиала АН СССР», вып. XX, Сталинабад, 1949, стр. 13—17; Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг. ИОИФ, т. VII, № 5, 1950, стр. 472—491. Статья для сборника «Живопись древнего Пянджикента».

[2] Согдийская экспедиция. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 34—35; Работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ) в 1947 г. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 48—53; Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. Труды СТАЭ, т. I (МИА № 15), М.— Л., 1950, стр. 13—50; Краткие итоги работ в Пянджикенте в 1948 г., стр. 50—55.

[3] Древний Пянджикент. Сборник «По следам древних культур», М., 1951, стр. 209—270.

[4] Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. «Труды Таджикского филиала АН СССР», т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 3—16.

[5] Там же, стр. 4.

по его определению, «частично отмирают содержание и формы античного города, создается переходный своеобразный тип города, который также постепенно перерождается, пока на старом, а иногда и на новом месте не вырастает уже феодальный город»[1].

Преждевременная кончина прервала работы А. Ю. над материалами древнего Пянджикента; но каковы бы ни были дальнейшие находки, заслуга открытия древнего Пянджикента и его живописи, а также начало их изучения, навсегда останутся связанными с именем А. Ю. Якубовского.

В заключение хотелось бы особо выделить в научном наследии А. Ю. Якубовского ряд очерков, посвященных выдающимся деятелям русского и советского востоковедения. Все они проникнуты благородным стремлением показать прогрессивное и передовое начало в их деятельности — именно те черты, которые так свойственны русской передовой науке в целом[2].

В течение последних двух десятилетий А. Ю. Якубовский был виднейшим представителем советской востоковедческой исторической науки, воспитавшим большую группу учеников. Он умел пробуждать в своих учениках, слушателях и всех окружавших его людях интерес к прошлому своей родины, любовь к знанию — знанию живому, устремленному в будущее.

---

[1] Указ. соч., стр. 9.

[2] Памяти акад. С. Ф. Ольденбурга. ПИДО, 1934, № 3; И. Ю. Крачковский как историк. ИОИФ, 1945, № 1; В. Г. Розен как историк. Сб. «Памяти В. Г. Розена», 1947; Проблема социальной истории Востока в трудах академика В. В. Бартольда, ВЛУ, 1947, № 12; Академик И. А. Орбели. ВДИ, 1947, № 4; Павел Петрович Иванов как историк. СВ, 1948, № 5; Б. Я. Владимирцов. БСЭ, т. 8.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ *А. Я. БРЮСОВА* «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПЛЕМЕН ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В НЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ». Издательство Академии Наук СССР, М., 1952

4 декабря 1952 г. на заседании Ученого совета Института истории материальной культуры Академии Наук СССР состоялось обсуждение книги А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху». В обсуждении приняли участие сотрудники Института истории материальной культуры С. Н. Бибиков, С. В. Киселев, Е. И. Крупнов, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, М. Е. Фосс и сотрудник Института этнографии Г. Ф. Дебец.

Обсуждение началось кратким вступительным словом А. Я. Брюсова, в котором он указал на то, что мысль создать книгу, которая представляла бы собой попытку воспроизведения истории племен, населявших территорию нашей страны в эпоху неолита, появилась у него очень давно. Обсуждаемая книга, однако, ни в какой мере не претендует на полноту и безупречность. В ней имеется ряд пробелов, наиболее существенным из которых является недостаточная разработка вопроса об экономике. Этот пробел представляет собой результат того, что вопросы политэкономии, несмотря на ценнейшие указания классиков марксизма, почти не разработаны для эпохи неолита и бронзы. Эта сторона изучения древнего общества неизменно подменялась в археологических работах главами «Хозяйство» или «Хозяйство и быт», в которых анализ развития производительных сил и их взаимоотношений с производственными отношениями, влияния надстройки на базис, почти совершенно отсутствовал. В 1946 г., когда была начата работа над книгой, автор не рискнул взять на себя задачу разработки этого вопроса, который, в силу своей сложности, требовал прежде всего разработки специальных методов приложения к археологическому материалу марксистской теории экономики.

Все принявшие участие в обсуждении отметили ценность книги, представляющей собой первое обобщение исследований, произведенных в Европейской части СССР, по изучению первобытно-общинного строя в эпоху неолита и бронзы. А. Я. Брюсовым подведены итоги этого изучения за советский период. Многочисленные статьи, написанные на самые разные темы, отчеты, заметки и пр., рассеянные в различных археологических изданиях, были собраны и переработаны под определенным углом зрения с целью освещения вопросов, связанных с историей древних племен.

В изучении северных и южных археологических памятников эпохи неолита и бронзы долгое время наблюдался разрыв. Исследователи, занимавшиеся южными культурами, сосредоточивали свое внимание исключительно на южных археологических памятниках, и, наоборот,

изучавшие северные культуры ограничивали свое поле зрения только северной областью. Таким образом, получалось представление о какой-то оторванности древнего общества, развивавшегося на юге, от общества, существовавшего на севере, чего в действительности не было. Такая же искусственная изоляция отмечалась в отношении фатьяновской культуры.

В «Очерках» культуры, известные на территории Европейской части СССР, рассматриваются в известном соотношении. А. Я. Брюсовым предпринят первый опыт по синхронизации археологических культур, сложившихся в третьем-втором тысячелетиях до нашей эры, что позволило ему подойти к постановке вопроса о взаимоотношениях племен, создавших эти культуры.

В книге дана краткая характеристика каждой из упоминаемых культур, как лесной, так и степной полосы, так что читатель может представить себе общую картину, развертывающуюся перед ним на значительной части территории Восточной Европы. Сопровождающие книгу многочисленные иллюстрации, столь необходимые в археологических работах, дополняют текст, уточняя описание характерных для культур предметов; приложенные карты (часть которых составлена самим автором) позволяют представить себе точное местонахождение памятников, относящихся к той или другой культуре.

Суммарное представление о лесном неолите дифференцируется при чтении «Очерков»: А. Я. Брюсов показывает не только хронологическое различие неолитических памятников, но отмечает своеобразие в материальной культуре в соответствии с той или другой территорией.

В результате изучения археологического материала, происходящего из Окского бассейна, А. Я. Брюсовым выделен ряд отдельных районов, с различными археологическими культурами, которые вместе с другими, ранее выделенными, позволили А. Я. Брюсову прийти к выводу о формировании в эпоху неолита и бронзы различных неолитических племен.

В Окском бассейне существовали льяловские, рязанские, белевские, волосовские и балахнинские племена; на севере — карельские, беломорские и каргопольские племена, на Урале — шигирские, в Прибалтике — южнобалтийские.

В «Очерках» А. Я. Брюсов, выступая с критикой буржуазной концепции о миграциях в эпоху неолита, показывает, насколько грубо упрощенно и неверно построение Г. Коссины «о походе мегалито-индогерманцев». Анализируя керамику, положенную в основу построения Г. Коссины, А. Я. Брюсов устанавливает, вопреки его утверждению, не единообразие рассматриваемой керамики, а различие и даже отсутствие сходства. А. Я. Брюсов отмечает наиболее слабое место в доказательстве Коссины, касающемся походов мегалито-индогерманцев с целью завоевания новых территорий. Он обращает внимание на то, что они «...при всяком новом походе, устраиваясь на новых местах, обязательно видоизменяли тип бытовавших у них сосудов и начинали выделывать совершенно не свойственные им ранее бытовые орудия труда и оружие».

Установление этого факта доказывает, что создание гипотезы о походах индогерманцев не основывается на результатах изучения археологических данных, позволяющих исследователю прийти к тому или другому определенному выводу, а обусловливается главным образом влиянием предвзятой идеи Г. Коссины.

Автор останавливается также на характеристике среднеднепровской, волынско-мегалитической, трипольской, ямно-катакомбной и полтавкинской культур, на широком фоне обрисовывает «в общих контурах события, происходившие в неолитическую эпоху», и приходит к интересным

выводам о том, что «эпоха неолита начинается крупными изменениями, происходившими в обществе, и ознаменовывается в конце концов сложением на Европейской части нашей родины крупных этнических образований, легших в основу современных народов» (стр. 259). Выводы эти подводят автора к необходимости решить сложный вопрос об отношениях так называемых «археологических культур» к этническим образованиям и в связи с этим к вопросу о древнейших языках, т. е. подводит нас к решению тех основных проблем, которые поставлены И. В. Сталиным в его труде «Марксизм и вопросы языкознания». А. Я. Брюсов считает, что археологическая культура «служит показателем этнического и соответственно языкового единства в том смысле, что обнимает, повидимому, археологические памятники группы родственных племен, говоривших на диалектах или языках одной языковой семьи, но не включает археологических памятников всех племен, говоривших на языках данной языковой семьи» (стр. 24). Таким образом, эта книга подводит нас если не к решению, то во всяком случае к решительной постановке тех проблем, которые являются сейчас основными для советских археологов и историков первобытности.

В книге А. Я. Брюсова затронуты вопросы, которые в настоящее время стоят в центре внимания советской археологической науки: образование племенных групп, территориальное их разграничение, взаимоотношение племен, генетические связи, расселение племен и т. д. Поэтому «Очерки» представляют большой интерес не только для археологов, но и для всех, занимающихся и интересующихся вопросами древнейшей истории нашей страны. Большую заслугу автора нужно видеть также и в том, что в своей книге он пытается решить важнейший вопрос о закономерностях развития первобытного общества. «Очерки» являются достоянием не только узкого круга археологов; они рассчитаны на широкого советского читателя и представляют собой первую в нашей науке попытку воссоздания на базе археологического материала древнейшего прошлого нашей страны. Резкая направленность книги как против марровских извращений в археологии, так и против идей идеализма, агностицизма и космополитизма, пронизывающих современную буржуазную науку, наряду с популярностью изложения, делают работу А. Я. Брюсова особенно ценной.

Однако автору не удалось избежать ряда недостатков, пробелов и отдельных ошибок, главным образом в трактовке частных вопросов.

Главным недостатком книги А. Я. Брюсова, как отметили Е. И. Крупнов и С. В. Киселев, является то, что в ней не нашли должного отражения экономические вопросы, которыми в последнее время наша наука вообще незаслуженно мало занималась. Детальная их разработка представляет собой задачу первостепенной важности, и на разрешение ее предполагается обратить пристальное внимание в ближайшее время.

М. Е. Фосс остановилась на том, что в «Очерках» значительное место уделено одному из кардинальных вопросов первобытной археологии — вопросу об этнических общностях. Она указала на тот факт, что в настоящее время как будто никто из советских археологов не сомневается в возможности выявления по археологическим данным древних сообществ, существовавших на той или иной территории. Вопрос, по сути дела, сводится лишь к определению признаков, по которым можно было бы выявить существование этих общностей.

По мнению А. Я. Брюсова, отражением существовавших в эпоху неолита и бронзы этнических общностей служат археологические культуры, и по распространению этих культур можно судить о территориях,

занятых теми или иными племенами. А. Я. Брюсов указывает на ряд элементов в материальной культуре, которые являются, по его мнению, определяющими для выделения этнического единства. Однако, как считает М. Е. Фосс, не все указанные им признаки могут быть признаны за таковые. Идентифицируя археологические культуры эпохи неолита с этническими общностями, он сам признает, что единообразие, наблюдаемое в археологических памятниках, не всегда является выражением единства населения, что это единообразие может возникать и по другим причинам. Так, на стр. 13 он пишет, что археологические культуры являются также отражением производственной деятельности первобытных общественных коллективов, и не отрицает, что общность в культуре возникает «в силу близости ступени развития производительных сил общества и формы хозяйства, а отчасти вследствие однообразия окружающей среды» (стр. 20). Действительно, в облике материальной культуры возникает общность не только в связи с этнической общностью, но и в связи с общностью в основных занятиях населения и в силу сходства природных условий, в которых происходило сложение древней материальной культуры, что особенно следует принимать во внимание при характеристике неолитических племен.

Непоследовательность А. Я. Брюсова в этом вопросе приводит его к некоторым противоречивым выводам. Так, например, карельская культура была выделена А. Я. Брюсовым по единообразию каменных орудий, т. е. как раз той части инвентаря, которая была непосредственно связана с производственной деятельностью и которая характеризует одинаковые занятия населения. При изучении же керамики, представленной двумя резко различными типами, устанавливается, что в Карелии сначала жили местные племена, создавшие свою культуру, а затем сюда проникли племена из Волго-Окского бассейна. Таким образом, вопреки утверждению А. Я. Брюсова, что карельская культура отражает этническое единство, следует прийти к выводу, что на территории распространения карельской культуры с появлением волго-окских племен, воспринявших местную культуру, население стало смешанным по своему составу. На примере карельской культуры отчетливо прослеживается то несоответствие, которое можно часто наблюдать в распространении определенного вида орудий и керамики. Как известно, орудия, имевшие распространение в Карелии, резко отличаются от орудий из Волго-Окской области, а вместе с тем в Карелии была распространена керамика и волго-окского типа. Такое несовпадение по территории в распространении типов керамики и типов орудий наблюдается и в других областях, например в Окском бассейне, где жили волосовские, рязанские и другие племена.

Что же касается ряда южных культур, а также фатьяновской культуры, то здесь, как думает М. Е. Фосс, следует полностью присоединиться к мнению А. Я. Брюсова о том, что эти культуры являются выражением существовавших этнических общностей. Но, в отличие от карельской культуры, они были выделены на основании единообразия керамики. По мысли М. Е. Фосс, единообразие керамики собственно и представляет тот элемент материальной культуры, который характеризует этническую общность.

По вопросу о причинах расселения племен по обширной территории Европейской части СССР М. Е. Фосс солидаризируется с выводами А. Я. Брюсова и считает, что при экстенсивной форме ведения хозяйства, характерной для родового общества, требовались огромные пространства для прокормления небольшой группы людей. С ростом производительных

сил и естественным ростом населения часть племен занимала новые места, свободные от населения.

На вопросе о соответствии археологических культур и древних этнических общностей остановился и А. П. Окладников. Он указал на безусловную возможность определения древних этносов на основании культуры. Но, для того чтобы с уверенностью устанавливать такие этносы, нужно стремиться к выделению этнографических комплексов. Большое значение в этом плане имеет характеристика орнамента и искусства орнаментики в целом.

Детально остановился А. П. Окладников на вопросе о сегментации племен. Он отметил, что большой заслугой А. Я. Брюсова является то, что он вернулся к Моргану и оценил сегментацию племен, как основной механизм распространения человечества по земле. Это глубоко прогрессивная установка книги А. Я. Брюсова. Но в оценке движущих факторов сегментации А. П. Окладников резко расходится с А. Я. Брюсовом. В то время как последний считает, что основным фактором сегментации является рост производительных сил, А. П. Окладников, вслед за Морганом, думает, что рост производительных сил не только не способствует сегментации, а скорее наоборот: задерживает расселение. Неверным считает А. П. Окладников и другое положение А. Я. Брюсова о том, что процесс сегментации начался только в эпоху неолита. Низкий уровень жизни и производства, при котором, по мнению А. П. Окладникова, сегментация неизбежна и необходима, еще более типичен для палеолита, и тогда, конечно, размножение населения требовало выхода в соседние области, вело к миграциям, иногда на очень далекие расстояния.

Одним из недостатков книги А. Я. Брюсова, по мнению А. П. Окладникова, является то, что он безоговорочно следует в определении неолита за Монтелиусом и вслед за ним вводит определение формально-типологического ряда, т. е. кладет, таким образом, в основу периодизации формально вещеведческий принцип, а не закономерности развития труда, в связи с развитием человека и человеческого общества.

В этом пункте к мнению А. П. Окладникова присоединился Е. И. Крупнов, указавший на то, что определение неолита по Монтелиусу едва ли может быть принято в нашей науке. Е. И. Крупнов склонен считать, что в любой культуре, в любом культурном комплексе, при наличии признаков металла, пусть даже единичных находок, пусть даже привозных вещей, следует видеть уже культуру не неолитическую, а энеолитическую, относящуюся к эпохе раннего металла.

На частных выводах книги подробно остановилась и Т. С. Пассек. Она отметила, что с некоторыми выводами автора по ряду частных вопросов трудно согласиться. К ним относятся и положения автора «Очерков» о «сравнительной непродолжительности периода раннего неолита на юге». Самая приблизительная датировка ранненеолитических стоянок Надпорожья атлантическим периодом (шестое-пятое тысячелетия до нашей эры) и начала раннетрипольских поселений позднего неолита третьим тысячелетием до нашей эры едва ли позволяет считать период раннего неолита «сравнительно непродолжительным». Стратиграфические наблюдения на многослойных стоянках Надпорожья (например, Сурской остров, Ингренские стоянки и т. п.), на юге в районе Мелитополя (например, стоянка у Каменной могилы), в Южном Побужье (стоянка у с. Гард и др.), мезолитические и ранненеолитические стоянки на Десне (Песочный ров и др.), — все это указывает на несколько этапов в развитии докерамического неолита и раннего неолита с появлением гончарства. За последние годы стали вырисовываться и локальные варианты этих ранне-

неолитических культур на Украине, с оседлыми охотничье-рыболовческими стоянками и стоянками, принадлежавшими населению, уже знакомому с ранним земледелием и скотоводством. Сейчас можно говорить о нескольких вариантах ранненеолитической культуры — Донецком, Надпорожском, Деснинском, Приазовском, Среднеднепровском, Южнобугском и Среднеднестровском. Все эти факты никак не могут служить подтверждением мысли А. Я. Брюсова, а скорее ее опровергают.

Решительное возражение со стороны Т. С. Пассек встретила точка зрения А. Я. Брюсова на горо́дскую и усатовскую культуры, как на самостоятельные, а не как на период или этап позднетрипольской культуры. Это положение, по мнению Т. С. Пассек, автором «Очерков» ни в коей мере не доказано и опровергается большим археологическим материалом, в том числе и новыми материалами из раскопок в Выхватинском могильнике[1].

Выступавшими было отмечено, что некоторые положения книги А. Я. Брюсова оказались недостаточно основательно аргументированными. Г. Ф. Дебец остановился, в частности, на слабой аргументации крайне интересной гипотезы о заселении севера Европейской части СССР с востока, с Урала. Г. Ф. Дебец указал на то, что с антропологической точки зрения заселение северо-востока Европы рисуется как смешение европеоидных и монголоидных форм. Эти монголоидные формы, связанные, вне сомнения, с переселенцами с востока, были впервые установлены на антропологическом материале. Но, при всей бесспорности наличия восточного элемента, все же ясно, что он представляет собой безусловное меньшинство в составе древнейшего населения Восточной Европы. Вопрос заключается не в том, каково происхождение этой незначительной группы монголоидов, а в том, каково происхождение европеоидного населения, составлявшего основную массу. А. Я. Брюсов считает, что путь с востока, с Урала, был основным путем заселения северных областей Восточной Европы. Однако эта гипотеза не подтверждена достаточно основательно археологическим материалом.

Едва ли можно согласиться с положением автора о том, что с юга это население прийти не могло лишь на том основании, что на юге жили земледельцы и они не могли заселить лесную полосу, в которой земледелием заниматься было невозможно. Такой ход рассуждений мало убедителен. Из этнографических материалов известно очень большое количество фактов, когда какой-нибудь народ, расселяясь в другой, чуждой ему географической среде, в связи с этим или отчасти в связи с этим менял и форму хозяйства. В качестве примера можно привести русское население на Таймыре, на Колыме, на Камчатке, которое, оставшись русским по всем своим этническим признакам, все-таки резко изменило форму хозяйства. Такие явления, по мнению Г. Ф. Дебеца, могли иметь место и в более ранней эпохе. К тому же и на юге Европейской части СССР земледелие появилось значительно позднее той эпохи, к которой следует относить первоначальное заселение Прибалтики.

С. Н. Бибиков, со своей стороны, отметил, что мало убедительным является предположение автора «Очерков» о заселении Среднего Урала с юга, возможно из Приаралья. Мы не располагаем такими культурно-историческими звеньями, которые давали бы повод к такого рода заключению.

Некоторые выступавшие отметили, что ряд вопросов нуждается в доработке. С. В. Киселев указал на то, что больше внимания следует уде-

[1] Подробнее см. рецензию Т. С. Пассек и М. Е. Фосс, ВДИ, № 2, за 1953 г.

лить культурам нашего юга, поскольку именно материалы этих культур помогут разрешить проблему расселения индоевропейцев. Необходимо ввести материал Северного Кавказа и уточнить датировки памятников эпохи ранней бронзы. Е. И. Крупнов отметил, что серьезной доработки требует весь круг вопросов, связанных с катакомбной культурой.

В заключительном слове А. Я. Брюсов выразил благодарность всем выступавшим за сделанные замечания и дружескую критику. Ряд из этих замечаний будет учтен автором при работе по написании истории племен неолита и бронзы, которая должна быть значительно более полной и в которой автор предполагает уделить серьезное внимание экономическим вопросам. Однако с некоторыми замечаниями А. Я. Брюсов не счел возможным согласиться.

По вопросу о горо́дско-усатовской и позднетрипольской культуре А. Я. Брюсов, не соглашаясь с возражениями Т. С. Пассек, пояснил свою точку зрения следующим образом. Он считает, что трипольская культура в той части, где оставались трипольские племена, продолжала свое развитие, но к северу и югу от этой территории образовались культуры, названные горо́дской и усатовской, представляющие собой дальнейшее развитие местных племен, включивших в свой состав часть племен, вытесненных с территории трипольцами при их расселении. По вопросу о факторах сегментации А. Я. Брюсов не согласился с точкой зрения, высказанной А. П. Окладниковым. Он считает, что мысль А. П. Окладникова о том, что сегментация племен не связана с бурным ростом производительных сил, а скорее соответствует низкому уровню, неверна. Не согласился А. Я. Брюсов и с мыслью Г. Ф. Дебеца о том, что зачастую пришельцы вынуждены в новых условиях воспринимать новые формы хозяйства, т. е. что в лесной области скотовод мог становиться охотником. В качестве примера, опровергающего это положение, он привел фатьяновцев, которые, придя со Среднего Днепра в лесную область, сохранили земледелие, а не сменили его на охотничий быт, хотя кругом были охотники.

Подводя итоги, председательствующий А. П. Смирнов отметил большую ценность книги А. Я. Брюсова, как первого опыта написания истории древнейших племен, населявших нашу страну, и высказал пожелание о написании новой, популярной книги; в ней автор смог бы учесть сделанные замечания и заполнить те пробелы, которые имелись в обсуждавшейся книге.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ И М. Н. ТИХОМИРОВ. НОВГОРОДСКИЕ ГРАМОТЫ НА БЕРЕСТЕ (ИЗ РАСКОПОК 1951 г.). Издательство Академии Наук СССР, М., 1953, стр. 68.

Открытие берестяных грамот в Новгороде — одно из значительнейших событий советской науки; оно выходит далеко за пределы археологии, привлекая внимание представителей самых разнообразных дисциплин. Историки приобрели в берестяных грамотах совершенно новый вид исторических источников, особенно ценный для изучения социально-экономических вопросов, для характеристики классовых отношений, дающий материал для суждения как раз о тех сторонах жизни древней Руси, которые наиболее слабо освещены другими видами письменных памятников. Языковеды приобрели в берестяных грамотах новые материалы для изучения русского языка древнейшей поры, причем материалы, в которых историки русского языка больше всего нуждались,— по истории деловой и народной речи. Литературоведы, несомненно, приобретут, а частично уже приобрели в берестяных грамотах материал для суждения о проникновении литературных мотивов в широкие массы (грамота № 10); в грамотах возможны элементы народной сатиры, находки небольших памятников демократической литературы, отражение ересей. Особенно многого могут ожидать от берестяных грамот историки фольклора, имеющие крайне ограниченный материал для суждения о фольклоре древней Руси. В берестяных грамотах, несомненно, найдутся поговорки, пословицы и загадки, а может быть, и более крупные произведения народного творчества. Новые и особенно ценные материалы получили в берестяных грамотах палеографы. До сих пор палеография не имела данных для суждения о народной, демократической письменности древнейшей поры. Берестяные грамоты, несомненно, помогут решению вопроса о происхождении скорописи, дадут важнейший материал для суждения о распространении грамотности в различных слоях населения и т. д. и. т. п. Ценные данные почерпнут из берестяных грамот историческая география, история права, особенно историческая метрология (данные о мерах длины, веса, сыпучих тел и т. д.), история техники и т. д. Как источник демократического происхождения по преимуществу, берестяные грамоты для всех этих научных дисциплин дадут ценнейшие сведения, главным образом, о народе — о его классовой борьбе, о его идеологии, о его быте, о его языке, письменности, культуре. И этим в особенности определяется выдающееся значение берестяных грамот, как источника по всем вышеуказанным дисциплинам.

Значение берестяных грамот, как исторического источника, исключительно велико еще и потому, что этот вид источника может бесконечно пополняться. Это особенно ценно сейчас, когда сохранившиеся пергаменные и бумажные рукописные богатства древней Руси в значительной мере скон-

центрированы в немногих рукописных хранилищах, более или менее изучены и когда в этой области вряд ли возможны особенно обильные открытия новых выдающихся материалов. Возможности нового вида источников, открытого раскопками А. В. Арциховского, неограниченны. Здесь уже найдены счета, записи долгов, частные письма самого разнообразного характера, шуточные записи, расписание сокольей охоты (грамота № 54), завещание и т. д. В берестяных грамотах могут оказаться сведения о народных волнениях, о заговорах, о еретических движениях — обо всем том, о чем не всегда охотно рассказывают летописи и что не всегда точно фиксируют официальные документы. Среди берестяных грамот могут оказаться рецепты от болезней, учебные упражнения, технические указания и т. д.

Вышедшее в Издательстве Академии Наук СССР издание первых десяти грамот и девяти надписей на бытовых предметах открывает целую серию подобных же изданий, которые должны последовать по мере того, как новгородская земля будет давать все новые и новые находки. Уже эти первые десять берестяных грамот дают отчетливое представление о широких перспективах, которые открывает перед наукой этот новый вид исторических источников. Грамота № 1 («Запись о поземе и даре») расширяет наши представления о феодальной собственности на землю, о феодальных повинностях, дает ценные сведения о мерах измерения сыпучих тел. Грамота № 2 («Запись о мехах»),— повидимому, запись должников, сделанная ростовщиком, — интересна с точки зрения тех упоминаний имен и географических названий, которые в ней встречаются. Грамота № 3 («Письмо от Грикши к Есифу») дает новые сведения о «безатьщине». Грамоты № 4 («Письмо от Микиты к Церту») и № 5 («Письмо к Матфею») представляют интерес для истории судопроизводства в Новгороде. Особенно любопытны грамоты №9 («Письмо от Гостяты к Василью») и № 10 («Надпись на ободке сосуда»): грамота № 9 дает исключительно интересные указания о семье и о семейном праве, а грамота № 10 свидетельствует о проникновении литературных мотивов в быт.

Поскольку издание первых десяти берестяных грамот открывает собой целую серию подобных же изданий, в которых будут опубликованы последующие десятки и сотни берестяных грамот, хотелось бы отнестись к нему с максимальной внимательностью и придирчивостью. Многие недостатки этого издания не должны повториться в последующих.

Книга задумана и выполнена в общем неплохо. Каждая грамота воспроизведена четырежды: 1) помещена фотография каждой грамоты и каждой надписи; 2) дана прорись каждой грамоты и надписи, тщательно выполненная художником М. Н. Кисловым; 3) дано точное воспроизведение грамоты или надписи современными типографскими средствами с полным соблюдением орфографии подлинника и 4) приведена транскрипция текста с разбивкой его на отдельные слова, расстановкой знаков препинания и заменой некоторых вышедших ныне из употребления букв равнозначными им по звучанию буквами современной орфографии. Каждая грамота сопровождена подробным палеографическим комментарием и некоторыми соображениями исторического и языковедческого характера академика М. Н. Тихомирова. Изданию предпослано «Введение» А. В. Арциховского; завершается оно его же статьей «Стратиграфическая датировка грамот и надписей». К изданию приложены указатель слов, имеющихся в грамотах и надписях, список сокращений и список иллюстраций.

Остановимся прежде всего на самих воспроизведениях грамот и надписей, так как именно это — главное в издании.

Фотографические воспроизведения не могут быть признаны безупреч-

ными, хотя Издательство дало для этих воспроизведений хорошую бумагу, обеспечив их хорошей печатью. Хотя в Введении А. В. Арциховского и говорится, что грамоты «благополучно (т. е. без новых трещин) высыхают», зажатые между стекол в гипсовых формах (стр. 8), однако в комментариях М. Н. Тихомирова есть указание и на то, что береста продолжает портиться и, следовательно, сохранность ее не так уж «благополучна» (см. на стр. 22. «Вследствие высыхания коры буквы «острове» плохо читаются; при находке они читались более явственно»). Это обязывает с особенной внимательностью отнестись к фотографическим воспроизведениям, добившись максимальной четкости снимков различными способами фотографирования, без помощи ретуши. Для этого имеются различные методы, разрабатываемые в Лаборатории консервации и реставрации документов Академии Наук СССР в Ленинграде (снимок при косом освещении или в инфракрасной и ультрафиолетовой радиации).

Прориси, выполненные М. Н. Кисловым, значительно помогают пользованию изданием и, насколько позволяет сличение с имеющимися в издании фотографиями, сделаны в общем точно. Замечания вызывает в первую очередь прорись грамоты № 4 (Письмо от Микиты к Церту), в которой не чувствуется настоящего понимания почерка XIV в. Так, например, в строке 2 в слове «Петра» буква «а» в прориси изображена неправильно, тоже в строке 4 в слове «оувѣдался» (в первом случае «а» в прориси напоминает греческую альфу, во втором — современное скорописное «а».

Третий тип воспроизведений также больших замечаний не вызывает: воспроизведения выполнены сравнительно точно. Во всяком случае можно сказать одно: между фотографиями грамот, прорисями, выполненными М. Н. Кисловым, и этим третьим типом воспроизведения типографскими средствами расхождений обнаруживается немного.

Отметим, что в третьем воспроизведении грамоты № 4 замечаются некоторые расхождения с ее фотографией и прорисью. В строке 6 слово «взявъ» на фотографии и в прориси написано через „а“ („взавъ“ — что возможно), а в транскрипции М. Н. Тихомирова — через «юс малый» (стр. 29), хотя буква «а» и «юс малый» пишутся в грамоте различно (см. «юс малый» в строке 3 в слове «оувѣдался»). В той же строке 6 слово «рубль» в прориси М. Н. Кислова имеет на конце «ѣ» (ср. с буквой «ѣ» в самом конце грамоты или в строках 1, 2, 4), а в транскрипции М. Н. Тихомирова — «ь» (ср. «ь» на фотографии в конце строки 1, где оно написано резко отлично от «ѣ»).

Менее всего удовлетворяет четвертый род воспроизведений — с разделением на слова, расстановкой знаков препинаний и заменами некоторых устаревших букв. Прежде всего отметим, что совершенно неясны принципы передачи текста. На стр. 15 сказано, что текст передается «по современной орфографии (однако с соблюдением буквы «ѣ» в середине слова)». Этого объяснения недостаточно. Под орфографией мы привыкли разуметь определенные правила правописания (например, правила, установленные реформой 1917 г.). Речь же, повидимому, идет о замене не употребляющихся сейчас букв теми, которые в настоящее время употребляются. Однако практически этот принцип в передаче текста грамот не выдерживается. Так, например, буква «ѣ» то сохраняется, то заменяется буквой «е». В грамоте № 1 буква «ѣ» последовательно заменяется буквой «е», а в грамоте № 2 буква «ѣ» частично сохранена, причем принцип этого сохранения неясен: в одном и том же слове «бѣлъ» «ѣ» то сохраняется (строки 1,9), то заменяется буквой «е» (строки 7—8, 10). В одном и том же местном падеже «ѣ» то сохраняется (грамота № 4, строка 2: «на Городищѣ»), то заменяется

буквой «е» (грамота № 3, строка 3: «на безатьщине» — в подлиннике на конце «ѣ»). Между тем буква «ѣ» для новгородских документов, в силу особого произношения этого звука в новгородском диалекте, чрезвычайно важна, и ее следовало бы сохранить, тем более, что буква «ѣ» в падежных окончаниях помогает уловить форму слова. Так же точно в транскрипции буква «ъ» на конце слов то сохраняется (грамота № 4, строка 6: «взявъ»), то опускается (в большинстве случаев), а иногда заменяется через «о» (грамота № 3, строка 3: «пиво» вм. «пивъ»). Буква «ъ» в середине слова также то сохраняется (как об этом прямо заявлено и на стр. 15), то исключается (грамота № 9, строка 3: «мне», вм. «мънѣ») или заменяется буквой «о» (грамота № 9, строка 5: «сотворя» вм. «сътворя»). Иногда вводятся дополнительные буквы (в грамоте № 1 слово «блъ» передается так: «бел»). Конечное «о» (соответствующее конечному «ъ») то приводится, то опускается. Так, в транскрипции грамоты № 2 в строке 7—8 в слове «Воликомо» конечное «о» опущено (стр. 25), а в грамоте № 7 в строке 3 в слове «бьбороко» (стр. 37) — сохранено. В том же слове «бьбороко» буква «ь» в транскрипции передана через «е», в других же случаях она оставляется без замены. Исключение конечного «о» и замены букв ведут к модернизации самого языка грамот. Модернизация очевидна и в транскрипции текста грамоты № 10, где правильная и ясная русская форма «межу» (в строке 1, см. стр. 43) заменена почему-то церковнославянской формой «между» (там же). Между тем она обычна для новгородских грамот.

В некоторых случаях в издании сделана попытка реконструировать утраченный текст; предположительно восстановленные буквы при этом даются в скобках, чем достигается четкое отграничение их от бесспорно прочитанного текста. Однако самые принципы восстановления неясны. В некоторых случаях буквы восстанавливаются предположительно при наличии каких-то остатков, в других же случаях текст восстанавливается только по смыслу, причем дается один единственный вариант, хотя возможно несколько разных восстановлений. Так, например, в грамоте № 4 конец строки 3 восстанавливается: «н(ам)» и текст получается такой: «нам не уведался, а мене выдал». Слово «нам» — непонятно к кому относится, вводя каких-то новых действующих лиц. Лучше было бы восстановить текст так: «н(икому) не уведался». В строке 2 той же грамоты конечное слово дописано как «н(о)» и текст получается такой: «но Юрги былвыдал со двора», однако и в этом случае было бы лучше восстановить иначе: «н(а) Юрги был выдал со двора».

Мы не предлагаем заменить реконструкции М. Н. Тихомирова нашими. Мы только хотим указать на крайнюю гадательность такого рода реконструкций, особенно если эти реконструкции только частично восстанавливают текст и никак не аргументированы. В тексте, предназначенном для цитирования и изучения, им не место. Все реконструкции следовало бы печатать отдельно, при этом реальный смысл имеют только полные реконструкции того или иного места.

Вполне убедительная реконструкция начала грамоты № 5 предложена В. И. Борковским в его статье «Драгоценные памятники древнерусской письменности» («Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 137—138): «(Поклонъ отъ) Дав(ыда и отъ Е)скифа къ Матфѣю». В издании эта реконструкция во внимание почему-то не принята, и сделанная частичная реконструкция противоречит той, которую предложил В. И. Борковский (восстановлен только предлог «От», причем написан он с большой буквы, чем исключается серединное положение его в фразе). Некоторые частичные (при этом спорные) реконструкции имеются и в транскрипции других грамот.

Отметим также отдельные явные ошибки в транскрипции грамот. В грамоте № 1 в конце строки 3 следует поставить запятую (стр. 20). В грамоте № 5 в строке 6 конечная точка лишняя, так как фраза не закончена (стр. 34). В грамоте № 3 последние четыре буквы строки 2 следует перенести в начало строки 3 (стр. 28). Кроме того, грамота эта, повидимому, имела продолжение, и конечная точка в ней лишняя.

Отдельные сомнения вызывают в транскрипции грамот и некоторые случаи разбивки текста на слова, о чем мы еще скажем в дальнейшем.

Приведенные примеры показывают, что четвертый вид издания грамот («по современной орфографии»), сделанный в книге, чтобы «облегчить» чтение и цитирование грамот (стр. 15), потребует в будущих изданиях берестяных грамот большей продуманности. Всякая транскрипция только тогда достигает цели, когда она точно разработана и строго выдерживается. Характерно, что сами издатели не пользуются своей транскрипцией, когда им приходится цитировать текст грамот в «облегченном» виде (ср., например, цитацию слов «пустил же мя, а иноую поял» на стр. 41 или «бьбороко», «пив» и др. в указателе).

Обратимся к палеографическому анализу грамот. Анализ этот потребовал от его автора (М. Н. Тихомирова) немало труда и вносит много ценных наблюдений. Отметим те отдельные утверждения, которые вызывают с нашей точки зрения сомнения. Сомнения эти вызываются, главным образом, тем, что сама палеография как дисциплина развивается очень медленно и заключает в себе множество неразработанных вопросов. Это затрудняло датировку грамот, их издание, прочтение и, несомненно, будет усложнять издание и комментирование грамот в дальнейшем.

Вряд ли можно согласиться с М. Н. Тихомировым, что некоторые архаические написания в берестяных грамотах (букв «и» и «н») зависят от особенностей самого материала (стр. 14). Материал может затруднять письмо, искажать начерки, но не создавать искусственную архаичность. В двух из указанных М. Н. Тихомировым букв наблюдаются явления прямо противоположные: в букве «н» соединительная черта сохраняет свое наклонное положение вместо уже появившегося горизонтального, а в букве «и» соединительная черта сохраняет как раз горизонтальное положение вместо уже вступившего в силу наклонного. При чем же тут материал? Иное дело, что буквы на бересте имеют несколько более прямой характер, так как округлые линии выдавливать на бересте затруднительно, но округлых линий в уставных или полууставных буквах «н» и «и» не было, и, следовательно, их архаичность в берестяных грамотах отнюдь не зависит от материала. Архаичность написаний берестяных грамот могла явиться следствием того, что писцами их выступали более демократические слои населения, менее опытные и понаторелые в письме, чем писцы церковные, и менее, следовательно, приверженные моде. Вряд ли также отдельные архаические написания в берестяных грамотах могут «затруднить их датировку» и «создать неправильное представление о времени их написания» (стр. 14). Архаичность отдельных написаний типична и для пергаменной письменности. При датировке рукописей уставных, а отчасти и полууставных, архаические написания отдельных букв мало характерны, — датирующее значение имеют по преимуществу буквы новейшего начертания. Это объясняется тем, что уставные почерки мало индивидуализированы, писцы подражают старым почеркам, и лишь по отдельным невольным отступлениям можно определить время рукописи.

Вызывает сомнение датировка первой грамоты «примерно» первой четвертью XV столетия (стр. 18). Грамота найдена в слое XIV в. и вполне

может относиться по особенностям почерка именно к этому времени. Палеографические приметы — слишком неопределенный материал, чтобы датировать грамоту с точностью до четверти века, тем более, что обычная продолжительность человеческой жизни (носителя того или иного почерка) значительно больше 25 лет. Набухшие петли у букв «в», «ѣ», «ь» того типа, который представлен в грамоте № 1, не являются исключением для второй половины XIV в. Начертание буквы «в», которое М. Н. Тихомиров считает «особенно характерным» (стр. 18) для XV в., также имеется в рукописях XIV в. Наиболее известный почерк XIV в. именно с таким начертанием буквы «в» — полуустав Лаврентьевской летописи 1377 г. (см. например, букву «в» на л. 9: Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 419). Такое же «в» встречается в Духовной Симеона Гордого (А. И. Соболевский и С. Л. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV века. Издание Петербургского археологического института, СПб., 1903, снимок № 2). Очень близок почерк грамоты № 1 к почерку Грамоты вдовы Полоцкого князя Андрея с детьми в Ригу о белке конца XIV в. (там же, снимок № 43а). Здесь и характерная буква «у», и сходные начертания буквы «е» и буквы «т» с закраинками, поднятыми кверху, а не опущенными книзу, как обычно.

Думаю, что в датировке грамоты № 1 нужно согласиться с археологами и относить ее ко второй половине XIV в. Вообще необходимо сказать, что состояние палеографии таково, что спорить с археологами о времени написания той или иной грамоты в пределах до 50 лет довольно трудно. Датировки археологов, несомненно, точнее. Датировки же палеографов не лишены субъективизма.

Один из самых существенных вопросов издания грамот — это филологический комментарий к ним и соответственный перевод текста. В издании сделана попытка объяснить грамматические явления языка грамот и сопроводить их некоторыми филологическими наблюдениями. Сделаем отдельные замечания.

Прежде всего, нельзя согласиться с определением языка, на котором написаны грамоты. Во «Введении» говорится о грамотах: «речь здесь не книжная и не канцелярская, а самая непринужденная» (стр. 9). Определение это очень расплывчато и неточно. Язык первых десяти грамот — отнюдь не просто «непринужденный» или «разговорный»[1], а, несомненно, язык деловой письменности. Это не записанный разговор с его устной неэкономностью, а язык достаточно выработанный, точный, очень сжатый, с традиционными оборотами, выражениями. Ср., например, традиционное начало писем: «поклонъ от Грикши къ Есифу» (грамота № 3), «от Микитѣ ко Церту» (грамота № 4), «Поклоно от Филипа ко Г...» (грамота № 6), «От Гостяты къ Васильви» (грамота № 9) и др. По определенной форме ведутся и записи (грамоты № 1 и 2). Поражает также полное отсутствие новгородских диалектных особенностей в языке грамоты № 9, написанной к тому же превосходным почерком человека, привыкшего к письму чернилами. Автор письма — хорошо грамотный человек, и пишет он на общерусском письменном деловом языке, избегая диалектизмов. Язык берестяных грамот очень близок живой устной русской речи; тем не менее это язык письменный, деловой, обработанный, с устойчивой терминологией и фразеологией. Это свое суждение мы ограничиваем только языком изданных грамот, так как не исключена возможность,

[1] Ср. также определение языка берестяных грамот, как «разговорного», в статье А. В. Арциховского «Новые открытия в Новгороде». «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 84.

что найдутся и такие берестяные грамоты, где текст будет заключать значительное число церковнославянизмов или (что менее вероятно) представлять собой записанную устную речь.

Вызывает сожаление то обстоятельство, что в языковедческих комментариях книги не учтены замечания языковедов, появившиеся после предварительной публикации текста грамот в периодической печати. Мы имеем в виду статьи В. И. Борковского «Драгоценные памятники древнерусской письменности» и Ф. Ф. Кузьмина «Новгородская берестяная грамота № 9», появившиеся в журнале «Вопросы языкознания», 1952, № 3 (отметим, что № 3 «Вопросов языкознания» подписан к печати 7 июня 1952 г., а книга — 31 марта 1953 г.). Статьи эти даже не упомянуты в книге; между тем всякому изучающему новгородские берестяные грамоты они совершенно необходимы. Особенно досадно, что не приняты во внимание ценнейшие наблюдения языковедов по грамоте № 9 («Письмо от Гостяты к Василью»). В частности, наблюдения языковедов помогли бы более правильно издать следующее место грамоты № 9: «избивъроукыпоустилъжемѦ». Языковеды считают вероятными обе разбивки текста на слова, предположительно предложенные А. В. Арциховским: «изби, в рукы пустил же мя»[1] и «избив руки, пустил же мя»[2]. Обе эти разбивки текста оправданы грамматически и, в известной мере, поддаются переводу[3]. В издании же предложена другая разбивка текста: «и зби в рукы пустил же мя». Эта разбивка текста оставлена без расстановки знаков препинания, без языковедческого объяснения и без перевода, хотя бы предположительного. Лингвистически она мало вероятна. Замечание же комментатора, что «выражение „избивъруки" следует сопоставить (?) со словом «събить» — согнать, прогнать» (стр. 41), неясно и перевода не заменяет. Комментарии языковедов надо было бы привести в книге хотя бы как материал. Так же точно не приняты во внимание и другие очень ценные соображения языковедов (в частности, об имени «Гостята», весь орфографический и морфологический анализ языка грамоты № 9, а также очень ценные соображения по существу содержания текста этой грамоты).

Оставлены без объяснений и перевода также некоторые другие места в грамотах. Так, например, в грамоте № 8 («Письмо о корове») без перевода оставлено место «да молови ему ожалочьши» (стр. 39). Конечную часть следовало бы, несомненно, разделить так: «о жалочьши». В последнем слове мы имеем чрезвычайно любопытную русскую с новгородизмом в окончании форму слова «жалость» (окончание этого слова «-ость» — церковнославянское).

С точки зрения языка очень большую ценность представляет грамота (надпись) № 10, сделанная на ободке сосуда. В этой небольшой надписи особенно интересны следы живой, устной речи: руссизм «межу» вместо ныне принятой церковнославянской формы «между», новгородизм «ним», где «и» заменило «ѣ». В грамоте этой написание слов «нобом» (вм. «небом») и «ному» (вм. «нему») через «о» отнюдь нельзя признать «странным» (стр. 43). При отсутствии в древности буквы ё этим единственно возможным способом переданы здесь особенности живого произношения: «нёбом» (руссизм вместо церковнославянского «небом») и «нёму» (форма местоимения «нему», встречающаяся в окающих говорах). Аналогичное явление имеется и в грамоте № 2 в строке 7: «Воликомо островѣ». Первое слово нужно читать «Вёликомо».

---

[1] «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 83.
[2] Вестник Академии Наук СССР, 1951, № 12, стр. 66.
[3] См. «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 136, 139, 140.

Сомнительно предлагаемое авторами книги прочтение надписи № 3 (на деревянной крышке кадушки) как «мень», т. е. «налим». Во-первых, всего вероятнее, что содержимое кадушки потребовало бы множественного числа — «мни». Во-вторых, непонятным было бы при такого рода прочтении отсутствие в надписи буквы «е»; аналогий этому нашлось бы немного. В-третьих, первая по счету авторов книги буква надписи не так уж похожа на глаголическое «м»: отсутствие четырех, хотя бы и «маленьких», по утверждению авторов (стр. 46), колечек в несложной по рисунку букве — вещь серьезная (кстати, в тексте следовало бы воспроизвести это глаголическое «м», чтобы сам читатель имел возможность судить о степени сходства). В-четвертых, указание М. Н. Тихомирова, что буква эта «находит почти полную аналогию в смоленском знаке на кирпиче, изданном Б. А. Рыбаковым» (стр. 46), неточно, так как аналогия отдалённа (крышка знака не имеет закраинок) и отнюдь не говорит в пользу прочтения «мень», так как указанный смоленский знак есть «знак рюриковичей»[1]. В-пятых, на фото не поместилась, но в прориси М. Н. Кислова отчетливо видна перед той буквой, которую авторы считают первой, буква «о», несколько угловато, неумело вырезанная.

Все приведенные возражения против прочтения надписи на кадушке как «мень» принадлежит В. М. Глухову, как и предложенное им новое прочтение этой надписи — «отень», т. е. «отцовский». Речь, следовательно, идет не о содержимом кадушки, а о ее владельце (такие надписи особенно часты на бытовых предметах, в частности на шиферных пряслицах; есть они и среди изданных в книге девяти надписей — № 6 и, возможно, № 8). Буквы «т» и «е» написаны в этой надписи лигатурой, причем буква «е» написана в лежачем положении и угловато (ср. первую букву «о»), вследствие сопротивления материала. Такие лигатуры с опрокинутыми буквами встречаются в греческих надписях. Укажем в качестве примера надпись на обломке глиняного сосуда из раскопок 1950 г. проф. М. И. Артамонова: «ὄξος»[2]. В этой надписи последние две буквы написаны лигатурно, причем «сигма» присоединена к букве «о микрон» снизу в лежачем положении.

Вызывает возражение толкование начала грамоты № 2: «Аѣкуевь бѣла росомаха». В толковании этого места нет необходимости прибегать к таким исключительным редкостям, как росомаха-альбинос. Речь, несомненно, идет о белке и о росомахе, а не о «белой росомахе». Издавая этой текст, следовало бы в четвертом, упрощенном воспроизведении отделить «белу» от «росомахи» запятой — и только. Белка в этой грамоте упоминается четыре раза (один раз в форме «бѣлка», один раз в форме «бѣль» и два раза в форме «бѣла»), причем в тех случаях, когда речь идет об одной белке или одной кунице, цифра не ставится (ср. также обычное отсутствие цифры 1 в записях грамоты № 1).

В толковании грамоты № 3 слово «перевар» неточно переводится как «чан для варки пива или меда» (стр. 27). В строке этой грамоты говорится «варити перевары»; перевод «варити чаны» был бы бессмыслен. Речь,

---

[1] См. Б. А. Рыбаков. Ремесло в древней Руси. М., 1948, стр. 493, рис. 14. См. подпись под рисунком: «Княжеские знаки в качестве клейм мастеров».

[2] Сама надпись до сих пор не издана. Мы пользовались фотографией, любезно предоставленной нам М. И. Артамоновым. Упоминание надписи см.: 1) М. И. Артамонов. Раскопки Саркела — Белой Вежи в 1950 г. «Вопросы истории», 1951, № 4, стр. 148; 2) М. А. [Артамонов]. Археологические исследования в зоне будущего Цымлянского водохранилища. «Вестник Ленинградского университета», 1951, № 2, стр. 144. Опрокинутую букву в греческой надписи см. И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, стр. 7 (надпись № 1).

конечно, идет о пиве или меде в количестве, которое можно сварить за один раз. Именно в этом смысле следует понять и цитируемое в книге место из Ипатьевской летописи (оно имеется и в других летописях) в рассказе о пирах Владимира I Святославича: «варя 300 перевар меду». Это же значение слова «перевар» указано и в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: «чан для варки меда и пива, к а к м е р а» (а не чан сам по себе, см. т. II, стр. 897).

Есть в комментариях и некоторые неясности. Неясно, почему возникло предположение, что грамота № 2 написана иностранцем (стр. 22). М. Н. Тихомиров спорит с этим мнением, однако в комментариях не указано, — кем высказано было такое предположение и на чем оно основывалось. Может быть, в увековечивании чьего-то поспешно высказанного мнения и не было особого смысла. Неясно, чем может быть подкреплено мнение М. Н. Тихомирова, что имя «Домонт» новгородское (стр. 44). Обычно считается, что оно было известно только в Пскове, где принадлежало князю-выходцу из Литвы и было литовским по происхождению. Неясно, что имеет в виду М. Н. Тихомиров, когда пишет, что слово «емец» «п о ч т и неизвестно по другим памятникам» (стр. 45), тем более, что непосредственно перед этим сказано, что слово это «известно т о л ь к о по Русской Правде» (там же). Неясно также, почему для доказательства того, что имя «Гостята» женское, а не мужское, дается ссылка на имя дочери полоцкого князя «Рогнеда» (стр. 41); каких-либо аналогий усмотреть здесь невозможно.

К числу грамот авторы отнесли надпись, сделанную на берестяном ободке сосуда. Отнесена она к грамотам, говоря словами авторов, потому, что «написана на бересте той же техникой, что и остальные» (стр. 9). Однако в науке утвердилось определенное понятие о том, что́ подразумевать под словом «грамота», не зависимое от техники письма и имеющее в виду только его содержание. Ссылка на то, что в древней Руси слово «грамота» употреблялось и в значении «надпись», к делу не идет, так как сами авторы книги пишут, конечно, на с о в р е м е н н о м и притом научном языке. В древней же Руси слово «грамота» имело и другие утраченные значения. Характерно, что в самой статье о грамоте № 10 М. Н. Тихомиров называет ее только «надписью» (стр. 43—44). В списке иллюстраций она определена также как «надпись». Естественно, что ее и следовало поместить среди надписей.

Раскоп 1951 г. пришелся на территорию древней Холопьей улицы. Местоположение этой Холопьей улицы было определено промерами на основе геодезического плана XVIII в., снятого до екатерининской перепланировки (стр. 3). В книге, однако, не указано — что это за план и где он хранится. Имеется ссылка только на копию этого плана, хранящуюся в Новгородской специальной проектно-реставрационной мастерской. Этого указания недостаточно. Нам известны два плана Новгорода, оба относящиеся ко времени до перепланировки Новгорода: план 1756 г. (Государственная Публичная библиотека в Ленинграде, Отд. собр. карт и планов, № 354) и план 1778 г. (Полное собрание законов, «Планы городов», л. 203). Неясно, имеется ли в виду копия с одного из этих планов или с какого-то другого. Во всяком случае для определения места раскопа следовало бы принять во внимание все планы Новгорода и результаты определения опубликовать в более развернутом виде. Очевидно, это и будет сделано в одном из последующих изданий дальнейших находок берестяных грамот, когда раскрытые соседние улицы помогут с большей точностью определить местоположение раскопа в древнем Новгороде.

Все сделанные нами замечания имеют своей основной целью помочь установить строгий и точный тип издания берестяных грамот. Исключи-

тельно интересные находки 1952 и 1953 гг., а также будущие находки берестяных грамот, которых с нетерпением ожидает вся советская интеллигенция, интересующаяся историей нашей Родины, потребуют огромной и точной работы публикаторов. В связи с этим полезно напомнить, что необходимо готовить кадры молодых текстологов и палеографов, в частности, «земляных палеографов» — специалистов по берестяным грамотам и надписям на бытовых предметах, добываемых при раскопках, — специалистов, умеющих не только читать и публиковать их, но также умеющих подвергать документы первичной обработке с целью их сохранения. Надо прямо сказать, что палеография как наука за последние десятилетия вовсе не развивается; целые разделы этой науки совершенно не разработаны. Аспирантура в этой области полностью отсутствует. Такая недооценка палеографии крайне вредна.

Необходимо также поставить вопрос об издании полного корпуса древнейших русских надписей — по крайней мере до середины XIII в. У нас выходят прекрасные издания по эпиграфике Востока, по эпиграфике греческой, но попыток полного и сводного издания древнейших русских надписей до сих пор не предпринято[1].

Сделанные замечания, часть которых, конечно, дискуссионна, отнюдь не снижают огромного интереса книги, обусловленного в первую очередь исключительной ценностью самого материала. Ее авторы — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров — заслуживают всяческой благодарности, весь же коллектив археологов во главе с проф. А. В. Арциховским, самоотверженностью и наблюдательностью которых открыты эти исключительные по своему научному значению документы, заслуживает полной и глубокой признательности каждого человека, любящего прошлое нашей великой Родины.

Д. С. Лихачев

---

[1] Недавно вышло второе издание «Библиографии русских надписей XI—XV вв.» академика А. С. Орлова с дополнениями, сделанными М. П. Сотниковой (Л., 1952), но публикации самих надписей эта библиография заменить не может.

С. И. РУДЕНКО. ГОРНОАЛТАЙСКИЕ НАХОДКИ И СКИФЫ. Издательство Академии Наук СССР, М.— Л., 1952, стр. 258.

Книга С. И. Руденко «Горноалтайские находки и скифы» является продолжением целой серии статей и монографий этого же автора, посвященных той же теме и вышедших в предшествующие годы. Она содержит подробную публикацию замечательных археологических материалов, добытых Горноалтайской археологической экспедицией в самое последнее время. В ней автор высказывает свою последнюю точку зрения на горноалтайские находки.

В этой работе подытожены результаты раскопок Пазырыкской и отчасти Башадарской групп курганов Горного Алтая, которые справедливо названы автором «археологическим памятником мирового значения» (стр. 8).

Благодаря вечной мерзлоте, образовавшейся в погребальных камерах в силу возникновения под большими каменными насыпями особого микроклимата, чему способствовали также пустоты в камерах, грабительские ходы и суровый климат Горного Алтая, в погребениях обнаружено огромное количество вещей, обычно не сохраняющихся. Это разнообразные изделия из дерева, войлока и кожи, всевозможные ткани и дорогие меховые одежды, древнейшие ковры, а также бальзамированные тела погребенных людей и целые трупы лошадей.

Условия работы в промерзших курганах при неблагоприятном для раскопок резко континентальном высокогорном климате, при оторванности экспедиции от баз снабжения, потребовали особых усилий от коллектива, возглавляемого С. И. Руденко. Большую и кропотливую работу проделал также коллектив реставраторов, художников и других специалистов, чтобы сохранить и привести в порядок богатейший археологический материал, публикуемый в рецензируемой книге.

Несмотря на односторонность археологического материала, добытого лишь из курганов родо-племенной знати, С. И. Руденко удалось показать широкую и разностороннюю производственную деятельность, высокую культуру и широкие культурные связи древнего населения Горного Алтая. Древние горноалтайцы добились больших достижений в развитии животноводства, имея в составе своих стад высокопородных коней, тонкорунных овец, яков и коз. Горноалтайцы были хорошо знакомы с деревянным строительством, с обработкой металлов. Высокого совершенства достигли древние мастера Алтая в изготовлении шерстяных тканей и ковров, войлочных и меховых изделий, в обработке кожи, изделий из дерева, рога и кости, в ювелирном деле и пр. Особое место автор уделяет изобразительному искусству древних горноалтайцев, с его развитым звериным стилем.

Нельзя переоценить большое историко-культурное значение археологического материала, который довольно подробно публикуется С. И. Руденко с большим количеством иллюстраций, с описанием техники изготовления ряда древних предметов. Однако, подходя к публикуемым горноалтайским находкам, как к вещественному историческому источнику, приходится выразить сожаление, что автор не уделил в своей книге достаточно внимания так называемому рядовому материалу (оружию, глиняной посуде, пряжкам и пр.), важному для полной характеристики древней культуры и особенно для датировки Пазырыкских и других горноалтайских курганов. Нельзя не пожалеть также о том, что автор не приводит совершенно чертежей погребальных сооружений — чертежей, необходимых в каждом археологическом издании. В отдельных случаях при публикации допущены некоторые фактические ошибки. При камеральном изучении материалов не все, очевидно, предметы правильно поняты и восстановлены. В особенности вызывает сомнение реконструкция женского кафтана, приводимая автором на стр. 100.

Очень большое значение для подобных изданий, публикующих замечательные находки и рассчитанных на массового читателя, имеет оформление книги. К сожалению, приходится признать, что издана рецензируемая книга небрежно. Для таких исключительных в истории археологических исследований памятников, каковыми являются горноалтайские находки, следовало бы дать красочные иллюстрации целого ряда наиболее ярких находок.

Автор рецензируемой книги не ограничивается лишь публикацией горноалтайских находок, а ставит их в связь с рядом важнейших проблем советской археологии и древней истории народов нашей страны.

Автор, основываясь на свидетельствах Геродота и других античных писателей, справедливо подчеркивает разнородный этнический состав древнего населения нашей страны, имеющего, по Геродоту, общий со скифами образ жизни и этническое единство собственно скифов Северного Причерноморья, оседлых и кочевых, территория которых ограничивалась на востоке Доном. Далее на восток жили другие этнические группы: савроматы, синды и меоты, массагеты и т. д. Автор пишет: «К западу и северу от территории, занятой скифами, обитали уже не скифские племена» (стр. 16). Он обращает внимание на необходимость глубокого изучения отдельных конкретно-исторических этнических групп, привлекая археологический материал.

Однако С. И. Руденко все племена от Дуная до Алтая, имеющие лишь некоторые черты сходства в хозяйстве, в социальном развитии и особенно в обычаях и культуре, называет скифскими. Культура этих этнически разнородных племен также объединяется общим названием «скифской». Не трудно видеть, что представление автора об единой скифской культуре «от Карпат и Дуная на западе до Тянь-шаня, Алтая и Памира на востоке» (стр. 248) создалось фактически не из всестороннего изучения археологического материала, а под влиянием концепции М. И. Ростовцева, писавшего о единой смешанной скифской культуре, сложившейся на обширной территории из греческих, местных и особенно «иранских, собственно персидских» элементов.

Кроме того, представление автора о едином скифском мире, в который входили неоднородные по своему этническому составу и по происхождению племена, попрежнему перекликается с пресловутой марровской «скифской стадией» в истории древнего населения нашей страны, где скифы рассматривались как конгломерат неродственных многоязычных племен, как особая стадия развития общества.

Называя ряд многоязычных племен (в том числе и древних горноалтайцев) скифами, С. И. Руденко допускает методологическую ошибку: он фактически в основу этногенетического процесса кладет или сходство в экономической жизни отдельных племен, или единство их культуры; он упускает при этом, что первым определяющим этнос признаком служит язык.

За последние годы, особенно после дискуссии по языкознанию и выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», советскими археологами проделана большая работа по выделению на археологическом материале самостоятельных этнических групп — скифов, сарматов, меотов, племен Средней Азиии и Сибири, намечены своеобразные черты их культуры. Сам автор книги хорошо показал своеобразные черты культуры древнего населения Горного Алтая, которая существенно отличается не только от собственно скифской, но и от более близкой ей сарматской культуры. Однако он не только не подчеркивает это отличие, но, наоборот, старается его затушевать.

Действительно, у тех племен, которые названы С. И. Руденко скифскими, имеются некоторые формальные общие черты, сохраняющие старые традиции в искусстве и в материальной культуре, выраженные преимущественно в сходстве некоторых форм конской упряжи, оружия и в «зверином стиле». Сам автор книги, пытаясь отмежеваться от марровского толкования этой общности, пишет: «Единство природных условий, подвижной образ жизни при одной и той же в основном хозяйственной базе обеспечивали обмен культурными ценностями между различными по происхождению племенами, что в результате к середине первого тысячелетия до н. э. придало скифской культуре единый облик» (стр. 24). Но о каком единстве природных условий можно говорить, объединяя степи Приднепровья, холмисто-равнинный рельеф Киргизии и горный Алтай?

«Единства» к у л ь т у р ы и обычаев собственно скифов Геродота и древних горноалтайцев, о котором пишет С. И. Руденко, на самом деле вовсе не существовало. Даже в том, что сближает все культуры скифского времени на юге нашей страны, — в оружии, конской сбруе и в «зверином стиле»,— нет сколько-нибудь полного тождества между Скифией и Горным Алтаем. Остальные же предметы материальной культуры из горноалтайских курганов, как костюм, металлическая, глиняная и деревянная посуда, предметы туалета,— вовсе не похожи на собственно скифские. Лишь некоторые обычаи и стороны погребального обряда древних горноалтайцев напоминают скифские, например скальпирование, бальзамирование трупов вождей, погребение с ними лошадей и, очевидно, рабынь-наложниц. Однако можно ли на этом основании иллюстрировать обычаи горноалтайцев, постоянно привлекая свидетельства Геродота об обычаях и погребальном обряде у кочевых скифов Северного Причерноморья? Подобные аналогии не могут быть исторически оправданными, тем более что такой, например, обычай, как мумифицирование трупов с затылочной трепанацией черепов, известен в соседней с Алтаем Минусинской котловине в грунтовых погребениях раннеташтыкского времени (конец I в. до н. э.), о чем автор совершенно умалчивает, хотя это ему должно быть хорошо известно. Здесь автор неверно пользуется историко-сравнительным методом. Он тенденциозно выбирает среди письменных источников и археологического материала лишь те аналогии, которые ему нужны для обоснования скифского характера жизни и культуры горноалтайцев. Он совсем игнорирует те поразительные аналогии в погребальном обряде и материальной культуре, которые имеют горноалтайские памятники

с памятниками ближайших областей Южный Сибири и Центральной Азии.

Отправляясь от определения памятников горного Алтая как скифских, С. И. Руденко постоянно обращался и в более ранних своих работах за аналогиями только к памятникам западным, собственно скифским, и переднеазиатским (главным образом, ахеменидским), и к свидетельствам античных авторов о скифских племенах Причерноморья и их соседях. В то же время С. И. Руденко недооценивает те черты сходства, связи и параллели, которые существуют между находками Горного Алтая и памятниками близлежащих восточных районов. Пренебрежение восточными аналогиями особенно сказывается на датировке С. И. Руденко алтайских курганов. Ведь именно эти прямые аналогии привели бы С. И. Руденко к выводу об иной, более поздней дате горноалтайских памятников, заставили бы его отнести их не к скифскому, а к гунно-сарматскому времени. Поэтому, вероятно, он нигде даже не упоминает в своих работах Ноин-Улинских курганов I в. н. э., хотя именно они, а не скифские курганы имеют совершенно сходное устройство погребальных камер (внешние и внутренние срубы, драпировка стен тканями и войлоками, покрытие потолка мелкими растениями и т. д.) с горноалтайскими. В силу тех же причин С. И. Руденко в своих работах уклонялся от обсуждения совершенно иной точки зрения на горноалтайские курганы, которая существует в археологической литературе и хорошо аргументирована С. В. Киселевым, относящим эти горноалтайские памятники к гунно-сарматскому времени, а именно не ранее III в. до н. э. Не останавливался он также и на критическом рассмотрении периодизации и общей оценке горноалтайских находок, данной М. П. Грязновым. Метод замалчивания иных точек зрения не есть метод, приводящий к объективно-научной, правильной оценке археологических материалов. Только научная дискуссия, с аргументированным изложением мнений сторон, может привести к верному решению вопроса.

В разбираемой работе С. И. Руденко, преувеличивая «скифские» черты Пазырыка, попрежнему оставляет без внимания близость конструкции пазырыкских погребальных сооружений с некоторыми погребальными сооружениями Минусинской котловины рубежа нашей эры и особенно сходство с усыпальницами гуннских шаньюев в Ноин-Уле (Северная Монголия).

Таким образом, гуннские связи Пазырыка, важные, может быть, не только для формирования пазырыкской культуры, но и самого населения Горного Алтая, при наличии монголоидных типов среди погребенных, оказались совсем не раскрытыми.

Основой датировки у автора рецензируемой книги является стилистический анализ горноалтайских находок, в результате которого он находит еще доахеменидские и раннеахеменидские элементы в привозных вещах (ткани, ковры) и в местном изобразительном искусстве. Однако не эти архаические черты, действительно свойственные Пазырыку, должны лечь в основу датировки пазырыкских памятников.

Анализируя культуру Пазырыка, особенно изобразительное искусство, С. И. Руденко убедительно показал близость пазырыкских памятников искусства с Аму-Дарьинским кладом и особенно с серией золотых предметов из так называемой скифо-сибирской коллекции Государственного Эрмитажа, найденных главным образом в Южной Сибири. Характерные черты художественного стиля вещей Аму-Дарьинского клада и Эрмитажной коллекции, — сцены борьбы фантастических животных, особая трактовка тела зверя (вывернутость задней части тела, выражающая

сильное напряжение в борьбе), полихромия, выраженная в украшении предмета цветными вставками в виде запятых, кружочков и т. д.,— составляют одну из самых существенных сторон пазырыкского изобразительного искусства. Но ведь эти черты совершенно чужды скифскому искусству. Зато они составляют основу гунно-сарматского изобразительного искусства III в. до н. э. — II в. н. э.

Именно в это время в Сибири и Центральной Азии широко распространены аналогичные композиции борьбы животных или сцены терзания хищниками травоядных копытных на многочисленных бронзовых бляхах (найдены в древнейших гуннских погребениях Дэрестуйского могильника в Забайкалье — II—I вв. до н.э., в позднетагарском кургане у с. Б. Барандат — I в. до н. э.) и гуннских ковровых апликациях (ковры из Ноин-Улы — I в. н. э.). Характерные для Пазырыка изображения животных с «вывихнутой» задней частью, как бы перегнутые, также известны среди памятников этого времени, например изображение лани на щитке золотого перстня из усуньского кургана Бураны (II—I вв. до н. э.)[1]. Такой сюжет, как изображение пары слитных головок коней, повернутых в разные стороны, обнаруженный на седельных накладках пятого Пазырыкского кургана (стр. 127, рис. 57 и стр. 177, рис. 91), совершенно отсутствует на Западе, но зато хорошо известен по гунно-китайским бронзам Суйюани и в особенности по сотням находок аналогичных по форме бронзовых пластин с парными конскими головками из таштыкских склепов Минусинской котловины. С. И. Руденко, не найдя ничего подходящего в скифском искусстве, предпочел оставить этот сюжет без аналогий, как и многое другое, например круглодонный деревянный ковш с ручкой-сучком (стр. 45, рис. 12, *2*) из второго Пазырыкского кургана. Но ведь совершенно подобные по форме деревянные ковши с такими же ручками и их миниатюрные воспроизведения в бронзе хорошо известны по находкам в раннеташтыкских погребениях (I в. до н. э. — I в. н. э.). Остались без аналогии и золотые серьги, состоящие из цилиндрика, покрытого зернью, и лепестковых подвесок (стр. 111, рис. 51, *в*), а между тем такой золотой цилиндрик с зернью от серьги найден в кургане № 23 Ноин-Улы, и вообще серьги с многолепестковыми подвесками встречаются в погребениях II — I вв. до н. э. в Забайкалье, в Минусинской котловине и в Семиречье. Характерное выстригание гривы лошади выступающими вверх «языками», засвидетельствованное как на трупах коней из курганов Пазырыка, так и на изображениях войлочного ковра из пятого Пазырыкского кургана (стр. 90, рис. 33), появляется только в гунно-сарматское время в Причерноморье (фрески склепа Анфестерия) и в сассанидском Иране (сцены охоты царей на серебряной посуде), а в скифское время неизвестно.

Совсем не обращает внимания С. И. Руденко и на сарматские связи Пазырыка, выраженные не только в художественном стиле, но и в наличии сарматских вещей в погребальном инвентаре Пазырыкских курганов.

Последнее также весьма существенно для датировки Пазырыкской группы курганов, которые автор книги безосновательно относит к VI—IV вв. до н. э. Без правильной датировки археологических памятников невозможны и правильные исторические выводы.

С сарматским искусством можно сравнить излюбленную манеру украшений на пазырыкских вещах: бляшки и накладки геометрической и растительной формы от конской упряжи, многие элементы растительных и геометрических узоров на различных вещах из кожи, войлока и дерева.

[1] ВДИ, 1938, № 3, стр. 162—179 и рис. 12

Существует целый ряд общих приемов в технике ювелирного дела у сарматов и горноалтайцев: украшение вещей тонким золотым листом, тонкая техника золотой инкрустации по железу (та же техника распространена также в Южной Сибири с III в. до н. э).

Особенно много вещей сарматского типа во втором Пазырыкском кургане. Таковы круглые деревянные бляхи с выпуклой центральной частью от уздечного набора (стр. 141, рис. 62, *а*, *б*), каменная жаровня на четырех ножках (стр. 45, рис. 12, *а*), деревянный круглодонный сосуд с ручкой-колодочкой (рис. 12, *в*), золотая серьга с подвесками, украшенная разноцветной пастой (стр. 111, рис. 51, *в*), серебряное зеркало с ободком и выпуклостью в центре (стр. 119, рис. 52). Из всех перечисленных вещей лишь каменная жаровня встречается в сарматских древностях, которые датируются не позже IV в. до н. э. Остальные предметы находят себе аналогии среди сарматских вещей III—I вв. до н. э. Описанное С. И. Руденко другое металлическое «зеркало овальной, почти круглой, формы, с короткой ручкой» в футляре из шкуры леопарда (стр. 118) представляет один из характерных типов сарматских зеркал III—II вв. до н. э. Наконец, кожаная диадема с изображением идущих в ряд петушков на женском головном уборе из второго Пазырыкского кургана (стр. 109, рис. 50, *а*, *б*) чрезвычайно близка по стилю и композиции золотой диадеме из известного сарматского кургана «Хохлач» в г. Новочеркасске. Прочие вещи из этого кургана, получившие в литературе название Новочеркасского клада, стилистически также близки к Пазырыку по трактовке изображения зверей и по полихромии; они датируются не ранее II—I вв. до н. э.

Перечень аналогий горноалтайских древностей с сарматскими можно было бы еще пополнить, но достаточно и этого, чтобы убедиться в тесных взаимосвязях горных алтайцев с сарматским миром последних трех веков до нашей эры.

С. И. Руденко, говоря о связях древних горноалтайцев с Китаем, отмечает, что все найденные в Пазырыкских курганах китайские вещи (ткани, бронзовое зеркало) не моложе IV в. до н. э., что «до сих пор ни в одном из исследованных курганов этого типа не найдено китайских вещей эпохи ранних Хань» (с 206 г. до н. э.). Однако вряд ли это так. Сам автор отмечает близость пазырыкских шелковых тканей по орнаментации и технике их изготовления китайским шелковым тканям Ноин-Улинских курганов. Орнаментация пазырыкских шелковых тканей ханьская. Ко II вв. до н. э. относится и бронзовое зеркало из 6-го Пазырыкского кургана [1], типологически предшествующее ханьским зеркалам типа TLV, находимым в Южной Сибири в погребениях I в. до н. э. (Бурдун, Изых—склеп № 2). Вообще следует отметить, что лишь с раннеханьского времени начинают широко распространяться китайские вещи в Южной Сибири, доходя на западе до Поволжья.

Следовательно, некоторые архаические элементы культуры Пазырыка, особенно в изобразительном искусстве, не могут служить основой для датировки. Пазырыкские курганы и вся представленная в них яркая культура горноалтайцев относятся не к скифскому, а к гунно-сарматскому времени, т. е. не ранее III в. до н. э.

Значительной ошибкой автора является то, что С. И. Руденко в рецензируемой книге смешал воедино все алтайские памятники эпохи ранних кочевников, среди которых в действительности имеются более ранние,

[1] Кюммелем этот тип зеркал датируется раннеханьским временем II—I вв. до н. э. — см. Ostasiatische Zeitschrift, Heft 3—4, 1920, стр. 173.

относящиеся к майэмирской культуре VII—IV вв. до н. э. (выделена работами М. П. Грязнова и С. В. Киселева), и более поздние, относящиеся к рубежу нашей эры. По С. И. Руденко, «археологических памятников конца первого тысячелетия до н. э. и первой половины первого тысячелетия н. э. в Горном Алтае пока не обнаружено» (стр. 258). Такие памятники в Горном Алтае есть. Ярким примером их является Шибинский курган, который твердо датируется концом I в. до н. э. — I в. н. э., по обнаруженным в нем остаткам китайских лаковых чашечек, выделывавшихся в ханьском Китае между 86 г. до н. э. и 48 г. н. э., что совершенно правильно установил исследовавший этот курган М. П. Грязнов и подтвердил Умехара.

В этом же кургане найден и железный кольчатый нож, датирующийся II—I вв. до н. э. «Передатировка» кургана Шибэ понадобилась С. И. Руденко потому, что в нем найдены вещи конского снаряжения, выполненные все в том же традиционном «скифском зверином стиле», что и в курганах Пазырыкской группы.

Таким образом, горноалтайские памятники пазырыкского типа должны быть поставлены в тесную связь не со скифской проблемой, а с вопросом взаимосвязей древнего населения Алтая с племенами Средней Азии, Северной Монголии, Южной Сибири и юго-восточных районов Европейской части СССР в гунно-сарматское время, для которого характерна политическая активность гуннов на востоке и сарматов на западе этой территории. Только в этом плане может быть правильно решен вопрос о происхождении древнего населения Горного Алтая, не имеющего никаких генетических связей со скифами Северного Причерноморья, и может быть правильно понята его оригинальная и яркая культура.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе более частного порядка. Вопреки установившемуся в археологической литературе мнению о кочевом или полукочевом характере древних горноалтайцев, втянутых в общий, исторически важный процесс выделения кочевых скотоводческих племен на юге нашей страны с начала первого тысячелетия до нашей эры, С. И. Руденко пытается обосновать положение о пастушеском скотоводстве и прочной оседлости древних горноалтайцев. Однако состав стада горноалтайцев, с преобладанием в нем лошадей и овец, первоначальное юртообразное устройство каменных курганов, что прослежено М. П. Грязновым, все находки в Пазырыкских и других горноалтайских курганах — дают яркую картину кочевого быта, отмеченного в археологии такими признаками, как погребения с воинами верховых коней во всем их убранстве, кожаная посуда и переметные сумы, кочевнические деревянные столики со съемными крышками и т. п. В 5-м Пазырыкском кургане найдены, кроме того, даже остатки войлочной юрты. Таким образом, мы находим здесь те же признаки, которые характерны для погребений кочевников скифо-сарматского времени в Казахстане, Поволжье, на Кубани и в степных районах Украины. Приводимые С. И. Руденко доказательства прочной оседлости — временное стойловое содержание части скота, устройство погребальных камер в виде прочных бревенчатых построек, массивная глиняная посуда и пр.— свидетельствуют лишь о существовании необходимых для кочевников благоустроенных зимовок в обильных зимними пастбищами долинах Алтая. В частности, наличие массивной глиняной посуды вовсе не может свидетельствовать о прочной оседлости — она нам известна у всех древних кочевников нашей страны, и в большом количестве, например, у сарматов Поволжья (особенно в диагональных погребениях), а также у гуннов.

Приветствуя публикацию замечательных материалов Горноалтайской археологической экспедиции, мы не можем согласиться ни с датировкой, ни с общей историко-культурной оценкой горноалтайских находок. В этой части книга С. И. Руденко должна быть коренным образом переработана при ее переиздании.

Л. Р. Кызласов и К. Ф. Смирнов

ОТ РЕДАКЦИИ

Рецензия Л. Р. Кызласова и К. Ф. Смирнова на книгу С. И. Руденко «Горноалтайские находки и скифы» публикуется в то время, когда вышла из печати новая книга С. И. Руденко «Культура населения горного Алтая в скифское время» (Изд. Акад. Наук СССР, 1953). В новой книге С. И. Руденко публикует значительно подробнее пазырыкские памятники, в том числе и весь погребальный инвентарь, приводит чертежи курганов и погребальных камер. Книга хорошо и богато иллюстрирована. Автор значительно изменил историко-культурную оценку пазырыкских памятников, подчеркивая «определенно выраженные в Пазырыкских и других алтайских памятниках черты своеобразия местной культуры» (стр. 9), отличающейся от скифской и не связанной с причерноморскими скифами. В новой книге С. И. Руденко правильно отмечает, «что в степях и предгорьях южной Сибири, Средней Азии, а также Восточной Европы в первом тысячелетии до н. э. жили многочисленные племена, различные по своему происхождению и языку» (стр. 7). Он отмечает близость их культуры, которая была обусловлена не только сходством общественного строя и обычаев, одних и тех же занятий и черт быта, но и различными, нередко очень тесными связями одних племен с другими.

С. И. Руденко в новой книге в основном изжиты прежние его представления о скифах и скифской проблеме, смыкавшиеся с представлениями М. И. Ростовцева о единой скифской культуре на обширной территории.

Новая книга С. И Руденко несомненно является шагом вперед в вопросе научной интерпретации открытых им замечательных археологических памятников, однако она не снимает значительной части возражений авторов публикуемой выше рецензии.

И. А. ТАЛИЦКАЯ. МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ БАССЕЙНА р. КАМЫ (по данным, собранным М. В. Талицким); материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья, IV. Материалы и исследования по археологии СССР, № 27, М., 1952, стр. 226 + 5 таблиц и 1 карта.

Не приходится много говорить о значении археологических карт для развития науки. Когда речь идет не об отдельном памятнике, а о группе памятников или об археологической культуре, т. е. о комплексе памятников, объединенных одним временем, общей территорией и характеризуемых общими чертами,— составление археологической карты является непременным условием, без выполнения которого нельзя создать себе представление о «культуре». Но даже если речь идет об одном памятнике, он становится понятным, только если его изучают не изолированно, а в связи с другими историческими памятниками того же района. Большие обобщения, касающиеся развития археологических культур, передвижения племен и народов и т. п., возможны только при учете всех известных памятников, только при условии нанесения на карту всех археологических данных. Археолог начинает изучение какой-либо территории с разведки. Он движется ощупью, не может наметить правильные пути исследования до тех пор, пока не составит археологическую карту изучаемой территории. Это — начало всякой серьезной работы. Поэтому очень важно составление археологической карты СССР.

В нашей стране известны десятки тысяч археологических памятников, их картографирование — первоочередная задача. Между тем мы до сих пор не только не имеем общей, сводной карты, но и не ведем достаточно энергичную подготовку к ее созданию. Для ряда районов и областей такие карты никогда не создавались; для других территорий они были созданы и даже опубликованы, но уже успели устареть. Слабая изученность отдельных территорий не может служить причиной отсрочки создания археологической карты. Археологические памятники по существу неисчерпаемы. Их нет только там, где их не ищут. Но там, где они выявлены, непрерывно будут появляться новые. Это относится к таким памятникам, которые целиком скрыты в земле. Если можно учесть все или почти все курганы и городища, то селища и грунтовые могильники, отдельные находки и клады будут непрерывно вновь появляться. Поэтому археологическая карта СССР должна выявить состояние науки к моменту окончания работы, как принято иногда говорить, — «на сегодня», не претендуя на исчерпывающие сведения об археологических памятниках. Она будет непрерывно пополняться и исправляться по мере развития исследований. С составлением археологической карты нельзя дольше ждать. Это важная практическая задача, стоящая перед советскими археологами.

Поэтому опыт составления и публикации археологической карты бассейна р. Камы важен не только для тех, кто изучает эту территорию, но для всех археологов нашей страны. Это первая работа, отвечающая современным методическим требованиям. Она, несомненно, послужит прототипом для дальнейших аналогичных работ. Необходио учесть и ее достижения, и ее ошибки.

Работа по составлению археологической карты сложна и кропотлива, даже если данные уже собраны (как в данном случае). Не говоря уже о том, что данные иногда бывают неточными и противоречивыми и составитель карты должен проделать большую исследовательскую работу, чтобы установить, чему можно верить,— нужно еще систематизировать памятники, классифицировать и датировать их, найти точно их местоположение и нанести его на географическую карту. И. А. Талицкая проделала огромную работу, в результате которой появилась книга, содержащая сведения об археологических памятниках бассейна р. Камы, полученные в результате исследований этого района археологами, краеведами и другими специалистами на протяжении 180 лет.

Приведенные сведения охватывают археологические памятники, открытые с конца 60-х годов XVIII в. (Вторая экспедиция Академии Наук 1768—1774 гг.) до 1950 г., общее число которых — 1542. Автор приводит данные о памятниках, не только опубликованных, но и, в значительной степени, неопубликованных, материалы которых хранятся в коллекциях и архивах различных музеев и научных учреждений. Это делает работу И. А. Талицкой особенно интересной и ценной.

Но от такой работы мы вправе ожидать, что она содержит исчерпывающие сведения об археологических памятниках рассматриваемой территории,— исчерпывающие, как выше сказано, лишь на день составления карты, так как дальнейшие новые открытия будут происходить непрерывно. В карте И. А. Талицкой есть некоторые упущения, вызывающие сомнение в ее полноте.

В 1936 г. экспедиция Удмуртского научно-исследовательского института социалистической культуры обследовала р. Валу и выявила около 70 археологических памятников; карта этого района опубликована в книге «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.» (М.—Л., 1941, стр. 111). На карте же Талицкой по Вале отмечено всего 12 памятников.

Это упущение тем более странно, что руководителем экспедиции, открывшей памятники по р. Вале, был ответственный редактор книги А. П. Смирнов. Если не включенные в карту памятники были сознательно опущены, ввиду их малозначительности, следовало это в тексте оговорить.

В предисловии и во введении дан очень краткий общий очерк истории исследования бассейна р. Камы. К сожалению, автор и редактор не воспользовались возможностью сделать этот очерк более полным с тем, чтобы выделить основные направления и результаты изучения археологии этого района. При описании каждого отдельного памятника указано, кем и когда памятник был открыт, кем, когда и в какой мере был обследован. Таким образом, в работе содержатся ценные материалы для истории исследования данного района. Также дана археологическая характеристика каждого памятника.

В археологическую характеристику памятника входят: его датировка (хронологическая или периодическая); площадь (если это—городище, селище или стоянка); мощность и характеристика культурного слоя; краткий перечень и описание находок; качественное и весовое содержание кладов и т. д. Особенно подробно,— и это очень ценно,— даны описания и характеристики городищ. Некоторая конспективность сообщений

восполняется подробной библиографией по каждому памятнику и указаниями, где (а иногда — и под каким номером) хранятся находки. Конечно, количество сведений о различных памятниках не одинаково и зависит от степени их изученности и от количества имеющихся о них данных.

Автор проделал большую работу по систематизации и классификации собранного им материала.

Все памятники разбиты на группы по горизонтальному и вертикальному делению. Горизонтальное деление различает памятники по времени — палеолит, мезолит, неолит, энеолит, эпоха бронзы, ананьинская культура (VII—III вв. до н. э), пьяноборская культура (III в. до н. э. — V в. н. э.), VI—IX вв. н. э., X—XIV вв. н. э.; XV—XVIII вв. н. э. Вертикальное деление различает памятники по видам — стоянки, городища, селища, могильники, курганы и т. д.

Особую группу составляют недатированные памятники. Основным и определяющим делением является деление горизонтальное. В связи с этим автор дает пять дополнительных карт по отдельным эпохам и культурам: 1) памятники палеолита, мезолита, неолита, энеолита, бронзы; 2) памятники ананьинской культуры; 3) памятники пьяноборской культуры; 4) памятники VI—IX вв. н. э.; 5) памятники X—XIV вв. н. э. Такие абстрагирующие карты очень полезны, так как они значительно облегчают археологическое изучение данного района и помогают делать выводы и обобщения.

Цифровые результаты классификации выражены таблицей на стр. 11. (Кстати, эту таблицу следовало бы повернуть так, чтобы горизонтальное деление — временное — выражалось горизонтальными рядами, а вертикальное — видовое — вертикальными столбцами, как это принято вообще на археологических таблицах).

Однако некоторые положения классификации и в тексте, и на картах, и в таблице вызывают сомнения. Например, к эпохе бронзы отнесены 6 стоянок и 1 селище (см. таблицу на стр. 11). На картах эти памятники нанесены соответствующими значками (см. табл. 3) и так же определены в тексте (см. стоянки № 1, 126, 283, 285, 743, селище № 553; шестой стоянки в тексте не обнаруживается). Неясно, почему пять памятников отнесены к виду стоянок, а один — к виду селищ. При сравнении сведений, данных в тексте о всех шести памятниках, никакой принципиальной разницы не обнаруживается. Термин «стоянка» употребляется в археологической литературе для неукрепленных поселений, которые существовали ранее того времени, когда возникли городища. Придерживаясь этой терминологии, следовало и № 553 считать стоянкой, как и остальные поселения той же эпохи.

Отсутствие в тексте шестой стоянки объясняется тем, что она скрыта под № 37 — «Гроханьское городище. Эпоха бронзы. Ананьинская культура. X—XIV вв.». Это значит, что памятник трехслойный, но дан под одним номером. Хотя автор и предупреждает о таком положении (стр. 12), но оно ничем не оправдано и крайне неудобно, так как вносит путаницу и неясность. Памятник № 37 в тексте назван городищем (и только городищем), в таблице на стр. 11 он отнесен к трем эпохам и двум видам и включен в три клетки, на карте № 3 показан значком стоянки, на картах № 4 и 7—значком городища, на общей карте (табл. 11) — значком городища и цветом ананьинской (и только ананьинской) культуры. Объединение нескольких памятников под одним номером допустимо, если даже они относятся к разным эпохам, но недопустимо, если они относятся к разным видам. Вообще же объединение нежелательно, так как номер дается памятнику, а не месту. В данном случае можно было бы объединить слой

ананьинской культуры и слой X—XIV вв., допустив, что городище бытовало и в ту, и в другую эпоху, но включение в этот же памятник слоя эпохи бронзы противоречит утверждению, что городища в Прикамье появляются впервые в эпоху ананьинской культуры (стр. 6). Кроме того такая система привела к весьма сложному тройному итогу: названий памятников 1490, номеров памятников 1485, а памятников 1542 (см. стр. 12).

Также не оправдано в системе классификации количество видов; например: «отдельные находки» и «отдельные находки каменных предметов» (см. таблицу на стр. 11). В большинстве случаев памятники, разделенные по этим двум видам, ничем друг от друга в видовом смысле не отличаются. Памятники № 489 и 739 отнесены к виду отдельных находок — найдены каменные орудия, датированные палеолитом; памятники № 72, 85, 93, 98, 138, 141, 143, 144, 145, 147 и другие отнесены к виду отдельных находок каменных предметов — найдены тоже каменные орудия, но не датированные. Следовательно, различие у них временно́е, но не видовое. (Отдельную находку, датированную неолитом и отмеченную как полноценную на табл. 3, на данной таблице найти не удалось). Также неясна разница между могильниками и кладбищами; например: № 96. Биляморское к л а д б и щ е. XVII—XVIII в., «на нем были найдены наконечники стрел, подвеска, фрагменты ножа и рукоятки и обрывки тесьмы», и № 657. Кайсагуртский м о г и л ь н и к. XVII—XVIII в., «Два черепа — мужской и женский, найдены при раскопке языческого удмуртского к л а д б и щ а (?)... Оттуда же извлечены два ножа, топор, кольцо и два топорика». Никакой принципиальной разницы нет.

То же самое можно сказать относительно всех, упоминаемых в работе, кладбищ. Кстати, в таблице на стр. 11 кладбищ указано 10, а в тексте их 11 (№ 96, 298, 305, 306, 642, 643, 655, 656, 1063, 1065, 1248).

Разнобой в отношении классификации памятников по видам, повидимому, произошел вследствие того, что автор механически перенес в свою работу те определения, которые были даны памятникам их исследователями. Автор должен был критически проанализировать данные определения и классифицировать памятники по научным признакам, а не по случайно данным названиям.

Не совсем удачно проведен отбор памятников. Вряд ли следовало включать палеонтологические находки. Их на карте всего 10, т. е. значительно меньше, чем было сделано в самом деле. Кроме того, для мест находок костей четвертичных животных нет специального значка. Поэтому и найти их очень трудно. Некоторые археологические памятники, нанесенные на карту, очень сомнительны и по существу ничего не говорят исследователю, обращающемуся к карте. В особенности это замечание относится к отдельным находкам, о которых почти ничего нельзя сказать, например № 599, 648, 649, 666. Под № 1055 значится Стариковский клад. Вот все, что может о нем сообщить автор: «М. В. Талицкому, во время обследования в 1938 г., житель деревни сообщил о находке клада недалеко от дер. Стариковой 60 лет назад. (Содержание клада неизвестно). Место нахождения — в 1,5 км от деревни, по дороге на Логиново. М. В. Талицкий обследовал место находки. Культурного слоя не обнаружил». Мы знаем, как много слухов, легенд, а иногда и попросту фантастических выдумок ходит среди местного населения по поводу кладов и археологических находок. Иногда сведения, полученные от местных жителей, могут быть очень полезными, могут вести к открытиям, но когда, как в данном случае, содержание клада неизвестно, на месте якобы бывшей находки ничего не найдено и таким образом сведения, полученные от местного жителя, ничем не

подтвердились, нет никаких оснований наносить на карту этот, может быть, никогда и не существовавший клад. На карте есть несколько городищ и курганов, нанесенных по слухам, по сведениям, полученным от местных жителей много десятков лет назад. С тех пор никто из археологов не проверил эти сведения, они остались не подтвержденными. В большинстве случаев даже неизвестно точно местонахождение такого памятника. Такие сомнительные памятники нужно было выделить в особый раздел.

Недостаточен научный аппарат. В приложении дан алфавитный указатель памятников, но нет указателя памятников по видам. Между тем алфавитный указатель, ввиду неустойчивости названий памятников, менее всего нужен читателю. Но если читатель пожелает рассмотреть памятники одного вида, а это чаще всего бывает нужно, то должен будет прочесть весь текст, так как они не выделены в указателе.

При публикации археологических карт следует дополнять сведения о памятниках чертежами, схемами, рисунками. В первую очередь это касается памятников неопубликованных, о которых имеются сведения в архиве. Очень много дала бы читателю публикация планов городищ. В некоторых районах, очень насыщенных памятниками, важно детально выяснить их взаиморасположение, а также географическое окружение. В подобных случаях хорошо бы дать укрупненную карту района с рядом дополнительных сведений, которые невозможно поместить на общей карте.

В заключении книги дан общий обзор археологических памятников в бассейне р. Камы. Хотя в тексте книги при описании памятников термины «эпоха» и «культура» применяются правильно, в предисловии и заключении они часто путаются. Так, вместо ананьинской и пьяноборской культур речь почему-то идет об ананьинской и пьяноборской эпохах. Термин «эпоха» обычно применяется в археологической периодизации для выделения значительных отрезков истории человечества, переживавшихся повсеместно, например неолит, эпоха бронзы и т. д. Термин же «культура» объединяет комплекс памятников определенного времени, местный, выделенный по общим признакам, чаще всего дающим представление о территориальном обособлении племенных групп населения. Поэтому нельзя путать термины «эпоха» и «культура».

Один из серьезных недостатков работы признан и отмечен самим автором. «В основу работы был положен принцип отбора и разбивка археологического материала по бассейнам рек. Границей изучаемой территории была принята граница бассейна Камы. Выбор такого принципа в значительной мере обоснован тем, что расселение племен, действительно, в большинстве случаев шло по долинам рек. Общая карта (!) ярко это иллюстрирует: наибольшее скопление памятников мы наблюдали по берегам рек. Недостатком принятой системы является то, что некоторые памятники, близкие и территориально и по культуре, из работы пришлось исключить» (стр. 191).

Иными словами, в основу положен принцип географический, а не этнический. Довод, приводимый для обоснования принятой системы,— расселение племен по долинам рек, — звучит весьма неубедительно. Какая бы система ни была принята (по бассейнам рек, по областным или губернским границам, по листам и трапециям международной карты), расселение племен, независимо от нашей и их воли, шло бы по долинам рек, ибо человеку нужна вода, и любая карта, составленная по любой системе, могла бы это ярко иллюстрировать. Данная карта, вопреки утверждению автора, иллюстрирует это н е я р к о. Происходит это потому, что на карте дано очень мало рек и значки многих памятников оказываются на безводном пространстве. Уж если бассейны рек приняты за основу, то

нужно было дать на карте эти бассейны. В картографии на этот счет существует твердое правило. На общетопографических картах реки и их названия наносятся в зависимости от масштаба карты и длины реки, на специальных картах (экономических, исторических и т. п.), кроме того и главным образом — в зависимости от их специального значения. Отбор рек, нанесенных на рецензируемые карты, носит случайный, бессистемный характер. В бассейне р. Косы (приток р. Чепцы, притока р. Вятки) расположены три памятника — два на берегу р. Косы и один на берегу ее притока р. Суны. На карту нанесена р. Коса и ее не названный левый приток, на котором нет памятников и длина которого 20—25 километров, а р. Суны, имеющей более 60 километров длины и памятник, на карте нет. Подобные нарушения принципа (по бассейнам рек) прослеживаются по всей карте. Выбор данной системы не является ошибкой. Что же касается ее недостатка, то его легко было бы устранить, дав карту бассейна Камы с прилегающими (хотя бы в рамках карты) районами. Это не было бы нарушением принципа. Это было бы соединением двух, не противоречащих друг другу, принципов — географического и этнического.

Весьма важным вопросом в данной работе является вопрос об ее картографическом оформлении.

Под картографическим оформлением следует понимать техническое выполнение карт: начертание основы, выбор условных знаков, раскраску, составление легенды и т. п. К сожалению, приходится констатировать, что этот вопрос разрешен крайне неудачно.

При выборе системы условных знаков автор руководствовался брошюрой А. А. Мансурова «Методика составления археологической карты»— брошюрой, как отмечалось выше, с точки зрения картографии, неудачной. Попытка А. А. Мансурова унифицировать условные обозначения для археологических карт не дала положительных результатов. Надо сказать, что проблема унификации условных обозначений — одна из сложнейших проблем картографии. Количество картографируемых явлений почти безгранично, и уложить их изображение в единую систему не так просто. Что же касается традиции в изображении археологических явлений, то она не должна тяготеть над умами настоящих и будущих составителей археологических карт. Традиция хороша та, которая живет не потому, что она традиция, а потому, что она хороша. Данная традиция не хороша.

Проанализируем легенду и условные обозначения на общей карте (табл. 11). Легенда — это ключ к чтению карты. Чем рациональнее составлена легенда, тем легче читать карту. Легенда, составленная не рационально, превращается в загадочную картинку.

В легенде данной карты — 13 значков для обозначения памятников (из них 4 одинарных и 9 парных — контурных и залитых черных) и 8 прямоугольников для обозначения различных культур (из них 5 цветных залитых, один цветной контурный, один черный заштрихованный и один черный контурный). Из легенды не ясно, что означают парные значки (черные залитые и контурные). Можно догадаться, что залитый черный значок в легенде соответствует, видимо, залитому цветному значку на карте, а контурный черный значок в легенде соответствует цветному или черному контурному значку на карте. Значит, чтобы прочитать значок на карте (например, значок № 1; V-4 — синий залитый шестиугольник), нужно проделать следующие операции: 1) посмотреть значок на карте; 2) отыскать соответствующий значок в легенде (в легенде синего залитого шестиугольника нет, есть два черных — залитый и контурный); 3) догадаться, что означают парные значки; 4) отыскать во втором столбце легенды значение синего цвета; 5) соединить результаты исследования и получить искомое —

стоянку эпохи бронзы. Рационально построенная легенда сводит эти пять операций к двум: 1) посмотреть значок на карте, 2) отыскать его значение в легенде.

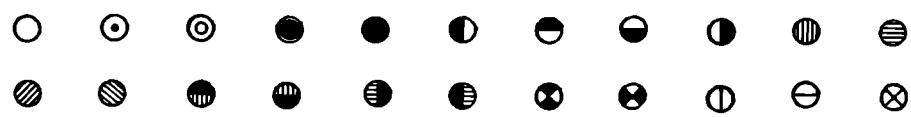
К сожалению, иногда даже в результате всех пяти операций искомое не отыскивается. Значок для обозначения селищ в легенде один — черная залитая восьмиконечная звездочка. Также можно догадаться, что цветные звездочки на карте обозначают принадлежность селищ к той или иной культуре, но что̀ означают на карте черные звездочки,—догадаться невозможно. Попробуем предположить, что черные звездочки на карте обозначаются недатированные селища. Возьмем селище № 747 (К-19 и табл. 10). Действительно, это — недатированное селище. Возьмем далее селище № 744 (там же). Значок тот же, но это селище XVII—XVIII вв., т. е. датированное. Если этим значком объединяются селища поздние и недатированные, то это предположение противоречит легенде, где для поздних и недатированных памятников даны два различных обозначения.

Примерно так же обстоит дело со значками городищ. Городище № 157 (И-5) изображено черным разомкнутым квадратом □. Из легенды не видно, к какой культуре относится этот значок, видно только, что это городище. Исследовав несколько аналогичных значков на карте, выясняем, что так обозначаются недатированные городища. Но городище № 157 (Никулицкое) имеет два слоя: древнеудмуртский и русский, т. е. оно дважды датировано.

Единственный возможный вариант звездочки:

✳

Возможные варианты кружка:



и т. п.

Такая путаница обусловлена в значительной степени несовершенством и неудобством системы А. А. Мансурова. Формы некоторых значков (например, значка селища) крайне ограничивают возможности изображения различных групп и категорий аналогичных явлений. Возможности несколько расширяются на цветной карте (в зависимости от количества красок), но на штриховой (черной) возможен только один вариант. Если же звездочку заменить кружком (кружок—наиболее подходящий значок для изображения селищ, так как кружком изображаются населенные пункты на всех картах), то возможности расширяются почти безгранично. Приводимый рисунок это наглядно подтверждает.

В рецензируемой работе все селища разделены на 7 групп по различным культурам (см. таблицу на стр. 11). Отразить это на карте принятым значком не удалось, возможностей хватило только на 6 групп (причем это на цветной карте). Показать на карте многослойность и двойную датировку городища № 157 (И-5) принятым значком городищ также не удалось.

Что касается графического оформления карты, то оно также оставляет желать лучшего. Черные толстые линии и наименование рек, толстые линии градусной сетки, черные расплывающиеся цифры подавляют цветные изображения памятников (желтые звездочки селищ совершенно потерялись).

Очень хорошо, что автор разбил весь материал на 11 разделов по отрезкам р. Камы или по бассейнам ее притоков. Это значительно облегчает работу с картой.

Все перечисленные выше недостатки и неточности в работе И. А. Талицкой не мешают, однако, высокой оценке этой работы в целом. Труд, проделанный И. А. Талицкой, громаден. Это первый опыт создания археологической карты, отвечающей всем новейшим методическим требованиям. Поэтому естественны отдельные ошибки, ни в коем случае не обесценивающие работу в целом. «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы»—книга полезная, нужная. Это ценное справочное издание может быть с успехом использовано не только историками и археологами, но и краеведами, педагогами. Труд этот дает возможность вести дальнейшие исследования, указывает на наименее обследованные места, дает возможность изучать район исторически и делать обобщения. К этой книге неоднократно будут обращаться многочисленные читатели. Что же касается археологов, к которым прежде всего обращена книга И. А. Талицкой, то их мнение единодушно: «Побольше бы нам таких книг!».

А. С. Амальрик и А. Л. Монгайт

А. Ф. ШОКОВ. СКИФЫ НА СРЕДНЕМ ДОНУ. Воронежское областное книгоиздательство, Воронеж, 1952.

На территории Воронежской области расположены многочисленные и хорошо известные археологические памятники различных эпох: Костенковские, Боршевские и Гагаринская палеолитические стоянки, значительное количество памятников эпохи бронзы, встречающихся на всей территории области, Мастюгинские и Частые курганы первого тысячелетия до нашей эры, Маяцкое городище первого тысячелетия нашей эры, Боршевские славянские городища и др. Их изучение интересно не только с точки зрения развития местного краеведения, но и для разрешения ряда важнейших проблем, стоящих перед советской исторической наукой в целом.

Работа А. Ф. Шокова является первой попыткой осмыслить в целом известные ранее археологические памятники середины первого тысячелетия до нашей эры, расположенные на среднем Дону, и показать социально-экономический строй общества того времени. После небольшого введения автор характеризует курганы как объект археологического изучения, коротко дает историю изучения курганов скифского времени на среднем Дону и их описание. Затем он говорит о скифских поселениях на Днепре и в Крыму, подчеркивая, что поселения этого времени на среднем Дону почти не изучены. Далее он приводит несколько письменных известий античных авторов о скифах и, наконец, переходит к рассмотрению социально-экономического строя населения, жившего на среднем Дону в первом тысячелетии до нашей эры.

Установив, что оно занималось скотоводством, земледелием, охотой, рыбной ловлей, разнообразными ремеслами и находилось в торговых связях с различными племенами Восточной Европы, Кавказа и Закавказья, автор характеризует его общественный строй как «высшую ступень первобытно-общинного строя, с которой связано развитие военной демократии» (стр. 30). В заключительном разделе автор касается вопроса этногенеза славян. Таково коротко содержание брошюры.

Следует сказать, что А. Ф. Шоков дает в общем более или менее подробную сводку археологического материала, но с рядом его теоретических положений согласиться нельзя. Прежде всего А. Ф. Шоков безоговорочно считает, что на территории среднего Дона в первом тысячелетии до нашей эры жили скифы. Но такая точка зрения должна быть признана не только устаревшей, но и методологически неправильной, так как объективно может оказаться проявлением марровской теории стадиальности, о которой И. В. Сталин сказал, что «трудно найти что-либо марксистское в этой теории»[1].

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 27.

Применительно к истории скифов она выражалась в утверждении существования особой скифской стадии в развитии древних племен первого тысячелетия до нашей эры. К скифам огульно относили не только скифские, но и различные нескифские племена, которые жили на огромных пространствах Европы и Азии. Это делалось лишь на основании сходства некоторых предметов их материальной культуры (оружия, конского убора, орнамента); при этом ни язык, ни другие этнические признаки в расчет не принимались.

Конференция Института истории материальной культуры Академии Наук СССР, посвященная вопросам скифо-сарматской археологии, проходившая в Москве в 1952 г., продемонстрировала достижения советских археологов в области изучения культуры скифов в свете учения И. В. Сталина о языке и подвергла критике проявления марровской теории стадиальности применительно к скифам. На конференции единодушно было признано, что собственно скифами следует называть лишь группу скотоводческих и земледельческих племен Южного Буга, Нижнего Днепра и Приазовских степей, которая отличалась своеобразными чертами материальной культуры и говорила на языке, принадлежавшем, по данным современной советской лингвистики, вероятнее всего, к так называемой северноиранской группе индоевропейских языков[1]. На запад, север и восток от скифов размещались нескифские племена, в том числе и племена, населявшие район среднего Дона.

Правильно поставив вопрос о необходимости выделить местные особенности культуры среднего Дона (стр. 4), А. Ф. Шоков не делает этого, а лишь запутывает вопрос, сближая памятники среднего Дона с более поздними скифскими памятниками Крыма (стр. 14). Автор в сущности проводит аналогию между городищами Воронежской области и Каменским городищем на Днепре, а также Неаполем Скифским в Крыму (стр. 13—14). Он отмечает, что Каменка была центром скифского металлургического производства, что она являлась городом кузнецов-литейщиков (стр. 13). Из такой аналогии следует, что и Воронежские городища были собственно не городищами, а городами с обособившимся ремеслом. Но если для Каменки и Неаполя можно говорить о первых зачатках городской жизни, то высказывать такую мысль в отношении городищ лесостепной полосы, в том числе и Воронежских, нет никаких оснований.

Далее автор полностью игнорирует особенности местной культуры, заключающиеся в особом типе посуды, погребальных обычаев и позволяющие утверждать, что здесь мы имеем дело не со скифами. В печати уже высказывалось мнение о том, что на среднем Дону жили не скифы, а будины, упоминаемые Геродотом[2]. Кстати, и сам автор в своем автореферате кандидатской диссертации высказался в духе этого предположения[3]. Непонятно, почему в популярной брошюре он стал на иную точку зрения.

Конечно, вопрос о том, какие именно племена жили на среднем Дону в первом тысячелетии до нашей эры, нельзя признать окончательно решенным. Чтобы это выяснить, нужно прежде всего продолжить изучение

---

[1] Т. Златковская. Конференция ИИМК АН СССР по вопросам скифо-сарматской археологии. ВДИ, 1952, № 3; А. И. Тереножкин. Труд И. В. Сталина по вопросам языкознания и некоторые вопросы изучения Скифии. «Археология», VII, Київ, 1952 (на украинском языке).

[2] М. И. Артамонов. Венеды, невры, будины в славянском этногенезе. Вестник ЛГУ, № 2, 1946, стр. 80; В. А. Ильинская. О скифах-пахарях и будинах Геродота. КСИИМК. XL, 1951, стр. 33.

[3] А. Ф. Шоков. Скифский период на Среднем Дону. Автореферат кандидатской диссертации. М.— Л. 1950, стр. 13.

поселений, так как одни курганные могильники все же не дают надежных критериев для выяснения указанного вопроса. Но нам представляется, что даже в популярной брошюре неправильно обходить молчанием сложные проблемы науки. Лучше сказать читателю о том, что некоторые вопросы еще окончательно не разрешены, чем утверждать в положительной форме то, что не только не является общепризнанным, но и подвергнуто справедливой и принципиальной критике [1].

Автор не учитывает и новейших достижений советской исторической науки по вопросам происхождения славян, когда пишет, что «в настоящее время многие советские ученые занимаясь разрешением вопросов этногенеза древних славян..., высказываются «о преемственности культуры от триполья к скифам и от скифов к руси» (стр. 36).

Как известно, советские исследователи в настоящее время не считают ни племена трипольской культуры, ни собственно скифов древнейшими предками славян. В процессе этногенеза славянства они не играли главной роли. Наш автор напрасно свои ошибочные суждения выдает за последнее слово науки.

Намечаемое в брошюре решение киммерийского вопроса (стр. 30) также исходит из теории стадиальности.

Но если даже отвлечься от неверных исходных позиций автора, то и фактический материал использован А. Ф. Шоковым недостаточно умело, в результате чего у читателя не остается ясного представления о социально-экономическом строе населения, жившего в районе среднего Дона в первом тысячелетии до нашей эры.

Особенно слабо написаны разделы о ремесле, о вооружении. В первом имеется лишь простой перечень предметов ремесленного производства, найденных при раскопках курганов. Автор ничего не говорит о технике производства предметов из металла, глины и других видов сырья; не выделяет наиболее характерные типы вещей, не дает сколько-нибудь подробного описания их внешнего вида.

Раздел о вооружении написан общими фразами. Так, например, говоря о типах вооружения, автор замечает, что «в составе погребального инвентаря скифских курганов нашего края имеются все необходимые предметы вооружения» (стр. 36). Что же подразумевается автором под этими «необходимыми предметами вооружения» и что они собою представляли,— читателю приходится только догадываться. Также в одной фразе решается вопрос и о военном строе и тактике: «скифы, заселявшие территорию нашего края, имели также военный строй, тактику» (стр. 36)[!?]

Не конкретен и раздел о поселениях. Автор много рассуждает о скифских городищах вообще, но лишь мимоходом упоминает о городищах этого времени на Дону, тогда как на их характеристику и надо было обратить особое внимание.

Автор не показывает также эволюции культуры первого тысячелетия до нашей эры на среднем Дону в течение ряда столетий.

Следует сожалеть, что в работе не дано подробного анализа таких уникальных находок из могильника «Частые курганы» близ Воронежа, как серебрянный сосуд и рукоять железного меча, обтянутого листовым золотом. Автор ограничивается лишь неоднократными о них упоминаниями.

[1] Должна отметить, что, высказав в 1950 г. предположение о том, что Архангельское (Голышевское) городище относится к первому тысячелетию до нашей эры, я ошибочно назвала тогда его обитателей скифами. См.: Воронежский государственный университет. Научная конференция 1950 г., Секция историко-филологическая, Воронеж, 1950, стр. 26.

В работе имеются фактические ошибки. Поселение эпохи бронзы у ручья Ерик неверно отнесено к предскифскому времени (стр. 25). Это памятник ранней бронзы. Городище Архангельское (Голышевское) находится в Гремяченском, а не в Коротоякском районе, как указано на стр. 16. Мастюгинские курганы находятся не на Дону к югу от с. Архангельского (Голышевка), как указано на карте на стр. 9, а в значительном удалении от Дона, на юго-запад от с. Архангельского.

На стр. 18 автор пишет: «Природные условия среднего Дона во многом соответствуют тем, которые описывал Геродот, характеризуя Скифию,... местности, сплошь покрытые разнородным лесом». Известно, что Геродот говорит о Скифии, как о стране, не имеющей лесов за исключением Гилеи [1]. Лишь страна будинов, по Геродоту, покрыта разнородным лесом [2]. Но земля будинов не входила в состав Скифии. Ряд положений автора вызывает недоумение, а именно: утверждение о том, что основными видами хозяйственной деятельности в эпоху бронзы являются охота, рыболовство и собирательство (стр. 46), предположение А. Ф. Шокова о том, что на городищах жила преимущественно знать (стр. 13).

Работа изобилует общими рассуждениями, часто не имеющими непосредственного отношения к теме, и излишними повторениями, нарушающими логичность изложения. Вызывает возражения сама структура работы, несколько сумбурная. Так, например, краткая характеристика культур, предшествующих культуре скифского времени (палеолит, бронза), дана почему-то в середине брошюры (стр. 20—21). В характеристику хозяйства между ремеслом и торговлей вклинился общественный строй (стр. 28—31). Небрежно оформлен научный аппарат. Например, на стр. 20 цитируется «Вестник древней истории» № 2 за 1947 г. без указания названия и автора статьи. Работа Г. В. Подгаецкого «Предскифский период на среднем Дону» представляет собой р у к о п и с ь, а в брошюре фигурирует как изданная монография (стр. 21). Не расшифрованы некоторые сокращения, например ИАК (Известия археологической комиссии), что недопустимо в популярной работе.

Серьезные недостатки брошюры А. Ф. Шокова объясняются невниманием автора к теоретическим вопросам нашей науки, а также недостаточно умелой интерпретацией археологических памятников как исторического источника.

Брошюра не отражает последних достижений советской исторической науки и не может быть признана удачной.

Воронежское областное книгоиздательство, оформив брошюру внешне не плохо, не позаботилось с достаточной тщательностью об ее содержании. Следует пожелать, чтобы впредь, перед выпуском подобного рода работ, они подвергались обсуждению широкой научной общественности.

А. Н. Москаленко

---

[1] Г е р о д о т. История, кн. IV, гл. 19, 47, 61. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенка, т. I, М., 1888, стр. 312, 324, 329.

[2] Там же, кн. IV, гл. 109, стр. 352.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. А. ВИНБЕРГ и Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА за 1951 г.

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

Методология, методика, преподавание и история археологии

1. Авдусин Д. А. К методике раскопок больших курганов — КСИИМК, XL, 1951, стр. 138—145 с 1 илл. и 1 план.
2. Алексеева Е. П. Документы по археологии, хранящиеся в фондах ЦГИАЛ. (Центр. гос. ист. архив в Ленинграде). — СА, XV, 1951, стр. 345—349.
   Материалы по славяно-русской, античной, византийской археологии, скифским памятникам, археологии Крыма и Кавказа и по вопросам истории русской археологии.
3. Амиранашвили Ш. Я. (Рец. на кн.:) Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. Т. I, М.—Л., «Искусство», 1948, 400 стр. с 207 илл. — СК, 1951, № 7, стр. 111—116.
   Рецензия отмечает, что автором не использованы достижения советской археологии в изучении культур палеолита, неолита, Урарту и Причерноморья античного периода.
4. Аракелян Б. Вопросы археологии в свете учения И. В. Сталина о языке.— ИАН Арм. ССР. Обществ. науки, 1951, № 6, стр. 53—60. На арм. яз.
5. Артамонов М. И. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология.— СА, XV, 1951, стр. 7—16.
6. Артамонов М. И. и Гракова О. А. Бронзовый век.— БСЭ, Изд. 2, т. 6, (М. 1951), стр. 151—157 с I илл. и I карт.
7. Арциховский А. В. Пути преодоления влияния Марра в археологии.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 22—28.
8. Асратян М. Некоторые проблемы истории первобытного и рабовладельческого обществ в свете трудов И. В. Сталина.— «Сб. трудов Ереванск. гос. пед. ин-та». № 3, 1951, стр. 57—96. На арм. яз.
9. Бердзенишвили Н. А. О некоторых принципиальных вопросах грузинской советской археологии.— В сб.: «Мимомхилвели», вып. 2. Тбилиси, 1951, стр. 337—347. На груз. яз.
10. Бережно охранять памятники древности. Таллин, Эстгосиздат, 1951, 32 стр. с илл. (Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете Министров ЭССР. Отд. музеев и охраны ист. и археол. памятников). На эстон. яз.
11. Беридзе В. Труды товарища Сталина о языкознании и некоторые вопросы истории грузинского искусства.— VI научная сессия Ин-та истории грузинского искусства. (Акад. наук Груз. ССР) 10—12 мая 1951 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1951, стр. 5—6 (на груз. яз.); стр. 18—19 (на рус. яз.).
12. Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951, 256 стр. с илл. и карт.; I л. илл. (Ленингр. гос,. ун-т, ист. фак.).
    Рец.: 1. Кызласов Л. Р. и Мерперт Н. Я.— ВДИ, 1952, № 1, стр. 101—109. 2. Рафиков А. Х. — ВИ, 1952, № 5, стр. 126—131; 3. Удальцова З. Против идеализации гуннских завоеваний.— «Большевик», 1952, № 11, стр. 68—72.
13. Бунак В. В. Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии. —СЭ, 1951, № 3, стр. 41—53.

14. Бунак В. В. Происхождение речи по данным антропологии. — ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 205—290 с 22 илл.— Библиогр.: стр. 285—290.
15. Воронин Н. Н. Некоторые вопросы методики раскопок древнерусского города.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 152—161 с 1 черт.
16. Выше уровень критики и самокритики в области древней истории.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 3—8.
17. Годовщина со дня опубликования гениального произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». (Сессия Отделения истории и философии).— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1951, № 4, стр. 374—376.
    О докладе П. Н. Третьякова «Происхождение славян в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию».
18. Горнунг Б. В. Семантические «законы» Н. Я. Марра и вопрос об отношении истории языка к истории материальной культуры.— В сб.: Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании, ч. I, М., 1951, стр. 170—188.
19. Греков Б. Д. За осуществление задач, поставленных И. В. Сталиным в его работе «Марксизм и вопросы языкознания».— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1951, № 4, стр. 315—322.
    Освещены задачи, стоящие перед советской археологической наукой.
20. Гурвич Д. М. М. В. Ломоносов и археология.— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 119—123.
21. Замятнин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 89—152 с 10 илл. и 5 карт.— Библиогр.: стр. 150—152.
22. Значение трудов товарища Сталина по языкознанию для советской археологии. (Передовая).— ВДИ, 1951, № 2, стр. 3—11.
23. Иванов П. Об одной ошибочной концепции (О книге: Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. (Л.), Соцэкгиз, 1936).— Правда», 25.XII.1951.
24. Киселев С. В. Вопросы археологии первобытного общества в свете трудов И. В. Сталина. (Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета ИИМК АН СССР 28 дек. 1950 г.).— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 3—13.
25. Киселев С. и Монгайт А. Археология и «теории» Марра.— «Лит. газета», 24.IV.1951.
26. Левин М. Г. Развитие советской антропологии в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».— СЭ, 1951, № 3, стр. 15—25.
    Освещаются вопросы палеоантропологии и этногенеза (Работы В. В. Бунака, М. Г. Левина, Г. Ф. Дебеца и Т. А. Трофимовой).
27. Монгайт А. Кризис буржуазной археологии.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.»., М., 1951, стр. 10
28. Монгайт А. Л. Кризис буржуазной археологии.— КСИИМК, XL, 1951, стр. 3—15.
29. Монгайт А. Л. (Рец. на кн.:) Практика реставрационных работ, Сб. I, М., 1950.— СК, 1951, № 12, стр. 108—110.
30. Никольский В. К. История первобытного общества. Учеб.-метод. пособие для студентов-заочников пед. и учительских ин-тов, М., Учпедгиз, 1951. 96 стр. (Глав. упр. высш. учеб. заведений М-ва просвещения РСФСР. Науч.-метод. кабинет по заоч. обучению учителей).— Библиогр. в конце тем.
31. Обсуждение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. (В Ин-те истории материальной культуры).— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 203—279.
32. Объединенное совещание по методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке (Москва. Окт.— ноябрь 1951 г. Обзор работы).— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1951, № 6, стр. 569—577.
33. Охрана исторических и археологических памятников. Сборник руководящих и справочных материалов. Алма-Ата. Казгосиздат, 1951. 64 стр. (Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете Министров Казах. ССР. Отд. охраны ист. и археол. памятников). На казах. яз.
34. Пассек Т. С. Методика полевых исследований энеолитических поселений.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 50—51.
35. План курса «Археология». Для студентов заоч. отд-ния ист. фак. (Харьковск. ун-та им. А. М. Горького) на 1951/52 учеб. год. Харьков, Изд-во Харьковск. гос. ун-та, 1951, 12 стр.
36. Программа курса «История первобытного общества» (Для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов). М., «Сов. наука», 1951, 16 стр. (М-во высш. образования СССР. Отд. преподавания ист. наук. Упр. преподавания обществ. наук). Составитель Никольский В. К.

37. Программа курса «Основы археологии», прочитанного в Азербайджанском университете им. С. М. Кирова в 1949—1950 учебном году. (Баку 1951) 8 стр. (М-во высш. образования СССР). В конце текста сост.: Е. А. Пахомов. На азерб. яз.
38. Происхождение человека и древнее расселение человечества. (Сб. статей). Под ред. М. Г. Левина, Г. Ф. Дебеца и Н. Н. Рогинского. М., Акад. Наук СССР, 1951. 540 стр. с илл. (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер., т. XVI).

См. №№ 14, 21, 41, 48, 51, 522, 605, 642, 646—649, 657.

Рец.: Борисковский П. И.— СЭ, 1952, № 3, стр. 223—229.
39. Резолюция Ученого совета Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР по вопросам археологии в свете работ И. В. Сталина. (От 28—30 декабря 1950 г.).— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 204—209.
40. Резолюция этнографического совещания, состоявшегося в Москве 23 янв.— 3 февр. 1951 г. М., 1951, 11 стр. (Акад. Наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

В резолюции отражены проблемы изучения первобытного общества и этногенеза.
41. Рогинский Я. Я. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 153—204 с 3 илл.— Библиогр.: стр. 202—204.
42. Рыбаков Б. А. Методика раскопок средневековых городов.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.». М., 1951, стр. 52—55.
43. Сессия Отделения истории и философии. ВАН СССР, 1951, № 8, стр. 36—43.

Проблемы советской археологии в свете трудов И. В. Сталина.
44. Сорокин В. С. Некоторые вопросы истории первобытного общества (В связи с новой гипотезой С. П. Толстова). Тезисы доклада... и протокол обсуждения доклада на заседании сектора бронзы и раннего железа Ленингр. отд-ния Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР 14 февр. 1951 г.— СЭ, 1951, № 3, стр. 147—152.

Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры Академии Наук СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951, 31 стр. (Акад. Наук СССР, Ин-т истории материальной культуры).

См. №№ 46, 81, 90, 95, 113.
45. Третьяков П. Н. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языке и языкознании.— «Тезисы докладов на сесии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 15—21.
46. Удальцов А. Д. Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза.— «Тезисы докладов и выступлений сотрудников Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований». М., 1951, стр. 5—9.
47 Федоров Г. Б. За преодоление влияния «теорий» Марра в археологии. (Заседания Ученого совета ИИМК в декабре 1950 г.).— ВДИ, 1951, № 2, стр. 229—244.
48. Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологических классификаций.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 291—322 с 1 карт. на вклад. л.— Библиогр.: стр. 321—322.
49. Этнографическое совещание [в Отделении истории и философии АН СССР. 23 янв.—3 февр. 1951 г.].—ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1951, № 3, стр. 289—296.

Прения по докладам М. О. Косвена «Основные проблемы истории первобытного общества и их положение в советской науке» и Н. И. Чебоксарова «Современное состояние и очередные задачи изучения проблем этногенеза в свете работ И. В. Сталина по языкознанию».
50. Юсупов Г. В. Простой способ фиксации надписей.— ЭВ, V, 1951, стр. 134.
51. Якимов В. П. Ранние стадии антропогенеза.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 7—88 с 15 илл.— Библиогр.: стр. 85—88.

II. ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР[1]

52. Итоги археологических исследований в 1946—1950 годах. (Сессия Отделения истории и философии и пленум Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР).— ВАН СССР, 1951, № 8, стр. 106—111.

[1] Работы общего характера, но относящиеся к определенной территории, помещены в общем разделе этой территории.

53. Итоги археологических исследований 1946—1950 гг. [Сессия Отделения истории и философии и пленум Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, 19—25 апр. 1951 г.].— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1951, № 3, стр. 297—304.
54. Киселев С. В. Советская археология в первом послевоенном пятилетии.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 5—14.
55. Киселев С. В. Советская археология в первое послевоенное пятилетие.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1951, № 3, стр. 256—266.
56. Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1949 г.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 162—169.
57. Монгайт А. Л. и Кругликова И. Т. [Рец. на сб.:] «Советская археология», т. XI, 1949, 395 стр.; т. XII, 1950, 336 стр.; т. XIII, 1950, 350 стр.; т. XIV, 1950, 305 стр.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 109—121.
58. Никольская Т. Н. Итоги работ советских археологов за 1946—1950 гг.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 220—227.
59. Сессия Отделения истории и философии АН СССР и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры за 1949 год. Информация.— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 5—8.

Советская археология. [Сб. статей], XV, М.— Л., 1951. 350 стр. с илл. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

См. №№ 2, 5, 107, 109, 136, 177, 186, 188, 195, 246, 254, 308, 328, 333, 396, 437, 453, 471, 563, 609, 622, 636, 638.

Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., Акад. Наук СССР, 1951. 88 стр. (Акад. Наук СССР. Отделение истории и философии. Ин-т истории материальной культуры).

См. №№ 45, 54, 85, 127, 132, 175, 252, 263, 270, 306, 341, 357, 417, 459, 457, 518, 555, 593, 598, 610, 628.
60. Хроника научно-исследовательской работы в области древней истории и археологии в университетах, педагогических институтах и музеях СССР (1950—1951).— ВДИ, 1951, № 4, стр. 234—240.
61. Цветаева Г. А. Вопросы археологии древнего периода в «Ученых записках» университетов и пединститутов.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 155—164.
62. Цветаева Г. А. Вопросы древней истории в «Ученых записках» университетов и пединститутов за 1949—1950 гг.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 136—148.

В обзор включены работы по археологии.

III. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ СССР

1. Общие работы

63. Археологія. [Сб. статей], т. V, Київ, 1951, 344 стр. с илл. (Акад. Наук УРСР. Ін-т археології).

См. №№ 98, 106, 108, 111, 139, 144, 148, 155, 157, 158, 161, 217, 237, 258, 264, 281, 282, 332.

Рец.: Кропоткин В. В. и Мерперт Н. Я.— ВДИ, 1952, № 2, стр. 143—147.
64. Археология советской Прибалтики. [Вторая сессия Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР 22—26 мая 1951 г. в г. Тарту].— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1951, № 4, стр. 380—384.
65. Ахмеров Р. Б. Новые археологические находки в Башкирии.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 120—125 с 3 илл.

Памятники от эпохи палеолита до эпохи железа.
66. Бадер О. Н. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней историей Поволжья.— СЭ, 1951, № 2, стр. 15—41 с 4 илл.

Работа построена на археологических материалах со II тысячелет. до н. э. по XIV в.
67. Бадер О. Н. Итоги двухлетних исследований Камской археологической экспедиции (1947—1948).— «Доклады научных конференций (Молот. гос. ун-т им. А. М. Горького)», вып. 5—6, 1951, стр. 27—30.

Памятники эпохи палеолита, неолита, бронзы и железа.
68. Бадер О. Н. К истории первобытного общества на Тагильском Урале.— «Доклады научных конференций (Молот. гос. ун-т им. А. М. Горького)», вып. 5—6, 1951, стр. 31—37.

Памятники от эпохи палеолита до середины I тысячелет. н. э.

69. Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция в 1949 г.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 89—95 с 4 илл.

Памятники от эпохи неолита до XIV в.

70. Берс Е. М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей.— МИА, № 21, 1951, стр. 182—243 с 6 илл., 1 разв. л. карт.

Учтено 300 памятников от эпохи неолита до IX в.

71. Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города.— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 5—29.

72. Зикеев Г. И. Дискуссия по вопросам происхождения и древнейшей истории славян [На Ист. фак-те Ленингр. ун-та в марте 1951 г.].— ВЛУ, 1951, № 7, стр. 119—121.

73. История Латвийской ССР. [Макет], ч. 1, С древнейших времен до 1860 г. Рига, 1951. 568 стр. (Акад. Наук Латв. ССР, Ин-т истории материальной культуры). На правах рукописи.

Разд. I, гл. I «Первобытно-общинный строй и его разложение» построена на археологическом материале.

74. История Молдавии, т. I (От древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Под ред. А. Д. Удальцова и Л. В. Черепнина. Кишинев, 1951. 654 стр. с илл. и карт. (Молдавский филиал Акад. Наук СССР. Ин-т истории, языка и лит-ры).

Разд. I «Первобытно-общинный строй на территории Молдавии. Разложение первобытно-общинных отношений и возникновение первых политических образований» построен на данных археологии.

Рец.: 1. Устюгов Н. В. и Яцунский В. К.; Мышко Д. И. и Ткаченко Н. М.,— ВИ, 1952, № 7, стр. 130—137; 2. Дыков И.— «Октябрь». Кишинев, 1952, № 1, стр. 86—91; 3. Ипатенко П. Ценная книга.— Там же, стр. 92—95.

75. Куликаускас П. З. Изучение археологических памятников Литовской ССР в 1948—1950 годах.— «Тезисы докладов на пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 17—21.

Памятники от эпохи неолита до XIII в.

76. Кушнер П. И. (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. М., 1951, 280 стр. с илл. и карт.; 8 л. илл. (Акад. Наук СССР. Труды Ин-та этнографии, нов. сер., т. XV).

Разд. II, 2 «Археологические источники, касающиеся истории древнейшего населения юго-восточной Прибалтики», стр. 112—142 с 12 илл. и 3 карт.

Эпоха неолита, бронзы, культура «полей погребений», памятники X—XIV вв.

77. Либеров П. Д. Курганы у села Константиновки.— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 137—143 с 2 илл.

Курганы разных эпох, от ямной культуры эпохи бронзы до средневековья. Мелитоп. р-н Запорож. обл.

Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. [Сб. статей], т. 2—3. М., 1951 (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР...).

т. 2. Под ред. А. Я. Брюсова. 272 стр. с илл. и карт. 1 л. карт. (...№ 21).

См. №№ 70, 124, 222, 223, 225, 228.

т. 3. Под ред. В. Н. Чернецова. 192 стр. с илл. и карт.; (... № 22).

См. №№ 91, 104, 218, 220, 232, 379.

78. Москаленко А. Н. [Рец. на сб.:] Археологія. Київ. (Акад. Наук УРСР. Ін-т археології), т. II (1949), 227 стр.; т. III (1950), 191 стр.; т. IV (1950), 205 стр.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 122—129.

79. Резолюция пленума ИИМК АН СССР 8—11 янв. 1951 г., посвященного итогам археологического исследования древнерусских городов.— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 69—70.

80. Родин А. Пособия по краеведческой работе. [Рец. на кн.:] 1. Милонов Н. П. К изучению археологических памятников и истории сел и городов Рязанской обл. Рязань, 1949. 2. Милонов Н. П. Основные источники и приемы изучения истории сел и городов Рязанской обл. Рязань, 1950.— ПИШ, 1951, № 4, стр. 120—121.

81. Рыбаков Б. А. К вопросу об образовании древнерусской народности.— «Тезисы докладов и выступлений сотрудников Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований». М., 1951, стр. 15—22.

82. Сафаргалиев М. Г. К вопросу об общественном строе древней мордвы.— «Записки (Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Мордов. АССР)», 13, 1951, стр. 73—87.

С привлечением данных археологии.

83. Сафаргалиев М. Г. Один из спорных вопросов истории Татарии.— ВИ, 1951, № 7, стр. 74—80.
Вопросы этногенеза татар рассматривается с привлечением данных археологии.
84. Синицын И. В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. [1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 97—105 с 5 илл.
Памятники разных эпох от эпохи бронзы до XII в.
85. Смирнов А. П. Археологические исследования на строительстве Куйбышевской ГЭС в 1950 г.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 57—62.
Памятники от эпохи бронзы до XVIII в.
86. Смирнов А. П. и Мерперт Н. Я. Археологические работы в районе строительства Куйбышевской ГЭС.— ВАН СССР, 1951, № 11, стр. 33—44 с 3 илл.
Памятники эпохи палеолита, бронзы, раннего железа и средневековые.
87. Соломоник Э. И. Сессия по итогам археологических исследований в Крыму. [Симферополь. Февр. 1951].— ВДИ, 1951, № 4, стр. 227—234 с 6 илл.
88. Станкевич Я. В. Археологическая разведка в Великолукской области.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 82—90 с 4 илл.
Памятники от эпохи неолита до XIII в.

Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951, г. М., 1951, 56 стр. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
См. №№ 34, 42, 75, 89, 96, 114, 117, 120, 140, 219, 241, 249, 255, 259, 285, 391.
89. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян.— «Тезисы докладов на пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951». М., 1951, стр. 3—9.

По археологическим данным.
90. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян.— «Тезисы докладов и выступлений сотрудников Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований». М., 1951, стр. 9—15.
Третьяков П. О происхождении славян. См. № 690.
91. Трофимова Т. А. Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья.— МИА, № 22, 1951, стр. 97—109 с 5 илл.
По материалам могильников от эпохи бронзы до середины II тысячелет. н. э.
92. Трубникова Н. В. Государственный исторический музей в Москве.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 198—199.
Археологические работы музея в 1950 г.
93. Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. I. [Междуречье Днестра — Южного Буга]. Киев, 1951, 131 стр. с 29 илл.; 22 л. илл. и I карта (Акад. Наук Укр. ССР. Ин-т археологии).— Библиогр.: стр. 122—128.
94. Халиков А. Х. Некоторые вопросы древнейшей истории Татарии (по археологическим материалам экспедиции 1949 года). Руководитель ст. преп. Н. Ф. Калинин.— УЗ КазГУ, т. III, кн. 10, 1951, стр. 115—123.
С конца II тысячелет. до н. э. по XIV в.
95. Чернецов В. Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы.— «Тезисы докладов и выступлений сотрудников Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований». М., 1951, стр. 24—29.
С привлечением данных археологии.
96. Шноре Э. Археологические исследования Института истории материальной культуры Латвийской ССР за истекшую пятилетку.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 22.
97 Шовкопляс І. Г. Підсумки експедиційних досліджень Інституту археології за 1950 р.— ВАН УРСР, 1951, № 3, стр. 37—43.
98. Шовкопляс І. Г. Тернопільський обласний історико-краезнавчий музей— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 239—240.
Описание археологических коллекций музея, содержащих памятники от эпохи палеолита до эпохи Киевской Руси.
99. Щепинский А. А. Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской области.— ИКрымОГО, вып. 1, 1951, стр. 113—117 с 4 илл.
Скифские поселения, каменная баба, средневековое городище.

2. Палеолит и неолит

100. Б. Л. [Рец. на кн.:] Пассек, Т. С. Периодизация трипольских поселений. М.—Л., 1949, 248 стр. с илл.; 7 л. илл., 4 карт. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 10).— ПИШ, 1951, № 2, стр. 99—101.
101. Бадер О. Н. Мустьерское местонахождение у дер. Мазанка в Крыму.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 165—166 с 1 илл.
102. Бадер О. Н. Некоторые результаты изучения черепной крышки человека из четвертичного аллювия р. Сходни.— БКИЧП, № 16, 1951, стр. 80—84 с 2 илл.; 1 карт.
103. Бадер О. Н. Палеолитические и неолитические пещеры Урала.— «Доклады О-ва естествоиспытателей при Молотовском ун-те», вып. I, 1951, стр. 19—25.— Библиогр.: 12 назв.
104. Бадер О. Н. Стоянка Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой.— МИА, № 22, 1951, стр. 7—32 с 17 илл.
Первая стоянка относится к эпохе эпипалеолита, вторая — неолита.
105. Бадер О. Н. Условия нахождения и вопрос о возрасте Быковского черепа.— БКИЧП, № 16, 1951, стр. 86—87 с 1 илл.
Конец III тысячелет. до н. э. Москов. обл.
106. [Бибиков С. Н.] Бібіков С. М. Зображення тварини на кістяній пластинці з с. Озаринців (Поділля).— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 215—217 с 1 илл. Резюме на рус. яз.
Автор подвергает сомнению датировку М. Я. Рудинского, отнесшего пластинку ко времени палеолита (Антропологія, III, Київ, 1930) и считает ее значительно более поздней.
107. Бибиков С. Н. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен юго-восточной Европы.— СА, XV, 1951, стр. 122—139 с 5 илл.
Статуэтки трипольской культуры. На основе материала из Луки-Врублевецкой.
108. [Бодянский А. В.] Бодянський О. В. Неолітичний могильник біля Ненаситецького порога.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 163—172 с 7 илл. Резюме на рус. яз.
109. Борисковский П. И. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины.— СА, XV, 1951, стр. 96—121 с 3 план. и 1 карт.
110. Борисковский П. И. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. [Автореферат докторской диссертации.] Л., 1951, 38 стр. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
111. [Борисковский П. И.]. Борисковський П. И. Палеолітичне місцезнахождення біля м. Амвросіївки.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 143—159. Резюме на рус. яз.
Сталин. обл.
112. Борисковский П. И. Раскопки в Амвросиевке и проблема палеолитических культовых мест.— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 9—22 с 4 илл.
113. Брюсов А. Я. Заселение севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху.— «Тезисы докладов и выступлений сотрудников Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований». М., 1951, стр. 22—24.
114. Брюсов А. Я. О заселении севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 23.
115. Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области.— МИА, № 20, 1951, стр. 7—76 с 33 илл. и черт.
Памятники эпохи неолита.
116. Брюсов А. Я. Уральская археологическая экспедиция.— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 69—77 с I илл.
Памятники эпохи неолита. Нижнетагил. р-н Свердл. обл.
117. Ванкина Л. В. Торфяная стоянка в Сарнате.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики 1951, г.» М., 1951 стр. 28—29.
2-я половина II тысячелет. до н. э. Латв. ССР.
118. Векилова Е. А. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 87—95 с 3 илл.
119. Грищенко М. Н. Опыт геологического сопоставления верхнепалеолитических стоянок Авдеево на Сейме и Костенки I (Полякова) на Дону.— БКИЧП, № 16, 1951, стр. 51—60 с 3 илл.

120. Гурина Н. Н. Итоги археологического изучения северо-запада Европейской части СССР за период 1946—1950 гг. (по неолиту и раннему металлу).— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 30—33.

121. Гурина Н. Н. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова.— МИА, № 20, 1951, стр. 143—167 с 5 илл.

122. Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера.— МИА, № 20, 1951, стр. 77—142 с 34 илл. 6 план. и 4 карт.

123. Гурина Н. Н. Результаты работ Карельской археологической экспедиции [1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 30—40 с 4 илл. и 1 схем.
Памятники эпохи неолита конца II — начала I тысячелет. до н. э.

124. Карачаровский В. В. Позднечетвертичная фауна пещер бассейна р. Юрюзани (Южный Урал).— МИА, № 21, 1951, стр. 244—269 с 6 илл. и 21 табл.

125. Кондукторова Т. С. Череп из неолита Подмосковья.— БКИЧП, № 16, 1951, стр. 85—86; 1 л. илл.

126. Кравец В. П. Глиняные трипольские модельки саночек и челна в коллекциях Львовского исторического музея.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 127—131 с 1 илл.

127. Пассек Т. С. Итоги работ Трипольской экспедиции за 1950 г.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 29—32.

Пассек Т. С. Методика полевых исследований энеолитических поселений. См. № 34.

Пассек Т. С. Первые земледельцы. См. № 680.

128. Пассек Т. С. Трипольское поселение Поливанов-яр.— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 41—63 с 10 илл.
Черновиц. обл.

129. Пидопличко И. Г. О ледниковом периоде. Вып. 2. Биологические и географические особенности европейских представителей четвертичной фауны. Киев, 1951. 264 стр. с черт. (Акад. Наук Укр. ССР. Ин-т зоологии).— Библиогр.: стр. 242—262.

130. Пиотровский В. В. Неолитическая стоянка на берегу оз. Круглого (Московская обл.).— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 167—169 с 2 илл.

Поселения эпохи неолита и раннего металла на Севере Европейской части СССР [Сб. статей]. Под ред. М. Е. Фосс. М.— Л., 1951, 174 стр. с илл. и карт. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. МИА, № 20).
См. №№ 115, 121, 122.

131. Рогачев А. Н. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках.— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 23—29 с 3 илл.

132. Рогачев А. Н. Раскопки Тельманской стоянки в Костенках в 1950 г. и некоторые вопросы хронологии верхнепалеолитического времени.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 81—83.

133. Сымонович Э. А. Раннетрипольское поселение в с. Данилова Балка (Ульяновский район Одесской области).— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 104—109 с 3 илл.

Тереножкин А. И. Скифская Днепропетровская правобережная экспедиция. См. № 159.

134. Уральская Комиссия по изучению четвертичного периода при Молотовском государственном университете.— БКИЧП, № 16, 1951, стр. 90—91.
Об археологических работах Комиссии в 1949 г.

135. Формозов А. А. Археологические памятники в районе Орска.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 115—121 с 3 илл.
Памятники эпохи неолита и бронзы.

136. Чернов Г. А. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры.— СА, XV, 1951, стр. 308—324 с 1 илл., 4 табл. илл. и 1 карт.
Стоянки эпохи неолита. Погребения мансов и хантов XVII—XVIII вв.

137. Чернов Г. А. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 96—114 с 6 илл. и 1 карт.
Стоянки эпохи неолита конца II — конца I тысячелет. до н. э.

138. Черныш Е. К. Трипольские орудия труда с поселения у с. Владимировки.— КСИИМК, XL, 1951, стр. 85—95 с 5 стр. илл.
Кировоград. обл.

139. Шовкопляс І. Г. Житла Супоневської палеолітичної стоянки.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 127—142 с 13 илл. Резюме на рус. яз.
Брянск. обл.
140. Яницс Л. Ю. Неолитические стоянки на территории ЭССР.— «Тезисы докладов на пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 24—27.

3. Эпоха бронзы и железа южной части Европейской территории СССР

141. Артамонов М. И. Венеды и лужицкая культура.— ВЛУ, 1951, № 1, стр. 153—176.
142. Брайчевский М. Ю. Работы на Пастерском городище в 1949 г. — КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 155—164 с 4 илл.
Многослойное городище: VII в. до н э.— VIII в. н. э. Кировоград. обл.
143. Граков Б. Н. О работе степной скифской экспедиции —[1949 г.] КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 131—136.
Памятники с IV в. до н. э. по IV в. н. э.
144. Даниленко В. Н. До кіммерійської проблеми (І зв'язку з опублікуванням стели з с. Наталівки).— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 218—225 с 3 илл. Резюме на рус. яз.
145. Дашевская О. Д. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 131—135 с 4 илл.; 1 л. илл.
III в. н. э.
146. Дашевская О. Д. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры [1949 г.].— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 110—119 с 2 илл. и 1 план.
VII—VI вв. до н. э.
147. Есипенко А. Л. Петуховская оборонительная система (I в. до н. э.— IV в. н. э.). (По данным археологических раскопок 1949 г.).— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 19—26 с 3 илл.
148. [Ильинская В. А.] Іллінська В. А. Курган Старша могила — пам'ятка архаїчної Скіфії — «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 196—212 с 1 илл. и 5 табл. Резюме на рус. яз.
VI в. до н. э. Сумск. обл.
149. Ильинская В. А. О скифах-пахарях и будинах Геродота.— КСИИМК, XL, 1951, стр. 28—33.
150. Карасев А. Н. Раскопки Неаполя Скифского. [1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 161—172 с 6 илл. и 1 план.
151. Константинов Н. А. Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья. К вопросу о происхождении славянского письма.— «Крым», 1951, № 7, стр. 245—255.
152. Либеров П. Д. К вопросу о скифах-пахарях [По поводу работы М. И. Артамонова «Этнография Скифии» в «Учен. записках ЛГУ», № 85, вып. 13, 1949].— ВДИ, 1951, № 4, стр. 178—185.
Ляпушкин И. И. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы... См. № 246.
153. Ляпушкин И. И. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка Полтавской обл. [Раскопки 1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 125—130 с 2 илл.
VII—V вв. до н. э.
154. Максимова М. И. Местное население юго-восточного Причерноморья по «Анабасису» Ксенофонта. Дрилы и моссиники.— ВДИ, 1951, № 1, стр. 250—262.
С привлечением данных археологии.
155. [Покровская Е. Ф.] Покровська Є. Ф. Поселення передскіфського часу в бассейні р. Тясмина.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 192—195 с 1 табл. Резюме на рус. яз.
156. Рабичкин Б. М. Поселение у Широкой балки.— КСИИМК, XL, 1951, стр. 114—24 с 4 илл. и 2 с. илл.
Скифское поселение VI—V вв. до н. э. близ Ольвии.
157. [Тереножкин А. И.] Тереножкін О. І. Курган Сторожова Могила.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 183—191 с 9 илл. Резюме на рус. яз.
Вторая половина III тысячелет. до н. э. Днепропетров. обл.

158. [Тереножкин А. И.]. Тереножкін О. І. Поселення білогрудівського типу біля Умані.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 173—182 с 1 илл. и 3 табл. Резюме на рус. яз.
Памятники конца эпохи бронзы.
159. Тереножкин А. И. Скифская Днепропетровская правобережная экспедиция [1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 117—124 с 3 илл.
Памятники эпохи неолита, бронзы и скифского времени Днепропетров. и Кировоград. обл.
160. Троицкая Т. Н. Скифские курганы Крыма.— ИКрымОГО, вып. I, 1951, стр. 85—112 с 9 илл. и I карт.
161. [Фабрициус И. В.] Фабриціус І. В. До питання про топографізацію племен Скіфії.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 50—80 с 1 карт. Резюме на рус. яз.
Рец.: Тереножкин А. И.— ВДИ, 1952, № 2, стр. 147—153.

4. Античные города

162. Ахмеров Р. Б. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 77—84.
163. Блаватская Т. В. Строительная надпись из Горгиппии.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 117—119.
II—III вв. н. э.
164. Блаватский В. Д. Каменное ядро из Фанагории.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 135—136 с 1 илл.
I в. до н. э.
165. Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикапея. План города.— МИА, № 19, 1951, стр. 9—62 с 9 план.
166. Блаватский Б. Д. Разведки в Анапе [1949].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 245—248 с I план.
Раскопки древней Горгиппии. VI в. до н. э.— IV в. н. э.
167. Блаватский В. Д. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг.— МИА, № 19, 1951, стр. 189—226 с 11 илл. и 6 план.
168. Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея [1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 212—227 с 5 илл.
169. Блаватский В. Д. Харакс.— МИА, № 19, 1951, стр. 250—291 с 24 илл.
Раскопки Ай-Тодорского городища конца III — середины IV вв. н. э.
170. Болтунова А. И. Из черновиков В. В. Латышева.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 120—126 с 4 илл.
Разбор греческих надписей, найденных у сел. Недвиговки, по снимку и другим материалам архива В. В. Латышева.
171. Болтунова А. И. К статье «Неопубликованные надгробия из Керчи и окрестностей». [Болтунова А. И.— ВДИ, 1950, № 4].— ВДИ, 1951, № 2, стр. 252—253 с 4 илл.
172. Бондарь Н. Н. Торговля Ольвии со Скифией в VI—VI вв. до н. э.— «VIII наукова сесія [Київського держ. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка]. Тези доповидей. Секція історії». Київ, 1951, стр. 19—21.
173. Виницкая Г. Г. Местные терракоты Ольвии как исторический источник.— «VIII наукова сесія [Київського держ. ун-ту ім Т. Г. Шевченка]. Тези доповидей. Секція історії». Київ, 1951, стр. 21—23.
174. Виницкая Г. Г. Технологические основы производства терракот в Ольвии. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 35—44 с 1 илл.
175. Гайдукевич В. Ф. Илурат в свете археологических исследований 1947—1950 гг.—«Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 38—39.
176. Гайдукевич В. Ф. Новые исследования Илурата [1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 196—211 с 6 илл. и 2 план.
177. Гайдукевич В. Ф. и Капошина С. И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья.— СА, XV, 1951, стр. 162—187 с 16 илл.
178. Голенко К. В. О монетах, приписываемых Савмаку.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 199—203; 1 л. илл.
Монеты IV—II вв. до н. э.
179. Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. 136 стр.; 3 л. илл. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории. Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова, вып. 1).

Работа историческая. Археологический материал привлечен в разделах, посвященных экономике городов Боспорского царства, Ольвии и Херсонеса.

Рец.: 1. Каллистов Д. П.— ВДИ, 1952, № 3, стр. 84—91; 2. Коциевский А. С. О нумизматической стороне одного важного издания. Там же, стр. 96—100.

180. Зеест И. Б. Жилые дома древнего Киммерика [Раскопки 1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 191—195 с 1 илл. и 1 план.

181. Зеест И. Б. Керамическая тара Елизаветовского городища и его курганного некрополя.— МИА, № 19, 1951, стр. 119—124.

IV—II вв. до н. э.

182. Зеест И. Б. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 106—116 с 7 илл.

По данным керамики.

183. Зеест И. Б. Разведочные раскопки в Феодосии [1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 185—190 с 2 илл.

Вскрыты слои IV—III вв. до н. э. и III—IV вв. н. э.

184. Зограф А. Н. Античные монеты. М.— Л., 1951, 264 стр.; 25 л. илл. (Акад. Наук СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 16).— Библиогр.: стр. 213—227. Прил.: А. Н. Зограф (Краткая биография). Список трудов А. Н. Зографа.

Ч. 1. «Общие вопросы античной нумизматики»; Ч. 2. «Античные монеты Северного Причерноморья».

Рец.: 1. Дьяков В. Н.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 118—122;

2. Харко Л. П.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 115—118.

185. Иванова А. П. Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 27—34 с 1 илл.

IV в. до н. э.

186. Иванова А. П. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора.— СА, XV, 1951, стр. 188—203 с 8 илл.

187. Капанадзе Д. Г. Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко «О монетах, приписываемых Савмаку». — ВДИ, 1951, № 4, стр. 203—204.

188. Кастанаян Е. Г. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных.— СА, XV, 1951, стр. 247—255 с 10 илл.

189. Кобылина М. М. Поздние боспорские пелики.— МИА, № 19, 1951, стр. 136—170 с 16 илл.

IV в. до н. э.

190. Кобылина М. М. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г.— МИА, № 19, 1951, стр. 241—249 с 4 илл. и 1 план.

191. Кобылина М. М. Раскопки Фанагории [1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 232—237 с 1 илл. и 1 план.

Памятники IV—II вв. до н. э. и IX—X вв. н. э.

192. Кобылина М. М. Раскопки «Южного» некрополя Фанагории в 1947 г.— МИА, № 19, 1951, стр. 236—240 с 1 план.

193. Кобылина М. М. Скульптура Боспора.— МИА, № 19, 1951, стр. 171—188 с 10 илл.

194. Кругликова И. Т. Фанагорийская местная керамика из грубой глины.— МИА, № 19, 1951, стр. 87—106 с 7 илл.

VI в. до н. э.— IV в. н. э.

195. Крушкол Ю. С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного Исторического музея.— СА, XV, 1951, стр. 256—272 с 1 илл.

Монеты с IV в. до н. э. по IV в. н. э.

196. Крушкол Ю. С. Раскопки древнего Патрэя в 1950 г.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 225—228 с 3 илл.

Многослойное городище: IV—III вв. до н. э.; III—I вв. до н. э.; III—IV вв. н. э.; X—XI вв. н. э. Таман. полуостров.

197. Леви Е. И. Итоги Ольвийской экспедиции [1949].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 173—184 с 4 илл.

198. Леви Е. И. Ольвийский декрет 1949 г.—ВДИ, 1951, № 1, стр. 142—149 с 1 илл.

Анализ надписи III в. до н. э. из Ольвии.

Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху [Сб. статей]. Т. I. Под ред. В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова. М., 1951. 294 стр. с илл. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. МИА, № 19).

См. №№ 165, 167, 169, 189, 190, 192, 194, 200, 211, 215, 438.

199. Мелащенко М. Д. Оборонительные сооружения Ольвии, как исторический источник (Догетская Ольвия).—«VIII наукова сесія [Київського держ. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка]. Тези доповидей. Секція історії». Київ, 1951, стр. 13—14.

200. Мерперт Н. Я. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г.— МИА, № 19, 1951, стр. 227—235 с 14 илл.
201. Нейхарт А. А. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки, как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху. Автореферат диссертации... Л., 1951. 13 стр. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. от-ние).
202. Розанова Н. П. К вопросу о местонахождении Апатура.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 210—213.
203. Розанова Н. П. Неизданные надгробные стелы Таманского музея.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 91—95 с 7 илл.
Публикация 7 стел I в. до н. э.— I в. н. э.
204. Розанова Н. П. Эпиграфические памятники Ялтинского музея.— ВДИ, 1951, № 1, стр. 149—156 с 7 илл.
Греческие и латинские надгробные надписи II в. до н. э.— II в. н. э.
Славин Л. М. Древний город Ольвия. См. № 686.
205. Стржелецкий С. Ф. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 136—141 с 4 илл.
206. Стржелецкий С. Ф. Клер Херсонеса Таврического (По раскопкам 1950 г.).— ВДИ, 1951, № 3, стр. 85—90 с 4 илл.
Сельскохозяйственный участок — клер IV—III вв. до н. э.
207. С.[тржелецкий] С. [Ф.] Херсонесский историко-археологический музей.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 204.
О работе музея в 1950 г.
208. Струве В. В. [Рец. на кн.:] Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1949.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1951, № 1, стр. 95—100.
209. Толстой И. И. Народное произношение в керамической эпиграфике Северного Причерноморья.— ИАН СССР, отд. лит-ры и языка, 1951, вып. 4, стр. 374—378.
210. Ходжаш С. И. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 199—201.
Археологические работы экспедиционного отдела Музея в 1945—1950 гг. в Ольвии и Керчи.
211. Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав.— МИА № 19, 1951, стр. 63—86 с 5 план.
VI в. до н. э.— IV в. н. э.
212. Шафрановская Н. В. К вопросу о кризисе Ольвии в III в.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 9—20.
Привлекаются данные археологии.
213. Шелов Д. Б. К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 45—52 с 1 илл.
214. Шелов Д. Б. К опубликованию двух кладов из Нимфея. [По поводу публикации В. М. Скудновой «Два клада монет из Нимфея» в журн. ВДИ, 1950, № 4].— ВДИ, 1951, № 1, стр. 263—264.
215. Шелов Д. Б. Монетная система городов Боспора в VI—V вв. до н. э.— МИА, № 19, 1951, стр. 125—135.
216. Штаерман Е. М. Керамические клейма из Тиры. В связи с вопросом о клеймах неизвестных центров.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 31—49 с 5 илл.
217. [Штительман Ф. М.] Штітельман Ф. М. Мармурова надмогильна стела з Ольвії (Роскопки 1946 г.).— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 226—232 с 2 илл. Резюме на рус. яз.
I в. н. э.

5. Эпоха бронзы и раннего железа северной и средней части Европейской территории СССР (включая Зауралье)

218. Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи.— МИА, № 22, 1951, стр. 110—158 с 28 илл. и 1 карт.
С VII—V вв. до н. э. по начало II тысячелет. н. э.
219. Вассар А. К. Укрепленное поселение Асва на о. Сааремаа.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 36—40.
Поселение VIII в. до н. э.— первых вв. н. э. Эстон. ССР.
220. Воеводский М. В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи.— МИА, № 22, 1951, стр. 159—180 с 15 илл.
Керамика VII—III вв. до н. э.

221. Геннинг В. Ф. К вопросу о северных границах распространения ананьинской культуры.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 196—199 с 2 илл.

Гурина Н. Н. Итоги археологического изучения северо-запада Европейской части СССР за период 1946—1950 г. (по неолиту и раннему металлу). См. № 120.

Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. См. № 122.

222. Дмитриев П. А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы.— МИА, № 21, 1951, стр. 7—27 с 5 илл.

223. Дмитриев П. А. Шигирская культура на восточном склоне Урала (Из архива П. А. Дмитриева) [С примеч. ред.].— МИА, № 21, 1951, стр. 28—93 с 7 илл.

XIII—VIII вв. до н. э.

224. Ефимова А. М. Сверленые молоты (Из коллекции Гос. музея Татарской АССР).— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 170—176 с 1 карт.

Памятники фатьяновской и абашевской культур II тысячелет. до н. э.

225. Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение. (Раскопки 1948 г.)— МИА, № 21, 1951, стр. 152—181 с 29 илл.

Поселение андроновской культуры XIII—XII вв. до н. э. Кустан. обл.

Монгайт А. Л. Археологические исследования Старой Рязани. См. №№ 341—342.

226. Петровых Ф. И. Бляха с Ирьякского городища.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 126 с 1 илл.

Ананьинско-пьяноборское время (последние вв. до н. э.). Молотов. обл.

227. Сальников К. В. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. [1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 88—96 с 4 илл.

Памятники эпохи бронзы и раннего железа.

228. Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, № 21, 1951, стр. 94—151 с 19 илл. и 1 карт.— Библиогр. в подстр. примеч.

229. Сальников К. В. Раскопки на оз. Березовом. [С примеч. ред.].— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 122—130 с 3 илл.

Поселение IX—VIII вв. до н. э. Свердл. обл. Редакция отмечает спорность выводов автора.

230. Степанов П. Д. Итоги раскопок фатьяновских поселений на средней Суре.— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 64—68 с 1 илл.

Раскопки слоя, относящегося к эпохе бронзы на городищах Ош-Пандо и Ашна-Пандо Мордов. АССР.

231. Трубникова Н. В. Племена городецкой культуры. Автореферат диссертации. М., 1951. 19 стр. (Ин-т истории материальной культуры Акад. Наук СССР).

Середина I тысячелет. до н. э.— первые вв. н. э. Басс. рек Мокши и Цны.

Формозов А. А. Археологические памятники в районе Орска. См. № 135.

232. Формозов А. Н. Материалы к истории фауны Приветлужья.— МИА, № 22, 1951, стр. 181—191.

По материалам Одоевского, Чортова, Богородского и Русенихинского городищ (от VII в. до н. э.— по конец I тысячелет. н. э.).

233. Чернов Г. А. Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 84—88 с 2 илл. и 1 карт.

Бытовало с I тысячелет. до н. э. по VIII—X вв. н. э.

234. Чернов Г. А. Петрушинская стоянка на Средней Печоре.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 81—83 с 1 илл.

Стоянка с ямочно-гребенчатой керамикой.

6. Восточная Европа в I тысячелетии н. э. (Славяне и соседние племена)

235. Алихова А. Е. Авдеевское селище.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 106—112 с 4 илл.

VII в. н. э. Курск. обл.

236. Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения VI—VIII веков нашей эры.—КСИИМК, XL, 1951, стр. 125—137 с 6 илл.

Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи. См. № 218.

237. [Брайчевский М. Ю.] Брайчевський М. Ю. До питання про так звані римські впливи в культурі древніх словян.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 81—91. Резюме на рус. яз.

238. Брайчевский М. Ю. К происхождению древнерусских городов. (Города Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья в VIII—IX вв. н. э. по полевым данным последних лет). [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 32—33.

Брайчевский М. Ю. Работы на Пастерском городище в 1949 г. См. № 142.

239. Волкайте-Куликаускене Р. Результаты раскопок могильника в Линксмучяй в 1948 году (Шяуляйская обл., Пакруойский р-н).— УЗИИ Литвы, I, 1951, стр. 279—314 с 11 илл.; 1 л. илл. На литов. яз. Резюме на рус. яз.
VII—X в.

Граков Б. Н. О работе степной скифской экспедиции. См. № 143.

240. Гуревич Ф. Д. Древние поселения Калининградской области.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 91—98 с 3 илл. и 1 карт.
Памятники I и II тысячелет. н. э.

241. Гуревич Ф. Д. Поселения Калининградской области в I тыс. н. э. по данным работ 1949/50 гг.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 43—44.

242. Гуревич Ф. Д. Рагинянский могильник.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 56—61 с 4 илл.
Могильник III—IV вв. Литов. ССР.

243. Кропоткин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе.— Прил.: Список находок римских монет в Восточной Европе.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 243—282 с 2 илл.; 1 разв. л. табл.; 1 вкл. л. карт.

244. Куликаускас П. Исследование грунтового могильника в Курмайчяй. (Клайпедская обл., Кретингский р-н).— УЗИИ Литвы, I, 1951, стр. 315—365 с 10 илл.; 2 л. илл.
III — IV вв. н э.

245. Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине.— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 99—108 с 7 илл.
Комплексы вещей VIII в. из с. Тополи и из могильника Ново-Покровка.

246. Ляпушкин И. И. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них.— СА, XV, 1951, стр. 17—43 с 8 илл.
Памятники с IV в. до н. э. по XII в. н. э.

247. Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 14—30 с 2 илл.— Библиогр. в подстр. примеч.
Культура VIII—IX вв. н. э. на терр. южнорусских степей.

248. Монгайт А. Л. Археологические заметки: 1. Могила всадника у с. Арцыбашева.— 2. Бронзовая статуэтка из Старой Рязани.— 3. Новгородские гирьки.— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 124—137 с 10 илл.
Памятники VI—VII вв. и X—XI вв.

Монгайт А. Л. Археологические исследования Старой Рязани. См. №№ 341, 342.

249. Моора Х. А. Городища первого и начала второго тысячелетия на территории Эстонии.— «Тезисы докладов на пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 11—16.

250. Никольская Т. Н. Огубское городище.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 99—105 с 1 илл. и 1 план.
III—VII вв. Москов. обл.

251. Падин В. А. Роменское поселение в Трубчевском районе.— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 109—113 с 3 илл.
Поселение VIII—X вв. в урочище Макча. Брянск. обл.

Равдоникас В. И. Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938—1950 гг. См. № 358.

252. Рыбаков Б. А. Северодонецкая экспедиция ИИМК (К проблеме изучения славянского юго-востока).— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 63—65.
Памятники славянской культуры VIII—XII вв.

253. Смирнов А. П. К вопросу о буртасах. [По поводу одноим. статьи А. Е. Аликовой в журн. СЭ, 1949, № 1].— КСИИМК, XL, 1951, стр. 45—50.

254. Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. (По материалам раскопок 1947—1949 гг.). — СА, XV, 1951, стр. 219—246 с 10 илл.
От VII до XIII в.

255. Станкевич Я. В. Поселения первого тысячелетия н. э. верхнего течения Западной Двины.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 45—47.

256. Степанов П. Д. Взаимоотношения мордвы и восточнославянских племен по данным археологии.— «Записки (Научн.-исслед. ин-т при Совете Министров Мордов. АССР)», 13, 1951, стр. 140—164.
257. Степанов П. Д. Итоги раскопок древнемордовских памятников.—КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 136—139 с 1 илл.
Раскопки слоя VI—IX вв. на городищах Ош-Пандо и Ашна-Пандо.
258. [Сымановіч Э. А.] Симонович Е. А. Про культуру полів поховань на Поділлі (в зв'язку з розкопками в с. Луці-Врублівецькій).— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 105—115 с 1 табл. Резюме на рус. яз.
259. Тараканова С. А. Городища Псковской области.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.», М., 1951, стр. 41—42.
Городища конца I тысячелет. до н. э. и I тысячелет. н. э.
260. Тараканова С. А. К вопросу о происхождении города в Псковской земле [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 30—31.
Возникновение Псковского городища автор относит к II—III вв.
261. Тараканова С. А. Псковские курганы с трупосожжением.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 141—154 с 7 илл.
II—X вв.
262. Тарасенко В. Р. К истории верхнего Поднепровья и Белоруссии в I тысячелетии н. э. [Тезисы канд. диссертации].— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 146—148.
По археологическим данным.
Третьяков П. Н. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языке и языкознании. См. № 45.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян. См. № 89 и 90.
263. Федоров Г. Б. Славянские памятники в Молдавии.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященные итогам археологических исследований 1946—1950 гг.», М., 1951, стр. 66—68.
II—XII вв.
264. [Фенин А. В.] Фенін О. В. Знахідки римських монет в Прикарпатті.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 92—104. Резюме на рус. яз.
Монеты I—II вв. н. э.
Формозов А. Н. Материалы к истории фауны Приветлужья. См. № 232.

7. Древняя Русь и ее соседи

265. Авдусин Д. А. Раскопки в Гнездове [1949 г.].— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 72—81 с 3 илл.
Курганы IX—XI вв. Смоленск. обл.
266. Антонова В. И. Историческое значение изображения Дмитрия Солунского XII века из г. Дмитрова.— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 85—98 с 7 илл.
267. Артамонов М. И. Археологические исследования в зоне будущего Цымлянского водохранилища.— ВЛУ, 1951, № 2, стр. 141—145. Подпись: М. А.
Раскопки Саркела — Белой Вежи.
268. Артамонов М. И. Белая Вежа — русская колония в степях Подонья. [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 41—44 с 2 илл.
269. Артамонов М. И. Раскопки Саркела — Белой Вежи в 1950 г.— ВИ, 1951, № 4, стр. 147—151.
270. Артамонов М. И. Раскопки Саркела — Белой Вежи.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950». М., 1951, стр. 69—71.
271. Арциховский А. В. Археологические открытия в Новгороде.— ВАН СССР, 1951, № 12, стр. 60—69; 1 л. илл.
Берестяные древнерусские грамоты XI—XIV вв., найденные при раскопках 1951 г.
272. Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде.— ВИ, 1951, № 12, стр. 77—87 с 5 илл.
Рец.: 1. Борковский В. И. Драгоценные памятники древнерусской письменности.— ВЯ, 1952, № 3, стр. 131—136. 2. Кузьмин Ф. Ф. Новгородская берестяная грамота № 9.— ВЯ, 1952, № 3, стр. 137—140.
Арциховский А. В. Одежда — См.: История культуры древней Руси (№ 323), т. I, стр. 234—241.
Арциховский А. В. Оружие — См.: История культуры древней Руси № (323), т. I, стр. 417—438.

273. Асеев Ю. С. Архітектурно-археологічні дослідження в Криму.— ВАА УРСР, 1951, № 3, стр. 23—30 с 12 илл.
Памятники средневековой архитектуры в Алуште, Коктебеле и Керчи.
274. Асеев Ю. С., Богусевич В. А. Военно-оборонні стіни XII віку в Києво-Печерській лаврі (Архітектурно-археологічні дослідження 1951 р.).— ВАА УРСР, 1951, № 4, стр. 40—43 с 4 илл.
275. Афанасьев К. Н. [Рец. на кн.:] Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, 252 стр. с 181 илл. (Акад. Наук УССР. Ин-т археологии. Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).— СК, 1951, № 11, стр. 119—120.
276. Ашурков В. Тульский кремль.— В кн.: «Литературная Тула», кн. 4, Тула, 1951, стр. 172—178.
277. Башмурина Н. И. Описание историко-археологических находок на острове Фаддея и на берегу залива Симса.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.—М., 1951, стр. 215—230.
278. Белогорцев И. Смоленская живопись. Очерк.— «Смоленский альманах», кн. 8, [Смоленск], 1951, стр. 99—117.
От XII в. до современности.
279. [Блифельд Д. И.] Бліфельд Д. І. Досягнення радянської археології у дослідження древнього Києва. [Рец. на кн.:] Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950. 252 стр. с 181 илл. (Акад. Наук УССР. Ин-т археологии. Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).— ВАН УРСР, 1951, № 8, стр. 71—75.
280. Богусевич В. А. Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 47—48.
Памятники IX—XII вв. и XIV—XVII вв.
281. Богусевич В. А. Походження і характер древньоруських міст Наддніпрянщини.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 34—49. Резюме на рус. яз.
Выводы построены на основании результатов археологического изучения древнерусских городов.
282. Богусевич В. А. Про топографію древнього Чернігова.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 116—126 с 6 илл. Резюме на рус. яз.
283. Бондарь Н. А. и Стешин И. Н. Саратов. Под общ. ред. А. И. Осятинского. М., Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1951, 123 стр. с илл. (Архитектура городов СССР). На обл. авт. не указаны.— Библиогр.: стр. 121 (18 назв.).
Приведены данные о крепости XVI в. Дан план города XVII в.
284. Брайчевський М. Археологічні пам'ятки часів боротьби Русі проти монгольської навали.— ВАН УРСР, 1951, № 10, стр. 64—73.
285. Бривкалне Э. Древние поселения у городищ на территории Латвийской ССР.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук ССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.» М., 1951, стр. 34—35.
Средневековые поселения.
286. Брюсова В. Г. Фрески Андрея Рублева в Звенигородском Успенском соборе. Автореферат диссертации... М., 1951, 20 стр. (Учен. совет Акад. художеств СССР).
287. Булгары. Черная Палата [Сборник. С предисл. П. М. Дульского]. Обмеры Р. М. Муртазина. Казань, 1951. 30 стр.; 15 отд. л. черт. и илл. в папке (Татар. отд-ние Союза сов. архитекторов и Архфонда).
Содерж.: Смирнов А. П. Черная Палата, стр. 5—8; Егерев В. В. Черная Палата, стр. 9—18; Муртазин Р. М. Обмеры Черной Палаты в Булгарах, стр. 19—27; Дульский П. М. Черная Палата в изобразительном искусстве, стр. 28—29.
Памятник зодчества XIII в.
288. Василия Блаженного храм.— БСЭ, изд. 2, т. 7 [М.], 1951, стр. 30—32 с 6 илл.; 1 л. илл.
XVI в.
289. Видонова Е. С. Детская одежда начала XVI в.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 62—75 с 2 илл.
Из усыпальницы Покровского монастыря в г. Суздале.
290. Виноградов Н. Новые материалы по архитектуре древней Москвы. Благовещенский собор в Кремле.— СИИИ, № 1, 1951, стр. 69—78 с 9 илл.
291. Володченко З. А. Перстень-печать XII в.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 62—67 с 1 илл.
Из коллекций Львовского исторического музея. Найден в Станислав. обл.
Воронин Н. Н. Жилище — См.: История культуры древней Руси (№ 323), т. I, стр. 204—233.

Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. См. № 71.

Воронин Н. Н. Крепостные сооружения. См.: История культуры Древней Руси (№ 323), т. I, стр. 439—470.

Воронин Н. Н. Некоторые вопросы методики раскопок древнерусского города. См. № 15.

Воронин Н. Н. Пища и утварь. См.: «История культуры древней Руси» (№ 323), т. I, с. 263—265.

Воронин Н. Н. Поселение — См.: «История культуры древней Руси» (№ 323), т. I, 182—203.

292. Воронин Н. Н. Раскопки в Гродно. [1949 г.].— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 25—33 с 5 илл.

293. Воронин Н. Н. Раскопки в Старице.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 42—47 с 3 илл.

294. Воронин Н. Н. [Рец. на кн.:] Архітектурні пам'ятники. Збірник наукових праць. За загальн. ред. С. Я. Грабовського. Київ, 1950, 120 стр. (Акад. архітект. УРСР. Ін-т історії і теорії архітектури).— СК, 1951, № 1, стр. 112—117 с 1 илл.

295. Воронин Н. Н. [Рец. на кн.:] Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, 219 стр. (Акад. Наук УССР. Ин-т археологии).— ВИ, 1951, № 7, стр. 121—123.

296. Воронин Н. Н. [Рец. на кн.:] Довженок В. И. Військова справа в Київській Русі. Київ, 1950.— ВИ, 1951, № 1, стр. 139—140.

297. Воронин Н. Н. Скульптурный портрет Всеволода III.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 137—139 с 1 илл.

Резьба Дмитриевского собора в г. Владимире.

Воронин Н. Н. Средства и пути сообщения.— См.: «История культуры древней Руси» (№ 323), т. I, стр. 280—314.

Воронин Н. Н. и Каргер М. К. Архитектура. — См.: «История культуры древней Руси» (№ 323), т. 2, стр. 245—340.

298. Габель В. Ф. и Гулин И. Н. Курск. М., Гос. изд. лит. по строительству и архитектуре, 1951, 88 стр. с илл. (Архитектура городов СССР). На обл. авт. не указаны.

Имеются краткие сведения об архитектурных памятниках XVII в.

299. Гейман В. В. Надписи на ножах.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 141—144 с 2 илл.

Из вещей XVII в., найденных на о. Фаддея.

300. Гинзбург В. В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения хазарского каганата.— СМАЭ, XIII, 1951, стр. 309—416 с 22 илл.; 3 разв. л. табл.

По материалам раскопок древнего Саркела.

301. Гинзбург В. В. Кости человека.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 196—197 с 1 илл.

Обломки костей, найденных на месте зимовки русских мореходов XVII в. на берегу залива Симса.

302. Гиршберг В. Б. Надгробие 1655 г. из Богоявленского монастыря в Москве.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 142—145 с 1 илл.

303. Голубева Л. А. Древнее Белоозеро. [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 37—40 с 3 илл.

Древнерусский город IX—XVI вв. по данным археологии.

304. Гончаров В. К. Древний Колодяжин. [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 49—53 с 4 илл.

Раскопки древнерусского города, разрушенного татарами в 1241 г., Житомир. обл.

305. Гращенков В. Н. [Рец. на кн.:] Рзянин М. И. Архитектурные ансамбли Москвы и Подмосковья XIV—XIX вв. [М.], Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950, 232 стр. с 18 план. и 150 илл.; 1 л. илл.— СК, 1951, № 8, стр. 107—112.

306. Гроздилов Г. П. Старая Ладога. Раскопки земляного городища в 1950 г.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 72—74.

307. Громов И. М. Костные остатки позвоночных.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 194—195.

Найдены вместе с другими предметами на месте зимовки русских мореходов XVII в. на берегу залива Симса.

Гуревич Ф. Д. Древние поселения Калининградской области. См. № 240.

308. Гуревич Ф. Д. Из истории раннего Гродно.— СА, XV, 1951, стр. 82—95 с 10 илл.
Раскопки городища X—XII вв.

309. Данилевский В. В. Русские навигационные приборы первой четверти XVII века.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 53—62 с 13 илл.— Библиогр.: стр. 62.
Из вещей XVII в., найденных у берегов Таймырского полуострова.

310. Демме Н. П. Промысловые ловушки.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 105.
Из вещей XVII в., открытых у берегов Таймырского полуострова.
Динцес Л. А. Древние черты в русском народном искусстве.— См.: История культуры древней Руси (№ 323), т. 2, стр. 465—491.

311. Дмитриев Ю. Н. Мелетовские фрески и их значение для истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, VIII, 1951, стр. 403—412; 1 л. илл.
Фрески XV в. Псков. обл.

312. Дмитриев Ю. Н. [Рец. на кн.:] Свирин А. Н. Древнерусская миниатюра. М., «Искусство», 1950, 152 стр. с илл.; 3 л. илл. — СК, 1951, № 9, стр. 108—113.

313. Долгих Б. О. Этнографические материалы.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 187—190.
Украшения, части одежды и др. предметы, найденные на месте зимовки русских мореходов XVII в. у берегов Таймырского полуострова. Вещи принадлежали нганасанам — племени, кочевавшему в XVII в. во внутренней части Таймырского полуострова.
Дульский П. М. Черная Палата... См. Сб. «Булгары. Черная Палата» № 287.
Егерев В. В. Черная Палата. См. Сб. «Булгары. Черная Палата» № 287.

314. Ефимова А. М. Металлургические горны в городе Болгаре.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 128—135 с 1 илл.
Горны XI—XII вв.

315. Заборский В. И. О железных и стальных орудиях на Руси.
Орудия XIV—XVIII вв.

316. Замятнин С. Н. О старинных русских шахматах.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 147—152 с 3 илл.— Библиогр.: стр. 152.
Найдены на о. Фаддея, на месте зимовки русских мореходов XVII в.

317. Зубков А. И. Видовой состав древесины.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л. — М., 1951, стр. 198—202.
Вещи XVII в., найденные у берегов Таймырского полуострова.

318. Зубков В. И. Гавердовский клад XV века. — КСИИМК, XLI, 1951, стр. 138—141 с 2 илл.
Серебряные вещи и монеты Рязанского княжества и татарские. Рязанск. обл.

319. Ильин М. А. К изучению древнейших памятников каменного зодчества Переславля Рязанского.— КСИИМК, XL, 1951, стр. 74—84 с 4 илл.
На основании письменных источников устанавливается дата памятников: XIV и XV вв.

320. Ильин М. Проект перестройки центра московского Кремля при Борисе Годунове.— СИИИ, 1951, № 1, стр. 79—83.

321. Исторический музей, Москва. Путеводитель по залу «Образование Русского государства в XIV в — первой половине XVI в.» М., [1951]. 25 стр. с илл. (Ком. по делам культ.-просвет. учреждений при Совете министров РСФСР. Гос. ист. музей). На обороте тит. л. авт.: М. В. Фехнер.

322. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. [Сборник статей]. Л.—М., Изд-во Главсевморпути, 1951, 252 стр. с илл. и карт.; 3 л. илл. (Аркт. науч.-исслед. ин-т Глав. упр. Сев. мор. пути при Совете Министров СССР).
См. №№ 277, 299, 301, 307, 309, 310, 313, 316, 317, 334, 346, 348, 350, 353, 362, 367, 372, 373, 375, 377, 381, 383, 384, 387, 392, 397.
Рец.: Георгиев Б. Находки на острове Фаддея.— «Мор. флот», 2. IV. 1952.

323. История культуры древней Руси. Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова, т. 1—2, М.—Л., 1951 (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. [Ин-т истории]).
Т. 1. Домонгольский период. Материальная культура. Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой. 484 стр. с 285 илл. и карт. Авторы отд. глав: Арциховский А. В., Воронин Н. Н., Романов Б. А., Рыбаков Б. А. и Третьяков П. Н.

Т. 2. Домонгольский период. Общественный строй и духовная культура. Под ред. Н. Н. Воронина и М. К. Каргера. 546 стр. с 273 илл. и карт. Авторы глав по искусству и архитектуре: Воронин Н. Н., Динцес Л. А., Каргер М. К. и Рыбаков Б. А.

Работа удостоена Сталинской премии в 1952 г.

Рец.: 1. Адрианова-Перетц В.— «Лит. газета», 1951, № 125; 2. Тихомиров М.— «Известия» 12. IV. 1952; 3. Труды по истории, удостоенные Сталинской премии за 1951 г.— ВИ, 1952, № 4, стр. 5—7.

На т. 2: 1. Монгайт А.— ВИ, 1951, № 11, стр. 137—142; 2. Смирнов А. П.— ВАН СССР, 1951, № 11, стр. 97—101.

324. История русской архитектуры. Краткий курс. [Ред. коллегия: С. В. Безсонов и др.] М., Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1951. VIII, 463 стр. с илл.; 1 л. илл. (Акад. архитектуры СССР. Ин-т истории и теории архитектуры). На обор. тит. л. авт.: Н. И. Брунов, А. И. Власюк, А. И. Каплун, А. А. Кипарисова, П. Н. Брунов, А. Г. Чиняков.— Библиогр. стр. 423—428.

325. К а л и н и н Н. Казанский кремль. [Казань], 1951, 6 стр. (Гос. музей ТАССР). Авт. указан в конце текста.

К а р г е р М. К. Живопись.— См.: «История культуры древней Руси» (№ 323), т. 2, стр. 341—395.

326. К а р г е р М. К. Новые данные к истории древнерусского жилища.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 3—11 с 4 илл. и 1 план.

Обнаруженная раскопками Киевской археол. экспедиции 1948 г. полуземлянка XII—XIII вв.

327. К а р г е р М. К. Основные итоги и проблемы археологического исследования древнего Киева. [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 45—46.

328. К а р г е р М. К. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований.— СА, XV, 1951, стр. 44—63 с 10 илл.

329. К а р п о в и ч Е. Ф. Судакская капелла. (История одного архитектурного памятника).— ИКрымОГО, вып. 1, 1951, стр. 119—123 с 3 илл.— Библиогр.: 7 назв.

Начало XIV в.

330. К о б ы ч е в В. П. Старый Орхей.— «Бюллетень Совета студенческого о-ва» (Кишинев. гос. ун-т), 1951, № 1, стр. 14—15.

Раскопки средневекового молдавского города, территория которого была заселена, начиная с эпохи верхнего палеолита до XVI в.

331. К о л ч и н Б. А. Металлообрабатывающее ремесло древней Руси. [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 67—68.

332. [К о п ы л о в Ф. Б.] К о п и л о в Ф. Б. Зрубне поховання біля Десятинної церкви.— «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 233—235 с 1 табл. Резюме на рус. яз.

Погребение X в. в г. Киеве.

333. К о р з у х и н а Г. Ф. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в.— СА, XV, 1951, стр. 64—81 с 7 илл.

334. К о с и н с к и й М. Ф. Оружие и огнестрельные припасы.— В сб. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 93—96.— Библиогр.: стр. 96.

Из вещей начала XVII в., найденных у берегов Таймырского полуострова.

335. К р у м и н ь А. Архитектурное наследие города Риги.— ИАН Латв. ССР, 1951, № 12, стр. 1831—1840.

К р у ш к о л Ю. С. Раскопки древнего Патрэя. См. № 196.

336. Л и н е в с к и й А. Новое о прошлом Южной Карелии.— «На рубеже». Петрозаводск, 1951, № 1, стр. 82—93.

По данным раскопок курганов XI—XII вв. на р. Оять.

Л я п у ш к и н И. И. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. См. № 246.

337. М а р т ы н о в П. А. Грановитая палата. (Памятка туристу и экскурсанту). «Новгород», 1951, 6 стр. (Новгор. музей).

338. М а р т ы н о в П. Новгородский Кремль.— «Новгород» [Лит.-худож. альманах], № 2, 1951, стр. 124—133.

339. М а р т ы н о в П. А. Софийский собор. (Памятка туристу и экскурсанту). «Новгород», 1951, 8 стр. (Новгор. музей).

340. М е д в е д е в А. Ф. Водоотводные сооружения древнего Новгорода.— КСИИМК, XL, 1951, стр. 51—73 с 11 илл.

М о н г а й т А. Л. Археологические заметки... См. № 248.

341. М о н г а й т А. Л. Археологические исследования Старой Рязани.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.». М., 1951, стр. 75—77.

VII в. до н. э.— XIII в. н. э.

342. Монгайт А. Л. Археологические исследования Старой Рязани. [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 54—55.
Памятники с VII в. до н. э. по XIII в.

343. Монгайт А. Л. Раскопки в Старой Рязани. [1949 г.].— КСИИМК, XXXVIII, стр. 12—24 с 8 илл.

Моора Х. А. Городища первого и начала второго тысячелетия на территории Эстонии. См. № 249.

Муртазин Р. М. Обмеры Черной Палаты... См. сб. «Булгары. Черная Палата» № 287.

344. Никитин А. В. Оборонительные сооружения Засечной черты в районе Тула — Одоев — Белев. [Разведка 1949 г.].— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 62—71 с 6 черт.

345. Оборин В. В. Плеховский могильник на Каме.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 200—202 с 1 илл.
X—XIV вв. Молот. обл.

346. Окладников А. П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 7—40 с 12 илл.— Библиогр.: стр. 40.

347. Окладников А. П. Бронзовое зеркало.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.—М., 1951, стр. 160—166 с 6 илл.— Библиогр.: стр. 166.
Зеркало, найденное на о. Фаддея на месте зимовки русских мореходов XVII в.

348. Окладников А. П. и Пинхенсон Д. М. Значение находок у восточного побережья Таймыра.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.—М., 1951, стр. 205—212.— Библиогр.: стр. 212.

349. Панченко Е. В. и Колчин Б. А. Железные и стальные изделия древней Руси.— «Сборник [Моск. ин-т стали им. Сталина]», XXX, 1951, стр. 5—56 с 13 илл. и 1 карт.— Библиогр.: 13 назв.
Технологическое исследование изделий IX—XII вв.

350. Петров В. А. Анализ материала документа.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.—М., 1951, стр. 145—146.
Остатки документа на бумаге XVII в., обнаруженного в ножнах кортика, найденного на берегу залива Симса.

351. Подольский Р. Государев Хамовный двор в Кадашевской слободе в Москве.— СИИИ, I, 1951, стр. 84—111 с 10 илл. и план.
Памятник XVII в.

352. Померанцев Н. Новый памятник московской архитектуры конца XV века. (Информационное сообщение о раскрытии галереи, относящейся к 1491—1496 гг. в Московском Новоспасском монастыре).— СИИИ, I, 1951, стр. 63—68 с 3 илл.

353. Порфиридов Н. Г Предметы прикладного искусства.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.—М., 1951, стр. 153—159.— Библиогр.: стр. 159.
Из вещей XVII в., найденных у берегов Таймырского полуострова.

354. Рабинович М. Археологические исследования Московского посада.— ВИ, 1951, № 5, стр. 65—71.
Раскопки в устье р. Яузы. Памятники XIII—XVIII вв.

355. Рабинович М. Г. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе. [1949 г.] — КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 48—61 с 7 илл.
Памятники от XII до XVIII вв.

356. Рабинович М. Г. Основные итоги археологического изучения Москвы. [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 59—66 с 7 илл.

357. Рабинович М. Г. Раскопки в Москве в 1950 г.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 78—80.

358. Равдоникас В. И. Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938—1950 гг. [Тезисы доклада].— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 34—36 с 2 илл.
Памятники VII—XI вв.

359. Раппопорт П. А. Оборонительные сооружения на городище в селе Старые Безрадичи.— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 114—118 с 2 илл.
XII—XIII вв. Киев. обл.
Резолюция пленума ИИМК Акад. Наук СССР 8—11 января 1951 г., посвященного итогам археологического исследования древнерусских городов. См. № 79.

360. Рикман Э. А. Обследование городов Тверского княжества.— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 71—84 с 6 илл.

361. Розенфельдт Р. Л. Новая конструкция древнерусских врезных замков.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 140—141 с 1 илл.
По раскопкам в Старой Рязани и Вщиже.
Романов Б. А. Деньги и денежное обращение.— См. История культуры древней Руси (№ 323), т. I, стр. 370—396.

362. Руденко С. И. и Станкевич Я. В. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 97—102 с 4 илл.
Из вещей, открытых на о. Фаддея.

363. Рыбаков Б. А. Вщиж — удельный город XII века.— КСИИМК, XLI, 1951, стр. 56—58.
По данным археологических исследований. Брян. обл.
Рыбаков Б. А. К вопросу об образовании древнерусской народности. См. № 81.
Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура.— См.: «История культуры древней Руси» (№ 323), т. 2, стр. 396—464.

364. Рыбаков Б. А. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 34—41 с 3 илл.
IX—XIII вв. Брян. обл.
Рыбаков Б. А. Ремесло.— См. «История культуры древней Руси» (№ 323), т. I, стр. 78—181.
Рыбаков Б. А. Северодонецкая экспедиция ИИМК (К проблеме изучения славянского юго-востока). См. № 252.

365. Секиринский С. А. Очерки по истории Сурожа VIII—XV вв. Автореферат диссертации... М., 1951, 16 стр. (Мин-во просвещения РСФСР. Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина).
Работа построена на основе письменных источников с привлечением данных археологии.

366. Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. 396 стр. с илл.; 5 л. илл. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории искусств. История рус. рисунка. Т. I).
Рец.: Люблинский В. С.— СК, 1952, № 5, стр. 107—113.

367. Скворцов А. В. Старинный безмен.— В сб. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 108—109 с 1 илл.
Из вещей начала XVII в., открытых на о. Фаддея.

368. Смирнов А. П. Волжские Булгары. М., 1951, 277 стр. с 130 илл. и карт.; 9 л. илл.; 1 л. карт. (Труды Гос. ист. музея, вып. 19).— Библиогр. в конце глав.
Работа базируется на данных археологических исследований.

369. Смирнов А. П. Новые археологические данные о сложении культуры волжских болгар.— КСИИМК, XL, 1951, стр. 16—27 с 3 илл.
Смирнов А. П. Черная Палата.—См. сб.: «Булгары. Черная Палата» № 287.

370. Спасский И. Г. Анализ технических данных в нумизматике.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 69—75.
Монеты Московского государства XVI—XVII вв.

371. Спасский И. Г. Виницкий клад. (Из истории денег в России в период польско-шведской интервенции начала XVII в.).— ИКФФАН СССР, 1951, № 2, стр. 32—40.— Библиогр.: 19 назв.
Клад русских монет XVI—XVII вв. из с. Лукинского Виницкого р-на Ленингр. обл.

372. Спасский И. Г. Денежная казна.— В сб. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 112—129; 3 л. илл.
Монеты XV — начала XVII в., найденные у берегов Таймырского полуострова.

373. Спасский И. Г. Счетные жетоны.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.—М., 1951, стр. 130—138 с 7 илл.— Библиогр.: стр. 138.
Найдены на о. Фаддея.

374. Спегальский Ю. П. Псковская каменная жилая архитектура XVII века. Автореферат диссертации... Л, 1951 (Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР. Кафедра всеобщей истории архитектуры).

375. Станкевич Я. В. Бытовой инвентарь.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 167—171 с 3 илл.— Библиогр.: стр. 171
Из вещей XVII в., найденных у берегов Таймырского полуострова.

Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. См. № 254.

Степанов П. Д. Взаимоотношения мордвы и восточнославянских племен по данным археологии. См. № 256.

376. Страуберг Я. Старая Рига. Под ред. Т. Зейд. Рига, Латгосиздат, 1951. 100 стр. с илл.; 1 л. илл.; 1 отд. л. план. На латыш. яз.

377. Суворов Е. К. Рыболовные принадлежности.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.—М., 1951, стр. 106—107.

Из вещей XVII в., открытых у берегов Таймырского полуострова.

378. Сычев Н. П. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого.— СИИИ, I, 1951, стр. 51—62 с 1 илл.; 2 л. илл.

Фресковое изображение XII в. Борисоглебской церкви в с. Кидекша Владимир. обл.

379. Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X—XIV вв.— Прил.: Указатель к карте размещения археологических памятников X—XIV вв. бассейна р. Камы.— МИА, № 22, 1951, стр. 33—96 с 33 илл.; 3 план. и 1 карт.

Тараканова С. А. Городища Псковской области. См. № 259.

380. [Тарасенко В. Р.] Тарасенка В. Р. Раскопкі на Мінскім замчышчы.— «Беларусь», 1951, № 3, стр. 26.

381. Травин Н. Д. Остатки нарт.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 103—104 с 2 илл.

Из вещей XVII в., открытых на берегу залива Симса.

Третьяков П. Н. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языке и языкознании. См. № 45.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян. См. №№ 89 и 90.

Третьяков П. Н. Сельское хозяйство и промыслы. См.: История культуры древней Руси (№ 323), т. I, стр. 78—181.

382. Удальцова З. [Рец. на кн.:] Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). М.— Л., Акад. Наук СССР, 1950, 256 стр. с илл., 41 л. илл. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 17).— ВИ, 1951, № 8, стр. 136—139.

383. Фармаковский М. В. Изделия из волокнистых материалов.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 172—178 с 1 илл.

Из вещей XVII в., найденных у берегов Таймырского полуострова.

384. Фармаковский М. В. Оловянные изделия.— В сб. Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 110—111.

Из вещей XVII в., открытых у берегов Таймырского полуострова.

385. Федоров Г. Б. Славянские памятники в Молдавии. «Тезисы докладов...» М., 1951. См. № 263.

386. Федоров Г. Б. Топография кладов с литовскими слитками и монетами.— УЗИИ Литвы, т. I, 1951, стр. 181—229 с 1 л. карт. На литов. яз. Резюме на рус. яз.— Библиогр. 42 назв.

387. Фоканов В. А. Остатки шкур млекопитающих.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 193.

Из вещей XVII в., найденных на о. Фаддея.

388. Хованская О. С. Новые данные о городе Болгаре.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 120—127 с 3 илл.

По раскопкам 1949 г.

389. Хованская О. С. Свияжск. Казань, 1951 (Гос. музей ТАССР). Авт. указан в конце текста.

390. Холостенко Н. Неизвестные памятники монументальной скульптуры древней Руси. Рельефы Борисоглебского собора в Чернигове.— «Искусство», 1951, № 3, стр. 84—91 с 12 илл.

XI—XIII вв.

391. Шаскольский И. А. Некоторые вопросы древнейшей истории Таллина.— «Тезисы докладов на пленуме Института истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г.». М., 1951, стр. 48—49.

X—XIII вв.

392. Шедлинг Ф. М. Остатки судна.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 81—82.

Найдены на о. Фаддея.

393. Шовкопляс И. Г. и Максимов Е. В. Нова книга з історії Київської Руси. [Рец. на кн.:] Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950. 219 стр. с илл.; 32 л. илл. (Акад. Наук УССР, Ин-т археологии).— ВАН УРСР, 1951, № 4, стр. 71—74.
394. Юсупов Г. В. Татарские эпиграфические памятники XV в. (К вопросу о происхождении казанских татар).— ЭВ, V, 1951, стр. 78—94 с 9 илл. и 1 карт.; 3 л. илл.
395. Юсупов Г. и Хисамутдинов Г. Булгарские эпиграфические памятники, найденные летом 1947 г.— ЭВ, IV, 1951, стр. 68—75 с 3 л. илл.; 1 л. илл.
Чтение и перевод надгробных надписей XVI в.
396. Якобсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. (Опыт хронологической классификации).— СА, XV, 1951, стр. 325—344 с 13 илл.
397. Якунина Л. И. Фрагменты одежды и обуви.— В сб.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.— М., 1951, стр. 179—186 с 6 илл.— Библиогр.: стр. 186.
Из вещей XVII в., найденных у берегов Таймырского полуострова.

IV. КАВКАЗ
(ВКЛЮЧАЯ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И ПРИКУБАНЬЕ)

1. Общие работы

398. Ализаде Г. М. К изучению народного зодчества Азербайджана (каменные кладки).— ИАН АзССР, 1951, № 2, стр. 83—94. Резюме на азерб. яз.
Со II тысячелет. до н. э. по XX в.
399. Аракелян Б. Н. Археологические открытия в Армении.— ВДИ, 1951, № 1, стр. 265—267.
Открытие палеолита в Армении. Раскопки Кармир-блура. Раскопки крепости Гарни.
400. Атакишиева М. И. Об утвари из окрестных сел. г. Мингечаура.— В сб.: Материальная культура Азербайджана, II, 1951, стр. 167—183 с 7 илл. На азерб. яз. Резюме на рус. яз.
Сопоставление современной керамики с керамикой из раскопок в Мингечауре.
Бердзенишвили Н. А. О некоторых принципиальных вопросах грузинской советской археологии. См. № 9.
Беридзе В. Труды товарища Сталина о языкознании и некоторые вопросы истории грузинского искусства. См. № 11.
401. Голубкина Т. И. О зооморфной керамике из Мингечаура.— В сб.: Материальная культура Азербайджана, II, 1951, стр. 103—140 с 46 илл. Резюме на азерб. яз.
Керамика, встречающаяся в напластованиях, относящихся к различным эпохам, чаще всего в грунтовых и кувшинных погребениях.
402. Джапаридзе О. М. Краткий отчет об археологических разведках в Грузии (Гурия) в 1948 г.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 96—103 с 2 илл.
Памятники эпохи неолита, клады эпохи бронзы, поселение античной эпохи в Уреки.
403. Ионе Г. И. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. — В сб.: Материальная культура Азербайджана, II, 1951, стр. 31—79 с 30 илл. Резюме на азерб. яз.
Печи разных эпох: от III в. до н. э. по XIII в.
404. Исаков М. И. Новые археологические находки в Дагестане.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 181—183 с 2 илл.
Кромлехи. Наскальные изображения.
405. Исмизаде О. Ш. Археологические находки в Таузском районе.— ДАН АзССР, 1951, т. VII, № 10, стр. 379—384 с 5 илл. Резюме на азерб. яз.
Обследование памятников разных эпох.
406. История армянского народа. Ч. I. Под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна.— Ереван, Айпетрат, 1951, 292 стр., илл.; 6 л. илл. (Ин-т истории Акад. Наук Арм. ССР).
В гл. I «Первобытная община на территории армянского нагорья» (стр. 7—15); гл. II «Древнейшие племенные союзы и государства на территории Армянского на-

горья» (стр. 15—24); гл. III «Образование армянского народа» (стр. 25—29), широко использован археологический материал.

Рец. 1. Смирнов Н. и Арутюнов Г.— ВИ, 1951, № 12, стр. 183—186; 2. Кусикьян И. — ВДИ, 1952, № 3, стр. 100—101.

407. Казиев С. М. Краткое сообщение об археологических раскопках в Мингечауре.— ИАН АзССР. Обществ. науки, 1951, № 1, стр. 93—94.

Конец эпохи бронзы — XII в. н. э.

408. Крупнов Е. И. Древнейший период истории Кабарды.— «Сборник по истории Кабарды», вып. 1. Нальчик, 1951, стр. 20—80 с 17 табл. илл.

От эпохи палеолита до эпохи бронзы.

409. Крупнов Е. И. Отзыв о работе проф. Г. Г. Леммлейна «Каменные бусы Самтаврского некрополя».— В кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 29, 1951, стр. 233—235.

410. Леммлейн Г. Г. Каменные бусы Самтаврского некрополя.— В кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 29, 1951, стр. 183—232 с 2 илл. и 7 табл. илл. Резюме на груз. яз.

Классификация бус, датируемых началом I тысячелет. до н. э.— VII в. н. э.

Рец. Крупнов Е. И.— Там же, стр. 233—235.

411. Ломтатидзе Г. А. Академик И. А. Джавахишвили и археология Грузии.— В сб.: Мимомхилвели, 2. Тбилиси, 1951, стр. 1—36. На груз. яз.

412. Ломтатидзе Г. А. и Гзелишвили И. А. Отчет о командировке в Триалети (12—15 мая 1949 г.) — В сб.: Мимомхилвели, 2. Тбилиси, 1951, стр. 315—335 с 10 илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

Рекогносцировка разновременных памятников Цалкинского района.

Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. [Сб. статей] под ред. [и с предисл.] Е. И. Крупнова. М.— Л., 1951. 308 стр. с илл.; 4 л. илл. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. МИА, № 23).

См. №№ 413, 423, 424, 435, 439, 446, 447, 460, 461, 500.

Материальная культура Азербайджана. [Сб статей], т. 2, Баку, 1951. 211 стр. с илл. (Акад. Наук Азерб. ССР. Музей истории Азербайджана). На азерб. и рус. яз.

См. №№ 400, 403, 416, 442, 443, 487.

413. Минаева Т. М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани.— МИА, № 23, 1951, стр. 273—301 с 19 илл., 2 схем. и 1 план.

Памятники IV—V вв. и IX—XI вв. н. э.

414. Минаева Т. М. Из истории археологических обследований верховьев реки Кубани.— УЗСтаврГПИ, т. VII, 1951, стр. 211—236.

Памятники от эпохи бронзы до XI в.

415. Н. А. Краснодарский историко-краеведческий музей.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 201—203 с 3 илл.

Археологические работы музея в 1950 г.

416. Пахомов Е. А. Монеты Мингечаура.— В сб.: Материальная культура Азербайждана, II, 1951, стр. 141—166 с 2 илл. Резюме на азерб. яз.— Библиогр.: 10 назв.

Монеты разных эпох от II в. до н. э. до позднего средневековья.

417. Смирнов К. Ф. Дагестанская экспедиция 1950 г.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.». М., 1951, стр. 35—37.

Памятники эпохи бронзы, сарматского и хазарского времени.

2. Палеолит и неолит

418. Бурчак-Абрамович Н. И. Материалы по изучению фауны палеолита Закавказья (Зарутакетская стоянка).— ИАН АзССР, 1951, № 9, стр. 19—31 с 2 илл. Резюме на азерб. яз.

419. Бурчак-Абрамович Н. О. Фауна эпипалеолитической стоянки в Триалети.— САН ГрузССР, 1951, № 2, стр. 93—97.— Библиогр.: 7 назв.

420. Джафарзаде И. М. Древняя история Азербайджана. Следы древнейшей культуры человека на территории Азербайджана.— ТИИФ АН АзССР, т. I, 1951, стр. 15—32. На азерб. яз.

То же на рус. яз.: Сб. статей по истории Азербайждана, в. I, Баку, 1949.

Следы культуры человека каменного века.

421. Киладзе Н. З. Памятник нового каменного века из Тетрамица.— В кн.:

Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 29, 1951, стр. 237—287 с 10 илл.; 12 л. илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

Коллекция каменных орудий.

422. Паничкина М. З. Аширабадское мустьерское местонахождение в Армении.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 76—86 с 2 илл.

3. Эпоха бронзы и железа

423. Анфимов Н. В. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья.— МИА, № 23, 1951, стр. 144—154 с 3 илл.

424. Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, № 23, 1951, стр. 155—207 с 18 илл.

VI—II вв. до н. э.

425. Анфимов Н. В. Раскопки Семибратнего городища.— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 238—244 с 2 илл.

Городище VI—II вв. до н. э. Краснодар. край.

426. Анфимов Н. В. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье.— ВДИ, 1951, № 1, стр. 110—128 с 5 илл.

427. Аракелян Б. Н. Замечания о Вахагне-вишапакаг'е.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1951, № 2, стр. 75—81 с 1 илл. На арм. яз. Резюме на рус. яз.

Толкование термина древнеармянской мифологии подтверждается археологическими данными: крылатый вишап на ахеменидском ритоне из собр. Гос. Эрмитажа и на парфянских ритонах из Старой Нисы.

428. Аракелян Б. Работы Гарнийской археологической экспедиции Института истории Академии Наук Арм. ССР за 1950 г.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1951, № 3, стр. 55—61. На арм. яз.

429. Аракелян Б. Н. Раскопки крепости Гарни. (Основные результаты работы Гарнийской археологической экспедиции Института истории Акад. Наук Армянской ССР в 1949—1950 гг.). — ВДИ, 1951, № 4, стр. 101—114 с 9 илл.

430. Блаватский В. Д. Синдская археологическая экспедиция 1951 года.— ВАН СССР, 1951, № 10, стр. 67—69.

431. Блаватский В. Д. Синдское поселение около Тамани.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 40—41.

432. Гарни [Т.] 1. Аракелян Б. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии Наук Армянской ССР 1949—1950 гг. Ереван, Акад. Наук Арм. ССР, 1951. [На обл. 1952]. 92 стр. с 78 илл.; 31 л. илл. (Археологические раскопки в Армении № 3). На переплете загл. тома: Результаты раскопок 1949—1950 гг.

433. Гзелишвили И. А. Клад с колхскими топорами в Амболаурском районе.— САН ГрузССР, 1951, № 9, стр. 565—570 с 3 илл.— Библиогр.: стр. 570.

VIII в. до н. э.

434. Гобеджишвили Г. Ф. Холм Нацаргора близ гор. Сталинира. Краткий обзор результатов 4 археологических кампаний.— В сб.: Мимомхилвели, 2. Тбилиси, 1951, стр. 239—276 с 7 илл.; 7 л. илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.

Памятники с конца III по начало I тысячелет. до н. э.

435. Гриневич К. Э. Новые данные по археологии Кабарды.— МИА, № 23, 1951, стр. 125—139 с 15 илл.

Памятники эпохи бронзы у с. Каменномостского и с. Заюково.

436. Дьяконов И. М. Заметки по урартской эпиграфике.— ЭВ, IV, 1951, стр. 102—116 с 1 илл.

437. Егоров Н. М. Боргустанский клад 1941 г.— СА, XV, 1951, стр. 292—295 с 1 илл.

Клад медных вещей, найденный близ Ессентуков в 1941 г.

438. Зеест И. Б. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. По материалам остродонных амфор из раскопок Елисаветинского и Семибратнего городищ.— МИА, № 19, 1951, стр. 107—118 с 5 илл.

IV—II вв. до н. э.

439. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, № 23, 1951, стр. 75—124 с 51 илл. и 4 карт.— Библиогр. в подстр. примеч.

XI—VII вв. до н. э.

440. Исраелян М. Две новые урартские надписи.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1951, № 8, стр. 89—99. На арм. яз. Резюме на рус. яз.

441. Исраелян М. Корпус урартских клинообразных надписей.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1951, № 4, стр. 93—95. На арм. яз.

Проспект пздания.

442. Казиев С. М. О некоторых типах оружия из Мингечаура.— В сб.: Материальная культура Азербайджана, II, 1951, стр. 5—30 с 5 илл. На азерб. яз. Резюме на рус. яз.
Главным образом из кувшинных погребений рубежа н. э.
443. Казиев С. М. и Асланов Г. М. О двух кувшинных погребениях.— В сб.: Материальная культура Азербайджана, II, 1951, стр. 201—210 с 2 илл. На азерб. яз. Резюме на рус. яз.
Погребения из Мингечаура I в. до н. э.— I в. н. э.
444. Каухчишвили Т. С. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951, 8, LII, 379 стр. (Акад. Наук ГрузССР. Ин-т истории им. акад. И. Джавахишвили). На груз. яз.
Надписи античного времени и раннесредневековые.
445. Кацнельсон И. С. Две книги по археологии СССР. [Рец. на кн.:] 1. Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии Наук Арм. ССР и Гос. Эрмитажа. Ереван 1950. 2. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.— СК, 1951, № 5, стр. 73—76.
446. Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. (Опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы).— МИА, № 23, 1951, стр. 17—74 с 25 илл.; 1 разв. л. илл. и 1 карта.— Библиогр. в подстр. примеч.
447. Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана. (Опыт первого исследования Таркинского могильника 1947 года).— МИА, № 23, 1951, стр. 208—225 с 10 илл. и 1 разв. л. план.— Библиогр. в подстр. примеч.
Древнейший слой погребений относится к 1-й половине I тысячелет. до н. э.; второй — II—III вв. н. э. (сарматская культура).
448. Крупнов Е. [Рец. на кн.:] Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. Результаты работ Археологической экспедиции Института истории Акад. Наук Арм. ССР и Гос. Эрмитажа 1939—1949 годов. Ереван, Акад. Наук АрмССР, 1950.— ВИ, 1951, № 1, стр. 131—134.
449. Кушнарева К. Х. Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам (конец III — середина I тыс. до н. э.). Автореферат диссертации... М.— Л., 1951, 11 стр. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отд-ние).
450. Ломтатидзе Г. А. и Цицишвили И. Н. Новооткрытый склеп во Мцхета.— САН ГрузССР, 1951, № 10, стр. 641—648 с 1 илл.— Библиогр.: 16 назв.
Погребение рубежа I—II вв. э.
451. Макалатия С. И. Археологические находки в селении Ахриси (Картли).— ВДИ, 1951, № 3, стр. 181—186.
Погребения I—III вв. н. э.
452. Манандян Я. А. Новые заметки о греческой надписи и языческом храме Гарни.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1951, № 4, стр. 9—35 с 1 илл.
Надпись IV в. н. э.
453. Мегрелидзе И. В. Археологические находки в Дидо.— СА, XV, 1951, стр. 281—291 с 12 илл.
Бронзовые предметы и статуэтки из разных мест Цунтинск. р-на Дагест. АССР, предположительно датируемые серединой I тысячелет. до н. э.
454. Меликишвили Г. А. Урартоведческие заметки.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 174—181.
455. Меликишвили Г. А. Фрагмент урартской клинообразной надписи из Адыльджеваза.— САН ГрузССР, 1951, № 2, стр. 123—127.— Библиогр.: 7 назв.
456. Находки ценного археологического материала в Грузинской ССР.— Подпись Э. К.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1951, № 9, стр. 103—105. На арм. яз.
Краткая информация о раскопках 1951 г. близ Мцхета.
457. Оганесян К. Арин-Берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпуни.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1951, № 8, стр. 75—88 с 6 илл. Резюме на арм. яз.
VIII в. до н. э.
458. Пиотровский Б. Б. Клинообразные надписи на бронзовых чашах из раскопок на Кармир-блуре в 1949 г.— ЭВ, V, 1951, стр. 110—112; 2 л. илл.
Надпись VIII в. до н. э.
459. Пиотровский Б. Б. Раскопки Кармир-блура в 1950 г.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.». М., 1951, стр. 33—34.
VII—VI вв. до н. э.

460. Семенов Л. П. Памятник древнего культа Осетии. (Бронзовая голова идола из окрестностей селения Нар).— МИА, № 23, 1951, стр. 140—143 с 1 илл.
Автор датирует памятник VIII—VII вв. до н. э.

461. Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.— МИА, № 23, 1951, стр. 226—272 с 22 илл.; 2 разв. л. илл.— Библиогр. в подстр. примеч.
Памятники эпохи бронзы каякентско-хорочоевской культуры (начала I тысячелет. до н. э.— VII—VI вв. до н. э.) и сарматского времени (I в. до н. э.— II—III вв. н. э.)

462. Смирнов К. Ф. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. [1947—1949 гг.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 151—160 с 5 илл.
Раскопки Пашковского мог-ка № 3 (V—III вв. до н. э.), Таркинского мог-ка (I—II вв. н. э.) и Пашковского мог-ка № 1 (III—IV вв. н. э.)

463. Сорокин В. С. Древние идолы города Тейшебаини.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1951, № 5, стр. 71—82 с 4 илл. и 1 план.
Памятник VII — начала VI вв. до н. э. из раскопок в Кармир-блуре.

464. Трапш М. Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва.— ТАИЯЛИ, XXIV, 1951, стр. 325—344 с 7 илл. Резюме на груз. яз.
Погребения конца VII — начала VI вв. до н. э. Гудаут. р-н Абхаз. АССР.

465. Трапш М. М. Куланурхвинский древний могильник. Автореферат диссертации... Сухуми, 1951, 16 стр.
VII—VI вв. до н. э. Абхаз. АССР.

466. Угрелидзе Н. Н. Стеклянный сосуд из Самтавро с изображением павлина.— В сб.: Мимомхилвели, 2. Тбилиси, 1951, стр. 301—314 с 6 илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
Сосуд IV в.

467. Хоштария Н. В. Об одном бронзовом орудии из Колхиды.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 177—180.
Конец II — начало I тысячелет. до н. э.

468. Чубинишвили Т. Н. Погребение с молотильной доской на Самтаврском могильнике.— САН ГрузССР, 1951, № 1, стр. 61—67 с 5 илл.— Библиогр.: 8 назв.
Погребение VIII—VI вв. до н. э.

469. Шелов Д. Б. Городище около хутора Ильичевка.— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 228—231 с 1 карт.
Античное поселение первых вв. н. э. Темрюк. р-н Краснодар. края.

470. Шилов В. П. Население Прикубанья конца VII — середины IV века до н. э. по материалам городищ и грунтовых могильников. Автореферат диссертации... М.— Л., 1951, 15 стр. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отд-ние).

471. Шилов В. П. Синдские монеты.— СА, XV, 1951, стр. 204—215.

4. Средневековые памятники

472. Абрамишвили Т. Я. Западногрузинские монеты XIII—XIV вв. (Копитнарский клад). Автореферат диссертации... Тбилиси, 1951. 24 стр. (Акад. Наук Груз. ССР. Гос. музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа).

473. Аладашвили Н. Скульптурные изображения святых воинов на фасадах храма в Никорцминде.— «VI научная сессия Института истории грузинского искусства (Акад. Наук Груз. ССР) 10—12 мая 1951 г. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, 1951, стр. 12—13 (на груз. яз.); стр. 23—24 (на рус. яз.).
XI—XII вв.

474. Алескерзаде А. Надписи мечети Туба Шахи (XIV—XV вв.).— ТИИФ АН АзССР, т. I, 1951, стр. 109—118 с 11 илл. Резюме на азерб. яз.

475. Алибегашвили Г. В. Иллюстрации двух средневековых астрономических трактатов.— САН ГрузССР, 1951, № 6, стр. 369—376 с 5 илл.— Библиогр.: 6 назв.
Грузинские миниатюры XII в.

476. Алибегашвили Г. В. Рельефная плита из окрестностей Сухуми.— САН ГрузССР, 1951, № 8, стр. 511—515; 1 л. илл.— Библиогр. 7 назв.
Середина X в.

477. Алибегашвили Г. Роспись церкви Благовещения в Удабно.— «VI научна сессия Института истории грузинского искусства (Акад. Наук Груз. ССР) 10—12 мая 1951 г. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, 1951, стр. 26—27 (на рус. яз.); стр. 16 (на груз. яз.)
XIII в.

478. Ализаде Г. М. К изучению народного зодчества Азербайджана.— ИАН АзССР, 1951, № 3, стр. 83—95 с 26 илл.; № 4, стр. 75—96 с 35 илл. Резюме на азерб. яз.
Привлекаются памятники древнего зодчества V—XIV вв.

479. Амиранашвили Ш. Письмо в редакцию. [По поводу рецензии Г. Чубинашвили и Т. Вирсаладзе на книгу автора «История грузинского искусства». Журн. «Искусство», 1951, № 2].— «Искусство», 1951, № 6, стр. 89—92.

480. Арутюнян В. М. и Сафарян С. А. Памятники армянского зодчества. М., Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1951, 243 стр. с 72 илл. и 96 л. илл. (Памятники зодчества народов СССР). На перепл. авт. не указаны.— Библиогр.: стр. 235—237.
С древнейших времен до XIX в.
Рец.: 1. Якобсон А. Л. Новые труды по истории армянского зодчества.— СК, 1952, № 5, стр. 114—120. 2. Исраелян Р. Новая книга о памятниках армянского зодчества.— «Коммунист. Ереван», 14. II. 1952.

481. Барнавели С. В. Грузинские знамена.— САН ГрузССР, 1951, № 6, стр. 377—383.— Библиогр.: 9 назв.
Знамена с первых вв. н. э. до XVIII в.

482. Барнавели С. В. Личность «вторичного строителя» храма Самтависи.— САН ГрузССР, 1951, № 9, стр. 571—578.— Библиогр.: 19 назв.
Анализ надписи рубежа XV и XVI вв. на стенах храма.

483. Беридзе В., Курдиани З. и Рчеулишвили Л. Тбилиси —М., Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1951. 96 стр. с илл. (Архитектура городов СССР).— Библиогр.: стр. 93 (12 назв.).
стр. 9—20 История города и его архитектурных памятников в VI—XVII вв.

484. Бретаницкий Л. С. К вопросу о Нахичеванской архитектурной школе.— В сб.: Архитектура республик Закавказья. М., 1951, стр. 286—320 с 20 илл.
XII—XIV вв.

485. Бретаницкий Л. С. и Саламзаде А. В. Памятники азербайджанского зодчества. 1. Памятники Нахичеванской АССР. Баку, 1951. 40, [30], стр. с илл. (Акад. Наук АзССР. Ин-т архитектуры). На азерб. яз.— Библиогр.: стр. 39—40 (15 назв.).

486. Ваидов Р. М. Фрагмент глиняного подсвечника с албанской надписью.— ДАН АзССР, 1951, № 2, стр. 81—86 с 3 илл. Резюме на азерб. яз.
Из раскопок в Мингечауре.

487. Ваидов Р. М. и Фоменко В. П. Средневековый храм в Мингечауре.— В сб.: Материальная культура Азербайджана, II, 1951, стр. 80—102 с 22 илл. Резюме на азерб. яз.
Храм, построенный в V—VI в. и разрушенный в VIII—IX вв.

488. Гаприндашвили Г. М. Неизвестная надпись из Вардзия.— САН Груз. ССР, 1951, № 4, стр. 245—252 с 3 илл.— Библиогр.: 12 назв.
1184—1186 гг.

489. Дьяконов М. М. Арабская надпись на бронзовом орле из собраний Гос. Эрмитажа.— ЭВ, IV, 1951, стр. 24—27 с 2 илл.
Надпись VIII в. Памятник поступил в 1939 г. в Гос. Эрмитаж из музея г. Дзауджикау.

490. Измайлова Т. А. [Рец. на кн.:] 1. Н. Г. Буниатов, Ю. С. Яралов. Архитектура Армении (I—XIX вв.). М., Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. 2. А. Л. Якобсон. Очерки истории зодчества Армении V—XVII веков. Под общ. ред. Н. М. Бачинского. М.— Л., Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950.— СК, 1951, № 9, стр. 113—119.
Каухчишвили Т. С. Греческие надписи Грузии. См. № 444.

491. Кафадарян К. Двинский кафедральный собор.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1951, № 9, стр. 71—83 с 6 илл. На арм. яз. Резюме на рус. яз.
IV—IX вв. По данным раскопок 1946—1951 гг.

492. Керимзаде С. Памятник XVII века в сел. Кала.— ДАН АзССР, 1951, № 3, стр. 141—145. На азерб. яз. Резюме на рус. яз.

493. Крачковская В. А. Из архивного наследия Ханыкова и Дорна.— ЭВ, IV, 1951, стр. 28—39 с 1 илл.; 3 л. илл.
Памятники мусульманской эпиграфики Кавказа XI—XV вв.

494. Крачковская В. А. Надгробные надписи из Дманиси.— ЭВ, V, 1951, стр. 21—32 с 4 илл.; 2 л. илл.
Арабские надписи XIII—XIV вв.

495. Лавров Л. И. Раннесредневековый могильник в нагорном Дагестане.— СМАЭ, XIII, 1951, стр. 304—308 с 9 илл.
Кулинский мог-к, относимый автором предположительно к VIII—X вв.

496. Мушегян Е. А. Гехаркуник и его лапидарные надписи. Автореферат диссертации... Ереван, 1951. 15 стр. (Акад. Наук Арм. ССР. Ин-т истории).
Армянские надписи IX—XIV вв.

497. Оганесян К. Л. Зодчий Трдат. Ереван, Акад. Наук Арм. ССР, 1951. 110 стр. с илл.; 1 л. илл. (Упр. по делам архитектуры при Совете министров Арм. ССР). На переплете авт. не указан.
X—XI вв.
Рец.: Якобсон А. Л. Новые труды по истории армянского зодчества.— СК, 1952, стр. 114—120.

498. Рчеулишвили Л. Дворец XVII века в Дзагина.— «VI научная сессия Института истории грузинского искусства (Акад. Наук Груз. ССР) 10—12 мая 1951 г. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, 1951, стр. 16 (на груз. яз.); стр. 26—27 (на рус. яз.)

499. Саламзаде А. В. Архитектура мавзолеев Азербайджана XVI—XIX веков.— ИАН АзССР, 1951, № 3, стр. 63—82. Резюме на азерб. яз.

500. Семенов Л. П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа.— МИА, № 23, 1951, стр. 302—306 с 1 план.
На примере Таргимского храма XII—XIII вв. и других архитектурных памятников средневековья.

501. Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник— памятник хазарской культуры Дагестана.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 113—119 с 3 илл.
VI—X вв.

502. Ткешелашвили Г. И. Вардзия. (Краеведческо-туристический очерк). [2 изд. перераб.] Под ред., с предисл. и доп. Н. Г. Натенадзе. Тбилиси, «Техника да шрома», 1951, 135 стр. с илл.— Библиогр.: стр. 131—133 (41 назв.).
Пещерный город XI—XIII вв.

503. Усейнов М. А. Памятники азербайджанского зодчества. М., Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1951. 164 стр. с илл. (Памятники зодчества народов СССР).— Библиогр.: стр. 158 (30 назв.).
XII—XIX вв.

504. Халпахчьян Л. Х. Архитектурные памятники Ахпата.— В сб.: Архитектура республик Закавказья. М., 1951, стр. 321—355, с 26 илл.
X—XIII вв. Алаверд. р-н Арм. ССР.

505. Цинцадзе В. Один тип позднефеодального грузинского жилого дома — башня в сел. Хеити.— «VI научная сессия Института истории грузинского искусства (Акад. Наук Груз. ССР) 10—12 мая 1951 г. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, 1951, стр. 16—17 (на груз. яз.); стр. 27 (на рус. яз.)
Башня рубежа XVII—XVIII вв.

506. Цицишвили И. Н. Архитектурный комплекс «Монастери».— В сб.: Мимомхилвели, 2. Тбилиси, 1951, стр. 277—299 с 24 илл. На груз. яз. Резюме на рус. яз.
XIII в.

507. Цицишвили И. Н. Архитектурный памятник в поселении Дрианети.— САН ГрузССР, 1951, № 5, стр. 313—320 с 7 илл. — Библиогр.: 5 назв.
VIII—XI вв.

508. Чубинашвили Г. Н. Две реплики X—XI века иконы типа Одигитрии из Мартвили.— «VI научная сессия Института истории грузинского искусства (Акад. Наук Груз. ССР) 10—12 мая 1951 г. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, 1951, стр. 13 (на груз. яз).; стр. 24 (на рус. яз.)

509. Чубинашвили Г., Вирсаладзе Т. Книга о старом грузинском искусстве [Рец. на кн.:] Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства, т. I. М., «Искусство», 1950.— «Искусство», 1951, № 2, стр. 84—92.
См.: Амиранашвили Ш. «Письмо в редакцию» по поводу этой рецензии (№ 479).

510. Шмерлинг Р. Ведущие черты и эволюционная последовательность главных купольных храмов [Грузии] конца XII в. и первой половины XIII в.— «VI научная сессия Института истории грузинского искусства (Акад. Наук Груз. ССР) 10—12 мая 1951 г. План работы и тезисы докладов». Тбилиси. 1951, стр. 14—15 (на груз. яз.); стр. 25 (на рус. яз.).

511. Якобсон А. Л. Новые труды по истории армянского зодчества. [Рец. на кн.:] Арутюнян В. М. и Сафарян С. А. Памятники армянского зодчества. М. 1951; Агабабян Р. Я. Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ереван, 1950; Оганесян К. Л. Зодчий Трдат. Ереван, 1951.— СК, 1952, № 5, стр. 114—120.

V. СРЕДНЯЯ АЗИЯ
(УЗБЕКСКАЯ ССР, КИРГИЗСКАЯ ССР, ТАДЖИКСКАЯ ССР, ТУРКМЕНСКАЯ ССР И СРЕДНЯЯ И ЮЖНАЯ ЧАСТИ КАЗАХСКОЙ ССР)

1. Общие работы

512. Агеева Е. И. Керамика Отрара.— ИАН КазССР, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 98—110 с 8 илл. и 1 табл. Резюме на казах. яз.
Керамика от VII—V вв. до н. э. по XV в. по материалам Южно-Казахстанской археол. экспедиции 1948 г.

513. Агеева Е. И. Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948—49 гг.— ИАН КазССР, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 130—133 с 2 илл.

514. Андреев М. С. О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах. [С примеч. ред.] — ТТаджФАН СССР, т. XXIX, 1951, стр. 75—87. Резюме на тадж. яз.
На основе данных этнографии, фольклора, письменных источников и археологического материала.

515. Бернштам А. Н. Древний Отрар. (Предварительный отчет Южно-Казахстанской археол. экспедиции 1948 г.) — ИАН КазССР, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 81—97 с 10 илл. и 1 л. илл. Резюме на казах. яз.
Памятники с VII—V вв. до н. э. до средневековья.

516. Бернштам А. Н. Древний Тянь-Шань.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 140—144.
Памятники от VII в. до н. э. до X в. н. э. по материалам археологической экспедиции 1949 г.

517. Бернштам А. Н. Некоторые данные к этногенезу туркмен.— СЭ, 1951, № 4, стр. 199—201.
Привлекаются данные археологии.

518. Бернштам А. П. Памиро-Ферганская археолого-этнографическая экспедиция (Археологические работы 1950 г.).— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 46—48.
Памятники с конца II тысячелет. до н. э. по XII в.

519. Вактурская Н. Н. [Рец. на кн.:]. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Государственного Эрмитажа, т. I, М.— Л., АН СССР, 1950 (Материалы и исследования по археологии СССР, № 15).— ВДИ, 1951, № 3, стр. 128—134.

520. Воронец М. Э. Археологическая рекогносцировка 1950 года по Наманганской области.— ИАН УзССР, 1951, № 5, стр. 93—97. Резюме на узбек. яз.
Наскальные изображения I тысячелет. до н. э.— XIX в.; археологические памятники I—XIII вв.

521. Воронина В. Л. К вопросу о древней метрологии в Средней Азии.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 63—68.
Меры длины в постройках Средней Азии до арабского времени.

522. Гинзбург В. В. Древние и современные антропологические типы Средней Азии.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 371—392.— Библиогр.: стр. 391—392.
По археологическим материалам от эпохи палеолита до средневековья.

523. Гулямов Я. Г. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина.— ТИИА АН УзССР, т. IV, 1951, стр. 85—122 с 22 илл.
Обследование памятников разных эпох.

524. Дьяконов М. М. Перспективы археологического изучения Таджикистана.— ТТаджФАН СССР, т. XXIX, 1951, стр. 19—35 с карт. Резюме на тадж. яз.— Библиогр. в подстр. примеч.

525. Дьяконов М. М. [Рец. на кн.:] Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э. История народов Узбекистана. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI века. Под ред. С. П. Толстова, В. Ю. Захидова, Я. Г. Гулямова и Р. Н. Набиева. Ташкент, 1950. 474 стр. (Акад. Наук Уз. ССР. Ин-т истории и археологии). — ВИ, 1951, № 4, стр. 134—141.

526. Ершов С. А. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя.— ИТуркм. ФАН СССР, 1951, № 3, стр. 86—89 с 3 илл.
Описание коллекции, состоящей из вещей от II тысячелет. до н. э. до XIII в.

527. Жуков В. Д. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина.—ТИИА АН УзССР, т. IV, 1951, стр. 41—84 с 28 илл.

Обследование памятников разных эпох.

Кацнельсон И. С. [Рец. на кн.:] Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949. См. № 445.

528. Левин М. Полевые исследования Института этнографии. [Акад. Наук СССР] в 1950 г.— СЭ, 1951, № 2, стр. 219—221.

О работе Хорезмской экспедиции в 1950 г.

529. Мандельштам А. М. Сложение таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье. Автореферат диссертации... М.— Л., 1951, 19 стр. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отд-ние).

По археологическим материалам и письменным источникам.

530. Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Отчет экспедиции 1948 г.— ИАН КазССР, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 3—52 с 32 илл.; 9 л. илл.; 1 карт. Резюме на казах. яз.

Памятники от эпохи неолита до XV в.

531. Мариковский П. И. О памятниках древности Чулакских гор (Сообщение II).— ВАН КазССР, 1951, № 6, стр. 95—100 с 2 илл.

Сооружения из камня, наскальные изображения, надписи. Датировка памятников не дана.

532. Массон М. Е. Итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Туркменистана.— «Тезисы докладов первой сессии Академии Наук Туркменской ССР». Ашхабад, 1951, стр. 5—7.

533. Массон М. Е. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. [Доклад на 1-й сессии Акад. Наук Туркм. ССР].— ИАН ТуркмССР, 1951, № 1, стр. 90—98.

Материалы Археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина. Ташкент, 1951, 124 с. с илл. (Акад. Наук Узбек. ССР. Труды Ин-та истории и археологии, т. IV).

Статьи см. 523, 527, 535.

534. О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана. Стеногр. отчет расшир. заседания Отд-ния гуманитарных наук Акад. Наук Узбек. ССР 21—27 апр. 1949 г. Ташкент, АН УзССР, 1951, 216 стр.

Освещены вопросы древней истории Узбекистана, имеющие теснейшую связь с вопросами археологии.

535. Оболдуева Т. Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина.— ТИИА АН УзССР, т. IV, 1951, стр. 7—40 с 21 илл.

Памятники от эпохи бронзы до средневековья.

536. Патрушева Е. А. Фонды музея истории [народов Узбекистана. Ташкент].— «Труды музея народов Узбекистана», вып. 1, 1951, стр. 9—15.

Стр. 12—13: «Отдел археологии»; «Отдел нумизматики».

537. Сенигова Т. Н. Археологические экспедиции 1950 года.— ВАН КазССР. 1951, № 1, стр. 134—137.

Краткое сообщение о результатах работ Западно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской и Южно-Казахстанской экспедиций.

Синицын И. В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. См. № 84.

538. Сургай В. Т. К истории горного промысла в Киргизии. Фрунзе, 1951, 24 стр. с 8 илл. (Киргиз. филиал Акад. Наук СССР. Геол. ин-т).— Библиогр.: 7 назв.

По данным археологии.

539. Тереножкин А. И. Раскопки на городище Афрасиабе.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 136—140 с 2 илл.

Многослойное городище от рубежа н. э. до XIV в., близ г. Самарканда.

540. Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии.— ТТаджФАН СССР, т. XXIX, 1951, стр. 3—17. Резюме на тадж. яз.

В работе широко привлечены археологические источники.

2. Палеолит и неолит

541. Белослюдов Б. А. и Максимова А. Г. Древнее поселение у курорта «Аул».— ИАН КазССР, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 125—129 с 2 илл. Резюме на казах. яз.

Поселение эпохи неолита.

542. Бунак В. В. Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-таш, Узбекистан.— СМАЭ, XIII, 1951, стр. 417—479 с 33 илл.; 1 л. илл.— Библиогр.: стр. 478—479.
543. Ершов Н. Н. Результаты обследования пещер в окрестностях Куляба [1951 г.].—ДАН ТаджССР, 1951, вып. 1, стр. 48—50.
544. Замятнин С. Н. Разведки пещер в Таджикистане осенью 1943 года.— ТТаджФАН СССР, т. XXIX, 1951, стр. 37—51. Резюме на тадж. яз.
Археологическая разведка палеолитических местонахождений.
545. Сенигова Т. Н. Находка кремня в западных районах чинка Усть-Урта и в Приаральских Кзыл-Кумах [1948 г.].— ИАН КазССР, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 122—124 с 1 илл. Резюме на казах. яз.
Кремневые орудия эпохи конца неолита — начала бронзы.
546. Черников С. С. Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане.— ВАН КазССР, 1951, № 12, стр. 63—70 с 2 илл. Резюме на казах. яз.

3. Эпоха бронзы и железа

547. Бернштам А. Н. Находки у оз. Борового в Казахстане.— СМАЭ, XIII, 1951, стр. 216—229 с 12 илл.
Погребение IV—V вв. н. э.
548. Воронец М. Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии Наук Уз. ССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г.— «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. 1, 1951, стр. 43—73 с 9 илл.
549. Древнейшие памятники парфянского царства (Общее собрание истории и философии Акад. Наук СССР).— ВАН СССР, 1951, № 8, стр. 110—111.
Арамейские надписи конца II в. до н. э. на фрагментах сосудов из городища Старая Ниса.
Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. и Лившиц В. А. Документы из древней Нисы (Дешифровка и анализ). См. № 550.
550. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., Массон М. Е. Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы. М.— Л., Акад. Наук СССР, 1951, 68 стр. с 17 илл. (Акад. Наук Туркм. ССР. Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, вып. 2). Стр. 5—19: Массон М. Е. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса; стр. 21—65: Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. Документы из древней Нисы (Дешифровка и анализ).
Рец.: Бернштам А. Н.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1952, № 2, стр. 203.
551. Зезевкова В. А. Некоторые данные о скелетах из погребальных курганов возле станции Вревская.— Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, 1951, стр. 74—90.— Библиогр.: 11 назв.
Первые вв. н. э. Ташкент. обл.
552. Итина М. А. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии (Хронологическая и географическая классификация). Автореферат диссертации... М., 1951, 16 стр. (Моск. гос. ун-т, ист. фак.).
553. Кабанов С. К. Археологические разведки в Шахрисябзском оазисе.— ИАН УзССР, 1951, № 6, стр. 61—68. Резюме на узбек. яз.
Памятники с середины I тысячелет. до н. э. по V в. н. э.
554. Колпаков А. П. Страница из истории Кабодиана.— СТаджФАН СССР, XXXI, 1951, стр. 83—85.
Город античного времени по раскопкам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1950 г.
Массон М. Е. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса. См. № 550.
555. Массон М. Е. Новое в истории Мерва по данным работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 1946—1950 гг.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 84—87.
Памятники античного периода и средневековые.
556. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва (Из работ ЮТАКЭ).— ВДИ, 1951, № 4, стр. 89—101 с 6 илл.
Мерв парфянского времени (III в. до н. э.— III в. н. э.).

557. Массон М. Е. О северо-восточных пределах парфянского государства.— КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 145—151.
На основе письменных источников и материалов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.

558. Массон М. Е. Уникальный намогильный лицевой памятник долины Ангрена (Кураминский район Узбекской ССР).— ИАН КазССР, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 111—116 с 5 илл. Резюме на казах. яз.
Намогильная стела второй четверти I тысячелет. н. э.

559. Пугаченкова Г. А. Архитектура среднеазиатской античности.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 185—199 с 7 илл.; 2 л. илл.

560. Пугаченкова Г. А. Сосуд из Термеза с вакхической сценой.— ВДИ, 1951, № 1, стр. 128—136 с 4 илл.
Первые вв. н. э.

561. Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 3—18 с 5 илл. и 1 карт.

562. Черников С. С. Восточноказахстанская экспедиция [1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 144—150 с 1 илл. и 1 карт.
Памятники эпохи бронзы и раннего железа.

563. Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана.— СА, XV, 1951, стр. 140—161 с 3 илл.
Анализ бронз позднеандроновского времени конца II тысячелет. до н. э.— II в. до н. э.

564. Черников С. С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г.— ИАН КазССР, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 64—80 с 4 илл.; 6 л. илл. Резюме на казах. яз.
Курганные могильники эпохи бронзы и раннего железа.

4. Средневековые памятники

Агеева Е. И. Керамика Отрара. См. № 512.

565. Бернштам А. Н. Древнетюркский документ из Согда (Предварительное сообщение).— ЭВ, V, 1951, стр. 65—75; 1 л. илл.
VI—VIII вв.

566. Бернштам А. Н. Новый тип тюргешских монет.— «Тюркологический сборник», I, М.— Л., 1951, стр. 68—72; 1 л. илл.
Монета 738—740 гг. из Семиречья.

567. Бернштам А. Н. Постройка Чалдывар на реке Манакельды в Центральном Тянь-Шане.— В сб.: Архитектура республик Средней Азии. М., 1951, стр. 241—250 с 5 илл.
Военно-торговая фактория VII—VIII вв.

568. Воронина В. Л. Об узбекских банях.— СЭ, 1951, № 1, стр. 114—137 с илл. и план.
Этнографическая работа с привлечением археологического материала из городищ Афрасиаба, Тараза и Новой Нисы.

569. Вязигин С. А. Византийский солид V века с городища Новая Ниса.—ИТуркмФАН СССР, 1951, № 3, стр. 90—91 с 1 илл.— Библиогр.: 5 назв.

570. Галеркина О. И. Материальная культура Средней Азии и Хорасана XV—XVI вв. по данным миниатюр ленинградских собраний. Автореферат диссертации... М.— Л., 1951. 19 стр. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отд-ние).

571. Давидович Е. А. Две денежные реформы в государстве шейбанидов.— ТСГУ, нов. сер., вып. XXII. Гуманитар. науки, кн. 4, 1951, стр. 105—141 с 7 илл.
Факты экономической истории Средней Азии XVI века устанавливаются на основе данных нумизматики.

572. Джаханги ров В. А. и Засыпкин Б. Н. Исследование мавзолея, приписываемого астроному Казы-заде Руми.— В сб.: Архитектура республик Средней Азии. М., 1951, стр. 215—228 с 10 илл.
Мавзолей нач. XV в. Самарканд.

573. Дьяконов М. М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии.— КСИИМК, XL, 1951, стр. 34—44 с 2 илл.
По росписям храмов древнего Панджикента VII—VIII вв.

574. Жирмунский В. М. Следы огузов в низовьях Сыр-Дарьи.— «Тюркологический сборник», I, 1951, стр. 93—102; 1 л. илл.
По данным фольклора и археологии.

575. Из письма Е. К. Бетгера по поводу кайраков из Киргизии.— ЭВ, V, 1951, стр. 134—135.
Выдержки из письма Е. К. Бетгера в редакцию «Эпиграфики Востока» по поводу статьи М. М. Дьяконова «Несколько надписей на кайраках из Киргизии» (Эпиграфика Востока, II, 1948, стр. 9—15).

576. Кызласов Л. Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. Из работ Центр.-Казахст. археологической экспедиции в 1948 г.— ИАН КазССР, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 53—63 с 7 илл. Резюме на казах. яз.

577. Литвинский Б. А. Средневековые поселения области Нисы (севернее Копет-Дага) в IX—XV вв. Автореферат диссертации... Ташкент, 1951, 13 стр.

578. Массон В. М. Городище Ханабад.—«Сборник студенч. работ Среднеаз. гос. ун-та», вып. III (Гуманитар. науки), 1951, стр. 73—81.— Библиогр.: стр. 86—87.
VI—XVII вв.

579. Массон В. М. Из истории древнего Согда.— «Сборник студенч. работ Среднеаз. гос. ун-та», вып. III (Гуманитар. науки), 1951, стр. 59—71.— Библиогр.: стр. 69—71.
На основе данных письменных источников и археологии.

580. Массон В. М. Развалины Генугирда. К истории городской жизни Мервского оазиса.— ИАН ТуркмССР, 1951, № 3, стр. 11—16.— Библиогр.: 16 назв.
V—VIII вв.— XIV в. н. э.

581. Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики.— ТСГУ, нов. сер., вып. XXIII. Гуманитар. науки, кн. 4, 1951, стр. 91—104.
Массон М. Е. Новое в истории Мерва... См. № 555.

582. Мендикулов М. М. Памятники архитектуры Казахстана с коническими или пирамидальными куполами.— В сб.: Архитектура республик Средней Азии. М., 1951, стр. 229—240 с 16 илл.
От XI до XIX вв.

583. Михайлова А. И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в.— ЭВ, V, 1951, стр. 10—20.

584. Нуров Г. Г. [Рец. на кн.:] Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950, 144 стр. с илл.; 2 л. илл. (Памятники архитектуры народов СССР).— СК, 1951, № 4, стр. 106—109 с 1 илл.

585. Нуров Г. и Батаханова А. Правда о «Гумбезе Манаса». [Рец. на кн.:] Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., 1950.— «Сов. Киргизия», 6. I. 1951.

586. Прибыткова А. М. Мавзолей Абуль-Фазля в Серахсе.— В кн.: Архитектура республик Средней Азии. М., 1951, стр. 282—302 с 23 илл.
XI—XII вв.

587. Пугаченкова Г. А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и тимуридов.— ТСГУ, нов. сер., вып. XXIII. Гуманитар. науки, кн. 4, 1951, стр. 143—168 с 7 илл.

588. Розенфельд А. З. Qal'a (kala) — тип укрепленного иранского поселения.— СЭ, 1951, № 1, стр. 22—38 с 8 илл.
Рассматривая современный тип поселения Средней Азии, автор привлекает данные раскопок древних поселений в Хорезме, Согдиане, Семиречье и Фергане.

589. Семенов А. А. К вопросу о датировке Рабат-и-Малика в Бухаре.— ТСГУ, нов. сер., вып. XXIII. Гуманитар. науки, кн. 4, 1951, стр. 21—27.
Автор берет под сомнение принятую в науке дату построения памятника — 471 г. х. (1078—1079 гг.), считая ее недоказанной.

590. Смирнова О. И. Согдийские монеты собрания Нумизматического отдела Гос. Эрмитажа.— ЭВ, IV, 1951, стр. 3—23; 1 л. илл.
VII — VIII вв.

591. Спришевский В. И. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека.— «Труды музея истории народов Узбекистана», вып. 1, 1951, стр. 33—42 с 4 илл.

592. Томаев Г. Н. Резная майоликовая мозаика в архитектуре Средней Азии XIV—XV вв. М., Гос изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1951, 120 стр. с илл.; 4 л. илл.

593. Якубовский А. Ю. Древний Пянджикент. (Итоги четырехлетних работ 1947—1950 гг. Согдийско-таджикской археологической экспедиции.)— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 42—45.
VI—VIII вв. н. э.

594. Яралов Ю. Новые книги по архитектуре Киргизии. [Рец. на кн.:] 1. Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.— Л., Акад. Наук СССР, 1950. 2. Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. «Гумбез Манаса». М., Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950.— САрх., 1951, № 1, стр. 111—113.

VI. СИБИРЬ, СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

1. Общие работы

595. Алябьева Л. А. О работе института. [Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. 1944—1950 гг.] — ЗХИЯЛИ, вып. 2, 1951, стр. 135—150.
Стр. 140 и 144—145: Об археологических экспедициях Института.

596. Гаврилова А. А. Кудыргэ (исследование могильника в связи с историей Алтая VI—XIV вв.) Автореферат диссертации... М.— Л., 1951, 16 стр. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отд-ние).

597. Грязнов М. П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка (Раскопки Северно-Алтайской экспедиции в 1949 г.).— КСИИМК, XL, 1951, стр. 105—113 с 2 стр. илл.
Раскопки в Ближних Елбанах. Памятники от эпохи бронзы до XVI—XVII вв.

598. Грязнов М. П. Итоги трехлетних работ на верхней Оби.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 52—54.
Раскопки в Ближних Елбанах.

599. Евтюхова Л. А. К вопросу о писаницах Алтая.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 189—190.
VII в. до н. э.— IX в. н. э.

600. Ионова О. В. К вопросу об изучении материальной культуры якутского народа.— «Ученые записки (Ин-т языка, лит-ры, ист. и искусств Якут. филиала Акад. Наук СССР).» Якутск, 1951, стр. 89—97.

601. История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, Бур.-монг. гос. изд-во, 1951, 574 стр. с илл.; 2 л. карт. (Бурят-Монг. науч.-исслед. ин-т культуры).
Гл. II. «Эпоха первобытно-общинного строя на территории Бурят-Монголии», гл. III «Прибайкалье и Забайкалье в эпоху древних и средневековых государств Центральной Азии» и гл. IV «Происхождение бурят-монгольского народа» построены на археологических данных.
Рец.: 1. Потапов Л.— СЭ, 1952, № 3, стр. 229—236; 2. Степанов Н. Н.— ВИ, 1952, № 4, стр. 108—113; 3. «Вост. Сиб. Правда», 6. VII. 1951; 4. Обсуждение первого тома Истории Бурят-Монгольской АССР.— «Бурят-Монг. Правда», 6. VII. 1951.

602. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири [Изд. 2, перераб. и доп.] М., 1951, 643 стр. с 63 табл. илл. и карт., из них 5 на отд. л. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).— Библиогр.: в подстр. примеч.
Первое издание 1949 г. удостоено Сталинской премии в 1950 г.
Памятники от эпохи неолита до X в.
Рец.: Мартынов Н. Замечательная книга по древней истории Южной Сибири.— «Сов. Хакассия» 1. VII. 1951.
Рец. на 1 изд. 1949 г.: 1. Арциховский А. В.— ВИ, 1949, № 7, стр. 132—134; 2. Бахрушин С.— НМ, 1950, № 4, стр. 283—285; 3. Бернштам А. Н.— ВЛУ, 1950, № 4, стр. 164—168; 4. Бущик Л. П.— ПИШ, 1951, № 2, стр. 96—99; 5. Воронин Н. Н.— Огонек, 1950, № 6, стр. 23; 6. Кибиров А.— «Сов. Киргизия», 8. IV. 1950; 7. Лунин Б. В.— ИАН УзССР, 1949, № 5, стр. 121—126; 8. Монгайт, А. Л.— ВАН СССР, 1949, № 10, стр. 115—119; 9. Рыбаков Б. А.— «Лит. газета», 22.II. 1950; 10. Смирнов А. П.— СК, 1950, № 3, стр. 61—64; 11. Токарев С. А.— СЭ, 1950, № 3, стр. 210—214; 12. Федоров Г.— ВИ, 1949, № 7, стр. 134—140.

603. Киселев С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, Хакгиз, 1951, 92 стр. (Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, лит-ры и истории).
От палеолита до X в.

604. Киселев С. В. [Рец. на кн.:] Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 107—109.

605. Левин М. Г. Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии.— ТИЭ, т. XVI, 1951, с. 469—496.— Библиогр.: стр. 493—496.
В эпоху палеолита, неолита, бронзы и железа.

606. Минорский А. И. Древние наскальные рисунки горного Алтая.— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 184—188 с 3 илл.

607. Николаев С. Памятники и памятные места в Приморье (Краткое описание и история). Владивосток, Прим. издат., 1951, 88 стр.; 6 л. илл.
В гл. «Древние памятники в Приморье» (стр. 79—86) дано краткое описание археологических памятников края.
608. Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии.— ИАН СССР, сер. ист. и филос., 1951, № 5, стр. 440—450 с 1 илл.; 3 л. илл.
Памятники от эпохи палеолита до XVII в.
609. Окладников А. П. Древние поселения в пади Большой Дурал на Амуре.— СА, XV, 1951, стр. 299—301 с 2 илл.
Многослойный памятник: эпоха неолита, I тысячелет. н. э., XII в.
610. Окладников А. П. Итоги работ Бурят-Монгольской экспедиции за 1947—1950 гг.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 г.» М., 1951, стр. 55—56.
Памятники от эпохи палеолита до XVII в.
611. Окладников А. П. Происхождение якутского народа.— ИВГО, 1951, т. 83, вып. 4, стр. 341—352. — Библиогр.: 9 назв.
По данным языка, фольклора, древних надписей и наскальных изображений.
612. Окладников А. П. Прошлое северных народов в освещении советской археологии.— «Доклады на второй научной сессии [Якут. филиала Акад. Наук СССР]». 1. История и филология. Якутск, 1951, стр. 3—17.
От эпохи неолита до современности.
613. Рыгдылон Э. Р. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея.— ЭВ, V, 1951, стр. 113—120 с 3 илл.; 1 л. илл.
Надписи IV—XIV вв. Тувин. авт. обл.
614. Т. Г. Научная работа исторических кафедр Томского педагогического института в 1950 году.— ВИ, 1951, № 5, стр. 140.
Об археологических работах Ин-та.
615. Токарев С. А. [Рец. на кн.:] Окладников А. П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Под ред. чл.-корр. Акад. Наук СССР С. В. Бахрушина. Якутск, 1949 (История Якутии, т. 1).—ВДИ, 1951, № 2, стр. 150—155.
616. Чернецов В. Н. и Мошинская В. И. Городище Большой лог.— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 78—87 с 6 илл.
Городище многослойное: поздняя бронза (рубеж II—I тысячелет. до н. э.); I в. до н. э.— III в. н. э.; XII—XVI вв. Омск. обл.
617. Чернов Г. А. Археологические находки на реке Щучьей.— КСИИМК, XL, 1951, стр. 96—104 с 3 илл. и 1 карт.
Памятники со II тысячелет. до н. э.— по XIX в.

2. Палеолит и неолит

618. Брюсов А. Я. [Рец. на кн.:] Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.— Л., АН СССР, 1950 (Материалы и исследования по археологии СССР, № 18).— ВДИ, 1951, № 4, стр. 155—161.
619. Дебец Г. Ф. Антропологические исследования Камчатской области. М., 1951. 264 стр. (Акад. Наук СССР. Труды Ин-та этнографии, нов. сер., т. XVII; Труды Северо-Восточной экспедиции, I).
В работе ставятся вопросы этногенеза народов Восточной Сибири на основе сравнения краниологических данных современных народов и населения эпохи неолита Прибайкалья.
620. Окладников А. П. Каменные орудия с острова Фаддея. («Арктический палеолит» у берегов Таймыра).— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 76—80 с 2 илл. и 1 карт.
621. Рыгдылон Э. Р. Новые находки четвертичной фауны на Енисее.— БКИЧП, № 16, 1951, стр. 75—77.— Библиогр.: стр. 77.
622. Рюмин А. К. Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на р. Ангаре.— СА, XV, 1951, стр. 273—280 с 4 илл.

3. Эпоха бронзы и железа

623. Аранчын Ю. Л. Сайгынская плита с древнетюркской надписью.— ЭВ, V, 1951, стр. 76—77.
Тувинск. авт. обл.
624. Бернштам А. Н. Древнетюркское письмо на р. Лене.— ЭВ, IV, 1951, стр. 76—86 с 1 илл. и 1 схем.
Рунические надписи VI—IX вв.

Брюсов А. Я. [Рец. на кн.:] Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. См. № 618.

625. Давыдова А. В. и Шилов В. П. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 году.— ЗБМИК, XIII, 1951, стр. 71—100.— (Продолж. следует).

Городище середины I тысячелет. н. э. Бурят-Монг. АССР.

Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение. См. № 225.

626. Кызласов Л. Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай).— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 50—55 с 3 илл.

Плеть VI—VIII в. из Курайского могильника.

627. Окладников А. П. Конь и знамя на ленских писаницах.—«Тюркологический сборник», I, М.— Л., 1951, стр. 143—154 с 1 илл.; 1 л. илл.

628. Руденко С. И. Башадарские курганы.— «Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры Акад. Наук СССР, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., 1951, стр. 49—51.

Курганы V—IV вв. до н. э. на Алтае.

629. Руденко С. И. Пятый Пазырыкский курган. [Раскопки 1949 г.].— КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 106—116 с 3 илл.

V—IV вв. до н. э. Алтай.

Руденко С. И. Сокровища Пазырыкских курганов. См. № 694.

630. Рыгдылон Э. Р. Новые руничеcкие надписи Минусинского края.— ЭВ, IV, 1951, стр. 87—93; 2 л. илл.

Сальников К. В. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. См. № 227.

Сальников К. В. Бронзовый век южного Зауралья. См. № 228.

631. Скалон В. Н. и Хороших П. П. Об оленных писаницах Северной Азии.—КСИИМК, XXIX, 1951, стр. 53—62 с 4 илл. Библиогр. в подстр. примеч.

Писаницы эпохи бронзы и железа.

632 Тугутов Р. Ф. Наскальные изображения в Кяхтинском аймаке.— ЗБМИК, XII, 1951, стр. 109—114.

Автор датирует изображения временем от эпохи бронзы до VIII в.

Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. См. № 561.

633. Хороших П. П. Наскальные рисунки на горе Манхай II. (Кудинские степи).— КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 191—195 с 3 илл.

634. Щерба Г. Н. Археологические находки на Южном Алтае в 1949 г.— ИАН КазССР, сер. археол., вып. 3, 1951, стр. 117—121 с 1 илл. Резюме на казах. яз.,

Каменные и бронзовые орудия VIII—II вв. до н. э., найденные на месте древних рудных выработок.

635. Щерба Г. Н. Курганные поля в долине Курчума.— ВАН КазССР, 1951, № 1, стр. 128—133 с 2 схем.: 3 л. план.— Библиогр.: 5 назв.

VII в. до н. э.— VIII в. н. э.

4. Средневековые памятники

636. Иваньев Л. Н. Древности села Чугуевки в Приморском крае.— СА, XV, 1951, стр. 296—298, с 1 илл.

Развалины крепости, находка китайской монеты XII в.

637. Рыгдылон Э. Р. Монгольские надписи на Енисее.— ЭВ, IV, 1951, стр. 94—101 с 6 илл.

638. Стратанович Г. Г. Китайская чаша из урочища Большой Дурал.— СА, XV, 1951, стр. 302—307 с 2 илл.

XI—XIII вв.

VII. РАБОТЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Артамонов М. И. Венеды и лужицкая культура. См. № 141.

639. Бернштейн С. Б. Новое о языке минойских надписей. (По поводу работ проф. Вл. Георгиева).— ИАН СССР, отд. лит-ры и языка, 1951, вып. 2, стр. 198—200.

640. Блаватский В. Д. Пустотелый керамический цилиндр.— КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 132—134 с 2 илл.

Цилиндр из собрания Гос. музея изобр. искусств им. А. С. Пушкина, найденный в Риме.

641. Бунак В. В. Краниологические типы западноевропейского неолита в сравнении с более древними.— КСИЭ, вып. XIII, 1951, стр. 38—46.

642. Бунак В. В. и Токарев С. А. Проблемы заселения Австралии и Океании.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 497—522.— Библиогр.: 31 назв.
643. Винников И. Н. Вновь найденные финикийские надписи.— ЭВ, V, 1951, стр. 121—133 с 1 илл.; 1 л. илл.
644. Гюзальян Л. Т. Отрывок из Шахнамэ на глиняных изделиях XIII—XIV вв. I.— ЭВ, IV, 1951, стр. 40—55 с 3 илл.; 3 л. илл.
645. Гюзальян Л. Т. Отрывок из Шахнамэ на глиняных изделиях XIII—XIV вв. II.—ЭВ, V, 1951, стр. 33—50.
646. Дебец Г. Ф. Антропологические данные о заселении Африки.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 393—408.— Библиогр.: 22 назв.
В эпоху палеолита и мезолита.
647. Дебец Г. Ф. Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 355—370.— Библиогр.: 28 назв.
В эпоху палеолита.
648. Дебец Г. Ф. Происхождение коренного населения Америки.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 523—538.— Библиогр.: 14 назв.
По данным археологии, лингвистики, этнографии и антропологии.
649. Дебец Г. Ф., Трофимова Т. А. и Чебоксаров Н. Н. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 409—468.— Библиогр.: стр. 465—468.
Заселение Европы в эпоху палеолита, мезолита, неолита, бронзового и железного века.
650. Древняя история и археология в странах народной демократии.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 3—14.
651. Златковская Т. Д. Мёзия в I и II веках нашей эры. (К истории Нижнего Дуная в римское время). М., 1951, 136 стр. с илл.; 2 л. илл. и карт. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории. Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова, вып. 2).
Привлекаются данные археологии.
Рец.: 1. Кругликова И. Т.— ВДИ, 1952, № 3, стр. 92—95; 2. Коциевский А. С.— ВДИ, 1952, № 3, стр. 96—100.
Зограф А. Н. Античные монеты. См. № 184.
652. Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос. IX—VII вв. до н. э.). Отв. ред. И. М. Тронский, Л., 1951, 340 стр. с илл.; 1 л. схем. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
Привлекаются данные археологии.
653. Крачковский И. Ю. К истории «Корпуса семитических надписей» и «Репертуара семитической эпиграфики».— ЭВ, IV, 1951, стр. 117—118.
Об изданиях Парижской Академии надписей и изящной литературы.
654. Крушкол Ю. С. [Рец. на кн.:] Пендлбери Дж. Археология Крита. Пер. с англ. Я. М. Боровского. Общ. ред. и предисл. акад В. В. Струве. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 148—151.
655. Кузнецов А. В. Тектоника и конструкция центрических зданий. I (От античного мира по итальянское Возрождение). М., Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1951, 275 стр. с 205 илл.
656. Лазарев В. Н. Новые памятники византийской живописи XIV века.— ВВ, т. IV, 1951, стр. 122—131; 5 л. илл.
Иконы из серпуховского Высоцкого монастыря, хранящиеся в собраниях Гос. Третьяковской галлереи.
657. Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н. Древнее расселение человечества в восточной и юго-восточной Азии.— ТИЭ, т. XVI, 1951, стр. 325—354.—Библиогр.: стр. 352—354.
В эпоху палеолита и неолита.
658. Левченко М. В., Удальцова З. В., Недошивин Г. А., Мацулевич Л. А., Византия. V. Изобразительные искусства и архитектура.— БСЭ, изд. 2, т. 8, [М., 1951], стр. 43—47 с 11 илл.; 1 л. илл.
659. Лосева И. М. Вавилонское искусство.— БСЭ, изд. 2, т. 6, [М., 1951], стр. 492—495 с 8 илл.; 1 л. илл.
660. Лурье И. М. Древнеегипетская плита с дарственной на землю.— ЭВ, V, 1951, стр. 95—109 с 1 илл.; 1 л. илл.
Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. См. № 581.
661. Матье М. и Ляпунова К. Художественные ткани Коптского Египта. М.— Л., «Искусство», 1951, 232 стр. с 23 илл.; 25 л. илл.— Библиогр.: стр. 231.
662. Окладников А. П. [Рец. на кн.:] Maringer, Iohn. Contribution to the Prehistory of Mongolia. (Publication 34. VII. Archaeology). Stokholm, 1950, 216 стр., 52 рис. в тексте, 40 табл., 2 карт.—ВДИ, 1951, № 4, стр. 162—174 с 5 илл.

663. Павлов В. В. Египетский фаянсовый сосуд № 3612 из ГМИИ им. А. С. Пушкина.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 126—131 с 2 илл.; 1 л. илл.
664. Пузис Г. В. [Рец. на кн.:] Архитектура древней Греции. Под общ. ред. В. Д. Блаватского, В. Ф. Маркузона, Б. П. Михайлова [и др.] М., Акад. архитект. СССР, 1949.— ВДИ, 1951, № 3, стр. 181—186.
665. Семенов А. А. Персидский судок XVII в. для пряностей.— ЭВ, V, 1951, стр. 58—60; 1 л. илл.
666. Ходжаш С. И. Египетские расписные полихромные сосуды (Из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина).— ВДИ, 1951, № 1, стр. 136—142 с 5 илл.
667. Шульц Ю. Два золотых медальона Констанция II.— ВДИ, 1951, № 1, стр. 156—158; 1 л. илл.
Из коллекций отдела нумизматики Гос. музея изобр. искусств им. А. С. Пушкина в Москве.

VIII. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

668. Алексеева Н. Новгород-Скифский.— ВС, 1951, № 2, стр. 41—43.
Раскопки скифского города III в. до н. э.— IV в. н. э. близ г. Симферополя.
669. Андреев Н. В. О чем рассказывают курганы. [Смоленск], Смол. обл. гос. изд-во, 1951, 127 стр. с илл.
Раскопки Гнездовских курганов IX—XI вв.
670. Бернштам А. Н. Древняя Фергана (Научно-популярный очерк). Ташкент, Изд-во Акад. Наук УзССР, 1951, 48 стр. (Акад. Наук УзССР. Ин-т истории и археологии).— Библиогр.: стр. 44—45 (25 назв.).
Историко-археологический очерк Ферганы с VI в. до н. э. по XV в.
671. Бершадский Р. Новое о древнем.— «Лит. газета», 11. IX. 1951.
Археологические работы в СССР в 1946—1951 гг.
672. Борисов Е. Днестр — славянская река.— «Огонек», 1951, № 52, стр. 25.
О раскопках древних славянских поселений Славяно-Днестровской экспедицией ИИМК.
673. Брагин Э. Вглубь веков.— «Огонек», 1952, № 5, стр. 30.
О работе Камской археол. экспедиции Молот. гос. ун-та.
674. Ляпунов Б. Необычные портреты.— ЗС, 1951, № 7, стр. 17—20.
Работа антрополога М. М. Герасимова над проблемами реконструкции лица по черепу.
675. Ляпунов Б. Рождение новой науки.— «Звезда», 1951, № 10, стр. 141—150.
О работах М. М. Герасимова в области скульптурной реконструкции лица по черепу.
676. Меликишвили Г. Урарту. Научн.-попул. очерк из истории предков грузинского народа. Тбилиси, Детюниздат, 1951, 151 стр. с илл.; 1 л. карт. На груз. яз.
677. Монгайт А. Л. Древнерусская техника обработки металлов.— НиЖ, 1951, № 6, стр. 37—38 с 6 илл.
678. Никольский В. К. Детство человечества. 2 изд. испр. и доп. Казань, Татгосиздат, 1951, 192 стр. с илл. на татар. яз.
То же. Вильнюс, 1951. На литов. яз.
679. Окладников А. П. Раскопки на Севере.— В сб.: По следам древних культур. М., 1951, стр. 11—46 с 11 илл.; 1 л. цв. илл.
Памятники эпохи палеолита, неолита, бронзы и железа Сибири.
680. Пассек Т. С. Первые земледельцы.— В сб.: По следам древних культур. М., 1951, стр. 47—70 с 16 илл.; 1 л. илл.
Трипольская культура III—II тысячелет. до н. э.
681. Пиотровский Б. Б. Урарту.— В сб.: По следам древних культур. М., 1951, стр. 71—112 с 1 илл.; 7 л. илл.
682. Плисецкий М. С. Наука и религия о происхождении человека. Попул. лекция. Казань, Татгосиздат, 1951. 40 стр. с илл. (Всесоюз. о-во по распространению полит. и научн. знаний. Колхоз. сер). На татар. яз.
То же. Саранск, 1951. На мордов-мокша яз.
То же. Саранск, 1951. На мордов-эрзя яз.
То же. Минск, 1951. На белорус. яз.
То же. Таллин, 1951. На эстон. яз.
То же. Кишинев, 1951. На молдав. яз.
То же. Вильнюс, 1951. На польск. яз.
То же. Рига, 1951. На латыш. яз.
683. По следам древних культур. [Сборник под ред. Г. Б. Федорова] [М.], Гос. изд-во культ.-просвет. лит-ры, 1951, 272 стр. с илл.; 30 л. илл.
См. №№ 679—681, 685, 689, 694, 695.
Рец.: 1 Николаев, К.— «Учител. газ.», 19.III. 1952; 2. Соловьев М. Достижения

советских археологов.— НМ, 1952, № 3, стр. 278—281.

684. Рабинович М. Г. Раскопки в Зарядье.— НиЖ, 1951, № 8, стр. 33—36 с 11 илл.

685. Руденко С. И. Сокровища Пазырыкских курганов— В сб.: По следам древних культур. М., 1951, стр. 113—142 с 12 илл.; 2 л. илл.; 2 л. цв. илл.
Курганы V—IV вв. до н. э. на Алтае.

686. Славин Л. М. Древний город Ольвия. 1951. 96 стр. с илл. (Акад. Наук Укр. ССР. Совет науч.-техн. пропаганды).— Библиогр.: стр. 96.

687. Соловьева Н. В древней Варахше.— «Огонек», 1951, № 4, стр. 28.
Городище IV—XI вв. Узбек. ССР.

688. Тарков П. Н. [Рец. на кн.:] Никольский В. К. Детство человечества. М., Госкультпросветиздат, 1950.— ВДИ, 1951, № 1, стр. 187—189.

689. Толстов С. П. Древний Хорезм.— В сб.: По следам древних культур. М., 1951, стр. 169—208; 4 л. илл.; 1 л. цв. илл.

690. Третьяков П. О происхождении славян.— «Славяне», 1952, № 7, стр. 26—32.

691. Формозов А. А. Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане. [Рец. на кн.:] Рогинская А. Зараут-сай (Записки художника). М.— Л., Детгиз, 1950.— СЭ, 1951, № 3, стр. 213—216.

692. Штамбок А. В руинах Неаполя Скифского.— ЗС, 1951, № 8, стр. 15—18 с илл.

693. Шульц П. Земля открывает тысячелетние тайны.— «Огонек», 1951, № 3, стр. 28.
Открытие памятников славянской культуры в Крыму.

694. Шульц П. Н. и Головкина В. А. Неаполь-Скифский.— В сб.: По следам древних культур. М., 1951, стр. 143—168 с 8 илл.; 5 л. илл.

695. Якубовский А. Ю. Древний Пянджикент.— В сб.: По следам древних культур. М., 1951, стр. 209—270 с 4 илл.; 3 л. илл.; 3 л. цв. илл.
VI—VIII вв. н. э. Таджик. ССР.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ К СПИСКУ «СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1951 г.»

БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВАА УРСР — Вісник Академії архітектури УРСР
ВАН КазССР — Вестник Академии Наук Казахской ССР
ВАН СССР — Вестник Академии Наук СССР
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЛУ — Вестник Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова
ВС — Вокруг света
ВЯ — Вопросы языкознания
ДАН АзССР — Доклады Академии Наук Азербайджанской ССР
ДАН ТаджССР — Доклады Академии Наук Таджикской ССР
ЗБМИК — Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры
ЗС — Знание — сила
ЗХИЯЛИ — Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ИАН АзССР — Известия Академии Наук Азербайджанской ССР
ИАН АрмССР — Известия Академии Наук Армянской ССР
ИАН КазССР — Известия Академии Наук Казахской ССР
ИАН ЛатвССР — Известия Академии Наук Латвийской ССР
ИАН СССР — Известия Академии Наук СССР
ИАН ТуркмССР — Известия Академии Наук Туркменской ССР
ИАН УзССР — Известия Академии Наук Узбекской ССР
ИКФФАН СССР — Известия Карело-Финского филиала Академии Наук СССР
ИКрымОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР
ИТуркмФАН СССР — Известия Туркменского филиала Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НиЖ — Наука и жизнь
НМ — Новый мир
ПИШ — Преподавание истории в школе

СА — Советская археология
САН ГрузССР — Сообщения Академии Наук Грузинской ССР
САрх — Советская архитектура
СИИИ — Сообщения Института истории искусств
СК — Советская книга
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии (Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая)
СТаджФАН СССР — Сообщения Таджикского филиала Академии Наук СССР
СЭ — Советская этнография
ТАИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории Академии Наук Грузинской ССР
ТИИАН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР
ТИИФАН АзССР — Труды Института истории и философии Академии Наук Азербайджанской ССР
ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы (Институт русской литературы)
ТСГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
ТТаджФАН СССР — Труды Таджикского филиала Академии Наук СССР
УЗИИ Литвы — Ученые записки Института истории Литвы
УЗКазГУ — Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина
УЗСтаврГПИ — Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института
ЭВ — Эпиграфика Востока

УКАЗАТЕЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И АВТОРОВ, УПОМИНАЕМЫХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЗА 1951 г.[1]

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Абакано-Перевозинская надпись 637
Абаканская Управа, мог-к 602
Абаканский мог-к 602
Абашевская культура 85, 86, 224
Авдеевская стоянка 109, 110, 119
Авдеевское селище 235
Агабаево, стоянка 86
Агачкалинский мог-к и пос-ние 417, 501
Агубековское пос-ние 408
Айтодорское гор-ще 169
Акали, стоянка 140
Алакуль, мог-к 228
Аламышик, ур., мог-к 516
Алексеевка, мог-к 228
Алексеевское пос-ние 228
Алт-лаари, гор-ще 249
Апатур, древний город 202
Амвросиевка, местонахожд. и стоянка 109, 110, 111, 112
Ананьинская культура 85, 86, 91, 218, 220, 221, 226
Ананьинский мог-к 91
Анасеули, мастерская 402
Андреевские, I и II, стоянки 222, 228
Андроновская культура 91, 225, 228, 561, 597, 598, 602
Андроновский мог-к 602
Антиохия Маргеланская — см. Мерв
Арин-берд 457
Армеевский мог-к 256
Арцыбашево, мог-к 248
Арчадзор, с., курганы 449
Асва, пос-ние 219
Аскызский мог-к 602
Асоте, гор-ще 96
Аул, курорт, стоянка 541
Афанасьевская культура 602, 603
Афонтова гора, стоянки 602, 603, 605
Афрасиаб, гор-ще 539, 540
Ахалстинское пос-ние 470
Ахмахи, с., курганы 449
Ахриси, пос., погребение 451
Аширабадское местонахождение 422
Ашна-Пандо, гор-ще 230, 257
Бабин I, стоянка 109, 110
Базаиха, стоянка 602
Байтал-Чешкан, мог-к 414
Бакланское, пос-ние и мог-к 228
Баллукая, с., курганы 449
Барвинская гора, стоянка 109, 110
Барминское пос-ние 228
Батеневский мог-к 602
Баты, с., мог-к 564
Башадарские курганы 628
Беахни-Куп, мог-к 446
Бегазы, горы, курганы 576
Бейский мог-к 602
Бектяшка, с., местонахожд. 86
Белая Вежа — см. Саркел
Белая гора, местонахожд. 67
Белогрудовское пос-ние 159
Белоозеро, древний город 71, 303
Березовская стоянка 608, 610
Березовский мог-к 85
Березовское селище 229
Берельский мог-к 602
Бийск, г., стоянки в окрестн. 602
Бирюсинские стоянки 602, 603
Ближние Елбаны, пос-ние и мог-к 597, 598
Бобровское пос-ние 228
Богородское гор-ще 66, 218, 220, 232
Большая Лепетиха, гор-ще 143
Большеземельская тундра, пам-ки 136, 137, 233
Больше-Караболкский мог-к 228
Большие Отары, стоянки 86
Большой Дурал, пос-ния 609, 638
Большой Лог, гор-ще 616
Большой Ферганский канал им. И. В. Сталина, пам-ки на строительстве 523, 527, 535
Бор I, III, стоянки 69
Боргустанский клад 437
Борковский мог-к 256
Боровое, мог-к 228
Боровое оз., стоянки 67, 69, 104
Боровое оз. (Казахстан), погребение 547

[1] В указателях цифры обозначают номера по помещенному выше списку «Советской археологической литературы за 1951 г.»

Боршево, стоянки 109, 110
Бугорок — см. Пушкари
Буд, с., мог-к 246
Бузуновская стоянка 602
Булгары — см. Великие Булгары
Барановская пещера, местонахожд. 103
Буринское пос-ние 228
Быковская стоянка 105, 125
Быстрянский мог-к 602
Бычок, стоянка 221

Вагина, мог-к 228
Валма, стоянка 140
Ванькина шишка, мог-к 228
Варахша, гор-ще 687
Варбола, гор-ще 249
Вардзиа, пещерный город 488, 502
Васюковский мог-к 85
Великие Булгары, (Болгары) гор-ще 85, 86, 287, 314, 368, 369, 388
Вильянди, гор-ще 249
Виницкий клад 371
Владимировка, стоянка и поселение 109, 110, 138
Воже, оз., стоянки 115
Вой-Наволок, стоянки 122
Волчанское гор-ще 252
Вороний Куст, стоянка 85
Вороновица, стоянка 109, 110
Ворскла, р., пам-ки в басс. 246
Вревский мог-к 548, 551
Вшивая тоня, стоянка 115
Вщиж, древний город 363, 364

Гавердовский клад 318
Гагарино, стоянка 109, 110
Галиатский мог-к 446
Галущенское гор-ще — см. Пастерское гор-ще
Ганли-тапа — см. Арин-берд
Гарни, крепость и некрополь 399, 428, 429, 432, 452
Гвоздев, хут., сел-ще 246
Генугирд, древний город — см. Кельте-Мейнара, гор-ще
Гехаркуник, надписи 496
Гиляч, р. гор-ще и мог-ки 413, 414
Глазковского типа пам-ки 602
Гляденовское костище 91
Гнездовский мог-к 265, 669
Гомольша, гор-ще 252
Гонцы, стоянка 109, 110
Горбуновский торфяник 68, 113, 114, 116, 222, 223
Горгиппия, древний город 163, 166
Городецкая культура 86, 231
Городница, стоянка 109, 110
Грачевка, гор-ще 240, 241
Грашковское гор-ще 246
Гремячий ключ, стоянки 603
Гродно, древний город 71, 292, 308
Грушпа, мог-ки 228
Гулькин мыс, ур., стоянка и мог-к 85
Гуронта, мог-к 446
Гырбово, сел-ще 263

Данилова балка, пос-ние 133
Двин, древний город 491
Дегесяй, мог-к 75
Демшин, стоянка 110
Джанбас-кала, стоянка 540, 552, 561
Джангабыл, р., мог-к 576
Джангалинское пос-ние и мог-к 84
Джергетал, ур., курганы 516
Джесосский мог-к 602
Джидинские писаницы 608
Джубан-Ана, мавз., мог-к 576
Дидо, пам-ки в горной обл. 453
Дманиси, древний город 494
Довгиничи, стоянка 110
Долинское пос-ние 408
Донецкое гор-ще 252

Еленовка, с., стоянки и древние выработки 135
Елизаветинское гор-ще и мог-к 426, 438
Елизаветовское гор-ще и мог-к 181
Ермолаевская стоянка 602

Жаксы-Арганаты, горы, погребальные сооружения 576
Жаман-Каргала, мог-к 228
Жана-Журт, аул, мог-к 564
Жигулихинский мог-к 85

Забочка, стоянка 602, 603
Загли-Барзонд, мог-к 446
Зайсанский р-н (Семипалат. обл.), стоянки 561
Замараевское пос-ние и курганы 91, 228
Зарутакетская стоянка 418
Заюково, с., мог-к 425
Зеленовка, дер., пос-ние 86

Ивановка, с., селище 246
Иваньковский мог-к 256
Иволгинское гор-ще 608
Илурат, древний город 175, 176, 177
Ильинская гора, мог-к 602
Ильичевка, хут., гор-ще 469
Ильская стоянка 408
Индеево, стоянка 228
Ирбитское оз., стоянки 223
Ирпуни, древний город — см. Аринберд
Ирьяковское гор-ще 226
Исаково, мог-ки 228
Исетское оз., стоянки 222, 223

Кабодиан — см. Кобадиан
Казань, древний город 325
Калининградская обл., пос-ния 240, 241
Калмацкий брод, стоянка 222
Каменка, р., курганы на берегу 261
Каменное гор-ще 143
Каменномостский мог-к и гор-ще 435
Каменный лог, стоянка 603
Камно, гор-ще 259, 260
Камышенка, с., погребения 602
Канай, аул, стоянка 546
Кантемировское пос-ние и мог-к 246
Карабудахкентский мог-к 417
Караваиха, стоянка и мог-к 115

Карагуджир, ур., курганы 516
Каракольский мог-к 602
Карасукская культура 597, 598, 602, 605
Карасукский мог-к 602
Карасье оз., I, стоянка 222, 223
Карасье оз., II, стоянка 222, 223
Кармир-блур, гор-ще 399, 448, 458, 459, 463
Катандинский мог-к 602
Кашкара, мог-к 228
Кельте-Мейнара, гор-ще 580
Кельтеминарская культура 561, 605
Киев, древний город, 71, 274, 275, 279, 280, 326, 327, 332, 333
Киммерик, древний город 180
Кипельские пос-ния 228
Киргильда, р., мог-ки 91, 228
Кирилловская стоянка 109, 110
Кирпичный лог, стоянка 603
Китайгород I и II, стоянки 109, 110
Китойского типа пам-ки 602
Кишла-Неджимова — см. Оселовка
Клухори, г., мог-к в районе 414
Ключ, пос-ние 228
Ключевая пещера, местонахожд. 103
Кобадиан, древний город 554
Кобаново гор-ще 252
Кобускавеке, селище 263, 385
Кодак, стоянка 110
Кожубердинский мог-к 228
Колачковцы, стоянка 109, 110
Колодяжин, древний город 71, 304
Коломак, р., пам-ки в басс. 246
Коломацкое гор-ще 246
Колпаковское пос-ние 228
Кольский, п/о., стоянки 121
Константиновка, с., курганы 77
Копенский чаатас, мог-к 602, 603
Копенское пос-ние 602, 603
Копчальский мог-к 603
Костенки, стоянки 109, 119, 131, 132
Кошибеевский мог-к 256
Красная глинка, местонахожд. 86
Краснобатарейное гор-ще 426, 470
Краснодарский мог-к 470
Краснотуранское, с., пос-ние 602, 603
Красноярск, г., стоянка 603
Красные камни, мог-к 84
Красный Яр, мог-к 602
Кривинский мог-к 602
Кривинское, с., пос-ние 602, 603
Крооди, стоянка 140
Круглик, стоянка 110
Круглое оз., стоянка 130
Кудыргэ, мог-к 596, 602
Кузьминский мог-к 256
Кукрек, стоянка 118
Кула-Журга, аул, мог-к 564
Куланурхвинский мог-к 464, 465
Кулеваторский мог-к 256
Кунак-баи, мог-к 228
Кунаковых башня, пос-ние 446
Кунда, стоянка 113, 114
Курайский мог-к 602, 626
Курганская, мог-к 228
Курган-тепе, гор-ще 553
Курмайчай, мог-к 75, 244
Курмойла, дер., стоянка 123
Курота, мог-к 602
Курпе-Байский мог-к 84
Курск, древний город 298
Курчум, р., курганы в долине 635
Кустанайские стоянки 561
Куутум, ур., пос-ние 414
Куюмская стоянка 602
Кыз-Арт, перевал, мог-к 516
Кысы-куль, стоянка 561
Кяхтинский аймак, наскальные изображения 632

Лайвяйский мог-к 75
Ламмасмяги, стоянка 140
Ленковцы, с., пос-ние 127
Лескенский курган 408
Линксмучяй, мог-к 75, 239
Липчинская стоянка 222, 228
Лисичники, стоянка 109, 110
Логвиново гор-ще 240, 241
Луговская стоянка 91, 602
Луговской мог-к 91, 602
Лука-Врублевецкая стоянка и пос-ние 107, 109, 110, 258
Лыхавере, гор-ще 249
Лягман, гор-ще 524
Лядинский мог-к 256

Мазанка, дер., местонахожд. 101
Майкопский курган 408
Майэмирская культура 602
Макеевка, с., пос-ние 155
Максимовский мог-к 256
Макча, гор-ще и селище 251
Мало-Кизилский II, мог-к 227
Малые Копены, пос-ние и мог-к 602
Малый Кизыл, р., жертвенное место 227
Малый Полом, мог-к 91
Манхай, горы, писаницы 633
Мархаматское гор-ще 518
Марьяновка I и II, стоянки 110
Мары, р., мог-ки 414
Маян, мог-к 228
Медведь-камень, грот, местонахожд. 103
Медвежьегорская II, стоянка 122
Мезин, стоянка 109, 110
Мерв, древний город 533, 540, 555, 556
Мингечаур, г., археологические пам-ки в районе 400, 401, 403, 407, 416, 442, 443, 487
Минск, древний город 380
Мирмекий, древний город 177, 201
Мицисцихе, холм, стоянка 402
Модлона, р., пос-ния 113, 114, 115
Моздокский мог-к 470
Москва, древний город 71, 288, 290, 302, 305, 320, 337, 351, 352, 354, 355, 356, 357
Мохначское гор-ще 252
Мохов мог-к 602
Мощинский клад 256
Муг, гора, замок на 524
Мунчак-Тепе, гор-ще 524
Муранский мог-к 86
Муранское селище 86
Муромский мог-к 256

Муукси, гор-ще 249
Мцхета, древний город 450, 456
Мысовские стоянки 222, 228

Нальчик, г., мог-к 408
Наусодис, мог-к 75
Неаполь Скифский, гор-ще 145, 150, 668, 692, 694
Нежегольское гор-ще 252
Неженка, мог-к 228
Ненасытецкий порог, мог-к 108
Нестеровский мог-к и пос-ние 470
Нижнеадищевская стоянка 67, 104
Нижнее Веретье, стоянка 113—114
Нижне-Иволгинское год-ще 625
Низкая пашня, пос-ние 228
Нимфей, гор-ще 177, 184, 214
Нининский мог-к 602
Ниса, Старая и Новая, городище 532, 533, 549, 550, 569
Новгород, древний город, 71, 248, 271, 272, 338, 339, 340
Новгород-Северская стоянка 110
Ново-Аккермановка, мог-к 91, 228
Ново-Бурино, мог-к и гор-ще 228
Ново-Лабинское II гор-ще 470
Ново-Никольское, с., стоянка 546
Ново-Покровка, мог-к, 245
Новосвободная стан., курганы 408
Новоселово, с., мог-к 602
Ногай-кале, гор-ще 470
Нукшас, мог-к 96
Нурбакова, мог-к 228

Оглахтинский мог-к 602
Огубское гор-ще 250
Одоевское гор-ще 66, 218, 220, 232
Окунев мог-к 602
Ольвия, древний город 172, 173, 174, 177, 184, 197, 198, 199, 210, 212, 217, 686
Омская стоянка 616
Оракский мог-к 602
Оров-губа, стоянка 122
Орлов-наволок, стоянка 122
Орск, мог-к 135
Орхей, древний город 330
Оселовка, стоянка 109, 110
Отепяа, гор-ще 249
Отрар, археологические пам-ки в районе древнего 512, 515
Ош-Пандо, гор-ще 230, 256, 257
Оятские курганы 336
Оятское оз., стоянка 223

Пазырыкские курганы 602, 629, 685
Палкинские стоянки 222, 223
Пантикапей, древний город 165, 168, 171, 177, 184, 185, 186, 210, 211
Паново гор-ще 66
Пастерское гор-ще 142
Патрэй, гор-ще 196
Пашковские мог-ки 462, 470
Пашня «Мыс», пос-ние 228
Перемчалкинский мог-к 256
б. Переселенческий пункт, стоянка 603
Переславль (Рязанский), древний город 319
Переяслав Хмельницкий, древний город 328
Петропавловск, г., мог-к (близ) 228
Петрушинская стоянка 234
Петуховское гор-ще 147
Печерские выселки, пос-ние 86
Пещеры, дер., стоянка 546
Пеэду, гор-ще 249
Плеховский мог-к 345
Плюсса, р., курганы 261
Погибловский мог-к 256
Погостищенские стоянки 113, 114, 115
Погромное, мог-к 228
Подгай, гор-ще 255
Подкунинский мог-к 602
Пожарная балка, пос-ние 153
Полей погребальных урн культура 89, 90, 235, 246, 258, 263
Поливанов Яр, пос-ние 127, 128
Полуденская стоянка 68
Полтавское пос-ние 246
Полянский мог-к 91
Прохоровские курганы 91
Псков, древний город 71, 311, 374
Псковские курганы 261
Псковское гор-ще 259, 260
Пудоишкис, стоянка 75
Пустая Маркваша, гор-ще 85
Пушкари, стоянки 109, 110
Пушсовхоз, стоянка № 2, 122
Пьяноборская культура 218, 226
Пянджикент, древний город 525, 540, 593, 695
Пятигорск, г., мог-к (близ) 470

Рагинянский мог-к 242
Райковецкое гор-ще 295, 393
Рапоновское гор-ще 218
Рига, древний город 335, 376
Русенихинское гор-ще 66, 218, 220, 232
Рухта, Верхняя и Нижняя, мог-ки 408, 446

Садчиковское пос-ние 225
Саймалы-Таш, ур., наскальные изображения 518
Сакаровка, селище 263, 385
Салбык, ур., мог-к 602
Салтовская культура 247
Салтовское гор-ще 252
Самтаврский мог-к 409, 410, 466, 468
Саратов, древний город 283
Саркел, древний город 267, 268, 269, 270, 300
Сарнатский торфяник, стоянка 117
Свердловск, г. и окрестности (археологич. карты) 70
Свияжск, древний город 389
Свинковское пос-ние 246
Северик, дер., курганы 261
Селище, м., стоянка 115
Семибратнее гор-ще 425, 426, 438, 470
Семипалатинск, г., стоянки в окрестностях 561
Серовского типа пам-ки 602
Серповский мог-к 256
Сизеневское гор-ще 218

Симферопольское пос-ние 146
Синеглазовский мог-к 228
Смолинские мог-ки 228
Совий Бор, курганы 261
Сокол I, стоянка 109, 110
Соколовка, дер., мог-к 516
Соломенский курган 408
Сосновка, мог-ки 228
Спасское гор-ще 218
Средний Кобан, пос-ние 446
Сросткинские курганы 602
Срубная культура 85, 86
Станца Рипицены стоянка 109, 110
Старая Ладога, древний город 71, 254, 306, 358
Старая Рязань, древний город 71, 248, 341, 342, 343
Старица, древний город 293
Старшая могила, курган 148
Старые Безрадичи, гор-ще 359
Старый Мерв — см. Мерв
Степанокертские курганы 449
Сторожевая могила, курган 157, 159
Студеница — Белая гора, стоянка 110
Супоневская стоянка 139
Сурож, древний город 365
Суундук, р., стоянки 135
Сухомесово, мог-к 228
Сходня, р., местонахожд. 102
Сыдинский мог-к 602
Сырский чаатас, мог-к 595
Сямозеро, стоянки на берегу 123

Таватуйское оз., стоянки 223
Тагарская культура 602, 603
Тагарский мог-к 602
Таймырский п-в., находки 322
Так-Языр, древний город 577
Талицкого, стоянка 67
Таллин, древний город 391
Таловское пос-ние 228
Тамань, г., пос-ние (близ) 430, 431
Тамды, мог-к 524
Тамула, стоянка 140
Таналыкское пос-ние 228
Таркинский мог-к 447, 461, 462
Тарновка, пос-ние 86
Тарту, древний город 249
Татарский бор, стоянки 222
Таузский р-н (Аз. ССР), пам-ки 405
Таштыкская культура 602
Таштыкский мог-к 602
Теберда, р., мог-ки и пос-ния в долине 414
Тельманская стоянка — см. Костенки
Тенгинское гор-ще № 1 470
Терекла, р., мог-ки 91
Термез, древний город 540
Тесинская надпись 637
Тесинские мог-ки 602, 603
Тетрамица, холм, коллекция каменных орудий 421
Тешик-Таш, грот, стоянка 542
Темная, пещера, жертвенное место 221
Тира, древний город 216
Тиритака, древний город 177, 188, 201
Томиловский мог-к 228
Томниковский мог-к 256
Тополи, мог-к 245
Топрак-кала, гор-ще 540
Триалети, горн. хребет, археол. пам-ки в районе 412; стоянка в районе 419
Трипольская культура 100, 107, 126, 127, 128, 133, 138, 680
Троицкое гор-ще 218
Туба, р., мог-к 602
Тула, древний город 276
Тунгус, ур., местонахожд. 86
Туп-хона, мог-к 524
Туяхта, с., мог-к 602
Тюхтятский клад 603

Уйбатский чаатас, мог-к 602
Улан-Удэ, г., пос-ние (близ) 610
Умань, г., пос-ние (близ) 158
Ундва, дер., стоянка 140
Ундорский, о., местонахожд. 86
Урал, р., стоянка (выше устья р. Ташлы) 135
Урал-сай, мог-к 228
Урекское пос-ние 402
Урухский курган 408
Усть-Ербинский мог-к 602
Усть-Катавская пещера, местонахожд. 103
Усть-Лабинский мог-к и гор-ще 423, 424, 426, 470
Усть-Собакинская стоянка 602, 603
Усть-Сыдинский мог-к 602
Усть-Тесинский мог-к 602
Утка, р., мог-к 86
Уфимские мог-ки 236
Ухтубужское гор-ще 218
Учкулана, р., мог-к 414

Фаддея о-в, находки 322, 387; каменные орудия 618
Фанагория, древний город 164, 167, 184, 190, 191, 192, 194, 195, 200, 438
Фаскау мог-к 446
Фатьяновская культура 224, 230
Федоровка, мог-к и курганы 228
Феодосийское гор-ще 183, 184,
Ферганский канал — см. Большой Ферганский канал
Фофановский мог-к 608, 610

Ханабад, гор-ще 578
Ханская могила, мог-к 602
Харакс — см. Айтодорское гор-ще
Харкома-хола, ур., курганы 417
Хаченагетские курганы 449
Херсонес, древний город 162, 178, 184, 205, 206, 207, 382
Ходжалинский мог-к 449
Хорезм 528, 540, 689
Хорошевское гор-ще 252
Хрящевка, с., мог-к 86
Хурзук, р., пос-ния и мог-ки 414

Царские могильницы, мог-к 84

Чадобецкая стоянка 622
Черная, с., мог-к 602
Чернигов, древний город 282, 390
Черное оз., стоянка 223

Чернолесское гор-ще 159
Черняки, мог-ки 228
Чесноковская пашня, пос-ние 228
Чиликтинская долина, мог-к 562
Чингиз-Тау, горы, мог-к № 1 и 4 562
Чортово гор-ще 218, 220, 232
Чугуевка, с., крепость 636
Чудаки, гор-ще 227
Чулакские горы, пам-ки 531
Чулатово, стоянки 109, 110
Чурилово II, мог-к 228

Шалаболинская надпись 637
Шалаболинское пос-ние 602, 603
Шангское гор-ще 218
Шап-Наволок, стоянка 123
Шахр-и-минг, гор-ще 524
Шахрисябс, г., гор-ще 553
Шехр-Ислам, древний город 577
Шибинские курганы 602
Шигирская культура 68, 222, 223
Шигирский торфяник 22, 114, 222, 223
Широкая балка, пос-ние 156
Шитовское оз., стоянки на берегу 223
Шишкинские писаницы 627

Щучья, р., стоянки на берегу 617

Эйкотишкис, мог-к 75
Эрши, древний город — см. Мархаматское гор-ще

Юлдыбаевская пещера, местонахожд. 103
Юрюзань, р., местонахожд. в пещерах 103
Юрьевецкое гор-ще 218

Ягал, р., стоянка в устье 140
Ягодное, с., мог-к 86
Ягорбская стоянка 113, 114

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Абрамишвили Т. Я. 472
Авдусин Д. А. 1, 265
Агеева Е. И. 512, 513
Адрианова-Перетц В. Рец.: 323
Аладашвили Н. 473
Алексеева Е. П. 2
Алексеева Н. 668
Алескерзаде А. 474
Алибегашвили Г. В. 475—477
Ализаде Г. М. 398, 478
Алихова А. Е. 235
Алябьева Л. А. 595
Амиранашвили Ш. Я. 3, 479
Андреев М. С. 514
Андреев Н. В. 669
Антонова В. И. 266
Анфимов Н. В. 423—426
Аракелян Б. Н. 4, 399, 427—429, 432
Аранчын Ю. Л. 623
Артамонов М. И. 5, 6, 141, 267—270
Арутюнов Г. Рец.: 406
Арутюнян В. М. 480
Арциховский А. В. 7, 271, 272, 323
Асеев Ю. С. 273, 274
Асланов Г. М. 443
Асратян М. 8
Атакишиева М. И. 400
Афанасьев К. Н. Рец.: 275
Ахмеров Р. Б. 65, 162, 236
Ашурков В. 276

Б. Л. Рец.: 100
Бадер О. Н. 66—69, 101—105, 218
Барнавели С. В. 481, 482
Батаханова А. Рец.: 585
Башмурина Н. И. 277
Белогорцев И. 278
Белослюдов Б. А. 541
Бердзенишвили Н. А. 9
Беридзе В. 11, 483
Бернштам А. Н. 12, 515—518, 547, 565—567, 624, 670. Рец.: 550
Бернштейн С. Б. 639
Берс Е. М. 70
Бершадский Р. 671
Бибиков С. Н. 106, 107
Блаватская Т. В. 163
Блаватский В. Д. 164—169, 430, 431, 640
Блифельд Д. И. 279
Богусевич В. А. 274, 280—282
Бодянский А. В. 108
Болтунова А. И. 170, 171
Бондарь Н. А. 283
Бондарь Н. Н. 172
Борисковский П. И. 109—112. Рец.: 38
Борисов Е. 672
Борковский В. И. Рец.: 272
Брагин Э. 673
Брайчевский М. Ю. 142, 237, 238, 284
Бретаницкий Л. С. 484, 485
Бривкалне Э. 285
Брюсов А. Я. 113—116. Рец.: 618
Брюсова В. Г. 286
Бунак В. В. 13, 14, 542, 641, 642
Бурчак-Абрамович Н. И.— см. Бурчак-Абрамович Н. О.
Бурчак-Абрамович Н. О. 418, 419

Ваидов Р. М. 486, 487
Вактурская Н. Н. Рец.: 519
Ванкина Л. В. 117
Вассар А. К. 219
Векилова Е. А. 118
Видонова Е. С. 289
Виницкая Г. Г. 173, 174
Винников И. Н. 643
Виноградов Н. 290
Вирсаладзе Т. 509
Воеводский М. В. 220
Волкайте-Кулискаускене Р. 239
Володченко З. А. 291
Воронец М. Э. 520, 548
Воронин Н. Н. 15, 71, 292, 293, 297, 323. Рец.: 294—296
Воронина В. Л. 521, 568
Вязигин С. А. 569

Габель В. Ф. 298
Гаврилова А. А. 596
Гайдукевич В. Ф. 175—177
Галеркина О. И. 570
Гаприндашвили Г. М. 488
Гайман В. В. 299
Геннинг В. Ф. 221
Георгиев Б. Рец.: 322
Гзелишвили И. А. 412, 433
Гинзбург В. В. 300, 301, 522
Гиршберг В. Б. 302
Гобеджишвили Г. Ф. 434
Голенко К. В. 178
Головкина В. А. 694
Голубева Л. А. 303
Голубкина Т. И. 401
Голубцова Е. С. 179
Гончаров В. К. 304
Горнунг Б. В. 18
Граков Б. Н. 143
Гракова О. А. 6
Гращенков В. Н. 305
Греков Б. Д. 19
Гриневич К. Э. 435
Грищенко М. Н. 119
Гроздилов Г. П. 306
Громов И. М. 307
Грязнов М. П. 597, 598
Гулин И. Н. 298
Гулямов Я. Г. 523
Гурвич Д. М. 20
Гуревич Ф. Д. 240—242, 308
Гурина Н. Н. 120—123
Гюзальян Л. Т. 644, 645

Давидович Е. А. 571
Давыдова А. В. 625
Данилевский В. В. 309
Даниленко В. Н. 144
Дашевская О. Д. 145, 146
Дебец Г. Ф. 619, 646—649
Демме Н. П. 310
Джапаридзе О. М. 402
Джафарзаде И. М. 420
Джахангиров В. А. 572
Динцес Л. А. 323
Дмитриев П. А. 222—223
Дмитриев Ю. Н. 311, 312
Долгих Б. О. 313
Дульский П. М. 287
Дыков И. Рец.: 74
Дьяков В. Н. Рец.: 184
Дьяконов И. М. 436, 550
Дьяконов М. М. 489, 524, 550, 573. Рец.: 525

Евтюхова Л. А. 599
Егерев В. В. 287
Егоров Н. М. 437
Ершов Н. Н. 543
Ершов С. А. 526
Есипенко А. Л. 147
Ефимова А. М. 224, 314

Жирмунский В. М. 574
Жуков В. Д. 527

Заборский В. И. 315
Замятнин С. Н. 21, 316, 544
Засыпкин Б. Н. 572
Зеест И. Б. 180—183, 438
Зезенкова В. А. 551
Зикеев Г. И. 72
Златковская Т. Д. 651
Зограф А. Н. 184
Зубков А. И. 317
Зубков В. И. 318

Иванов П. 23
Иванова А. П. 185, 186
Иваньев Л. Н. 636
Иессен А. А. 439
Измайлова Т. А. Рец.: 490
Ильин М. А. 319, 320
Ильинская В. А. 148, 149
Ионе Г. И. 403
Ионова О. В. 600
Ипатенко П. Рец.: 74
Исаков М. И. 404
Исмизаде О. Ш. 405
Исраелян М. 440, 441
Итина М. А. 552

Кабанов С. К. 553
Казиев С. М. 407, 442, 443
Калинин Н. 325
Капанадзе Д. Г. 187
Капошина С. И. 177
Карасев А. Н. 150
Карачаровский В. В. 124
Каргер М. К. 323, 326—328
Карпович Е. Ф. 329
Кастанаян Е. Г. 188
Каухчишвили Т. С. 444
Кафадарян К. 491
Кацнельсон И. С. Рец.: 445
Керимзаде С. 492
Киладзе Н. З. 421
Киселев С. В. 24, 25, 54, 55, 602, 603. Рец.: 604
Кнышев — см. Кушнер П. И.
Кобылина М. М. 189—193
Кобычев В. П. 330
Колобова К. М. 652
Колпаков А. П. 554
Колчин Б. А. 331, 349
Кондукторова Т. С. 125
Константинов Н. А. 151
Копылов Ф. Б. 332
Корзухина Г. Ф. 333
Косинский М. Ф. 334
Кравец В. П. 126
Крачковская В. А. 493, 494
Крачковский И. Ю. 653
Кривцова-Гракова О. А. 225
Кропоткин В. В. Рец.: 63
Кругликова И. Т. 194. Рец.: 57
Круминь А. 335
Крупнов Е. И. 408, 446, 447. Рец.: 409, 448
Крушкол Ю. С. 195, 196. Рец.: 654
Кузнецов А. В. 655
Кузьмин Ф. Ф. Рец.: 272

Куликаускас П. З. 75, 244
Курдиани З. 483
Кусикьян И. Рец.: 406
Кухаренко Ю. В. 245
Кушнарева К. Х. 449
Кушнер П. И. (Кнышев) 76
Кызласов Л. Р. 576, 626. Рец.: 12

Лавров Л. И. 495
Лазарев В. Н. 656
Леви Е. И. 197, 198
Левин М. Г. 26, 528, 605, 657
Левченко М. В. 658
Леммлейн Г. Г. 410
Либеров П. Д. 77, 152
Лившиц В. А. 550
Линевский А. 336
Лисицина Н. К. 56
Литвинский Б. А. 577
Ломтатидзе Г. А. 411, 412, 450
Лосева И. М. 659
Лурье И. М. 660
Люблинский В. С. Рец.: 366
Ляпунов Б. 674, 675
Ляпунова К. 661
Ляпушкин И. И. 153, 246

Макалатия С. И. 451
Максимов Е. В. Рец.: 393
Максимова А. Г. 541
Максимова М. И. 154
Манандян Я. А. 452
Мандельштам А. М. 529
Маргулан А. Х. 530
Мариковский П. И. 531
Мартынов Н. Рец.: 602
Мартынов П. А. 337—339
Массон В. М. 578—580
Массон М. Е. 532, 533, 550, 555—558, 581
Матье М. Э. 661
Мацулевич Л. А. 658
Мегрелидзе И. В. 453
Медведев А. Ф. 340
Мелащенко М. Д. 199
Меликишвили Г. А. 454, 455, 676
Мендикулов М. М. 582
Мерперт Н. Я. 86, 200, 247. Рец.: 12, 63
Минаева Т. М. 413, 414
Минорский А. И. 606
Михайлова А. И. 583
Монгайт А. Л. 25, 27, 28, 248, 341—343, 677. Рец.: 29, 57, 323
Моора Х. А. 249
Москаленко А. Н. Рец.: 78
Мошинская В. И. 616
Муртазин Р. М. 287
Мушегян Е. Я. 496
Мышко Д. И. Рец.: 74

Н. А. 415
Недошивин Г. А. 658
Нейхарт А. А. 201
Никитин А. В. 344
Николаев К. Рец.: 683
Николаев С. 607
Никольская Т. Н. 58, 250
Никольский В. К. 30, 678
Нуров Г. Г. Рец.: 584, 585

Оболдуева Т. Г. 535
Оборин В. В. 345
Оганесян К. Л. 457, 497
Окладников А. П. 346—348, 608—612, 620, 627, 679. Рец.: 662

Павлов В. В. 663
Падин В. А. 251
Паничкина М. З. 422
Панченко Е. В. 349
Пассек Т. С. 34, 127, 128, 680
Патрушева Е. А. 536
Пахомов Е. А. 37, 416
Петров В. А. 350
Петровых Ф. И. 226
Пидопличко И. Г. 129
Пинхенсон Д. М. 348
Пиотровский Б. Б. 458, 459, 681
Пиотровский В. В. 130
Плисецкий М. С. 682
Подольский Р. 351
Покровская Е. Ф. 155
Померанцев Н. 352
Порфиридов Н. Г. 353
Прибыткова А. М. 586
Пугаченкова Г. А. 559, 560, 587
Пузис Г. Б. Рец.: 664

Рабинович М. Г. 354—357, 684
Рабичкин Б. М. 156
Равдоникас В. И. 358
Раппопорт П. А. 359
Рафиков А. Х. Рец.: 12
Рикман Э. А. 360
Рогачев А. Н. 131, 132
Рогинский Я. Я. 41
Родин А. Рец.: 80
Розанова Н. П. 202—204
Розенфельд А. З. 588
Розенфельдт Р. Л. 361
Романов Б. А. 323
Руденко С. И. 362, 628, 629, 685
Рчеулишвили Л. 483, 498
Рыбаков Б. А. 42, 81, 252, 323, 363, 364
Рыгдылон Э. Р. 613, 621, 630, 637
Рюмин А. К. 622

Саламзаде А. В. 485, 499
Сальников К. В. 227—229
Сафаргалиев М. Г. 82, 83
Сафарян С. А. 480
Секиринский С. А. 365
Семенов А. А. 589, 665
Семенов Л. П. 460, 500
Сенигова Т. Н. 537, 545
Сидоров А. А. 366
Синицын И. В. 84
Скалон В. Н. 631
Скворцов А. В. 367
Славин Л. М. 686
Смирнов А. П. 85, 86, 253, 287, 368, 369. Рец.: 323
Смирнов К. Ф. 417, 461, 462, 501

Смирнов Н. Рец.: 406
Смирнова О. И. 590
Соловьев М. Рец.: 683
Соловьева Н. 687
Соломоник Э. И. 87
Сорокин В. С. 44, 463
Спасский И. Г. 370—373
Спегальский Ю. П. 374
Спришевский В. И. 591
Станкевич Я. В. 88, 254, 255, 362, 375
Степанов П. Д. 230, 256, 257
Степанов Н. Н. Рец.: 601
Стешин И. Н. 283
Стратанович Г. Г. 638
Страуберг Я. 376
Стрежелецкий С. Ф. 205—207
Струве В. В. Рец.: 208
Суворов Е. К. 377
Сургай В. Т. 538
Сымановіч Э. А. 133, 258
Сычев Н. П. 378

Т. Г. 614
Талицкий М. В. 379
Тараканова С. А. 259—261
Тарасенко В. Р. 262, 380
Тарков П. Н. Рец.: 688
Тереножкин А. И. 157—159, 539. Рец.: 161
Тихомиров М. Рец.: 323
Ткаченко Н. М. Рец.: 74
Ткешелашвили Г. И. 502
Токарев С. А. 642. Рец.: 615
Толстов С. П. 689
Толстой И. И. 209
Томаев Г. Н. 592
Травин Н. Д. 381
Траш М. М. 464, 465
Третьяков П. Н. 45, 89, 90, 323, 690
Троицкая Т. Н. 160
Трофимова Т. А. 91, 649
Трубникова Н. В. 92, 231
Тугутов Р. Ф. 632

Угрелидзе Н. Н. 466
Удальцов А. Д. 46
Удальцова З. В. 658. Рец.: 12, 382
Усейнов М. А. 503
Устюгов Н. В. Рец.: 74

Фабрициус И. В. 93, 161
Фармаковский М. В. 383, 384
Федоров Г. Б. 47, 263, 385, 386
Фенин А. В. 264
Фоканов В. А. 387
Фоменко В. П. 487
Формозов А. А. 135, 561. Рец.: 691
Формозов А. Н. 232

Халиков А. Х. 94
Халпахчьян Л. Х. 504
Харко Л. П. Рец.: 184
Хисамутдинов Г. 395
Хованская О. С. 388, 389
Ходжаш С. И. 210, 666
Холостенко Н. 390
Хороших П. П. 631, 633
Хоштария Н. В. 467

Цветаева Г. А. 61, 62, 211
Цинцадзе В. 505
Цицишвили И. Н. 450, 506, 507

Чебоксаров Н. Н. 48, 649, 657
Чернецов В. Н. 95, 616
Черников С. С. 546, 562—564
Чернов Г. А. 136, 137, 233, 234, 617
Черныш Е. К. 138
Чубинашвили Г. Н. 508, 509
Чубинишвили Т. Н. 468

Шаскольский И. А. 391
Шафрановская Н. В. 212
Шедлинг Ф. М. 392
Шелов Д. Б. 213—215, 469
Шилов В. П. 470, 471, 625
Шмерлинг Р. 510
Шноре Э. 96
Шовкопляс И. Г. 97, 98, 139. Рец.: 393
Штаерман Е. М. 216
Штамбок А. 692
Штительман Ф. М. 217
Шульц П. Н. 693, 694
Шульц Ю. 667

Щепинский А. А. 99
Щерба Г. Н. 634, 635

Юсупов Г. В. 50, 394, 395

Якимов В. П. 51
Якобсон А. Л. 396. Рец.: 511
Якубовский А. Ю. 540, 593, 695
Якунина Л. И. 397
Янитс Л. Ю. 140
Яралов Ю. Рец.: 594
Япунский В. К. Рец.: 74

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К Т. XIX «СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»[1]

АЛЮР — Археологическая летопись южной России
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ВЛУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж, отдел истории первобытной культуры
ГЦИМЛ — Государственный центральный исторический музей Латвийской ССР
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗВО — Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского Археологического общества
ИА — Институт археологии Академии Наук УССР
ИАК — Известия археологической комиссии
ИАН СССР, ОГН — Известия Академии Наук СССР, Отделение гуманитарных наук
ИГАИМК — Известия ГАИМК
ИИ — Институт истории Академии Наук Эстонской ССР
ИИИ — Институт истории искусств
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
ИОИФ — Известия Отделения истории и философии Академии Наук СССР
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук СССР
КСИА — Краткие сообщения ИА
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАР — Материалы по археологии России
Материалы КЭИ — Материалы Комиссии Экспедиционных исследований
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
СГАИМК — Сообщения ГАИМК
СЭ — Советская этнография
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция
ТОВЭ — Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТГИМ — Труды ГИМ
ТОИПК — Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТФАН — Туркменский филиал Академии Наук СССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
AA — Archaeologischer Anzeiger

[1] Сокращения к библиографическому указателю см. на стр. 390—391.

AA — Acta Archaeologica
Aarb No — Aarbger for Nordisk Oldkundighed og Historie
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
IG — Inscriptiones Graecarum
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
KBM — Das Kudatku Bilik
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
MSOS — Mitteilungen des Seminars für orientalistische Sprachen
RAA — Revue des Arts Asiatiques
RK — Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga, 1896
RK 1930 — Katalog der Ausstellung zur Konferenz baltischer Archäologen in Riga, 1930
SMYU — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и доклады

П. П. Ефименко и И. Г. Шовкопляс (Киев). Археологические открытия на Украине за последние годы . . 5
Н. Н. Воронин (Москва). Архитектурный памятник как исторический источник (Заметки к постановке вопроса) 41
С. А. Тараканова (Москва). Длинные и удлиненные курганы . 77
Ю. В. Кухаренко (Москва). К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (По данным погребального обряда) . . 111
М. М. Дьяконов (Ленинград). Сложение классового общества в Северной Бактрии 121
Б. Б. Пиотровский (Ленинград). Скифы и древний Восток (Доклад на Конференции по скифо-сарматской археологии) 141
Л. И. Янитс (Тарту). Новые данные по неолиту Прибалтики 159

Материалы и сообщения

А. П. Окладников (Ленинград). Оленный камень с реки Иволги 207
М. И. Максимова (Ленинград). Надгробие из Херсонеса . 221
В. Д. Блаватский (Москва). О херсонесском термине ΣΑΣΤΗΡ . 231
С. П. Толстов (Москва). Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии Наук СССР в 1951 году 239
М. И. Артамонов (Ленинград). Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища . . 263
А. М. Щербак (Ленинград). Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону . . 269
В. Л. Янин (Москва). Печати наместников новоторжских 283
Памяти А. Ю. Якубовского 293

Критические статьи и рецензии

Обсуждение книги А. Я. Брюсова «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» 311
Д. С. Лихачев (Ленинград). А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1951 г.) М., 1953 318
Л. Р. Кызласов и К. Ф. Смирнов (Москва). С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.— Л., 1952 328
А. С. Амальрик и А. Л. Монгайт (Москва). И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (По данным, собранным М. В. Талицким). М., 1952. 336
А. Н. Москаленко (Воронеж). А. Ф. Шоков. Скифы на среднем Дону. Воронеж, 1952. 344

Приложение

Н. А. Винберг и Т. Н. Заднепровская (Ленинград). Советская археологическая литература за 1951 год . . . 351
Перечень сокращений к списку «Советской археологической литературы за 1951 г.» 390
Указатели археологических памятников и авторов, упоминаемых в археологической литературе за 1951 год . . 392
Список сокращений к т. XIX «Советской археологии» 401

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР

Редактор издательства *Л. Р. Кызласов*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *Е. И. Чукина*

РИСО АН СССР № 55-70В. Т-01686. Издат. № 198.
Тип. заказ № 1879. Подп. к печ. 30/IV 1954 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 12,63+3 вклейки.
Печ. л. 34,40+3 вклейки.
Уч.-издат. л. 34,8+0,6. Тираж 2500.
Цена по прейскуранту 1952 г. 22 р. 90 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
9	15 сн. 8 сн.	В. Н. Даниленко	В. М. Даниленко
18	2 сн.	глинистый	глиняный
27	3 сн.	М. Ф. Штительман	Ф. М. Штительман
39	1 сн.	Пероярславі	Переяславі
98	17 сн.	смещение	смешение
200	Подпись к рисунку	Рис. 24	Рис. 24. Роговое изделие ИИ 3659:4. $^{2}/_{3}$ нат. вел.
218	23 сн.	п инвентаре	в инвентаре
232	16 св.	упоминанием	упоминаемый
304	23 св.	братьев в	братьев и
325	21 св.	принадлежит	принадлежат